

A close-up, monochromatic portrait of a woman with dark hair, looking directly at the camera with a neutral expression. The image is tinted in shades of blue and grey.

*“Посмотрим,
кто кого
переупрямит...”*

Надежда Яковлевна Мандельштам
в письмах, воспоминаниях,
свидетельствах

ШЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

*“Посмотрим,
кто кого переупрямит...”*

Надежда Яковлевна
Мандельштам
в письмах, воспоминаниях,
свидетельствах

.....И. Мангильван

*“Посмотрим,
кто кого
переупрямит...”*

Надежда Яковлевна

Мандельштам

в письмах, воспоминаниях,

свидетельствах

Издательство АСТ

Москва

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6
П62

МАНДЕЛЬШТАМОВСКОЕ ОБЩЕСТВО
МАНДЕЛЬШТАМОВСКИЙ ЦЕНТР при Школе филологии Национального
исследовательского университета “Высшая школа экономики”

Составитель и автор идеи ПАВЕЛ НЕРЛЕР

Под общей редакцией Елены ШУБИНОЙ

Научный редактор СЕРГЕЙ ВАСИЛЕНКО

Художник АНДРЕЙ БОНДАРЕНКО

В книгу вошли письма и фотоматериалы из фондов
Мандельштамовского общества, Отдела рукописей и редких книг
Файерстоунской библиотеки Принстонского университета, РГАЛИ, ГЛМ,
Музея Анны Ахматовой (г. Санкт-Петербург), Центрального архива ФСБ РФ,
Исторического архива Исследовательского центра Восточной Европы (г. Бремен)

Благодарим всех авторов и наследников, кто предоставил фотографии
из личных архивов, за возможность опубликовать их в книге

П62 “Посмотрим, кто кого переупрямит...”: Надежда Яковлевна Мандельштам
в письмах, воспоминаниях, свидетельствах / сост. П. М. Нерлер. —
Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 733, [3] с. —
(Вокруг Осипа Мандельштама).

ISBN 978-5-17-093737-0

Надежда Яковлевна Мандельштам (1899–1980) — вдова поэта Осипа
Мандельштама, писатель, автор знаменитых на весь мир мемуаров, без
которых сейчас невозможно говорить о России XX века, о сталинском времени.
Судьба послала ей одно испытание за другим: арест мужа, ссылка, его смерть
в лагере, бездомность, война, судьба стопятницы, бесконечные кочевые годы...
И через все беды — отчаянные попытки спасти архив поэта, спасти СТИХИ,
донести их до читателя. И ей это удалось.
Книга составлена из переписки Н. Я., воспоминаний о ней, свидетельств,
архивных находок. И все вместе — попытка портрета удивительной личности,
женщины, которой удалось “переупрямить время”.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6

© Авторы
© П. М. Нерлер
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

.....

.....

7 От составителя

10 *Павел Нерлер. Н.Я. Мандельштам в зеркалах этой книги*

---

25 **I. ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ — НАДЕЖДЕ ХАЗИНОЙ
И НАДЕЖДЕ МАНДЕЛЬШТАМ: СТИХИ**

---

41 **II. НАДЕЖДА ХАЗИНА И НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ —
ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ: ПИСЬМА**

---

55 **III. НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ И О НАДЕЖДЕ
МАНДЕЛЬШТАМ: ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ. ОЧЕРКИ.
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ**

.....

55 ВМЕСТЕ: ГОДЫ С ОСИПОМ МАНДЕЛЬШТАМОМ

.....

84 КОЧЕВЫЕ СОРОКОВЫЕ И ПЯТИДЕСЯТЫЕ

.....

194 КОЧЕВЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

.....

348 ОСЕДЛЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

.....

557   **ОСЕДЛЫЕ СЕМИДЕСЯТЫЕ**

.....

642   **ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ, СМЕРТЬ, ПОХОРОНЫ**

---

677   IV. НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ: ПОПЫТКИ ОСМЫСЛЕНИЯ

700   Труды и дни Н. Я. Мандельштам

714   *Список сокращений*

715   *Список цитированных источников*

716   *Именной указатель*

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

.....

---

31 октября 2014 года исполнилось 115 лет со дня рождения Надежды Яковлевны Мандельштам. К этой дате в екатеринбургском издательстве “Гонзо” вышло новое двухтомное собрание сочинений, в которое входят практически все ее мемуарные и литературоведческие произведения (редакторы-составители: С. В. Василенко, П. М. Нерлер и Ю. Л. Фрейдин).

Настоящий сборник, названный нами “«Посмотрим, кого переупрямит...»: Надежда Яковлевна Мандельштам в письмах, воспоминаниях, свидетельствах”, до известной степени продолжает линию сборника “Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников”, составленного О. С. и М. В. Фигурновыми и выпущенного в 2002 году издательством “Наталис”. Ядром той книги являлись стенограммы замечательных дувакинских аудиоинтервью об О. Э. и Н. Я. Мандельштамах (называть их воспоминаниями, как это делают составители, всё же неточно); их корпусу предшествует вступительная заметка, а за ним следует небольшая подборка писем Н. Я. и документов к ее биографии (по всей книге разбросаны избранные стихотворения О. Мандельштама и других поэтов).

Основными отличиями нашего тома являются сосредоточенность именно на Надежде Яковлевне (о чем говорит и подзаголовок), большее жанровое разнообразие и сложная архитектоника книги.

Составительская концепция несколько раз менялась по ходу работы. Поначалу казалось, что удастся задать и выдержать

именно жанровую структуру: воспоминания — публикации (эпистолярные и документальные) — переписка. Вскоре, однако, начался “бунт на корабле”: жанры стали цепляться друг за друга и друг с другом слипаться, особенно мемуары с письмами одного и того же лица. Авторские тексты Н.Я. Мандельштам тоже “требовали” себе адекватного сопровождения или окружения. Некоторые материалы буквально просились в своеобразные “циклы”, со своей уже внутренней структуризацией, и в нескольких случаях такие циклы действительно сложились.

В итоге книга устроилась следующим образом.

Помимо вступительной статьи, иллюстраций и стандартного аппарата, в ней четыре неравновесных, но архитектурно сбалансированных разделов. Открывают ее стихи Осипа Мандельштама, посвященные или обращенные к Надежде. Встречный порыв — он же второй раздел, — письма уже Надежды Мандельштам, обращенные к Осипу.

В третий — самый обширный — раздел вошли те самые материалы или циклы, о которых было сказано выше. Это смесь из текстов самой Надежды Мандельштам (ее письма и аудиointервью) и текстов о ней самой (воспоминания, письма, документы). В особый подраздел вынесен 1980 год — последний год жизни Н.Я., вобравший в себя ее смерть, а с захватом 2 января 1981 года — и похороны.

В четвертый раздел книги — “Надежда Мандельштам: попытки осмысления” — вошли короткие эссе Д. Быкова, М. Чудаковой и А. Битова¹ и статья Д. Нечипорука: всё это тексты, дающие синтетическую характеристику и интегральную оценку личности и творчества Н.Я. Следует подчеркнуть уникальность большинства публикуемых материалов — доля републикаций в сборнике невелика, и охватывают они малодоступные или основательно переработанные источники.

В различных переписках, мемуарах и других материалах сборника сплошь и рядом встречаются имена одних и тех же близких Н.Я. людей, очень часто она называет их в уменьшительной форме. Во избежание дублирования при комментировании такого рода имена (в том числе и уменьшительные) вынесены в именную указатель.

Орфография и пунктуация текстов писем даются по современным нормам.

Все тексты О. Мандельштама, кроме особо оговоренных случаев, печатаются по изданию: Мандельштам О.Э. Собрание сочинений: в 4 т. М., 1993–1997, т. I–IV. Воспоминания и другие рабо-
.....

1 Первые два — это выступления на вечере памяти Н.Я. в ЦДЛ 31 октября 2014 г., а третье — фрагмент из радиопередачи.

ты Н. Мандельштам приводятся по изданию: Мандельштам Н. Я. Собрание сочинений: в 2 т. Екатеринбург, 2014.

Список сокращений наиболее часто цитируемых авторов и произведений дан в конце книги.

Составитель сердечно благодарит Г. Суперфина и М. Клас-сен, С. Василенко, Р. Тименчика, Ю. Фрейдина, М. Вахтеля, Е. Сергееву, Л. Кациса и П. Меня за усилия и рекомендации, позволившие пополнить сборник новыми участниками и ценными материалами. Велик вклад Л. Брусиловской и А. Мироновой, до февраля 2014 года деятельных сотрудников Мандельштамовского общества, через которых прошла часть технической работы по подготовке сборника.

Большое спасибо и всем тем, кто оказал книге в целом иную помощь на разных этапах ее подготовки. Это К. Азадовский, В. Белкин, К. и Ж. Брауны, Е. Дмитриева, А. Дунаевский, А. Карельская, Р. Либеров, В. Литвинов, Т. Мельникова, Ю. Морозова, Д. Нечипорук, Т. Нешумова, В. Перельмутер.

В книге использованы письма, документы и материалы из Мандельштамовского общества (Москва); ГЛМ, Музея Анны Ахматовой (Санкт-Петербург), РГАЛИ, Отдела рукописей и редких книг Файерстоунской библиотеки Принстонского университета и Центрального архива ФСБ РФ, частных собраний Н. Аренс, Ж. Браун, К. Верхейла, Е. Дмитриевой, Е. Захаровой, С. Богатыревой, М. Кальницкого, А. Карельской, А. Ласкина, Ю. Морозовой, Г. Пинхасова, Н. Рожанской, Ф. Рожанского, С. Соловьева, В. Шкловской-Корди, Д. Файнберга и Ю. Фрейдина. Подбор иллюстративного материала — П. Нерлера и А. Наумова, составление и композиция вкладок — А. Бондаренко.

И, наконец, слова признательности Е. Шубиной, в живом диалоге с которой эта книга приобретала свой формат и форму.

.....

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ В ЗЕРКАЛАХ ЭТОЙ КНИГИ

.....

Мое личное знакомство с Надеждой Яковлевной Мандельштам было недолгим, но ярким. Познакомил нас зимой 1977 года на своем концерте в Гнесинском училище мой друг, пианист Алексей Любимов. Пришла на концерт и Надежда Яковлевна, ценительница Алешиных репертуарной широты и исполнительского мастерства (а их, в свою очередь, познакомил Валентин Сильвестров).

Стояла зима, и Н.Я. с трудом натягивала высокие зимние сапоги, не позволяя сопровождавшему ее лицу (кажется, это был фотограф Гарик Пинхасов) себе помогать. Я же как раз только что закончил статью о композиции “Путешествия в Армению”, где сравнил эту прозу с фугой. Надежда Яковлевна в присутствии Любимова царственно и благосклонно выслушала меня и назначила день и час, когда я могу занести ей свою работу.

В точности в назначенный час я, волнуясь, позвонил в ее дверь. Она открыла сама и почти без промедления, как если бы ждала моего прихода. В глубине крохотной квартиры, точнее, на кухне сидели какие-то люди и разговаривали друг с другом, даже не посмотрев в нашу сторону. Не пригласив пройти, Н.Я. взяла у меня из рук коричневый крафтовый конверт со статьей и, улыбувшись, произнесла незабываемые слова: “Павел, мы тут все свои, так что до свиданья! Позвоните через неделю”.

Я позвонил и был приглашен (статья понравилась), и с той поры начались мои всё учащавшиеся хождения на Большую Черемушкинскую улицу, благо мы жили друг от друга всего в одной оста-

новке метро. Несколько раз она звонила сама и произносила примерно следующее: “Павел, я очень старая. У меня нет хлеба”.

Это вовсе не означало голую утилитарность, как и ее фраза “так что до свиданья” вовсе не была оскорбительной. Она означала скорее следующее: “Дайте я почитаю, что вы там понаписали про О. Э., а там посмотрим, приглашать мне вас в дом или не приглашать”.

А звонок и слова про хлеб означали примерно вот что: “Я сегодня вечером свободна. Заходите, но захватите с собой хлеб и что-нибудь к чаю”.

И я тотчас срывался к ней, благо булочные тогда работали, если не изменяет память, до десяти.

Итак, первый раздел составляют стихи Осипа Мандельштама, посвященные или обращенные к Наде Хазиной или Надежде Мандельштам. Эта подборка охватывает практически весь период их знакомства и совместной жизни — с 1919 по 1937 год — и являет собой своего рода поэтический цикл, который, сугубо условно, назовем “Надины стихи”. Здесь тоже есть свои этапы и своя эволюция — и свой сюжет!

Первомайская 1919 года “Черепаха” — это самый настоящий тетеревиный ток, беззаботное любовное вожделение и просто-волосое брачное торжество, чью упоительную медовую суть не затмить никакому лирнику и не остудить никакому “высокому холодку”. Всё, что не это, — прочь!

Но “всё, что не это” можно прогонять, но нельзя прогнать. Спустя год Эпир и те острова, “где не едят надломленного хлеба”, уже далеко позади. В самый разгар затянувшейся разлуки со своей суженой, на самом пике тоски по ней тридцатилетний Осип вдруг ощутил их отношения — смесь любовнических и братско-сестринских — как своего рода “инцест”, таящий целый ворох явных и неявных угроз. Среди семантических слоев “Черепахи” есть и буквальный: поэт, вынужденно крестившийся в двадцать лет под административным гнетом российского антисемитизма, предупреждает свою невесту — еврейку из семьи кантонистов, крещенную с рождения, о том, что ей еще предстоит, — полюбить иудея, исчезнуть и раствориться в нем и, пока он жив, забыть про всё остальное.

И годом позже, когда растворение фактически уже произошло, перспектива не меняется: только Мандельштам вдруг ощутил и воспел всю натруженность, всю усталость и всю ответственность того, в ком “исчезает” его Лия-Европа, как и самопожертвование той, что в нем исчезает (и не помеха, что образы, которые для этого используются, в основном античные: Илион, Елена, Европа, Зевс).

В том же 1922-м “холодок” — не тот ли самый “холодок высокий”? — вдруг скользнул по темени рано начинающего лысеть

поэта, открыв собой целый фестиваль признаков уходящей молодости. И задолго до Дантовых подошв мерою времени и своего рода квантом старения впервые у Мандельштама всплывает обувь — сносившийся и скосившийся каблук жены!

Тифлисское стихотворение 1930 года — бесспорно кульминационное в “Надиных стихах” Мандельштама. Обращение к жене здесь исключительно в мужском роде — “товарищ большеротый мой”, “щелкунчик, дружок, дурак”: это знак новой, неслыханной близости и как бы отождествляющего единства. Отныне у них общие не только табак, стол и ложе, но и судьба: выбор сделан, и никакой “ореховый пирог” уже не в силах его отменить. Оторвать Осипа и Надежду друг от друга уже никому не дано, разве что ОГПУ с НКВД (так оно и случилось дважды — в мае 34-го и в мае 38-го).

Поэтому в дальнейшем, обращаясь к жене, О. М. обходится и вовсе без ненужных атрибутов, ограничиваясь скупыми “ты” или “мы”, словно вытекающими друг из друга. Оттого-то в словах “Мы с тобой на кухне посидим...” и “Я скажу тебе с последней прямотой...” столько отчаяния и изгойства, что в одном только “мы” еще и видишь последнее спасение, точнее, надежду на него.

И если местоимению “мы” в стихах еще вольно представлять не только О. М. с Н. Я., но и других и даже всех (“Мы живем, под собою не чуя страны...”), то “ты” уже прочно закрепляется преимущественно за Н. Я. Не монопольно, разумеется, но аналогичные обращения к самому себе, щеглу или к виртуальным Батюшкову, Державину, Некрасову, Андрею Белому, Ольге Ваксель или Рембрандту явно не в счет. И даже подлинные исключения из этого правила — Мария Петровых, Галина Баринаова, Еликонида (Лиля) Попова да еще Москва с Воронежем (тем, что “ворон, нож”), — все они одноразовы.

Попытки раствориться — или обрести себя? — в столичной толпе, спрятаться за “извозчичью спину” или повиснуть “трамвайной вишенкой” на поручнях “курвы-Москвы” обречены, но знаменательно, что попытки эти не одиночные, а парные — попытки вдвоем (“Мы с тобою поедем на «А» и на «Б»...”). Даже в страшном карабахском полубреду, на пиру со смертью, сидя за спиной уже не московского ваньки, а шушинского оспенного фэзтонщика (он же чумный председатель), спасение обреталось лишь в сцепленных и сжатых ладонях и в сразу же заявленном “мы”: тут уже не до риска сказать другому “ты как хочешь”!

В московских белых стихах феноменальны именно переходы между “ты” и “мы”. Сначала — “Ты скажешь — где-то там на полигоне / Два клоуна засели — Бим и Бом...”, потом — “Мы умрем как пехотинцы, / Но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи”, и сразу вослед: “Есть у нас паутинка шотландского старого пледа. / Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я умру...”.

Преобладающим в “Надиных стихах” является именно второе лицо — “ты” и его производные. Но изредка встречаем в них Н. Я. и в третьем лице. Например, в “Каме” (“А со мною жена пять ночей не спала, / Пять ночей не спала, трех конвойных везла...”), в “Нищенке” (“Еще не умер ты, еще ты не один, / Покуда с нищенкой-подругой”) или в “Киеве” (“Как по улицам Киева-Вия / Ищет мужа не знаю чья жинка...”). Еще реже встречаются стихи внеличные — без обращений или описаний (та же “Черепаха” или “На меня нацелились груша да черемуха...”).

Б. Кузин однажды больно ранил Н. Я., отказав ей в признании монополии на общее горе. Защищаясь, Н. Я. воскликнула, что она всё же единственная вдова и что “и за нищенку, и за тень я заплатила кровью”¹.

Завершающими в цикле — не хронологически, а сюжетно — являются два стихотворения начала 1937 года — “О, как же я хочу...” (из условной третьей “Воронежской тетради”) и “Твой зрачок в небесной корке...” (из второй).

Первое из них — о зажженном поэтом световом луче, загорающемся от творческой энергии и сулящем счастье, о луче, которому он готов вручить и доверить свою любимую, — невольно заставляет вспомнить о финале “Мастера и Маргариты” и даже задуматься, а не “читал” ли Мандельштам, полгода проживший с Булгаковым в одном подъезде, соседский роман?² “И ты в кругу лучись, — наказывает Мандельштам Н. Я. — ...И у звезды учись / Тому, что значит свет”.

Второе — об уже побывавшем на небе зрачке, “обращенном вдаль и ниц”. Да ведь это не что иное, как благословение и программа для всей будущей жизни Надежды Яковлевны — жизни после Осипа Эмильевича! Жизни без него, вместо него и ради него!

Будет он обожествленный
Долго жить в родной стране —
Омут ока удивленный, —
Кинь его вдогонку мне.

Для этого и за это ей, “полюбившей иудея” и без звука “исчезнувшей в нем”, будет и разрешено, и дано снова стать самой собой и счастливо исполнить — “на мимолетные века” — земное свое предназначение.

.....

1 Письмо Б. Кузину от 8 июля 1939 г. (Кузин. С. 593).

2 Возникает и другой вопрос: а не читал ли его и Сталин, всё пристававший к Пастернаку с вопросом: а не Мастер ли, часом, этот Мандельштам?

Предназначение это заключалось в спасении, сбережении и доведении до читателя стихов Мандельштама. Всё это ей удалось, но было это истинным подвигом, и совершался он Надеждой Яковлевной двояко — фиксацией в собственной памяти и заботой об архиве поэта.

Каждый из способов имел свои “узкие места”, каждый был чреват потерями и неизбежно сопряжен с ними. Письма Осипа Мандельштама жене (82 письма!) шли в его архиве наравне с творческими рукописями, и заслуга их спасения принадлежит “Ясной Наташе” — Наталье Евгеньевне Штемпель, у которой они хранились: собираясь в эвакуацию, она уложила их в жестяную коробку из-под чая и вынесла из Воронежа буквально под немецкими снарядами. Письма же О. Э. к себе самой она не взяла, и они погибли. Почти та же участь и у писем Надежды Яковлевны к мужу: их подавляющее большинство было оставлено и погибло в Калинин, откуда бежала от немцев уже сама Н. Я. со своей старушкой мамой¹.

Поэтому письма и телеграммы Н. Я. к О. Э. — раритет из раритетов. Все те из них, о которых мы хоть что-то знаем, собраны во втором разделе этой книги. Таковых набралось пока лишь двенадцать, хотя надежда на обнаружение еще нескольких писем воронежского периода основательна.

Первые четыре письма — из Киева, от сентября-октября 1919 года. В них, да еще в известном письме² самого О. М. из Феодосии в Киев от 5/18 декабря того же года — драма влюбленных людей, разлученных вихрями Гражданской войны, истово рвущихся

.....

- 1 Н. Я. писала Кузину 9 мая 1939 г. (*Кузин*. С. 588), что все свои письма к О. М. уже уничтожила (впрочем, часть писем — пусть и небольшая — всё же сохранилась в АМ).
- 2 Вот из него цитата: “Молю Бога, чтобы ты услышала, что я скажу: детка моя, я без тебя не могу и не хочу, ты вся моя радость, ты родная моя, это для меня просто, как божий день. Ты мне сделалась до того родной, что всё время я говорю с тобой, зову тебя, жалею тебе. Обо всем, обо всем могу сказать только тебе. Радость моя бедная! Ты для мамы своей «киначка» и для меня такая же «киначка». Я радуюсь и Бога благодарю за то, что он дал мне тебя. Мне с тобой ничего не будет страшно, ничего не тяжело... Твоя детская лапка, перепачканная углем, твой синий халатик — всё мне памятно, ничего не забыл...
Прости мне мою слабость и что я не всегда умел показать, как я тебя люблю. Надюша! Если бы сейчас ты объявилась здесь, — я бы от радости заплакал. Звереныш мой, прости меня! Дай лобик твой поцеловать — выпуклый детский лобик! Дочка моя, сестра моя, я улыбаюсь твоей улыбкой и голос твой слышу в тишине. Вчера я мысленно произвольно сказал «за тебя»: «я должна (вместо “должен”) его найти», т. е. ты через меня сказала... <...>
Надюша, мы будем вместе, чего бы это ни стоило, я найду тебя и для тебя буду жить, потому что ты даешь мне жизнь, сама того не зная, голубка моя, — «бессмертной нежностью своей»...
<...> Не могу себе простить, что уехал без тебя. До свиданья, друг! Да хранит тебя Бог! Детка моя! До свиданья!” (*Мандельштам*, 1997. С. 25–26).

друг к другу, но боящихся, каждый, рисков своего первого шага на встречу. Взамен жизнь предложила им полуторагодовую разлуку — испытание, которое они выдержали.

Столь старинные письма, к тому же в весьма плохом физическом состоянии, хранились, по-видимому, отдельно от остальных: они — единственные письма Н. Я., сохранившиеся в АМ. Ввод их в научный оборот начал А. Г. Мец, поместивший всю подборку — в качестве приложения — в третий том “Полного собрания сочинений и писем” Осипа Мандельштама¹. По всей видимости, он пользовался микрофильмом Принстонской коллекции, что не позволило ему прочесть эти письма в большем объеме и с большей точностью. Так что для нашего издания эти письма подготовлены заново.

Спустя десятилетие — следующий эпистолярный след. Это сохранившаяся у Павла Лукницкого телеграмма от 27 мая 1929 года — одно из бесчисленных звеньев той грандиозной “Битвы под Уленшпигелем”, что разразилась в 1928–1930 годах и разрешилась “Четвертой прозой”. По ходу этой битвы Н. Я. оказалась в Ленинграде, где поднимала на бой питерских друзей-писателей.

Шестой эпистолярный — письмо Н. Я. мужу от 19 ноября 1931 года, написанное из Боткинской больницы в ответ на его письма этих дней. Как и письма 1919 года, оно сохранилось в АМ, видимо, затерявшись среди писем самого О. М. Это письмо как таковое публикуется впервые.

Следующие пять писем Н. Я. к О. М. написаны на стыке 1935–1936 годов, когда оба корреспондента были вне Воронежа: О. Э. — в Тамбове, в нервном санатории, а Н. Я. — в Москве, хлопоча по делам мужа. Эти письма, как никакие другие, манифестируют те удивительные равенство и взаимозаменяемость, которые стали нормой для этой пары, видимо, еще с конца 1920-х годов. Приводятся, однако, не сами письма целиком, а лишь цитаты из них, содержащиеся в написанной по их поводу статье Р. Тименчика². Местонахождение оригиналов писем при этом не раскрывается, а время раскрытия этой тайны, согласно воле владельца, тоже. Так что, хотя аутентичность писем сомнений не вызывает, их происхождение — с легким привкусом загадочности.

Самое последнее письмо — написанное еще при жизни О. М., но так и не отправленное ему в лагерь. С объяснением всех обстоятельств оно помещено Н. Я. во “Вторую книгу” в качестве заключительной главы (“Последнее письмо”). Оригинал — в АМ, в Принстоне.

.....

1 ПССП. Т. 3, 2011. С. 604–606.

2 Тименчик Р. Об одном эпизоде в биографии Мандельштама // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 47. P. 219–239.

В третий — самый обширный — раздел вошли письма Надежды Яковлевны и различные тексты о ней — воспоминания, переписки, документы.

Вообще-то большинство воспоминаний о Надежде Яковлевне возникло как реакция на книги ее собственных воспоминаний, в особенности на “Вторую книгу”. Среди них немало “мемуаров — ответов”, написанных теми, кого Н. Я. несправедливо, по их мнению, задела или обидела (например, Лариса Глазунова, Наталья Эфрос и др.). Выделяются — и объемом, и тоном, и пафосом — воспоминания Эммы Герштейн и Лидии Чуковской: обе оппонентки вступают не только за себя (а Чуковская и вовсе не за себя), но и за других “фигурантов”. Часть мемуаристов (например, Эдуард Бабаев, Валентин Берестов и др.) стараются проявить максимум понимания обеих сторон диалога и по возможности уклониться от необходимости определиться в нем и давать оценки. А некоторые (и в первую очередь Иосиф Бродский) бросаются на защиту самой Надежды Яковлевны от несправедливостей уже в ее адрес. Маятник, который Н. Я. качнула сама, разогнался и с тех пор не хочет останавливаться.

Воспоминания, собранные в этой книге, окрашены несколько иначе — в них почти нет не только инвектив, но и критических нот в адрес Н. Я.¹ Объяснения этому разные: иные авторы — преданные Н. Я. люди и последовательные адепты ее линии; часть мемуаров была написана непосредственно после смерти и похорон Н. Я. и под их впечатлением. Иные же были знакомы с нею довольно поверхностно или коротко (во время стажировок или случайных, иногда единственных, встреч).

Не менее интересен следующий момент: Н. Я. при жизни О. Э. нередко представляла дело таким образом, что официальную переписку обоих вел не он, а она: примерами могут служить письма В. Молотову и А. П. Коротковой (1930) или же Магазинеру (1936)². А нередко и дружескую (письма Н. Грин). В 1930-е годы типичными для них стали двойные или совместные (с припиской) письма самым близким людям, например, отцу поэта или Б. Кузину.

.....

- 1 Авторы же предисловий к эпистолярным или иным публикациям чувствуют себя на этом фоне скорее аналитиками, чем мемуаристами, и чаще позволяют себе “критические ноты”.
- 2 Два письма Н. Я. Мандельштам [В. М. Молотову и А. П. Коротковой, оба — конца 1930-х гг.; публикаторы не указаны] // Память: Ист. сб. Нью-Йорк: Khrōnika-Press, 1978. Вып. 1. С. 302–306; Воронеж, весна 1936 года: неизвестное письмо Н. Я. Мандельштам [Письмо тов. Магазинеру] / Публ. П. М. Нерлера // Осип Мандельштам. Поэтика и текстология. К 100-летию со дня рождения: Материалы науч. конф., 27–29 дек. 1991. Совет АН СССР по истории культуры и др., 1991. С. 108.

После смерти О. Э. кочевая судьба Н. Я. хорошо позаботилась о ее географическом отрыве от всех близких людей, а стало быть, и о гигантском объеме корпуса ее переписки. Уже опубликованы столь значительные (не только по объему) эпистолярные массивы, как ее письма Б. С. Кузину (1938–1947), А. Г. Усовой (1943–1951), И. Г. Эренбургу (1944–1963), Е. М. Аренс (1946, 1964), В. В. Шкловской-Корди (1952–1954)¹, А. А. Суркову (1955–1969), Л. Я. Гинзбург (1959–1967), М. В. Юдиной (1960–1963), П. Целану (1962), А. В. Македонову (1962–1966), Д. Е. Максимова (1962–1972), А. К. Гладкову (1963–1964), Е. К. Лившиц (1967), Р. Лоуэллу (1967–1971)², А. Миллеру и И. Морат (1968–1973). Кроме того, издавались и обоюдные переписки Н. Я. — с Н. И. Харджиевым (1940–1967), Б. Л. Пастернаком (1943–1946), А. А. Ахматовой (1944–1964), Н. Е. Штемпель (1952–1976) и В. Т. Шаламовым (1965–1968)³. Из писем, односторонне адресованных Н. Я., опубликованы лишь два письма А. А. Любичеву⁴.

Уже в этих подборках писем мы встречаем удивительное типологическое разнообразие. Эпистолярное поведение Н. Я. напрямую зависело от корреспондента, от его “профиля” и от его реальной роли и значимости в ее жизни: переписка со старыми друзьями и вообще со “своими”⁵ — это одно, с неслучайными и тем более со случайными знакомыми — другое, а с начальством и разными конторами — третье и т. д.

Большинство писем Н. Я. — априори бытовые по содержанию: Н. Я. всегда интересовали текущие дела и будничные проблемы корреспондентов, их здоровье, их быт, их близкие. При этом письма исполняли не только свою прямую — информирующую — миссию, но и создавали вокруг Н. Я. своего рода атмосферу простого человеческого двухстороннего общения, столь необходимого каждому человеку на земле, а в условиях СССР — вдвойне.

Письма служили заменой и телефону, и походам друг к другу в гости, почти недоступным Н. Я. в ее провинциальных служениях. Заглянуть в собственный почтовый ящик (роскошь, реальная для кочевницы Н. Я. разве что в собственной квартире в Москве да еще

.....

- 1 Публикуемые в настоящем издании письма Н. Я. семейству Шкловских охватывают уже последующие годы.
- 2 Оригинал по-английски (то же и в письмах чете Миллер-Морат).
- 3 Публикациями, как правило, исчерпывается соответствующий эмпирический материал, но есть и исключения (так, часть писем Н. Я. к А. К. Гладкову, А. В. Македонову или А. А. Суркову всё еще ждет своего публикатора). *A propos* публикаторы: круг тех, кто внес в этот массив особенно ощутимый вклад, довольно отчетлив — это Н. Крайнева, С. Шумихин, А. Мец, М. Вахтель и некоторые другие.
- 4 Это лишь крошечная часть той поистине гигантской переписки, которая связывала Н. Я. и чету Любичевых на протяжении долгого времени.
- 5 С “родными”, как их назвала сама Н. Я. в своем первом письме к Н. И. Харджиеву.

в Тарусе), сбегать на главпочту, бросить в напольный ящик с гербом письмо, выстоять очередь в окошко “до востребования”, а в другое окошко другую очередь для отправки перевода или телеграммы — было для Н. Я. само собой разумеющимся, рутинным делом каждого божьего дня. Она писала и отвечала на письма весьма аккуратно, дорожа и своими корреспондентами, и, разумеется, самой почтой как каналом коммуникации.

В оседлые годы, когда у Н. Я. появилась не только крыша над головой, но и почтовый ящик на двери, и телефон в квартире, пусть и прослушиваемый, когда многие из тех, с кем она иначе переписывалась бы, могли собраться вечерком на кухне и поболтать за чаем, ни объем, ни сам характер переписки Н. Я. не изменились. Во-первых, в Воронеже, Ульяновске, Ленинграде, Пскове оставались еще старые друзья, а во-вторых, завелись новые друзья и знакомые издалека — из США, Англии, Франции, Италии, Голландии и т.д., а стало быть, и новые корреспонденты!

Взятые как целое, письма Н. Я. никогда не сводились к быту и дружеской социальности, в них встречались — и довольно часто — интереснейшие наблюдения и глубокие размышления. А иные можно считать провозвестниками ее нераскрытого еще прозаического дара: превосходные тому примеры — письмо Н. И. Харджиеву от 1940 года или вся, от начала до конца, переписка с Б. С. Кузиным.

В некоторых случаях в нашем распоряжении оказывались и чьи-то воспоминания о Н. Я., и одновременно переписка с ней.

Повторим: накал и характер переписки зависели в первую очередь от личности корреспондента. Уникальны страсть и напор, что встречаем в письмах Кузину, как уникальны и та внутрисемейная открытость или сестринская нежность и доверчивость, которыми отмечены письма Н. Я. к Василисе и Варваре Шкловским-Корди или к Наташе Штемпель. Но ей никогда бы не пришло в голову обсуждать с “Ясной Наташей” вопросы философии Владимира Соловьева или Тейяра де Шардена, как и природу мемуаристской несостоятельности Эмилия Миндлина, что она делает в письмах к Македону, Лотманам или Любичеву.

Объем писем, вводимых в оборот в этой книге, соизмерим с предшествующим. И он не только подтверждает обозначенную типологию, но и значительно расширяет ее. Так, во многих переписках 1960-х и 1970-х годов мы впервые встречаем Н. Я. в роли образцовой вдовы, терпеливо отвечающей даже на глупые вопросы глобальных исследователей или переводчиков, связанные с биографией и творчеством О. М. Справедливости ради стоит сказать, что в книге немало и писем, не написанных Н. Я., а адресованных

ей; есть даже письма третьих лиц друг другу, где роль Н.Я. еще скромнее — персонажная (например, в письмах О.В. Андреевой-Черновой — дочери, Ольге Андреевой-Карлайл).

До сих пор Н. Я. была замечена в персонажах лишь немногих дневников современников, в частности, А. Gladkova, Л. Левицкого и М. Левина. Дневник В. Борисова существенно расширяет границы этого жанра как источника к ее биографии.

Еще одним типом материалов, нашедшим себе в этой книге свое место, следует считать своего рода “геобиографические” очерки — обзоры того, что нам известно о происходившем с Н.Я. в годы ее скитаний по провинции (Струнино и Шортанды, Ульяновск, Чита, Чебоксары, Таруса, Псков).

Большинство материалов книги было написано специально для нее — это касается всех жанров¹. Некоторые публикуются в сокращенном виде.

Внутренним принципом и рычагом структуризации третьего раздела послужила элементарная хронология: первый подраздел — это “Вместе: годы с Осипом Мандельштамом”, затем по два подраздела, посвященных ее кочевым годам (объединенным сороковым и пятидесятым и, отдельно, первой половине шестидесятых) и годам оседлым (шестидесятым и семидесятым). Нередко видишь, как смежные материалы начинают взаимодействовать друг с другом, подхватывать уже прозвучавшую тему, и продолжать, и развивать ее.

Первый — для О.М. прижизненный — подраздел представлен двумя обрамляющими материалами: обзором киевского периода жизни Н.Я., начавшегося со знакомства с О.Э., и тех восьми месяцев после ареста мужа в Саматихе, что Н.Я. прожила — в основном в Струнино — до его смерти.

Второй, охвативший сразу две декады (1940-е и 1950-е годы), представлен письмами (Э.Г. Герштейн к Н.Я. и Н.Я. к С.И. Бернштейну, Шкловским-Корди и Р.Р. Фальку) и геобиографическими очерками об Ульяновске, Чите и Чебоксарах.

Еще пять кочевых лет — до получения ключей от квартиры — пришлось на первую половину 1960-х годов и прошли под знаком двух городов — Тарусы и Пскова. Таруса — это еще и воспоминания Р. Орловой и А. Симонова. Псков же — это и суммирующий очерк, и письма псковского периода — как к Н.Я. (А. Морозова), так и к москвичке Ю. Живовой, приезжавшей к ней в Псков, и к псковичам Майминым, переписка с которыми пришлось на послепсковское время. Здесь же и последнее письмо Н.Я. “наверх” (Хрущеву). За.....

1 Часть из них прошла “обкатку” в текущей периодике (например, материалы о К. Брауне или об О. Андреевой-Карлайл).

вершает подраздел рассказ о первом в СССР вечере памяти Осипа Мандельштама на мехмате МГУ — вечере, триумфальном и для Н. Я.

Два подраздела посвящены оседлой полосе жизни Н. Я. — второй половине 1960-х и 1970-м годам.

С появлением у Н. Я. своего жилья завязались новые знакомства и дружба среди москвичей, запечатлевшиеся скорее в мемуарах, чем в письмах. Появились и первые живые гости из-за рубежа, с которыми, в пору их нахождения у себя дома, установился и поддерживался как раз эпистолярный режим общения: К. Браун, О. Андреева-Карлайл, К. Верхейл, Дж. Смит (Бейнз), чуть позже П. Троупин (Браун “переплюнул” всех, догадавшись записать ответы Н. Я. на магнитофон, но его самого “переплюнул” К. Верхейл, организовавший единственное, как оказалось, киноинтервью с Н. Я.). Аналогично установились контакты и с новыми знакомыми не из Москвы — киевлянином Г. Кочуром, вильнюсцем Т. Венцловой, ереванцем Л. Мкртчяном или ростовчанином Л. Григоряном. Летом 1967 года в Верее, разгневанная на Харджиева и только что, в мае, отобравшая у него поэтический архив мужа, но недовольная и западными издателями Мандельштама, Н. Я. сама села за комментирование его стихов, этап этот задокументирован различными записями Вадима Борисова.

Еще один подраздел — о 70-х годах. Главные ее книги были уже написаны в предыдущие годы, а выходили они все теперь, и Н. Я., глубоко выдохнув и наслаждаясь сделанным, охотно занялась такими развлечениями, как чтение хороших книжек, одаривание подруг и друзей гостинцами из “Березки” и попытками устройства чужих судеб.

Жизнь ее, ослабевая, протекала в семидесятые поначалу между московской квартирой и летним отдыхом на даче¹. Дальние поездки — в Псков или Прибалтику — предпринимались из чистого удовольствия повидать кого-то из друзей и были нечастыми. Если начало декады было отмечено эмиграционными настроениями и даже усилиями в этом направлении (по еврейской линии), то конец — глубоким погружением в православие, чему немало способствовала и харизма ее духовника — отца Александра Меня.

Последний — 82-й — год своей жизни она болела. Дружеский ее круг организовал дежурства, ни на минуту не оставлял ее без заботы. Смерть застигла ее во сне, и только тут советская власть решилась не то на демарш, не то на реванш, “арестовав” покойницу, доставив ее в казенный морг, опечатав, в интересах возможных наследников, ее квартиру и запретив погребение на Ваганьковском.

.....

1 География дач расширилась: тут и Переделкино, и Кратово, и Абрамцево, и Семхоз, и Боровск, и Малеевка.

Завершает книгу биохроника Н. Я. Мандельштам. Традиционные “Труды и дни” несколько восполняют отсутствие в книге биографического очерка.

При всем своем разнообразии многочисленные авторы сборника сходятся в одном — в том, что Надежда Яковлевна Мандельштам — плоть от плоти и дух от духа Осипа Мандельштама, их судьбы сплавлены в одну общую, и ее голос, ее высказывания и даже ее оценки опираются на это такое горькое и такое счастливое единство. Но при этом она не бессловесная ипостась и не бесплотная тень, — она сама отбрасывает тень и, если надо, за словом в карман не полезет.

Вот этапы ее противостояния времени, ее собственного — Надежды Яковлевны, а не вдовы Осипа Эмильевича, — подвига.

Когда в 1938 году погиб он, то главным ее делом стало сохранить его стихи, а это значит — не погибнуть самой! Инстинкт не погибнуть приводил ее и в Струнино, и в Шортанды, и снова в Калинин, и в Ташкент, и в Ульяновск — он же в нужный момент и выводил ее из этих по-своему опасных мест. Нужно было обязательно дожидаться, дотерпеться до смерти тирана. И ее прощание с Ульяновском совпало с этой неслыханной радостью — со всенародным “прощанием” с Сосо, и 1953 год посему — важная веха в ее выяснениях отношений со временем. Оно перестало охотиться за ней и заняло шипящий, но нейтралитет.

Следующий этап и новая веха — 1955 год, когда на Западе вышел первый посмертный однотомник Мандельштама: в нем были почти исключительно уже публиковавшиеся стихи, но он как бы обозначил и закрепил позиции противоборствующих “сторон”. И после этого Н. Я. перешла в контрнаступление: вешками тут были первая реабилитация (1956), образование Комиссии по литературному наследию Мандельштама (1957) и, самое главное, попадание неизданного Мандельштама в самиздат (1958–1959). В 1962 и 1964 годах — с публикацией в “Воздушных путях” и выходом первого тома Собрания сочинений — подтянулся и тамиздат, со временем заменивший самиздат в его дико-бродячем виде. Наконец, первые робкие журнальные публикации в СССР и в особенности триумфальный вечер в МГУ в мае 1965 года обозначили необратимость возвращения стихов Мандельштама к читателю и на родине.

В 1965 году — следующая веха — Н. Я. впервые вздохнула не просто спокойно, но и победительно. Провинциальные вузы были уже все позади, а в своей кооперативной квартире она вольна была теперь делать всё, что угодно. То, чем она занялась там, в Тарусе и Пско-

ве, здесь, на Большой Черемушкинской, она закончила, перепечата-
ла и передала в испуганные, но надежные руки Кларенса Брауна.

И приступила к следующим своим делам — к переживани-
ям за “Разговор о Данте” и к написанию любящей книги об Ахматов-
вой; к извлечению архива О. М. у Харджиева и собственному погру-
жению в этот архив, в поэзию и в творческую стихию Мандельштама.
Затем — к отказу от книги об Ахматовой и написанию совсем другой
книги — книги о времени и о себе. Если эта “Вторая книга” и сведе-
ние счетов, то всё же не с упоминаемыми в ней людьми, а со вре-
менем, в котором и ей, и упоминаемым людям выпало вместе жить.

Следующий и, кажется, уже последний прижизненный
этап в поединке со временем — 1973 год. И вовсе не потому, что
Мандельштам вышел наконец и в “Библиотеке поэта”, а потому, что
в 1973 году, переправив на Запад остатки архива, Н. Я. освободи-
лась и от этой — последней — ответственности перед памятью мужа.

Время, конечно, стачивало ее, скашивало, как каблук, но
отныне оно работало не против, а за нее. Свободный выход на ро-
дине его и ее книг, величания по случаю юбилеев и открытия ему
(а дважды и ей вместе с ним!) памятников и мемориальных досок
по всему миру — всё это было подготовлено ею, а происходить мог-
ло, происходило и будет происходить уже без нее.

Вот так Надежда Яковлевна переупрямила и время!

**I. ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ —
НАДЕЖДЕ ХАЗИНОЙ
И НАДЕЖДЕ МАНДЕЛЬШТАМ:
СТИХИ**

---

*И холодком повеяло высоким
От выпукло-девического лба...*

ЧЕРЕПАХА .....

На каменных отрогах Пиэрии
Водили музы первый хоровод,
Чтобы, как пчелы, лирники слепые
Нам подарили ионийский мед.
И холодком повеяло высоким
От выпукло-девического лба,
Чтобы раскрылись правнукам далеким
Архипелага нежные гроба.

Бежит весна топтать луга Эллады,
Обула Сафо пестрый сапожок,
И молоточками куют цикады,
Как в песенке поется, перстенек.
Высокий дом построил плотник дюжий,
На свадьбу всех передружили кур,
И растянул сапожник неуклюжий
На башмаки все пять воловьих шкур.

Нерасторопна черепаха-лира,
 Едва-едва беспалая ползет,
 Лежит себе на солнышке Эпира,
 Тихонько грея золотой живот.
 Ну, кто ее такую приласкает,
 Кто спящую ее перевернет?
 Она во сне Терпандра ожидает,
 Сухих перстов предчувствуя налет.

Поит дубы холодная криница,
 Простоволосая шумит трава,
 На радость осам пахнет медуница.
 О, где же вы, святые острова,
 Где не едят надломленного хлеба,
 Где только мед, вино и молоко,
 Скрипучий труд не омрачает неба
 И колесо вращается легко?

1919

.....

Вернись в смесительное лоно,
 Откуда, Лия, ты пришла,
 За то, что солнцу Илиона
 Ты желтый сумрак предпочла.

Иди, никто тебя не тронет,
 На грудь отца в глухую ночь
 Пускай главу свою уронит
 Кровосмесительница-дочь.

Но роковая перемена
 В тебе исполниться должна:
 Ты будешь Лия — не Елена!
 Не потому наречена,

Что царской крови тяжелее
Струиться в жилах, чем другой, —
Нет, ты полюбишь иудея,
Исчезнешь в нем — и Бог с тобой.

1920

.....

С розовой пеной усталости у мягких губ
Яростно волны зеленые роет бык,
Фыркает, гребли не любит — женолюб,
Ноша хребту непривычна, и труд велик.

Изредка выскочит дельфина колесо
Да повстречается морской колючий еж,
Нежные руки Европы, — берите всё!
Где ты для выи желанней ярмо найдешь?

Горько внимает Европа могучий плеск,
Тучное море кругом закипает в ключ,
Видно, страшит ее вод маслянистый блеск
И соскользнуть бы хотелось с шершавых круч.

О, сколько раз ей милее уключин скрип,
Лоном широкая палуба, гурт овец
И за высокой кормою мелькание рыб, —
С нею безвесельный дальше плывет гребец!

1922

.....

Холодок щекочет темя,
И нельзя признаться вдруг, —
И меня срезает время,
Как скосило твой каблук.

Жизнь себя перемогает,
Понемногу тает звук,
Всё чего-то не хватает,
Что-то вспомнить недосуг.

А ведь раньше лучше было,
И, пожалуй, не сравнишь,
Как ты прежде шелестила,
Кровь, как нынче шелестишь.

Видно, даром не проходит
Шевеленье этих губ,
И вершина колобродит,
Обреченная на сруб.

1922

.....

Куда как страшно нам с тобой,
Товарищ большеротый мой!

Ох, как крошится наш табак,
Щелкунчик, дружок, дурак!

А мог бы жизнь просвистать скворцом,
Заесть ореховым пирогом,

Да, видно, нельзя никак...

Октябрь 1930

.....

Мы с тобой на кухне посидим,
Сладко пахнет белый керосин;

Острый нож да хлеба каравай...
Хочешь, примус туго накачай,

А не то веревок собери
Завязать корзину до зари,

Чтобы нам уехать на вокзал,
Где бы нас никто не отыскал.

Январь 1931

.....

Ma voix aigre et fausse...
P. VERLAINE¹

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Всё лишь бредни — шерри-бренди, —
Ангел мой.

Там, где эллину сияла
Красота,
Мне из черных дыр зияла
Срамота.

Греки сбондили Елену
По волнам,
Ну а мне — соленой пеной
По губам.

По губам меня помажет
Пустота,
Строгий кукиш мне покажет
Нищета.

.....

1

"Мой голос пронзительный и фальшивый..." П. Верлен (фр.).

Ой ли, так ли, дуй ли, вей ли —
Всё равно;

Ангел Мэри, пей коктейли,
Дуй вино.

Я скажу тебе с последней
Прямотой:
Всё лишь бредни — шерри-бренди, —
Ангел мой.

2 марта 1931

.....

Нет, не спрятаться мне от великой муры
За извозчичью спину — Москву,
Я трамвайная вишенка страшной поры
И не знаю, зачем я живу.

Мы с тобою поедem на “А” и на “Б”
Посмотреть, кто скорее умрет,
А она то сжимается, как воробей,
То растет, как воздушный пирог.

И едва успевает грозить из угла —
Ты как хочешь, а я не рискну!
У кого под перчаткой не хватит тепла,
Чтоб объездить всю курву Москву.

Апрель 1931

ФАЗТОНЩИК .....

На высоком перевале
В мусульманской стороне
Мы со смертью пировали —
Было страшно, как во сне.

Нам попался фаэтонщик,
Пропеченный, как изюм,
Словно дьявола погонщик,
Односложен и угрюм.

То гортанный крик араба,
То бессмысленное “цо”, —
Словно розу или жабу,
Он берег свое лицо:

Под кожевенную маской
Скрыв ужасные черты,
Он куда-то гнал коляску
До последней хрипоты.

И пошли толчки, разгоны,
И не слезть было с горы —
Закружились фаэтоны,
Постоялые двory...

Я очнулся: стой, приятель!
Я припомнил — черт возьми!
Это чумный председатель
Заблудился с лошадьми!

Он безносой канителью
Правит, душу веселя,
Чтоб вертелась каруселью
Кисло-сладкая земля...

Так, в Нагорном Карабахе,
В хищном городе Шуше
Я изведal эти страхи,
Соприродные душе.

Сорок тысяч мертвых окон
Там видны со всех сторон

И труда бездушный кокон
На горах похоронен.

И бесстыдно розовеют
Обнаженные дома,
А над ними неба мреет
Темно-синяя чума.

12 ИЮНЯ 1931

.....

Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето.
С дроботом мелким расходятся улицы
в чоботах узких железных.
В черной оспе блаженствуют кольца бульваров..

Нет на Москву и ночью угомону,
Когда покой бежит из-под копыт...
Ты скажешь — где-то там на полигоне
Два клоуна засели — Бим и Бом,
И в ход пошли гребенки, молоточки,
То слышится гармоника губная,
То детское молочное пьянино:
— До-ре-ми-фа
И соль-фа-ми-ре-до.

Бывало, я, как помоложе, выйду
В проклевном резиновом пальто
В широкую разлапицу бульваров,
Где спичечные ножки цыганочки
в подоле бьются длинном,
Где арестованный медведь гуляет —
Самой природы вечный меньшевик.

И пахло до отказа лавровишней...
Куда же ты? Ни лавров нет, ни вишен...

Я подтяну бутылочную гирьку
 Кухонных крупно скачущих часов.
 Уж до чего шероховато время,
 А все-таки люблю за хвост его ловить,
 Ведь в беге собственном оно не виновато
 Да, кажется, чуть-чуть жуликовато...

Чур, не просить, не жаловаться! Цыц!
 Не хныкать —

        для того ли разночинцы
 Рассохлые топтали сапоги, чтоб я теперь их предал?
 Мы умрем как пехотинцы,
 Но не прославим ни хищи, ни поденщины, ни лжи.

Есть у нас паутинка шотландского старого пледа.
 Ты меня им укроешь, как флагом военным,
        когда я умру.

Выпьем, дружок, за наше ячменное горе,
 Выпьем до дна...

Из густо отработавших кино,
 Убитые, как после хлороформа,
 Выходят толпы — до чего они венозны,
 И до чего им нужен кислород...

Пора вам знать, я тоже современник,
 Я человек эпохи Москвошвея, —
 Смотрите, как на мне топорщится пиджак,
 Как я ступать и говорить умею!
 Попробуйте меня от века оторвать, —
 Ручаюсь вам — себе свернете шею!

Я говорю с эпохой, но разве
 Душа у ней пеньковая и разве
 Она у нас постыдно прижилась,
 Как сморщенный зверек в тибетском храме:
 Почешется и в цинковую ванну.
 — Изобрази еще нам, Марь Иванна.

Пусть это оскорбительно — поймите:
Есть блуд труда и он у нас в крови.

Уже светает. Шумят сады зеленым телеграфом,
К Рембрандту входит в гости Рафаэль.

Он с Моцартом в Москве души не чаёт —
За карий глаз, за воробьиный хмель.
И словно пневматическую почту
Иль студенец медузы черноморской
Передают с квартиры на квартиру
Конвейером воздушным сквозняки,
Как майские студенты-шелапуты.

Май — 4 июня 1931

КАМА .....

1. Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.

В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.

Упиралась вода в сто четыре весла —
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

Там я плыл по реке с занавеской в окне,
С занавеской в окне, с головою в огне.

А со мною жена пять ночей не спала,
Пять ночей не спала, трех конвойных везла.
2. Как на Каме-реке глазу тёмно, когда
На дубовых коленях стоят города.

В паутину рядясь, борода к бороде,
Жгучий ельник бежит, молодея в воде.

Упиралась вода в сто четыре весла
Вверх и вниз на Казань и на Чердынь несла.

Чернолюдем велик, мелколесьем сожжен
Пулеметно-бревенчатой стаи разгон.

На Тоболе кричат. Обь стоит на плоту.
И речная верста поднялась в высоту.

3. Я смотрел, отдаляясь, на хвойный восток,
Полноводная Кама неслась на буюк.

И хотелось бы гору с костром отслоить,
Да едва успеваешь леса посолить.

И хотелось бы тут же вселиться, пойми,
В долговечный Урал, населенный людьми,

И хотелось бы эту безумную гладь
В долгополой шинели беречь, охранять.

Апрель — май 1935

.....

Твой зрачок в небесной корке,
Обращенный вдаль и ниц,
Защищают оговорки
Слабых, чующих ресниц.

Будет он обожествленный
Долго жить в родной стране —
Омут ока удивленный, —
Кинь его вдогонку мне.

Он глядит уже охотно
В мимолетные века —

Светлый, радужный, бесплотный,
Умоляющий пока.

2 января 1937

.....

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен.
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен.

Несчастлив тот, кого, как тень его,
Пугает лай и ветер косит,
И беден тот, кто сам полуживой
У тени милостыню просит.

15–16 января 1937

.....

О, как же я хочу,
Не чуемый никем,
Лететь вослед лучу,
Где нет меня совсем.

А ты в кругу лучись —
Другого счастья нет —
И у звезды учись
Тому, что значит свет.

Он только тем и луч,
Он только тем и свет,

Что шопотом могуч
И лепетом согрет.

И я тебе хочу
Сказать, что я шепчу,
Что шопотом лучу
Тебя, дитя, вручу...

23 марта — начало мая 1937

.....

Как по улицам Киева-Вия
Ищет мужа не знаю чья жинка,
И на щеки ее восковые
Ни одна не скатилась слезинка.

Не гадают цыганочки кралям,
Не играют в Купеческом скрипки,
На Крещатике лошади пали,
Пахнут смертью господские Липки.

Уходили с последним трамваем
Прямо за город красноармейцы,
И шинель прокричала сырая:
— Мы вернемся еще — разумейте...

Апрель 1937

.....

На меня нацелилась груша да черемуха —
Силою рассыпчатой бьет в меня без промаха.

Кисти вместе с звездами, звезды вместе
с кистями, —
Что за двоевластье там? В чем соцветьи истина?

С цвету ли, с размаха ли бьет воздушно-целыми
В воздух убиваемый кистенями белыми.

И двойного запаха сладость неуживчива:
Борется и тянется — смешана, обрывчива.

4 мая 1937

.....

**II. НАДЕЖДА ХАЗИНА
И НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ —
ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ: ПИСЬМА**

.....

Милый, милый, как соскучилась...

«17/30 СЕНТЯБРЯ 1919 Г.»¹

Милый братик!

От вас ни единого слова уже 3 недели. <...> Не знаю, что с собой <...>.

Здесь есть журнал, редактор Мизинов², он просит Ваши стихи и разрешение напечатать Ваше имя в списках сотрудников.

Если вы согласны дать, можете телеграфировать мне заглавия стихов, я их дам, а деньги привезу или перешлю Вам.

<...> Знать, но ничего не писать — глупо. Я ужасно волнуюсь, что что-нибудь случилось, бегаю целые дни за пропуском и ищу вагон, но не знаю, выезжать или нет. На днях пропустила отличную оказию. В смысле денег я улажу дома — сегодня мои именины, и я получу

.....

1 Сохранилось не полностью — утрачены половины двух первых листов.

2 Мизинов Николай Порфирьевич (1896 — не ранее 1932) — поэт; принимал участие в альманахе «Дальние окна», вышедшем в Киеве приблизительно в октябре 1919 г.

пару колец, которые продам, будет на дорогу и на месяц — 2 жизни.

Пожалуйста, дайте, наконец, знать ясно, ведь неприятно. Надя Х.

Подробности Вам расскажет Паня¹.

О Гришеньке² тоже.

Жду телеграмму.

.....

«КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ — НАЧАЛО ОКТЯБРЯ 1919 Г.»³

... услышала, что я <хочу,> вызвала и сказала, что я свободна, что здесь голод, холод, дороговизна, и что если я не могу быть без вас, то я вольна взять деньги и билет к вам.

Если не смогу сейчас, то <через> неделю, две, три — всё равно. Н.

Только что звонил Илья Григ<орьевич>⁴ и сказал, что мы сможем ехать в четверг. Если удастся, я выеду в Харьков и в Харькове буду ждать инструкц<ии>, ехать ли в Крым или ждать вас в Харькове. Вы дадите телеграмму на Прокопенко⁵ или Смирнова⁶, или, самое лучшее, выезжайте в Харьков.

.....

1 Пастухов Павел Георгиевич (1889–1960) — художник; с ним, вероятно, и было передано это письмо.

2 Предположительно Григорий Семенович Рабинович, петроградский знакомый О. М., упоминаемый им в очерке “Киев” как “Гришенька Рабинович, бильярдный мазчик из петербургского кафе Рейтера, которому довелось на мгновение стать начальником уголовного розыска и милиции” (см. о нем статью: Лекманов О. “Страховой старичок” Гешка Рабинович: Об одном финском следе в “Египетской марке” Мандельштама // Russian Literature. 2012. Vol. LXXI. Iss. II. P. 217–220).

3 Из Киева в Феодосию или Коктебель (вероятно, почтой). Сохранился один лист письма, из-за повреждения текст в начале листа связному прочтению не поддается.

4 Эренбург.

5 Вероятно, Александр Петрович Прокопенко — харьковский врач-окулист; поэт и прозаик, участник художественно-артистической жизни Харькова.

6 Смирнов Александр Александрович (1883–1962) — филолог-медиевист, с 1911 г. — приват-доцент С.-Петербургского университета. В 1919 г. жил в Харькове, где весной жил и О. М. В Харькове они вместе переводили пьесу Ж. Ромена “Армия в городе”.

Я в Крым не хочу — я хочу вас видеть, а если в Харькове нельзя будет жить, то мы поедем вместе в Киев, — тогда вы сможете прямо к нам захватить — скажете, будто я побоялась ехать одна, и вы мой провожатый.
Милый, милый, как соскучилась. НХ.

.....

«НАЧАЛО ОКТЯБРЯ 1919 Г.»¹

<Я> ужасно боялась, что с вами случилось, — очень уж страшное было <время>. Но записка такая неопределенная, что я все-таки ничего не знаю о вас. Вы пишете, что собираетесь в Киев, — зачем? Отчего хотите уехать из Крыма? В Киеве скверно, мокро и дорого, и ходят рассказы о Крымских рад<остях>. Я всё время собиралась уехать к Вам, но вначале была возня с пропуском <и> вагоном, теперь с плацкартой <...>. <Я> устала <...>

<...> никак не могу без вас. Приезжайте в Киев. Не знаю только, сможете ли вы здесь устроиться. Здесь выходят 5 или 6 газет, несколько журналов, т<ак> ч<то> в денежном отношении будет сносно, но комната и, главное, всякие осложнения. Маккавейский² уезжает на фронт. Жекулин³ в Киеве, они на вас чего-то сердятся в "Летописи". А халдейка из "Софиевская 3"⁴ даже

.....

1 Листок с надорванными краями, что придает ему почти овальную форму; фиолетовый карандаш; старая орфография.

2 Маккавейский Владимир Николаевич (1893–1920) — киевский поэт. Погиб в рядах Добровольческой армии в бою под Ростовом. Упоминается в очерке О. М. "Киев".

3 Жекулин Николай Сергеевич (1892–1933) — юрист и экономист, директор киевского издательства "Летопись", с которым, согласно А. Г. Мецу (*ПССП*. Т. 3. С. 874), О. М. заключил договор на переиздание книги "Камень", дополненной стихами 1914–1919 гг. Жекулин "сердился" на О. М., вероятно, за невыполнение определенных по договору условий. Впоследствии Жекулин участвовал в боевых действиях на стороне Добровольческой армии, эмигрировал. С 1921 г. преподавал в учебных заведениях Праги, автор ряда научных работ.

4 Речь идет о хозяйке кофейни в Киеве на Софиевской ул., где собирались поэты: "Когда пришли белые, карнавал кончился, и кофейня опустела. Хозяйка перестала улыбаться и целыми днями дежурила у дверей, чтобы изловить хоть кого-нибудь из

причитала, что <если> она вас увидит, то выцарапает в <ам глаза>. Нельзя ли устроиться в Х<арькове>? <...>

.....

<13/26 ОКТЯБРЯ 1919 Г.>

Милый дружок!

Получила 13 октября телеграмму, отправленную 18 сентября. Здесь холодно и очень беспокожно. Страшно волнуюсь, как вы проедете. Здесь ходят всякие страшные слухи о дороге, я очень трушу и волнуюсь. Посылаю вам письмо с Исааком¹. Вы его встретите в Харькове, он вам всё расскажет о том, как мы живем в Киеве. Очень прошу, перед отъездом дайте мне телеграмму, постарайтесь передать письмо. Сейчас дорог каждый день, если решили приехать, приезжайте скорее.

Очень скучаю, здесь страшно скверное настроение и вообще мрак.

Привет А. Э.², почему вы о нем ничего не пишете?

Надя.

.....

.....

прежних посетителей и выдать белым. Всех, кто принес мгновенный расцвет кофейне с настоящей простоквашей, она считала большевиками и люто ненавидела. Первым ей попался Эренбург, но сумел отвертеться. Он предупредил меня, чтобы я не ходила по Софиевской, но я опять не придавала значения его совету. В результате следующей попала я, и недавно еще улыбчивая хозяйка требовала, чтобы я сказала, где тот, «с кем ты гуляла», потому что именно его она считала главным большевиком и мечтала немедленно растерзать, как терзали перед Думой рыжих женщин, заподозренных в том, что они-то и есть «чекистка Роза» (*Собр. соч.* Т. 2. С. 48).

1 Рабинович Исаак Моисеевич (1894–1961) — киевский театральный художник.
 2 Мандельштам Александр Эмильевич (1892–1942), средний брат О. М., сопровождавший его в поездке на Украину и в Крым.

19 НОЯБРЯ 1931 Г., МОСКВА¹

Нянечка моя родная!

Я так и знала, что ты захворал, и всё беспокоилась, что тебя нет. Голуба моя, что с тобой? Как сердце? Смотри не расхворайся, а главное, не выйди слишком рано и ничего от меня не скрывай. Очень мне грустно, что ты больной. Очень прошу, если к 4 часам поднимется т^о, вызови врача. Не запускай. Есть ли деньги? Ко мне даже, если т^о упадет — не приезжай — не пушу. Отлежись дома. Позвони (45–20) Коротковой — расскажи про квартиру. Женя тебе расскажет о враче — все анализы дали благоприятный результат — о туберкулезе нет и речи.

Целую тебя.

Нелюша.

Надя.

Целую маму.

.....

23 ДЕКАБРЯ 1935 Г.²

<...>

Основное дело: я жду Щербакова³. <...> На что ориентироваться? На Крым? Мне кажется, да. Пиши мне. Здесь была Н<ина> Н<иколаевна>⁴. Я ее раз видела. Она говорит, что купить дачку — от 11/2 до 3 тысяч. <...> Нужно поговорить со Щербаковым. Это я знаю твердо.

.....

1 AM. Box 1. Folder 33. Публикуется впервые.

2 Впервые письма 1935–1936 гг. опубли.: Тименчик Р. Об одном эпизоде в биографии Мандельштама // Toronto Slavic Quarterly. 2014. № 47. P. 219–239 (местонахождение оригиналов писем не указано).

3 Щербаков Александр Сергеевич (1901–1945) — в конце 1935 г. совмещал посты первого секретаря СП СССР и заведующего отделом культурно-просветительской работы ЦК ВКП(б).

4 Грин (урожд. Миронова) Нина Николаевна (1894–1970) — вдова А. С. Грина.

Если еще с кем говорить, то только в форме заявления, а это уже сделано тобой. Иначе нельзя.

С работой — Луппол¹ очень хочет дать работу, но Данилин² поднял скандал и охаял Мопассана³. Их тенденция: упрощительство — как раз противоположная тенденции соседнего отдела, на который я делала Маргерита⁴. <...> Этот Данилин — гадина, каких мало. Но что делать? Очень мелко ссориться с ним. Я просто плюнула.

<...> Стихи видели Сергей Ант<онович>⁵ и Викт<ор> Бор<исович>⁶. Оба захлебываются. Передала их в “Красную новь”. Мариэтта⁷ на Кавказе. Асееву не посылала. Рука не подымается. Передали Щербакову. Пастернак знает, что я здесь, но не звонил. Я тоже не звоню. Ну его. В общем, дела очень мало.

<...>

.....

.....

- 1 Луппол Иван Капитонович (1896–1943) — директор Гослитиздата.
- 2 Данилин Юрий Иванович (1897–1985) — историк французской революционной литературы и редактор.
- 3 3 марта 1935 г. И. К. Луппол подписал с Н. Я. и отсутствовавшим О. М. договор на перевод сборника “Иветта” Г. де Мопассана (для полного собрания его сочинений под общей ред. Ю. И. Данилина и П. Н. Лебедева-Полянского): объем 7,5 п.л., срок сдачи 1 августа 1935 г., гонорар — 150 р. за п.л. при тираже 5000 экз.; издательство обязывалось издать книгу в количестве 10 000 экз.; перепечатка за счет переводчика (РГАЛИ. Ф. 631. Оп. 3. Д. 7. Л. 95–96). В сборник “Иветта” входили одноименная повесть (ее переведил О. М.) и новеллы “Возвращение”, “Покинутый”, “Взгляды полковника”, “Прогулка”, “Махмед-Продувной”, “Сторож” и “Берта” (их перевестила Н. Я.). Работа над переводом шла в апреле 1935 г. Этот перевод, подписанный именем Н. Я. Мандельштам (точнее, “Н. Мендельштам”) и под редакцией Б. В. Горнунга, был разрешен Главлитом к набору 22 июня 1937 г. На обложке наборного экземпляра стояло: “Москва, 1938”, но света этот том тогда так и не увидел. Переводы Н. Я. пяти новелл из сборника “Иветта” впервые были опубликованы только в ГИХЛе в 1946 г. (позднее переиздавались).
- 4 Имеется в виду переведенный Н. Я. Мандельштам и вышедший в апреле 1935 г. роман Виктора Маргерита “Вавилон” (“*Babel*”). Сама Н. Я. называла роман “гнусным” (*Собр. соч.* Т. 1. С. 216). К. Е. Вдовин, сын хозяина квартиры на 2-й Линейной улице, где в 1935 г. жили Мандельштамы, вспоминал, как с гонорара за этот перевод они купили хозяйским детям конструктор (Гордин В. Л. Мандельштамовский Воронеж // Жизнь и творчество О. Э. Мандельштама. 1990. С. 56).
- 5 Клычков Сергей Антонович.
- 6 Шкловский Виктор Борисович.
- 7 Шагинян Мариэтта Сергеевна.

НЕ ПОЗДНЕЕ 27 ДЕКАБРЯ 1935 Г.

<...>

У него¹ свой подход, и он от него в переводе отказаться не может. И переводами он зарабатывать не может. Зарабатывать он может только своим литературным трудом: печатайте стихи, а не критикуйте переводы. Вообще переводчика Манд<ельштама> нет, а есть писатель М<андельштам>. У него шершавый Мопассан? Нет легкости и гладкости. Факт, что нет. М<андельштам> сам не легкий и не гладкий. В чужих шкурах ходить не умеет. Вот я — я переводчица — я умею. Попробуйте только охаять рассказы. А переводческую склоку заводить глупо и мелко. Гораздо лучше признать, что ты плохой переводчик. Мне все предлагают то фунт Малларме, то кило Бодлера. Тут же у Луппола в кабинете предлагают. Я говорю: что вы! Мандельштам абсолютно не умеет переводить стихов. Он 3 сонета Петрарки делал 2 месяца — подзаработал бы по 30 р. 50 к. в месяц. И вы бы забраковали за неточность. Где ему! Он даже Мопассана перевести не сумел. Вы лучше к Колычеву обратитесь или к Бродскому².

Вот стихи его я в “Красную новь” передала, а переводы — это слишком сложно.

Ей-богу, сильнее, чем отстаивать роскошный перевод, требовать справедливости и признания и т<ому> п<одобные> глупости. Они поневоле признают переводчиком меня, а о тебе — должен быть поднят вопрос о твоём печатании во всей глубине. Во всяком случае — никакой псевдо-литературы. Сейчас все вопросы подняты и поставлены с достаточной точностью и остротой.

Так или иначе, получим ответ. Считаю, что Старый Крым реален — отличное лето. А там видно будет.

.....

1 Речь идет о И. К. Лупполе.

2 Колычев (Сиркес) Осип (Иосиф) Яковлевич (1904–1973) и Бродский Давид Григорьевич (1895–1966) — поэты-переводчики.

Я, в общем, сейчас собой довольна — сделала и делаю всё, что можно. А дальше — только покориться неизбежности... И жить вместе в Крыму, никуда не ездить, ничего не просить, ничего не делать. Это мое, и я думаю, твое решение. Вопрос в деньгах, но и он уладится.

Может, придется жить на случайные присылы. Тоже лучше, чем мотаться. Правда? Никогда я еще так остро не понимала, что нельзя действовать, шуметь и вертеть хвостом.

<...>

.....

---

28 ДЕКАБРЯ 1935 Г.

<...>

Щербаков просил меня поговорить с Марченко¹. Дело в том, что Щербаков, по всей видимости, из Союза уходит. Пришла я к Марченко. У него на глазах была поволока, и он молил лишь об одном: отложить свидание до следующего утра, на что я согласилась. Ему, очевидно, нужно подготовиться. Это естественно. Между прочим: письма, т. е. заявления он не получал, очень удивился, узнав о нем, и даже улыбнулся. Но где оно? Он обещал до утра выяснить и высказал предположение, что оно лежит в областном отделе и спит. Это называется “скандал”. Разговор, как он предполагает, будет длинным и серьезным. Любопытно.

<...>

.....

.....

1 Марченко Иван Александрович (1902–1941) — секретарь парторганизации СП СССР и помощник секретаря СП по творческим вопросам.

---

29 ДЕКАБРЯ 1935 Г.

<...>

Осюшенька! Сейчас разговаривала с Марченко. Сразу выиграла позицию, как в шахматной игре: он начал разговор с качества стихов — есть, мол, хорошие, есть и плохие. Вот, например, уменьшительное “гудочки”¹. Очень не нравится. Я сказала, что ты очень ценишь и интересуешься всякой критикой, что если у него есть сложившееся мнение о стихах, пусть он тебе напишет, но что я решительно отказываюсь разговаривать в этом плане: я жена, не писатель, в стихах недостаточно компетентна. И окончательная оценка твоей работы принадлежит во всяком случае не мне. Он слегка смутился. Очень большое (но плодотворное ли?) внимание к бытовым условиям и к болезни. <...> Насчет приезда в Минск он *сомневается*. С ним легче говорить, чем со Щербаковым, потому что он не отвечает “да”, а говорит сам.

<...>

.....

---

2 ЯНВАРЯ 1936 Г.

<...>

Такой богатой, мирной, спокойной и веселой Москвы я еще никогда не видела. Даже меня она заражает спокойствием. <...> Вчера видела Всеволода². Соня мне звонила 10 раз, пока я собралась зайти (вполне сознательно)³. Большое впечатление от стихов. Особенно: чернозем, день стоял о пяти головах и венок⁴. Цитируют.

.....

- 1 Из стихотворения О. М. “Наушники, наушнички мои...” (1935).
- 2 Вишневецкий Всеволод Витальевич (1900–1951) — драматург.
- 3 Вишневецкая Софья Касьяновна (1899–1963) — художница, киевлянка, подруга Н. Я. по учебе у А. А. Экстер, первая жена Е. Я. Хазина, брата Н. Я., потом — жена Вишневецкого.
- 4 Стихотворение О. М. “Не мучнистой бабочкою белой...”.

Вернее, он цитирует. Спрашивает, куда я сдала стихи. Расспрашивает. Волнуется, читая заявление.

Он сейчас сильно у дел. Один из заправил. Я ничего его не просила. Наоборот, говорила, что хлопоты — нелепая и ненужная вещь. Он сам взялся выяснить, что могут сделать для тебя, вернее с тобой. Это очень показательно.

Сонька очень мила.

Радуюсь, что не вижу Пастернака.

Вчера в Известиях были его стихи. Чуть ли не после 5 лет молчания. Может, он тоже възграет, как ты после своей пятил<етки> молчания? Только непохоже.

<...>

.....

---

22 ОКТЯБРЯ 1938 Г.

Ося, родной, далекий друг! Милый мой, нет слов для этого письма, которое ты, может, никогда не прочтешь. Я пишу его в пространство. Может, ты вернешься, а меня уже не будет. Тогда это будет последняя память.

Осюша — наша детская с тобой жизнь — какое это было счастье. Наши ссоры, наши перебранки, наши игры и наша любовь. Теперь я даже на небо не смотрю. Кому показать, если увижу тучу?

Ты помнишь, как мы притаскивали в наши бедные бродячие дома-кибитки наши нищенские пиры? Помнишь, как хорош хлеб, когда он достался чудом и его едят вдвоем? И последняя зима в Воронеже. Наша счастливая нищета и стихи. Я помню, мы шли из бани, купив не то яйца, не то сосиски. Ехал воз с сеном. Было еще холодно, и я мерзла в своей куртке (так ли нам предстоит мерзнуть: я знаю, как тебе холодно). И я запомнила этот день: я ясно до боли поняла, что эта зима, эти дни, эти беды — это лучшее и последнее счастье, которое выпало на нашу долю.

Каждая мысль о тебе. Каждая слеза и каждая улыбка — тебе. Я благословляю каждый день и каждый час нашей горькой жизни, мой друг, мой спутник, мой милый слепой поводырь...

Мы как слепые щенята тыкались друг в друга, и нам было хорошо. И твоя бедная горячешная голова и всё безумие, с которым мы прожигали наши дни. Какое это было счастье — и как мы всегда знали, что именно это счастье.

Жизнь долга. Как долго и трудно погибать одному — одной. Для нас ли неразлучных — эта участь? Мы ли — щенята, дети, — ты ли — ангел — ее заслужил? И дальше идет всё. Я не знаю ничего. Но я знаю всё, и каждый день твой и час, как в бреду, — мне очевиден и ясен.

Ты приходил ко мне каждую ночь во сне, и я всё спрашивала, что случилось, и ты не отвечал.

Последний сон: я покупаю в грязном буфете грязной гостиницы какую-то еду. Со мной были какие-то совсем чужие люди, и, купив, я поняла, что не знаю, куда нести всё это добро, потому что не знаю, где ты.

Проснувшись, сказала Шуре: Ося умер. Не знаю, жив ли ты, но с того дня я потеряла твой след. Не знаю, где ты. Услышишь ли ты меня? Знаешь ли, как люблю? Я не успела тебе сказать, как я тебя люблю. Я не умею сказать и сейчас. Я только говорю: тебе, тебе... Ты всегда со мной, и я — дикая и злая, которая никогда не умела просто заплакать, — я плачу, я плачу, я плачу.

Это я — Надя. Где ты? Прощай. Надя.

.....

**III. НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ
И О НАДЕЖДЕ МАНДЕЛЬШТАМ:
ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ. ОЧЕРКИ.
МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ**

---

*В этой жизни меня удержала
только вера в Вас и в Осю.
В поэзию и в ее таинственную силу.
То есть чувство правоты.*

Н. МАНДЕЛЬШТАМ

Вместе: годы с Осипом Мандельштамом

Михаил Кальницкий

НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА МАНДЕЛЬШТАМ В КИЕВЕ

С Киевом связан значительный этап биографии Надежды Мандельштам. Здесь прошли ее детство и юность, здесь она получила гимназическое образование, здесь же состоялось ее памятное знакомство с Осипом Мандельштамом. Ряд событий этого периода освещен в воспоминаниях самой Надежды Яковлевны; многое может быть прояснено и дополнено благодаря различным мемуарным источникам, печатным и архивным материалам.

1 .....

...Жизненный путь Н. Мандельштам начался в Саратове, где она была младшим ребенком в семье Якова Аркадьевича Хазина — крещеного еврея, сына кантониста, присяжного поверенного. Согласно ее воспоминаниям, окончил он “математический факультет, а затем в два-три месяца сдал за юридический. Профессора, пораженные блеском молодого юриста, сразу дали ему какое-то дело, на

котором он крупно заработал. Когда я родилась, деньги уже кончались, и священник поэтому посоветовал назвать меня Надеждой. Надежда оправдалась, и отец, бросив Саратов — провинциальный, непромышленный город, — переехал в Киев, где снова стал зарабатывать”¹.

Действительно, к концу XIX века в городе на Днепре, где сосредоточилось множество банков, акционерных обществ, фабрично-заводских контор Юго-Западного края Российской империи, существенно выросла деловая активность, увеличился и спрос на адвокатские услуги.

О времени переезда семьи Хазиных в Киев можно судить по спискам присяжных поверенных, опубликованным в ежегодных выпусках “Памятной книжки Киевской губернии” — изданиях губернского статистического комитета. Впервые его фамилия появилась в “Памятной книжке” на 1902 год. Подача материалов для издания осуществлялась предшествующей осенью, из чего можно сделать вывод, что Яков Хазин, скорее всего, стал киевлянином в 1901-м, когда Наде шел второй год.

“Памятные книжки Киевской губернии” содержали часы приема и адреса присяжных поверенных. Так, в выпусках на 1902–1904 годы фигурирует первый из известных киевских адресов Я. Хазина — улица Михайловская, 11. Это доходное здание домовладельца Бориса Цейтлина на одной из центральных улиц сохранилось до настоящего времени.

Следующее место работы и проживания присяжного поверенного Хазина (отмеченное в справочниках за 1905–1907 годы) — дом по улице Пушкинской, 4. Он располагался в усадьбе известного киевского издателя Стефана Кульженко. На улицу выходил корпус с жилыми и офисными помещениями, а во дворе находились типографские помещения. Все эти постройки были уничтожены пожаром во время нацистской оккупации, и теперь на их месте находится послевоенное здание.

Затем, согласно “Памятным книжкам Киевской губернии” на 1908–1912 годы, адресом Якова Хазина был доходный дом владельцев Кистеновых по улице Рейтарской, 25 (сохранился). Любопытно, что позже, в 1913-м, там же поселились молодожены — студент-медик Михаил Булгаков и его первая любовь Татьяна Лаппа.

С периодом проживания в доме на Рейтарской связано воспоминание Надежды Яковлевны о первом встреченном ею человеке по фамилии Мандельштам (точнее, Мандельштамм). Речь

.....

идет о почтенном враче-окулисте и еврейском общественном деятеле Максе-Эммануиле Хаскелевиче Мандельштамме, состоявшем в отдаленном родстве с семьей поэта.

Десятилетняя Надя обратилась к нему по странному поводу: “Меня водили к старику проверять зрение, потому что в десять лет мне безумно захотелось носить очки, и я стала жаловаться на глаза. Умный старый врач разоблачил бы любого симулянта, но для этого нужно было догадаться, что симуляция для чего-то нужна. Никто бы не догадался, что девочке с косичками хочется носить очки. Бедный однофамилец моего будущего мужа возился со мной целый час, пока не придумал слабости глазного мускула и не выписал мне очки. Я поносила их с неделю, а следующие завела себе через полвека”¹.

Между прочим, потом Н. Мандельштам показывала О. Мандельштаму эту глазную клинику, поскольку оказалось, что он, будучи на отдыхе в Териоках, встречал там старого окулиста. Дом, где жил доктор М.-Э. Мандельштамм, теперь переделан в торговое помещение (нынешний адрес — улица Михаила Грушевского, 8), а отдельное помещение клиники, стоявшее рядом с этим домом, утрачено.

2 .....

Из дома на Рейтарской, 25, Надя впервые пошла учиться. Ее отдали в частную гимназию Аделаиды Жекулиной, находившуюся тогда в наемном помещении на соседней улице Ярославов Вал в доме №36 (сохранился). Листок с записью о зачислении Хазиной Надежды, православной, дочери присяжного поверенного, в первый класс гимназии Жекулиной в августе 1909 года свидетельствует, что она вполне прилично прошла вступительное испытание. Ей поставили пятерки по Закону Божьему, русскому и немецкому языкам и четверку по математике².

Не исключено, что гимназия была выбрана родителями Нади просто как ближайшая. Но, с другой стороны, этот выбор вполне соответствовал намерениям Хазина-отца и характеру самой ученицы. Гимназия, которую основала и содержала Аделаида Владимировна Жекулина, заметно отличалась от большинства женских учебных заведений города. А. Жекулина придерживалась собственных педагогических принципов и ориентировалась не на барышень, желающих получить “приличное” образование перед замужеством, а на девушек, рассчитывающих в жизни на собственные силы. В де-
.....

1 *Собр. соч.* Т. 2. С. 512.

2 ГАГК. Ф. 151. Оп. 1. Д. 112. Л. 32об., 33.

кабре 1905 года, с разрешения царя Николая II, в ее учебном заведении была введена программа мужских гимназий¹. Отличие от обычной программы женских гимназий заключалось прежде всего в изучении латинского языка, что помогало воспитанницам готовиться к овладению юридическими и медицинскими профессиями.

Очевидно, это сходилось с планами Я. Хазина на будущее младшей дочери. Ему также должно было импонировать, что гимназия Жекулиной стала одной из первых в Киеве, где в число изучаемых “живых” языков вошел английский (обычно ограничивались французским и немецким). Н. Мандельштам называла своего отца “англоманом”, “потому что Англия, по его словам, была единственной страной, где живут по законам. Диккенса он не признавал — «либеральная сантиментальность». Поэтому мой первый иностранный язык был английским. Ко мне в няньки выписывали англичанок — обычно пасторских дочек. «Они уважают детей», — говорил отец”².

Позитивными качествами учебного заведения, в которое поступила Надя, были также высокий уровень педагогического состава и доверительные, дружные взаимоотношения в классах. Сплочению способствовали совместные мероприятия, такие, как познавательные экскурсии или загородные пикники.

Позже, в 1919 году, А. Жекулина вынуждена была эмигрировать (ее сыновья участвовали в Белом движении; между прочим, один из них — Николай Жекулин — был связан по издательским делам с О. Мандельштамом). Оставаясь верной своему педагогическому призванию, Аделаида Владимировна организовывала за рубежом русские гимназии. Скончалась она в 1950 году в Бельгии³.

Гимназия Жекулиной была одноклассной, обучались там в основном девочки из интеллигентных семей. Среди одноклассниц Нади отметим Екатерину Кистяковскую — дочь потомственного дворянина Юлия Кистяковского, внучку профессора Киевского университета Александра Кистяковского, принадлежавшую к разветвленному роду украинских ученых и государственных деятелей. В том же классе училась Ольга Бош — старшая дочь профессиональной революционерки Евгении Бош, вынужденной в те годы эмигрировать, оставив двух девочек на попечение бабушки. Можно предположить, что Хазина, уроженка Саратова, поддерживала

.....

1 Кальницкий М. *Гимназии и гимназисты*. Киев, 2014. С. 253.

2 *Собр. соч.* Т. 2. С. 886.

3 Российское зарубежье во Франции. 1919–2000: Биографический словарь / Под общ. ред. Л. Мнухина, М. Авриль, В. Лосской. Т. 1. 2008. С. 552.

близкое знакомство с одноклассницей и ровесницей Еленой Браславской, дочь провизора, также родившейся в Саратове¹.

Добавим еще, что среди учениц младших, по сравнению с Надиным, классов оказались Элла и Ада Войтоловские — дочери известного писателя, журналиста и врача Льва Наумовича Войтоловского. А. Войтоловская потом вспоминала: «Учились мы со старшей сестрой Эллой в гимназии Жекулиной, которая давала аттестат зрелости и в которой латынью занимались пять часов в неделю, больше, чем русским языком, на который отводилось четыре часа»². К слову, в тех же воспоминаниях отмечено, что в киевской квартире Л. Войтоловского (в доме № 20 по улице Кузнечной, теперь Горького) бывал О. Мандельштам: «Заходил всегда приподнятый, недостижимый и непостижимый Осип Мандельштам, но только к папе»³.

О том, как проходило обучение Нади Хазиной, можно судить по гимназическим документам. Одно время ее успехи были весьма скромны. Так, в шестом классе она удовлетворилась годовыми тройками по всем языкам (русскому, латинскому и трем «живым» иностранным), имела тройку и по алгебре, зато по русской и всеобщей истории получила пятерки⁴.

К этому времени семья Хазиных уже съехала с Рейтарской улицы. Во второй половине 1911 года они наняли новую квартиру в самом центре города, на углу Крещатика и Институтской улицы⁵. Угловой участок по Крещатику, 15/2, принадлежал тогда семье крупных киевских домовладельцев Поповых. Непосредственно на две улицы выходил жилой корпус, в котором и поселился Яков Хазин, а смежный с ним дом по фронту Крещатика, тоже принадлежавший Поповым, включал популярное в Киеве кафе «Семадени» и помещение частного театра. Все эти здания были разрушены в 1941 году. Теперь на их месте — свободное пространство, составляющее часть Майдана Независимости.

В 1912-м справила новоселье гимназия Жекулиной. Для нее было выстроено собственное здание по улице Львовской (ныне Артема), 27. В настоящее время оно по-прежнему используется как помещение среднего учебного заведения — киевской школы № 138. Здесь Надежда Хазина в апреле 1917 года держала выпускные экзамены после восьмилетнего обучения. Результаты оказались удачны-

.....

1 ГАГК. Ф. 151. Оп. 1. Д. 153. Л. 10б., 2, 60б., 7.

2 Войтоловская А. *По следам судьбы моего поколения*. Сыктывкар, 1991. С. 15, 16.

3 Там же. С. 15.

4 ГАГК. Ф. 151. Оп. 1. Д. 153. Л. 140б., 15.

5 Календарь. Адресная и справочная книга г. Киева на 1912 год. Адресный указатель. — Киев, 1912. С. 191; Памятная книжка Киевской губернии на 1913 год. Киев, 1912. С. 276.

ми. Конечно, Надя не смогла догнать первых учениц своего класса — круглых отличниц Сарру Готтесман, Ольгу Гринштейн и Ольгу Шольп, удостоившихся золотой медали¹. Но среди ее итоговых отметок не было ни единой тройки. Почти по всем предметам она добилась оценки “4”. Одну из двух пятерок Надя получила по Закону Божьему, хотя надо отметить, что добрый отец законоучитель Павел Старовойтенко оценил на “отлично” всех без исключения православных выпускниц этого года. Второй высший балл был поставлен Хазиной по законоведению, что для дочери юриста можно считать вполне естественным. 27 апреля 1917 года педсовет гимназии постановил “удостоить аттестата зрелости” 25 воспитанниц — в том числе и Хазину Надежду². Делопроизводственная копия ее аттестата сохранилась в фонде гимназии Жекулиной Государственного архива г. Киева³ (публикуется впервые). На основании этого аттестата выпускница женской гимназии с программой мужских пользовалась правом, которое было, согласно пояснению на обороте, “всемиловитейше предоставлено государем императором”: поступать без экзаменов в женский медицинский институт и другие высшие учебные заведения (т. е. на Высшие женские курсы).

3 .....

Впрочем, тогдашнее время было смутным: уже наступил 1917-й, государь император лишился трона, политическое устройство оказалось неустойчивым, многие учебные заведения пережили реформирование. Так, в университеты, ранее предназначенные только для юношей, начали принимать и девушек. Есть сведения о том, что Надежда Хазина в конце 1917-го — начале 1918 года числилась студенткой юридического факультета Киевского университета Св. Владимира⁴. Но именно на те месяцы в городе пришлось несколько переворотов, сопровождавшихся артиллерийскими обстрелами и уличными боями, во время которых занятия не проводились. Ввиду этого к основательной юридической подготовке юная Надя, по сути, не приступала и вскоре оставила университет. Зато в ту пору она увлекалась рисованием и, по ее собственному выражению, “бегала в одном табунке с несколькими художниками”⁵.

.....

1 ГАК. Ф. 151. Оп. 1. Д. 190. Л. 233–237.
 2 Там же. Д. 173. Л. 550б., 56.
 3 Там же. Д. 190. Л. 227, 227об.
 4 Фрезинский Б. Университетское личное дело Н.Я. Хазиной // Сохрани мою речь. Вып. 3/2. 2000. С. 258, 259.
 5 Собр. соч. Т. 2. С. 39.

Девушка училась у Александры Александровны Экстер — выдающейся художницы-киевлянки, которая была тесно связана с авангардным искусством, общалась в Париже с Пикассо, Браком, Леже и вносила в творческую среду Киева начала XX века подлинно европейское начало. В 1918 году, после смерти мужа, А. Экстер “для существования и пропитания пришлось открыть мастерскую живописи”¹, где она в две смены вела занятия с учениками. Мастерская располагалась в четырехэтажном доме по улице Гимназической (теперь Леонтовича), 1, на участке, который до июня 1918-го принадлежал Экстерам. Н. Мандельштам отметила, что впоследствии А. Экстер отзывалась о ней как о своей ученице².

В число тех, кто занимался в киевской студии Экстер, входил художник и скульптор Марк Исаевич (Моисей Цалерович) Эпштейн, ровесник Надежды Хазиной, получивший известность как организатор художественной секции Культур-Лиги в Киеве³. Вероятно, это он упоминается во “Второй книге” как “мальчик-скульптор по фамилии Эпштейн”, который “жил высоко на Лютеранской улице в барской квартире, покинутой хозяевами”⁴ и создал в 1919 году бюстовый портрет Нади (судьба этого произведения не установлена).

Из учеников А. Экстер (по сути, реформировавшей отечественное и мировое искусство сценографии) сложилась целая плеяда выдающихся театральных художников: А. Петрицкий, А. Тышлер, Н. Шифрин и ряд других. С ней тесно сотрудничал Исаак Моисеевич Рабинович, совместно с которым Александра Александровна и ее воспитанники работали над театрально-декорационными и оформительскими проектами.

Наиболее масштабным из них было празднование в Киеве Первомая 1919 года — впервые в условиях советской власти. Сама Александра Александровна находилась в тот момент в Одессе, но ее многочисленные студийцы были привлечены к изготовлению и развешиванию всевозможных элементов оформления.

Как рассказала впоследствии Н. Мандельштам: “У нас были жесткие малярные кисти, мы тыкали их в ведра с клеевой краской и размазывали грубыми пятнами невероятные полотна, которые потом протягивали поперек улицы, чтобы под ними прошла демон-

.....

- 1 Коваленко Г. Ф. *Александра Экстер: Путь художника. Художник и время*. М., 1993. С. 209.
- 2 *Собр. соч.* Т. 2. С. 158.
- 3 Папета С. “Формула крови” (до кийського періоду творчості М. Епштейна) // *Хроніка* 2000. Випуск 21–22. 1998. С. 316–345; *Культур-Ліга. Художній авангард 1910-х–1920-х років*. 2007. С. 86.
- 4 *Собр. соч.* Т. 2. С. 43.

страция”¹. Кинорежиссер Сергей Юткевич, свидетель этих киевских событий, вспоминал: “Фасады всех зданий Крещатика и фонарные столбы расцвелись полотнами, лозунгами и эмблемами. Получилась гигантских масштабов уличная выставка всех направлений в искусстве с преобладанием, конечно, царивших тогда футуристических, кубистических, супрематических, конструктивистских и других «авангардистских» тенденций, но справедливости ради надо отметить, что все художники искренне и вдохновенно старались, используя приемы народного лубка и национальной орнаментики, пропагандировать революционную тематику и поэтому, в целом, им удалось создать радостную и победную атмосферу Первомайского праздника”².

Центром торжества и праздничного парада оказалась Софийская площадь, на которой в то время размещалась резиденция правительства советской Украины. Посередине площади, рядом с памятником Богдану Хмельницкому, установили временныйobelisk в честь Октябрьской революции и фанерную триумфальную арку.

Одним из ключевых мероприятий киевского Первомая была премьера спектакля по пьесе испанского драматурга Лопе де Веги “Фуэнте Овехуна” (“Овечий источник”). Так называлась испанская деревня, жители которой восстали против сеньора, надругавшегося над прекрасной Лауренсией. Постановку специально к празднику подготовил талантливый режиссер Константин Марджанов (Котэ Марджанишвили) на сцене Второго государственного драматического театра УССР им. В. И. Ленина. Этот коллектив был организован на базе бывшего театра “Соловцов”, популярнейшей русской труппы дореволюционного Киева.

В спектакле были заняты ведущие актеры театра: В. Юрнева, Н. Светловидов, Н. Соснин и другие. Рисунки декораций и костюмов выполнил И. Рабинович. Согласно воспоминаниям Н. Мандельштам: “Марджанов ставил пьесу испанского классика: деревня взбунтовалась против сеньора, потому что он нарушил старинные права. Народ побеждает, женщины вздымают руки над головами и ритмически поводят боками, актеры кричат хором: «Вся власть советам», а зрительный зал ревет от восторга. Для апофеоза художник Исаак Рабинович придумал неслыханное изобилие: через всю сцену протягивалась гирлянда бутафорских фруктов, овощей, рыбьих и птичьих тушек подозрительно фаллического вида. Овация нарастала. Исаак выходил раскланиваться. Он вел за руку двух сво-
.....

1   Собр. соч. Т. 2. С. 19.

2   Юткевич С. Шумит не умолкая память // Встречи с прошлым. Вып. 4. 1982. С. 21.

их помощниц: одна была я, другая — моя подруга Витя, служившая раньше подмалевком у Экстер. Это мы с Витей раскрашивали фруктообразные фаллосы, уточняя форму, халтурно сделанную в бутафорской. Нас забрасывали грудями дешевых киевских роз, и мы выходили из театра с огромными охапками”¹.

Быть может, на премьерном первомайском спектакле, уже по окончании сценического действия, возглас “Вся власть советам” и прозвучал, но в режиссерский замысел он, насколько известно, не входил. На самом деле финальная сцена, согласно воспоминаниям актрисы Веры Юреновой — исполнительницы роли Лауренсии, — выглядела так: “Все персонажи двигались к рампе радостные, с криками: «Да здравствует Фуэнте Овехуна!», в зале зажигался и с движением актеров всё разрастался свет”². На зрителей, преимущественно рабочих и красноармейцев, эта постановка с “ударным” финалом производила эффектное впечатление, и они расходились с пением “Интернационала”.

4 .....

Поздним вечером того же 1 мая, когда в Киеве впервые показали “Фуэнте Овехуна”, отмечал свой день рождения Александр Иосифович Дейч — литературовед и деятель театра, в то время сотрудник репертуарного отдела Всеукраинского театрального комитета (Вутекома). Он помогал Марджанову в постановке, снабжал его литературными материалами. Друзья и знакомые Дейча поздравляли его неподалеку от Второго гостеатра, в так называемом Хламе (ХЛАМе) — клубе-кафе художников, литераторов, артистов, музыкантов.

“Хлам” находился в гостинице “Континенталь”, в доме №5 на улице Карла Маркса, бывшей Николаевской (ныне улица Архитектора Городецкого). Гостиница, основанная в 1897 году, считалась самым фешенебельным и престижным отелем города, она располагала роскошным ресторанным залом в два света. Что же касается “Хлама”, то он занимал скромное подвальное помещение с несколькими столиками, которое обслуживал буфетчик. Клуб действовал, скорее всего, с конца февраля 1919 года. В начале марта было сообщено, что в “Хламе” организованы “ежедневные общие собрания начинающих поэтов и литераторов для совместного чтения новых произведений” — с тем чтобы “помочь молодым силам

.....

1   *Собр. соч.* Т. 2. С. 39.

2   Спектакль, звавший в бой: Сборник статей и воспоминаний. Киев, 1970. С. 96.

выйти на литературную дорогу”¹. Это колоритное заведение упоминается во многих мемуарных источниках; обзор его истории приведен в исследованиях М. Петровского² и М. Рыбакова³.

Среди тех, кто оказался в “Хламе” на дне рождения А. Дейча, была и Н. Хазина. Но в тот же вечер клуб посетил Осип Мандельштам, остановившийся в “Континентале”. Случайная встреча поэта и юной художницы стала для обоих решающим событием. А. Дейч отмечал в своем дневнике, что Мандельштама просили почитать стихи, он “плыл по ритмам” с закрытыми глазами, а “открывая глаза, смотрел только на Надю Х...”⁴. Согласно “Второй книге” Н. Мандельштам, “мы легко и бездумно сошлись. Своей датой мы считали первое мая девятнадцатого года”⁵.

Надежда Яковлевна упомянула “Континенталь” в качестве “главной гостиницы города, куда поселили приехавших из Харькова правителей второго и третьего ранга. Мандельштаму удалось пристроиться в их поезде, и ему по недоразумению отвели отличный номер в той же гостинице”⁶. По-видимому, такая оказия представилась Осипу Эмильевичу благодаря тому, что он некоторое время занимал официальную должность в Отделе искусств Наркомпроса Украины. Еще в начале марта 1919 года киевская пресса сообщила о том, что во временной столице республики — Харькове — “для руководства литературно-художественной жизнью Украины при Отделе искусств образован Всеукраинский Литературный Комитет”; целью его деятельности являлось “создание условий, при которых со всей полнотой и силой могло бы проявиться творчество пролетариата и всего трудового народа”⁷. Председателем Всеукриткома стал харьковский поэт Григорий Петников. При комитете были организованы секции: поэтическая, журналистская, художественной прозы и критики, лекционно-инструкторская, а также бюро пропаганды. Заведующим поэтической секцией назначили О. Мандельштама⁸.

Переехав в Киев наряду с другими столичными учреждениями, Всеукритком с апреля 1919 года развернул здесь свою работу, но Мандельштам не принимал в ней заметного участия. Это и неудивительно, если учесть его неприятие конъюнктурного сти-

.....

1 Киевский коммунист. 1919. 8 марта. № 35.

2 Петровский М. *Городу и миру*. 2-е изд. Киев, 2008. С. 254–260.

3 Рыбаков М. *Вулиця Архітектора Городецького*. Київ, 2007. С. 175–180.

4 Дейч А. Две дневниковые записи // Сохрани мою речь. Вып. 3. Ч. 2. С. 146.

5 *Собр. соч.* Т. 2. С. 40.

6 Там же.

7 Киевский коммунист. 1919. 7 марта. № 34.

8 Там же. 8 марта. № 35.

хотворчества, отчетливо проявившееся на “вечере стихов” в зале театра “Соловцов”. Все участники вечера подготовили, по словам Н. Мандельштам, “подходящие к случаю стихи с вкрапленными в них лозунгами”, тогда как Осип Эмильевич прочел короткое лирическое восьмистишие из сборника “Камень”, вызвавшее у Надежды Яковлевны ощущение “неуместности этого человека на сцене и несовместимости прочитанного стихотворения с общим состоянием умов”¹.

В конце концов О. Мандельштама лишили жилья в “Континентале”. Потом, после окончательного установления советской власти, эта гостиница использовалась для размещения наиболее важных гостей и иностранцев, она действовала вплоть до 1941 года. В начале нацистской оккупации Киева ее здание, занятое штабом гитлеровцев, было взорвано подпольщиками. После войны руины бывшей гостиницы восстановили для учебных помещений консерватории (теперь Национальная музыкальная академия Украины имени П. И. Чайковского)².

Осип с братом Шурой переехали в квартиру Хазиных, в кабинет Надиного отца³. Окна углового здания выходили, как уже отмечалось, на две улицы — на Институтскую, шедшую в гору, к элитной местности Липки, и на Крещатик, на котором прямо против дома №15/2 стояла Городская дума (не сохранилась). Нередко за окнами происходили трагические события. На Липках тогда находились помещения Чрезвычайной комиссии — ЧК, занимавшей бывший дворец генерал-губернатора и несколько богатых особняков. Там совершались многочисленные карательные акции, изо дня в день расстреливали осужденных “контрреволюционеров”. Мертвые тела потом перевозили на Лукьяновское кладбище. Н. Мандельштам вспоминала о событиях августа 1919 года: “Под самый конец, когда большевики перед уходом расстреливали заложников, мы увидели в окно <...> телегу, полную раздетых трупов. Они были небрежно покрыты рогожей, и со всех сторон торчали части мертвых тел. Чека помещалась в нашем районе, и трупы через центр вывозились, вероятно, за город. Мне сказали, что там был сделан желоб, чтобы стекала кровь, — техника еще была наивной”⁴.

В сентябре, после прихода в Киев Добровольческой армии, “бойни” ЧК на Липках и массовые захоронения на Лукьяновском кладбище были обследованы, часть погибших опознали родные

.....

1   *Собр. соч.* Т. 2. С. 322.

2   Кальницкий М. *Зодчество и зодчие*. Киев, 2012. С. 194.

3   *Собр. соч.* Т. 2. С. 45.

4   Там же. С. 45–46.

и близкие¹. Впоследствии эти страшные подробности не раз были отражены в эмигрантских публикациях². Безусловно, с чекистскими учреждениями Липок связана строка “Пахнут смертью господские Липки” из стихотворения “Как по улицам Киева-Вия...”

5 .....

Если О. Мандельштам выехал из города с группой советских актеров³, очевидно, накануне появления белых, то Н. Хазина осталась с родителями в Киеве при Добровольческой армии и стала свидетельницей всё новых и новых жестокостей войны. Она вспоминала: “Уже без Мандельштама — он успел уехать — город на несколько часов был захвачен красными. Они прорвались к тюрьме и выпустили заключенных, а затем красных выбили и отдали город на разграбление победителям. Жители охраняли дома и при появлении солдат били в медные тазы и вопили. Вой стоял по всем улицам. На улицах валялись трупы. Это было озверение Гражданской войны”⁴. Речь идет о событиях после кратковременного (14–17 октября 1919 года) прорыва красноармейских частей к Киеву. Рассвирепевшие деникинцы, вернувшись, усилили репрессии, в городе происходили погромы, отзвуком которых стала известная передовица В. Шульгина “Пытка страхом”⁵. Художественно изложенные подробности этих дней приведены в “Повести о жизни” К. Паустовского⁶.

Однако связанными с Киевом 1919 года у Н. Мандельштам остались не только мрачные впечатления, но и память о времени, проведенном с О. Мандельштамом, о посещенных ими вместе городских уголках. Одним из них стало подворье Михайловского монастыря: “...Мы «обвенчались», то есть купили возле Михайловского монастыря два синих колечка за два гроша, но, так как венчание было тайное, на руки их не надели. Он носил свое колечко в кармане, а я — на цепочке, припрятав на груди. Чудные вещи продавались на Михайловском подворье! Особенно я любила безобразные круглые гребенки с надписью: «Спаси тебя Бог». Самую круглую и самую безобразную гребенку я получила от Мандельштама вместо «свадебного» подарка и ходила в ней по городу и в «Хлам», потому

.....

- 1 Киевлянин. 1919. 1 (14) сентября. № 10.
- 2 Мельгунов С. П. *Красный террор в России. 1918–1923*. М., 1990. С. 114, 127, 128.
- 3 *Собр. соч.* Т. 2. С. 46.
- 4 Там же.
- 5 Шульгин В. Пытка страхом // Киевлянин. 1919. 8 (21) октября. № 37.
- 6 Паустовский К. Г. *Собрание сочинений*: В 8 т. Т. 4. М., 1968. С. 668–670.

что была молода и нахальна. Кто бы мог подумать, что на всю жизнь мы останемся вместе?..”¹

Впоследствии на монастырском подворье был устроен студенческий городок; Михайловский собор и колокольню в 1930-е годы разрушили (И. Эренбург отметил: “Мне жаль Михайловского монастыря, он хорошо стоял, был милый дворик. Конечно, Андреевская церковь лучше, но зря его снесли...”²). Но в настоящее время утраченные сооружения воссозданы, монастырь вновь действует.

Рядом с Михайловской обителью расположен живописный старый парк Владимирская горка, отделенный Владимирским спуском от другого места прогулок — Купеческого сада (ныне Крещатый парк). Они буквально нависают над днепровским простором. Здесь Осип Мандельштам и Надежда Хазина побывали в первый же вечер после их первомайского знакомства в “Хламе”: “Отменили комендантский час, и мы большой гурьбой гуляли по Владимирской горке («твоя горка», как это потом называлось). Сошлись мы накануне, уйдя из Купеческого сада, где мой табунок делал выставку народного искусства и почему-то проводил целые ночи, жаря на кострах картошку. Мандельштам запомнил Владимирскую горку, потому что там он мне объяснил, что наша встреча не случайность. Я этого еще не подозревала и очень смеялась его словам”³. В дальнейшем, бывая в Киеве, О. Мандельштам и Н. Мандельштам старались непременно “сходить на Горку”.

Еще одним запомнившимся местом стала греческая кофейня на Софиевской (точнее, Софийской) улице, где Осип и Надежда часто бывали после закрытия “Хлама”: “В окне кофейни был выставлен плакат «Настояща простокваша только наша». Хозяин молот кофе в огромной мельнице и удивлялся, откуда к нему привалило столько народу, а хозяйка пекла пирожки и всех дарила улыбка. Когда пришли белые, карнавал кончился и кофейня опустела. Хозяйка перестала улыбаться и целыми днями дежурила у дверей, чтобы изловить хоть кого-нибудь из прежних посетителей и выдать белым. Всех, кто принес мгновенный расцвет кофейне с настоящей простоквашей, она считала большевиками и люто ненавидела”⁴. В той же кофейне бывал и И. Эренбург (в его воспоминаниях надпись на вывеске звучала как “Настоящий свежий простокваш”), он рассказывал там о своей жизни за границей Надежде Хазиной и ее соученице по студии Экстер — Любове Козинцевой, вскоре

.....

1   *Собр. соч.* Т. 2. С. 55.

2   ЭРЕНБУРГ И. *Люди, годы, жизнь: Воспоминания в трех томах.* Т. 1. М., 1990. С. 283.

3   *Собр. соч.* Т. 2. С. 277.

4   Там же. С. 48.

ставшей женой Эренбурга¹. Очевидно, с этим заведением связано и “псевдовенчание” О. Мандельштама и Н. Хазиной, совершенное Владимиром Николаевичем Маккавейским, киевским поэтом-символистом своеобразного дарования, сыном профессора Киевской духовной академии: “Нас благословил в греческой кофейне мой смешной приятель Маккавейский, и мы считали это вполне достаточным, поскольку он был из семьи священника”². Судя по одному из писем Н. Мандельштам, кофейня находилась в доме № 3³ (на первом этаже трехэтажного здания, уцелевшего донныне).

После того как О. Мандельштам вынужден был уехать из Киева, он не виделся с Н. Хазиной полтора года. За это время семью Хазиных отселили с Крещатика в другое место, реквизируя часть мебели: “Из квартиры нас выселяла ЧК. Отец подал на нее в суд. Пришел смеясь: «Это не суд, а черт знает что... Наклали в штаны, как только узнали, кто ответчик». Дело он, конечно, проиграл. <...> Отец пробовал устроиться в Москве, но заскучал «по мамочке». Да и мама отчаянно звала его к себе. В Киеве он пошел записываться в адвокатуру. У него спросили, знает ли он советское право. Он ответил, что римское право изучил за две недели, «а на ваше мне и двух часов хватит...». В этом он был неправ: на изучение советского права и жизни не хватит. А он мог бы уже знать: в Москве ходил по судам и возвращался, ахая от удивления: «Что это: бред или суд?» В защитники его не приняли, и слава богу. Если бы приняли, он бы быстро погиб — отрезал бы правду-матку, и каюк”⁴.

Новую квартиру Хазины получили неподалеку от прежней — по улице Меринговской, 3/1, угол Новой (теперь соответственно улицы Заньковецкой и Станиславского), в бывшем доходном доме Израила Герчикова. Впрочем, всю доходную недвижимость к тому моменту национализировали. Пятиэтажное здание сохранилось до настоящего времени.

6 .....

При первой же возможности, узнав новый адрес Н. Хазиной, О. Мандельштам приехал к ней в Киев весной 1921 года. Буквально накануне Хазиных опять переселили — однако в пределах того же дома, “в нижнюю квартиру, где отвели комнаты моим роди-
.....

- 1 ЭРЕНБУРГ И. *Люди, годы, жизнь*. Т. 1. С. 296.
- 2 *Собр. соч.* Т. 2. С. 134–135. С. Руссова истолковала этот акт как “карнавальное кощунство”, почему-то переместив его в помещение “Хлама” (Руссова С. *К истории одного кощунства* // МАККАВЕЙСКИЙ В. Н. *Избранные сочинения*. Киев, 2000. С. 248–255).
- 3 ПССП. Т. 3. 2011. С. 605.
- 4 *Собр. соч.* Т. 2. С. 884–885.

телям”¹. Этот адрес — “Новая ул., уг. Меринговской, д. 1/3, кв. Хази-на” — потом фигурирует в переписке О. Мандельштама². Из Киева Осип и Надежда уехали вместе, чтобы оставаться рядом до последней роковой черты.

Еще не раз после этого они приезжали сюда³, останавливаясь у Хазиных. Так, в марте 1922 года был зарегистрирован их брак в Киевском загсе (который находился тогда в помещении Губисполкома — бывшей Городской думы на Крещатике⁴). Их сопровождал один из здешних друзей, поэт Бенедикт (Бен) Лившиц. Н. Мандельштам вспоминала: “Один раз мы явились слишком поздно — барышня уже собирала манатки и красила губы, готовясь смотаться. Бен со свойственным ему дурацким остроумием, которое он в душе считал раблезианским, уговаривал барышню повременить и совершить «бракосочетание», потому что «молодым не терпится». Она посмотрела на нас опытным, холодным взглядом и сказала: «знаем мы» и «подождут до завтра»... Лишь на следующий день мы получили бумажку”. Потом эту “бумажку”, необходимую для оформления проезда по железной дороге, молодожены потеряли...

В конце 1923 года Н. Мандельштам приехала с мужем к родителям, и они вместе встретили Новый год. Вероятно, об этом посещении идет речь в строках: “Я вижу вокзальную площадь холодного Киева, но не помню, как мы добрались до родительского дома. Может, уже изредка ходили трамваи. Только слышу стук в дверь и как она открылась. Родители встретили нас, будто мы явились с того света. Уехать значило кануть в вечность”⁵. К слову, в то время железнодорожные пассажиры пользовались в Киеве временным, неказистым и неудобным, деревянным вокзалом; новое (существующее) вокзальное здание было завершено постройкой лишь в 1932 году.

Следующая встреча Мандельштамов с Киевом пришлось на май 1926-го. О. Мандельштам написал тогда известный очерк “Киев” и бывал в театре “Березиль” под руководством Леся Курбаса, занимавшем помещение бывшего театра “Соловцов”, буквально в нескольких шагах от жилья Хазиных.

Очередной приезд О. и Н. Мандельштамов в Киев состоялся в декабре 1928 года. Еще в дороге почувствовав недомогание, Надежда Яковлевна надолго слегла. К счастью, в то время ведущим специалистом-хирургом Киевского медицинского института

.....

1   *Собр. соч.* Т. 2. С. 47.

2   *ЛССП.* Т. 3. С. 388.

3   Там же. С. 883–889.

4   *Весь Киев в кармане: Справочная и адресная книжка на 1922–23 гг.* Харьков, 1922. С. 2.

5   *Собр. соч.* Т. 2. С. 100, 102.

была давняя знакомая О. Мандельштама — первая отечественная женщина-профессор Вера Игнатьевна Гедройц (в 1929–1930 годах заведовала в институте кафедрой факультетской хирургии¹). Она была и способным литератором, писала лирические стихи, в 1910-е годы входила в состав “Цеха поэтов”. После месяца подготовки на постельном режиме Н. Мандельштам поместили в больницу (по-видимому, речь идет о хирургическом стационаре в бывшем комплексе факультетских клиник Киевского университета по бульвару Тараса Шевченко, 17), где В. Гедройц в январе 1929-го благополучно прооперировала ее по поводу аппендицита².

Дореволюционное “барское” благосостояние семьи Хазиных давно осталось в прошлом. Осип Эмильевич сообщал в письме к отцу: “Родители Нади люди совсем беспомощные и нищие. В квартире у них холод, запущенность. Связей никаких”³. Между тем у О. Мандельштама в Киеве появились надежды на постоянную, неплохо оплачиваемую работу. При содействии Исаака Бабеля он рассчитывал устроиться редактором-консультантом на Киевскую киностудию, в перспективе шла речь и о редактировании здесь же нового русскоязычного литературного журнала⁴. Впрочем, эти планы так и не осуществились — очевидно, из-за печально известной тяжды о переводе “Тиля Уленшпигеля”, которая настроила против Мандельштама официальные советские структуры. Из Киева снова пришлось уехать.

А уже в следующем, 1930 году под посещениями города на Днестре была подведена черта. В феврале скончался Яков Аркадьевич Хазин. Надежда Яковлевна поехала на похороны отца, потом (до марта) пробыла в Киеве вместе с матерью — Верой Яковлевной Хазиной, и впоследствии В. Хазина переехала к Мандельштамам.

Вспоминая много лет спустя о Киеве (в котором с середины 1920-х годов проводилась активная “украинизация”), Н. Мандельштам отмечала: “Моя столица не Киев, а Москва: ведь мой родной язык — русский”⁵. Однако город своей молодости и любви она никогда не забывала. Свидетельство тому — обилие киевских эпизодов, заполнивших яркие страницы мемуаров Надежды Яковлевны.

.....

.....

- 1 Макаренко И. М., Полякова И. М. *Биографический словарь заведующих кафедрами и профессоров Киевского медицинского института (1841–1991)*. Киев, 1991. С. 26.
- 2 ПССП. Т. 3. С. 472, 473.
- 3 Там же. С. 473.
- 4 Там же. С. 474, 475.
- 5 *Собр. соч.* Т. 2. С. 101.

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА МАНДЕЛЬШТАМ В СТРУНИНЕ И ШОРТАНДЫ

1 .....

С первой же киевской встречи в 19-м году 1 мая стало для Осипа Мандельштама и Надежды Хазиной сакральной датой. Они вспоминали ее и в 38-м, в 19-ю годовщину киевской “помолвки”, в снежной западне Саматихи. “Ночью в часы любви я ловила себя на мысли — а вдруг сейчас войдут и прервут? Так и случилось первого мая 1938 года, оставив после себя своеобразный след — смесь двух воспоминаний”¹.

Под самое утро 2 мая постучали энкавэдэшники и разлучили их уже навсегда. “Мы не успели ничего сказать друг другу — нас оборвали на полуслове и нам не дали проститься”². Так торопили и так спешили, что увезли Осипа Эмильевича даже без пиджака!

Сопроводжать мужа хотя бы до Москвы жене на этот раз не разрешили: срок действия сталинского “чуда” 1934 года уже истек.

Только 6 или 7 мая Надежда Яковлевна сумела выбраться из Саматихи. И, по-видимому, сразу же после этого выехала в Калинин, где начиная с 17 ноября 1937-го по 10 марта 1938 года в пятистенной избе на 3-й Никитинской ул., 43, в доме рабочего-металлурга Павла Федоровича Травникова и его жены Татьяны Васильевны, они с Осипом снимали комнату.

В Калининне она забрала корзинку с рукописями: примерно половина архива Мандельштама, вторая половина была в Ленинграде у С. Б. Рудакова. Н. Я. понимала, что такой же “налет” неизбежно предпримут и органы, но сумела опередить и без того перегруженный аппарат НКВД. Два сотрудника областного управления НКВД — Недобожин-Жаров и Пук — также побывали у Травниковых, но только 28 мая 1938 года и без особого результата.

Из Калинина — через Москву и Саматиху — начался уже крестный путь Осипа Мандельштама навстречу гибели у Тихого океана.

Ее собственный “крутой маршрут” после ареста и смерти мужа прошел через несколько промежуточных станций: Струнино —

.....

1 *Собр. соч.* Т. 1. С. 584.

2 Там же. С. 456.

Шортанды — снова Калинин — Муйнак — Ташкент — Ульяновск — Чита — Чебоксары — Таруса — Псков.

Первые две из них (между ними были еще Москва и Ленинград) вобрали в себя те самые восемь месяцев 1938 года, что отделяли арест Мандельштама от его смерти.

Всмотримся пристальнее в эти восемь месяцев¹.

2 .....

Всё это время Н. Я. прожила на положении “стоятницы”². Самой первой и долгой станцией оказалось Струнино.

Кто-то посоветовал ей попытать счастья устроиться по Ярославской дороге — той самой, по которой ежедневно шли на восток эшелоны с осужденными: тайная надежда встретиться с мужем хотя бы взглядами через зарешеченное окно тоже присутствовала в этом выборе.

Она начала с Ростова Великого: “...в первый же день я встретила там Эфроса³. Он побледнел, узнав про арест О. М., — ему только что пришлось отсидеть много месяцев во внутренней тюрьме. Он был едва ли не единственным человеком, который отделился при Ежове простой высылкой. О. М., услышав за несколько недель до своего ареста, что Эфрос вышел и поселился в Ростове, ахнул и сказал: «Это Эфрос великий, а не Ростов...» И я поверила мудрости великого Эфроса, когда он посоветовал мне не селиться в Ростове: «Уезжайте, нас здесь слишком много...»⁴

Но неудача обернулась удачей: “В поезде, на обратном пути, я разговорилась с пожилой женщиной: ищу, мол, комнату, в Ростове не нашла... Она посоветовала выйти в Струнине и дала адрес хороших людей: сам не пьет и матом не ругается... И тут же прибавила: «А у нее мать сидела — она тебя пожалеет...» Поезда были добрее людей Москвы, и в них всегда догадывались, что я за птица, хотя была весна и кожух я успела продать. <...> ...Я сошла в Струнине и отправилась к хорошим людям. С ними у меня быстро наладились дружеские отношения, и я рассказала им, почему мне понадобилась «дача» в доверстной зоне. Впрочем, это они и так поняли.

.....

1 Основными источниками нам послужат воспоминания Н. Я. и ее переписка с Б. С. Кузиным.
 2 “Стоятницы”, “доверстницы” — те, кому было запрещено проживать в Москве и не ближе, чем в 100 км от нее.
 3 Абрам Маркович Эфрос (1888–1954) был арестован в конце августа 1937 г. и в начале 1938 г. выслан на трехлетний срок в Ростов Великий. Судя по воспоминаниям Н. Д. Эфрос, его вдовы, режим пребывания был достаточно мягким.
 4 *Собр. соч.* Т. 1. С. 434–435.

А снимала я у них крылечко, через которое никто не ходил. Когда начались холода, они силком перетащили меня в свою комнату, загородив мне угол шкафами и простынями: «Чтобы вроде своей комнатки было, а то в общей ты не привыкла...»¹

Когда-то Иван Грозный охотился в этих диких местах и “приструнивал” из мушкета дикого зверя. Но и в 1938 году Струнино Владимирской области — маленький рабочий поселок, ставший в том же году даже городом, — на самом деле решительно ничем не отличался от деревни. Особенно летом, когда у хозяев и корова на выпасе, и огород, а в речке Пичкуре рыба, которую можно ловить хоть корзиной, а в лесу малина, которую можно набирать “профессионально” — двух-трехлитровыми банками.

Впрочем, шальная рыба и сезонная ягода не лучшая основа рациона. “Хозяева заметили, что мне нечего есть, и делились со мной своей тюрей и мурцовкой. Редьку там называли «сталинским салом». Хозяйка наливала мне парного молока и говорила: «Ешь, не то совсем ослабеешь». <...> А я носила им из лесу малину и другие ягоды”².

3 .....

Хотя и нельзя было Н. Я. находиться в Ленинграде (не только в Москве!), но пришлось. Почти весь июнь она провела у постели умирающей от рака старшей сестры Ани, а когда она умерла, проводила ее — втроем: с братом Женей и Анной Ахматовой — в последний путь. Простилась и с “дедом” — Эмилем Вениаминовичем: тот радовался снохе и плакал, но возмущался старшим и непочтительным сыном, не могущим приехать к нему, умирающему! Умер дед очень скоро, 11 июля, — в больничной грязи, в отчаянном одиночестве и обиде, и тоже от рака.

Отчаяние было знакомо и самой Н. Я.: “Мне кажется, что я не успела сказать Осе, как я его люблю...”³ Иногда оно сменялось всплесками надежды (“Может быть, еще когда-нибудь увижу и расскажу Осе, как я его ждала... Может, мы еще посидим втроем за столом”⁴), но отчаяние било сильнее и явно брало верх: “Что Осю я не увижу никогда — я знаю, но понять этого не могу”⁵.

.....

1   Собр. соч. Т. 1. С. 435.
 2   Там же. С. 436.
 3   Из письма Б. С. Кузину от 1 июля (*Кузин. С. 539*).
 4   Из письма Б. С. Кузину от 8 июля (*Кузин. С. 540*).
 5   Из письма Б. С. Кузину от 17 июля (*Кузин. С. 542*).

“Оси нет в Москве. Не знаю, услышу ли я еще что-нибудь о нем. Вряд ли... Для Оси прошу только быстрой и хоть легкой смерти”¹. Эта цитата — из письма от 10 сентября, а седьмого (или восьмого?) сентября простучал по струнинским стыкам и мандельштамовский эшелон. Но никто — ни он в вагоне, ни она снаружи — ничего не заметил.

В середине сентября ссыльный Борис Кузин — самый близкий друг и собеседник четы Мандельштамов — пригласил Н. Я. к себе (именно пригласил, а не позвал). К себе — это в прижелезнодорожный поселок Шортанды близ казахской Акмолы², куда он и сам попал лишь в середине 1937 года на правах ссыльного и в качестве сотрудника сельскохозяйственной опытной станции. Шортанды, однако, не были альтернативой Струнину уже потому, что слишком далеко были от справочной НКВД на Кузнецком мосту, 22.

А Н. Я., наезжая в Москву два раза в месяц и всякий раз не более чем на пару дней (дольше было бы уже рискованно), первым делом шла в эту справочную. Из полученных там ответов она знала и о переводе Мандельштама с Лубянки в Бутырку (“Ося переменял квартиру”³), и об отправке его эшелона (“Оси нет в Москве”). Возможно, что однажды ей удалось раздобыть и адрес пересыльного лагеря, мимо которого Мандельштам не проехал бы, и тогда она отправила ему в лагерь письмо⁴.

В Москве Н. Я. приходилось многое сносить, но едва ли не самым тяжелым для нее было насильственное “общение” с близкими, особенно с братом и невесткой. “Мне гораздо легче одной, — писала она Кузину. — Одна я как будто с Осей. Не так остра разлука. <...> Любой разговор в Москве «вообще» или «об искусстве» (чего не переносу до слез) ощущается, как измена”⁵.

Но Москва была и оставалась необходимостью. В каждый приезд Н. Я. понемногу редела мандельштамовская библиотека,
 . . . . .

- 1 Из письма Б. С. Кузину от 10 сентября 1938 г. (*Кузин*. С. 543).
- 2 Примерно в 60 км от Акмолинска (ныне Астаны). В годы освоения целины на базе этой опытной станции был развернут Казахский НИИ зернового хозяйства (ныне им. А. И. Бараева).
- 3 Из письма Б. С. Кузину от 25 августа 1938 г. (*Кузин*. С. 542).
- 4 Получение из дома письма или телеграммы засвидетельствовал В. Л. Меркулов (Нерлер П. *Осип Мандельштам и его солагерники*. М., 2015. С. 204.) Если так, то пришло оно после 7 ноября — “Дня письма”, когда и сам О. Э. написал и отправил домой письмо (см. ниже). Получи он письмо от Нади раньше, наверняка бы упомянул в своем. Но может быть, Меркулов видел в руках поэта телеграмму, отправленную Е. Я. Хазиным 15 декабря? Теоретически это было еще возможно — в случае если телеграмму доставили быстро. В 11-м бараке, как и во всем лагере, был в это время карантин по сыпному тифу, и хоть Меркулов как лагерная обслуга и имел в них доступ, но сам О. Э. был уже крайне слаб (*Con amore*. С. 451–504).
- 5 Из письма Б. С. Кузину от 25 августа 1938 г. (*Кузин*. С. 543).

чем, собственно, и оплачивалось струнинское жилье. Когда раритеты закончились и жить окончательно стало не на что, пришло понимание того, что нужно искать и находить иные, более надежные способы пропитания и существования.

Иными словами — подумать о работе и зарплате. “Хозяин мой был текстильщиком, хозяйка — дочь ткачихи и красильщика тканей. Они очень огорчались, что я тоже впрягусь в эту лямку, но выхода не было, и когда на воротах появилось объявление о наборе, я нанялась в прядильное отделение. Работала я на банкоброшальных машинах, которые выделывают «ленту» из «сукна». По ночам я, бессонная, бегала по огромному цеху и, заправляя машины, бормотала стихи. <...> Восемь ночных часов отдавались не только ленте и сукну, но и стихам”¹.

С 30 сентября по 11 ноября 1938 года она проработала тазовщицей прядильного комбината “5-й Октябрь” в городе Струнино Владимирской области. Знай себе подставляй жестяные “тазы” под размолотую белоснежную вату-сукно, лентой вылезающую из банкоброшальных машин. Оплата повременная — 4 р. 25 коп. в день², месячный заработок — между 115 и 200 рублями.

Струнино стало для Н.Я. опытом погружения в рабочую среду и самой настоящей солидарности трудящихся: “Относились ко мне хорошо, особенно пожилые мужчины. Иногда кто-нибудь заходил ко мне в цех и протягивал яблоко или кусок пирога: «Ешь, жена вчера спекла». В столовой во время перерыва они придерживали для меня место и учили: «Бери хлёбово. Без хлёбово не наешься». На каждом шагу я замечала дружеское участие — не ко мне, а к «стопятнице»...”³.

Работа многое изменила в образе жизни Н.Я. 10 октября она признавалась Кузину: “...Я живу неподвижно. До сих пор жила своей бедой — мыслями об Осе. Сейчас меня разлучила работа с моим горем — единственным моим достоянием”.

По контрасту с конкретными московскими родственниками далекий и всё же немного абстрактный Кузин становился всё ближе и всё насущнее.

“Милый Борис! <...> Я знаю, что вы единственный человек, который разделяет мое горе. Спасибо вам, друг мой, за это”⁴. Или: “После Оси вы мне самый близкий человек на свете”⁵.

.....

1   *Собр. соч.* Т. 1. С. 436.

2   Расчетная книжка №585 (AM. Box 3. Folder 104. S. 1. Item. 594–595, 625).

3   *Собр. соч.* Т. 1. С. 437.

4   Из письма Б. С. Кузину от 20 сентября 1938 г. (*Кузин.* С. 544).

5   Из письма Б. С. Кузину от 14 октября 1938 г. (*Кузин.* С. 547). Эту фразу сам адресат подчеркнул.

Упомянутая уже тема личной встречи — в Струнине ли, в Шортанды ли — поселилась в переписке с сентября. 20 сентября: “Что касается до моего приезда — я конечно приеду. Но когда? Сейчас я буду ждать письма¹. Думаю, что не дождусь. Через сколько времени я поверю в то, что его не будет? Просто не представляю...”² А вот из письма от 14 октября: “Я к Вам обязательно приеду. <...> По всей вероятности, это будет в апреле. <...> Я боюсь, что мы никогда не увидимся. И я боюсь встречи. Ведь мы оба, наверное, стали друзьями за эти годы. Мы не узнаем друг друга”³.

22 октября она написала свое последнее письмо мужу. Но — отчаявшись — не отправила его.

Настроением и стилистикой письмо это⁴ словно бы часть ее переписки с Кузиным — переписки, некогда столь привычной и столь дорогой всем трем корреспондентам.

4 .....

На ноябрьские праздники Н.Я. ездила в Москву. Вернулась в Струнино, по-видимому, только в четверг, 9 ноября⁵, ибо занаряжена была в ночную смену.

В ту же ночь, а может быть, и в пятницу (впрочем, не исключена и суббота) в цех вошли “...двое чистеньких молодых людей и, выключив машины, приказали мне следовать за ними в отдел кадров. Путь к выходу — отдел кадров помещался во дворе, в отдельном здании — лежал через несколько цехов. По мере того как меня вели по цехам, рабочие выключали машины и шли следом. Спускаясь по лестнице, я боялась обернуться, потому что чувствовала, что мне устроили проводы: рабочие знали, что из отдела кадров нередко увозят прямо в ГПУ.

В отделе кадров произошел идиотский разговор. У меня спросили, почему я работаю не по специальности. Я ответила, что

.....

- 1 Не свидетельство ли это того, что Н.Я. сама написала письмо О.Э.?
- 2 Из письма Б. С. Кузину от 20 сентября 1938 г. (*Кузин*. С. 544).
- 3 Мандельштамы переписывались с Кузиным, но не видели его с весны 1934 г., то есть более четырех лет (О.Э. был арестован в 1934-м, а *Кузин* — в 1935 г.).
- 4 См. наст. издание, с. 50–51. Оригинал письма сохранился в АМ. Но есть читатели, оспаривающие аутентичность письма, полагающие, что это не более чем позднейшая стилизация. И письма Н.Я. к Кузину, в их глазах, — лучшее доказательство их правоты (см.: Shtatland E. Последнее письмо или последний миф “Второй книги” // К 40-летию “Второй книги” Надежды Мандельштам: великая проза или антология лжи? [Блог] 2013. 29 декабря. URL: <http://nmandelshtam.blogspot.ru/>). В моих же глазах — наоборот: именно в контексте этой переписки письмо Н.Я. погибающему мужу приобретает свою подлинную и истинно трагическую высоту.
- 5 В страшный день Хрустальной ночи!

у меня никакой специальности нет. <...> Чего от меня хотели, я так и не поняла, но в ту ночь меня отпустили, быть может, потому, что во дворе толпились рабочие. Отпуская меня, спросили, работаю ли я завтра в ночную смену, и приказали явиться до начала работы в отдел кадров. Я даже подписала такую бумажку...”

Судя по тому, что в Принстонском архиве сохранилась струнинская трудовая книжка Н. Я., именно так Н. Я. и поступила — пришла в понедельник в отдел кадров, уволилась и уехала. Но сама Н. Я. дорисовывает иную картину:

“К станкам в ту ночь я не вернулась, а пошла прямо домой. Хозяева не спали — к ним прибежал кто-то с фабрики рассказать, что меня потащили «в кадры». Хозяин вынул четвертинку и налил три стакана: «Выпьем, а потом рассудим, что делать».

Когда кончилась ночная смена, один за другим к нашему окну стали приходиться рабочие. Они говорили: «Уезжай», и клали на подоконник деньги. Хозяйка уложила мои вещи, а хозяин с двумя соседями погрузили меня на один из первых поездов. Так я ускользнула от катастрофы благодаря людям, которые еще не научились быть равнодушными. Если отдел кадров первоначально не собирался меня арестовывать, то после «проводов», которые мне устроили, мне, конечно бы, не уцелеть...”¹

Э. Штатланд, посвятивший всевозможным “разоблачениям” Н. Я. специальный блог, не поверил в этот рассказ, усомнившись в реальности такой демонстрации солидарности со стороны текстильщиков в адрес незнакомой им интеллигентной тазовщицы. Сомневаюсь в его достоверности и я.

Но не соглашусь с тем, что такая “новелла” — чуть ли не операция прикрытия якобы для оправдания побега именно в Шортанды, о котором Н. Я. в своих книгах даже не упоминает.

Несомненно одно: в Струнине Н. Я. укрывалась и укрылась от калининских “голубчиков” (так называет она гэбэшников за их голубые околыши и фуражки). После того как фабричный отдел кадров заинтересовался ею (так ли театрально, как с парой чистеньких молодчиков, отключающих ночью машины ради прогулки с Н. Я. по цехам, или как-то менее театрально), оставаться здесь стало небезопасно. Нужно было еще раз перепрятаться, чтобы укрыться от голубчиков уже струнинско-владимирских.

Но где? Москва и Питер отпадают. Оставалось всего два места на земле, где ее, беженку, не попросили бы назавтра же вон, как это сделала семья брата арестованного Бена Лившица

.....

с его женой и сыном. Эти два места: Воронеж с “Ясной Наташей” и Шортанды с человеком, некогда разбудившим Мандельштама своей дружбой.

От Наташи уже давно не было писем, но, даже если бы и были, Н. Я. всё равно предпочла бы Шортанды, куда уже мысленно собиралась — правда, не раньше апреля¹.

Во “Второй книге” она пишет о Струнине и обо всей ситуации так: “Оттуда я тоже вовремя ускользнула. Меня не нашли и не стали искать, потому что я была иголкой, бесконечно малой величиной, одной из десятков миллионов жен десятков миллионов сосланных в лагерь или убитых в тюрьмах”².

О том, куда она ускользнула, Н. Я. сочла за благо не написать.

Знали об этом только брат с невесткой, Осин брат Шура с женой и Шкловские (путь в Шортанды пролегал через Москву, разумеется). Даже подружке Эмме, щадя ее “стародевичье воображение”, Н. Я. предусмотрительно ничего не сказала. Сказала уже потом, но не уточняла, когда это было³. А та сама не догадалась, иначе бы откомментировала Надин “адюльтер”!

5 .....

В Шортанды Н. Я. была месяц или больше, вернувшись в Москву только накануне самого Нового года.

В ее отсутствие произошло то, из-за чего она так не хотела уезжать. Из-под Владивостока пришло Осино письмо — самая настоящая, без натяжек, весточка с того света. Вообще-то допускались отправка и получение до двух писем в месяц. Но других писем Мандельштам, кажется, и не писал⁴.

Написанное примерно 7 ноября⁵, переваренное цензурой и отправленное из лагеря 30 ноября, оно достигло Москвы, судя по штемпелю, 13 декабря.

Значит, к адресату было доставлено 14 декабря:

.....

- 1 См. в письме Кузину от 14 октября 1938 г. (*Кузин*. С. 547).
- 2 *Собр. соч.* Т. 2. С. 603.
- 3 Ср. упоминание у Э. Г. Герштейн: “Надя ездила к нему в Казахстан, где он работал в совхозе, кажется, агрономом” (*Герштейн*. С. 214).
- 4 Разве что товарищу Сталину, о чем О. М. говорил как-то своему сокамернику Д. Маторину. Наверное, с напоминанием, что ему, Сталину, пора уже его, Мандельштама, выпускать — как это между ними уже давно заведено и принято. История, правда, умалчивает, где именно такие письма бросали в печь — во Владивостоке, Магадане или всё же в Кремле.
- 5 *Con amore*. С. 489–491.

“Дорогой Шура!

Я нахожусь — Владивосток, СВИТЛ, 11-й барак. Получил 5 лет за к.р.д. по решению ОСО. Из Москвы, из Бутырок этап выехал 9 сентября, приехали 12 октября. Здоровье очень слабое. Истощен до крайности. Исхудал, неузнаваем почти. Но посылать вещи, продукты и деньги не знаю, есть ли смысл. Попробуйте все-таки. Очень мерзну без вещей.

Родная Надинька, не знаю, жива ли ты, голубка моя. Ты, Шура, напиши о Наде мне сейчас же. Здесь транзитный пункт. В Колыму меня не взяли. Возможна зимовка.

Родные мои, целую вас. Ося.

Шурочка, пишу еще. Последние дни я ходил на работу, и это подняло настроение. Из лагеря нашего как транзитного отправляют в постоянные. Я, очевидно, попал в «отсев», и надо готовиться к зимовке.

И я прошу: пошлите мне радиogramму и деньги телеграфом”¹.

Прочтя и перечтя письмо, Шура бросился со Старосадского на Страстной, к Евгению Яковлевичу. Он-то и отправил Осе 15 декабря денежный перевод и “глупую”, по словам Н. Я., радиogramму: мол, не волнуйся, Надя под Москвой. Тогда же телеграмма ушла и в Шортанды, где подействовала скорее расслабляюще: Ося жив!

Надя, однако, не бросилась сломя голову в Москву, а приехала только под Новый год — не позднее 28 или 29 декабря. Встретить 1939-й Надя пошла не к своему брату, где невестка собирала художнический бомонд, а к Осиному: даже неутихающий семейный скандал между Шурой и Лелей казался ей, против “бомонда”, мuzzyкой.

...Посылку во Владивосток с теплыми вещами и салом Женя без Нади отправлять не стал. Это сделала уже она сама — 2 января 1939 года, а между тем самого Оси уже шесть дней как не было в живых!..

6 .....

Весь январь и первую половину февраля 1939 года Н. Я. провела в Москве без прописки, что было опасно: нарушения паспортного режима было достаточно и для “своего” срока.

.....

¹ Оригинал письма ныне в Принстонском университете, вместе с основной частью АМ. Копия, сделанная, по-видимому, тогда же адресатом — Александром Эмильевичем, была отправлена Жене — младшему брату О. М., в архиве которого и сохранилась.

Через Виктора Шкловского и каких-то журналистов из “Правды” до нее дошел разговор, якобы имевший место в начале нового года в ЦК. Аппаратчики качали головой и говорили, что у Мандельштама, оказывается, и не было никакого дела, и это все ежовские штучки и ежовые рукавички, намекая на перегибы снятого в декабре наркомвнудела. Новелла фантастическая, но Н.Я., поверив, сделала и другой вывод: так говорят только о покойниках¹.

Между тем земля стала полниться слухами о чуть ли не остановке Большого террора и либерализме нового наркома в пенсне. И 19 января 1939 года Н.Я. написала Берии дерзкое заявление с наглым требованием — или освободить мужа, или привлечь к ответственности и ее, как постоянную свидетельницу и участницу его жизни и работы.

Но до 30 января она еще не знала наверняка, что освобождать было уже поздно и некого.

В этот день² принесли повестку из почтового отделения у Никитских ворот, откуда Женя отправлял во Владивосток почтовый перевод, а Н.Я. — посылку. Возвращая посылку, почтовая барышня пояснила: “За смертью адресата”³.

С этого мига и началась ее, Надежды Яковлевны Мандельштам, новая — *вдовья* жизнь.

О том, как именно она началась, рассказано в одном из ее последних писем Харджиеву:

“В день, когда я получила обратно посылку «за смертью адресата», я зашла сначала к своему брату Жене и тыкалась как слепая по светлому коридору, не находя двери. Узнав о посылке, они мне сказали, что у Лены сейчас будут люди по делу (режиссеры!), и я ушла (попросту выгнали). Во всей Москве, а может, во всем мире было только одно место, куда меня пустили. Это была ваша деревянная комната, ваше логово, ваш мрачный уют. Я лежала полумертвая на вашем пружинистом ложе, а вы стояли рядом — толстый, черный, добрый — и говорили: — Надя, ешьте, это сосиска... Неужели вы хотите, чтобы я забыла эту сосиску? Эта сосиска, а не что иное, дала мне возможность жить и делать свое дело. Эта сосиска была для меня высшей человеческой ценностью, последней человеческой честью в этом мире...”⁴

.....

1 Собр. соч. Т. 1. С. 468–469.

2 Сама Н.Я. датировала это 5 февраля — днем публикации в газетах указа о награждении орденами и медалями писателей. Однако Кузину о смерти Мандельштама она написала еще 30 января (Кузин. С. 564), и тем же днем датировано письмо Э. Герштейн Ахматовой с той же новостью (Герштейн. С. 56).

3 По другой версии, это был денежный перевод — с такой же припиской.

4 Об Ахматовой. С. 299 (письмо от 28 мая 1967 г.); см. об этом же с. 169–170.

Придя в харджиевской комнате в себя, Н. Я. сделала последнее и, наверное, единственное, что не могла не сделать в этот день, — написала в Шортанды:

“Боря, Ося умер. Я больше не могу писать. Только — наверное придется уехать из Москвы. Завтра решится. Куда — не знаю. Завтра Женя напишет. Надя.

Я не пишу — мне трудно”¹.

Назавтра Н. Я. попробовала прописаться на месяц в своей же квартире — у матери, на правах ее гостя. Но бдительный Костырев парировал такую угрозу: дочку-нелегалку вызвали в милицию и предложили собраться и уехать.

Между тем через положенное время пришел ответ из Шортанды²:

“Милая Надежда Яковлевна!

Нынче получил ужасную весть от Вас. Мне тяжело невыносимо. Только нынче, может быть, я понял, как мне был лично дорог бедный Осип. Здесь я даже не могу никому рассказать об этом горе, и оно меня разрывает. И для Вас, и для меня было бы лучше, если бы мы узнали это, когда Вы были у меня. Если бы можно было отслужить по нем панихиду. До чего всё это страшно. Но ведь ждать можно было только этого. И как хотелось надеяться на хороший конец. Вы знаете, что я стоек в несчастьях. Но нынче, быть может, в первый раз я с сомнением посмотрел на все свои надежды.

И все-таки, я прошу Вас — держитесь. Не делайте никаких глупостей. Помните, что я Вам говорил. Мы не имеем права судить сами, нужна ли наша жизнь зачем-нибудь. Наш долг стоять, пока нас не прихлопнет судьба. Берегите себя. Если моя дружба над Вами не имеет силы, то этого требует память об О. Я говорю это Вам с совершенным убеждением. Я не всегда верю своему уму. Но совесть у меня крепкая. Она меня не может обмануть. То, что я Вам говорю, — только от совести.

.....

1 Кузин. С. 564. Возможно, в тот же день она написала и в Воронеж, Наташе Штемпель. А сообщить в Ленинград — Ахматовой и Рудакову — она попросила Эмму Герштейн. Та была в Ленинграде, вернулась через несколько дней и сразу же приехала в Марьину Рошу, к Харджиеву. Еще через несколько дней А. А. прочла: “У подружки Лены родилась девочка, а подружка Надя овдовела” (*Герштейн*. С. 56; подружка Лена — это Елена Константиновна Гальперина-Осмеркина, девочка — ее дочь Лиля, родившаяся 30 января 1939 г.).

2 AM. Box 3. Folder 103. Item 14. Одно из двух писем Б. С. Кузина к Н. Я., не уничтоженных ею.

В феврале, вероятно, моя комната будет занята. Перебейтесь чем-нибудь месяц. Потом приезжайте ко мне. Хотите — оставайтесь у меня совсем. Хотите — поживите в гостях. Считайте вместе со мной, что О. был мой второй несчастный брат. О. знал мою верность. Мне кажется, и он понимал, что мы с ним встретились не совсем случайно. Он был бы рад, если бы мог знать, что Вы поселились у меня. И Вам не будет трудно жить у его и Вашего друга.

Целую Вас, бедная Надеенька. Ваш Борис К.»

Это было именно дружеское письмо и братское приглашение от человека, их искренне любившего — и мертвого О., и его бедную Н., человека, готового поделиться с ней последним и сделать всё для того, чтобы смягчить уже полученный удар. Но это не было предложением руки и сердца (последнее у Бориса Сергеевича было уже занято). Бедная же Надежда Яковлевна, понемногу приходящая в себя, кажется, не уловила или проигнорировала этот нюанс. Она явно воспряла духом и стала благодарно собираться в Шортанды — полагая, что про “погостить” или “насовсем” она решит (или они решат) на месте. В этот-то “нюанс” она и врезалась в конце апреля — фронтально, лоб в лоб — и рассвирепела. Но их дружба-любовь была из прочных материалов, она разбилась не насмерть, а так, чтобы воскреснуть и уже в мае встать на костыли, а потом, когда затянулись раны, растянуться еще на десятилетие, оставив по себе пронзительную эпистолярную память.

О первой, она же последняя, поездке Н.Я. в Шортанды и даже о том, что Н.Я. была влюблена в Кузину, я слышал задолго до выхода книги Б.С. Кузина и Н.Я. Мандельштам¹. “Тому не быть, трагедий не вернуть!..” — эта замечательная книга, вышедшая в 1999 году, обнажила искрящийся на стыках нерв этого сюжета и словно возвращала нас в поле античной трагедии и шекспировского накала страстей.

“Я не хочу, чтобы после моей смерти гадали, были вы моим любовником или нет”², — писала Н.Я. Кузину в мае 1939 года и требовала вернуть ей свои письма для уничтожения (и ее можно понять). И если бы Кузин тогда поддался ее напору³ или если бы их уничтожила Ариадна Валерьевна Апостолова — вдова Кузина (которую тоже можно было бы понять), или если бы издатель и соста-

.....

1 *Sop amore*. С. 734, 736. Об этом рассказывала мне и Э.С. Гурвич, вдова Шуры.

2 Из письма Кузину от 8 июля 1939 г. (*Кузин*. С. 593)

3 Замечу, что и сама Н.Я., когда Евгений Эмильевич, младший брат О.Э., попросил ее отдать адресованные ему письма брата (однозначно компрометирующие его), не колеблясь отказала ему.

витель книги 1999 года не отважились опубликовать их так, как они были написаны, то сведения о поездке, рано или поздно просочившись, оставили бы по себе какое-то обывательское послевкусие, как от какой-то низменной (да еще, мол, в такой момент!) измены.

Со временем восторжествовала бы бытовая — плоская — версия событий, на которую столь падка так называемая женская пронциательность. И достался бы этот трагический дуэт рукам, либо трясущимся от ненависти и морализаторства, либо лоснящимся от ханжества и пошлости — с “вердиктами” наподобие этого: “...Известно, что Надежда Яковлевна пыталась устроить свою личную жизнь еще в то время, когда муж находился в заключении...”¹

Вольно же святошам, читая чужие — уж не для их-то глаз точно — письма, морщить лобики и корить Н.Я. за разные нестыковки и за то, что в кратком общении и откровенном, искреннем обмене мыслями и чувствами с близким по духу человеком она черпала силы и находила как утешение, так и отчаяние.

Письма Надежды Мандельштам к Борису Кузину — это пространство трагедии, стихия, но еще и непреднамеренная и остроусюжетная проза!

Проза не меньшая, чем воспоминания, а по мне — так и вовсе лучшая ее проза!

.....

.....

1 Обоймина Е., Татьяна О. *Мой гений — мой ангел — мой друг: музы русских поэтов XIX — начала XX века.* М.: ЭКСМО, 2005. С. 584.

Кочевые сороковые и пятидесятые

“МЕСТО В СЕРДЦЕ”, ИЛИ “В ЧЕМ СЕКРЕТ ВЕЧНЫХ ДРУЖБ”: ИЗ ПИСЕМ Э. Г. ГЕРШТЕЙН Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

(Публикация и вступительная заметка П. Нерлера)

Эмма Григорьевна Герштейн воспринимается сегодня читателями как едва ли не основной оппонент Н. Я. Мандельштам и разоблачительница ее книг. Выведенная уже в “Воспоминаниях” Н. Я. не в самом привлекательном виде, после “Второй книги” Эмма Герштейн ощутила себя не только обиженной, но и оклеветанной. На книги Н. Я. она отзывалась “Мемуарами” (первое издание вышло в 1986 году в Париже, второе — в 1998 году в Санкт-Петербурге), где она не только ответила на обвинения себе и другим (в частности, Б. Рудакову), но и сама выступила со встречными исками к своей обидчице. При этом она не щадила и Осипа Эмилевича, “выводя на чистую воду” и его. Ответы Эммы Григорьевны явно проигрывали текстам Надежды Яковлевны, а ее контроткровения (про Надины “кривые ноги” и эротические практики) вызывали только улыбку: Н. Я. и не скрывала, что свой зачет по сексуальной революции сдала еще в Киеве, даже до знакомства с О. М. Но, быть может, самое неприятное в мандельштамиане Э. Герштейн —

это ее попытка вывести стихи Мандельштама напрямую из того, что она только что разоблачила. Как аналитик мандельштамовской поэзии она потерпела полное фиаско, зато породила группу ценителей и подражателей.

Публикуемые здесь письма показывают совершенно иную фазу их отношений — фазу искренне дружескую, начавшуюся знакомством в 1928 году в академическом санатории “Узкое”. Кажется бы, фазе этой впору закончиться в августе 1946 года — после отказа Эммы Григорьевны от хранения части рукописей О. М., переданных ей для этого Н. Я. через Ахматову, возвращавшуюся в Ленинград из Ташкента через Москву¹. Но это не так — дружеские отношения отнюдь не пресекались, и в середине 1950-х годов Н. Я. ставила Эмму в один ряд со своим возлюбленным братом и его женой².

Публикуемые письма Эммы Герштейн напрямую свидетельствуют и вовсе о безоблачной дружеской атмосфере, царившей между адресатами в 1940-е годы: общие друзья для перемывания косточек, общие темы и проблемы, общие шутки и щебечущий тон, Эмме Григорьевне, впрочем, дающийся не без труда.

Оригиналы писем хранятся в Принстоне: АМ. Вох 3. Folder 102. Items 7, 8 и 10. Интересная деталь: во всех публикуемых письмах — лакуны (четыре последние странички в письме 1943 года и по одной в письмах 1944 и 1946 гг.).

Благодарю Е. Мачерет за помощь в подготовке этой публикации.

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

.....

---

7 ИЮНЯ 1943 Г.

Дорогая Надичка!

Я поняла, в чем секрет вечных дружб. Для старого друга остается в сердце место, которое никем уже занято быть не может. Старый друг незаменим. Но когда проходят какие-то решающие периоды, старый друг уже не может отвечать на наши новые движенья. (Те самые “новые

.....

1 См. наст. издание, с. 92–93.

2 См., например, в письмах Н. Я. к Шкловским-Корди, наст. издание, с. 118.

движенья души”, на которые уже не отвечает Елена Константиновна¹, и которые Вас так рассмешили в одном из моих последних писем. Вы — неисправимая злюка.) Кстати, новые движенья души вовсе не новые: они старые. Но близкое соседство милых сердцу друзей временно мешает им жить.

Так вот, дорогая Надюша, я Вас помню всегда. Утрату Осипа, а частично и Вас (по территориальному признаку) я ощущаю так, как если бы это случилось вчера. Никогда ничего подобного уже не будет.

Но если бы мы с Вами встретились, вероятно, сейчас же пошло бы в ход взаимное недовольство и раздражение. Что за манера, например, постоянно говорить колкости, или со злорадством рассматривать морщины и седины своей же подруги, или делать там всякие намеки сексуального содержания?

Или опять же выказывать демонстративное равнодушие к своей работе и сухо отчитываться в письмах: служба. А вот только теперь я узнаю от Елены Михайловны², что Вы занимаетесь детской художественной самодеятельностью.

Имейте в виду, что если бы мы с Вами встретились, я бы всего этого не потерпела и поучала бы Вас самым менторским тоном.

Вот я свела с Вами счеты, и мне стало легче на душе.

Разлука все-таки приучает к добродушию. Зато с Еленой наши редкие встречи почти всегда кончаются злой и непоправимой ссорой. Так как в моей анкете значится, что я литературовед, то я процитирую Пушкина:

Враги его, друзья его
(Что, может быть, одно и то же)
Его честили так и сяк.

NB. Цитату, конечно, надо было начинать отсюда:

.....

1 Осмеркина, жена художника А. А. Осмеркина.
2 Фрадकीной.

Врагов имеет в мире всяк,
 Но от друзей спаси нас, боже!
 Уж эти мне друзья, друзья.
 Об них недаром вспомнил я.

Если Елена при своей невероятной худобе, замученности детьми, хозяйством, службой и мужем¹, при своем предельном нервном расстройстве еще способна к живой злости, она, вероятно, тоже повторяет эти строки, адресуя их ко мне, безнадежно не чувствуя стиха и великолепно произнося русскую речь своим чудным неизменяющимся голосом.

Другой мой старый друг — Николай Иванович.

Он был у меня один раз. Тем не менее мы общаемся гораздо чаще. Он звонит мне по телефону неизвестно откуда. И тут говорится всё самое главное.

Однажды он позвонил, чтобы многозначительно сказать: “я Вас помню”².

<...> мне подробно рассказать с тем, чтобы я описала Вам. Но вот, такой разговор не состоялся, и я даю только схему.

Дорогая Надичка, приведу еще одну цитатку:

“Однажды к нам приехала совершенно чужая особа, девушка лет сорока, в красной шляпке, с острым подбородком и злыми черными глазами. Ссылаясь на происхождение из местечка Шавли, она требовала, чтобы ее выдали в Петербурге замуж”³.

Именно так явилась я недавно к Шкловскому и, ссылаясь на то, что я была у него однажды с Анной Андреевной, стала требовать, чтобы он провел меня в Союз писателей (ибо рекомендации Эйхенбаума, Бродского, Цявловского и Иракия⁴ мне не помогли, и мне отказали.)

С этих пор я от времени до времени робко звоню ему по телефону и напоминаю о себе.

.....

1 У Осмеркиных были две дочери.

2 Далее разрыв текста (листы 5–8 отсутствуют).

3 Цитата из “Шума времени” О. Мандельштама.

4 Андроникова.

Видя мою застенчивость, обусловленную, конечно, мыслью об этой ехидной цитате, Шкловский наконец мне сказал. “Вы не стесняйтесь. Звоните”. Вот завтра я опять буду ему звонить.

Что из этого выйдет, не знаю, но Шкловский решил мне помочь. Про рекомендации, к<оторы>е мне написали, он сказал, что это “стихи в прозе”, и сам написал мне такую, что ее надо хранить как автограф и целовать перед смертью.

Интересно знать, почему Евг<ений> Як<овле-вич> перестал мне писать. Потому ли, что он рассердился на мое последнее письмо, где я его уверяла, что славы ему не будет? Опять же не без литературной цитаты из Чехова. Или это письмо не дошло? Всё равно, надо бы написать тоже, знаете ли, Евгений Яковлевич, “чего”*-с... Тут-то я и запнулась. Больше ничего написать не могу.

Целую всех. Эмма.

* См. стр. 5¹.

.....

---

6 МАЯ 1944 Г.

Милая Надюша!

Я думала, что скоро увижусь с Анной Андреевной, да и Вам должен был быть послан вызов². Но вот А. А. не едет, а Чагин³ болен, и, насколько мне известно, от этого вопрос о Вашем вызове остается открытым.

За это время случилась еще одна печальная для меня смерть. Сергей Борисович⁴ убит в бою 15 января 1944 года. Я не хотела Вам об этом сообщать, предполагая

.....

1   Страница, на которую ссылается Э. Г. Герштейн, не сохранилась (весьма вероятно, что Н. Я., готовя архив к передаче на Запад, сама изъяла некоторые листы).

2   Вызов Н. Я. так и не был послан.

3   Чагин (Болдовкин) Петр Иванович (1898–1967) — как и.о. директора Гослитиздата (1939–1946) отвечал и за вопросы, связанные с вызовом писателей из эвакуации.

4   Рудаков.

скоро увидеть лично. С трудом представляю себе существование Лины Самойловны¹, для которой весь смысл жизни был в муже. Она живет пока в Свердловске у своего двоюродного брата и служит в Ленинградской обсерватории. Когда этот институт (не знаю точно названия) вернется в Ленинград, она захватит мать и вернется с нею домой.

<...>²

Евгения Яковлевича вижу редко. Он по вечерам топит печку и готовит обед. Так как у него нет телефона, то я раза два заходила к нему невзначай. Елена Мих<айловна> очень мила, но мне было скучно.

Правда ли, что Вы готовите диссертацию? Какую? Очень интересуюсь.

Напишите мне поскорее. Скучно переписываться, когда между письмами полуторамесячные промежутки. Поэтому совсем не пишу.

Когда же приедет Анна Андреевна?

Целую Вас и А. А.

Переписываетесь ли Вы с Борис<ом> Сергеевич<ем>³? Где он? Как он? Эмма.

Если А. А. всё же приедет, то мой телеф<он>
В1-43-39.

.....

---

2 ФЕВРАЛЯ 1946 Г.

Милая Надя!

Благодарю Вас за внимание.

Мама с удовольствием ела компот, а я растрогалась, когда услышала от Эдика⁴ “трубку мира”, описание Бориса

.....

1 Л. С. Рудакова-Финкельштейн, вдова С. Б. Рудакова.
2 Лист 2 отсутствует.
3 Кузиным.
4 Бабаев Эдуард Григорьевич (1927–1995) — литературовед, мемуарист. Познакомился с А. А. Ахматовой и Н. Я. в Ташкенте.

Сергеича¹ с его руками ниже колен и любовью к Баху и Оффенбаху, ваши словечки и манеры.

Конечно, когда нет движения вперед, нет перемен, то иногда трудно бывает общаться как раньше тому, кто стал совсем иным, но есть и великая прелесть в этой устойчивости, найденной раз навсегда манере жить и дикой настойчивости, и жадности к жизни. Вероятно, вы все-таки поняли, что речь здесь идет

<...>²

<Та>шкент, хотя для Вас, мне кажется, это была бы большая радость.

Прелестный мальчик! Но комнатный и поэтому шляпа.

Женя уверяет, что перетащит Вас вскоре в Москву. Мне думается, что это довольно реально, в силу того, что Елена Михайловна тоже считает это нужным.

Вероятно, Вы знаете, что ему, т.е. Вашему брату, теперь лучше, он уже выходит по делам. Когда он был болен, я его иногда навещала.

Анна Андреевна всё собирается в Москву и всё не едет. Говорят, что она переменялась до неузнаваемости. Лева живет с ней и счастлив.

Была в Москве Лина Самойловна. Ее горе неопишимо, ибо без Сергея Борисовича она ничто, у нее нет жизни, кроме быта, в котором она очень нормально обращается. Ее адрес: Колокольная, д. 11, кв. 6. Напишите ей, не теряйте с нею связь, а то она и к Анне Андреевне не зашла ни разу, и совсем оторвалась от всех, кроме меня.

Елена Константиновна развелась с Осмеркиным.

Елена Михайловна зарабатывает массу денег уроками, но у нее нет квартиры, и кожа на лице ее жесткая, грубая, как бывает у предельно измученных женщин.

Я совершенно седая, что очень уродливо.

Желаю успеха. Эмма.

.....

.....

1 Кузина.

2 Лист 2 отсутствует.

Софья БОГАТЫРЕВА

ШЕСТЬ ПИСЕМ ИЗ УЛЬЯНОВСКА: ПИСЬМА Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ С. И. БЕРНШТЕЙНУ (1950–1952)

Бомба замедленного действия .....

21 августа 1946 года в газете “Правда” появилось недельной давности “Постановление Оргбюро ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 года № 274, п.1 г” под названием “О журналах «Звезда» и «Ленинград»”. Все эти аббревиатуры, таинственные номера и литеры ничего не говорят нынешним поколениям, да и нами, старшими, подзабыты, равно как и зловещий смысл бумажки не каждому понятен в наши дни. А бумажка была еще какая зловещая! Недаром готовить начали загодя, еще весной, в апреле, придерживали на манер бомбы замедленного действия, по ходу дела меняли цель — “Новый мир” на “Звезду” и “Ленинград”, однако взрывать или нет — о том речи не шло: какие могут быть размышления, когда удар задуман “лично товарищем Сталиным”?

Нажать на спуск приказали Андрею Жданову, что он, послушный, и сделал, тем обеспечив себе ни в малой степени не заслуженное им бессмертие. “Жданов был просто назначенный докладчик, — разъяснил позднее Никита Хрущев. — Что ему велено было сказать, то он и сказал”¹. Озвучил, как теперь говорят, монаршую волю. А монаршая воля была: осадить!! В войну невыносимо пришлось всем, а если кто и благоденствовал, то уж точно не из верных “четвертому сословию” — в мандельштамовском понимании термина. Они ее вынесли, и вот следовало их, выживших, возомнивших себя не винтиками — людьми, чуть ли не гражданами, отошедших от многолетнего страха, заново припугнуть.

Бомбу взорвали.

...Помню, как отец, скривив губы на сторону, словно с долей переносимо кислого, вяжущего рот лимона во рту, каким-то не своим, а более высоким, ненатуральным “деланым” голосом читал вслух эту мерзость, ждановский доклад, у нас на даче и какой тяжелой была для меня эта сцена, и как я всё порывалась сбежать к ровесникам, к ребятам, что звали с волейбольной площадки, но

.....

чувствовала, что нет, почему-то нельзя, надо терпеть и чтение выдерживать до конца.

Из событий, вызванных взрывной волной, для нашей темы важен один эпизод, а именно тот факт, что в результате публикации «Постановления» Эмма Григорьевна Герштейн вернула Надежде Яковлевне Мандельштам хранившиеся у нее автографы и машинопись непечатавшихся поздних стихов Осипа Мандельштама. Н. Я. как раз находилась в Москве — приехала на каникулы из Ташкента, где в то время преподавала в тамошнем университете.

Эмма Герштейн «...притащила мне перед самым моим отъездом папку со стихами О. М., оставленную ей Ахматовой, — вспоминает Надежда Яковлевна в «Третьей книге». — Взять с собою эту папку я не рискнула <...>. Отложить отъезд я не могла — с трудом добытый билет был у меня в руках, и я уже опаздывала к началу учебного года. В моем положении это могло быть использовано, чтобы выгнать меня и лишиться хлеба — того самого черствого хлеба, который мне давала служба. Я крепко выругалась, схватила папку и побежала к Сергею Игнатьевичу Бернштейну. Он жил недалеко от меня <...> Сергей Игнатьевич выслушал меня и взял папку. Она пролежала у него и у его брата Сани Ивича¹ все опасные годы послевоенного периода»².

Отвлечись на борьбу с Гитлером, Сталин временно перестал воевать со своим народом, в частности оставил в покое вдову поэта. В эвакуации, в Ташкенте, Н. Я. смогла соединить в своих руках большую часть стихов и прозы Осипа Мандельштама. «Я сначала спокойно держала их у себя, отдавая на хранение только «альбомы», но брали их, впрочем, неохотно. <...> Но к концу войны атмосфера стала сгущаться»³. В ответ на сгущение атмосферы, встревоженная явными признаками слежки, Н. Я. собирает стихи Мандельштама — автографы и машинопись, а также записи, в разное время сделанные ею, и передает их Анне Андреевне Ахматовой, когда та покидает Ташкент. Анна Андреевна улетела в Москву 15 мая 1944 года, вместе с нею туда переместилась большая часть архива Осипа Мандельштама. Привезенные ею бумаги Анна Андреевна поместила у Эммы Герштейн, где они и находились в течение двух последующих лет.

Вот эту-то папку и «притащила» она Надежде Яковлевне к явному ее неудовольствию: «...до поезда оставалось несколько

.....

1 Ивич-Бернштейн Игнатий Игнатьевич (псевдоним: Александр Ивич; 1900–1978) — писатель, критик, литературовед.

2 *Собр. соч.* Т. 2. С. 857.

3 Там же. С. 854–855.

часов, когда внезапно ко мне пришла Эмма Герштейн. Она испугалась постановления и напечатанной в тот день статьи против Орлова¹ за какую-то книжку о Блоке. С Орловым Эмма “сотрудничала”, то есть незадолго до этой статьи собирала для него материал или что-то вроде этого. Ей показалось, что статья угрожает ей невероятными бедами. В ее трусости, надо сказать, не было ни малейшего здравого смысла. Гибель прошла гораздо ближе к ней, когда уничтожили семью Канелей (так, что ли?), к которой был очень близок отец Эммы. Это, в сущности, была его вторая семья. Но тогда Эмма почему-то не испугалась. Она принимала на свой счет только литературные катастрофы — с Мандельштамом, Ахматовой и даже неприятности Орлова”².

Высказывание раздраженное, тон неприятно брюзгливый, высокомерный (чего стоит одно лишь небрежное, сквозь зубы процеженное “так, что ли?” о погибшей семье), не хотелось бы цитировать этот пассаж, однако, в надежде ничьей памяти не оскорбив, считаю нужным его привести: пользуюсь поводом сказать, что в поведении Эммы Герштейн вижу проявление не трусости, а чувства ответственности за доверенные ей духовные ценности. Не так ли поступала сама Н. Я., передавая в надежные руки рукописи Осипа Мандельштама, ту же самую драгоценную папку?

В августе 1946-го она вручила ее Сергею Игнатьевичу Бернштейну.

Фонетик и фанатик. Вопросы фонологии .....

Выбор хранителя не был случайным, и то, что он жил неподалеку, если и облегчало дело, но не решало его. Сергей Бернштейн (1892–1970) — выдающийся лингвист, один из основателей ОПОЯЗа, создатель теории звучащей художественной речи, архива фонографических записей декламации поэтов и исполнителей, работ в области экспериментальной фонетики и фонологии, истории литературного языка и стилистики — с Осипом и Надеждой Мандельштамами был знаком издавна, с петроградских-ленинградских времен. Напомню, что Сергей Бернштейн — это тот “фонетик и фанатик”, как называли его коллеги и ученики, который в 1919-м создал в Институте живого слова фонетическую лабораторию, а в 1923-м в Государственном институте истории искусств — Кабинет изучения художественной речи, КИХР, и на протяжении десяти лет, с 1920-го и до .....

1 Орлов Владимир Николаевич (1908–1985) — литературовед, в 1956–1970 гг. — главный редактор “Библиотеки поэта”.

2 *Собр. соч.* Т. 2. С. 857.

середины 1930-го, записал на восковые валики чтение приблизительно ста поэтов-современников, в том числе Александра Блока, Анны Ахматовой, Осипа Мандельштама, Андрея Белого, Валерия Брюсова, Максимилиана Волошина, Михаила Кузмина, Бенедикта Лившица, Николая Гумилева, Сергея Есенина, Владимира Маяковского, Владимира Луговского, Анатолия Мариенгофа, Владимира Пяста, Ильи Сельвинского, Федора Сологуба, Сергея Третьякова и, кроме того, художественное чтение актеров-декламаторов и рецитации устной народной поэзии.

Имя Сергея Бернштейна чаще всего связывают именно с тем, что он (и только он один!) зафиксировал в 1920-е годы их голоса. Однако записи не были самоцелью: они требовались для постановки и разработки проблем звучащей поэтической речи, в частности так называемой “произносительно-слуховой филологии”, фонологической концепции, заинтересовавшей молодого ученого. Ее создатели, Эдвард Сиверс и его последователи, утверждали, что в каждом стихотворном тексте заложены факторы его произнесения, то есть стихотворение или поэма допускает лишь один-единственный правильный способ чтения вслух, а кому, как не автору, владеть этим секретом? С помощью фонографических записей стихотворений в авторском исполнении Бернштейн изучал тембр и высоту голоса, акценты и паузы, их связь с синтаксисом, семантической структурой и в процессе работы всё дальше отходил от положений и методов “произносительно-слуховой филологии”, пока не пришел к полному их отрицанию, к выводу, что “закон исполнения» в стихотворении не заложен; и даже более того, что нет единого закона исполнения какого бы то ни было стихотворения; для всякого стихотворения мыслим целый ряд не совпадающих между собой и в то же время эстетически законных декламационных интерпретаций. Произведение поэта лишь обуславливает известный замкнутый круг декламационных возможностей”¹.

В стихотворении может быть заложен эмоциональный стиль речи. “Так объясняется проповеднический пафос декламации А. Белого, ораторский пафос в контрастном сочетании с разговорным стилем в декламации Маяковского, стиль слегка взволнованной дружеской беседы в декламации Кузмина, стиль сдержанно-эмоционального повествования, свойственный декламации Блока. Но насыщенный ораторский пафос Есенина, театрально-трагический пафос Мандельштама, стиль скорбного воспоминания

.....

у Ахматовой надо признать особенностями декламации этих поэтов в большей степени, чем их поэзии”¹.

Чтение Осипа Мандельштама особенно интересовало Сергея Бернштейна, он пристально изучал своеобразие интонационной и мелодической манеры его декламации, измерял тончайшие оттенки высоты ударений, повышений и понижений голоса, интервалов между слогами; задолго до появления компьютерной графики чертил при помощи вертикальных и наклонных линий графическую схему, чтобы передать на бумаге модуляции голоса поэта.

“По коридорам, по огромной Елисейской кухне бродил с гордо закинутой головой Осип Мандельштам, бормотал, а иногда и звонко-певуче произносил строки стихов — они рождались у него всегда на ходу — и утверждал их ритм движениями руки, головы”, — вспоминал впоследствии младший брат С. Б., мой отец². А в беседе с В. Д. Дувакиным рассказывал: “Совершенно необыкновенно читал Мандельштам. Он читал певуче. Причем, когда он читал стихи, это сопровождалось движениями головой и опусканием кулака — не помню, правой или левой руки”. — “Как будто он качал насос?” — уточнял обстоятельный Виктор Дмитриевич. “Да. Это было какое-то такое действие... оно выражало затрудненность поэзии. Что поэзия...” — Отец запнулся, выбирая слово, а Дувакин подсказал: “Не легкое дело?” — “Да”, — отозвался рассказчик и продекламировал в мандельштамовской манере:

Сегодня дурной день:
 Кузнечиков хор спит,
 И сумрачных скал сень —
 Мрачней гробовых плит.

Дувакин на основании услышанного заметил, что “чтение Мандельштама, как вы его сейчас показали, все-таки в пределах скандирующей поэтической манеры”, но отец продолжал настаивать на своем, повторяя: “Это было певуче”, и припомнил, как звучало в устах Мандельштама “Я не увижу знаменитой Федры...”³.

Осипа Мандельштама Сергей Бернштейн записывал дважды: в ноябре 1920-го — восемь стихотворений⁴, в марте 1925-го —

.....

1 Бернштейн С. И. Эстетические предпосылки теории декламации// Сб. Поэтика. Временник Отдела словесных искусств ГИИИ, 3. Л., 1927. С. 44.

2 Ивич-Бернштейн И. И. Заметки о Доме искусств (Семейный архив).

3 Дувакин В. Д. Записи бесед с И. И. Ивичем-Бернштейном. 5 мая 1972 г.

4 “Образ твой, мучительный и зыбкий...”, “Сегодня дурной день...”, “Я ненавижу свет...”, “Почему душа так певуча...”, “Домби и сын”, “Я не увижу знаменитой Федры...”, “Эта ночь непоправима”, “Соломинка”.

еще десять¹. Не исключено, что Надежда Яковлевна при том присутствовала, во всяком случае, известно, что судьба записей тревожила ее в годы скитаний. Когда, спустя четверть века после первой записи и два десятка лет после второй, до нее дошла весть о том, что они сохранились, Н. Я. назвала это главным событием своей жизни². Однако, когда ей “прокрутили” пленку, испытала разочарование. “Результаты первой попытки перевода голоса Мандельштама с воскового валика на современный магнитофон я давал слушать Надежде Яковлевне в середине шестидесятых годов, — рассказывал Лев Шилов, сделавший всё для того, чтобы драгоценные валики с голосом поэта стали доступны слушателям. — Эта перепись ей не понравилась. Думаю, дело не только в том, что их звучание было еще очень далеко от желаемого, от того уровня, который был достигнут реставраторами на более поздних этапах этой долгой работы, но и в том, что она хорошо, «слишком хорошо» помнила живой голос самого Мандельштама. Другие современники поэта (среди них, например, Мария Сергеевна Петровых), которые не ждали от переписи с восковых валиков чуда — полного воскрешения голоса поэта, утверждали, что эти записи достаточно точно сохранили и передают его чтение”³.

Можно вообразить, с каким горьким трепетом ждала Н. Я. встречи с голосом из-за гроба и каким разочарованием оказалось услышать лишь тень его, шелест, в котором приходилось с трудом различать, а то и угадывать знакомые слова — всё равно что вместо лица дорогого тебе человека увидеть его фотографию... А между тем считается, что как раз валики с записью голоса Мандельштама сохранились лучше остальных: они реже других прослушивались студентами Института живого слова, но даже при сравнительно удовлетворительной сохранности можно говорить лишь об “эхе” голоса поэта. Тем не менее Сергей Бернштейн полагал, что эти записи

.....

- 1 “Нет, никогда ничей я не был современник...”, “Я по лесенке приставной...”, “Я буду метаться по табору улицы темной...”, “Цыганка”, “Исакий под фатой молочной белизны”, “Париж” (“Язык булжника мне голубя понятней...”), “Вы, с квадратными окошками...”, “Я наравне с другими...”, “Век мой, зверь мой”, “Холодок щекочет темя...”.
- 2 1 февраля 1965 г. Н. Я. писала С. М. Глускиной: “Знаете, нашлись пластинки с Осиным голосом. Через месяц обещают прокрутить. Это лаборатория Сергея Игнатьевича Бернштейна, откуда его выгнали еще в 20-х годах. Записи считались погибшими и вдруг нашлись” (*Об Ахматовой*. С. 332). То же самое она сообщала и Н. Е. Штемпель (Там же). Подробнее см. статью: Рассанов А. Звукозапись чтения Мандельштама // ВЛ. 2008. № 6. С. 228–231.
- 3 Шилов Л. *Буклет к компакт-дису “Осип Мандельштам. Звучащий альманах”*. ГЛМ, 2003.

чтения Осипа Мандельштама “с точки зрения теоретического исследования представляют колоссальную ценность”¹.

Картонная папка и ее судьба .....

Папка, которую Надежда Мандельштам передала Бернштейну в августе 1946-го, содержала 58 автографов О.М., 19 его стихотворений в прижизненной машинописи и машинопись полного собрания “Московских” и “Воронежских стихов”, известных Надежде Яковлевне к тому времени. Папку я отлично помню (да она и сейчас, сплюснутая, потерявшая свой драгоценный груз, всё еще существует), и помню, что в нашем доме она появилась в то время, когда травля Ахматовой и Зощенко бушевала вовсю. Два непривычных для ученицы шестого класса слова — одно с положительным, другое с отрицательным смыслом — “архив” и “постановление” вошли в мою жизнь одновременно и оба сопровождались строжайшим запретом произносить их в школе или во дворе — родители жестко предупредили: не дай бог проговориться о том, что в доме хранится *архив* Осипа Мандельштама, или о том, как в нашей семье отзываются о *постановлении*.

Это был один разговор, следовательно, события совпали по времени, и на том основывается моя уверенность, что у Сергея Игнатьевича Бернштейна папка находилась короткое время и вскоре переселилась к моему отцу, — к сожалению, точной даты моя память не сохранила. Братья сочли наш дом более надежным. Сергей Игнатьевич, профессор, как раз в то время переходивший из Педагогического института на филологический факультет Московского университета, с аспирантами и студентами часто занимался дома, ежедневно два-три человека приходили к нему на консультацию, а нашу квартиру посещали только “свои”. Кроме того, стихи требовалось немедленно перепечатать: бесценные автографы — для того, чтобы не дотрагиваться до них лишней раз, а записи поздних стихов — для работы над архивом, которая началась со следующего приезда Надежды Яковлевны в Москву. У нас была пишущая машинка, мама прекрасно владела ею. В сороковых годах прошлого века далеко не в каждой семье водилась подобная роскошь.

Сергей Игнатьевич оставался активным участником хранения, встречи с Надеждой Яковлевной по большей части происходили в его присутствии. Ежегодно приезжая в Москву на каникулы, она работала в нашем доме с архивом, дополняя текст и внося в него

.....

исправления, таким образом Сергей Бернштейн вместе с моим отцом участвовал в обсуждении и составлении корпуса ненапечатанных стихов Осипа Мандельштама, который Н. Я. по завершении определила как “единственный проверенный и правильный”¹.

Хранение архива и работа над ним — лишь одна линия отношений Надежды Мандельштам с Сергеем Бернштейном, кроме того, их тесно связывали профессиональные интересы. Скитаясь по городам империи, Н. Я. зарабатывала на жизнь преподаванием английского языка в высших учебных заведениях, и встречи с Бернштейном — а она неизменно навещала его, когда появлялась в Москве, — включали в программу получение консультаций по вопросам лингвистики и преподавания, помощь в работе над диссертацией, когда она решилась взяться за нее.

В частных беседах она потом не раз повторяла: “Диссертацию мне написал Сережа”.

“Если бы я была кандидатом...” .....

Шесть писем Надежды Мандельштам, посланные из Ульяновска в Москву Сергею Бернштейну, были написаны в течение двух лет, между 9 октября 1950-го и 11 октября 1952 года, все они связаны с ее работой над диссертацией, посвященной английской грамматике, и проблемами, возникающими на пути к защите. Собственно, эта работа началась еще в Ташкенте: 12 июля 1947 года она писала Борису Кузину из Москвы, где по обыкновению проводила каникулярное время: “В Ташкенте нет книг, и я вряд ли смогу закончить диссертацию, между тем у меня уже много сделано и сданы все экзамены, кроме специальности» (специальность» — готский, древне- и среднеанглийский», саксонский», исландский и 3 доклада). Сдано общее и сравнительное языкознание, латынь, греческий, немецкий, философия. Сейчас я отчаянно работаю, чтобы раздобыть материал”².

В письмах к Сергею Бернштейну Надежда Яковлевна ссылается на житейские трудности, которые принесет ей — если случится! — провал, не-защита диссертации, но похоже, что на самом деле ее больше терзает страх нового унижения, сожаления о том, что, не удержавшись от искушения, дала тому повод, “подставилась”, пробила брешь в неприступности своего изгойства, высокомерного презрения, того, что, по Галичу, “надежный лекарь всех обид”. “Тошно”, “противно” — ключевые слова: тошно и противно, ...

1 Письмо Н. Я. Мандельштам к автору от 9 августа 1954 г. (Семейный архив).
2 Кузин. С. 746

что вступила в отношение с системой, в игру по ее, системы, правилам. И еще одно: “спать” — свидетельство многолетней безмерной усталости, накопленной в чужих углах за годы бездомности.

А что до нравов и быта научной, псевдо- и околонучной среды, то в кратких штрихах, брошенных на бумагу Надеждой Мандельштам, она блистает во всей красе! Иной раз, когда персонаж того достоин, автор в лаконичной обрисовке характера поднимается до уровня своей мемуарной прозы. Как много вобрали в себя ласково-насмешливые описания научных чудачеств Георгия Шенгели: “прелестный человек и фантаст”, “Я его очень люблю вместе с его науками” (а нам радостно узнать, что и тут добрый гений “Квадриги” сумел сказать свое слово, поддерживая вдову поэта в ее одиночестве) или восторженные отзывы о Викторе Максимовиче Жирмунском: “какой человек”, “обыкновенный ангел”, “самый обыкновенный ангел”, или нравоучительная притча о “Гуговне”, добавляющая новый оттенок к трагическому образу Алисы Усовой, созданному в “Воспоминаниях”¹. Другой вопрос — насколько справедливы ее упреки и обвинения и в какой степени можем мы им верить? То, что пишет она о В. А. Звегинцеве, — а он впоследствии стал профессором МГУ и, прекрасный организатор науки, много доброго сумел совершить: создал на филфаке Отделение теоретической и прикладной лингвистики, которым руководил долгие годы, сыграл ведущую роль в открытии границ для публикаций в Советском Союзе переводов на русский язык важнейших лингвистических работ зарубежных ученых, — не совпадает с тем, как отзываются о нем коллеги. Пристрастность Надежды Мандельштам в оценках современников известна, она ее за собой знала и с присущей ей смелостью не скрывала: “Слава пристрастиям!”² — восклицает она. И: “Боже! Кто я такая, чтобы быть справедливой?”³

Однако в случае со Звегинцевым тут больше, чем пристрастность, тут война. Война затяжная, безжалостная, давно объявленная и — позиционная, когда каждая сторона ждет удара и готовится к тому. Силы враждующих неравны. Звегинцева Надежда Яковлевна боится до смерти и поливает грязью, опасаясь, как бы он чего подобного не сделал по отношению к ней: в его возможностях загубить законченную диссертацию, в которую столько сил вложено и на которую такие надежды возложены!

Дело в том, что нечто ужасное он однажды уже сотворил.

.....

1 Усова Алиса Гуговна (1895–1951) — жена поэта и переводчика Д. С. Усова (1896–1944), работала одновременно с Н. Я. Мандельштам в САГУ (*Собр. соч.* Т. 1. С. 456–460).

2 *Об Ахматовой.* С. 171.

3 БАБАЕВ Э. *Воспоминания.* СПб., 2000. С. 144.

Надежда Мандельштам в эвакуации, в Ташкенте, куда Анна Ахматова помогла ей приехать, “вырвала для нее пропуск”, преподавала английский язык — сначала в Центральном доме художественного воспитания детей, тоже эвакуированном в Ташкент, а потом перешла в САГУ, Среднеазиатский государственный университет, и тут всплыло, что у нее, преподавательницы кафедры иностранных языков, нет высшего образования! Увольнение казалось неизбежным. С большим трудом, с помощью деятельных доброжелателей, удалось выхлопотать разрешение министра держать экстерном экзамены по программе филологического факультета. Надежда Яковлевна, сменив учительский стол на студенческую скамью, прилежно занималась и успешно сдавала один предмет за другим, пока накануне государственного экзамена не рассорилась вдрызг со Звегинцевым, в ту пору заведующим кафедрой языкознания, а тот вкатил ей “неуд” за письменную работу по английскому языку, ее основному предмету.

Каждый, кому приходилось преподавать, знает, что граница между проходным и непроходным баллами чаще всего зыбка и подвижна, и у экзаменатора почти всегда есть возможность выбора. Почему выбор Звегинцева в таком судьбоносном случае оказался столь жестоким? Он не мог не знать имени Мандельштама и судьбы его вдовы. Слишком просто было бы объяснить такой поступок раздражением, обидой. Правда, знавшие Звегинцева вспоминают, что был он обидчив, подозрителен и тоже грешил пристрастностью, но уж слишком мелко для ученого: сводить с коллегой счеты на таком необычном, “аварийном” экзамене! Естественно, приходит на ум, что он так поступил не по своей доброй (в данном случае злой) воле, а по принуждению.

Экзамен после еще более трудных хлопот удалось передать, диплом Н. Я. получила, но Владимир Андреевич Звегинцев с тех пор внушал ей ужас и отвращение.

В письмах к Сергею Бернштейну, как и в переписке с Борисом Кузиным, мы встречаем не совсем знакомую, точнее, совсем незнакомую нам Надежду Мандельштам: Надежду Мандельштам, которая умеет извиняться, объясняться, оправдываться; ту, что откровенно жалуется на людей и на судьбу и просит о помощи; донельзя самокритичную, неуверенную в себе и постоянно собой недовольную... Непримируемая, грозная, всех на свете прижизненный судья, “Мандельштамиха” с ее мужской хваткой и жесткостью, предстает иным существом: женственной, растерянной и робкой, сомневающейся и беспомощной, испуганной (хочется даже сказать: трепещущей), которая нуждается в утешении, в добром друге, в муж-

ской руке, на которую могла бы опереться, и ищет ее там, где знает, что нет, здесь не откажут. Еще одно свидетельство того, что на дне обожженной души таились доброта и мягкость, которые лишь ждали повода подняться на поверхность и выплеснуться наружу.

За долгие годы общения с ней мне довелось лишь однажды уловить в ее голосе и заметить в ее взгляде нежность: в тот миг, когда она протянула мне листок-завещание, передававшее в мои руки право распоряжаться архивом Мандельштама, да и то я потом придирчиво себя проверяла: не помстилось ли? А тут их полно — добрых слов, нежных слов: “Я очень по вас скучаю”, “Я часто скучаю по вашей рыжей бороде (и черной шапочке)”, “Я вас очень люблю, и я очень хочу, чтобы вы были таким, как вы есть” — к адресату, вплоть до совсем уж непредставимого в ее устах “целую ручки” в адрес моих родителей! Притом она знает, что пишет “в пространство”: ей известна злосчастная привычка Сергея Бернштейна отвечать далеко не на каждое из полученных им писем (тут, я думаю, имела место не небрежность, а присущее С. Б. и сильно вредившее ему, а в иных случаях — даже губительное стремление к совершенству, заставлявшее его откладывать ответ на письмо, как и публикацию законченной статьи, “на потом”, чтобы сделать это не спеша, в подходящую минуту, в подходящем расположении духа и, согласно его требованиям к себе, создать близкий к совершенству образец эпистолярного искусства; свободная минута при его занятости и медлительности не находилась, требуемое расположение духа не возникало, “потом” превращалось в “никогда”, а тем временем наступали спасительные каникулы, Надежда Яковлевна приезжала в Москву и взбиралась по выщербленным каменным ступеням, с каждым годом становившимся всё более крутыми, на четвертый этаж дома №11 по Столешникову переулку прежде, чем предполагаемый шедевр являлся на свет).

Если не считать кое-где разбросанных — и вполне заслуженных — шпилек-упреков по поводу предполагаемых не-ответов на них, письма Надежды Мандельштам к Бернштейну исполнены добрых чувств, сердечности, благодарности по отношению к адресату и его близким и к другим, близким самой Н. Я. личностям. Кроме того, мы узнаем в ее лице серьезного, независимо мыслящего лингвиста, для неспециалистов это наименее известная ипостась ее личности.

.....

9 ОКТЯБРЯ 1950 Г., УЛЬЯНОВСК

Дорогой Сергей Игнатьевич!

Пишу вам, как вы велели: работа отправлена.

Я сильно ее переделала. Убрала все места, где я перепотевшила Потебню. Что мне сейчас делать? Мне скучно. Не отправить ли по тому же адресу (Инст<итут> язык<ознания>) еще одну работишку — о причастии?

Как жизнь? Как работа? Как Институт языкознания? Вопросы — в пространство, т. к. ответа, я знаю по опыту, мне не получить.

В комнате у меня сад: в горшках растет всё такое, что есть в каждом деревенском окне. Я сижу одна и работаю садовником.

Автореферат я написала плохо. Дура. Если дойдет до печатания — переделаю. Но нельзя писать автореферат исходя из мысли, что всё равно ничего не выйдет. Боюсь вообще, что я перестаралась.

Меня хотели назначить зав. кафедрой, но по дороге раздумали. Сначала я отказывалась, и очень энергично. Отказа не приняли. Это противно.

Меня переселили в квартиру, где есть то необходимое для жизни удобство, о котором все тоскуют в провинции. Я горжусь, а мне завидуют.

<На полях:> Если бы я была кандидатом, я бы купила себе, как Акакий Акак<иевич>, шинельку — т.е. шубу. И туфли. И валенки. И заказала бы костюм.

Скажите Анне Вас<ильевне>¹, что я так толстею, что уже вылезла из всех платьев: она презирала меня за узкие платья. И поцелуйте ее. По тарелке всё время передают не Чайковского и не Корсакова. Этому меня научил Саня. Я очень по вас скучаю. По вечерам на улице так темно, что все сидят дома.

Ульяновск, Пролетарская площ<адь>, № 21,
комн<ата> 75. Над<ежда> Мандель<штам>.

.....
.....

29 ОКТЯБРЯ 1950 Г., УЛЬЯНОВСК

Дорогой Сергей Игнатьевич!

Недели две тому назад я вам писала, что отправлена моя работа в Институт языкознания. Дошла ли она? Не потерялись ли документы? Отправляя работу Институт (здешний, педагогический <ульяновский>). Если бы вы были так добры и узнали... Сейчас я очень жалею, что залезла в эту историю. Как всегда, здесь сомневаются: не выдумала ли я вообще филологии. Ведь моих подруг этому не учили. Если диссертация не пройдет, будет очень трудно работать, а переезжать еще труднее, особенно мне. Соблазн был очень примитивный — имея звание, я бы тверже стояла в провинции. Напр<имер>, комендант в общежитии не переселял бы меня три раза в год из комнаты в худшую комнату, а денег бы хватало даже на поездки в Москву. Но можно было все-таки воздержаться. Особенно я огорчилась сейчас. Усова написала мне, что приятнейший молодой языковед Звегинцев попал в Инст<итут> Акад<емии> Наук. Кем? Очевидно, в отдел германистики. Это очень страшный мальчик, хотя ему и покровительствует Шишмарёв¹. Он мне делал невероятные пакости, в частности пытался провалить меня на студенческом экзамене по... английскому языку, лишить меня диплома и высадить из САГУ. Снимал он с работы и Усову. В Ташкенте его хорошо знали и очень быстро обуздали. Бросила я Ташкент из-за него. Я надеюсь, что в Москве у него не будет таких возможностей безобразничать, как в Ташкенте, но знаю, что он сделает всё возможное, чтобы работа не прошла. Средствами он не стесняется. Как вы думаете, что мне делать?

Самое главное, что мне очень не хочется бороться. Тошно. Я всё повторяю последние и не лучшие строки

.....

1

Шишмарёв Владимир Федорович (1875–1957) — филолог, академик АН СССР, автор трудов, посвященных истории романских языков, эпосу и литературе романских народов.

Некрасова: ... как нищий просит хлеба...¹ Сердцу плохо. Учиться — трудно, не хочется. Я повторяю ваши слова, год тому назад сказанные. Сердце сдает даже во время лекционных часов. Это очень неудобно.

Появлялся ли у вас Шенгели? Это прелестный человек и фантаст. Он занимается фонетическими исследованиями ритма и всего прочего. Меня он серьезнейшим образом консультировал о том, существует ли такая наука — фонетика. Не чепуха ли это. Он прочел, что русские звонкие оглушаются в конечном положении. Это его возмутило, и он научился произносить слово *сад* с чудным звонким — д —. Я его очень люблю вместе с его науками. Когда я была в Москве, он собирался пожаловать к вам, проверить свой “сад”.

Получили ли вы мое первое письмо? Если вы не способны ответить, скажите Сане. Он попросит Люсю Шкловскую². Я понимаю, отвечать невозможно. Но сказать что-нибудь Сане — можно. Главное, пришла ли эта дурацкая работа. Зачем я ее переделывала? Она сейчас (в исследовательской части) вполне приличная. Про Саню мне писала Люся. Очень грустно. Саня и Анна Марк<овна>³ очень милые. Я хотела бы, чтобы они были богаты⁴. Что у вас? Как о вас узнать?

<На полях:> Хоть бы кто-нибудь из вас написал. Я очень хочу знать, как вы сейчас живете.

Целую Анну Васильевну. Хочу зайти к вам на этой неделе, но далековато. Н. М.

.....

.....

- 1 Начало стихотворения Н. А. Некрасова “Черный день! Как нищий просит хлеба / Смерти, смерти я прошу у неба...”.
- 2 Шкловская-Корди Василиса Георгиевна (1890–1977) — первая жена В. Б. Шкловского.
- 3 Бамдас Анна Марковна (1899–1984) — жена А. Ивича.
- 4 Н. Я. пишет в пору разгула кампании по борьбе с космополитизмом, одним из видных фигурантов которой был А. Ивич; объявленный космополитом, он был лишен возможности печататься, остался без заработка, и семья впала в нищету.

20 НОЯБРЯ «1950 Г., УЛЬЯНОВСК»

Дорогой мой Сергей Игнатьевич!

Плюньте на мои дела, но напишите мне что-нибудь. Вы знаете поговорку про свинячье рыло? Я сунулась и получила по рылу. Помните, вы меня спрашивали, уж не думаю ли я, что защитить кандидатскую большое дело. Вы смеялись, когда я вас убеждала, что большое. Это не большое дело, когда есть “покровитель”, который тащит аспиранта или знакомую даму. Для меня большое. Мне уже сообщили, что Институт очень занят и мне советуют обратиться в МГУ. В Одессе это называется бесплатным советом. Кто знает, не занят ли Смирницкий¹ и в МГУ. Я сначала взбесилась, хотела что-то писать, потом плюнула и успокоилась.

Плохо другое — на меня ставили как на лошадь. Даже дали приличную комнату. Теперь заедят (большинство ставило против. Ставившие “за” обиделись). Не посылать тоже было нельзя — заели бы сразу. Знаете, этим проверялось отношение Москвы ко мне.

Противно, что и в старости (т.е. сейчас) не будет денег, квартиры и т.д. Жалко, что нельзя работать дальше — хорошо действует на пищеварение. Но мне больше учиться не хочется. Меньше всего бороться за свою работу. Как-нибудь доживу. И не то бывало. На всё у меня есть своя сказка, которая не дает мне силы делать обычные “дамские” шаги (писать, приезжать, уговаривать, доказывать и т.д.). Умница Усова: она встретила на одну треть седую учительницу провинциального инфака с каплей на носу и папиросой в зубах, которая доказывала Чемоданову², что наука лопнет без ее инфинитива. Увидав, Усова не написала диссертации. У меня есть капля, седина и папироса, лучше полежу и поплюю.

.....

1 См. наст. издание, с. 108.

2 Чемоданов Николай Сергеевич (1904–1986) — лингвист, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой германской филологии МГУ.

Что Саня? Я обрадовалась, услышав по радио рассказ про уголь, лекарства и про его — Санино — возвращение к дурным запахам.

Что делает мой друг Звегинцев? Это прелестный мальчик. В Ташкенте его называли Смердяковым, Сквозняком (он, подслушивая что-то, приоткрыл дверь — сквозняк выдал), и все очень уважали за умение устраивать свои дела. Я тоже.

Кстати, я ничего не ответила Институту. Леня и не знаю, что ответить. В МГУ обращаться не буду. Так обращаются всюду со всеми провинциальными филологами. Обычная история. Здесь нет, я думаю, ничего личного, а помогать им освободиться от моей работы я не хочу. Пусть идут на почту сами. Что за Ожегов¹?

Что у вас?

Не путайтесь в мои дела — еще с кем-нибудь поссоритесь. Того не стоит. Но напишите или попросите Саню.

Целую вас. Издали можно даже старушкам. Анне Васильевне привет. Я не ругнулась в письме, помню, как она меня отчитывала за самый скромный мат.

И Сане с семьей целую ручки. Надежда Ма<ндельштам>.

.....

⟨11 ФЕВРАЛЯ 1951 Г., УЛЬЯНОВСК⟩

Дорогой Сергей Игнатьевич!

Второй семестр, Москва, старость — у меня от всего идет кругом голова; я стала совсем несчастной старой душой. Я не успела вас спросить, совпадает ли фраза с предложением (границами), или может соединять несколько

.....

1 Ожегов Сергей Иванович (1900–1964) — лингвист, доктор филологических наук, профессор, автор однотомного “Словаря русского языка”.

(как синтагма несколько синтаксических групп). Слово “фраза” ведь уводит к музыкальной фразе.

Передали ли вам книгу? (Вопр<осы> язык<озна-
ния>) Я вам ее принесла в тот час и день, когда мы погово-
рились.

Еще я не успела вас спросить, что вы думаете о Пospelове¹. Мне он кажется черезчур² быстрым. Отношение к фонетике мне не очень понятно. В частности, почему он предлагает убрать из морфологии чередования? Из синтаксиса он изгоняет семантический анализ (а теория падежей?) (а грамматические чередования?). Звуки речи, по Пospelову, строят слова. А интонация? Почему каузативов нет в русском языке (лег — положил)? Ведь это древняя категория и во всех современных языках (и — е) она в остаточках. То, что в турецком есть категория каузативов, только показывает, что существуют категории, общие языкам различных семейств. И еще многое.

У меня к вам огромная просьба: если будет что-нибудь выходить из нужных книг, купите экземпляр и для меня и позвоните моему брату, чтобы он мне его переслал (Б8-46-90 — Евг<ений> Яковл<евич>). Мне очень трудно без новых книг. Сюда ничего не доходит.

Еще мне очень жалко, что я обидела ваших милых детей-аспирантов, усумнившись в натуральности их произношения. Я честно забыла, что это их главная гордость. Больше никогда не буду. Меня просто действительно интересует, в чем разница. Не могу ухватить. Но я заметила, что практическая фонетика часто неточно описывает даже отдельные звуки, не говоря уж о сочетаниях. И секрета все-таки не понять.

Еще — вы мне сказали, что вы знаток русского произношения? Неужели вы думаете, что я этого не знала? Должно быть, я была не в форме. Даже Наверное. Москва была для меня очень трудной. И здесь я не совсем

.....

1 Пospelов Николай Семенович (1890–1984) — языковед, доктор филологических наук, профессор МГУ, автор работ по проблемам грамматики и синтаксиса.

2 Так в тексте.

в порядке. Вокруг меня всюду очень сложно: болезни, неразбериха, даже смерти. Это возраст. И я это очень остро чувствовала. Может быть, черезчур остро. Почти все мои друзья в каком-то перевале. И, кажется, я тоже. А вы, по-моему, молодец. Это еще зависит от сердца. И от работы.

Я очень вас люблю, и я очень хочу, чтобы вы были таким, как вы есть. Н. Мандельштам

<На полях:> Сердечный привет Анне Васильевне. Она тоже большой молодец.

.....

---

15 ИЮНЯ 1952 Г. <УЛЬЯНОВСК>

Дорогой Сергей Игнатьевич!

С моей работой идет мордобой, который вряд ли кончится в мою пользу. Бьют меня Звегинцев (молча и чужими руками), Ахманова и Смирницкий¹. За меня Жирмунский, Шишмарев и Ярцева². Сейчас по распоряжению дирекции работа дана на отзыв еще двоим — один ленинградец, кот<орого> я не знаю, но он независим от Ахмановой, и Аракин³, кот<орый> выдвинут Смирницким. Что это за Аракин? Он, наверное, уже обработан Звегинц<евым> и компанией. Нет ли возможности сказать ему, что мнения об этой работе разошлись и что она не так легко побежит в помойную яму? Я убеждена, что ему именно это уже сказали. Как быть, чтобы добиться от него хотя бы нейтрального отзыва.

Знаете ли вы его? Не можете ли помочь? От Потебни и Попова его, конечно, стошнит, а Ахманова — грозная сила, но всё же, если он будет знать, что это не так просто, он будет осторожнее. Помогите, если можете.

.....

1 Смирницкий Александр Иванович (1903–1954) и его жена Ахманова Ольга Сергеевна (1908–1991) — лингвисты.

2 Ярцева Виктория Николаевна (1908–1991) — лингвист.

3 Аракин Владимир Дмитриевич (1904–1983) — лингвист.

У меня здесь висит всё на нитке. Идут сокращения — и уходит директор. В момент, когда он уйдет, снимать будут меня — зав. каф <едрой> хочет от меня освободиться, т.к. остальные все девочки. Единств <енное>, что может выручить, — это диссертация. А помирать еще не пора. Я скоро вас увижу. Но будете ли вы мне рады? Я вам рада всегда.

Жму руку. Н. М.

Виктор Макс <имович>¹ самый обыкновенный ангел. Он чудо как много мне помог. И Шишмарев. И Ярцева.

Я хотела бы, чтобы Аракин знал, что Ярцева за меня. С ней считаются.

.....

«11 ОКТЯБРЯ 1952 Г., УЛЬЯНОВСК»

Дорогой Сергей Игнатьевич!

Будьте милым, развейдите, что делается с моей работой. Ей должны были дать ход, получив рецензию от Аракина, а Аракин очень хвалил ее Жирмунскому. Виктор Максимович написал мне, после разговора с Аракиным, ангельское письмо, которое кончалось возгласом: справедливость восторжествует... Какой человек!

Осенью, проезжая через Москву в Ульяновск, я видела мельком Горнунга². Он воротит нос. Почему? Ему-то не всё ли равно?

Здесь переменялся директор; новый еще не дал себя почувствовать. Только что в течение двух недель шла проверка нашей кафедры. У меня было много гостей. Один специально ходил “для справедливости”, т. к. меня хотели бы съесть. Но, кажется, ничего.

.....

1 Жирмунский.

2 Горнунг Борис Владимирович (1899–1976) — филолог-лингвист, переводчик, поэт, автор научных статей, эссе, воспоминаний.

Что у вас? Как вы живете? Как работаете и как Саня? Я часто скучаю по вашей рыжей бороде (и черной шапочке). Языкознанием заниматься не очень хочется — хочется спать.

Летом я плескалась в речушке Верейка и забывала бремя лет. Именно в этом году я познала лучший способ лежания на воде на спине. Это называется — опыт приходит с годами.

Я думаю, что даже если вы узнаете что-нибудь, вы мне не соберетесь написать (хоть это и нехорошо). Позвоните моему Жене, если не сможете написать (Б9-46-90). Хорошо? Или Василисе.

Не забывайте меня — я не самая счастливая из всех женщин.

Над<ежда> Манд<ельштам>.

Ульяновск. Пролетарская площ<адь> № 21 кв<артира> 75.

.....

Архив Осипа Мандельштама в переписке по понятным причинам не упоминается, но намеки читаются между строк: “целую ручки” относится именно к этому обстоятельству: спасибо, мол, что приютили “кучку стихов” — так иногда называла вдова поэта собрание, за которым охотилась секретная служба империи.

О том, где находится “кучка стихов”, я знала, этот факт от меня не скрывали, а о том, что до папки нельзя дотрагиваться, никто специально не предупреждал — само собой разумелось. Увы, я нарушала молчаливый запрет. Оставшись дома в одиночестве и честно, с мылом, вымыв руки, да еще расстелив на письменном столе карту полушарий, ее глянцевиная белая изнанка казалась особенно надежно чистой, доставала из отцовского письменного стола (левая тумба, третий сверху ящик) запретную папку и развязывала неподатливые со страху шнурки. К тому времени, когда к ящику подобрали ключи (в доме никогда ничего не запирали и ключей не держали из принципа), я знала наизусть изрядную часть стихотворений.

Ключ от секретного ящика получить не удалось — это было обидно и неожиданно: отец всегда доверял мне и рано стал обращаться как со взрослой, но тут, похоже, он догадался о тайных набегах на архив. В знак протеста я отправилась искать справедливости

у Сергея Игнатьевича: о том, что он сделал для себя рукописную копию, мне было известно.

У дядюшки была своеобразная манера хранить запрещенную литературу: он держал ее на виду. Его колоссальная лингвистическая и поэтическая библиотека занимала три с половиной стены просторного кабинета, да еще аппендиксом вылезала на середину комнаты. Крамольные рукописи и книги мирно стояли на полках среди своих легальных собратьев — только в чужой одежде. Сергей Игнатьевич в своих владениях ориентировался в совершенстве: ему и минуты не требовалось, чтобы найти нужную книгу. Он выслушал меня, пропустив мимо ушей жалобы на деспотизм отца, выдвинул стремянку, молча, одним высокомерным жестом отклонил мою помощь и взобрался куда-то под потолок. Снял с полки книгу, спустился с нею вниз, сложил стремянку, поставил на место, в дальний угол, — всё это не торопясь, тщательно и аккуратно, держа книгу под мышкой, — и лишь тогда протянул ее мне. “Вопросы ленинизма”, сочинение Иосифа Виссарионовича Сталина, издание 11-е, ОГИЗ, 1939”, — тупо прочитала я. Дядя откинул обложку. Внутренности бессмертного труда были выпотрошены, а на месте вырванных страниц лежали стихи Мандельштама, аккуратно переписанные старомодным “профессорским” почерком на отдельных маленьких листках — то были разрезанные пополам школьные тетрадки в линейку.

Дядя бережно вынул листки, положил на письменный стол, придвинул стопку чистой бумаги и уступил мне свое рабочее место. Сам он устроился подле в низком вольтеровском кресле — с неизменной трубкой, с остро отточенным карандашом и стопкой карточек. На верхней его почерком было написано: “Материалы к фонетике гунзибского языка”.

Через десять, пятнадцать, двадцать лет мой муж, поэт-переводчик Константин Богатырев, и я нередко пользовались дядюшкиными тайниками. Как только обыски начинали ходить близко или когда арестовывали кого-нибудь из нашего круга, мы складывали в чемодан самые ценные рукописи, письма, распечатки и переправляли всё это на верхний этаж старого дома в Столешниковом переулке. После ареста Ольги Ивинской там хранились письма Бориса Пастернака, в конце 1960-х — экземпляры “Хроники текущих событий”, самиздатовские выпуски “В круге первом” и “Ракового корпуса” Александра Солженицына. Но времена изменились, и, переждав неделю-другую, мы отправлялись за своими сокровищами.

Времена могли меняться сколько угодно, привычки и жесты дядюшки не менялись никогда. Всё так же высокомерно он отклонял предложение помочь, так же аккуратно расставлял стре-

мянку, легко взбирался под потолок и точным движением вынимал какой-нибудь советский сборник или учебник, а то и “Материалы по докладу Жданова”, с которого начался наш сегодняшний разговор: стоящих книг он для тайников не использовал. Только вместо “Материалов к фонетике гунзибского языка” перед ним лежали “Возвратные глаголы вогульского” или что-нибудь не менее экзотическое.

СОФЬЯ БОГАТЫРЕВА

**ДРУЖБА ПО ГАМБУРГСКОМУ СЧЕТУ:
ПИСЬМА Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ СЕМЕЙСТВУ
ШКЛОВСКИХ-КОРДИ (1955–1964)**

(Подготовка текста, публикация и комментарий
В. Шкловской-Корди, Н. Шкловского-Корди, Е. Сморгун-
вой и Ю. Фрейдина. Предисловие Ю. Фрейдина)

.....

Жизнь Надежды Яковлевны Мандельштам менялась много раз и самым радикальным образом.

Если не считать всеобщих перемен, внесенных в мирную жизнь киевских, да и всех европейских жителей Первой мировой войной, революцией и последующими событиями переворотов, оккупации, мятежей, переходами власти из одних кровавых рук в другие, — личные изменения в судьбе дочери просвещенного и преуспевающего киевского адвоката (по-тогдашнему: присяжного поверенного), православной еврейки, крещенной в третьем поколении, выпускницы жекулинской гимназии, вольной художницы — авангардистки и декадентки в искусстве и в житейском обиходе, студентки первого курса юридического факультета Киевского университета, поименованного в честь св. Владимира, Нади Хазиной, начались 1 мая 1919 года, когда она стала подругой, затем невестой, а с весны 1921 года, после долгой разлуки, — женой и спутницей поэта Осипа Эмилевича Мандельштама. Она связала с ним всю свою последующую жизнь — почти шестьдесят трудных, тяжких и опасных лет. Женщина, умевшая быть молчаливой, незаметной... Хозяйка бедного кочевья, каким был вечно бездомный “дом” Осипа Мандельштама в 20-е и 30-е годы. Секретарь и переписчик его стихов.

Дальше судьба Н. Я. менялась целиком и полностью с первым арестом О. М. (май 1934 года) за антисталинскую эпиграмму, когда она поехала с ним в чердынскую и потом в воронежскую ссылку, со вторым арестом (май 1938), когда Осю увезли на гибель, а Надя осталась одна и поставила своей главной задачей сохранить и обнародовать творческое наследие своего мужа.

Это была самая долгая часть ее жизни, больше половины — 42 года, и эта часть тоже делится на две.

Первые 25 лет после гибели мужа она провела в двойственном бытии. Внешне — пыталась сохранить свою жизнь, жизнь вдовы, опекала старую мать, переносила эвакуацию, защищала провинциальный университетский диплом, преподавала английский, писала диссертацию — защитить ее было непросто, но зато это давало немножко лучшую обеспеченность; и снова кочевала по городам, где были пединституты и кафедры английского языка — Ташкент, Ульяновск, Чита, Чебоксары, Псков... Однако это был лишь внешний биографический рисунок, отражавшийся в записях трудовой книжки и в пунктах анкеты. Постоянным спутником этого четвертьвекового отрезка жизни был страх. Страх прежний, такой же как у всех, что придут и возьмут, но гораздо более обоснованный, потому что уже пришли, забрали и убили *его*, а она — его вдова и носит его имя.

И страх новый — что вместе с ней пропадет, исчезнет, забудется всё сделанное и написанное *им*.

Позже она сама рассказала нам обо всем этом в “Воспоминаниях” и во “Второй книге” — в своей ставшей постепенно знаменитой на весь мир, припоминающей, объясняющей и многое предвещающей прозе.

Казалось бы, чего больше? Читайте книги Надежды Яковлевны, перечитывайте сохраненные и прославленные ею стихи и прозу самого Мандельштама.

29 октября 1999 года, накануне столетней годовщины со дня рождения Надежды Яковлевны Мандельштам, на вечере, устроенном в память о ней в Москве в Литературном музее, выступая перед небольшой аудиторией ее друзей и читателей ее книг, Варвара Викторовна Шкловская говорила, что после смерти О. Э. у Н. Я. раскрылись мужской ум и мужской характер. Ее муж, поэт Николай Васильевич Панченко, — многолетний и верный друг и защитник Н. Я.¹; говорил тогда: да, издадут со временем многотомные собра-
.....

1 Удостоенный наград писатель-фронтовик, написавший пронзительную “Балладу о расстрелянном сердце” и мудро-саркастическое, полюбившееся Н. Я. стихотворение “Солдаты Петра”, один из составителей знаменитых “Тарусских страниц”, за что

ния сочинений Н. Я. Мандельштам, но и для ее памяти, и для нас самих важнее всего, чтобы они не заслонили двух ее главных книг. Написав их в середине 1960-х годов и издав их за границей в начале 1970-х, вдова поэта Мандельштама рискнула своей свободой и даже жизнью, и важно, чтобы все добавления не заслонили сохраненного и донесенного до читателей творчества самого Мандельштама, того гуманизма, которым оно пронизано, того понимания сути нашей истории и смысла нашей жизни, к чему обязывают и призывают нас и его, и ее произведения...

Но мы, видимо, так устроены, что этого нам мало. Мы хотим узнать и знать больше, хотим попасть за кулисы...

Что ж, попробуем узнать побольше.

В семействе Шкловских сохранились письма, посланные Надеждой Яковлевной из разных городов и весей, куда кидала ее жизнь после смерти Осипа Эмильевича.

Это была тяжелая жизнь на периферии страны в 1960–1970-е годы советского строительства коммунизма, жизнь нередко без еды, без воды, без света.

Надежда Яковлевна переезжала из одного города, где ей находилась работа в пединституте на кафедре иностранных языков, в другой такой же город. Сначала Ульяновск, потом Чита, холодная и снежная, а затем — Чебоксары с их непролазной грязью и запретом открывать форточку! Возвращаясь из очередного города, каждый раз Н. Я. выстаивала по несколько дней в министерстве за направлением в очередной пединститут.

Тихие и неулыбчивые студенты требовали подходящих оценок и иногда даже угрожали своей преподавательнице. Каждый семестр выжимал ее, как лимон, усталость — лейтмотив ее писем, но приходилось держаться, потому что за преподавание платят, и тогда можно купить туфли, а может быть, даже подумать о пальто. И только из Пскова, где она проработала в пединституте еще два долгих года, чтобы немного увеличить пенсию, Н. Я. ушла в 1964 году на пенсию.

Какой же должна быть сила и стойкость этой женщины, если она еще берется за филологическую диссертацию и успешно защищает ее в Ленинграде 2 июня 1956 года. Нескончаемые хлопоты, связанные с диссертацией и ее защитой, отразились и в письмах Н. Я. к семейству Шкловских, написанных весной 1956 года.

.....

он едва не заплатил парtbилетом (что было совсем не шуткой для советского писателя в начале 1960-х гг.).

Самим Шкловским, как видно из писем, было очень трудно — все были бедные и раздетые, на всю семью были одни рейтузы. Всегда не хватало платка и теплых штанов. И они постоянно помогали ей. А она присылала, по возможности, деньги, авиа-переводами, которые шли дольше почтовых и всегда волновали возможностью не прийти совсем. И в ответ просила только ласки и дружбы.

О Василисе Георгиевне Шкловской-Корди Надежда Яковлевна не раз упоминает с нежностью в своих книгах — в этом доме их с Осипом Эмильевичем, а потом и ее одну, всегда привечали, любили, делились последним. Надежду Яковлевну восхищала не только доброта Василисы Георгиевны, но ее светлый ум и мужество.

Примечательно, что лишь однажды за весь период публикуемой здесь переписки мы узнаем, чем была занята сама Надежда Яковлевна. В апреле 1963 года Н. Я. настоятельно просит из Пскова: “пришлите мне... хоть немного бумаги и копирки. И запасите на Тарусу побольше бумаги и копирки. Умоляю...”

И эта просьба с очевидностью означает, что всё это время Н. Я. *пишет свою книгу*.

Надежда Яковлевна, за редчайшими исключениями, не хранила ничьих писем и бумаг, кроме тех, что относились к творческому наследию и биографии О. Э.

Сам же О. Э., как мы знаем, к хранению рукописей своих произведений относился беззаботно, и не только в силу своего характера, но и вследствие обстоятельств кочевой жизни — бездомности и безытности, преследовавших его практически всю сознательную жизнь. К тому же в условиях войн и революций что-либо сохранить было чрезвычайно трудно. Практически нужно было выбирать: или ты что-то создаешь, или хранишь. И где-то с конца 1920-х годов О. Э. и Н. Я. разделили эти обязанности. Хранительницей стала Н. Я., но это вовсе не значит, что задача сохранить упростилась и облегчилась.

Вернемся к письмам. Хранить письма, адресованные О. Э. и полученные им, было избыточной задачей. Хватало забот сохранить бы письма самого О. Э. и, естественно, основной мандельштамовский эпистолярый — это письма О. Э. к Н. Я. Их она получала, их она хранила, их она согласилась предать гласности еще в американском собрании сочинений Мандельштама, правда, подвергнув купированию — самые нежные, почти интимные высказывания. “Это, — говорила она, — пусть публикуют, когда меня не станет”.

Более того, Н. Я. практически не хранила писем, адресованных к ней лично, писем родных, друзей разных лет. Отметим

особо два почти целиком сохраненных ею эпистолярных блока, адресованные ей, — это письма, записки и телеграммы Ахматовой и письма Жирмунского. И те, и другие. Ахматовские не раз публиковались, письма Жирмунского еще ждут своего исследователя. Осмелюсь предположить, что Н. Я. сохранила письма Виктора Максимова не потому, что там отразились перипетии ее попыток защитить кандидатскую диссертацию, что, безусловно, без помощи Виктора Максимова было бы невозможно. При всей практической важности самой диссертации Н. Я., успешно защитившись, перестала придавать работе сколько-нибудь существенное значение, легко раздаривала немногие сохранившиеся экземпляры автореферата и уж, во всяком случае, не собиралась продолжать свои филологические штудии.

Тем не менее при всех различиях оба эпистолярных блока отражали нечто, в представлении Н. Я. очень важное для самого Мандельштама — два разных варианта его юношеской дружбы, пронесенной через такие страшные и опасные десятилетия. Для Мандельштама дружба, дружеская поддержка, обретенная им в разные годы в лице совершенно разных и порою очень неслучайных людей, таких, как Ахматова и Жирмунский, а порой и совершенно почти случайных, но на каких-то этапах жизни О. М. чрезвычайно важных и ценных. Поэт и прозаик футурист Бенедикт Лившиц, позднее — биолог и стихолоб Борис Кузин, втайне пишущий стихи; еще позднее — начинающий филолог, ученик Тынянова, юный поэт и воронежский ссыльный Сергей Рудаков. Дружба с ними, их дружеская поддержка была чрезвычайно важна не только в житейском, но и в творческом плане. Вспомним строчку из посвященного Кузину стихотворения: “Я дружбой был, как выстрелом, разбужен”.

Нужно сказать, что дружба без предательства в те страшные времена была большой редкостью. Только давним и испытанным друзьям можно было доверять, и то не всегда. Не выдержал испытания доверием Борис Кузин, сохранивший письма Н. Я., которые она требовала уничтожить. Не выдержал испытания доверием и Сергей Рудаков, не сумевший внушить жене то, что хранение мандельштамовских материалов — первостепенный долг, который нужно выполнить при любых обстоятельствах.

Не все друзья О. Э. стали друзьями и Н. Я. Но когда это происходило, дружба приобретала “семейный” характер — как с Ахматовой и ее сыном Лево́й Гумилевым, как с Бенедиктом Лившицем и его женой Екатериной Константиновной... Однако время испытывало людей на прочность и тогда, когда, казалось, самые тяжкие беды остались позади: так, Екатерина Константиновна при всей сво-

ей доброте, при всем лагерном опыте не смогла принять “Вторую книгу” Надежды Яковлевны, и их дружба прервалась. Не оправдал надежд и Кузин, и свои отношения с ним Н. Я. позднее сравнивала с коллизией Ахматовой и Гаршина.

Совершенно особый вариант являет собой дружба Мандельштамов и Шкловских — дружба, продлившаяся более полувека и ставшая фамильным достоянием трех поколений этого семейства.

Если Ахматова и Мандельштам, несмотря на мелкие разногласия, всегда оставались и навсегда останутся естественными литературными союзниками, объединенными трагической фигурой Гумилева, если Жирмунский был человеком круга акмеистов и одним из первых научных издателей ахматовских стихов в 1970-е годы, то Виктор Шкловский — это другое: основатель формализма, авангардист, футурист, лефовец. Что общего, казалось бы, имел Шкловский с акмеистом и как бы пассаеистом (то есть антифутуристом) Осипом Мандельштамом? Собственно, ничего, кроме умения отличать в искусстве хорошее от плохого и умения видеть, за кем “по гамбургскому счету”, как выразился однажды он сам, останется будущее.

Н. Я. рассказала в своих воспоминаниях о дружбе с семейством Шкловских-Корди, в самые трудные и опасные времена прятавшим в своей квартире или у своих родных нелегальную парочку — Осипа и Надежду Мандельштамов.

Эпистолярным памятником этой дружбы являются сохраненные в семействе Шкловских-Корди¹ письма Н. Я. 1940–1960-х годов. Их первая часть была уже опубликована², здесь же представлена заключительная часть — письма Н. Я. Мандельштам 1955–1964 годов.

Юрий Фрейдин

.....

.....

1 Относительно фамилии Шкловский-Корди Варвара Викторовна Шкловская пояснила: “Будущий писатель Виктор Шкловский и будущая театральная художница Вasilisa Корди сошлись, когда ему было 16, а ей 19 лет. Расписались они в Питере в 1920-х годах, когда правилом была одинаковость фамилии у брачующихся. Что ж, они объединили две фамилии в одну. Но если отец потом не выдержал и стал подписываться опять Шкловский, то жена, дочь и даже внук остались Шкловскими-Корди”.

2 Из писем Н. Я. Мандельштам к В. Г. Шкловской-Корди <1952–1954 гг.> / Публ. О. С. и М. В. Фигурных. Комментар. В. В. Шкловской-Корди // *Осип и Надежда*. С. 312–336.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
«11 СЕНТЯБРЯ 1955 Г., ЧЕБОКСАРЫ»

Варюша!

Сегодня первое воскресенье, и я пользуюсь случаем, чтобы написать несколько слов.

С квартирами здесь полная катастрофа, а из-за этого я могу вернуться.

Сняла я комнату у сумасшедшей старухи — Вассы. 200 р. Каждое слово слышно. Проход через нее, и 3 километра до института по мосткам — (это вместо тротуаров). Но старуха уже гонит меня (за папиросы). Форточки нет. Воды нет. Постирать нельзя. Вымыться за 5 верст.

В институте сносно. Тоска дикая. “Жизнь эта дана нам для приготовления к будущей вечности” (разговор из соседней комнаты).

Если я останусь, надо будет послать мне ящик с керосинкой.

Ну вот о себе. Позвоните Жене и Эмме (старшей) — прочтите письмо мое.

Эммочка¹, напишите и телеграфируйте про экзамены.

Дайте Жене, Лене, Эмме старшей — адрес: Пединститут, кафедра английского языка (или факультет иностранных языков).

Где Люся? Уже в городе?

Варюша, мне очень скучно.

Ну, целую. Надя.

Вероятно, я удеру — из-за квартирных условий.

Здесь больно легко задохнуться — в комнатах без форточек.

.....

.....

1

Эмма Павловна Тюкавкина (см. о ней наст. издание, с. 183).

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
16 СЕНТЯБРЯ <1955 Г., ЧЕБОКСАРЫ>

Варюшенька! Спасибо за телеграмму. Но приглашение в Воронеж опоздало. Я уже проведена в штат в Чебоксарах. Так примитивно удирать нельзя.

Люсик и Талечка... Подружки — я возвращаюсь в ноябре на целый месяц — студенты будут на практике. На этот раз я оставила у вас две папки и стихи (первый экземпляр у Суркова). Папки пусть возьмет Женя или Соня, если они вам мешают.

Город весь в оврагах, горах и глине. Грязь осенью страшная. Вдоль улиц в центре деревянные лестницы. — Тротуары. Дикая старина. Я еще по такому не ходила. Много плохих яблок. Обедаю в столовой “Дома Советов”. Институт очень серьезный — и пока приятный. Студенты тихие и не улыбаются.

Первые дни — мучение с комнатой. Но сейчас устроилось. Плачу груди денег. Работы у меня очень много, но зато учебный год короткий — только четвертый курс. (20 учебных недель.)

Пишите мне утешительные письма. Варюшку я, можно сказать, почти не видела этим летом.

Тане — она может ко мне приехать отдохнуть. Я буду ей очень рада.

Легче после начала октября, когда уедут хозяева и я останусь в квартире с такими же съемщиками, как сама.

Тане сердечный привет.

Целую вас крепко.

Ефиму привет.

Со мной живет мальчик типа Андрея. Даже похож и мил.

Никитку вспоминаю с нежностью. Ваша старая Надя.

Что делать? — мне необходим ящик, который я бросила у вас — там керосинка. Способны прислать посылкой? Будьте милостивы.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
24 СЕНТЯБРЯ 1955 Г., ЧЕБОКСАРЫ**

Люсик! Получили ли вы мое письмо?

Вероятно, да, т.к. двинулась посылка.

Спасибо, Люсик, за всё, а в частности за Эмму.

Девочка — молодец. Как она жила у Вас без меня? Она написала мне про экзамен и про роман с Никиткой. Я по нем скучаю.

Пессимизм мой вполне вернулся, но я что-то тоскую. Не можете ли вы позвонить другой Эмме (Григорьевне Герштейн) — В 14339 — чтоб она мне написала. Она знает про Леву, а я тоскую как зверь.

Какую вам диссертацию принесли, да еще под расписку? От Жирмунского? Мою? Он знает, что я у Вас всегда. Или из Инст<итута> языкозн<ания>? Откуда они догадались послать к вам? А может, не мою?

Как здоровье? Напишите о себе. Пришла осень — и это трудно. И еще что-то трудно, но я не знаю что. Впрочем, всё.

А Талечка, родная моя, как она? Как вы, Талечка? Когда приедет Вася? Неужели без Андрея? А. И. — умный мужик, конечно.

А еще кланяюсь Варюшке и Ефиму. Из-за Эммы я почти не видела в этом году Варюшку. Но зато полюбила Никитку. Эмма дикая девочка, но очень хорошая. А я тоскую.

Здесь деревянные тротуары и лестницы. Самый фантастический город-деревня на свете. Грязь доисторическая. Мою хозяйку и ровесницу дворник носил на руках в школу — пройти нельзя было. Сейчас кое-где есть мостовые, а горы из скользкой глины всюду. Таких оврагов я нигде не видела, а в детстве я хотела знать, что такое овраг. Чувашки очень серьезные, без улыбки, как армянки.

Целую вас.

Пишите лучше на дом = Ворошилова, 12, кв. Павловой.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
2 ОКТЯБРЯ 1955 Г., ЧЕБОКСАРЫ»**

Люсик! Письма подругам надо писать заказные — много и часто. А то подружки тоскуют.

Приехала ли Вася? Что у вас? Что-то меняется с пенсиями военным — отразится ли это на Васе?

Как мой Никитушка? Пишите мне, а то я тревожусь и грущу.

Здесь пока хорошо. Хотя есть трудности. Здесь я “зава”, но мне пока не платят за это денег. Девки с кафедры — их 14 — пока что выжили зав. кафедрой (за дело). Сейчас заранее ненавидят меня. Я их собираюсь успокоить. Их 14!!!

Со мной вежливы: сразу видно, что я уже приличная дама. А вы не знали.

Как ваши все дела, что у вас? Ефим, Варюша — пишите обо всем. А то я близко — и вы меня забудете. Но этот город — тоже чудо. Такое вы не видели — весь в горах и оврагах — с мостками и лестницами вместо улиц.

Талечка, как Люсино здоровье? Как Вы?

Как Таня? В ноябре я приеду на 5 недель в Москву. Заплатила ли Эмма за мои телефоны (я ей оставила 50 р.), или оставила ли вам деньги? Передала ли Таня в Союз писателей мое письмо?

Диссертацию я буду защищать. (А может, всё опять перевернется?) Ведь всё как во сне.

Напишите...

Если вы знаете, что сон, что явь, объясните...

Варюша, вы же умница — объясните...

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
15 ОКТЯБРЯ 1955 Г., ЧЕБОКСАРЫ**

Люся дорогая — от вас нет ничего — я очень волнуюсь.

Не заболел ли кто-нибудь? Как Вы, как Талечка? Никитка, Варя..

Напишите мне, не молчите.

Получила письмо от Эммы, в котором она опять пишет о вас. О своей благодарности и о всем таком. Но и о том, что вы особенная и что она поняла мое отношение к вам.

Люсичка, так я вас люблю, а вы молчите — и я чувствую, что что-то неладно, и воображаю всякие ужасы. Сейчас не пишете ни вы, ни Женя.

А я что?

Умоляю отзовитесь. Надя.

У меня уже, оказывается, хороший характер. Надолго ли?

Я пессимистка.

Можно писать на Институт (Инфак) или Ворошилова, 12, Павловой, для меня.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
И Н. Г. КОРДИ
6 МАРТА <1956 Г., ЧЕБОКСАРЫ**

Люсик и Талечка! Спасибо, что вы держите меня в квартире. Я там живу, я это наверное знаю. Но сплю я сейчас на своей кровати в Чебоксарах. Спать хорошо.

Варюшке: ищите туфли — а то я привезу чебоксарские — местные. Здесь любят сложные. Деньги выложите — а я плачу. Делайте это скорее, а то я умру, и не получите.

Люсик, вчера я отправила на ваше имя для Тани автореферат. Это очень срочно. Он должен поспеть к кафедре (между 8 и 15 <апреля>). Хорошо, если 15.

Но сложность вот в чем — я не успею получить его, чтобы исправить ошибки и вставить буквы.

Прошу я вас, Люсик — помогите Тане.

1) Исправьте ошибки, падежи и всё прочее.

2) Проверьте тексты — их мало, и я писала их старательно. А вась не наделала ошибок.

Надо вставить такие буквы:

æðз — эту букву Таня путала сначала с s.

\ пишется так æ.

3. Жирмунский написал, чтобы реферат был тщательно выверен и послан ему домой.

Ленинград, 2. Загородный просп., 10, кв. 10 а. Профессору Жирмунскому Виктору Максимовичу.

Перед отправкой за два дня дайте мне телеграмму. Я ему напишу. Ему надо 2 экземпляра и 2 мне. Я боюсь не за Таню, а за себя. Вдруг напутала. Думала, чтобы Таня показала Сергею Игн<атьевичу>¹. Но он будет дурить. Вернее — вы. Насчет общей грамотности.

Из новостей — получила письмо — анонимное. Зарежут, если будут плохие отметки. Такое со мной в первый раз. Письмо у директора. Что он с ним делает — не знаю. Господи!

Не говорите Жене и Лене. Они испугаются, и мне придется каждый день посылать им телеграммы. Но если зарежут — вы будете знать отчего. Поминается нация и мат на мою голову. Сильно? На меня это произвело впечатление.

Ну целую. Выручайте, Люсик. Главное — не откладывает пусть Таня. Если защищу — куплю Таньке костюм. Пусть помнит.

Чему вы удивлялись и умилялись?

Я — нет. Может, не заметила.

Ну, пора в школу.

Целую, целую, целую.

.....

Угроза туфель — серьезная. Действительно привезу, но даже номера не знаю.

Еще я беспокоюсь, дошло ли письмо с авторефератом. Очень прошу — сообщите. Единственный экземпляр.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
10 МАРТА <1956 Г., ЧЕБОКСАРЫ>**

Люсик! Получили письмо и автореферат?

Я беспокоюсь. Автореферат — копии нет, а мне было почему-то очень трудно написать. Напечатала Таня? Послала Жирмунскому? (Загородный, 10, кв. 10а. Я сейчас пишу по памяти — если не совпадет — то в старом письме вернее...) Выслала мне? (2 ему, 2 — мне.)

Жирмунский очень торопит.

Как Варюшка и туфли? Никитка и книги? Хочется к вам.

А Ефим, как он себя чувствует? Вы меня письмами не балуете.

Талечка, я вас люблю и целую. Н. М.

Очень устала. Скоро буду экзаменовать тех, что грозилась убить. Двойки будут... У меня одна надежда — они советовали не ходить вечером, т.к. резать будут вечером. Я не буду выходить по вечерам.

Ну, целую. Н. М.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
<7 АПРЕЛЯ 1956 Г., ЧЕБОКСАРЫ>**

7. Ночь. Апрель. Про луну не знаю.

Люсик! Получили ли мой автореферат с письмом на 9-й странице.

Опять спешка. Из-за меня. 10 дней не могла дописать. Усталость, болезнь, старость, мозг — не знаю что. Очень рабочая зима — и сейчас работа. Всё надеялась отдохнуть. Не выходит. Виктор Макс <имович Жирмунский> уезжает — обидно будет, если он до отъезда не получит реферата. Тогда всё откладывается на осень. (Это связано с печатью.)

Очень скучаю, но пока приехать нельзя. Придержали меня здесь. Так мне и надо. Предлагают улучшить быт (комнату).

О шубе — ужасно вам благодарна. Но думаю надо набрать денег на хорошую. Не о красоте, а попрочнее — чтоб уж навсегда. Что нового у вас, Ефим? Никита? Напишите.

Я ведь очень по вас скучаю.

Талечка — пошлите что-нибудь Васе. Хоть чулки. Хоть шарфик. Хоть — бусы. Хоть шаль, хоть что, хоть полушалок¹.

Ужасно хочу туфли... Куплены? Сколько? Это мое право.

Скучаю, люблю всех...

Да, скажите Аркадию Васильевичу², что получила из Детгиза письмо — пока работы нет, но будет. Это он. Благодарить нельзя (примета), но оценить можно.

Целую, Надя.

Люсик, присмотрите, не напутала ли я 1) Обложка на отдельной странице

2) на стр. 3 (внизу) зачеркнуть *lernen* и “употребля-
Ется<”> (а не ю)

3) стр. 4 — внизу = заменен пример.

(Если нет, выбросить абзац “Ряд глагола <в> — *brezdan*... до В. 707

Устала...

Еще = стр. 7 верх выбросить

“Еще большее расхож<д>ение — до *byczan* — по-купать.)

.....
.....

1 Парафраз стихотворения О. Мандельштама “Цыганка” (1925).
2 Васильеву.

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
В. В. И В. Г. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ
〈15 МАЯ 1956 Г., ЧЕБОКСАРЫ〉 НА ТАЛОНЕ
К ПЕРЕВОДУ ПО ПОЧТЕ НА 700 РУБ.**

Моей Варюшке — туфельки, моей Люсе — должок.
Всем — дачу в Верее — иначе мы не можем.
Всех целую. Надя.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
В. В. И В. Г. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ
И Э. Г. ГЕРШТЕЙН
〈27 МАЯ 1956 Г., ЧЕБОКСАРЫ〉**

Деточки мои! Что с вами?
Ни единого слова. Даже не написали, получили ли
деньги (700 = 600 + 100), отправлены почтовым переводом
15 мая. Если не получили, надо принять меры. Телеграфи-
руйте.

Здоровы ли? Я уж волнуюсь.
Что вы слышали о Леве? Я получила телеграмму.
Жду. Надя.

Люсик! Я потеряла Эммин адрес (Серпуховская
27??) Прочтите ей это письмо по телефону:
В 14339 — Эмма Григорьевна Герштейн.

Эмма! Получили ли вы 100 р.? Почему не сооб-
щаете? Я послала 15 мая. Что у вас? Надо написать. Надя.
Очень неприятно не получить скромнейшей за-
писки, что деньги получены: думаешь, что все больны и т.п.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
 3 ЯНВАРЯ 1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ» НА ТАЛОНЕ
 К ПЕРЕВОДУ ПО ПОЧТЕ НА 250 РУБ.**

Люсик! Т. к. вам ничего не досталось из прошлой
 полочки, пусть хоть образуются из этой туфли для какой-
 нибудь из девочек. Целую. Надя.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
 В. Г. И В. В. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ
 11 МАРТА 1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ»**

Милые мои незаконные друзья!
 Получила ваше общее письмецо. — Спасибо.
 Получила еще телеграмму от Орлова — позвоните Жене —
 он вам скажет текст. (Не забывайте меня, а то я психоватая.)
 Смешно, но я очень нервна и тоскую больше, чем
 обычно.

О посылке Талиньке. Если попросить Валю или
 Эдика послать, когда он поедет к Вале (только из дачной
 местности) килограмма два масла и кофе в зернах. А из
 города послать хоть немножко апельсинов и лимонов.
 Я сильно болею желудком — с чего бы? Пью боржом, но
 здесь нет ни фруктов, ни масла, так что нельзя есть манную
 кашку. Но самим за город не надо ездить — тогда я обой-
 дусь, ну его.

Деньги на посылку (рублей 150) я прибавлю к 500,
 которые надеюсь послать 18-го или 16-го (на 16-е мало
 шансов). Если Валя исчезнет и не с кем будет отправить —
 считайте, что это в счет долга. (Я должна Люсе 400.)

Что мне с собой делать? Я страшно глупею от
 новых переживаний.

Кланяйтесь Аркадию Николаевичу и Тамаре Степановне. Я здешнюю Тамару Ник. Степанову¹ называю Там <арой> Степановной — она обижается.

Как Ефим и Варюша? Они тоже мои дурачки.

Я обдумываю, когда съездить в Москву.

Очевидно, на Май на 5–6 дней — удеру.

Со мной один Никитка. Он меня очень утешает — такой родной мальчик.

Приехала бы Анна Андр <еевна> со Щелкунчиком².

Позвоните В12533.

Пусть он сам позвонит.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
«18 МАРТА 1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ» НА ТАЛОНЕ
К ПЕРЕВОДУ ПО ПОЧТЕ НА 600 РУБ.

Люся, умоляю, пишите. Надя.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
В. Г. И В. В. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ
31 МАРТА «1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ»

Дорогие мои девочки!

Масса делов. Прямо пишу по-деловому.

1. Женя не хочет идти в Литфонд за 5.000. Надо их брать, а то раздумают. Скажите ему, что вам очень нужны деньги (он должен вам дать из них 2 — в счет дачных — пора снимать). Тогда он, может, пойдет. Если нет — теле-

.....

1 Неустановленное лицо.

2 Деревянная кукла, подаренная Н. Е. Шкловскому-Корди А. А. Ахматовой.

графируйте — я вышлю новую доверенность, хотя бы на Варюшу.

2. Узнайте у Жени, пришла ли книга и перевод. Я беспокоюсь. Выслала 28-го.

3. Позвоните Паперному Зиновию Самойловичу — получил ли он мое письмо. Тел. Е1-55-44

У меня адрес Русановская 21/1, а в другом месте 2/1. Вот я и беспокоюсь.

Если нет — телеграфируйте. Это очень важно.

Беда комиссии¹ в том, что все в ней старые сумасшедшие, включая меня.

Еще раз спасибо за посылку. Апельсины и лимоны не замерзли. Пузо поправляется (почти 2 месяца).

Последнее письмо (Варюша, болея, писала) получила.

Не забывайте меня, детки.

Эти пять надо получить:

2 — дача

2 — Женя

1 — Леле и Шурику

Ну, целую, родные мои девочки. Ваша Надя.

Привет Аркадию Николаевичу. Спросите, что делать тоскующему профессору.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
В. Г. И В. В. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ
«4 АПРЕЛЯ 1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ»**

Милые! Я получила письмо и очень огорчилась — даже не спала. Беда, что всё случилось так быстро. В Москву я приехать не могу. Эренбург, вероятно, уже уехал на 3 недели в Японию. К Суркову тоже не добраться. Ясно, что мои письма не стоит посылать — просто, как мое письмо, ...

1 Имеется в виду Комиссия по литературному наследию О.Э. Мандельштама при СП СССР.

они ничего не сделают. Надо сейчас, чтобы вы, Варюша, кое-что сделали.

Пойти в Союз пис<ателей> к секретарше Суркова Зинаиде Капитоновне и ей рассказать. Объяснить, что я говорила об этой комнате Суркову. Добиваться свидания не надо. Надо передать записку о положении с комнатой и просить Суркова: а) что я хочу писать Шепилову и Булганину. Не может ли он присоединиться к моей просьбе.

1) Издание Оси без меня очень трудно осуществить. Архив Оси по понятным причинам в ужасном состоянии — разобраться в нем могу только я =¹потом память. Вот почему я должна быть в Москве.

2) Меня сделали на 20 лет бродягой (20 лет без площади = (жизнь по студенческим общежитиям, гоняли из института в институт и т.п.).

3) 60 лет, большая одинокая старуха — единственные друзья — заботятся о паршивке.

От Суркова просьба:

а) либо поддержать просьбу (мою),

б) либо переслать мое письмо с отношением от

Союза.

Еще очень важный момент — юридический. Я не была ссыльной — я сама не реабилитирована и в общей очереди буду ждать до самой смерти. Между тем то время, что мне осталось в жизни, надо отдать на приведение в порядок Осиного наследства. А по отношению ко мне было сделано не такое беззаконие, как к другим, а тоже немалое: меня просто выписали и выгнали.

Теперь Сурков может уклониться. Что тогда делать? Организовать письмо писателей. Я знаю наверное, что подпишут Федин, Катаев, Маршак и Чуковский.

Эренбург, если он в Москве. Надо заранее написать письмо. Что-то об Осе (поэт!), затем обо мне — сохранила и должна приводить в порядок и, наконец, паршивая старуха, которую нужно сдать вам на попечение. Думаю, что надо писательское письмо, а потом Суркова — и то, и дру-
.....

гое. Варюха, берите машину и объезжайте их всех в один день. Почти все (кроме Маршака и Эренбурга) в Переделкине. Вам это удобнее сделать, чем мне — вы заботитесь о старухе. Думаю, что при таком письме всё выйдет. Крепко поблагодарите Аркадия Николаевича и скажите ему о том, что я предлагаю. Пишите срочно. Но мои письма — без писательских передавать не стоит, если у Аркадия Николаевича нет какого-нибудь особого плана. Варюшка, проявите грозную энергию. Шефу скажите, чтоб он вас отпустил на 2 дня для меня. Я, наверное, сейчас модная. Плохо, что у вас экзамен на носу.

Что тут делать? Вырвете эти дни? Напишите мне. Я просто мечтала жить с вами, а теперь, боюсь, всё рухнуло. Аркадий Николаевич, что делать? Спасайте!

Нужна большая двухдневная энергия. На нее способна только Варюша. Писателям не откажут. А мое письмо мало выразительно. В этих письмах должна быть “идея” — не просто “хочу комнату”, а почему “имею право”. Я — 1) за Осю 2) за свою дикую жизнь.

Без писательского письма не посылайте. Мне придется обращаться — с тем же. Но в этом виде и без поддержки ничего не выйдет. Нужно знать Осю, чтобы это звучало. А они не знают.

На всякий случай посылаю вам лист со своей подписью. Осложнение — нет бумаги. Работница пошла за бумагой. Если не найдет, достану и пришлю вам позже.

Целую девочек крепко. Надя.

Кстати, диссертацию утвердили¹.

Слезницы надо писать на разрыв сердца.

.....

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
В. Г. И В. В. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ И Н. Г. КОРДИ
7 АПРЕЛЯ <1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ>**

Люсенька, Талечка, Варюша...

Меня ужасно огорчает вся история с комнатой. Но вот вопрос — в письме, которое я подписала, написано “через несколько месяцев”, а вы пишете в апреле. Что же все-таки?

Может, это сознательно, чтобы сохранить для бабушки? Тогда ничего не поделаешь (впрочем, женщины). Но непохоже. Впрочем, всё бывает.

Кстати говоря, писательское письмо о том, что меня надо вернуть в Москву и вернуть мне кров и т.п., какую бы то роль сыграло. Но я его организовывать не могу. А что говорит Арк<адий> Ник<олаевич>?

Кстати, что вы сказали Жене про 2.000. (Это пять, которые он не хочет получать.)

Получили ли вы мое письмо, где я просила вас сказать ему, что вам деньги?

Они срочно нужны на дачу, скажем.

Я, может, приеду на майские праздники, но с комнатой, очевидно, будет уже поздно. Спросите Арк<адия> Ник<олаевича>, стоит ли записаться в кооператив, а потом поменяться с бабушкой.

Напишите. У вас у всех особая форма одичания — не отвечаете на письма.

Как, Варюшка, экзамены? Когда приезжает Вася?

Ужасно грустно, что комната ухнула. Думаю, что у вас будет всё же коммунальная — и, может, лучше менять. А может, я буду ее снимать... Напишите Н. М.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
 «19 АПРЕЛЯ 1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ» НА ТАЛОНЕ
 К ПЕРЕВОДУ ПО ПОЧТЕ НА 350 РУБ.**

Люсик! Я хочу приехать и поэтому присылаю вам меньше (– 150); иначе не смогу приехать на праздники. Но может, я отдам эти 150 в Москве.

Целую. Надя.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
 «26 АПРЕЛЯ 1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ»**

Люсик! Бумажку я привезу. Что такое жировка¹? Мне выписывают что-то, за что я плачу в институт. Это то?

Как быть с моим приездом? Я буду с 30 <апреля> по 10 <мая>. По-моему, мы не поместимся, раз Вася будет со всей семьей. Есть у вас раскладушка — что трем девочкам спать вместе? Или уйти к Ник. Ив.?

Варюшка — как ее здоровье и экзамены? Не переутомилась ли она? Эх ты, девчоночек мой. Я уж по ней очень соскучилась. Что будет с Никиткой, когда они встретятся с Андрюшкой? По-моему, будет драка.

У меня тревога по всем поводам. Это сложный комплекс смутных чувств. Я не могу от него избавиться.

Поцелуйте за меня Аркадия Николаевича. А то от меня поцелуя он, пожалуй, почему-то не захочет.

Ну, целую. Н. М.

.....

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
В. Г. И В. В. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ
8 ИЮНЯ <1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ>**

Детки! Я не отвечаю на письма, потому что обалдела от работы и экзаменов. Целыми днями была занята. Скоро увидимся. Я, вероятно, приеду к 20 июня.

Как дача? Звонили ли вам?

Вчера получила письмо от Жени. Неужели мы в самом деле составим вместе коммунальную квартиру? Мощно!

Целуйте Васильева в головку. Неужели я действительно должна буду поставить ему бутылку коньяка? Ох, умный мужик..

С кем из вас объединиться против всех других в будущей коммунальной склоке? Не с Никиткой ли? Или с Ефимом? Целую всех, включая Ефима непоцелуестарух-приемлющего. Н. М.

А может, это не коммунальная квартира, а просто незаконная семья? Шестая бабушка и вторая теща?

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
<10 ОКТЯБРЯ 1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ>**

Люсик! Спасибо за письмо.

Здесь проезжала Мартишка¹ — она толстая и добродушная, но груш у нее уже не было.

Про Никитку она говорит с диким вожделием. Вообще у нее есть дар влюбляться в мальчиков. Правда, что он не хотел ее отпускать? Я думаю, это вульгарное хвастовство. В следующий раз я тоже с ним повожусь, а то он — свинья — не понимает, что такое семья.

.....

1

М. Бикель, знакомая Н. Я. по Ульяновску (см. наст. издание, с. 180).

Осиных писем мне не присылайте — не стоит. Как моя семья? что это мало писем... Вспомните свою третью старуху и пишите. Я пока плаваю, но ухабы будут.

Целую. Надя.

Талечка, душечка, сестричка, ау!

Мартишка едет работать в Нижний.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
⟨21 НОЯБРЯ 1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ⟩

Люся дорогая!

После разговора по телефону мне всё же стало легче. Я уж так испугалась, когда вы не ответили, что и сказать не могу.

Но какой ужас, что этот маленький — такой прелестный, такой человечный человек так по-взрослому болен. Я остро поняла, как мне дорог Никита — ведь ваш внук мне родной. Как он это переносит — бедный мальчик. Как Варюша?

Я приеду, вероятно, в следующую среду. Но как быть с курением? Днем я могу выходить на кухню. А ночью? Может, лучше остановиться на этот раз у Люли¹ — она одна. К сожалению, я еще не бросила курить.

Подоплека моих осложнений в институте — хотят зажать очень милого директора, и он осторожничает, чтобы его не зажимали. В субботу будут перевыборы и он, может, победит. Но боюсь, что нет.

Если нет, оставаться будет невозможно — очень трудные люди, и это очень ощущается. Мое дело было маленькое — я поставила двойку — вполне заслуженную. До меня другая преподавательница экзаменовала (5 раз!) по этому же предмету и поставила пять раз на этом месте пять

.....

двоек. Обвинение против меня — все находится под моим влиянием. Кто тут виноват? Вот и всё.

Я с вокзала поеду к Жене, и мы договоримся по телефону.

Крепко вас всех целую. Очень скучаю. Всё время думаю о Никите — какая прелесть — и как мне его жаль. Надя.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
19 ДЕКАБРЯ 1957 Г., ЧЕБОКСАРЫ**

Люсик! Спасибо за письмо. Вы меня, голубка, не забываете... Я рада, что А. А. разрешили подниматься. А что сказали про Никитку? Его фотографии пользуются здесь успехом. А я всё вспоминаю, как он обсуждал мифы... Прелесть моя...

Меня здесь уже замотало работой. Вернусь в Москву в начале февраля.

Напишите мне, почему Никитку не поднимают и как прогноз — когда поднимут.

Я сейчас довольно остро скучаю.

Талечка, дитенок мой старенький, смотрите, не забываете меня... Я вас никогда не забываю...

А Женька мне не пишет... Как у него с пенсией? 16-го должен был быть ответ...

Целую всех. Надя.

Варюша, ау!

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
 <16 ИЮНЯ 1958 Г., ЧЕБОКСАРЫ>¹**

Спасибо, Варюша, за письмо.
 Я ему очень обрадовалась.
 Приеду 21-го. Билеты уже <есть>, впрочем, нет, но
 разрешение получено. Надя.

Никитушка!

Спасибо за карточку. Скоро, скоро я приеду к тебе.
 Уже взяла билет. Правда, я еду в Ленинград, но несколько
 дней я буду в Москве, и мы с тобой наговоримся. Хорошо?
 Можно? Надя.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
 <16 СЕНТЯБРЯ 1960 Г., ТАРУСА>**

Понедельник
 Милуша! Получила первое ваше письмо. Приеду я,
 вероятно, в пятницу. Пойду к врачам, выяснить свой живот.

Соскучилась. Всё это время лежу. Получила
 идиотское письмо от Эдика. Что он вам пишет? Надеюсь,
 нормально. Могу сделать выводы, что он один. Больше из
 письма ничего не понять. Собирается как будто в ноябре.

Целую вас крепко...

Надя.

Хотелось бы знать, как с Виктором, но уже ответить
 вы не успеете. Разве что задержусь.

.....

.....

1   Ниже подписи, другим почерком, написана дата "26 апреля 1956 г.", что не соответствует почтовому штемпелю и к письму не относится. Левый угол конверта оторван, вместе с письмом. На краях бумаги видны следы собачьих зубов, а на конверте красным карандашом и крупными буквами: "НАДИНЫ!".

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
23 ОКТЯБРЯ «1960 Г., ТАРУСА»

Варюшенька!

Мне очень грустно, что вам пришлось еще в больницу. Очень прошу, пишите, потому что я беспокоюсь.

Ваше письмо получила в один день с Эдиковым и Нининым¹. Нина чудно про вас пишет (я сохраню до встречи оба письма). Откуда известно, что у Нины злокачественная опухоль?

Отличное письмо от Эдика. Смелое и спокойное. Пишет, что судебное оформление уже началось и тому подобное.

Меня тревожит его астма. Только этого и не хватало.

Как сейчас ваши планы? Когда на работу? Очень вы все хворые, и это очень грустно.

Как Ефим реагировал на новости?

Пишите мне, дружок. Я за вас боюсь, а кроме того, этот день с тремя милыми письмами был очень украшен. А то я только сплю — что-то в лекарстве, из-за чего сонливость.

Отца расхвалил Эльсберг. (Я даже купила этот “Октябрь”².) Это ужасно. Еще хвалят. Началась полоса похвал, и он сойдет окончательно с ума.

Что это значит, что я не пережила того, что он? Развода для оформления наследственных прав старой стервы или “великой любви” к той же стерве?

Этого у меня действительно не было. Мой любовный опыт прекратился к 40 годам, так что ни Ромео, ни Джульеттой я не была. Он прав.

Всё это очень грустно.

Я приеду, когда нужно будет маме.

.....

1 Нина Антоновна Ольшевская.

2 Эльсберг Я. О литературе и о себе // Октябрь. 1960. № 9. С. 179–184.

Пока мне лучше полеживать — режим и лекарство очень помогли.

Целую моих девочек... Умоляю, пишите, а то я за-
тоскую и у меня опять выскочит язва. Надя.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
19 НОЯБРЯ <1960 Г., ТАРУСА>**

Люсенька! Спасибо за орешки и лимоны. Я эти дни
благодаря орехам курю на 200 папирос меньше (в день).

Напишите и вы мне, что у вас, как Варюшка, как
вы живаетесь и кряхтите. Готовится ли она к защите,
пишет ли?¹

Если говорит, что пишет, а дома нет кучи бумаг,
и она, вернувшись, по-прежнему слоняется из угла в угол,
не верьте... Такой лентяйки я вообще не видела. Покричите
на нее... Пора...

У меня очень плохая голова в этом году. Оцепе-
нела... И я тоже.

Что с Анной Андреевной? Я ничего не знаю.
Отчего у нее был инфаркт?

Позвоните Наталье Ивановне, Эмме и Ардовым
и всех попросите мне написать. Может, хоть кто-нибудь
шевельнется.

Целую вас. Надя.

.....

.....

1 В 1949 г. В. В. Шкловская-Корди окончила физфак МГУ, а в 1961 г. защитила кандидат-
скую диссертацию.

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
«КОНЕЦ НОЯБРЯ 1960 Г., ТАРУСА»**

Варюшка и мои девочки!

Очень рада, что Варюшка действует, ездит и разговаривает... Вашу посылку мне привезли в два приема: один — орехи, другой — письмо с шубой.

Варюша, неужели вы пишете? Дай бог вам.

Очень мило, что Сима¹ позвонил. Я получила еще один возбужденный отзыв о стихах Николая Васильевича — это дочка Нины Пушкарской из Ташкента (я послала им экземпляр). Ксана² совершенно влюбилась в Ник. Вас. и бегаёт с ним по своему САГУ (она учится на филфаке). Так что ему можно туда ехать выступать — почва подготовлена.

Сама я в очень плохом виде (не физически) — мизантропия, вроде Николая Ивановича. Боюсь человеческого голоса.

Очень прошу, если Женя ко мне не едет, пусть он найдет Эмму и скажет, чтобы она приехала.

Еще бы я хотела видеть маленького Женичку. Неужели вы ему не позвоните?

Надолго ли вы в Киев? Это доклад? Ура! Это — т.е., что вы работаете, пожалуй, единственная моя радость за долгое время.

Люсик, и писать я почти неспособна. Что делать? Приезжать мне не надо — я не в том виде. В Тарусе я хоть могу прятать свое состояние. Надя.

Привет Николаю Васильевичу.

.....

.....

1 Маркиш Симон Перецевич (1931–2003) — античник, переводчик, сын расстрелянного по “делу” Еврейского антифашистского комитета поэта Переца Маркиша, приятель Н. Я.
2 Дочь поэтессы Н. И. Пушкарской (псевд. Татарина, 1916–1992), приютившей Н. Я. и В. Я. Хазину у себя в Ташкенте.

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
 <НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1960 Г., ТАРУСА>**

Люсик! Вы мне тоже не пишете. Зря. Надо писать. Я уже сумасшедшенькая, но в своей норме. Как Варюшка съездила в Киев? Как Никитка и Таля?

Меня очень беспокоит Ника. Она болела, теперь не пишет. Позвоните ей, узнайте, что с ней. Хорошо? Напишите?

Ко мне приезжает Женя. Это очень хорошо. В диком виде Эмма. Она мне звонила и, судя по звонку, совсем обезумела.

У Анны Андр. инфаркт был, но от нее скрывают. Мое развлечение “Тар<усские> Стр<аницы>”.

Что вы о них думаете?

Целую Вас. Вспомните меня. Н. М.

Н. В. сообщил, что у вас всё в порядке... Но я хотела бы это слышать от вас.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
 15 ДЕКАБРЯ <1960 Г., ТАРУСА>**

Люсичка, завтра Варюшин бенефис, и я беспокоюсь. Как с повесткой? Не молчите. Я занимаюсь болгарским. Как Никитка?

Когда я сказала, что мой приезд ваш каприз? Когда говорила по телефону? (вместе с Вами). Я так поняла... Но когда я ругалась с Оттенем по поводу его звонка вам, внезапно вынырнуло слово “каприз” (“из-за разных капризов вы будете болеть”). Это он вам сказал? Вот черт! И не раскаивается...

Мне не плохо. Но очень трудно есть одной. Почти невозможно. Еще, потеряла сон. Очень беспокоюсь, что с Анной Андреевной. Жалею, что ввязалась в отношения

матери с сыном. Надо было просто удрать за сто верст. Свиныя Эмма — обещала написать мне, как ее здоровье, т.е. А. А., но, конечно, не написала.

Поэтому я думаю, что она заболела. Ради бога, позвоните Эмме (В14339) Григорьевне. Узнайте, здорова ли А. А., и напишите мне. В обоих случаях.

И напишите мне сразу в пятницу о Варе. В сущности, вы могли уже написать о предварительных вещах. Сами будьте спокойны — не пропадем, если вы меня не отправите на тот свет своим молчанием.

Целую Талечку и Варюшу. Надя.

Буду звонить в воскресенье.

Заприте дверь от мужчин.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
В. В. И В. Г. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ
21 <ДЕКАБРЯ 1960 Г., ТАРУСА>**

Варюшенька! Получила ваше письмо и ничего не понимаю. Почему вы гада? Если у вас такое чувство, зачем вы всё затеяли? Может, вернуться к старому? В первой инстанции всегда мирятся...

Я думаю, всякий развод грустная вещь. Но это не “гада”.

А, кстати, к чему ведет политика молчания и уклонения от прямых разговоров: Ефим, конечно, думал, что вы раскаялись. Уклонение от разговоров — это у вас наследство и от матери, и от отца. Хорошо быть поглубе.

Что Эдик? Он не пишет. Кажется, опять астма (из письма Ники).

Смешно: меня спрашивают, что представляет собой Лариса¹ — с ее новой службы. Там у меня знакомые, которые, вероятно, знают, что я жила в Ташкенте. Я уклонилась
.....

1

Глазунова Лариса Викторовна (1926–2005) — первая жена Э. Г. Бабаева.

от ответа. Боюсь, что грубо... (Это письма). Она действительно в Академии педнаук.

Что отец? То есть деньги? Послал? Сколько? Боюсь, что придется обращаться в суд — это для него экономия — присудят меньше тысячи. Кстати, юридическая ошибка: в суд на алименты надо было подавать до развода. Это мне объяснила Поля, а у нее есть друг юрист.

Как изучение болгарского? Стоит ли мне на старости лет изучать тридцатый язык? Если вы не приступаете к этому делу, мне лучше бросить. Вам надо знать хоть немного. И это вас очень выручит на ближайшее время. А оно, вероятно, будет трудным.

Как Никитка? Напишите подробно. Признаться, я боюсь только за него. Как Ефим с ним разговаривает? Это очень страшно. Он не пощадит мальчика. Ради своих целей он способен на всё. Пишите, Варюша.

Целую вас, дурочку. Н. М.

Люсенька! Я всё отписала Варюше. Напишите мне, я беспокоюсь.

Особенно за Никитку. Что происходит во время прогулок? Ведь настоящий суд впереди.

Как Викторovy обещания и золото? Груды?

Напишите и про Варюшу. Она милая дурочка. Как ее спина и голова?

Как Талечка? Спокойна?

Жду писем.

Меня по-прежнему мутит, а здесь трудно с едой.

Н. М.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
 <20 ИЮНЯ 1961 Г., ТАРУСА>**

Люсенька!

Мне жаль, что вы беспокоились: я не знала, что Варя твердо обещала быть вечером. Главное — она утром

хотела позвонить и не успела. В сущности, она просто “загулялась” с одним бородачом неслыханной красоты. Они пошли в прогулку километров за десять, и она опоздала к последнему автобусу. Была очень веселой и шумной. Эдикова драма уходит в небытие. Ефим тоже исчез безвозвратно. Но что будет далече?

В Тарусе А. А. Любищев. Он снимает за дикие деньги каморку, у нас в доме, а я кормлю его. Устаю, Женька поправился и очень мил. Обожает Варьку. Но в воздухе пахнет Леной.

Скоро ли август? Я по вас очень скучаю.

В отдельном конверте пишу Варюшке.

У меня к вам просьба

а) Позвонить Наталье Ивановне (к Эренбургу) и сказать, что мы ее ждали и не дождались в воскресенье.

б) Узнать у Ники, что с Анной Андреевной. Если она приехала, я съезжу в Москву.

с) Позвонить Амусину (он должен звонить к вам).

Впрочем, пусть это лучше сделает Варя.

Е 5 18 97 (Измайлово) или Е5-18-12 кв. Рабиновичей.

Я зову в Тарусу посмотреть. Может, они там устроятся. Сказать, что Любищев в Тарусе.

Как будто это всё...

Крепко целую. Надя.

Как у Вари? Было ли что на службе?

Напишите адрес.

Может, одна из вас останется с Варей, а другая поедет ко мне погостить?

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —

В. В. И В. Г. И ШКЛОВСКИМ-КОРДИ И Н. Г. КОРДИ

2 ИЮЛЯ <1961 Г., ТАРУСА>

Варечка, дурочка! Я всё время боюсь за вас и упорно, вопреки всему, лезу руководить вами. Тут ничего

не поделаешь. Ужас перед вашей беззащитностью и дикой бесхитростностью — вот почему я так трепыхаюсь. Что делать? Вам, тридцатилетней, на самом деле шестнадцать лет плюс шкловское нетерпение плюс мамина честность...

Напишите, какие бури у вас произошли.

А может, и никаких, ведь Николай Давыдович сидит в Калуге. Значит Н. В. с ним и, возможно, просто не успеет поехать в Москву.

Варечка! Не забывайте, что адресат пишет стихи. Если хотите умолчать, признайтесь, что вы боитесь, что вам не понравится. Не увиливайте.

Чего я боюсь? Н. В. избалованный человек. Бабы, говорит Е. М., виснут на нем. Он — оболститель. Знает, как это делается, и действует по первому классу. Чем бы это ни кончилось, стоит... Стоит сломать себе на этом шею, а потом выйти замуж за умного физика и запереться в лаборатории (вместо монастыря).

Елена Михайловна вчера обдумывала ситуацию. И она беспокоится. И она знает, что такое чувство испытать надо. Но главное — не теряйте себя. Вы тем и хороши, что вы благородная кость (ни одного звука по поводу жены; скорее всего поддержите ее: «если ей это нужно»... Она, кстати, больная), что вы сами человек (физик, своя жизнь), что вас не тянет устраивать «семью» (Ефимовы теории «семьи» вам, надеюсь, чужды), что вы вольная подруга, а не виснувшая мешанка. Будьте умной... Преодолейте дурочку.

Не глядите в будущее. Живите, а не ждите. Уделяйте время, вырывая его от физики, от друзей, от дел, а не плавайте от свидания к свиданию. Не смотрите с надеждой, что вам дадут содержание жизни, приобретайте его сами. А жизни отдайтесь, живите настоящим, радуйтесь настоящему. Варечка, будьте женщиной, а не дурой-девочкой. Вспомните Елену Михайловну. И веселитесь. Варечка, не мажьте. Мазать не надо. Н.

Люся, голубка! Я всё же считаю, что вам надо приехать в Тарусу. Нужно подкрепить силы и отдохнуть. Я обещаю: а) заботиться о вас и дать вам настоящий отдых; б) не насиловать вас сроками — я отпущу вас, когда бы

вы ни потребовали. Приезжайте, не загадывая, сколько вы будете жить здесь. Окажется хорошо, будете сидеть; если плохо — уедете: насилий не будет. Попробуйте. Здесь рай, а вам нужно в рай.

Как Никитка? Напишите сейчас же.

Варюша, поддержите меня с мамой. Это очень важно. Ей нужно отдохнуть.

Может, Ефим ее отвезет?

Позвоните Женичке (81645) = Он очень плох сейчас. Пусть приедет (он будет жить в гостинице).

Велите ему выбраться хоть на неделю. Накричите на него. У него такое состояние, что я в ужасе.

Талечка! Надо чтобы Люся походила под синим небом по травке. Помогите! Это вопрос и вам — вы остаетесь одна с Варюшей.

Помогите выпроводить Люсю.

Денег не надо. Только дорога в одну сторону.

В баню пойдём вместе = экономия. Я люблю экономию, как Лена Фрадкина. Надя.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ 3 ИЮЛЯ <1961 Г., ТАРУСА>

Варенька, голубка! Не верьте ничему из того, что я писала в первом письме из Тарусы, т.е. о том, что Н. В. чистый донжуан. Это всё сомнение из-за страха за мою девочку Варечку, которая лучше всех. Варечка, не бойтесь жизни и будьте золотом. Ваш Н. В. тоже золото и награда за всех Ефимов. Оттены растеряны: “оказывается, он считает Варю Спинозой!” Конфидентом Н. В. выбрал Кольку, и тот только разводит руками от этой бури. Таруса горячо переживает ваш роман. Идите поставьте свечку, как это сделала когда-то я... Можете даже сказать об этом герою. Он приехал к вам выяснять, так ли он нужен вам, как вы ему. Если так, то это, по его мнению, счастье. Дай бог. Не бойтесь

показывать ему всех Юлек и Майек на свете. Он достаточно видел в жизни, чтобы не искушаться. Чадры не носил, как некоторые другие. Вы — это его встреча и его выбор. Варенька, жаль, что вы дурочка...

На имя мамы придут мои деньги из Калуги. Разрешаю купить материю на самую чудную юбку (сначала решила, что только ситцевое платье, но юбка нужна). Но довольно о вас. У нас есть дела, кроме нашей Варьки.

1) Как быть с мамой. Ей нужен воздух. Нечего ей вас охранять. Взрослая тридцатилетняя баба может сама за себя постоять. Уговорите ее приехать ко мне. Это необходимо.

2) Позвоните Женичке и выгоните его в шею в Тарусу. 8–16–45

3) Вы будете в Тарусе в августе. Может, снять для вас светелку?

4) Не забывайте меня.

5) Пошлите Н. В. с моим письмом к А. А...

Пусть посмотрит... Пусть звонит сам и скажет, что у него письмо от меня.

Не ходите с ним. Не надо... Пусть идет один...¹ Вместе пойдете потом. Письмо положите в конверт, но не заклеивайте...

Целую вас крепко...

Приедете ли вы в следующее воскресенье?

Если вы позвоните А. А. и она потребует, чтобы письмо принесли вы, скажите ей, что Н. В. не отдает письма, потому что хочет на нее посмотреть. Вот тогда можно пойти вместе. Я хочу, чтобы она его посмотрела.

Люсенька, не бойтесь великанов, они лучше карликов. Мне скучно дышать в Тарусе, потому что у вас нет кислорода.

Умоляю приехать отдохнуть. Пусть вас привезет Варька в следующую субботу.

Талечка! Отпустите Люсю. Потом приедете отдохнуть вы. Понемножку все подышат Тарусой.

.....

Как Никитка? Жду письма.
Позвоните Наталье Ивановне, скажите, что я ее
просто целую. Надя.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —

**В. В. И В. Г. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ И Н. Г. КОРДИ
ПОНЕДЕЛЬНИК 10 ИЮЛЯ <1961 Г., ТАРУСА>**

Варюшка! Бывает же на свете такая маленькая дрянь,
что не пишет писем!

Как вел себя медведь у А. А. и как они понравились
друг другу?

Как относится к нему мама? Испугана?

Талечка? Вы сами?

Что значит “выйти замуж”..? Как ваши отношения?
Еще не порвали?

Оттены дают благословение на брак, но сегодня
Николай Давыдович, поговорив по телефону с вернув-
шимся в Калугу Н. В., грозно сказал: “Я требую церковного
брака”.

Хороший ли он человек? Если нет, то он гениаль-
ный актер. Все мы думаем, что он очень хороший человек.
Но и с гениальным актером стоит пожить. Во всех случаях
игра стоит свеч.

Две недели уже прошли. Вы еще не разошлись?

Сообщили ли вы Н. В., что вы не Спиноза, а про-
сто бедный медвежонок?

Обещали ли ему бросить его после первой измены?

Срочно покажите ему всех Юль. Надевая шоры,
никто еще мужей не удерживал.

Как физика и диссертация?

Прошел слух, что вы опять больны. Чем? Верно ли
это?

Видите, сколько неизвестного.

Я очень беспокоюсь об Анне Андреевне. Если в следующее воскресенье не приедете в Тарусу, я съезжу в Москву и увезу маму. Довольно ей сторожить вас — всё равно ни мне, ни ей уже ничего не сделать. План перевыполнен. Надя.

Где Женичка?

Что пишет Сима? Он бедный жук.

Люсинька! Вы так, видимо, напуганы, что не решаетесь покинуть Варю. Напрасно. Эта история уже нам не подвластна. Будущее тоже не в наших руках. Доверьтесь судьбе и не губите лета в городе. Как Никитка?

Свинство, что вы мне не пишете.

Получили ли вы мою доверенность?

Деньги должны прийти на этой неделе. Купите Варьке материя на хорошую зимнюю юбку.

Обещанное вами письмо не пришло. Откликнитесь. Надя.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
16 ФЕВРАЛЯ <1962 Г., ТАРУСА>**

Дорогая моя законная семья!

Что у вас слышно? Как вам живется? Беспокоюсь, что вы опять гриппуете. Напишите, как у вас. Сестра Шуры Румнева¹ влюбилась в Никиту, о чем <м>не сообщил приехавший в Тарусу Шура.

Колечка, чего вы волнуетесь, кто будет писать об Осе? Имеет право каждый. В это вмешиваться нельзя. Я считаю, кстати, что Вознесенский в сто раз лучше Чуковского, например. Мне могут нравиться или не нравиться его стихи, но против него у меня никаких возражений нет. Я просмотрела порядок, который сделал в вашей книжке
.....

Оттен. По-моему, очень выигрышно и хорошо. Чутьочку есть сырое в начале. А развитие получается интересное. Огорчает нервичность стихов — почти всех. Это жаль. Но это вы.

Мне кажется, что это мешает вам выйти на большую дорогу. Впрочем, это не только в вас дело, а в том, что жизнь складывалась так, что живое восприятие ее всегда было нервичным. И всё же, если б такая книжка вышла, было бы очень хорошо. Она, так сказать, портретна. Чем черт не шутит, начните ее толкать. Целую всех. Н. М.

Я приеду, наверное, на день-два в конце февраля, а потом надолго в конце марта.

А вдруг нам удастся получение квартиры и обмен, и я окажусь с вами!

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
16 <ДЕКАБРЯ 1962 Г., ПСКОВ>

Варенька и все девочки и мальчики!

Сейчас я жду выступления по радио моего любимого писателя Кочетова¹.

Оно будет в 20 часов по московскому времени. Ура! я услышу дорогой голос.

В Союз Воронкову² не звоните: я уже получила деньги.

А вот к Луконину³ надо бы. Но его, наверное, не зовут к телефону.

Рада, что кофта пришлась Тале. А что Люся не будет носить, я знала. Она даже канареечку не носила. Такая хитрая...

.....

1 Кочетов Всеволод Анисимович (1912–1973) — писатель, главный редактор “Литературной газеты” (1955–1959) и журнала “Октябрь” (1961–1973).
 2 Воронков Константин Васильевич (1911–1984) — писатель, в 1950–1970 гг. секретарь СП СССР
 3 Луконин Михаил Александрович (1918–1976) — поэт, в 1971–1976 гг. секретарь СП СССР

Я в бешенстве, что сократили Осины стихи. Были вы на выставке в Манеже? Она еще не закрыта?

Не придирайтесь к Володе¹. Вы так же любите снобов и модников, как он.

Что я думаю про Бродского? Ровно ничего: я не люблю полу-абстракционизма в стихах. Это потоки, льющиеся с равномерной силой и безразличием. Но что страшно, это часто пахнет самоубийством. В стихах. Это страшновато. А сам он рыжий пляшущий еврейский дервиш. Убедительно, но никому от этого легче не было.

Мне что-то тяжело живется — болит сердце (психически) и душа (физически). Оттены пишут, что вызовут меня на неделю в Москву. Вероятно, надеются на прописку. Что ж. Но выйдет ли, неизвестно.

В Пскове как в Пскове.

Скучаю по вас и по Жене. Мне очень одиноко, хотя здесь есть милые люди.

Целую вас всех крепко. Надя.

Неужели нам так и не удастся поселиться вместе?

Что у Никиты со “снами”? Чрезмерная чувствительность? Надоела школа? Бедный зверек. Что он говорит?

Что слышно у Стасика²?

Мне мерзко, что выбирают Слуцкого представителем Мандельштама³.

Новая строфа в песенке “Тов. Ст., вы большой ученый”⁴. (Мне прислали: так сейчас поют.) Это вторая:

В Москве открыли ваш музей подарков,
Сам Исаковский пишет песни вам,
А нам читает у костра Петrarку
Фартовый парень Оська Мандельштам.

.....

1 Имеется в виду В. Г. Вейсберг.
2 Куняев Станислав Юрьевич (р. 1932) — поэт; в 1960-е гг. был в дружеских отношениях с Н. В. Панченко.
3 Слуцкий Борис Абрамович (1919–1986) — русский поэт. Со Слуцким Н. Я. иногда виделась у Эренбурга, несколько раз он упоминается в ее “Воспоминаниях”. Что именно здесь имеется в виду, непонятно.
4 Стихи Юза Алешковского. Распространялись в списках.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —

В. В. И В. Г. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ И Н. Г. КОРДИ

6 ЯНВАРЯ <1963 Г., ПСКОВ>

Варенька, Люся, Таля — девочки мои! Что вы без меня делаете? Как Люсино здоровье? Что вам говорил Ник. Ив.? Что делали под Новый год? Откликнитесь.

Страшно приятно было получить Юлю. Но сейчас очень без нее пусто.

Оттены пишут, что Коле, то есть “Панчу”, и Варе без меня грустно.

И мне тоже без вас плохо. Пора съезжаться.

Но я приеду только через месяц, да и то на одну неделю. Здесь это не очень просто.

Все верят в комнату. Посмотрим. Что сделают с Осей — объявят его абстракционистом или борцом с культом личности? И то, и другое возможно.

Я ем Юлькин апельсин и плачу. А может, и Варюшка когда-нибудь соберется. Здесь подадут заявку на вечер Панченко, Куняева и еще кого-то, кого назвал Куняев. Было бы мило.

Целую вас всех. Надя.

Как Никитка? Что за сны? Как Коля и Никитка учатся? Сколько раз в неделю? Я слышала, что у них вычитают деньги за пропуски¹. Правда?

.....

.....

1

Н. В. Панченко учился на Высших литературных курсах, где платили стипендию. Жизнь была совершенно безденежная.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —

В. В. И В. Г. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ И Н. Г. КОРДИ

«ФЕВРАЛЬ-МАРТ 1963 Г., ПСКОВ»

Милые мои!

Ко мне как будто собираются Оттенны, а я как будто собираюсь в Ленинград.

Получила от вас первое общее письмо. Спасибо. Не забывайте писать... Очень уже я пугаюсь.

Варюшка! Вам я, наверное, через несколько дней пошлю белую кофточку. Если только мне ее сделают... Вязальщица заподозрила меня в спекуляции ее кофтами, потому что одну я послала Елене Михайловне, другую заказала для вас, да еще две себе. Это ей показалось подозрительным. И она прямо стала допытываться, почему я их «сбываю»... Ей, верно, показалось, что она продешевила (а этого — увы! — не было!) и что я уже покупаю за ее труд машину. Так что ваша кофточка под угрозой.

А Коле — солженицынская деревня тоже не моя. Он не очень разговаривал с людьми и взял их по внешнему облику и, может, поступкам (внешнее послушание) плюс каратаевская концепция. Поэтому мне не очень нравится его Матрена. Интереснее всего, по-моему, это «Случай в Кочетовке». Говорят, что он близок к Платонову. Этого я читала очень давно. Говорят, хорош.

Мне очень интересны всякие «группки» вроде тех, что... Я в них что-то верю. Дай вам бог.

А про деревню думайте. Очень трудно.

Кстати, моя Поля очень похожа на тех, что я знала в деревне без дачников.

А еще я знала студенток педвузов. Это особый случай, даже если они из деревни или учительствуют в деревне.

Сейчас они у меня странные. С одной стороны — секс и спорт (ужас Володи¹); с другой — всеотрицатели,

.....

а всё же в них что-то есть. Но это — увьи! — не деревня, как в Чебоксарах, а мещанский город.

Смотрите, меня довели до запретного слова. Я ведь и с Герценом из-за этого слова поссорилась.

Целую вас всех. Надя.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
В. В. И В. Г. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ
⟨29 МАРТА 1963 Г., ПСКОВ⟩**

Варюшенька! Очень рада, что за кофточку 5+. Вы в ней не были уверены, пока ваши подружки не заклохтали. А что мне Коля не отвечает? Получил он “Алексея”? Не понравился? Пусть так и скажет.

Очень хорошо, что вы решили ехать с Никиткой. Это разумно и будет мило. Целуйте его от меня. Жаль, что Люся уже не рвется на дачу.

Просьбы

а) пришлите мне с Софьей Менделевной хоть немного бумаги и копирки. И запасите на Тарусу побольше бумаги и копирки. Умоляю...

б) Купите мне, ради бога, хоть две пары штанов <нарисовано. — *Публ.*> нижних — розовых или любого цвета. Здесь нет. Присылать не надо. Доживу. Но в Тарусе я мечтаю иметь штаны.

с) вещи вы приготовьте к моему отъезду, чтобы я забрала на своей машине.

д) отдайте Никитке марки. Это от Ивана Дмитриевича¹.

е) Еще позвоните Виленкину² — я очень прошу устроить моих псковских приятельниц в “Современник”.

.....

1 Рожанского.

2 Виленкин Виталий Яковлевич (1911–1997) — театровед, друг А. Ахматовой.

Скажите ему, что он должен ценить: они мне здесь здорово облегчают и украшают жизнь. Так ему и скажите.

Вот куча моих поручений.

Софья Менделевна¹ — сестра жены Амусина.

Очень хочет, чтобы Коля ей почитал. Все трое — Маймин², Егоров (зам. директора “Библиотеки поэта”)³ и Софья Менделевна заслуживают полного разворота стихов. Мужчины явятся сами по себе... Надя.

Люсенька! Мне уже явно вас не хватает. Я очень соскучилась по старшим подружкам — по вас и Тале. Я это остро почувствовала в Ленинграде, когда сидела с Анной Андреевной.

Целую вас. Надя.

А может, я все-таки вытащу вас в Тарусу?

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Н. Е. ШКЛОВСКОМУ-КОРДИ
1 АПРЕЛЯ <1963 Г., ПСКОВ>**

Никитушка! Спасибо тебе за письмо. Это очень мило с твоей стороны, что ты меня вспомнил среди жизни, полной бурных увлечений. Хотелось бы знать, как ты развлекаешься, но я понимаю, что для этого надо слишком много писать. У меня к тебе просьба — передай всем в семье мои поручения:

1) Бабе Люсе скажи, что она голубка, и я по ней очень скучаю. Скажи, что нам пора жить вместе, но этого что-то незаметно. Скажи, что я что-то не замечаю оттепели. Наоборот, мороз и всякий ветер — буря.

2) Бабе Тале: она тоже голубка. Что пишет Вася? Какие новости? Если Вася не пишет, пусть Талья не беспокоится — это у вас семейное.

.....

1 Глускина.

2 См. наст. издание, с. 316.

3 Егоров Борис Федорович (р. 1926) — зам. главного редактора редколлегии “Библиотеки поэта”.

3) Коле. Что-то мне очень не хочется, чтобы он ехал в Киев — Саратов. Лучше поедем в Тарусу. Когда у него отпуск? Месяц бы он прожил там с тобой, а потом на свой отпуск приедет Варя.

Насчет книги: иначе быть не могло. Лишь бы шла работа и появлялись такие стихи, как гвардейцы Петра. Вот это не пропадет. И про прозу (деревня — проза?) интересно.

4) Маме-Варе. Я получила для нее кофточку. Вышлю, когда мне кто-нибудь поможет ее отослать. Главное, пусть мама-Варя напишет, когда получит, не то я буду беспокоиться.

Прости, Никита, что так много поручений. Но ведь у вас большая семья.

То есть у нас большая семья. Надя.

Позвони деду Жене, узнай, как он, и напиши мне.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
«12 МАЯ 1963 Г., ПСКОВ»

Я страшно на вас сержусь, что вы не пишете.

В Ленинграде меня часто спрашивали о Коле. Он там произвел впечатление. В прошлом письме я наконец решила написать про Тарусу, но тут же получила письмо от Лены, что они решили ехать туда в июне (сейчас в Малеевку, а потом в Тарусу.)

У Поли сейчас есть комнатка, которую я могу снять для Люси. Но это только в июле. Целую вас. Надя.

Ради бога, не будьте злодеями — пишите. Я очень беспокоюсь. Книга Оси еще в плане.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Н. В. ПАНЧЕНКО,
В. Г. И В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ И Н. Г. КОРДИ
«28 МАЯ 1963 Г., ПСКОВ»**

Милый Коля!

Список почти точный — оставлять строчку без рифмы, давать легчайшие ассонансы (Женщина — плещет) и позволять себе хамскую неравностоимость вполне в характере О. М. Он на это плевал. И при этом был точнейшим поэтом, “сгниет”, вероятно, верно. А с “юный” или “юноша” — я помню разговоры: что дает большую паузу. На чем остановился, не помню. Вообще — здесь сплошные срывы голоса. На этом держится.

Не в этом дело: эти стихи — шутка, которая зашла слишком далеко.

Вот в чем дело. Спасибо за письмо. Очень рада буду вас повидать — скоро — и послушать стихи. Пора, пора... Умираю, боюсь жары.

Целую. Н. М.

Люсенька, голубкоразводчица, и Таленька — эхальщица! У меня болят косточки, и я смертно боюсь жары. Мне остался ровно месяц, и я устала как старый пес. Жаль, что вы не можете взять меня в голуби. Я бы снесла вам яичко.

Целую. Н. М.

Вавушек! Почему вы не сообщаете мне анекдотов про своего сына. Как-никак, это меня тоже касается. Н. М.

Приезжайте, посмотрите Псков.

Нельзя ли взять с собой Колю?

.....

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
«3 ИЮНЯ 1963 Г., ПСКОВ»

Милая Варенька! Опустите эту записочку и книжку, которая придет с ней, в ящик к Коле Иванову¹.

Как я рада, что похолодало, и как вы, Люся с Талей, наверное, недовольны.

Мне осталось три недели работы и месяц до отпуска. Я устала как собака, и мне снится Таруса. Поедем?

Коля, не сердитесь на меня, что О.М. плевал на рифмы и равностоппность. Такой уж он был легкомысленный. Впрочем, иногда говорил, что у него плохие рифмы, а у Асеева хорошие... Кстати, я забыла вам написать, что вместо «юноша» был еще «выюнош» (неравностоппно!), но О.М. усовестился — ведь это прямо по Достоевскому («Подросток»). Целую вас. Н. М.

Все меня бросили, и никто не пишет.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
С. М. ГЛУСКИНОЙ И Н. В. ПАНЧЕНКО²

Дорогая Варвара Викторовна, спасибо Вам и Николаю Васильевичу за стихи, за чудесный вечер. Пусть книга выйдет скорее и полнее.

Кланяюсь Вашей милой семье. С. Глускина.

.....

.....

1 Вячеслав Всеволодович Иванов жил в том же доме.
2 Эта записка была приложена к письму от 3 июня 1963 г.

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
В. Г. И В. В. ШКЛОВСКИМ-КОРДИ
25 ФЕВРАЛЯ «1964 Г., ПСКОВ»**

Милые вы мои девочки и мальчики!

Мне так тошно, что я не знаю, как досидеть здесь до конца года. Попробую, но могу сорваться. Ради бога, напишите мне, что с Иосифом¹. Что значит, что ничего нового? Исполнено ли обещание, которое дали Чуковскому и Маршаку? Нервы у меня разошлись окончательно, и все ночи подряд мне снятся соответствующие вещи... Позвоните Нике, если Юля не хочет говорить... Что слышно про Анну Андреевну?

Что касается до бумаги, которую повез Долматовский обо мне, она не стоит ничего. Это гора родила мышь.

Подписи Чуковского и Маршака, Тихонова и Си-монова не котируются. Они были растрчены — за эти годы. Единственное, может, действительно Долматовский может чего-нибудь добиться².

Эта неделя (первая) прошла у меня так тяжело, что я только могла добраться до дому и свалиться. Начало и конец семестра всегда очень трудны: заседания, переэкза-меновки, взаимные попреки и т.п...

Заседаний без конца и все по 6 часов. Скорей бы в Тарусу.

Еще: купила “Октябрь” с Максимовым³. Прочла. Ему действительно место в “Октябре”. Он просто нашел свой орган. Это была грубейшая ошибка всех моих знакомых. В борьбе за себя и за свое место в журнале (именно в этом) он шалил. Скоро перестанет. Советую прочесть. Осторожный Винокуров и нежный Слуцкий — еще ангелы. Целую всех. Надя.

.....

1 Бродским.
2 Имеются в виду хлопоты о московской прописке и жилье.
3 Максимов Владимир Емельянович (1930–1995) — прозаик, впоследствии основатель и главный редактор журнала “Континент”. Имеется в виду его пьеса “Позывные твоих параллелей” (Октябрь. 1964. № 2. С. 123–142).

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. Г. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
«КОНЕЦ 1963 — НАЧАЛО 1964 Г., ПСКОВ»**

Дорогая Люся! Получила оба письма. Спасибо.

Эдик волнует меня со своих, а не ваших позиций — я не за вас беспокоюсь, а меня тревожит, что он Тряпкин... Но он написал мне прелестное письмо. Особенно хорошо про метеорологическую сущность всякой таксы¹. Человек очаровательный... Но характер еще не выяснен.

Я написала ему письмо (до того, как получила его таксоведение), но не отправила. В нем не таксо-, а стихология. Человек — стихи — стихи — человек.

Впрочем, это не очень важно. Я должна буду, вероятно, приехать. Еще неизвестно, но, может, появлюсь на будущей неделе.

Оспу привила². Но говорят, что нужны повторные прививки (поезда, вокзалы, больницы). Это может задержать приезд. Пишите. Умоляю, пишите. Надя.

Вероятно, приезд А. А. задержится из-за прививок. Целую пестрое семейство, включая мужчин. Н. М.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
22 «МАРТА 1964 Г., ПСКОВ»**

Варюшенька! от вашей телеграммы я действительно поверила, что дали разрешение. Это, наверное, новый способ отказывать. Они хотят, но кто-то не хочет: слишком перегружен паспортными делами.

.....

1 Такса Филька, полученная Н. Я. от Ахматовой или от Ардовых (Н. Е. Шкловский-Корди участвовал в ее получении), зимовала с Н. Я. в Тарусе в 1960 г.

2 Выявление непривитых граждан и массовая вакцинация населения против оспы проводились в СССР в 1960–1980 гг. в два этапа: в начале 1960-х — в Москве, а в остальных местах — в последующие годы по мере диспансеризации населения.

Итак, успокоимся... Только надо позвонить Оттенам, чтобы они пока не выписывали: я им (дала телеграмму), нет, написала письмо, чтобы они выписали.

А теперь о нормальных делах. Как Колина дочка? Я ничего не знаю... Поместили ее? как она себя чувствует?

Хорош Сарнов...¹ Эта штучка вроде Палиевского².

Говорит красивые слова: поэзия — это эфир и зефир...

И тут же устраивает небольшой погромчик в честь Балтера и Манделя...³ Слова стихов звучат яснее ясного... Почему они оказываются “самопризнанием”?

Мерзость.

Эти слова могут относиться к людям вообще и к тому человеку, который сидит внутри каждого человека и также поэта — он и есть человек, а не кукла. Это тот, кого надо преодолеть, хотя это и трудно. Разумеется, Сарнову нужен другой поэт, который высокопоэтично говорит: я храбрый, добрый, правдивый, умный, честный... Как Мандель... Вы знаете, эти Палиевские, Сарновы, сюда же Винокуровы с его статейкой в Литгазете зимой из заграничного выступления, хуже простых хулиганов. Они льют слезы: Поэт! — и помогут любому убийству. Вернее, начнут его... Они знают “слова” (Сарнов даже проболтался об этом). Им позволено разговаривать о высоких предметах высокими словами. Это новая должность и, вероятно, хорошо оплачиваемая. Худший вид проституции.

К чертовой матери их. Пусть Коля не пытается объяснять, что вздох человека в том, что люди слабы, не равносильно признанию, что ты трус и врун. Пусть кушают Фроста. Н. М.

Приехал уже Андрей? Как он? Напишите...

Люсенька! Ради бога не теряйте пессимизма. Целую вас. Надя.

.....

.....

1 Сарнов Бенедикт Михайлович (1927–2014) — литературовед.

2 Палиевский Петр Васильевич (р. 1932) — литературовед.

3 Коржавин Наум Моисеевич (р. 1925) — поэт.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
«ФЕВРАЛЬ — МАРТ 1964 Г., ПСКОВ»

Сейчас приедет мой приятель, Маймин Евгений Александрович, и привезет мой перевод для Ники. Приятель очень хорош, давно интересуется Колей... Он совсем своей. Читайте ему и ласкайте его.

Если он успеет к вам зайти, пожалуйста, завезите Нике рукопись сами.

Если не успеет, надо взять у него рукопись и опять же завести Нике...

Моя язва в ужасном виде — никогда такой не была. Очевидно, дело в воздухе...

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — В. В. ШКЛОВСКОЙ-КОРДИ
30 МАРТА «1964 Г., ПСКОВ»

Варюша! Получила ваше письмо с Майминым. Он очень хороший, всё понимает в Тютчеве и Баратынском, но способен увлечься Ахмадулиной и Акуджавой¹ (слышал их в Ленинграде). Я видела в “Юности” стихи и того, и другого. Ахмадулина кривляка невыносимая, а Ак<уджава> — дурак. Песенки хорошие, — а в стихах он ничего не понимает, как в Гоголе. Почему ему не хочется песенок? Так ладно идет!.. Но Слуцким он не увлекся, а просто его пожалел.

Что Колина дочка не больна, я почему-то уверена. По рассказам и по всему. Это девчонский кризис плюс мать, плюс провинциальное кривляние... Вот возраст, когда нужно содержание и “ценности”... Добро — зло, истина, искусство... У Никитки уже сейчас что-то есть — бабушка с ним разговаривала и Коля рядом.

.....

1 Окуджава Булат Шалвович (1924–1997) — поэт и бард.

Вчера ко мне приходил мальчишка 14 лет — племянник Амусина. Он и раньше заходил, и ничего... А вчера я испугалась. Прирожденный скепсис, современный скепсис, воспитание по мелочам (“не съедай в гостях всех орехов”). Меня просто стошнило... Я вспомнила Марину — о Пушкине. Девочкой она начала жалеть Пушкина на картинке... Это, наверное, надо... (Только Алю-то она какую вырастила!) Я всё хожу по институту и думаю, кто поймет про Б<родского>... Из преподавателей и студентов... Ой, господи!

Мне пришлось уже сказать, что я уезжаю. Здесь тоже запрашивали насчет площади и меня вызывали в милицию. А я была без паспорта и прописки... Объяснила в институте, они позвонили в милицию и сказали, что я у них кандидат. Приняли меня там хорошо. Наверное, дали ответ...

А в институте узнали, что стоит вопрос о моей прописке в Москве. Но я всё равно бы не осталась. Устала и психически, и физически... Талечка, я лучше к вам за спину спрячусь...

Маймин в вас всех влюбился и еще очень бурно. Он прибежал ко мне сияя... В Василису, в Никитку, в Колю, в Варю... Вы его заморозили. А про Андрея ничего не мог рассказать. Андрей вроде молчал.

Какой он? Напишите... Большой? Мне очень интересно... Талечка, как он? Наладился?

Целую. Надя.

А может, хорошо, что Колина девочка видела больных и не захочет больше прятаться в болезнь? Или лучше ее скорее убрать?

Коля! Ради бога, отвезите Нике книгу и рукопись...

Люсенька, очень целую вас. Зря вы губите мужские сердца... Маймин хочет бросить всё и к вам в зятя.

.....

АЛЕКСАНДР РАССАДИН

НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА МАНДЕЛЬШТАМ В УЛЬЯНОВСКЕ¹

Десятилетиями эта женщина находилась в бегах, петляя по захолустным городишкам Великой империи, устраиваясь на новом месте лишь для того, чтобы сняться при первом же сигнале опасности. Статус несуществующей личности постепенно стал ее второй натурой.

Иосиф Бродский

.....

Несмотря на сохранившуюся переписку, мемуарные свидетельства современников, на ее собственные и давно ставшие классическими “Воспоминания”, биография Надежды Яковлевны Мандельштам в значительной степени фрагментирована. Люди провинции, о которых она так ярко рассказывает в своих воспоминаниях, открыто называя их фамилии или по каким-то причинам умалчивая их, становятся под ее пером типичными представителями “большого стиля” сталинской эпохи: партийцами, стукачами, космополитами, вредителями и т.п. В особенности это касается преподавателей тех провинциальных вузов, где работала Н. Я.

Не будем спешить с окончательными оценками и исчерпывающим анализом. “Провинциальная” страница жизни Мандельштам должна быть выделена в отдельную тему и “прочитана” со временем как единое целое.

1 .....

Почти пять лет — с 1949 по 1953 год — Надежда Яковлевна прожила и проработала в Ульяновске.

Наибольшее количество материалов, связанных преимущественно с ее педагогической деятельностью, хранится в фонде Р-73 Ульяновского государственного педагогического института имени И. Н. Ульянова Государственного архива Ульяновской области (ГАУО). Это протоколы заседаний ученого совета института, отчеты

.....

1 С благодарностью отмечаю, что работа эта не была бы начата без инициации со стороны С. В. Василенко. Благодарю М. Э. Дмитриеву-Айнгорн, П. Нерлера и Г. Г. Суперфина за сообщенные ими сведения.

ты о работе факультета и кафедр, планы и отчеты по научной работе, о научных командировках и т.д. В официальных бумагах иногда попадаются документы, написанные самой Н. Я., например, программа по истории английского языка¹.

Второй информационный источник — ведомственный архив Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова (далее АУЛГПУ), где хранятся личные дела преподавателей, к сожалению, не всех.

Разумеется, самым ценным документом архива является личное дело Н. Я. Мандельштам на 19 листах². Из него мы узнаем, что в конце 1948 года — в конце ноября или в самом начале декабря — Н. Я. отправила из Ташкента на имя директора Ульяновского педагогического института А. А. Булова заявление следующего содержания: «Я хотела бы переехать в Ульяновск, чтобы преподавать английский язык на инфаке вашего института. Сейчас состою старшим преподавателем Сагу (английский язык). Надеюсь, что в случае вашего согласия смогу освободиться после первого семестра, т.к. ташкентский климат для меня — северянки — губителен. В случае вашего согласия предоставить работу на инфаке, я немедленно подам заявление об увольнении и постараюсь выехать в середине января в Ульяновск. Условия переезда: предоставление полной нагрузки на инфаке по языку и по спец. дисциплинам (особенно желательны теоретические дисциплины — история языка, теория грамматики и др.); предоставление комнаты, по возможности рядом с институтом, а также подъемные, т.к. из зарплаты переезда не осуществить. Стаж педагогической работы — 10 лет; в Сагу — 5 лет. Кандидатские экзамены (английская филология) сданы. Н. Мандельштам».

Вердикт директора: «Телеграфировать. Примем работу. Согласны ваши условия. 7/XII — 48 г.». Уволившись в САГУ и приехав в Ульяновск, Н. Я. с 4 февраля 1949 года, приказом № 22 от 12 февраля 1949 года, была принята в Ульяновский институт на должность старшего преподавателя английского языка факультета иностранных языков — на полную ставку и с месячным окладом в 1500 рублей.

Здание пединститута располагалось на одной из самых старых улиц Ульяновска — Стрелецкой, переименованной в 1940 году, в связи с 70-летием вождя мирового пролетариата, в улицу Ульянова. Построено оно было в конце 1890-х годов по проекту обрусев-

.....

1 Государственный архив Ульяновской области, Ульяновск (ГАУО). Ф. Р — 73. Оп. 1. Д. 77. Л. 70–70 об.

2 АУЛГПУ. Оп. 309. Личное дело Н. Я. Мандельштам (начато 12 февраля 1949 г., окончено 19 августа 1953 г.).

шего француза — архитектора Августа Шодэ и его младшего сводного брата Эрнста Спаннера как пансион-приют для детей потомственного дворянства. Позднее здание переоборудовали во вторую симбирскую гимназию, а начиная с 1932 года в нем расположился пединститут¹. Из его окон с восточной стороны открывался вид на Волгу и площадь Республики (ныне бульвар Новый Венец), с юго-западной — сразу на несколько примечательных зданий и сооружений — знаменитую Симбирскую мужскую гимназию, бывший дом губернатора, памятник Н. М. Карамзину.

Для того чтобы добраться из института до корпусов студенческого общежития, в котором поселили и Н. Я., требовалось едва ли больше 10 минут. Необходимо было пройти до самого конца ул. Ульянова, — кстати, неизбежно мимо дома, где родился Ленин², — до Пролетарской (бывшей Завьяловской) площади, на которой (в доме 21) и располагались оба корпуса общежития³.

В личном деле находятся два стандартных “Личных листка по учету кадров”, заполненные Н. Я., первый в феврале 1949 года (при устройстве на работу) и второй 31 августа 1950 года (причина заполнения неизвестна). Редакции в общем повторяют друг друга, но всё же отличаются в деталях.

Так, в поздней редакции непривычно выглядит графа “год и место рождения”, где неправильно начертано “1888 год, ноябрь” с последующим исправлением на “1889”; в разделе “Основное занятие родителей до Октябрьской революции” указано, что мать была врачом, а отец занимался “математикой (научная работа)”, в ранней редакции — просто “служащие”. Основная профессия — учитель, с 12-летним стажем, в ранней редакции — педагог, со стажем в 8 лет и 5 месяцев. В обеих редакциях отмечены также законченный экстерном Ташкентский университет (в личном деле находится копия диплома А № 159771 о присвоении Мандельштам 10 июля 1946 года квалификации филолога) и сданные в МГУ кандидатские экзамены. Один из самых коварных вопросов о пребывании за границей (и с какой целью) представлен одной строчкой: “1907. Швейцария. Давос. Детский туберкулез”. В ранней редакции тоже отмечается факт лечения в Швейцарии, но с более продолжительным сроком — с 1907 по 1910 год.

.....

- 1 Факультет иностранных языков работает там и по сей день.
- 2 Сейчас на этом месте расположены эспланада и Ленинский Мемориальный центр.
- 3 Здания общежития не сохранились. В свое время они заменили собой здание женской центральной тюрьмы, построенной в 1896 г. на месте сооруженного еще в XVIII в. дома коллежского ассессора Василия Михайловича Карамзина, старшего брата Н. М. Карамзина (в XIX в. это здание перешло вице-губернатору и использовалось под рабочий и смиренный дом).

В соответствующем разделе обозначены основные вехи “выполняемой работы” до приезда в Ульяновск — в Москве, Калинин и Ташкенте: служба ответственным исполнителем в газете, редакторская, переводческая и журналистская деятельность по договорам, работа в школе и в Центральном доме художественного воспитания детей учителем английского и немецкого языков, с 1944 по 1949 год — университетским преподавателем.

В редакции 1949 года в числе городов пребывания числится Ленинград и особо отмечено, что “после войны вышли рассказы Мопассана в моем переводе в Гослитиздате”. Перечислены названия языков, которыми владеет Мандельштам: древние и новые германские и романские; древнегреческий и санскрит, специальность — английский язык (история). В более ранней редакции упоминается латынь. Отмечена медаль “За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны” от 1 мая 1946 года.

В личном деле Н. Я. Мандельштам выделяются две ее автобиографии, обе без датировок. Первая была написана еще в Ташкенте, а вторая — с карандашными подчеркиваниями неизвестного кадровика — в Ульяновске:

“Родилась в 1899 году в гор. Саратове. Отец — кандидат юридических и математических прав; мать — врач. Гимназию окончила в Киеве в 1917 г. С 1917 г. по 1921 г. училась живописи (мастерские Мурашко, Экстер, Академия художеств). С 1921 года постепенно переходила на литературную работу. Печатала статьи в журнале «Русское искусство» и др. Переводила и редактировала для изд. Зиф, Прибой, Ленгиз, ГИХЛ и др. Последний перевод вышел до войны (Мопассан). Работала в газете З.К. П. («За коммунистическое Просвещение», ныне «Учительская газета») ответственным исполнителем (1930–1931). В 1938 г., овдовев, переехала к матери в гор. Калинин, где работала учителем школ №1 и 26 и рисовальщиком в артели «9 января» вплоть до эвакуации. Сначала была эвакуирована в деревню под Джамбул, где работала в колхозе, но вскоре была вызвана в Ташкент. 1942 и 1943 гг. — работала зав. литер. отделом «Дома Художественного Воспитания Детей»; с января 1944 года перешла в Сагу на кафедру «Иностранных» Языков; преподавала там английский язык. Т.к. у меня не было высшего образования, я, по предложению руководства Сагу, сдала экзамены за филологический факультет по кафедре романо-германской филологии. Поступила я в Университет в 1945 г., окончила — в 1946 г. С 21/III 1947 г. по 5/III 1948 г. сдавала кандидатские экзамены в МГУ. Справку №6 (о сдаче кандидатских экзаменов) получила в МГУ. Диссертацию по истории английского языка (древний период) на тему

«Управление древнеанглийского глагола», построенную на сравнении с другими индоевропейскими языками, я не решилась представить к защите год тому назад; сейчас направляю свою работу в Институт языкознания. Преподаю историю языка, теоретическую грамматику и теоретическую фонетику. Девичья моя фамилия — Хазина. Замужем была за О.Э. Мандельштамом (поэт), который умер в заключении в 1938 году».

Интересно сравнить “ульяновскую” автобиографию с “ташкентской”. Так, в “ташкентской” более развернуто сказано об отце, что он был не только математиком и юристом, но и присяжным поверенным. По своей научной работе был тесно связан с Киевским университетом. Более детально освещена журналистская, литературная и редакторская работа Н. Я. — после того, как она, по ее словам, “первую свою профессию бросила”.

Для нее было важно отметить, что она “проводила и научную языковую работу (напримкер, сделала обследование языка научно-популярной литературы для Гостехиздата и др.)”. При этом “частично продолжала заниматься и изобразительным искусством. До войны делала модели для кустарного промысла (дерево, игрушка); во время Отечественной войны помогала в организации выставки детского рисунка в Доме Художественного Воспитания Детей в Ташкенте и подбирала материал для Выставки Народного Творчества. И литературная, и живописная работа прошли через всю жизнь, параллельно служебной”.

Из “ташкентской” автобиографии можно также почерпнуть сведения о сданных кандидатских экзаменах: общие предметы в САГУ — философия, общее языкознание, латынь, греческий, немецкий языки, а также специальные предметы — английская филология, история английского языка и готский язык. В конце автобиографии Н. Я. сообщает, что крупнейший специалист в области английской филологии профессор Ильиш обещал быть ее оппонентом и что сама диссертация “почти закончена” и требует только окончательной редакции.

По-своему любопытны и находящиеся в личном деле характеристики. Одна из них представляет собой рукописную заготовку (позднее напечатанную за подписью директора института Козырева и датированную февралем 1952 года), из которой можно узнать не только об учебной (ведет на факультете следующие дисциплины: история языка, теоретическая грамматика, перевод), но и об общественной научно-исследовательской работе Мандельштам на факультете (в частности, “руководит кружком преподавателей по изучению готского языка, оказывает помощь молодым преподавателям по теоретическим дисциплинам, активно участвует в теоретическом семи-

наре для преподавателей и проявляет большой интерес к научному исследованию в области теоретических проблем языкознания”).

Две другие находящиеся в деле характеристики, напечатанные на машинке (практически идентичные, одна без подписи), помечены июнем 1953 года, когда Мандельштам в институте уже не работала. Они отражают сложные отношения с руководством института и факультета, в частности с новоназначенным директором института Старцевым и деканом Глуховым.

Обоих этих функционеров от образования Н. Мандельштам колоритно аттестует в своих “Воспоминаниях”: “Директор Ульяновского педагогического института радостно возглавлял погромщиков в 53 году. Когда меня выгоняли из института и специально для этого устроили заседание кафедры под председательством директора, я не могла оторвать глаз от его лица: он был как две капли воды похож на Чехова и, видимо, зная это, носил не очки, как было принято, а пенсне в тоненькой золотой оправе. Незабываемая игра лица и мягкие модуляции голоса... Описывать, как это делалось, не стоит — сочтут за карикатуру <...> Директор не успел завершить свое плановое задание при жизни Сталина и поэтому продолжал работу и после его смерти: ведь каждое изгнание требовало соответствующего оформления. Он успел выгнать двадцать шесть человек, причем не только евреев, но еще явных интеллигентов других национальностей...”¹

“...Глухов, эту фамилию следовало бы сохранить для потомства — внуков и дочерей, преподающих где-то историю и литературу. Этот успел получить орден за раскулачивание и кандидатское звание за диссертацию о Спинозе. Он действовал открыто и вызывал к себе в кабинет студентов, чтобы обучить их, о ком и какую разоблачительную речь произнести на собрании...”²

24 марта 1953 года, всё еще оставаясь идеальной мишенью для антисемитов, Н. Я. вынуждена была написать заявление об освобождении от работы “ввиду состояния здоровья”. Вернувшись в Москву, она стала искать себе новое место службы, для чего требовалась и характеристика с последнего места работы. Декан же с этим явно не торопился. В двадцатых числах мая 1953 года³ Н. Я. направляет в Ульяновск письмо-заявление директору Старцеву: “8 мая н.г. я обратилась к декану (Глухову. — А.Р.) с просьбой выслать мне мою характеристику. Я не имела никакого ответа на это заявление, ни на последующую телеграмму. Прошу сообщить мне,

.....

- 1   Собр. соч. Т. 1. С. 406.
- 2   Там же. С. 478.
- 3   Точная дата в деле Н. Я. не указана.

вышлете ли в мае характеристику или вы пошлете характеристику только по требованию какой-либо организации”.

Требуемая характеристика, подписанная Старцевым только 22 июня 1953 года, была написана с явным расчетом очернить или, по крайней мере, серьезно подмочить репутацию бывшей сотрудницы:

“Мандельштам Н. Я. работала в Ульяновском государственном педагогическом институте с 12 февраля 1949 по 1 апреля 1953 года и вела следующие курсы: история английского языка, теоретическая грамматика, перевод и лексика. С порученными ей курсами тов. Мандельштам в основном справлялась, однако при чтении курса истории языка имели место отдельные элементы бессистемности и вульгаризации в изложении материала. Кроме того, при проведении зачетных по переводу на IV курсе (зимняя сессия 1952–53 учебного года) тов. Мандельштам допустила явное завышение оценок. Ввиду отсутствия преподавателя на кафедре немецкого языка тов. Мандельштам был поручен курс истории немецкого языка на II и III курсах (II семестр 1951–52 уч. год и I семестр 1952–53 уч. года). С поручением справлялась. С целью повышения идейно-теоретического уровня тов. Мандельштам принимала участие в философском семинаре научных работников института. Общественной работы не вела”¹.

Эта последняя фразочка (“общественной работы не вела”) звучала предостерегающе зловеще, одним словом, в духе времени!

2 .....

Пожалуй, самым ярким эпизодом из “Воспоминаний” Мандельштам о жизни в Ульяновске является описание совместного заседания кафедр английского, французского и немецкого языков, которое состоялось, по ее словам, “в самом конце февраля или в начале марта 1953 года. В провинциальных городах был подан знак к облаве. Считалось, что она будет решающей и последней. К апрелю предлагалось «очистить» все учреждения, чтобы больше никогда не чистить”². При этом “за председательским столиком очутился Глухов, секретарь парторганизации”, к этому времени, судя по архивным данным, уже сложивший с себя обязанности декана факультета и выступавший в более привычной для него общественной роли. “Собравшиеся выглядели нарядно и празднично — сплошной

.....

1 Во втором (не заверенном) варианте характеристики после последней фразы шла еще одна: “Освобождена от работы в Ульяновском пединституте согласно личного заявления”.

2 *Собр. соч.* Т. 2. С. 387.

крепдешин, как тогда полагалось советской женщине — от доярки до профессора. Видно, моих коллег предупредили о заседании, иначе они бы не успели сбегать домой и прихорошиться. Я удивилась, что собрание еще не началось, словно ждали только меня. Спросить, в чем дело, я не успела, потому что директор, никогда на заседания кафедр не приходивший, а теперь почему-то сидевший среди преподавателей, предложил начинать”.

О присутствии на заседании кафедр директора Н. Я. пишет дважды. В другом месте она еще раз акцентирует внимание на том, что когда ее выгоняли из института, то “специально для этого устроили заседание кафедры под председательством директора”¹.

В доступных нам архивных фондах сохранился лишь один протокол заседания кафедры английского языка, в котором участвовал директор Старцев. С учетом признания Н. Я. о том, что директор никогда не бывал на кафедральных совещаниях, лишь с некоторой долей вероятности можно предположить, что речь идет именно о том заседании, которое так ярко живописуется в “Воспоминаниях”. Дата его проведения — 11 марта, через две недели будет написано заявление об увольнении.

Между тем содержание протокола не совпадает с тем, что описано в “Воспоминаниях”, даже если в последних не принимать во внимание некоторые критические оценочные суждения автора, подчас очень жесткие и нелицеприятные. Есть и существенные расхождения в составе преподавателей. Например, в протоколе отсутствует фамилия партсекретаря Глухова.

Здесь, конечно, возможны варианты. Либо Н. Я., не полагаясь в полной мере на память, компилирует, опускает, добавляет многое от себя, предельно субъективируя содержание, либо мы имеем дело с откорректированной и неполной записью заседания. Первое маловероятно, однако не исключено, что совместное заседание все-таки состоялось, но в другой день и без официальной записи. Но и сохранившийся протокол заседания 11 марта включает в себе не меньше многозначщей информации как о самих участниках, в основном молодых преподавателях, так и об атмосфере судилища над Мандельштам и ее единомышленниками, которое длилось не один день и не один месяц.

“Протокол № 13 от 11 марта 1953 года кафедры английского языка. Присутствовали — директор Старцев, Пигилова, Гурьяшкин², Балахнева, Адлер, Кремнева, Милованова, Апраксина, Свешнико-

.....

1 *Собр. соч.* Т. 1. С. 406.

2 Будущий декан факультета иностранных языков; станет им сразу после отъезда Н. Я.

ва, Голенко, Мандельштам. Повестка дня: 1. Утверждение планов работы секций 2. Взаимоотношения преподавателей на кафедре”.

Без особых проблем были прослушаны и утверждены планы, но вот по второму вопросу разгорелась нешуточная дискуссия:

“т. Апраксина — На кафедре сложилось нетерпимое отношение между молодыми и старыми преподавателями. Вместо большевистской критики помощи т. Мандельштам и т. Бикель создают оппозицию, подсиживают молодых преподавателей, заявляя, что они плохо знают язык. Т. Мандельштам старается втянуть студентов в личные отношения преподавателей, подрывает авторитет молодых преподавателей у студентов. Т. Мандельштам ставит завышенные оценки слабым студентам. Лекции ее бессистемны. Для перевода студентам даются предложения вульгарного содержания. Примеры в лекции даются вульгарные <...>. Мы, молодые преподаватели, хотим, чтобы у нас на кафедре была большевистская критика и самокритика, которая не замазывала бы наши ошибки, а раскрывала их и помогала исправить.

т. Милованова — Я поддерживаю выступление т. Апраксиной. Т. Мандельштам и Бикель, являясь старшими преподавателями, не оказывают должной помощи молодым преподавателям. Т. Мандельштам и т. Бикель, не посещая наших занятий, судят о них как о плохих занятиях. Они говорят, что мы делаем много ошибок в речи, что мы вообще плохо работаем и не даем нужных знаний студентам.

т. Кремнева — В прошлом году я вела второй курс. Когда в этом году т. Бикель приняла мою группу «5», то посыпались упреки, что группа ничего не знает, что по программе 3-го курса с ней заниматься нельзя. Необходимо со всем 3-м курсом заниматься по программе 2-го курса. Студенты были в панике. Однако студенты сдали неплохо экзамены, кроме Первушиной, которая слабая.

т. Устинова — Я бывшая студентка Бикель. По лексике у меня было отлично. У начинающего преподавателя возникают трудности, бывают ошибки. И вместо помощи т. Бикель предложила мне отказаться от работы в институте. Т. Бикель не посещала ни разу мои занятия, посещали т. Адлер и т. Маковская, которая говорила, что занятия проходят неплохо, во всяком случае, не такие¹, как это утверждала т. Бикель.

т. Свешникова — Когда мне в этом году дали вести лектику, то я отказывалась, но т. Бикель мне сказала, что я за твои знания спокойна, ты способна работать и справишься. Т. Бикель ни разу не присутствовала у меня на занятиях, не знала, как я веду лектику, пра-

.....

вильно или нет. Мне приходилось много работать, группа сдала хорошо. После экзаменов т. Бикель за спиной стала говорить, что вот, моя Свешникова и «то не испортила группу». Вот такое отношение, когда за спиной говорят плохо, а в глаза хорошо, я считаю ненормальным.

т. Милованова — Когда мы учились, то вопрос о плохом качестве лекций т. Мандельштам ставился перед учебной частью не раз.

т. Маковская — т. Сергиевская, присутствовавшая на лекциях т. Мандельштам, высказывалась, что лекции не на высоком идейно-теоретическом уровне, т. Никольский, также посетивший лекции т. Мандельштам, указывал на их бессистемность.

т. Апраксина — Перед приходом т. Сергиевской т. Мандельштам предупредила нас, чтобы мы сидели и молчали, и делали вид, что всё понимаем. Этот факт повторился, когда присутствовала т. Балахнева.

т. Адлер — О лекциях т. Мандельштам я судить не могу, ибо я их не посещала. Что касается грамматики, то студенты высказывались, что они получают знания от уроков Мандельштам.

т. Старцев — 1. Существует ли грамматика в английском языке?¹ За сколько ошибок можно ставить хорошие или плохие оценки? Почему в письменных работах т. Мандельштам за 10 ошибок ставятся хорошие и отличные оценки? 2. Что это за вульгаризация истории языка? 3. Взаимоотношения между отдельными преподавателями — «подсиживание»; подрыв авторитета — это сознательные вещи или шутки? Мы не должны быть к этому нейтральны.

т. Кремнева — Правила грамматические в английском языке безусловно существуют. Но иногда одни и те же предложения можно перевести двояко.

т. Балахнева — Оценивать письменные работы, в которых есть грамматические ошибки, хорошими и отличными оценками — просто невозможно. Этим мы обманываем студентов и государство.

т. Голенко — У нас на кафедре как бы два лагеря — это старая история. В отношении т. Миловановой, Свешниковой и Кремневой я не слышал ни одного плохого слова. В отношении Апраксиной, Устиновой были плохие отзывы со стороны т. Мандельштам и т. Бикель. Об Апраксиной говорили, что она может работать, способная, но не работает. В отношении помощи. В этом году, нас, молодых преподавателей, распределили между старшими преподавателями. К т. Бикель прикрепились я и т. Гурьяшкин. И мне т. Бикель очень помогла.

т. Мандельштам — Мои лекции открытые, их можно посещать и застенографировать. Завышала ли я оценки? Мне впервые

.....

в жизни удалось добиться хороших результатов. Студенты, строя правильно предложения, могут быстро переводить. Я стараюсь, чтобы студенты могли точно переводить, передавать все оттенки мыслей. Я считаю мелкой ошибкой артикль. Крупной ошибкой — нарушение порядка слов, неправильное употребление времени.

т. Гурьяшкин в своем выступлении остановился на следующем. 1. Т. Туркину незаслуженно захвалили 2. В настоящее время я не знаю, как ведет лекции т. Мандельштам, ибо не присутствовал. А когда я учился, то могу поддержать т. Апраксину и т. Милованову, лекции т. Мандельштам были бессистемными. Употребляли ненужные фразы для перевода. 3. Необходимо правильно руководствоваться¹, а мы руководствуемся личными симпатиями и антипатиями. Необходимо покончить с разговорами за спиной. Всё выносить на кафедру, а вне кафедры ни одного слова, ни плохого, ни хорошего.

т. Пигилова — Положительно то, что всё, что наболело, здесь высказали. <...> Главная причина нездоровых отношений — нет делового коллектива. Либерализм был и со стороны молодых преподавателей. Это в какой-то мере простительно, а со стороны старших преподавателей — недопустимо.

т. Балахнева — Необходимо заниматься критикой и самокритикой на заседаниях кафедры.

т. Старцев — Я считаю, что необходимо еще раз изучить учение т. Сталина о языке. Застенографировать лекции т. Мандельштам об истории языка. Всякие разговоры прекратить и не переносить в студенческую среду².

Представленный протокол с самыми различными нападками руководства на Н. Мандельштам, в том числе с использованием нереализованного “потенциала” некоторых наиболее ретивых членов кафедры, включая молодежь, — далеко не единственный: он лишь подчеркивает общую “идеологическую” ситуацию в институте, к началу 1953-го достигшую своего апогея.

Для доказательства достаточно привести более ранний протокол заседания ученого совета от 22 мая 1951 года: в нем, в частности, упомянуты уже знакомые нам персонажи — члены комиссии т. Сергиевская и т. Никольский, проверявшие работу кафедр английского и немецкого языков и давшие весьма нелицеприятные оценки этой работе³.

Зав. кафедрой русского языка Н. М. Никольский, в присутствии Мандельштам и других преподавателей факультета, бодро от-

.....

1 Так в тексте.
 2 Государственный архив Ульяновской области. Ф. Р — 73. Оп. 1. Д. 166. Л. 29–38об.
 3 Там же. Д. 101. Л. 112об — 113об.

ветствовал: “Мне как члену бригады, удалось только до некоторой степени ознакомиться с работой кафедры английского языка. Вот мои наблюдения: планы преподавателей не имеют дат, оформлены небрежно, книги протоколов имеют только две записи, книга посещения занятий только заведена. Я посетил одно занятие т. Мандельштам. Я не считаю себя специалистом по этим вопросам, я могу судить только о методике занятий и об усвоении занятия студентами. Так вот: студенты не могут вывести тех формул, о которых им говорит преподаватель как о знакомом материале. Наконец, им предложили посмотреть в тетрадах, а потом им было предложено сделать и глагол — как можно сделать глагол? У меня это вызвало мысль — не слишком ли много теоретизирования в данном случае?”

Вынужденная защищаться, Мандельштам парировала, что у нее только 10 минут, поэтому она не будет касаться “склочных дел на кафедре”, а будет говорить по существу. О том, что, несмотря на написанный план, “ничего из него не было выполнено”. Что после марровского “режима”¹ “у нас сильно упало филологическое образование”, прежде всего теоретическое. Серьезные претензии предъявила Мандельштам и декану, и зав. кафедрой, которые, по ее мнению, не знают точно о работе.

“Проверки нет, нет работы с молодыми преподавателями. Нет критики и самокритики, взаимных посещений занятий. Нам надо вести борьбу за повышение квалификации преподавателей. <...> Меня обвиняли, что я пользуюсь сравнительным методом. Но ведь этот вопрос знают и студенты. Нам надо улучшать учебный процесс”.

Показательно, что указания на многие недостатки в работе коллег, которые отметила Мандельштам, станут, как бумеранг, возвращаться назад, к истице, и использоваться для ее же дискредитации. Впрочем, найдутся и такие обвинения, которые будут адресованы только ей: “брошена была тень на меня, будто я протаскиваю идеалистическую идеологию. Поэтому я послала стенограмму в Москву и попросила дать оценку”².

Наиболее резко и конфронтационно выступил на этом заседании декан факультета иностранных языков И. К. Глухов: “Руководство кафедрами отдельно существует со 2-го семестра³. Однако помощь молодым товарищам, несмотря на всё это, не была организова-
.....

1 Так в тексте.

2 По всей видимости, речь идет о предложенной самой Мандельштам практике стенографирования своих лекций ради хотя бы формальной проверки их на “правильность” и идеологическую выдержанность.

3 Объединенная кафедра иностранных языков в 1950/1951 учебном году была разделена на три — английского, французского и немецкого языков.

на. Например, т. Мандельштам могла это сделать, но она не сделала этого — в силу специфических особенностей Н. Я. Мандельштам. Вы кустарь-одиночка, вы барски-пренебрежительно относитесь к коллективу. Товарищи заявляют, что сбегут, если т. Мандельштам так относится к ним. О критике и самокритике: всякая попытка со стороны молодых преподавателей принимается Мандельштам в штыки. У нас уже нет для нее авторитетов. Основной недостаток ее лекций в том, что она методически не собрана, разбрасывается. Человек грамотный, знающий свой предмет, но всё тонет в несобранности”.

Неожиданно в защиту Мандельштам выступил в этот день П. А. Тюфяков. Его характеристика тоже присутствует в “Воспоминаниях”: “По вечерам ко мне повадился ходить член кафедры литературы, он же заместитель директора, некто Тюфяков, инвалид войны, весь увешанный орденами за работу в войсковых политотделах, любитель почитать военные романы, где описывается расстрел труса или дезертира перед строем. Всю свою жизнь Тюфяков отдал «делу перестройки вузов» и потому не успел получить ни степеней, ни дипломов, ни высшего образования. Это был вечный комсомолец двадцатых годов и «незаменимый работник». С тех пор как «его сняли с учебы» и дали ему ответственное поручение, его задача состояла в слежке за чистотой идеологии в вузах, о малейших отклонениях от которой он сообщал куда следует. Его переводили из вуза в вуз, главным образом, чтобы следить за директорами, которых подозревали в либерализме. Именно для этого он и прибыл в Ульяновск на странную и почетную роль «заместителя», от которого нельзя избавиться, хотя у него нет формальных прав работать в высшем учебном заведении <...> «Работу» со мной Тюфяков вел добровольно, сверх нагрузки, ради отдыха и забавы. Она доставляла ему почти эстетическое удовольствие. Каждый день он придумывал новую историю — Мандельштам расстрелян; Мандельштам был в Свердловске, и Тюфяков навещал его в лагере из гуманных побуждений; Мандельштам пристрелен при попытке к бегству; Мандельштам отбывает новый срок в режимном лагере за уголовное преступление; Мандельштама забили насмерть уголовники за то, что он украл кусок хлеба; Мандельштам освобожден и живет на севере с новой женой; Мандельштам совсем недавно повесился, испугавшись письма Жданова, только сейчас дошедшего до лагерей... О каждой из этих версий он сообщал торжественно: только что справлялся и получил через прокуратуру такие сведения... Мне приходилось выслушивать его, потому что стукачей прогонять нельзя. Кончался наш разговор литературными размышлениями Тюфякова: «Лучший песенник у нас Долматовский... Я ценю в поэзии чеканную форму... Без метафоры, как хотите, поэзии нет и не будет... Стиль — это явле-

ние не только формальное, но и идеологическое — вспомните слова Энгельса... С ними нельзя не согласиться... А не дошли ли до вас из лагеря стихи Мандельштама? Он там много писал... Сухонькое тело Тюфякова пружинилось. Под военными, сталинского покроя усами мелькала улыбка. Ему раздобыли в Кремлевской больнице настоящий корень жень-шеня, и он предостерегал всех против искусственных препаратов: «Никакого сравнения»...»¹

Тюфяков подчеркнул, что не стал бы выступать, если бы не выступил Глухов. «*Декан*, — по его мнению, — весь огонь сосредоточил на Мандельштам, а о работе заговорил только к концу. Половина работников у нас ничего не делали в смысле изучения новых работ И. Сталина и повышения своего идейно-политического уровня». На фоне манкирующих своими общественными обязанностями преподавателей Мандельштам со своей «методической несобранностью» и иными грехами могла быть на время прощена. Тем более, как сказал Тюфяков, он вовсе не хотел брать опальную преподавательницу под защиту, но «у нее может быть больше, чем у нас, как у занимающейся всё время теоретическими вопросами, является чувство нового».

Предъявляя претензии, возможно и обоснованные, к отдельным преподавателям, которые «неохотно берутся за теоретические курсы», предпочитая совершенствоваться в узкоспециальных областях: лексики и фонетики, отказываясь от истории языка, Глухов не оставляет попыток задеть Мандельштам и вынести ей «моральный» вердикт:

«Анализируя итоги выполнения учебного плана, следует отметить недостатки в преподавании теоретических дисциплин, в особенности по истории языка. Перестройка преподавания этой важнейшей дисциплины прошла по сути формально. Работа т. Сталина «Марксизм и вопросы языкознания» не положена в основу преподавания, и если в ходе лекций о ней и вспоминают, то в отрыве от программного материала. *Лекции по истории языка, особенно на английском отделении, носят схоластический характер*². Преподаватель Мандельштам не имеет строго продуманного, методически целостного плана. Каждая лекция представляет собой отрывочные сведения, не приведенные в определенную систему и не связанную с предыдущим материалом».

Находятся у Глухова причины упрекнуть Мандельштам и за читаемый ею курс «Перевод», так как студенты английского отделения, перевода на госэкзамене те или иные тексты зарубежных писателей, не дают при этом «анализа исторической эпохи, социально-
.....

1   Собр. соч. Т. 1. С. 478–479.

2   Выделено нами. — А. Р.

классовой принадлежности автора, не вскрывают положительных черт героев произведений и т.д.”.

Глухов отмечает претензию со стороны Мандельштам на руководство кафедрой. “Эта беспринципная борьба за руководство кафедрой заставила Мандельштам сколачивать вокруг себя группу единомышленников”.

В качестве примера Глухов приводит вопиющий, по его мнению, факт, когда преподаватель Аш была освобождена от работы: “Мандельштам, протестуя, добилась обратного ее приема, а вызывала к себе преподавателя Козлову и настаивала отказаться от преподавания лексики <...> Когда вопрос с Аш был все-таки решен и она была освобождена, Бикель предлагала запланировать на лексику или Мандельштам, или Туркину, но не Козлову или Голенко, хотя знала, что Туркина в течение года неоднократно срывала занятия, опыта у нее также нет, учебный год закончила не блестящими показателями. Эти примеры свидетельствуют о наличии беспринципной групповщины <...> В этом году кафедры пополнились молодыми... это поможет оздоровить обстановку”.

Насколько она была “оздоровлена” и как в этом случае повела себя “молодежь”, показывает уже протокол заседания кафедры английского языка № 13 от 11 марта 1953 года. Глухов знал свое дело.

3 .....

Итак, опальная жизнь Н.Я. Мандельштам в Ульяновском педагогическом институте началась не в 1953 году, а гораздо раньше. С большим или меньшим постоянством она продолжалась практически все годы ее пребывания в Ульяновске.

Была ли она в этих гонениях одинока? Разумеется, нет.

В то же время она была окружена не только врагами. Рядом были и другие — такие, как биолог Александр Александрович Любищев или историк Иосиф Давидович Амусин. Имена известные, не нуждающиеся в комментариях.

Что касается ее гонителей, то они в большинстве своем должны были бы кануть в небытие. Однако благодаря встрече с гонимой и им выпала “честь” всё же остаться в истории — рядом с ней. Ограничимся поэтому на их счет лишь небольшими справками, составленными на основе их личных дел.

Глухов Иван Кузьмич (1892–1962) — кандидат философских наук, с 1939 по 1941 год работал директором Ульяновского пединститута. После почти девятилетнего перерыва вернулся назад в Ульяновск, в сентябре 1950 года вновь устроился на работу в институт на ставку доцента кафедры основ марксизма-ленинизма,

с 26 октября 1950 года по 1 февраля 1953 года исполнял, по совместительству, обязанности декана факультета иностранных языков. С 1959 года на пенсии¹.

Старцев Виктор Степанович (1894–1973) — кандидат географических наук, доцент, начинал свою научно-педагогическую деятельность на Урале, в вузах Свердловска и Челябинска. До выхода на пенсию в 1962 году работал в Пермском индустриально-педагогическом институте. В августе 1952 года Министерством просвещения РСФСР был назначен директором Ульяновского пединститута, одновременно исполнял обязанности зав. кафедрой педагогики. Осенью 1954 года переехал в г. Молотов (Пермь) и перевелся из Ульяновского педагогического в Молотовский, где был назначен зав. кафедрой экономической географии².

Тюфяков Павел Алексеевич (1907–1954) — после окончания Пермского индустриально-педагогического института работал на различных должностях в сфере школьного и высшего образования: в горно, преподавателем-ассистентом и заведующим кафедрой литературы, помощником заведующего учебной частью вуза, деканом и т.д. Участник Великой Отечественной войны, которую закончил в звании подполковника. Летом 1950 года переехал в Ульяновск и был назначен зам. директора педагогического института “по учительскому институту” и старшим преподавателем кафедры литературы. В 1951 году, в связи с закрытием учительского института, переведен на должность заместителя директора по заочному отделению. Также непродолжительное время исполнял обязанности зав. кафедрой немецкого языка. Был секретарем партбюро факультета иностранных языков³.

В 1971 году в газете “Русская мысль”, издаваемой в Париже, в номере от 18 февраля появилась небольшая заметка, подписанная инициалами “О. И.”: “Нас было 12 человек неугодных, увольняемых летом 1953 года из Ульяновского педагогического института. Эта группа состояла из десяти евреев, меня — русской, человека сомнительного, с советской точки зрения, происхождения и родственных связей, — и одного партийца, явно не соответствующего по своим знаниям должности ассистента; кроме того, он пил и избивал жену.

Среди увольняемых была Надежда Яковлевна Мандельштам, жена поэта Осипа Мандельштама, старший преподаватель английского языка на инфаке.

.....

1 АУЛГПУ. Оп. 69. Личное дело И. К. Глухова.
 2 Там же. Оп. 41. Личное дело В. С. Старцева.
 3 Там же. Оп. 69. Личное дело П. А. Тюфякова.

Однажды я зашла к директору института Старцеву; на столе у него лежала телеграмма, подписанная “Депутат Верховного Совета СССР Илья Эренбург”.

В телеграмме Эренбург просил не увольнять жену поэта Осипа Мандельштама. Телеграмма не помогла, и Надежду Яковлевну уволили. Все увольняемые подали заявления в высшие инстанции с просьбой отменить решение института.

В институте были оставлены: конечно, пьяница-партиец; я, как недавно окончившая, на старости лет, аспирантуру; одна еврейка, неожиданно захворавшая скарлатиной. Остальные были уволены и устроились по своей специальности в городах лучше, чем Ульяновск.

Но для Надежды Яковлевны не нашлось места ближе, чем Чита” (с. 3).

О некоторых из уволенных, не раскрывая их фамилий, Н. Я. напишет в своих “Воспоминаниях”: “Я собирала и упаковывала вещи, когда ко мне ворвалась женщина с моей кафедры <...> Когда выгоняли меня, она лежала в больнице. Выросла она в Галиции, жадно читала советских писателей и верила каждому слову. Приехав в Ульяновск, она долго несла зарубежно-комсомольскую чушь, хотя уже испытала репрессии-минимум — из первого вуза, где она работала, ее выгнали по пятому пункту. Она сочла это местной ошибкой, но, когда выяснилось, что пятый пункт стал центром внимания и на идиллию соцреализма полагаться нельзя, у нее вдруг открылись глаза. И сейчас — с порога — она крикнула: «Сталин умер!»”¹

Здесь речь идет о Марте Моисеевне Бикель (1920–1994²), уроженке румынского города Радауцы (Радауци), где она прожила до переезда в Черновцы 14 лет. Первым вузом, в котором она работала и откуда ее, по словам Мандельштам, уволили “по пятому пункту”, был Черновицкий университет. Здесь, как видим, от увольнения ее спасла случайность — скарлатина и госпитализация. В Ульяновске Бикель проработала до 1957 года, переведясь на работу в Горьковский иняз³.

Другим преподавателям повезло меньше: “В день, когда я уезжала и мои вещи грузили на машину, я заметила во дворе кучку народа. Оказалось, что двое с кафедры математики — муж с женой, — коротконогие евреи с кучей детей, только что горько оплакивавшие вождя, накануне ночью были сняты с работы на экстренном заседании кафедры. Оба они свято верили, чему их учили,

.....

1 *Собр. соч.* Т. 2. С. 391.

2 Дата смерти сообщена М. Э. Дмитриевой-Айнгорн.

3 АУЛГПУ. Оп. 450. Личное дело М. М. Бикель. В 1968 г. она защитила кандидатскую диссертацию в Ленинградском отделении ИЯ АН СССР (сообщено Г. Г. Суперфином).

и спокойно рожали детей, не сомневаясь, что их ждала счастливая жизнь... Не выдержав чистки, оба сошли с ума и, взявшись за руки, плясали и громко голосили во дворе. Студентам они доставили истинное удовольствие... Их увезли, как мне потом рассказал Любичев, в психиатрическую, они поправились, а осенью обоих вернули на работу. Оба они были выдвиженцами и впервые столкнулись с реальностью. Она, говорят, понимала математику, а муж, методист, был невежественным, как все методисты”¹.

В этом эпизоде фигурируют преподаватели кафедры математики: кандидат педагогических наук Матвей Семенович Мацкин (1913 — ?) и его жена, доцент, кандидат физико-математических наук Роза Юдовна Мацкина (1923 — ?)².

Увы, на работу в Ульяновске они не вернулись (здесь Н. Я. допускает неточность). Судя по их личным делам, уже в августе 1953 года они были трудоустроены в городе Глазове в местном педагогическом институте³.

Летом 1953 года трудоустроилась и сама Н. Я. В “порядке перевода” из Ульяновского пединститута она переехала в Забайкалье и приказом Министерства просвещения РСФСР кк 9/205/3 1286 от 19 августа 1953 года была назначена старшим преподавателем английского языка Читинского пединститута.

Скитания Н. Я. Мандельштам продолжались. Но это уже другая история.

.....

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА МАНДЕЛЬШТАМ В ЧИТЕ⁴

.....

В одну из последних встреч с Ахматовой Мандельштам прочел ей свою воронежскую “Киевлянку”, а в ответ услышал посвященные ему строки:

.....

1 *Собр. соч.* Т. 2. С. 392–393.

2 АУЛГПУ. Оп. 310 и 311. Личные дела М. С. Мацкина и Р. Ю. Мацкиной.

3 В 1960-е гг. оба работали в Волгоградском государственном педагогическом институте (сообщено Г. Г. Суперфином).

4 Благодарю Д. М. Нечипорука за ценные замечания.

Не столицей европейской
 С первым призом за красоту —
 Душной ссылкой енисейской,
 Пересадкою на Читу,
 На Ишим, на Иргиз безводный,
 На прославленный Атбасар,
 Пересылкою в лагерь Свободный,
 В трупный сумрак прогнивших нар, —
 Показался мне город этот
 Этой полночью голубой,
 Он, воспетый первым поэтом,
 Нами грешными — и тобой...¹

Эта “пересадка на Читу” оказалась пророческой и аукнулась вдове Мандельштама двухлетним проживанием в столице Забайкалья.

Надежда Яковлевна приехала в Читу 25 августа 1953 года. Согласно приказу Министерства просвещения РСФСР №№ кк 9/205/3 1286 от 19 августа 1953 года, она была переведена из Ульяновского пединститута в Читинский и начиная с 1 сентября назначена старшим преподавателем английского языка².

Институт располагался в доме 140 по улице Чкалова.

И о городе, и об институте Н.Я. отозвалась чуть ли не с восторгом. В письме В. Ф. Шишмарёву от 15 сентября 1953 года она пишет: “Мне не страшно, что это так далеко — город удивительной красоты, а Институт на десять голов выше Ульяновского. Кафедра наша тоже гораздо лучше. А главное, здесь мирно и миролюбиво”³. Кафедра, замечу, была очень молодой: ко времени приезда Н.Я. ей было всего два года, а студенческий контингент — почти исключительно девушки.

Надо сказать, что это читинское двухлетие — один из наименее изученных эпизодов в биографии Н.Я. Кроме нескольких упоминаний Читы или читинцев в ее собственных сочинениях и письмах, да еще статьи М. Селиной⁴, — мы, собственно, ничем больше не располагаем.

.....

- 1 Из стихотворения А. Ахматовой “Немного географии” (1937), посвященного О. М.
- 2 Факультет иностранных языков был организован в 1952 г. в составе двух отделений — английского и немецкого языков. Директором института в это время был, по одним сведениям, А. В. Мальцев (<http://www.zabgu.ru/article/1574>), по другим — В. П. Ефимов (Баркин Г. А. Создание Читинского пединститута // Забайкальский государственный гуманитарно-педагогический университет. История и современность: 1938–2008. Чита, 2008). Санкт-Петербургский филиал архива РАН. Ф. 896. Оп. 1. Д. 272 (сообщено Л. Г. Степановой).
- 3 Селина М. Хранящий тайны // Забайкальский рабочий. Чита, 2002. 5 декабря. С. 4.
- 4

Вот одно из таких немногих упоминаний: “В Чите <...> стояли очереди за хлебом, мыло привозилось из Москвы, а на базаре торговали кониной и верблюжатиной. В столовой в подвале института мне втихаря, чтобы не оскорблять студентов, давали кулечек сахара за пятьдесят чеков на сто стаканов чаю. Деньги уходили на еду и поездки в Москву. Тут уж не до одежды, которая продавалась с рук за невероятные цены”¹.

Известно всего три имени из читинского окружения Н. Я. Это Домна Ефремовна Клымнюк, заведующая кафедрой педагогики факультета иностранных языков, Эмма Павловна Тюкавкина (1931–2008), преподавательница с той же кафедры, где работала и Н. Я.², и, наконец, Лидия Ивановна Острая, работавшая с ней в параллельных группах.

Надежде Яковлевне было тогда около пятидесяти пяти лет, но, по словам Л. И. Острой, она выглядела намного старше своих лет и была малопривлекательной женщиной.

“Она приехала к нам совершенно тихо и незаметно <...>, — вспоминала Лидия Ивановна. — О том, что скрывалось под строгим взглядом этой женщины, можно было лишь догадываться. Никто не интересовался ею в открытую — она отвечала взаимностью и предпочитала молчание. Окутанную тайной приезжую особу, прекрасно владевшую английским языком, поселили в крохотной комнатке институтского общежития. Обстановка ее временного жилища поражала убожеством — стол, стул, кровать. Ее гардероб был однообразным, но необычным. В течение двух лет она носила неизменное черное платье и синий шарф. Когда становилось холодно, Надежда Яковлевна облачалась в шубу своеобразного модного покроя с широкими рукавами, каких в Чите в то время еще не видели. Она посещала педагогические собрания в институте и на факультете, но вела себя весьма скромно, высказывая свое мнение осторожно и строго по делу. И все-таки сложно представить, чтобы Мандельштам со своими «странностями» не вызвала ни у кого интереса. Скорее всего, она умела быть недоступной и держать людей на расстоянии, являясь при этом прекрасным собеседником”³.

При этом замкнутость Н. Я. не была герметичной. Та же Л. Острая вспоминала, что не раз посещала ее вечерами после занятий и всегда “...заставала одну и ту же картину. Надежда Яковлевна лежала на своей маленькой кровати, покрытой старым пледом,

.....

1 *Собр. соч.* Т. 2. С. 168.

2 Впоследствии профессор и ректор Иркутского государственного лингвистического университета.

3 Селина М. Хранящий тайны // *Забайкальский рабочий*. Чита. 2002, 5 декабря. С. 4.

с книгой и обязательно с дымящейся сигаретой в руках. Книги, табак и кофе были ее неразлучными спутниками. Кофе ей присылал брат из Москвы, которого она изредка упоминала в разговорах. <...> Чем и как она питалась, было загадкой. «Она никогда не посещала столовую¹, и в ее крохотной комнатке не было ни малейших намеков на приготовление пищи»...²

Обязательность распределения в Читу, по-видимому, была ограничена двумя годами. Но сама Чита была так далеко от Москвы, что зимой 1955 года Н. Я. начала подыскивать себе новое место работы и новое пристанище.

Об этом свидетельствует “Характеристика”, выданная Н. Я. Мандельштам директором Читинского государственного педагогического института Киктевым 20 января 1955 года “в связи с участием ее в конкурсе на замещение вакантных должностей по специальности английского языка”³. Приказ о ее увольнении в Чите датирован 13 августа 1955 года.

Закончим же цитатой из рассказа Л. И. Острой: “Мандельштам уехала из Читы так же тихо и незаметно, как и приехала”.

.....

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА МАНДЕЛЬШТАМ В ЧЕБОКСАРАХ⁴

1 .....

Судьба не раз “заносила” Надежду Мандельштам на Волгу. Первый раз — в Саратов, где она родилась. Второй — в Саратов, где вместе с мужем она провела несколько месяцев летом и осенью 1937 года. Третий — в Калинин (Тверь), где они поселились

.....

- 1 Это утверждение не стыкуется со свидетельствами самой Н. Я. (см. выше).
- 2 Там же.
- 3 Эта характеристика осела в личном деле Н. Я. Мандельштам в архиве ее следующего работодателя — Чувашского пединститута в Чебоксарах.
- 4 Благодарю ректора Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева Б. Г. Миронова и сотрудников университетского архива за содействие в подготовке этой публикации. Особая благодарность профессору Чебоксарского университета в отставке Д. С. Гордон за инициацию контакта с Г. Г. Тенюковой и самой Г. Г. Тенюковой, взявшей на себя непростой труд по розыску и копированию личного дела Н. Я. Мандельштам.

в ноябре 1938 года. Четвертый — в Ульяновск, где она проработала в местном пединституте с 1949 по 1953 год. И, наконец, пятый — с 1955 по 1958-й — в Чебоксары...¹

Переселение из далекой Читы в “близкие” Чебоксары сопровождалось немалыми трудностями. В главке “Они” во “Второй книге”, то есть спустя почти пятнадцать лет, Н. Я. Мандельштам вспоминала: “Под нажимом Ахматовой я пошла к Суркову. В те дни я была без работы, потому что уехала из Читы по приглашению Чебоксарского пединститута, но в Москве получила телеграмму, что Чебоксары раздумали и не берут меня (кафедра литературы, наверное, услышала мою фамилию и посоветовала не связываться)”².

В самый же разгар событий, 31 августа 1955 года, она писала А. А. Суркову: “Теперь о себе. Нынче, 31 августа, мне сообщили, что меня отправляют на работу в Чебоксары. Я просила в министерстве, чтобы меня отправили куда угодно (в пределах Европейской части Союза), кроме Чебоксар, куда меня пригласили, а потом заявили, что не хотят. Не сомневаюсь, что там будет очень тяжело — мне покажут, как лезть туда, куда не просят. Тем более, что я приезжаю без литературной работы (перевода), которого я не получила и не получу. (Перевод — это явный признак, что со мной как-то считаются.) Например, мне не дадут комнаты и тому подобное. (Я эти годы жила в студенческих общежитиях — и этой незавидной доли у меня не будет.)

«...» Мой адрес, вероятно: Чебоксары, Пединститут. Вероятно, в сентябре (если студенты уедут в колхозы) или зимой мне разрешат поехать в Москву. А может, и не разрешат”³.

Всё же отметим, что документы личного дела Надежды Яковлевны Мандельштам не содержат следов ни персонального приглашения Н. Я. из Читы, ни какого бы то ни было отказа от ее услуг, хотя бы и временного. В них задокументирован лишь тот непреложный факт, что с 1 сентября 1955-го и по 20 июля 1958 г. Н. Я. служила в Чебоксарах — старшим преподавателем и даже исполняющим обязанности заведующего кафедрой английского языка Чувашского государственного педагогического института.

Сам город поразил Надежду Яковлевну своей почти деревенской неблагоустроенностью.

Самое первое жилье — комната в доме по адресу Ворошилова, 12, квартира Павловой — было просто ужасным: “С квартирами здесь полная катастрофа, а из-за этого я могу вернуться. Сняла

.....

1   Альтернативой Чебоксарам вполне мог бы стать... Воронеж, но приглашение оттуда пришло уже после того, как Н. Мандельштам была зачислена в штат.

2   *Собр. соч.* Т. 2. С. 581.

3   Мандельштам Н. Я. *Книга третья*. Париж, 1987. С. 301, 303.

я комнату у сумасшедшей старухи — Вассы. 200 р. Каждое слово слышно. Проход через нее, и 3 километра до института по мосткам — (это вместо тротуаров). Но старуха уже гонит меня (за папиросы). Форточки нет. Воды нет. Постирать нельзя. Вымыться за 5 верст”¹. Позднее она жила по адресу: Кооперативная ул., 10, кв. 13.

Педагогический институт, основанный в 1930 году, располагался по улице К. Маркса, 38. В 1958 году — в год, когда Н. Я. Мандельштам распростилась с институтом — ему было присвоено имя И. Я. Яковлева, чувашского педагога и просветителя.

Факультет иностранных языков, на котором работала Н. Я. Мандельштам, был открыт в 1951 году. Спустя два месяца после переезда в Чебоксары, 10 ноября 1955 года, Н. Я. Мандельштам пришлось возглавить кафедру — женский коллектив из 14 душ.

Фактически это произошло даже раньше — в октябре. Подоплека — в письме Н. Я. к Василисе Шкловской: “Здесь пока хорошо. Хотя есть трудности. Здесь я «зава», но мне пока не платят за это денег. Девки с кафедры — их 14 — пока что выжили зав. кафедрой (за дело). Сейчас заранее ненавидят меня. Я их собираюсь успокоить. Их 14!!!”²

Тогда же, в ноябре 1955 года, когда студенты были на педагогической практике, Н. Я. провела пять недель в Москве. Но и в Чебоксарах до марта всё свободное время она занималась лишь диссертацией, которую благополучно защитила 26 июня 1956 года³.

На успешности защиты, возможно, сказался и XX съезд КПСС со всеми его последствиями: многие “доброжелатели” Н. Я. испытали тогда что-то вроде контузии и явно прикусили язык. За гибель мужа Надежда Яковлевна получила 5000 рублей компенсации — деньги пошли на раздачу долгов, покупку каблуковского “Камня” и на съём дачи на лето в Верее.

А весной того же года Н. Я. получила анонимку с угрозами смертной мести, но не за правду-матку о ГУЛАГе, а за... плохие отметки на экзамене!⁴

.....

- 1 Письмо Н. Я. Мандельштам В. В. Шкловской-Корди от 11 сентября 1955 г., и в том же письме, чуть ниже: “Вероятно, я удеру — из-за квартирных условий. Здесь больно легко задохнуться — в комнатах без форточек” (см. наст. издание, с. 118).
- 2 Письмо Н. Я. Мандельштам В. В. Шкловской-Корди от 2 октября 1955 г. (см. наст. издание, с. 121).
- 3 На получение диплома ВАК (Высшей аттестационной комиссии) ушло еще полгода (№ 000345 от 14 февраля 1957 г.).
- 4 Ср. в письме Н. Я. Мандельштам В. В. Шкловской-Корди от 6 марта 1956 г.: “Из новостей — получила письмо — анонимное. Зарежут, если будут плохие отметки. Такое со мной в первый раз. Письмо у директора. Что он с ним делает — не знаю. Господи!” (наст. издание, с. 123). И в следующем письме — от 10 марта: “Скоро буду экзаменовывать тех, что грозились убить. Двойки будут... У меня одна надежда — они советовали не ходить вечером, т.к. резать будут вечером. Я не буду выходить по вечерам” (с. 124).

В бытовом отношении жизнь была трудной, а питание — никуда не годным. В одном из писем Н. Я. просит прислать ей из Подмоскovie масло, кофе в зернах, лимоны и апельсины: “Я сильно болею желудком — с чего бы? Пью боржом, но здесь нет ни фруктов, ни масла, так что нельзя есть манную кашку”¹.

Если сравнивать чебоксарские годы Н. Я. с ульяновскими, псковскими и даже читинскими, то с изумлением замечаешь, что меньше всего известно именно о чебоксарском круге общения Н. Я. Ни воспоминания, ни письма, ни тем более официальные документы не содержат ни одного упоминания о ее внеинститутских контактах — ни единого имени!

2 .....

“Личное дело” Надежды Яковлевны Мандельштам (“зав. кафедрой английского языка и ст. преподавателя”, как указано на обложке), хранящееся в архиве Чувашского педуниверситета им. И. Я. Яковлева (АЧГПУЯ), было начато 15 мая 1955 года и окончено в 1958 году (число и месяц не проставлены).

Открывают его стандартные личный листок по учету кадров (л. 1–2, с оборотами), ценный главным образом неизвестной до этого фотографией Н. Я. Мандельштам, и автобиография, написанная на тетрадном, в клеточку, листе (л. 3). Информационно она ничем не отличается от аналогичного текста, написанного в Ульяновске, разве что тем, что, называя Осипа Эмильевича, она уже не сообщает о его репрессированности.

Еще задолго до успешной защиты Н. Я. и спустя всего полтора-два месяца со дня начала работы в Чебоксарах нежданно-негаданно произошел взлет педагогической карьеры Надежды Яковлевны: 20 октября 1955 года ее рекомендовали и 10 ноября, приказом № 840, назначили исполняющей обязанности заведующего кафедрой английского языка института — правда, без прибавки к жалованью (л. 13).

К приказу была подготовлена и соответствующая характеристика, в которой, в частности, можно прочесть: “За время своей работа тов. Мандельштам Н. Я. проявила себя как высококвалифицированный педагог, владеющий в совершенстве как английским языком, так и методикой его преподавания на факультете иностранных языков.

Лекции и практические занятия тов. Мандельштам проводит на должном идейно-теоретическом уровне. Чуткий и отзывчивый товарищ, Н. Я. Мандельштам много помогает молодым пре-
.....

1 Письмо Н. Я. Мандельштам В. Г. и В. В. Шкловским-Корди от 11 марта 1957 г. (см. наст. издание, с. 127).

подавателям как в организации учебно-методической работы, так и в работе по повышению квалификации” (л. 14).

На этом документы, связанные с началом работы вдовы поэта в Чебоксарах, в ее личном деле завершаются. Документов за 1956–1957 гг. в нем нет вовсе (если не считать выписки о защите диссертации). Завершает же дело серия документов, связанных с отъездом Н. Я. Мандельштам из столицы Чувашии.

16 июня 1958 года директор вуза издал приказ №74 об освобождении Н. Я. Мандельштам, согласно ее желанию, от заведования кафедрой начиная с 20 июня (л. 16)¹.

Мысленно Надежда Яковлевна была уже далеко от Чебоксар — в Москве, где разгорелась борьба за предоставление ей прописки и площади. Об этом она откровенно пишет директору К. Е. Евлампьеву 15 июля 1958 года (л. 20–200б.):

“Уважаемый Константин Евлампьевич! Прошу Вас распорядиться, чтобы мне прислали справку о занимаемой мной в Чебоксарах комнате. Нужно отметить, что это общежитие института, и я живу на площади, предоставленной мне институтом.

Мои комнатные дела обстоят так: Союз писателей постановил выделить мне комнату в своем доме (вновь построенный жилой дом). Списки получивших квартиры направляются в Моссовет. Людям из других городов обычно ордеров не дают, да и просят о площади для них весьма редко. Но Союз писателей — могучая организация и, может, добьется своего, если будет активен.

Вот такое положение моих дел. Вероятно, через месяц выяснится, дадут ли мне ордер и прописку. Сообщу вам немедленно и приеду в Чебоксары. Кафедра без меня может обойтись: так составлялась нагрузка, чтобы, сделав передвижку, разделить мои часы; почасовик Данилова может быть принята на работу на освободившееся место. Она очень хороший работник. Мы об этом варианте говорили на кафедре (т.е. мнение не мое личное).

Но очень возможно, что я вернусь, т. к. получение комнаты в Москве для иногородних это чудо, а чудеса не частая вещь. Надежда Мандельштам.

Мой адрес: Верея, райцентр Московской области, Первая Спартаковская, 20. Мандельштам.

Справку прошу направить по адресу:

Москва, ул. Воровского, 52; Союз писателей; Управление делами. Лихтенуль А. Я.

Прилагаю формальное заявление”.

.....

Формальное заявление (л. 19) было действительно приложено, и на нем директор начертал резолюцию: “Справку выслать. Заявление — в личное дело. К. Евст. 18.7.58”.

Так что хронологически “Дело” Н. Я. Мандельштам и завершает искомая справка № 1244 от 18 июля 1958 года (л. 18):

Дана настоящая ст. преподавателю кафедры английского языка МАНДЕЛЬШТАМ Надежде Яковлевне в том, что она проживает в г. Чебоксарах Чувашской АССР в старом деревянном общежитии на площади 11 кв. метров.

Дом в 1958 году предназначен для сноса, на месте которого будет строиться общежитие для студентов.

Выдана по личной просьбе.

Директор Чувашского педагогического института имени И. Я. Яковлева К. ЕВЛАМПЬЕВ.

Чуда, однако, не произошло, в Чебоксарах уже начался семестр, место Н. Я. было уже занято, и в результате получился “третий вариант”: Н. Я. осталась зимовать в советском “Барбизоне” — Тарусе¹.

.....

“ЗДЕСЬ ХУДОЖНИК СО СВОИМ МИРОМ ГОВОРИТ...”: ДВА ПИСЬМА Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ Р. Р. ФАЛЬКУ

(Публикация, вступительная заметка и примечания
А. Сарабьянова)

.....

Знакомство Н. Я. с Р. Р. Фальком состоялось скорее всего в послевоенное время, возможно, при содействии Е. М. Фрадкиной (1901–1981), которая знала Фалька в годы своей учебы во Вхутемасе-Вхутеине. Фальк с 1920 по 1928 год преподавал там и был деканом живописного факультета Вхутеина.

.....

1 См. наст. издание, с. 200–206.

Есть версия знакомства, предложенная П. Нерлером, по которой они познакомились в эвакуации в Ташкенте¹. Но Фальк в годы эвакуации (1941–1943) находился в Стерлибашево (Башкирия) и в Самарканде. Сведений о его поездке в Ташкент не имеется.

Таким образом, обстоятельства и дата их знакомства еще должны быть уточнены.

АНДРЕЙ САРАБЬЯНОВ

.....

«КОНЕЦ 1957 — ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА 1958 Г., ЧЕБОКСАРЫ»

Дорогой Роберт Рафаилович!

Я говорила с Николаем Ивановичем, и он зайдет к Вам. Анне Андреевне я подробно рассказала о ваших вещах последнего периода и сумела передать то впечатление, которое они на меня произвели. Она Вам шлет сердечный привет.

Я всегда глубоко почитала вашу работу, но сейчас у меня ощущение огромной значительности ваших работ последних нескольких лет. Я четко помню летний пейзаж (под Абрамцевом)², осенний³ и зимний с домами и людьми⁴, автопортреты⁵, портрет Б.⁶ и женский, где слева оста-

.....

- 1 Об Ахматовой. С. 349–350.
- 2 Вероятно, имеется в виду “Лес (Абрамцево)” (1954. Холст, масло. 92,5×72. Музей-заповедник “Абрамцево”) (Сарабьянов Д. В., Диденко Ю. В. *Живопись Роберта Фалька*. Полный каталог произведений. М., 2006 (далее: Фальк, 2006. №1162).
- 3 “Загорск. Осень” (1955. Холст, масло. 65,5×81. Красноярский художественный музей им. В. И. Сурикова) (Фальк, 2006. №1173). Картина выставлялась на персональных выставках Фалька в 1957 и 1958 гг.
- 4 “Загорск. Зима” (1955/1956. Холст, масло. 65×81. Музей-заповедник “Абрамцево”) (Фальк, 2006. №1174).
- 5 Скорее всего, имеется в виду последняя картина Фалька, написанная им осенью 1957 года, — “В красной феске (Автопортрет)” (Холст, масло. 87×60. ПГ) (Фальк, 2006. №1207). После ее написания, по словам его вдовы А. В. Щекин-Кротовой, художник “слег и уже не вставал с постели”. Выставлялась на персональных выставках Фалька в 1957 и 1958 гг. Другие автопортреты, которые могла иметь в виду Н. Я., — “Автопортрет в коричневой куртке” (1957. Холст, масло. 80×64. Частное собрание, Санкт-Петербург) (Фальк, 2006. №1206) и “Автопортрет в соломенной шляпе” (1955. Холст, масло. 63×53. ГЦТМ им. А. А. Бахрушина, Москва) (Фальк, 2006. №1183).
- 6 Скорее всего, речь идет о “Портрете искусствоведа А. И. Бассехеса” (1957. Холст, масло. 70×61. Ивановский областной художественный музей) (Фальк, 2006. №1205).

ется большой кусок пространства¹, затем букет — по поводу вы сказали об энергии, выраженной в цвете². Сейчас у меня еще выплывают овощи³ и тарелки⁴ и красный горшочек с тряпкой...⁵

Грозный лаконизм этих вещей, их мудрость и прямота поразили меня.

Надеюсь скоро быть в Москве и повидать Вас. Н. Мандельштам.

.....

---

7 ИЮНЯ «1958 Г., ЧЕБОКСАРЫ»

Дорогой Роберт Рафаилович!

Мне хочется сказать Вам несколько слов о Вас, о выставке⁶ и о работе в целом.

Есть люди, у которых весь путь от начала до конца един. Таков Пастернак. В сущности, он поэт двадцатых годов. Там был найден его голос. Интересно, что свой роман он начал писать, чтобы воскресить двадцатые годы и вернуть стихи. Я ему когда-то это сказала, и он повторил это Суркову. В его работе нет этапов — периодов... У А. А. и у О. М. очень резкая периодизация.

.....

- 1 Довольно трудно среди многих женских портретов назвать соответствующий данной Н. Я. характеристике. Возможно, это “На даче. Портрет в окошке (А. В. Щекин-Кротова)” (1954. Холст, масло. 80×71. Частное собрание, Санкт-Петербург) (Фальк, 2006. №1157).
- 2 Возможно, подразумеваются “Цветы на красной скатерти. Рябина и золотые шары” (1955. Холст, масло. 114×88. Частное собрание, Москва) (Фальк, 2006. №1188).
- 3 “Кукуруза и тыква” (1952. Холст, масло. 60×73. Частное собрание, Москва) (Фальк, 2006. №1134).
- 4 “Окно. Молдавия” (1951. Холст, масло. 65×81. Частное собрание) (Фальк, 2006. №1119); выставлялась на персональных выставках Фалька в 1957 и 1958 гг.
- 5 Картина так и называется: “Натюрморт с красным горшочком” (1956. Холст, масло. 60,3×72. Саратовский государственный художественный музей им. А. Н. Радищева) (Фальк, 2006. №1197); выставлялась на персональной выставке Фалька в 1958 г.
- 6 Персональная выставка Фалька открылась в выставочном зале МОСХа в Ермолаевском переулке. 1 октября того же года художник скончался.

Вы, конечно, на своем пути тоже прошли через точно очерченные периоды. И то, что мне кажется высшим качеством: возраст был показателем роста. Старость — это совсем не то, что думают желторотые. Настоящая старость для художника — это великий расцвет, это мудрое слово, это то грозное восприятие и выражение, когда уходит всё малое, всё случайное и говорит только сущность жизни и времени.

Кстати, это <т> высший момент не всегда совпадает с возрастом. Иногда это зрелость; и высшее несчастье, если художник перевалит через свой лучший период и проживет еще долгую жизнь, только оглядываясь на вершину. Поэзия обычно начинается раньше живописи, и поэты уходят раньше. У одного, кажется, Фета, вершина — “Вечерние Огни”¹. У живописцев иначе — сколько их дало неслыханную силу зрения — хищную, грозную силу — на старость? Очень много.

И еще я помню Данте. У него описано состязание в беге — и всех победил старик — учитель Данта — Брунетто Латини — потому что он знал больше всех: вот почему он бежит быстрее всех молодых².

Мне кажется, что у вас за последние 10–16 лет (с войны) было два четких периода. Второй — это пятидесятые годы. Там началось с натюрмортов. Один из них с картошкой³. В них проявилось нечто глубоко вам присущее (что-то от этого я любила и знала еще в годы “Б<убнового> В<алета>»), но нашедшее сейчас свое полное выражение. Здесь те портреты, которые меня так поразили, когда в последний раз я была у Вас, и последняя правда о людях, вещах и земле, где мы живем. Мудрость пришла к вам, и мыслью, и правдой сильны эти великолепные вещи.

.....

- 1 Как пример зрелой и одновременно прекрасной поэзии Н.Я. приводит поздние стихотворения А.А. Фета, выходившие отдельными выпусками и под названием “Вечерние Огни”.
- 2 Брунетто Латини (ок. 1220 — ок. 1295) — поэт, ученый и политический деятель; молодой Данте считал его своим учителем.
- 3 “Картошка” (1955. Холст, масло. 63х79. Собрание И.Г. Сановича, Москва) (Фальк, 2006. № 1182); выставлялась на персональных выставках Фалька в 1957 и 1958 гг.

Нужен ли профессиональный разговор? — я им владею¹, но не в нем дело. Живопись, как и всякое искусство, — это высшее выражение себя в отношении к времени и людям. Средствами изобразительными, конечно. Здесь художник со своим миром говорит, с людьми о человеческом — потому что у них один мир. Только люди его не знают — не сумели сделать отбора существенного, главного, звучащего во времени — и художник им открывает свой отбор и свои гармонии. И я слышу, как звучит время в вашем мире, и удивляюсь силе вашей прозорливости. Принимаю ваш мир и благодарю вас за него.

В городе шли смутные слухи про выставку — не знали, как попасть, где достать пропуска и т. д. Выставка “втихаря”. Но всё же народ толпился, терялся, радовался. Готовое представление многих не совпадало с тем, что они увидели — они пришли искать абстрактное искусство, т. к. у нас ругают именно его, и они думают, что в этом секрет. Но все чувствовали вашу огромную силу. Только у них не было готовых слов, чтобы это сказать. Я видела таких людей. Очень хотелось бы, чтобы была открытая выставка. Пора...

Я очень радуюсь за вас, за ваш огромный расцвет, за мощное звучание ваших вещей. Будьте умником — лечитесь терпеливо, не торопитесь на волю. Надо, чтобы вы хорошенько поправились и снова принялись за работу. Ваш глаз и, выражаясь старомодно, сердце и душа в высшем расцвете. Берегите себя для всех тех, кто знает вашу мощь и силу. Я вас крепко целую и желаю вам хорошо отдохнуть и поправиться. В больнице вы изрядно поправились, но вам, конечно, необходимо как можно дольше прожить на свежем воздухе. Главное, не рвитесь на волю прежде времени и слушайте врачей. Надежда Мандельштам.

Привет Анг <елине> Васильевне <Щекин-Кротовой>.

.....

Кочевые шестидесятые

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

**“ВОПРОС ЭТОТ ПОЛИТИЧЕСКИЙ...”:
ВОКРУГ ПИСЬМА Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ Н. С. ХРУЩЕВУ¹**

1 .....

Эмма Герштейн вспоминала о Н. Я. в пору “оттепели”, а конкретнее в 1957 году: “В то время Надя еще не помышляла о собственных воспоминаниях. На ее плечи ложились другие заботы: пробивать издание сочинений Осипа Мандельштама, договариваться с Союзом писателей о составе комиссии по литературному наследию, собирать рукописи поэта, работать с Харджиевым, заключившим уже по ее рекомендации договор с «Библиотекой поэта». К тому же она не жила еще в Москве. Работая в высших учебных заведениях в Ташкенте, Ульяновске, Чебоксарах, Пскове и даже в Чите, она приезжала в Москву только на каникулы. В эти приезды она много встречалась с диссидентами, особенно с бывшими зеками, и, естественно, была захвачена всей политической атмосферой «оттепели». Она признавалась мне, что не может еще решить, написать ли

.....

¹ Благодарю архивистов В. Ю. Афиани, Э. К. Водопьянову, М. Ю. Прокуменщикова и, в особенности, Г. Г. Суперфина за ценные консультации.

ей принципиальное письмо Хрущеву или засесть за свои воспоминания. Выбор был сделан несколько позже”¹.

Эмма Григорьевна или запаматовала, или просто не знала, что никакого выбора перед Н. Я. не стояло: в 1958 году она засела в Тарусе за воспоминания, а 4 апреля 1960 года, из Тарусы же, отправила письмо Хрущеву.

Вот этот небесхитрый текст, обнаружившийся в архиве:
 .....
 .....

ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС

ТОВ. ХРУЩЕВУ Н. С.

ЛИЧНО

Многоуважаемый Никита Сергеевич!

Ликвидация последствий ежовщины-бериевщины и посмертная реабилитация невинно загубленных жизней не может, я полагаю, рассматриваться как пустая формальность или ничего не стоящая бумажка. А именно так рассматривают ее наши издательства.

Вопрос этот политический, и поэтому я обращаюсь к Вам лично.

В 1938 году умер в лагере мой муж Осип Мандельштам, который заслуженно пользовался репутацией крупного русского поэта. В 1956 году он был посмертно реабилитирован, и Союз Советских Писателей создал комиссию по его литературному наследству. Однако за эти годы ни я, ни комиссия не смогли преодолеть отношения издательства к реабилитации, как к формальности, а к реабилитированному и его стихам — как к “врагам народа”.

За эти же годы произведения Осипа Мандельштама были изданы во многих странах мира (и в народно-демократических, и в капиталистических), как в переводах, так и по-русски. У нас же не появилось ни одной его строки. В нашей стране стихи его ходят в списках, где ему припи-

.....

1   Герштейн. С. 415.
 2   РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 159.

сывают часто чужие, и чуждые стихи. Из полноправного и хорошего советского поэта делают запретную литературу.

Кому это нужно?

Помогите:

Издать в этом году в Гослитиздате книгу “Избранное” Осипа Мандельштама в серии “Библиотека Советской Поэзии”.

Издать в “Большой серии библиотеки поэта” в издательстве “Советский писатель” давно уже запланированное им полное собрание стихотворений О. Мандельштама с выходом книги в 1960–61 гг.

Поручить редактирование обеих книг поэтам Алексею Суркову, Илье Эренбургу и Анне Ахматовой, которые являются членами комиссии Союза Советских Писателей по литературному наследству Осипа Мандельштама.

Уважающая Вас (Н. Мандельштам).

Таруса, 4 апреля 1960 г.

Мой адрес: Таруса, Калужской обл., ул. Либкнехта, д. № 29, Мандельштам Надежда Яковлевна”.

.....

Слегка приоткрывшееся после XX съезда КПСС окно возможностей Н. Я. использует таким образом, чтобы сыграть на разногласиях между советским писательским официозом и руководителем советского государства. Противопоставляя действия писательско-издательской братии действиям просвещенного коммуниста-разоблачителя, автор как бы рассчитывала на справедливое возмущение второго фрондою первых и на его строгий окрик, принуждающий фрондеров к немедленному выпуску стихов Мандельштама, да еще не в одном, а сразу в двух издательствах!

2 .....

Напрашиваются вопросы: было ли отправлено это послание или это просто набросок? И если да, то что было с обращением дальше?

Ответы на них находим в письме Н. Я. к Адриану Владимировичу Македонову¹ от 11 декабря 1963 года: “Однажды наверх я уже

.....

1 Критик и литературовед, первый в ряду тех, кому была заказана вступительная статья к тому Мандельштама в “Библиотеке поэта”.

писала. Меня обступили друзья и утверждали, что О. М. не печатают из-за меня. Они заставили меня написать такое письмо, как вы мне предлагаете. Оно дошло до некоего Гея и там застряло. Гей вежливо откликнулся по телефону. В те же дни он подписал статью с Эльсбергом...¹ Имя его отца я не слышала... Для того чтобы письмо передали, нужен нелитературный западный скандал, как был с Пастернаком. После этого нельзя скрыть, что Пастернак поэт. Иначе можно...

Это не мой пессимизм. Я не пессимистка. Имя О. М. растет. Он свою работу делает. И я тоже. Это просто трезвая оценка положения. Люди, которые сейчас у литературного корыта, не хотят и не могут терпеть соперников. Им нужны условия охранительные, протекционная система, вроде высоких пошлин. Сурков один из них, хотя и гораздо литературнее, и благороднее. Но он с ними спорить не станет”².

Итак, письмо наверх было отправлено, но до адресата — до самого верха — не дошло.

Путь, который оно проделало, был самым что ни на есть классическим бюрократическим “маршрутом” письма из самотека.

Письмо регистрировалось в Отделе писем ЦК, откуда поступало в Общий отдел. Оттуда, в свою очередь, письмо направлялось в профильный отдел — в нашем случае это Отдел культуры и пропаганды или, что менее вероятно, Идеологический отдел (отдела печати тогда не было). Эти отделы чаще всего решали поступавшие вопросы сами, но иногда, если вопрос представлялся важным, они переправляли такой самотек выше — секретарям ЦК, а те уже могли вынести вопрос и на Президиум ЦК. Но во всех перемещениях письма внутри аппарата ЦК оно “путешествовало” уже не само, а с обстоятельной запиской профильного отдела, а если повыше — то и с решением секретаря ЦК.

Авторам обращений ответ давался чаще всего по телефону, а если телефона у них не было, то по почте, но, как правило, безлично, от имени отдела. Поэтому довольно нетипично уже то, что Н. Я. стало известно имя Гея — инструктора, курировавшего ее обращение³.

.....

- 1   Гей Николай Константинович (р. 1923) — литературовед, с 1952 г. — аспирант, а затем сотрудник Отдела теории литературы Института мировой литературы АН СССР (РАН), его научным руководителем и первым заведующим отделом был Я. Е. Эльсберг. В 1959–1960 гг. — инструктор сектора литературы Отдела культуры ЦК ВКП(б) (сектором тогда заведовал И. С. Черноуцан, отделом Д. А. Поликарпов).
- 2   Мандельштам Н. Письма А. В. Македонову; Македонов А. О письмах Надежды Мандельштам и по поводу // Всемирное слово. 1992. №2. С. 63.
- 3   Шансы разыскать первый экземпляр обращения Н. Я. в РГАНИ (Российском госархиве новейшей истории) не так уж и малы.

Была ли на письмо Н.Я. какая-то реакция — искомая или иная, — сказать очень трудно. Сам Гей в свои девяносто с лишним лет этого уже не помнит.

3 .....

При жизни О.М. вождями хотя и интересовался, но, как правило, не искал личного контакта. С Лениным он столкнулся дважды — в лифте “Метрополя” и на его похоронах, к Сталину обращался только в стихах и только в иносказательных жанрах (эпиграмма, ода). В сталинский “ближний писательский круг” О.М. никогда не входил, и к Горькому в особняк на встречи с хозяином и с Хозяином его не приглашали. В комиссии ЦК по чистке — после истории с Уленшпигелем — его вызывали повестками.

Единственное исключение — Бухарин, но в нем О.Э. чувствовал еще и иную, кроме номенклатурной, “косточку” — читательскую и ценительскую. Когда Мандельштам заходил к Бухарину, то Н.Я. помалкивала или же вообще оставалась в приемной пощebetать с белочкой-секретаршей.

А вот за переписку с вождями в семье Мандельштамов отвечала Н.Я. И в этом, надо признать, она оказалась непревзойденной докой.

Весной 1931 года, вернувшись из Армении, она писала начальнику Отдела культуры и пропаганды ЦК КПСС Гусеву и председателю Совнаркома Молотову — второму по должности человеку в стране — письма, написанные требовательно, но в то же время так же образно и просто, как это делал и сам О.Э., обращаясь, скажем, к отцу или Пастернаку.

Молотову Н.Я., например, писала так¹:

“...Один раз нужно счесть не спеца таким человеком, а поэта, чтобы он не метался из города в город, ища пристанища. Если это невозможно в Москве, то нужно устроить Мандельштама хотя бы в одном из южных городов.

Я повторяю, что это не просто бытовые неувязки, а вопрос о праве на жизнь. Позади — долгие годы борьбы и труда; не под силу изворачиваться, искать мелких заработков, бегать по редакционным приходам за работишкой. А именно это предстоит Мандельштаму, если не будет решительного вмешательства в его судьбу. Ему помогли оправиться от болезни, но причины, приведшие к заболеванию, не устранены... Если раз навсегда не устроить Мандельштама, то каждый
.....

1 Григорьев А., Петрова Н. [Мец А., Сажин В.] Мандельштам на пороге 30-х годов // Russian Literature. 1977. Vol. V. Iss. 2. P. 181–192.

год его будет загонять в тупик, и роскошные санатории будут чередоваться с настоящим бродяжничеством.

Тяжелая жизнь лирического поэта, конечно, не в диковинку, но близкому человеку — жене — не под силу смотреть, как разрушается жизнеспособный человек в самом разгаре творческих сил.

Но я надеюсь, что это письмо не останется без ответа”.

Кажется, и сам О. Э. не мог бы выразить суть “своей” проблемы лучше, чем это сделала за него Н. Я.

Так было при жизни О. Э. Но еще большее единство, чуть ли не тождество линий О. М. и Н. Я., наблюдаем после смерти О. М.

О самой смерти Н. Я. узнала 5 февраля 1939 года — из вернувшейся назад (“за смертью адресата”) посылки. Но еще задолго до этого — 19 января 1939 года, то есть еще не зная наверняка, но уже догадываясь о смерти мужа, — Н. Я. обратилась к новоназначенному наркому внутренних дел Лаврентию Берия с чисто “мандельштамовским” по тону и по дерзости письмом: “Мне неясно, каким образом велось следствие о контрреволюционной деятельности Мандельштама, если я — вследствие его болезни в течение ряда лет не отходившая от него ни на шаг — не была привлечена к этому следствию в качестве соучастницы или хотя бы свидетельницы. <...>

Я прошу Вас: <...> Наконец, проверить, не было ли чьей-нибудь личной заинтересованности в этой ссылке. И еще — выяснить не юридический, а скорее моральный вопрос: достаточно ли было оснований у НКВД, чтобы уничтожить поэта и мастера в период его активной и дружественной поэтической деятельности”¹.

Письма Н. Я. вождам свидетельствуют об остром политическом чутье Н. Я., интуитивно всегда понимавшей, как писать такие письма.

В обращении к Хрущеву она осуждает Большой террор, что, с одной стороны, никак не расходится с официальной политикой партии на тот момент. Но, с другой стороны, текст письма Н. Я. построен таким образом, чтобы все возможные сомнения в пользу реабилитации советского поэта О. Э. Мандельштама истолковывались бы как доказательство необходимости издания его стихов в СССР.

4 .....

Впрочем, письмо Н. Я. Хрущеву всё равно стоит в этом ряду особняком. Кажется, что и Н. Я., как некогда О. Э. накануне “Оды”,
.....

¹ НЕРЛЕР П. Слово и “Дело” Осипа Мандельштама: книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 161.

расчистила стол, занавесила окно и засучила рукава. Но всё напрасно: вертикальная цэковская “кишка вечности” — карикатура на державинское “жерло” — проглотила и переварила и эту “хлопоту”, как и все другие!

Стратегической реакции не было никакой, ибо из семнадцати запорных лет, понадобившихся советской власти на вынужденно дефектное, но все-таки издание поэта в СССР, позади было всего три года, а впереди — целых четырнадцать!

Так что этот пробный шар — традиционное, в сущности, письмо Мастера (или его Маргариты) Вождю — в лузу не попал, а закатился, как ему и полагалось, в бюрократический бурьян.

Что ж, у Н. Я. оставался еще и второй выход из тупика.

Засев за воспоминания и ничего не добившись через Хрущева, она приобрела новый опыт и тем увереннее встала на путь сознательного диссидентства. Перспектива громкого внелитературного скандала на весь просвещенный мир уже не вызывала в ней того страха, как раньше. Более того, если бы за выход книги О.Э. надо было заплатить таким “скандалом”, то отныне за ней, за Н.Я., дело не стало бы.

.....

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА И “Н. ЯКОВЛЕВА” В ТАРУСЕ¹

1 .....

Еще в 1937 году Н. Я. с мужем — оба “стопятники” — в поисках хорошего и безопасного городка в стокилометровой от Москвы зоны приходили в гости к “тарусянину” Аркадию Штейнбергу, но хозяина не застали (он был уже в ГУЛАГе), а расспрашивали о Тарусе его жену и мать.

Между 1958 и 1965 годами именно Таруса заменила Надежда Мандельштам, истинной кочевнице, все остальные ее “малые родины” — и Саратов, где она родилась, и Киев, где был ее родительский кров, и Питер с Москвой, где протекала ее собственная .....

1 Благодарю Е. О. Долгопят, Т. П. Мельникову и В. Г. Перельмутера за помощь в подготовке этой публикации.

семейная жизнь с Осипом Мандельштамом. В письме к Н. Штемпель от 4 мая 1964 года она сама сформулировала это так: “Очень рада, что вы, наконец, приедете в Тарусу. Это все-таки единственное место, где я «живу»...”¹

Летом 1958 года Н. Я. уволилась из Чувашского пединститута в Чебоксарах, где заведовала кафедрой, и переехала в дальнее Подмосковье — в Верею, на дачу к брату с невесткой. Она надеялась на могущество Союза писателей, персонализированное в Алексее Суркове, искренне хлопотавшем о ее прописке и ее жилплощади в столице. Но могущества этого оказалось недостаточно, и когда к осени выяснилось, что у нее нет ни нового московского жилья, ни прежней чебоксарской работы с комнаткой в общежитии, то сразу же встали вопросы: а как же дальше? где зимовать? куда переводить пенсию?..

Тогда Надежда Яковлевна, словно истинная кочевая птица, перелетела из Вереи в Лаврушинский переулочек (где она всегда останавливалась у Шкловских), а оттуда в Тарусу — эдакий советский “Барбизон” (но только летний!). Здесь она и осталась на зиму, фактически в качестве сторожихи. Таруса зимняя была своеобразным продолжением и напоминанием о тяготах “стопятничества”. Да и сама проза не по-дачному спартанской жизни от осени и до весны — холодрыга, дрова, печка, колодец, удобства на дворе, — была для немолодой женщины серьезным испытанием.

Но другого выхода в стране с институтом прописки просто не было!

Летом 1962 года, имея за плечами уже несколько тарусских “зимовок”, Н. Я. так объясняла свою ситуацию Адриану Македонову, бывшему эзку, восстановленному в своих предрестных правах:

“Сложность в общем неустройстве, которое еще связано с пропиской. Ведь я должна жить там, где прописана, чтобы получать пенсию. Прописана я в Тарусе, где летом очень дорого, а зимой негде жить. Права на площадь у меня нет нигде, потому что в лагере я не была, а задерживаться мне нигде не давали — выкидывали при каждой бдительности со службы. В Москву вернуться мне не удалось (речь шла о прописке, а Сурков даже пробовал дать комнату, но, встретив сопротивление, раздумал). <...> От зимовок в диких условиях я уже лезу на стены... Вот приблизительно содержание моей бездомности, в которой никто мне помочь не может. Всё по закону”².

.....

1 Об Ахматовой. С. 233–237.

2 Из письма Н. Я. Мандельштам А. В. Македонову от 3 июля 1962 г. // Всемирное слово. 1992. № 2. С. 62.

Ее первым — с 1959 года — тарусским адресом стал дом Николая Давидовича Оттена (Поташинского) и Елены Михайловны Гольшевой¹ (1-я Садовая², 2), куда ее прописали как домработницу. В домовое книжке стоит дата прописки — 24 февраля 1959 года³, но фактически Н.Я. поселилась здесь скорее всего еще в конце 1958 года.

Это сюда, называя дом чудным и “соблазняя” едой из Елисеевского, которую по случаю ее приезда непременно купит Паустовский⁴, она зазывала в 1959-м Ахматову: “Условия как в шведской деревенско-курортной гостинице прошлого века или в Финляндии. Удивительный покой и т. п.”⁵. И это здесь она начала писать свои “Воспоминания”.

Вторым ее адресом стал восьмиоконный дом на горе по улице К. Либкнехта, 29, куда, согласно записям в домовое книжке, она перебралась 23 ноября 1960 года и откуда в первый раз выписалась 20 апреля 1961 года⁶. Хозяйка — Пелагея Федоровна Степина, она же “тетя Поля”, — прописала ее (“бабу Надю”) уже не как домработницу или сторожа, а как жильца. Три из четырех комнат были летом в распоряжении Н.Я. — с расчетом на гостей, а гостей у нее всегда было много.

В то же время, став “местом, где я живу”, Таруса еще не становилась от этого *домом*. Вынужденность и паллиативность такого решения бросалась в глаза и никуда не девалась.

В сердцах, в недобрую минуту Н.Я. могла даже сравнить Тарусу со *ссылкой!* Вот что она выговаривала своим верным друзьям и хозяевам — Елене Гольшевой и Николаю Оттену, назвавшим ее “тарусянской”: “...для меня Таруса не дача с удобным домом, а ссылка, и я терпела ее, как многое другое, сжав зубы. Почему же вы мне желаете ссылку?”⁷

20 марта 1964 года она писала из Пскова Наташе Штемпель: “Мне вроде разрешили прописку в Москве.⁸ Жить буду зиму

.....

1 Сохранились их письма Н. Я. Мандельштам (РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 188, 239).

2 Ныне ул. Садовая.

3 Сообщено Т. П. Мельниковой.

4 *Об Ахматовой*. С. 238.

5 Там же. С. 236.

6 Согласно записи в домовое книжке (сообщено Т. П. Мельниковой). Возможно, что после этого она переехала на новое место по адресу: ул. Р. Люксембург, 13 (этот адрес трижды упоминается как будущий новый в письмах Н. Я. Мандельштам, датируемых концом марта 1961 г.).

7 Из письма, датируемого концом 1966 (?) г. (Архив Музея истории кино, Москва — общено Е. О. Долгопят).

8 В действительности это произошло на год с лишним позже.

в Тарусе, но всё же легче — можно приехать на какой-то срок”¹. А спустя полторы недели, 30 марта: “Скоро я отсюда уеду и уже не вернусь. Работу бросаю. Как будто в Москве кто-то борется за то, чтобы меня прописать. Жить всё равно негде, и я останусь в Тарусе, хотя это очень трудно. Но всё же можно будет приезжать и хоть к врачу пойти или в библиотеку”².

В конце июня 1964 года, распроставшись с Псковом, Н. Я. и радовалась Тарусе, и одновременно грустила оттого, что не в силах вырваться из нее: “Я рада, что я у Поли в Тарусе. Надеюсь сесть за работу. В Москве уверяют, что еще не всё лопнуло. Посмотрим... Мне ясно, что лопнуло. Так я и останусь в Тарусе”³.

Последней тарусской зимовкой Надежды Яковлевны стала зима 1964/65 г. — первая после двух зим в Пскове. Она началась по новому адресу (ул. К. Либкнехта, 6, кв. 6⁴), но вскоре Н. Я. переехала к Поле (на Либкнехта, 29), а после 1 октября — в более теплый дом к Оттенам-Голышевым (на 1-й Садовой, 2)⁵.

В феврале или марте 1965 года она писала Н. Штемпель: “Сию я в Тарусе и чуточку вожусь с текстологией. Оттена обуюла мысль купить мне квартиру. Почему-то я верю, что он этого добьется. Жаль, что вы не смогли зимой приехать — здесь сейчас прелестно, хотя я мало гуляю и почти не чувствую радости зимы. Нас засыпает снегом. <...> До конца марта я здесь”⁶.

Впрочем, “обуювшая” Оттена мысль действительно — на деньги К. Симонова — осуществилась, мечта сбылась. И свой следующий Новый год Надежда Яковлевна встречала уже у себя — в собственной кооперативной квартире.

А следующее лето — лето 1966 года — стало первым, проведенным Н. Я. и вовсе вне Тарусы — снова в Верее. Объяснение этому встречаем в письме Н. Я. к Марте Бикель от 5 августа 1966 года: “Поехали мы в Верею, а не в Тарусу, потому что Таруса гористая, а Жене это запрещено. Ничего не поделаешь. Скучно без Поли”⁷.

.....

1 Об Ахматовой. С. 324.
 2 Там же. С. 321 (по всей видимости, с неточной датой: 30 марта 1963 г.).
 3 Из письма Н. Я. Мандельштам С. М. Глускиной от 26 июня 1964 г. (М. А. А. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 11).
 4 Дом не сохранился. В настоящее время по этому адресу находится двухэтажный кирпичный дом в несколько квартир, построенный в 1975 г. около бывшего молокозавода (сообщено Т. П. Мельниковой).
 5 Из письма Н. Я. Мандельштам С. М. Глускиной от 4 сентября 1964 г. (М. А. А. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 17).
 6 Об Ахматовой. С. 332.
 7 Сообщено М. Э. Дмитриевой-Айнгорн.

2 .....

Весна 1961 года подарила человечеству такое чудо, как полет Гагарина. Но на этом чудеса не прекратились, и уже лето ознаменовалось событиями ничуть не менее невероятными. И оба — произошли в Тарусе! Во-первых, первая в СССР разрешенная выставка авангардной живописи в тарусском Доме культуры, а во-вторых — альманах «Тарусские страницы»!

И к обоим чудесам оказалась причастной Надежда Яковлевна. Не загляни она в апреле с Фридой Вигдоровой в избу Аркадия Штейнберга, превращенную его сыном Эдиком с друзьями в художественную коммуну, Фрида (уже тогда, задолго до процесса Бродского, заработавшая себе прозвище «Трест добрых дел») не родила бы бессмертный лозунг — «Это надо показать народу! И я пробую это дело!».

Колесиками ее хлопот стали рассказ о сем приокском монмартре Паустовскому, визит самого Паустовского в колонию и вызов 9 мая ее представителей, возглавленных почему-то Борисом Балтером, к местному культурному начальству по фамилии Нарышкина, с ходу разрешившей «выставку столичных художников». Выставка открылась уже 2 июня и продержалась с неделю — под крики и ропот малочисленных в этих местах соцреалистов¹.

Альманах «Тарусские страницы» выходил дважды — впервые в августе 1961 года: первый завод — это всего 1000 экз. Основной же завод (тираж 75 тыс. экз.) вышел только в конце того же года². Редакторов было пятеро — В. Кобликов, Н. Оттен, Н. Панченко, К. Паустовский и А. Штейнберг. Надежда Яковлевна, жившая тогда у Оттепов, была, естественно, в самом эпицентре: вместе с Е. Голышевой и Ф. Вигдоровой она держала корректуру, но мало того — на ней и на Вигдоровой держалась очеркистика альманаха.

Когда альманах вышел, а достать его в Москве было невозможно³, она обеспечила экземплярами всех своих многочисленных друзей. 18 ноября она писала Н. Штемпель: «Наташенька! «Тарусские» стр[аницы]» — это самое модное сейчас в Москве... Напишите свое мнение об этом сборнике»⁴.

Иные приезжали в Тарусу специально для того, чтобы познакомиться с тем или иным автором. Так, Израиль Минц, бывший

.....

1 Воробьев В. Бульдозерный перформанс // Зеркало (Тель-Авив). 2011. 22 мая.

2 Номинально — 14 октября 1961 г., а фактически — не раньше ноября.

3 Мой покойный друг Коля Поболь рассказывал, что в поисках экземпляров ездил тогда по райцентрам Калужской области и обшаривал тамашние книжные.

4 Об Ахматовой. С. 315.

сиделец, в 1962 году приехал и отыскал бывшего сидельца Штейнберга, чьи стихи из альманаха поразили его. А приехав — угодил на пир к “тете Поле” и “бабе Наде”¹.

Из-за “очерков Н. Яковлевой” к Надежде Яковлевне никто не приезжал, но сама проба ея пера была замечена и одобрена некоторыми именитыми читателями альманаха — к ее не вполне искреннему удивлению и ироническому “гневу”.

Так, 27 ноября 1961 года она писала Берковскому:

“Дорогой Наум Яковлевич! Что вы выдумали чушь про мой очерк?

Это типичная «моча в норме». Я его написала левой ногой, потому что без очерков не прошел бы весь сборник. Анализ ритмов совершенно школьный. Так 30 лет назад нас учила Евг. Ив. Прибыльская, хорошая специалистка по орнаменту. Задавались разборы, и всё это делали. Просто школа. На орнаменте легче показать линейный ритм... Стоит всё это три гроша. Меня заставили писать очерки, потому что не было очеркистов. Так запрягли меня и Фриду Вигдорову. Больше запрягаться я не собираюсь. Поэтому я очень огорчилась, что вы о такой чуши написали мне первое письмо”².

В середине декабря 1961 года Н.Я. даже “пожаловалась” Ахматовой на Бухштаба и Берковского: “Я получила несколько писем от Бориса Яковлевича и Наума Яковлевича. Они сочли нужным хвалить мою статейку в «Тарусских страницах», на что я ответила бранью”³.

На самом же деле правы как раз Яковлевичи, а не Яковлевна. Очерки “Н. Яковлевой” и впрямь хороши, особенно “Куколки” — о калужской вышивке и тарусских вышивальщицах⁴.

Но есть в этом очерке и еще одна, неброская, деталь — две приглушенные, но всё равно сверкающие цитаты, цитаты из... мандельштамовских стихов!

Вот первый такой фрагмент: “Сказочный Кощей завел себе даже золотые гвозди. Он хлебает огненные щи и забавляется своими сокровищами: «камни трогает клещами, щиплет золото гвоздей”».

А вот второй: “Никакое искусство — словесное, музыкальное, изобразительное — в его станковой или так называемой прикладной форме не создается на пустом месте и не высасывается из
.....

1 Минц И. Аркадий Штейнберг. Из “Тарусских встреч” // Штейнберг А. К верховьям. Собрание стихов. О Штейнберге. М.: Совпадение, 1997. С. 405–407.

2 Сообщено Л. С. Дубшаном.

3 Об Ахматовой. С. 239.

4 Этот очерк явно центральный, отчего в “Тарусских страницах” он поставлен не на третье, а на первое место.

пальца. Оно всегда представляет сложное переплетение традиции и новаторства. Во всяком подлинном произведении искусства можно обнаружить традиционные элементы, иногда выступающие в чистом виде, иногда преобразенные до неузнаваемости, но в основе которых всё же лежит старое: «И снова скальд чужую песню сложит и как свою ее произнесет»...

Но если во втором случае Н. Мандельштам привела широко известный текст из стихотворения “Я не слыхал рассказов Оссиана” (1916), то в первом она процитировала стихотворение “Кашцев кот” (“Оттого все неудачи...”, 1936), в то время еще не опубликованное ни в СССР, ни на Западе¹.

А ведь наряду с мандельштамовскими строчками, прокравшимися на страницы эренбургских мемуаров в январской книжке “Нового мира” за тот же год, это были едва ли не первые постмертные цитаты-публикации стихов Мандельштама на его родине!

.....

АЛЕКСЕЙ СИМОНОВ

БАБА-ЯГА ДЛЯ ДОБРОЙ СКАЗКИ

.....

Женщины, более похожей на бабу-ягу, чем Надежда Яковлевна, особенно по первому впечатлению, лично я не помню: крючковатый бабы-ягинский нос, прокуренный беломорканальский голос, хитрый пронзительный глаз, худенькие конечности с крупными несоразмерными ладонями и ступнями и совершеннейшая безытность. В моей жизни она так и возникла — ниоткуда, как и положено сказочному персонажу.

Реально, как я теперь понимаю, знакомство ее с моей матерью было родом из Тарусы, и знакомством этим они обязаны семейству Голышевой-Оттена, которые в те давние годы, где-то в конце пятидесятых, олицетворяли Тарусу наряду с Паустовским, с которым их дом почти соседствовал.

.....

1 Впрочем, в подборку из 52 поздних стихотворений О. Мандельштама, опубликованных в мае или июне 1961 года в нью-йоркском альманахе “Воздушные пути”, оно вошло.

Елена Михайловна Голышева, ныне более известная как мать Виктора Петровича Голышева — моего ровесника и великого переводчика с английского — была в те годы крупной величиной в художественном переводе, с особенным акцентом на драматургию Лилиан Хеллман, Артура Миллера (совместно с Борисом Изаковым). Ее второй муж, Николай Давыдович Оттен, был, как это сказано у Слуцкого, “широко известен в узких кругах”. Литературный бог, которому он был верен всю жизнь, наделил его вкусом, не наделив талантом, и это была его внутренняя драма, время от времени прорывавшаяся наружу истерическими протуберанцами, которые в среде близких людей, а к ним относилась и моя мама, именовались оттенизмами.

С Еленой Михайловной мать была дружна с довоенных времен или со времени Литинститута, что по времени одно и то же, а по смыслу — два разных потока жизни, и тут я упоминаю оба, потому что боюсь наврать. Достаточно сказать, что в эвакуацию мы с Микой Голышевым (как тогда звали Виктора Петровича) ехали вместе, устроенные на поезд Микиным папой — Петром Ивановичем Голышевым — каким-то большим инженерным начальником. По всему поэтому мы иногда гостили у Оттенев в Тарусе, в их прочном, просторном, на две квартиры, деревянном доме, стоящем в торце улицы и дальней от улицы стенкой обращенном к обрыву, к Оке, словом, стоящем, по тарусским меркам, хорошо. Вторая квартира принадлежала как раз Петру Ивановичу, а потом Мике. Думаю, что с Н. Я. мы там и познакомились.

Когда Оттен чем-нибудь занимался, жизнь вокруг кипела и бурлила. В то время она кипела и бурлила вокруг идеи провинциального альманаха, названного впоследствии “Тарусскими страницами”. А Оттен был членом редколлегии “Тарусских страниц”, там есть и его киноповесть, и роман Крымова, с которым он то ли дружил, то ли был хорошо знаком до гибели, до войны.

Есть среди авторов этого уникального альманаха и Н. Я., она там так и называется Надежда Яковлева — одна всего буква пропущена, — и ей принадлежат, наряду с Фридой Абрамовной Вигдоровой, несколько производственных очерков о тарусских умельцах разных жанров и профессий, очерков, что называется, “без претензий на литературность”, призванных прикрыть от зоркости цензоров основное содержание альманаха: прозу Окуджавы, Балтера, Максимова, стихи Самойлова, Слуцкого, Корнилова, Штейнберга, Заболоцкого, возвращение имени и стихов Цветаевой и т.д. То есть альманах был составлен как бы по формуле Маяковского: “сидят папаша, каждый хитр, землю попашет, попишет стихи”. Вот это “землю попашет” должны были воплощать очерки Фриды и На-

дежды Яковлевны, которые знали, что ведут разведку боем, и еще двух или трех калужских журналистов, которых, как я понимаю, использовали в этой игре втемную, истинная задача их очерков оставалась им неизвестна. А вот почему я перешел на язык ментовского романа, я сейчас объясню.

Процесс рождения “Тарусских страниц” имел фасадную и изнаночную политику: для славы города и для сердечной радости, восстанавливал шкалу литературных оценок и одновременно внушал властям надежду на выход районно-патриотического издания. Люди, делавшие альманах, так крепко были связаны друг с другом, что симпатии и антипатии имели в дальнейшей жизни составителей и редакторов очень важное значение. Именно отсюда, от этого совместного поднесения хорошей дули советской власти, шла игра — игра в секретность, игра в открытость, при невероятной увлеченности уж и не знаю чем больше: то ли будущим результатом, то ли самим процессом. Я не был тогда знаком с Николаем Панченко — калужским коренником этого проекта, но разговоры “надо Колю закрепить, надо его женить на Вареньке Шкловской” я помню. И ведь женили — именно в процессе работы над альманахом!

В черновой работе по привлечению авторов, отбору материала и скорее всего в редактировании стихотворных текстов принимала участие моя мама — Евгения Самойловна Ласкина, в то благословенное время редактор отдела поэзии журнала “Москва”. Вот наглядное свидетельство ее соучастия: письмо Юрия Казакова от 14 мая 1961 года.

“Дорогая Евгения Самойловна! Помните, Вы мне говорили о сборнике калужан? Мне очень хотелось бы в нем участвовать, и, если это дело не заглохло, пожалуйста, перешлите им этот мой новый рассказ. В нем я, как мог, изобразил свою любовь к Оке. Вы, наверное, снова сняли дачу в Тарусе? (...) Увидите К. Г. — кланяйтесь ему, спросите, почему он мне не пишет, сердится, что ли? Другим пишет, а мне — нет. Если сердится, то это очень плохо, бог с ним!”

После выхода “Тарусских страниц”, после покупки Н. Я. кооперативной квартиры, после того, как, исчерпав “безбытность” своей жизни, Надежда Яковлевна приехала в Тарусу к нам в гости, а жили мы, то есть снимали с мамой и сыном две комнаты — у той же самой тети Поли, у которой в свои годы в Тарусе проживала Н. Я. и гостевала у нас, как я помню, довольно долго, то есть десять лет спустя мать получила от Н. Я. письмо.

“...С Вами ясно и светло, Женечка (это бабушка), мне было удивительно хорошо с вами. Простите за беспокойство и хлопоты, которые я вам принесла. Поцелуйте от меня Алешу и золотого мальчика Женю (а это уже внук), — мне кажется, это будет одаренный

и хороший мальчик. Он умница, и очень очаровательный. Спасибо, друг милый. Дай вам Бог удачи и счастья. Женя уже потому будет хорошим человеком, что растет у вас, с вашим умом, тактом и душевной красотой. Целую вас крепко.

Ваша Н. Мандельштам. 30.08.1971”.

Такие сложились между ними отношения почти с самого начала, с самого знакомства, а как оно произошло — не знаю, не видел, не присутствовал. Именно эти отношения позволили матери взять на себя миссию попросить у моего отца — своего бывшего мужа, писателя Константина Симонова, — денег на кооперативную квартиру для Надежды Яковлевны и получить эти деньги. А потом, когда дом был построен и квартира получена, а у Н.Я. появилась возможность вернуть долг (после первой книжки о Мандельштаме у Надежды Яковлевны появились не рубли, нет, а чеки для “Березки”, но они были вполне вменяемой валютой), мать пошла к отцу и с этой миссией, но тут впервые получился афронт: отец, насколько мне известно, денег этих назад не взял или, по крайней мере, отказывался брать. И поскольку всё это делалось через мать, то есть тихо, без рекламы и аффектации, история эта существует в мандельштамовском информационном пространстве как легенда или как тень факта.

Там же, всё у той же тети Поли, состоялся у нас очень памятный мне разговор о воспитании. Сыну было три года, он был любознательный увалень и время от времени получал от меня родительские отповеди, правда, без рукоприкладства, насколько я помню. После одной из них присутствовавшая при этом Надежда Яковлевна отозвала меня в сторону и безо всякой нравоучительности поделилась со мной жизненным опытом.

— Алеша, — сказала Н.Я. (я воспроизвожу ее слова по памяти), — у меня никогда не было детей, но я много преподавала у школьников и студентов и знаю их довольно хорошо, думаю, что и с малыми то же самое. Вы правда думаете, что детей можно воспитывать?

Я честно застыл в недоумении, ожидая, что она сама ответит на этот вопрос. Так оно и было.

— Мой опыт подсказывает, что с детьми можно только дружить! — и пронзительный взгляд. Бабы-ягинский!

Во “Второй книге” Надежда Яковлевна излагает свои впечатления от маминих рассказов об отце, Самуиле Моисеевиче Ласкине:

“...Отец Жени, маленький, вернее мельчайший коммерсант, растил трех дочерей и торговал селедкой. Революция была для него неслыханным счастьем — евреев уравнили в правах, и он возмеч-

тал об образовании для своих умненьких девочек. Объявили НЭП, и он в него поверил. Чтобы лучше кормить дочек, он попробовал снова заняться селедочным делом и попал в лишенцы, потому что не смог уплатить налога. Вероятно, он тоже считал на счетах, как спасти семью. Сослали его в Нарым, что ли. Ни тюрьма — он попал в период, когда, «изымая ценности», начали применять «новые методы», то есть пытки без примитивного битья, — ни ссылки его не сломали. Из первой ссылки он прислал жене письмо такой душевраздирающей нежности, что мать и дочери решили никому постороннему его не показывать. Жизнь прошла в ссылках и возвращениях, потом начались несчастья с дочерьми и зятьями. Дочери жили своей жизнью, теряли мужей в ссылках и лагерях, сами погибали и воскресали. История семьи дает всю сумму советских биографий, только в центре стоит отец, который старел, но не менялся. В нем воплотилась высокая еврейская святость, таинственная духовность и доброта — все качества, которые освещали Иова. «У него хорошие руки», — сказала Женя”.

Из живущих я, пожалуй, остался единственный, кто был знаком не только с Евгенией Самуиловной Ласкиной и Надеждой Яковлевной Мандельштам, но и с Самуилом Моисеевичем, моим дедом, в этом отрывке описанным. Вот по этому отрывку позволю себе наглость высказать свою версию о художественном методе Н. Я., доминирующем в обеих ее книгах, там, где она говорит о людях и времени. Там, где о стихах, — не смею. А здесь — рискну.

Надежда Яковлевна не была человеком объективным. И не стремилась им быть. Любовь к ближнему была для нее важнее любви к истине. Пристрастность и в воспоминаниях, и в рассуждениях о добрых людях и не уступающая ей в горячности пристрастность в рассказах и репликах о людях, ей неприятных, не допущенных к ее, не такому уж обширному, запасу любви, — фундаментальная основа ее версии истории.

И я счастлив, что благодаря матери мы, всей нашей семьей, оказались под сенью доброго крыла ее натуры.

.....

РАИСА ОРЛОВА

ВЫЗВОЛЯ СЕБЯ ИЗ ПРОШЛОГО¹

.....

Памяти Карла Проффера

Под Новый, 1970 год мы привезли Надежде Яковлевне Мандельштам только что изданную книгу ее воспоминаний.

— Ну что, теперь-то меня арестуют?

— Что вы, Наденька. Вы же знаете, сколько людей уже опубликовали за границей свои книги, и авторы на свободе.

Она боялась ареста всю жизнь. С полным основанием. Ее арестовали одиннадцать лет спустя, 30 декабря 1981 года, посмертно. Увезли тело и опечатали квартиру.

До первой встречи мы со Львом Копелевым знали о Надежде Яковлевне одно: вдова сохранила стихи Мандельштама.

Познакомились мы в декабре 1961 года в Тарусе, на даче переводчицы Е. Голышевой и сценариста Н. Оттена, у них она, бездомная, тогда и жила.

Только что вышел сборник “Тарусские страницы” под редакцией К. Паустовского и Н. Оттена. Уже ходили слухи о повести “З/к Щ — 854”, имя Солженицына еще не было известным. Некоторые люди, близкие Надежде Яковлевне, прочли повесть.

Вести, которые мы тогда привезли в Тарусу, были в том же русле: на собрании в Союзе писателей был разоблачен Яков Эльсберг, доктор наук, автор литературоведческих книг о Герцене и Щедрина, оказавшийся многолетним провокатором и доносчиком. Он, в частности, был повинен в арестах Левидова, Макашина, Пинского, Штейнберга. Левидов погиб в тюрьме, Штейнберг умер, выйдя на волю. Макашин и Пинский вернулись и работали.

Мы оба верили, что в стране наступают перемены, доказательством служило и появление правдивых книг, прежде невозможное, и гласное разоблачение доносчика. Запись собрания я прочитала хозяевам дома и Надежде Мандельштам. Она слушала с живым интересом, но ее реплики были язвительно-недоверчивыми.

.....

1 Впервые: Орлова Р. Вызволя себя из прошлого // Страна и мир (Мюнхен). 1984. № 10. С. 64–71.

К сожалению, права оказалась она. Секция критики исключила Эльсберга, но Президиум СП РСФСР это исключение не утвердил.

На даче было много интереснейших книг и рукописей. Я нашла “Позднюю любовь” Заболоцкого. Надежда Яковлевна настойчиво звала нас к себе в комнату читать Мандельштама. Я осталась с Заболоцким. И потому, что, начав, не могла оторваться, и потому, что не хотела подчиняться приказу.

Хотела прийти сама. Мой путь к Мандельштаму оказался долгим.

Этого отказа Надежда Яковлевна мне долго не прощала.

Там же, где был разложен полный свод Мандельштама, в ящике стола хранилась рукопись ее мемуаров. В тарусском укрытии она вспоминала, объясняла, судила.

Вслед за Фридой Вигдоровой мы включились в хлопоты о прописке Надежды Мандельштам в Москве. Я пошла к Долматовскому, он с радостью согласился отнести прошение в Моссовет. Это было время, когда многие менялись, хотели измениться или делали вид, что изменились.

В начале 1964 года Надежда Яковлевна дала нам рукопись первой книги. Книга меня ошеломила. И страшной судьбой поэта. И рассказом о своей жизни. И тем, как написано о самом процессе поэтического творчества. И как социологическое исследование 20-х годов. Я тогда разделяла иллюзии возвращения к 20-м, “восстановления ленинских норм”. Переоценка того времени началась у меня именно с ее книги.

И как книга о любви.

В многочисленных рецензиях, в статьях, а позже и в некрологах неизменно писали о ее восприятии 20-х годов, иногда — о замечательном анализе стихов. Но мне ни разу не довелось прочесть о том, что книга Н. Я. — это книга о любви.

Написала ей об этом восторженное письмо.

Она прочитала мою статью о романе Хемингуэя “По ком звонит колокол”. Сказала, что хотела бы со мной поспорить.

— То, что вы написали, заслуживает серьезного разговора. Вы всё еще в плену революционных иллюзий — и хемингуэевских, и своих собственных. Давайте обсудим, лучше всего письменно.

Жаль, что это не осуществилось. Какие-то отголоски несостоявшегося спора возникали то и дело.

В Ленинграде:

— Надежда Яковлевна, а вы с самого начала не принимали Октябрьскую революцию?

— Нет, почему же, я вначале была очень глупой. Обстоятельства мои сложились так, что я поумнела раньше других. Учитель был выдающийся.

А идея равенства захватила меня так же, как раньше Осипа. Нам тоже было присуще традиционное для русской интеллигенции чувство вины за привилегии. Но я уже в 1919–1921 годах видела и фанатизм, и кровь, и ложь.

...Существует замечательная рукопись, самиздатский бестселлер. Надо постараться опубликовать ее, если не всю, то хотя бы часть. Про 20-е годы явно нельзя: крамола. Но про стихи-то можно. Я поговорила с одним из руководителей журнала “Вопросы литературы”.

— Ну, что ж. Сделайте выборку листа на два на тему: психология поэтического творчества. О рождении стиха, о понятии поэтического цикла, на примере цикла “Щегол”. Небольшая надежда есть, ведь наш главный тоже хочет своего “Ивана Денисовича”.

Надежда Яковлевна пришла к нам на улицу Горького, поднялась на тяжелый четвертый этаж. Просмотрела выборку, одобрила. А чай, которым я собралась ее угостить, отодвинула.

— Меня давно научил Осип: если женщина не заваривает крепкий, свежий чай, то она и любить не умеет. Так что уж постарайтесь.

Крепкий чай я заварила. А из публикации ничего не вышло. Было еще рано. Теперь, после появления мандельштамовского тома в “Библиотеке поэта”, подобные исследования иногда проходят.

Рукопись была нам вручена с обычным условием: из дому не выносить.

Ее прочли многие наши друзья, в их числе Евгения Гинзбург.

Надежда Яковлевна встретиться с ней не захотела — с “дамой, любимый поэт которой — Сельвинский”.

— Помилуйте, ведь первые же поэтические строки, процитированные в “Крутом маршруте”, — Мандельштам. А дальше Некрасов, Тютчев, Ахматова. Больше всего — Пушкин.

Но приговоры Н.Я. всегда бывали окончательными. Попались ей страницы с Сельвинским — и с этой пластинки ее не собьешь. Может, она и вовсе не читала “Крутого маршрута”, открыла, не понравилось, отбросила. Но предубеждение осталось. Так я столкнулась с ее нетерпимостью, с уверенностью, что она владеет абсолютной истиной; в конце концов это нас и развело.

В 1964 году Иосиф Бродский был в тюрьме. Преследования молодого поэта больно задевали Надежду Яковлевну. Мне ка-

залось, еще и потому, что судьба Бродского накладывалась у нее на судьбу ее Осипа. Бродскому принадлежит одна из самых восторженных рецензий на “Вторую книгу”.

Позже, в некрологе, высоко оценивая талант Надежды Мандельштам, он утверждал, что ее книги — большая русская проза, идущая за великой поэзией, подобно тому как Толстой и Достоевский шли за Пушкиным.

В следующем году был устроен вечер поэзии Мандельштама — после тридцатидвухлетнего молчания¹. Вечер состоялся в МГУ, на мехмате. Выступали И. Эренбург, Н. Чуковский, Н. Степанов, Арс. Тарковский, В. Шаламов. Два студента читали стихи Мандельштама. Тогда, в 65-м году, всё было или казалось открытием, предвестием, вызовом. Даже состав ораторов. Организатора вечера, студента В. Гефтера, прорабатывали потом в парткоме за то, что он не “уравновесил” Эренбурга Грибачевым.

Эренбург был уверен, что “через год, пусть через пять, книга Мандельштама, которую все мы ждем, выйдет”. Ждать пришлось девять лет.

Переполненные залы, где выговаривалось то, что еще не публиковалось (или вовсе осталось неопубликованным). Подхватывалось, пересказывалось, тиражировалось в списках или — позже — магнитофонами, тогдашними нашими “массмедиа”. Сколько их было, этих вечеров памяти, полуразрешенных, полузапрещенных, да и таких, для которых не испрашивали разрешения. Шла реабилитация снизу. Люди стремились восстановить справедливость — и воскресали из небытия имена Ахматовой, Цветаевой, Хлебникова, Бабеля, Платонова, Булгакова, Мейерхольда, Михоэлса, Мандельштама.

Менялись очертания нашей литературы: к ней не только “прибавлялись” Ахматова и Булгаков, но неизбежно обесценивались и исчезали другие имена. Момент был по-своему уникальным: сказанного там и тогда уже нельзя было повторить через десять лет. Больше публиковалось, смелее становился выбор тем. Но это единое дыхание зала, это возрождающееся общественное мнение — вновь было задавлено.

Арсений Тарковский говорил: “У Мандельштама никогда не будет такой эстрадной славы, как у Есенина и Маяковского, и слава богу, что не будет. Нет ничего ужаснее такой славы”. Он явно имел в виду эстрадные успехи Евтушенко и Вознесенского.

.....

Самое сильное впечатление того вечера — Варлам Шаламов. “Я написал этот рассказ двенадцать лет назад на Колыме, — сказал он. — Мы все — свидетели удивительного воскрешения. Впрочем, Мандельштам никогда не умирал. И не в том дело, что время всё ставит на свои места. Нам давно известно, что его имя — одно из первых в русской поэзии. Он оказался самым нужным, несмотря на то, что почти не пользовался станком Гутенберга”.

Шаламов читал “Шерри-бренди”, рассказ о поэте, который умирает на лагерных нарах. Перифраза гибели Мандельштама. Многие знали о долголетних страданиях самого Шаламова — и не в первом, а в девятом кругу Архипелага ГУЛАГ. Видели изможденного человека, конвульсивно двигавшиеся руки, глубоко запавшие глаза. Образ погибшего невольно соединялся в нашем восприятии с образом читающего. Шаламов чудом остался в живых и сейчас передает нам страшную повесть.

Я сидела рядом с Надеждой Яковлевной, записывала, стараясь не пропустить ни слова. Запись эта позже распространялась в самиздате.

Время от времени Н. Я. вписывала ко мне в тетрадку свои впечатления, давала оценки: “Степанов — это совсем другая культура”, “чудный мальчик!” (о студенте В. Борисове).

Исправляла ораторов: “Неправильно датирует”. “Не Дом ученых, а Дом искусств”. “Никакой Невы в окне не было”.

Особенно язвительны были ее замечания по ходу речи Ник. Чуковского: “Ритма не чувствует — ошибки в чтении”, “про Пушкина — пошлость и чепуха”.

Строго требовала от меня: “Не исправляйте его «по дружбе»: глупые мемуары выдают себя ошибками”.

Эренбург говорил: “В литературной судьбе Мандельштама огромная роль принадлежит Надежде Яковлевне. Она не только хранительница наследия, она — самостоятельная и яркая фигура нашей литературной жизни”. Ей громко аплодирует весь зал. Н. Я. встает.

К этому времени у нее были опубликованы под псевдонимом два посредственных очерка в альманахе “Тарусские страницы”. Так что Эренбург мог иметь в виду только книгу ее воспоминаний.

1967 год. Еду к Надежде Яковлевне. Впервые встречаю у нее Н. Харджиева. Слышу уже прочитанную мною в рукописи историю о том, как она добрела к нему в 38-м году, обезумевшая от горя: у нее не приняли посылку “за смертью адресата”.

— Он меня уложил на диван, укрыл одеялом, дал сосиску... Лучше Николая Ивановича никто не знает истории русской поэзии XX века.

Несколько месяцев спустя она сказала мне:

— Я поссорилась с Харджиевым, последним человеком, с которым я была на “ты”. Но решила не скандалить: слишком много ссор среди своих.

Однако она изменила этому благородному и благоразумному решению: написала во “Второй книге”, в главе о “редакторской лжи”: “Харджиев... мне живой приписывает в комментариях, что ему вздумается, а мертвому Мандельштаму — и подавно”.

О чем говорил в тот вечер 67-го года Харджиев, я не запомнила, но хорошо помню ее восхищенную благодарность, которая передалась и мне. Потом пришел брат Осипа Эмильевича. (“Тридцать лет не был”, — шепнула хозяйка.)

— Надя, я прочитал стенограмму вечера, это поразительно.

После ухода Евгения¹ Эмильевича Н. Я. и Харджиев заговорили об Ольге Ваксель. Недолгое, но бурное увлечение Мандельштама. Ей посвящено несколько стихотворений (в их числе “Возможна ли женщине мертвой хвала?”)

Ваксель покончила с собой в Осло в 1932 году. Слушая этот разговор, я поражаюсь терпимости Надежды Яковлевны, ведь она говорила о сопернице, пусть и давней.

— Сейчас я понимаю Осипа, Ольга была красавица, а я — обезьяна.

— Наденька, ты была не обезьяной, а обезьянкой, чувствуешь разницу? — галантно поправляет Николай Иванович.

Она увела меня в комнату. (Разговоры почти всегда происходили на кухне. В комнате я сидела, кажется, один раз, во время ее болезни.)

— Вы знаете, что такое “любовь втроем”?

В альманахе “Часть речи” (1981 г.) я прочла отрывки из дневника Ольги Ваксель (“Она диктовала сыну свои эротические дневники”, — говорила Н. Я.). Женщина, которой был неприятен влюбленный в нее Мандельштам.

Читая, я думала, как это должно было уязвить Надежду Яковлевну, и вспоминала тот вечер.

Она редко бывала милостива к соперницам. Стихи, посвященные Лиле Поповой — жене Владимира Яхонтова (их отыскала Виктория Швейцер), запретила публиковать. Они всё же появились, против ее воли.

Похоже, что добродушие вообще было не в ее характере. За дружеским столом Константин Богатырев, ревнитель поэтиче-

.....

1

В оригинале ошибочно: Александра.

ского слова, яростно обличает переводы (действительно халтурные) одного из общих знакомых.

Надежда Яковлевна:

— Костя, ну зачем столько страсти? Все халтурят, *NN* не из худших. И вообще, какая разница, как переведено? Образованные люди должны читать подлинники, а на хамье мне наплевать...

Почти никто ее не поддержал. Большинство — на стороне Богатырева.

В другой раз там же. Одному из особо непримиримых обличителей некоего скомпрометировавшего себя физика, красному от злости, Надежда Яковлевна роняет небрежно:

— Владимир Ильич, успокойтесь...

Дискуссия разряжается смехом. Она этого “Владимира Ильича” и уважает, и любит. Но красное словцо ей дороже всего.

...Вскоре после публикации “Воспоминаний” Н.Я. собралась за границу.

Приглашали друзья из Франции, из Швейцарии, из Америки. Снова спор: ехать, не ехать. “Поставлю раскладушку посреди Парижа, больше мне ничего не надо”. Подала заявление.

Раздумала так же внезапно, как собралась. Непонятно, почему. Кто-то из ее приятелей ходил в ОВИР забирать обратно документы.

...Апрельский вечер 1969 года. На кухне много народу. Мы приходим поздно. В дальнем углу — рыжая красавица, с нею высокий, тоже красивый человек. Слабый акцент, нам сначала показалось — латыши. Представляются: Эллендеа и Карл Профферы, американские слависты.

Надежда Яковлевна ласково называла их “карлики”, любила их, они отвечали ей нежной взаимностью.

Профферы основали издательство “Ардис” — первой книгой был репринт сборника Мандельштама “Камень”.

Провинциальный городок Энн Арбор стал одной из столиц русской литературы. Под знаком “Ардиса” — изящной старинной каретой с кучером на облучке — объединились классика и современность. Именно “Ардис”, его издания, живая связь его создателей с авторами стали неопровержимым свидетельством единства современной русской литературы “там” и “здесь” — в Москве и Париже, Ленинграде и Нью-Йорке.

От того апрельского вечера, от той кухни в Черемушках, которую потом опечатали под Новый, 1981 год, долгий, быть может, неизбежный путь привел меня на Запад, в немецкий город, где я снова обращаюсь к прошлому.

В 1975 году едем к ней вместе с Генрихом Бёллем. Он прочел ее книгу, говорит по дороге: “Великая женщина. Что можно для нее сделать?”

Бёлль спросил у Надежды Яковлевны:

— Вы можете себе представить другую жизнь? Я часто думаю о том, что было бы, если бы я родился в России, в Китае...

— Я не хотела бы родиться в России.

Мы, не сговариваясь: “Не кокетничайте!”

Разговор идет о молодежи. О будущем — с горечью. Пьем чай. Она лежит, у нее тяжелая одышка.

После нашего ухода она сказала приятельнице: “Вот, есть еще писатели, которые испытывают чувство ответственности за нашу страну. А какое у Бёлля доброе лицо...”

Люди вокруг нее постоянно менялись. Художники, физики, философы, священники, писатели. Салон-кухня для элитарной публики, где изрекались приговоры, не подлежащие обжалованию. “Шаламов — лучший прозаик XX века”. “Вейсберг — лучший художник в нашей стране”. Со временем приговоры менялись, но их железная категоричность сохранялась.

Связи с людьми у нее возникали сравнительно легко, еще легче рвались. Уже на моих глазах она поссорилась или раздружилась с Ивичами (Игнатий Игнатьевич был одним из тех людей, кто сохранил стихи Мандельштама), с Харджиевым, с Шаламовым, с Эммой Герштейн, с Оттенами (у которых, как я уже упоминала, она жила), охладела к Борису Биргеру.

Думаю, что, кроме всего прочего, ей не хотелось видеть тех, кто знал ее во времена бедности, унижений, да и тех, кто знал ее обыкновенной советской служащей, которая ходила на собрания, подписывалась на заем, голосовала “за”.

Но как могла она — работник советских вузов в Ташкенте, в Чите, в Ульяновске, в Пскове — вести себя иначе, живя в постоянном страхе и сознавая, что ее долг, ее миссия — сохранить стихи, сбросить память о времени.

После огромного успеха первой книги она начала творить о себе миф.

Люди, знавшие ее прежде, мешали. Она вызволяла себя из прошлого и переделывала прошлое.

Но это лишь одна сторона ее жизни и характера, постижимая разумом.

А было в ней и много иррационального. Надежда Мандельштам часто и охотно делала подарки, с легкостью раздавала деньги, всячески помогала людям. При этом, однако, могла быть несправедливой, резкой, злоязычной.

Это неотъемлемые черты ее натуры — как и неотъемлемые свойства созданных ею книг.

Думаю, что вторая книга неизмеримо хуже первой. Но обе написаны одним и тем же пером.

Оценки Надежды Мандельштам более чем субъективны. Ильф и Петров — дикари, утверждала она (об этом мы спорили с ней еще в 1964 году). Но видеть в Лоханкине карикатуру на интеллигента, тем более интеллигента, напоминающего Мандельштама, — так же несправедливо (и характерно именно для советского литературоведения), как, прочитав о плохом милиционере, обидеться за всех милиционеров.

Илья Ильф и Евгений Петров, не совершившие в своей жизни ни одного недостойного поступка, ею безоговорочно осуждены. А Шкловский и Эренбург остались для нее безусловно положительными героями.

“Вторая книга” оттолкнула многих своей очевидной неправдой о людях. О Марии Петровых, об Эмме Герштейн, да и о менее известных. Но ответить автору в наших обстоятельствах никто не имел возможности.

Вся картина нашей жизни во многом оказалась искаженной.

Выяснять отношения не хотелось. Мы перестали бывать у Н. Я.

В последний раз я видела ее на приеме у американского атташе во время международной книжной выставки 1977 года. Похудевшую, подряхлевшую, только глаза упрямо не хотели стареть.

Стало больно. Да, видеться с ней было трудно, для меня и вовсе невозможно. Но сколько же она вынесла! Когда Осип Эмильевич в припадке безумия выбросился из окна больницы в Чердыни или когда он, голодный, затравленный, в Воронеже радовался даже отказам, получаемым из редакций: всё лучше, чем молчание. Или в тот страшный день, когда вернули посылку.

На портрете Бориса Биргера она — как и в жизни — вырывается из тьмы.

Пятно света, нечто слитное; медленно, пристально вглядываясь, начинаешь различать отдельные черты. Она медленно выступает из собственного портрета — словно выходит из прошлого.

Должно быть, прежде губ уже родился шопот

И в бездревесности кружились листья.

И те, кому мы посвящаем опыт,

До опыта приобрели черты.

Великие стихи посвящены этой женщине. Мне казалось, что портрет — двойной. Где-то над ней, около нее — и сам Осип Мандельштам.

Художник уловил ее духовный облик: смесь гордыни и при-
ниженности, высокомерия и ущемленности. Она этот портрет не лю-
била, — должно быть, еще и потому, что изображена некрасивой,
а в ней бушевала женщина.

Глядя на портрет, я вспоминаю ту, кого любил Мандель-
штам, ту, с кем дружила Ахматова. Женщину умную, злую, талант-
ливую.

1981–1984

.....

ДМИТРИЙ НЕЧИПОРУК

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ В ПСКОВЕ¹

.....

Псковский период жизни Н. Я. Мандельштам уже являлся
предметом внимания исследователей². В ряде работ, посвящен-
ных истории вуза и факультета иностранных языков, вкратце упо-
минается о ее преподавательской деятельности³. Софья Менделев-
на Глускина и Лариса Яковлевна Костючук, ее ближайшие подруги
и коллеги по историко-филологическому факультету, оставили вос-
поминания о ней и ее жизни в Пскове⁴. Кроме того, Л. Я. Костючук
опубликовала документы из архива Псковского педагогического
института, касающиеся приема на работу и увольнения Н. Я. Ман-
дельштам⁵.

.....

- 1 Автор выражает сердечную благодарность всем, кто помогал в процессе подготовки публикации. Прежде всего это помощь главного хранителя Музея Анны Ахматовой в Фонтанном доме (МАО) И. Г. Ивановой и археографа I категории отдела информации, публикации и научного использования документов Е. Л. Ивановой из Государственного архива Псковской области (ГАПО). Также автор благодарит за комментарии и советы П. Нерлера и Л. Я. Костючук.
- 2 С осени 1962-го по лето 1964 г., то есть два учебных года.
- 3 Мацевич С. Ф., Шаворова Н. М., Павлова Л. С., Куприна Т. В., Чернобай Л. И. Факультет иностранных языков // Псковский педагогический институт. Псков, 1999. С. 179–180; Костючук Л. Я. Мандельштам Надежда Яковлевна // Псковский биографический словарь. Псков, 2002. С. 295; Филимонов А. В. От учительской семинарии до педагогического университета // Вестник Псковского государственного педагогического университета. 2007. № 1. С. 11.
- 4 Глускина С. М. О пережитом и памятном (записала Л. Я. Костючук) // Псковский педагогический институт. Псков, 1992. С. 176–180; Глускина С. Вдова поэта // Пульс. 1998. 4 июня. С. 13; Лариса Яковлевна Костючук // *Осип и Надежда*. С. 400–407.
- 5 *Осип и Надежда*. С. 408–418.

В своей попытке дать обобщенный очерк педагогической деятельности Н. Я. в Пскове мы будем опираться как на уже опубликованные документы, так и неопубликованные источники, хранящиеся в ГАПО¹. Обнаруженная нами учебно-деловая документация, связанная с научно-педагогической деятельностью Н. Я., позволяет изучить повседневную обстановку, в которой ей приходилось работать, а также лучше понять содержание ее писем из Пскова, в которых она описывает реалии местной жизни.

Часть документов позволяет выяснить, что не делала или чем не занималась Н. Я. Мандельштам, работая преподавателем педвуза. Особенно показательны в этом отношении планы научно-исследовательской работы кафедры иностранных языков, согласно которым Мандельштам должна была написать научные статьи по проблемам глагольного управления в индоевропейских языках, но так этого и не сделала². Изучение кафедральной документации позволяет сделать вывод о том, как мало заботил Н. Я. Мандельштам бюрократический аспект работы в вузе (не предоставила отчета о работе, не оформила в письменном виде доклад и т.д.)³. На фоне важных для Н. Я. Мандельштам событий, судьба которых решалась в Москве — выход книги стихов поэта и вопрос о столичной прописке, — служебная рутинка, кажется, мало интересовала ее⁴. Неудивительно, что как в первый, так и во второй год преподавания Н. Я. Мандельштам неоднократно в письмах выражала намерение оставить работу, чтобы вернуться в Тарусу или — если получится — добиться прописки в Москве⁵.

Окружение Н. Я. Мандельштам: псковские друзья и столичные гости . . . . .

Помимо преподавания много сил у Н. Я. отнимали “Воспоминания”, о работе над которыми знали только самые близкие знакомые. По мнению П. Нерлера, в Пскове Мандельштам продолжила работу над мемуарами, начатую в 1958 году в Тарусе, и закончила ее осенью 1964 года, уже после увольнения из пединститута⁶.

.....

- 1   ГАПО. Ф. Р — 734. Оп. 2. Д. 296, 298, 323, 329, 346.
- 2   ГАПО. Ф. Р — 734. Оп. 2. Д. 296. Л. 2; Д. 346. Л. 25.
- 3   Там же. Д. 346. Л. 73; Д. 298. Л. 18.
- 4   См., например, письмо Н. Я. к Н. Е. Штемпель от 20 февраля 1964 г.: “Мне странно, что я в Пскове. Это просто непонятно, зачем это. В Москве у меня миллион дел, связанных с Осей, а здесь я как бы на покое. Глупо. Хотя бы вышла книга...” См.: *Об Ахматовой*. С. 322.
- 5   См. письма к Н. Е. Штемпель от 30 марта 1963 г. и к А. А. Ахматовой от 12 апреля 1964 г. // Там же. С. 252, 321).
- 6   *Об Ахматовой*. С. 7–9.

Как и в Ульяновске¹, в Пскове у Н.Я. Мандельштам сложился свой круг знакомых. Благодаря С.М. Глускиной она познакомилась с преподавателями историко-филологического факультета, которые стали ее близкими друзьями. Это будущие доктора филологических наук Л.Я. Костючук и Вера Николаевна Голицына. Последней Н.Я. подарила рукопись воспоминаний Ахматовой о Мандельштаме².

Еще одним другом с филологического факультета был известный псковский литературовед Евгений Александрович Маймин (1921–1997), а также его жена Татьяна Степановна Фисенко, работавшая вместе с Н.Я. на кафедре иностранных языков в 1962/63 уч. году³. Кроме того, Мандельштам тесно общалась с Металлиной (Линой) Георгиевной Дюковой, преподавательницей кафедры марксизма-ленинизма и заведующей библиотекой Псковского пединститута Ларисой Михайловной Курбатовой⁴. В переписке с С.М. Глускиной в 1964–1969 годах Н.Я. Мандельштам чаще всего вспоминает о Майминых и Дюковой, а также о Ларисе (Л.Я. Костючук)⁵: “Кланяйтесь Майминым, Ларисе, Лине-философке”, “Передайте от меня самый жаркий привет Майминым и Лине. От Пскова у меня осталась дружба с прекрасными людьми” или “Привет моим псковским друзьям — Лине, и Майминым, и Ларисе. Скажите, что бы написали”⁶.

Это цитаты из писем, написанных после отъезда из Пскова. Живя в Пскове, она тоже просила своих друзей писать, но не на

.....

- 1 Прежде всего это востоковед И.Д. Амусин, филолог Н. А Кривошеина, биолог А.А. Любичев (см. о них наст. издание, с. 178, 378, 577, а также: Кривошеина Н. Неожиданные встречи в Ульяновске (о А.А. Любичеве и Н.Я. Мандельштам) // Звезда. 1999. №10. С. 117–123).
- 2 Псковская провинция. 2011. 7 декабря. С. 23.
- 3 Кафедра иностранных языков была образована в 1934 г., но в 1955 г. упразднена, а все ее курсы переданы на кафедру русского языка. В 1961 г. кафедра была учреждена вновь как межфакультетское структурное подразделение института. Ее заведующей стала Н.П. Фомина. После создания факультета иностранных языков в 1963 г. кафедру возглавила В.М. Ястребова, а Н.П. Фомина возглавила кафедру немецкого и французского языков. Т.С. Фисенко осталась работать на межфакультетской кафедре, а Н.Я. перешла на кафедру английского языка (Храпченкова И.И. Кафедра иностранных языков // Псковский педагогический институт. Псков, 1999. С. 244–245); Приказ №98 (*Оcup и Надежда*. С. 414–415); о Т.С. Фисенко см. наст. издание, с. 316, а также: ГАПО. Ф. Р — 734. Оп. 2. Д. 329. Л. 19.
- 4 Куранда Е. “...К более или менее далекому неизвестному адресату...” (Находка между страниц Философской энциклопедии) // Сохрани мою речь. Вып. 4/2. М.: РГУ, 2008. С. 78о.
- 5 Кроме того, однажды явно упомянута Л.М. Курбатова — в письме к С.М. Глускиной от 9 июля 1964 г. — в связи с получением прописки в Москве: “И Ларисе Михайловне «сообщите» про прописку — она всегда спрашивала...” См.: МАА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 14.
- 6 Письма Н.Я. к С.М. Глускиной от 25 апреля 1966 г., 11 апреля и 22 октября 1969 г. // Там же. Л. 55, 77 и 78.

конкретный адрес, а до востребования на псковский главпочтамт, поскольку жила на птичьих правах в центре города, снимая комнату в старинном доме на Октябрьском проспекте, который располагался недалеко от пединститута¹. Постоянное жилье пединститут не предоставил, поэтому Н.Я. Мандельштам сменила несколько мест, проживая то у Майминых, то скитаясь по местным “диким наемным комнатам”². Большую поддержку оказывала С. М. Глукина, которая жила в преподавательском общежитии на улице Карла Либкнехта³. У нее можно было найти приют в случае внезапного приезда гостей⁴. Именно в Пскове, еще до московского “салона” на Большой Черемушкинской, начинается активное посещение Н.Я. Мандельштам ее столичными друзьями, открывшими для себя в те годы поэзию О.Э. Мандельштама. Посещали Н.Я. Мандельштам в Пскове филолог Вячеслав Иванов, переводчики Ника Глен, Юлия Живова, Симон Маркиш, Виктор Хинкис, поэты Иосиф Бродский, Анатолий Найман, Наталья Горбаневская, Дмитрий Бобышев⁵. Поскольку Мандельштам подозревала своих соседей в слежке, она не любила внезапных визитов, которые заставляли ее врасплох. Например, Горбаневская так и не смогла толком повидаться с ней в Пскове:

“В Псков я ехала с замыслом — повидать Надежду Яковлевну Мандельштам, с которой уже была знакома. Это был очень неудачный визит, потому что я Надежду Яковлевну не предупредила, что приезжаю. Она жила у женщины, которая, по подозрению Надежды Яковлевны, на нее стучала. Увидев меня, Надежда Яковлевна сказала: «Вы с ума сошли. Разве так можно?» В общем, она куда-то на ночь меня пристроила, а утром я уехала, с ней не пообщавшись”⁶.

Иначе Мандельштам поступила, когда в Псков приехала ее близкая подруга, занимавшаяся активной общественной рабо-

.....

1 *Осип и Надежда*. С. 405–406. Про просьбы писать на псковский главпочтамт см. также в письмах Н.Я. Мандельштам А.В. Македонову от 3 октября 1962 г. (М.А.А. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 24) и Н.Е. Штемпель от 9 декабря 1962 г. (*Об Ахматовой*. С. 317).

2 *Собр. соч.* Т. 2. С. 858.

3 Ул. К. Либкнехта, 6, кв. 6. В 2009 г. переименована в улицу Воеводы Шуйского. Позднее С.М. Глукина переехала в однокомнатную квартиру по адресу: ул. Народная, 12, кв. 156.

4 “Софья Менделевна! Эта девочка — Наташа Горбаневская — все-таки нашла меня. Что с ней делать? Может, можно на одну ночь поместить ее у вас на кухне” (Из письма Н.Я. Мандельштам С.М. Глускиной, «1963» — М.А.А. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 5).

5 Д.В. Бобышев кратко упоминает в своих мемуарах о встрече с Н.Я. Мандельштам в Пскове у о. Сергия Желудкова (Бобышев Д. Человекотекст. Из книги мемуаров // *Новый журнал*. 2007. № 249. С. 107).

6 Горбаневская Н. “Будущее России зависит от нас самих” // *Псковская губерния*. 2013. 18–24 сентября. С. 2.

той как журналистка центральных газет (“Известия”) и депутат одного из московских райсоветов Фрида Абрамовна Вигдорова. Как вспоминает Л. Я. Костючук, она не только познакомила Вигдорову с близкими друзьями, но и организовала для нее встречу со студентами пединститута и ректором вуза И. В. Ковалевым, о котором затем Вигдорова одобрительно отозвалась в “Известиях”, чтобы прервать интриги против энергичного ректора¹.

Л. Я. Костючук ошибается, когда пишет о встрече А. И. Солженицына с Н. Я. Мандельштам в Пскове. Это легко проверяется по письмам Мандельштам к С. М. Глускиной. На самом деле встреча состоялась в декабре 1964 года. А 9 июля 1964 года Мандельштам в письме к псковской подруге сожалела, что не застала писателя в Пскове: “Жаль мне, что пропустила Солженицына. Есть о чем поговорить”².

Помимо друзей из пединститута Н. Я. Мандельштам вела дружбу с православным священником и неортодоксальным христианским мыслителем Сергеем Алексеевичем Желудковым, проживавшим в Пскове. На протяжении 1960-х и 1970-х гг. мировоззрение Н. Я. Мандельштам динамично менялось под влиянием православия, что в итоге отразилось на содержании “Второй книги”. О религиозной жизни Н. Я. в Пскове известно мало³, особенно по сравнению с теми свидетельствами, которыми мы располагаем о ее общении в 1970-е годы с отцом Александром Менем.

“Когда будет наконец оттепель?”: десталинизация советского общества глазами Н. Я. Мандельштам . . . . .

Пребывание Н. Я. Мандельштам в Пскове пришлось на непростое время, когда первый секретарь ЦК КПСС Н. С. Хрущев, с одной стороны, проводил политику десталинизации, а с другой — обрушивался с эмоциональной критикой на новые явления в советском искусстве, порожденные, в свою очередь, некоторым ослаблением контроля над творчеством художников. Начало 1960-х годов было переходным периодом в культурной жизни СССР, когда ни “либеральные”, ни “консервативные” ценности не были четко выявлены и определены, чтобы можно было ясно понять, какой ли-

. . . . .

1 *Осип и Надежда. С. 404.*

2 Письма к С. М. Глускиной от 21 декабря и 9 июля 1964 г. // МАА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 29 и 14. См. также интервью Л. Я. Костючук “Надежда — наш компас земной” // Псковская правда. Вече. 2007. 1 марта. № 39–40. С. 16.

3 Д. В. Бобышев вспоминает о встрече с Н. Я. в доме у о. Сергея Желудкова в один из ее визитов в Псков. С. Желудков проживал в Пскове в районе Любятово по адресу ул. Псковская, 6 (сообщено П. Нерлером).

нии придерживается власть¹. Между тем Н. Я. Мандельштам нужно было разобраться, какая точка зрения берет верх, так как от этого зависело, что делать дальше для получения в Союзе писателей разрешения на публикацию стихов мужа².

Поэтому она внимательно следила за борьбой сталинистов и антисталинистов. Напряженно, но не без иронии, она воспринимала перипетии этого противостояния. Ее оценка определялась тем, как противоречивые установки сверху повлияют на ее личные усилия по изданию стихов мужа: «Сейчас мне все пишут про всякие бурления и волнения. Интересно, как отразится всё это на издании Оси. Кто он — абстракционист или борец против культа личности? Есть обе тенденции»³.

Сама Н. Я. Мандельштам как преподаватель провинциального вуза не собиралась бороться с «абстракционизмом», а также брать на себя обязательства по общественно-политической деятельности на историко-филологическом факультете. Когда декан факультета С. И. Колотилова предложила Н. Я. прочитать лекцию об искусстве, где требовалось осудить знаменитую выставку художников-авангардистов студии «Новая реальность» в Манеже⁴, она отказалась: «Ничего не получится: Фальк — мой любимый художник»⁵.

В начале первого учебного года благодаря С. М. Глускиной Н. Я. Мандельштам удалось избежать кураторства над студенческой группой. Это бремя, подразумевавшее обязательное участие в комсомольских собраниях, демонстрациях, субботниках и других политических мероприятиях, контролируемых местными партийными органами, взяла на себя Л. Я. Костючук⁶.

Впоследствии в своих мемуарах Н. Я. Мандельштам изобразила Псков как оплот сталинизма, место, где люди боятся новых веяний и не хотят перемен: «Мои псковские сталинисты упорно твердили, что до войны нужды не знали — только сейчас, мол, с ней познакомились... Они пьют за Сталина и утверждают, что раньше, в его, сталинское, время, у них всё было, а теперь одни недостатки...»⁷

.....

1 См.: Jones P. The Personal and the Political: Opposition to the “Thaw” and the Politics of Literary Identity in the 1950s and 1960s // Kozlov D., Gillburd E. (eds.) *The Thaw: Soviet Society and Culture during the 1950s and 1960s*. Toronto: University of Toronto Press, 2013.

2 См. наст. издание, с. 195–196.

3 Письмо к Н. Е. Штемпель от 16 января 1963 г. // *Об Ахматовой*. С. 319.

4 Имеется в виду посещение Н. С. Хрущевым 1 декабря 1962 г. выставки в Манеже, посвященной 30-летию МОСХа.

5 *Оси и Надежда*. С. 404–405.

6 Там же.

7 *Собр. соч.* Т. 1. С. 437, 344.

Понимая, что в любой момент политическая конъюнктура, благоприятствовавшая "преодолению культа личности", может кардинально поменяться, она внимательно следила в Пскове за литературными новинками. В псковских письмах она упоминает "Один день Ивана Денисовича" Солженицына, "Хочу быть честным" Войновича, "Стихотворения и поэмы" Пастернака, альманах "День поэзии 1962" и многое другое¹. Эти публикации ей кажутся временным послаблением: она не обнаружила "никакого интереса" к повести Солженицына в Пскове ("*Заговорили 2–3 человека*"), а рассказ В. Н. Войновича она посчитала последним проявлением "оттепели"². Кроме того, на псковский период приходится начало конфликта с редактором сборника стихов О. Э. Мандельштама, давним другом Н. Я. Мандельштам, Николаем Ивановичем Харджиевым, а также суд над Бродским³.

Однако к работе все эти перипетии личной жизни прямого отношения не имели. Работалось Н. Я. Мандельштам в пединституте в целом легко, и даже когда она уже точно решила не оставаться на третий учебный год, ей было "*чуть жаль*" расставаться с Псковом.

"Почему Псков?"⁴ .....

Исследователи мало обращали внимание на внешние обстоятельства, способствовавшие получению Н. Я. Мандельштам ставки старшего преподавателя на историко-филологическом факультете ПГПИ. После выхода Н. Я. Мандельштам на пенсию в 1958 году очень быстро выяснилось, что прожить на нее сложно. Однако налаживать новую жизнь в чужом провинциальном городе Н. Я. Мандельштам уже не хотела. А вот устроиться в вуз вновь через надежных знакомых она была не против. Летом 1962 года в Тарусе близкий знакомый по Ульяновскому пединституту востоковед И. Д. Амусин познакомил ее со своей свояченицей — С. М. Глускиной, кандидатом филологических наук из Псковского педагогического, которая всё и устроила⁵.

Приглашение в Псковский пединститут стало возможным благодаря новой политике советского правительства по развитию

.....

1 См. письма Н. Я. Мандельштам к Н. Е. Штемпель // *Об Ахматовой*. С. 317–321.
 2 Письма Н. Я. Мандельштам Д. Е. Максимова от 27 ноября 1962 г. (*Письма Максимова*, С. 293) и Н. Е. Штемпель от 22 марта 1963 г. (*Об Ахматовой*. С. 321). Рассказ тогда еще советского писателя В. Н. Войновича был опубликован в журнале "Новый мир" (1963, № 2).
 3 Подробнее см.: *Об Ахматовой*. С. 49, 323.
 4 Письмо Н. Я. Мандельштам А. А. Ахматовой, осень 1963 г. // Там же. С. 244.
 5 Глускина С. М. О пережитом и памятном. С. 179.

преподавания иностранных языков в средних школах и вузах СССР. В мае 1961 года вышло постановление Совета Министров СССР №468 “Об улучшении изучения иностранных языков”, которое было спущено заведующим кафедр иностранных языков как руководство к действию. В свою очередь 12 июля 1961 г. Министерство просвещения РСФСР обязало ректоров педагогических институтов ввести с 1961/62 учебного года “240 часов обязательных занятий по иностранным языкам на всех факультетах, где иностранный язык не является специальностью студентов”. Наконец, Псковский пединститут в 1962 году увеличил прием студентов, в связи с чем активно набирал в штат новых преподавателей¹.

Поскольку Н.Я. Мандельштам имела степень кандидата филологических наук, ее приглашение могло помочь на базе межфакультетской кафедры иностранных языков создать факультет иностранных языков и отдельную кафедру английского языка. Для этого требовался второй кандидат филологических наук². Получилось, что обе стороны — пединститут и Мандельштам были заинтересованы друг в друге. Ключевую роль сыграло согласие ректора Псковского пединститута И.В. Ковалева зачислить Н.Я. в штат кафедры иностранных языков³.

Уже приступив к преподаванию, Н.Я. в письме к воронежской подруге Н.Е. Штемпель глухо, без особых подробностей, сослалась на эти обстоятельства, способствовавшие получению новой работы в Пскове: “Эх, Наташенька, если б вы вовремя писали, может, я была бы не в Пскове, а в Воронеже: в этом году был большой набор на наши кафедры. Впрочем, в Пскове на русской кафедре в институте у меня была знакомая — поэтому всё так свершилось”⁴.

“Работать трудно — очень плохая группа”⁵ .....

Это еще одна цитата — из другого псковского письма Н.Я. к Н.Е. Штемпель. Она не совсем типична, так как чаще в своих письмах Мандельштам отзывалась о своей работе как о хорошо знако-

.....

- 1 ГАПО. Ф. Р — 734. Оп. 2. Д. 277. Л. 10, 16.
- 2 На созданной в 1963 г. кафедре английского языка первоначально работали два кандидата филологических наук — И. М. Оницанская (Деева) и Н.Я. Глускина С. Вдова поэта; О И.В. Ковалева см.: Псковский биографический словарь. С. 231–232.
- 3 Письмо Н.Я. Мандельштам к Н.Е. Штемпель от 16 октября 1962 г. // *Об Ахматовой*. С. 316.
- 4 Письмо Н.Я. Мандельштам к Н.Е. Штемпель от 21 декабря 1962 г. // Там же. С. 318. См. также ее письмо к А.В. Македонову от 6 января 1964 г.: “Английский язык, а они и по-русски говорят слабовато. Мыслей выражать не умеют. Да и мысли еще еле шелятся” (М.А. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5).

мом ремесле, которое позволяет сносно существовать: “А сам город очень хорош, работа легкая, хотя я и устаю, и приятно иметь деньги”¹. Примерно в таком же тоне она писала Е. М. Аренс о преподавании в пединституте и под конец своего пребывания в Пскове: “Здесь мне сейчас очень трудно: устала, хочу на волю. Больше не вернусь. Внешняя обстановка вполне сносная — можно было бы продолжать работать. Но дело во мне”². Мандельштам даже слегка жалела об оставленном Пскове³, но в Москве ее ждали нерешенные дела, и она вновь поселилась в Тарусе до разрешения вопроса о получении столичной квартиры.

Преподавание, хотя и было для Н. Я. Мандельштам хорошо знакомым делом, время от времени доставляло и неудобства. В первый год она действительно работала с очень слабой группой студентов-первокурсников, что нашло отражение в отчете кафедры иностранных языков⁴. На второй учебный год (1963/64 уч. год) она перешла работать на новый факультет иностранных языков в качестве и. о. доцента кафедры английского языка. Там декан факультета Петр Иванович Иванов обвинял Н. Я. Мандельштам в “либерализме” и снижении требований к учащимся 3-й группы III курса⁵.

Работая на полную ставку — нагрузка Н. Я. составляла 801 час, — она руководила тринадцатью курсовыми работами по фонетике и научным кружком, где студенты изучали лексико-грамматические темы⁶. Занятия наукой — так, как это было организовано в пединституте, — ее интересовали мало. В качестве кандидата наук Н. Я. Мандельштам вошла в состав редакционной коллегии сборника работ кафедры иностранных языков “Вопросы английской и немецкой филологии”. Но ее работ ни в этом, ни в другом сборнике статей за 1963 год “Филология и психология” нет⁷.

.....

- 1 Письмо Н. Я. Мандельштам к Д. Е. Максимова от 22 ноября 1962 г. // *Письма Максимова*. С. 292.
- 2 Письмо Н. Я. Мандельштам к Е. М. Аренс от 14 апреля 1964 г. // *Осип и Надежда*. С. 418.
- 3 Письмо Н. Я. Мандельштам к Л. Я. Гинзбург от 2 июля 1964 г. // *Звезда*. 1998. № 10. С. 142.
- 4 ГАПО. Ф. Р — 734. Оп. 2. Д. 298. Л. 7.
- 5 Там же. Д. 323. Л. 49. О непростых отношениях П. И. Иванова и Н. Я. Мандельштам свидетельствует Л. Я. Костючук. См.: *Осип и Надежда*. С. 406. Также сама Н. Я. Мандельштам сообщала ленинградскому филологу Н. Я. Берковскому о конфликте с деканом по вопросу о согласовании учебного расписания (Сохрани мою речь. Вып. 4/1. М.: РГУ, 2008. С. 252). Про дальнейшую судьбу 3-й группы Н. Я. Мандельштам спрашивала у С. М. Плускиной в письме от 23 сентября 1964 г.: “Я вдруг вспомнила, что у меня когда-то была «моя группа». Как она? Если ее ругают, не верьте. Она не хуже других, хотя те «хваляли»...” См.: МАА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 22.
- 6 ГАПО. Ф. Р — 734. Оп. 2. Д. 323. Л. 64.
- 7 Вопросы английской и немецкой филологии. Ученые записки. Вып. 13 / Ред. коллегия: Фомина Н. П. (отв. ред.), Оницканская И. М., Мандельштам Н. Я. Псков, 1963; Филология и психология: Сб. ст. / Ред. коллегия: Фомина Н. П. (отв. ред.) и др. Псков, 1963.

Она так и не закончила статью по глагольным управлениям в индоевропейских языках и лишь формально участвовала в VIII научной конференции пединститута в апреле 1964 года, на которой выступила с докладом “Управление германского глагола”¹. В письме к С. М. Глускиной она с едкой иронией писала о предстоящем участии в общекафедральной секции: “Меня поставили делать какой-то доклад во вторник и напечатали об этом типографским способом. Отвертеться нельзя, и меня тошнит. Старость не терпит никаких докладов”².

К середине июня 1964 года все обязательства Н. Я. перед кафедрой были выполнены. С 16 июня она ушла в отпуск, а 9 августа уволилась из Псковского пединститута по собственному желанию³. Два последних Совета факультета прошли уже без ее участия. К 20-м числам ей надо было срочно быть в Москве для получения прописки, поэтому отъезд был скорым, а все дела, связанные с получением документов, она доверила С. М. Глускиной:

“Сонечка! Вот я и уезжаю. Боюсь написать уехала, потому что у меня нет билета — он только обещан.

К вам просьба:

а) Получить зарплату и переслать, когда я пришлю номер тарусской сберкнижки. Туда же отпускные и вторую половину.

б) Забрать в отделе кадров трудовую книжку и прочие документы и послать их в Тарусу.

Это, очевидно, к первому.

Обходной лист сдан.

Это просьба. Не забывайте меня и пишите. Вероятно, я буду зиму в Тарусе. Зимой приеду в Псков — погулять... Хорошо? Меня давит куча вещей. Мне кажется со всем этим не доехать”⁴.

Из Пскова Н. Я. Мандельштам уезжала в приподнятом настроении, но не без обиды на институтское начальство. Ректор и декан дали отпуск на две недели меньше, чем хотела Н. Я. Мандельштам:

.....

1 12 апреля 1964 г., за несколько дней до этой конференции Н. Я. писала А. А. Ахматовой: “Мне еще придется на днях делать на конференции языковедческий доклад, а все мои мысли за тысячи верст от языковеденья. Они, скорее всего, с вами, и я очень чувствую вас и очень по вас тоскую” (*Об Ахматовой*. С. 252).

2 Письмо Н. Я. Мандельштам к С. М. Глускиной от 19 апреля 1964 г. // МАА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 8. Программка конференции, в которой анонсирован и доклад Н. Я. 21 апреля 1964 г., сохранилась (ГАПО. Ф. Р — 734. Оп. 2. Д. 346. Л. 82). Впоследствии он получил негативную оценку на заседании кафедры английского языка: “Доклад Мандельштам Н. Я. носил расплывчатый характер, многие положения вызвали недоумение вследствие спорности. Доклад не оформлен в письменном виде” (Там же. Д. 346. Л. 72).

3 *Осип и Надежда*. С. 415.

4 Письмо Н. Я. Мандельштам к С. М. Глускиной, около 14 июня 1964 г. // МАА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 9. Московскую прописку она получила 24 июня 1964 г. См.: *Осип и Надежда*. С. 183.

“Сонечка! Я страшно обрадовалась вашему голосу. Почему я волновалась? Неужели почувствовала, что директор сгрыз две недели? Это же срам чувствовать такие вещи! <...> А заметили, как я отомстила нашему ректору? — назвала его директором — рангом ниже... Скажите Петру Ивановичу, что я ничего... не повесилась и не обиделась...”¹

Впрочем, всё это было уже позади. “Я бросила работу! В Москве меня прописали, но жить негде. Скоро мне будет 65, и я чувствую себя цветочком”, — писала Н. Я. Мандельштам филологу А. В. Македонову в августе 1964 года². Если с преподавательской работой действительно было покончено, то с псковскими друзьями Н. Я. Мандельштам продолжала периодически видаться как в Пскове, так и Москве³.

Заключение .....

После первых перестроечных публикаций мемуаров Н. Я. Мандельштам и признания ее роли в сохранении поэтического наследия О. Э. Мандельштама в провинциальных городах, где работала и жила вдова выдающегося поэта, начали интересоваться ее судьбой.

В последнее время в Пскове вышли как минимум три газетные публикации, посвященные жизни Н. Я. Мандельштам в Пскове. В двух из них утверждалось, что именно в Псков к Н. Я. Мандельштам приезжал А. И. Солженицын, факт, который не находит подтверждения в письмах Н. Я. к С. М. Глускиной. Кроме того, скромная преподавательница, переехавшая в Псков, изображена как знаменитость, хотя широкая известность в узких кругах придет к ней только в 1970-е годы, уже после публикации воспоминаний в тамиздате⁴.

Поэтому корректнее, на наш взгляд, говорить о том, что поездки в Псков ее знакомых или тех, кто желал познакомиться с ней, лишь предвосхитили последующую популярность московских визитов к вдове Осипа Мандельштама и писательнице, сумевшей сохранить память о поэте и его наследие, несмотря на долгие годы мытарств по провинциальным городам.

.....
.....

- 1 Письмо Н. Я. Мандельштам С. М. Глускиной от 9 июля 1964 г. // МАА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 14. Н. Я. просила отпуск с 1 июля по 25 августа 1964 г., но ректор И. В. Ковалев предоставил отпуск с 16 июня по 8 августа 1964 г. См.: *Осин и Надежда*. С. 415.
- 2 Письмо Н. Я. Мандельштам А. В. Македонову от 24 августа 1964 г. // МАА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 5. Л. 7.
- 3 См. письма Н. Я. Мандельштам С. М. Глускиной от 7 и 30 июня 1965 г., а также от 10 октября 1968 г. // МАА. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 41–42, 76; Глускина С. Вдова поэта.
- 4 Федоров В. Псков не заметил, как к одной из его жительниц приезжали Иосиф Бродский и Александр Солженицын // Псковская провинция. 2011. 7 декабря. С. 23.

ЛАРИСА ВОЛЬПЕРТ

ВСТРЕЧИ В ПСКОВЕ

.....

В 1963 году я прошла по конкурсу на место старшего преподавателя кафедры русской литературы филологического факультета Государственного Псковского педагогического института, где, кроме курса истории европейской литературы, мне предстояло читать на французском отделении курс истории французской литературы на французском языке. Я вела “челночную” жизнь, приезжала в Псков на полнедели из Тарту, где был мой дом.

И вот в конце октября 1963 года (помню, что наступили сильные холода) заведующий моей кафедрой Е. А. Маймин рассказал о своем знакомстве с недавно прошедшей в институт по конкурсу вдове О. Мандельштама: “Очень интересный человек...кандидат наук...будет читать на английском языке историю английской литературы”. Подобный курс в институте читался впервые...и мне подумалось, что обменяться опытом было бы не бесполезно.

Евгений Александрович как будто уловил мою мысль: “Кстати, она интересуется шахматами. Слыхала о вас, знает, что вы трехкратная чемпионка СССР, и попросила меня передать вам приглашение навесить ее. Она живет неподалеку в одном из институтских корпусов”. Признаться, перед встречей я чувствовала себя неуверенно — главным образом из-за того, что слабо знала поэзию Мандельштама. В ту эпоху это, увы, было нормой, но как раз у меня был шанс познакомиться и поглубже: в библиотеке отца, страстного поклонника поэзии Серебряного века, хранилось третье издание сборника “Камень” (1923). Однако необходимость глубже овладеть французской поэзией отнимала все силы и время, и я лишь слегка успела однажды этот сборничек перелистать. Так что я входила в двухэтажный деревянный домик с редким для меня чувством робости и неуверенности.

Помню, что вид убогой комнатенки меня огорчил (позже я поняла, что это была, наоборот, удача: комнату бесплатно предоставил институт), зато обрадовала большая стопка дров около печки-буржуйки: важное преимущество, в комнате было тепло. Женщина небольшого роста, с грустным и умным лицом, сильным взглядом (она выглядела старше своих лет, не на 64 года), любезно встретила меня в дверях.

Она мгновенно освободила меня от всякой скованности, умело завязав разговор о шахматах. В этой области я чувствовала себя вполне уверенно и могла толково ответить на вопросы. Помню

один из первых: “Почему, на ваш взгляд, женщины играют в шахматы намного слабее мужчин?” Я как раз незадолго до того сдала в журнал “64” статью, где среди прочего были размышления на эту тему, и смогла на вопрос, как мне кажется, толково ответить. Расстались дружески, с взаимной симпатией.

Темой второй встречи стал уже профессиональный интерес. Здесь обнаружилось полное единодушие: мы обе полагали, что студенческая аудитория (идет лекция по истории национальной литературы) должна владеть “данным” языком как родным. Только в этом случае можно предложить серьезное изучение словесности. Однако “наша” аудитория знает язык слабо, и в этом случае речь может идти не об изучении поэтики, а лишь о добавочном приеме — на материале литературы — изучения собственно языка (в ее случае — английского, в моем — французского).

Независимо друг от друга мы обе поняли, что во время каждой лекции на доске необходимо давать особый “словарь” литературоведческой лексики, который обязательно должен быть использован при ответе на экзамене. Мне этот “обмен опытом” показался весьма полезным, и смею думать, что и Надежда Яковлевна воспринимала нашу беседу в таком же духе.

Но уже во время третьей встречи выяснилось, что мы не во всем единодушны. Главное расхождение оказалось принципиальным: оно касалось оценки современных писателей. Я очень высоко ставила как художников Паустовского и Хемингуэя и буквально “опешила”, услышав резко негативную их оценку Надежды Яковлевны. Мол, Паустовский — “мямля с прекраснородушной, вялой, ложно-романтической критикой”, нисколько не опасной для властей, а Хемингуэй — и вовсе не “новатор”, пишет в традиции “устарелого реализма” и вообще — “слабый писатель”. Я попыталась выступить в их защиту, обосновать свое мнение, но мне это слабо удалось. Тон оппонента, как мне показалось, был слишком категоричным, с претензией на “истину в последней инстанции”, и желание организовать новую встречу несколько увяло.

Потом подошли каникулы, а я, упав около института (зимой псковские дороги становились сверхскользкими), сломала руку, и наши встречи прекратились сами собой.

И только через много лет, потрясенная глубиной, трагизмом и поразительным стилем “Воспоминаний” и когда я уже по-настоящему “влюбилась” в поэзию О. М. и знала многие его стихи наизусть, я поняла, как легковесна была моя реакция и как много я потеряла, не постаравшись закрепить знакомство, подаренное мне судьбой.

14 августа 2014 г.

.....

“ТЕПЕРЬ МЫ СОСЕДИ. УСТАНОВИМ ДРУЖБУ...”:**ПИСЬМА Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ З. Г. МИНЦ****И Ю. М. ЛОТМАНУ (1962–1966)¹**

(Публикация, подготовка текста и комментарии М. Лотмана)

.....

В эпистолярном наследии Н.Я. Мандельштам письма к моим родителям, Заре Григорьевне Минц и Юрию Михайловичу Лотману, занимают скромное место. Переписка продолжалась около семи лет; известно о девяти письмах Н.Я., восемь из которых публикуются ниже². В центре переписки находятся два сюжета: возможность публикации материалов о Мандельштаме в изданиях кафедры русской литературы и обсуждение статей и публикаций в “Ученых записках Тартуского университета”.

Публикации мемуаров и архивных материалов для тартуских изданий (сначала “Трудов по русской и славянской филологии”, затем “Блоковских сборников” и “Трудов по знаковым системам”) имели принципиальное значение. С одной стороны, тартуская кафедра русской литературы считала своей миссией возвращение в научный обиход имен, вымаранных в годы репрессий (ср. публикации о Павла Флоренского, О.М. Фрейденберг, Б.И. Ярхо и др.); с другой стороны, свидетельства мемуаристов позволяли вносить живые черты в застывшие хрестоматийные образы (воспоминания о Маяковском, Блоке, Горьком и др.). Разумеется, всё это происходило в условиях жесткого цензурного надзора (впрочем, до 1968 года он в Эстонии был несколько либеральнее общесоюзного).

Позволю себе небольшое отступление. Сейчас трудно себе представить, что даже такие имена, как Блок, Белый и Брюсов, находились на грани допустимости, в то время как Мережковский, Гумилев или О. М. были за этой гранью. Родителями была разработана *pro domo sua* многоступенчатая стратегия “протаскивания в печать” неугодных имен. Соответствующие методы имели полушутливые названия: 1) “горящий сарай”: автор находился в кругу реакционеров, но мы его оттуда выводим; 2) “козел отпущения”: да, автор реакцио-

.....

1 Публикатор благодарит Г.Г. Суперфина, Р.Д. Тименчика, Т.М. Шаховскую и П. Нерлера за помощь в подготовке публикации.

2 Публикуются письма, находящиеся в Отделе рукописей и редких книг Научной библиотеки Тартуского университета (F. 135. S. 868). Местонахождение последнего письма, датируемого 1968 г., публикатору неизвестно.

нер, но не такой, как *ММ* (скажем, Блок — декадент, но не такой, как Мережковский); 3) метод “козла отпущения” мог быть усилен, и тогда он превращался в метод “дохлой собаки”; уже не помню, как он точно формулировался, но идея заключалась в том, что в то время как дохлую собаку все пинают ногами, автора мы осторожно отводим в сторонку (при этом наш автор мог к дохлой собаке вообще не иметь никакого отношения); 4) наконец, самое отчаянное: “семеро наверх — не азартная игра”¹: если не работают приведенные методики, то можно попытаться доказать, что реакционная доктрина вовсе не реакционна. Всё это сейчас кажется скорее забавным, но тогда дело шло о неравной — едва ли не безнадежной — борьбе, на которую тратилось много сил и нервов.

Следует подчеркнуть, что в борьбе с беспамятством имелся в виду не только советский опыт уничтожения культурного наследия. Юрий Лотман считал то, что он называл “противостоянием энтропии”, универсальной и одной из важнейших задач культуры. В 1960-е годы (до 1968 года, когда Чехословакия оттеснила прочие сюжеты) родители с особой тревогой следили за событиями в Китае, где “культурная революция” трагически затронула семью одной из их учениц. Китайские процессы очевидным образом резонировали с событиями отечественной истории 1920–1950-х годов, служили грозным напоминанием о долге сохранения памяти.

З. М. старалась не только публиковать уже ранее написанные мемуары, но и активно стимулировала их создание. С соответствующими призывами она обращалась к целому ряду участников культурной жизни первой половины века, нередко помогая им в создании текста и подготовке его к печати. Причем дело не ограничивалось участниками художественной жизни или профессиональными гуманитариями. Так, были напечатаны воспоминания выдающегося исследователя Дальнего Востока и Севера Михаила Алексеевича Сергеева, который в 1926–1929 годах руководил издательством “Прибой”. М. А. Сергеев, большевик с 1918 года, был успешным советским ученым и функционером от науки. Вместе с тем это был человек высочайшей культуры, один из последних представителей дореволюционной демократической интеллигенции. Его воспоминания вылились в конце концов в десятистраничный текст², но этому предшествовали почти два года переговоров и обсуждений.

.....

1 Имеется в виду рассказ М. Твена “Наука или удача”; в современном переводе азартная игра названа просто “семеркой”, в то время как в оригинале она называется “seven-up”.

2 Сергеев М. А. Об одном замысле А. М. Горького: (Воспоминания) // Труды по русской и славянской филологии. VIII: Литературоведение. Тарту, 1965. С. 201–210. (Учен. зап. Тартуского гос. ун-та. Вып. 167).

Также не имела прямого отношения к художественной культуре и Тамара Павловна Милютина, активистка Русского студенческого христианского движения (РСХД) в довоенной Эстонии. Если М. А. Сергеев отправился на восток выполнять поставленные перед ним правительством административные и научные задачи, то Т. П. Милютина дважды отправлялась в Сибирь в арестантском вагоне. З. Г. Минц, как видно из ее письма Т. П. Милютиной от 8 ноября 1967 года, настаивала на том, чтобы Милютина записала свои воспоминания:

“«Р»искую обратиться к Вам с просьбой: не могли ли бы Вы написать для наших «Ученых записок» воспоминания. Мне кажется, что если, вообще, слово «долг» — реальность, а не «звук пустой», то одна из основных задач каждого культурного человека — не дать погибнуть той части истории, которая известна ему, и только ему. История — это люди, которые ведь жили для чего-то, а не просто были марионетками в чьих-то руках. Достаточно вынужденной анонимности миллиардов людей, живущих вне культуры, или невольной — по тем или иным причинам — анонимности того, что нам неизвестно. Но культура тем и отличается от «китаизма», что не должна бессмысленно исчезать ни одна сознательная жизнь...”¹

Очевидно, что слово “китаизм” обозначает здесь не китайскую культуру, а борьбу с ней, торжество анонимной энтропии над личностным началом с его памятью и персональной ответственностью. Сотрудничество с Т. П. Милютиной продолжалось до самой смерти матери. В тартуских “Ученых записках” первый фрагмент воспоминаний Милютиной был опубликован лишь в годы перестройки²: после восстановления независимости Эстонии вышла ее книга³, а также ряд отдельных более мелких публикаций.

Надо сказать, что далеко не всегда призывы к письменной фиксации своих воспоминаний находили сочувственный отзыв. Некоторые — особенно из числа репрессированных — не хотели вспоминать свой опыт, не говоря уже о том, чтобы его записать для публикации: в 1960-е и даже в 1970-е годы люди еще просто боялись. Причины отказа были разные: не только идеологические, но и, скажем, сексуальные (под особым, хотя и негласным, запретом была тема гомосексуализма — столь важная для культуры Серебряного века). Рита Райт-Ковалева, замечательная рассказчица, не хотела
.....

1 URL: http://www.ruthenia.ru/reprint/blok_xii/miljutina.pdf.

2 Милютина Т. П. Юрий Галь (Из воспоминаний. Люди моей жизни. Сыновьям) // Блоковский сборник. XI / Учен. зап. Тартуского гос. ун-та; Тарту, 1990. Вып. 917. С. 126. О Ю. Гале см. также статью: Минц З. Г. О Т. П. Милютиной, ее воспоминаниях и о поэте Юрии Гале // Там же. С. 113–120.

3 Милютина Т. П. *Люди моей жизни*. Тарту: Крипта, 1997.

записывать свои наиболее интересные и красочные истории. Опубликованные воспоминания — лишь бледная тень ее устных рассказов¹. Также отказалась от публикации воспоминаний Л. Я. Гинзбург. В. М. Жирмунский рассказывал у нас в гостях (он был оппонентом на защите П. А. Руднева весной 1969 года) о своих встречах с Блоком. На вопрос матери, как ему удалось сблизиться с не любившим евреев Блоком, Жирмунский ответил, что это произошло едва ли не сразу. Он сказал Блоку, что по его убеждению стихи о Прекрасной даме не являются плодом поэтической фантазии, а свидетельствуют о реальном опыте. Настороженный Блок просветлел: “Как вы узнали?” — “У меня было то же самое”, — ответил Жирмунский. На просьбу матери записать это, хотя бы и не для публикации, ответил категорически, что об этом не может быть и речи.

Сказанное хотя бы отчасти проясняет тот фон, на который ложится сделанное Н. Я. предложение опубликовать в Тарту свои воспоминания.

Поскольку мне неизвестна судьба ответных писем от моих родителей и я не помню каких-либо обсуждений, связанных с этой перепиской, то ограничусь лишь несколькими замечаниями, касающимися отношения в семье к творчеству О. М. и Н. Я.

Для родителей О. М. не был в 1960-е годы особенно значимым автором. Его творчество знали — в библиотеке матери хранился “Камень” 1913 года с автографом О. М. — дарственной надписью Вячеславу Иванову, были самиздатские машинописные копии “Воронежских тетрадей” (плохого во всех отношениях качества) и “Четвертой прозы”, но О. М. особенно не выделяли из числа поэтов Серебряного века. Отец вообще за редкими исключениями не очень высоко ставил поэзию XX века и даже Блока скорее терпел в угоду матери. Исключения же были следующие. Первое и главное — Цветаева; она вообще шла вне категорий “люблю — не люблю”, затем — Пастернак и Ахматова, которых он очень любил, но отмечал слабые, по его мнению, места и целые стихотворения. Не любил символистов и Гумилева (делая оговорку, касающуюся “Заблудившегося трамвая”), причем, скажем, из Брюсова и Гумилева — увлечения своей молодости — знал большие куски наизусть². Что касается О. М., то, невысоко оценивая его поэзию 1910–1920-х годов (она

.....

1 Райт Р. “Все лучшие воспоминанья...” (Отрывки из книги) / Публ. и вступ. ст. (К воспоминаниям Р. Райт) 3. Г. Минц // Труды по русской и славянской филологии. Т. IX. Литературоведение (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 184). Тарту, 1966. С. 262–287.

2 В библиотеке матери было несколько сборников Гумилева, в том числе “Жемчуга” (Берлин: Мысль, 1921), где на шмуцтитule было выведено курсивом: “Посвящается моему учителю Варепию (так!) Брюсову”. Отец как-то заметил, что это точная характеристика как ученика, так и учителя.

была, на его взгляд, слишком литературна), находил много сильных вещей в творчестве 1930-х именно потому, что в этих стихах О. М. говорит как власть имущий. Впрочем, и здесь не без оговорок. Так, отцу безусловно нравилось четверостишие:

В роскошной бедности, в могучей нищете
 Живи спокоен и утешен.
 Благословенны дни и ночи те,
 И сладкогласный труд безгрешен.

Но он, отдавая должное силе звучания и заявленной гражданской позиции, не одобрял дань риторике; в поэтизации нищеты ему слышалась фальшивая нота и литературная поза; он противопоставлял это подлинности поэзии Кузмина (“Переселенцы”):

Как ваши руки, Молли, погрубели,
 Как выветрилась ваша красота!
 А ждете вы четвертого ребенка...
 Те трое — рахитичны, малокровны,
 Обречены костями осушать
 К житью неприспособленную местность.

Любимыми же его строчками О. М. был отрывок из уничтоженных стихов:

Я больше не ребенок!
 Ты, могила,
 Не смей учить горбатого — молчи!

Я говорю за всех с такую силой,
 Чтоб небо стало небом, чтобы губы
 Потрескались, как розовая глина...

Совсем другим было отношение Ю. М. Лотмана к “Четвертой прозе”, которую он считал не только выдающимся человеческим документом, но и одним из высших достижений русской прозы XX века.

Первым заболел Мандельштамом в семье я и отчасти заразил им родителей, особенно мать, которая даже посвятила О. М. небольшую заметку¹, высоко оцененную, в частности, К. Ф. Тара-

.....

1 Минц З. Г. “Военные астры” // Вторичные моделирующие системы. Тарту, 1979. С. 106–110.

новским. Но это всё происходило несколько позже — в середине 1970-х годов.

Что касается творчества самой Н.Я., то здесь, насколько я помню, были разногласия. Я считал “Воспоминания” (читанные в самиздате) выдающимся произведением и ценнейшим источником сведений о жизни и поэтике О.М. С некоторыми оговорками продолжаю придерживаться этого мнения и сейчас. Мать не разделяла моих восторгов, но полагала, что судьба и миссия Н.Я. служат оправданием ее резких и зачастую несправедливых оценок. Менее снисходителен был отец, который считал, что столь явная идеологизированность и субъективность оценок ставят под сомнение достоверность сообщаемых сведений. Он говорил, что если уж сводить счеты, то нужно делать это так, как в “Четвертой прозе”. Возможно, хотя и не берусь утверждать определенно, в этих оценках сказались и опыт переписки с Н.Я. В любом случае родителям — особенно отцу — не нравился “прокурорский тон” Н.Я., ее уверенность в собственной непогрешимости и безапелляционные оценки. Н.Я., по его мнению, была сама в значительно большей степени продуктом сталинской эпохи, чем ей хотелось бы себе в этом признаваться¹. Мне кажется, что этот же упрек был бы адресован и ее письмам, но, повторю, я не помню, чтобы в семье они обсуждались.

И последнее, что я хочу сказать в связи с этими письмами. Н.Я. не только вдова О.М. и сама одаренный автор, но и квалифицированный филолог. Дело не только в том, что она обладала ученой степенью в области германского языкознания. Н.Я. была знатоком русской и европейских литератур и профессионально судила о них. По письмам и воспоминаниям вырисовывается вполне определенная система ее литературоведческих представлений. Это компаративизм XIX века, если и модернизированный, то лишь в марксистском духе: явления литературы должно рассматривать в их историческом становлении при условии примата идейности (притом что ее собственная идейность была враждебна марксизму). История литературы выстраивается как история идей. Н.Я. высоко ценила религиозную философию Владимира Соловьева, но не обратила внимания на выросшую из нее эстетическую систему русского символизма. Будучи лично знакомой со многими формалистами, она пренебрежительно отмахнулась от их идей. Не заме-

.....

1 Хочу подчеркнуть, что всё это были разговоры в семейном кругу, Ю. Л. никогда бы не позволил себе суждений, которые могли бы хоть как-то повредить Н.Я. А что касается сталинизма, то он и по отношению к себе не испытывал иллюзий, считая в этом смысле самым честным заявление А. Вознесенского: “Не надо околичностей. / Не надо чушь молоть. / Мы — дети культа личности, / Мы кровь его и плоть” (цитировал он это по памяти, с ошибкой: вместо “чушь” — “вздор”).

тила она и М. М. Бахтина, хотя можно показать, что его диалогическая философия в ряде отношений оказывается близкой поэтике и системе взглядов О. М.

Самое же трагическое заключается в том, что, посвятив значительную часть жизни спасению и сохранению мандельштамовского наследия, она саму эту поэзию плохо чувствовала. Говоря о поэзии О. М., она концентрирует внимание на внешних обстоятельствах — преимущественно бытового характера, — сопутствующих созданию того или иного текста, и эти сведения обладают исключительной ценностью. По ее собственному признанию, «сравнительно легко говорить о поэте, но до чего трудно говорить о стихах...» (письмо № 5). Когда речь всё же заходит о самих текстах, то ее интересует лишь то, что может быть грубо обозначено как их содержание («о чем это?»), если же его не удастся однозначно установить, то она считает, что дело идет о плохих стихах. Так, она называет В. Соловьева «огромным мыслителем», стихи которого слабы и искажают «большую линию этого человека». Дело в том, что: «Стихи «Соловьева» настолько отвлеченные (чего нельзя сказать о философии), что им можно приписать что угодно» (№ 3).

При этом истинная поэзия для нее непознаваема. Анализу может быть подвергнута только слабая поэзия, например, поэзия символистов: «Анализ, как литературоведческий метод, вещь весьма односторонняя. Для Блока он отчасти применим, потому что огромное количество вещей построено у него рационалистически. Как и у всех символистов, впрочем» (№ 3)¹.

Кажется, что она прилагает особые усилия, чтобы уберечь от анализа поэзию О. М. Следует отметить, что воззрения самого О. М. на поэзию были принципиально иными. То, что Н. Я. плохо чувствует поэзию вообще и поэзию О. М. в частности, отмечали не без недоброжелательства ее критики (например, А. Найман), я же хочу говорить не о свойствах личности, а о методологических установках. Н. Я. в принципе претит мысль о возможности аналитического подхода к поэтическому творчеству, она не понимает, что он дает и зачем он нужен. Так, в письме Д. Е. Максимову (январь 1965) она делится своим недоумением по поводу «Лекций по структуральной поэтике»: «Что он «Лотман» думает? Познать, скажем, Пушкина, чтобы построить еще одного? Ведь таково назначение знаковых систем...»²

.....

1 Не вдаваясь в обсуждение вопроса о том, насколько рационалистична поэзия символистов, отметим наивность эпистемологической установки, согласно которой рациональному объяснению подлежит лишь то, что рационально сконструировано.

2 *Письма Максимову*. С. 299.

Я не знаю, что отвечали З. М. и Ю. Л. на возражения против самой возможности анализа и познания поэзии (письма №3 и 5), возможно, что не отвечали вообще. В это время им приходилось защищаться от нападков значительно более могущественных борцов с сальеризмом (т.е. со стремлением поверить алгеброй гармонию), Ю. Л. называл их моцартианцами, иногда добавляя: “в штатском”.

Неприятие Н. Я. новых подходов в литературоведении резко диссонирует с позицией О. М., чутко улавливавшим новаторские филологические (и не только) идеи; более того, его собственная система взглядов значительно опережала свое время и, вероятно, еще послужит источником вдохновения для новых концепций¹.

Михаил Лотман

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — З. Г. МИНЦ
6 СЕНТЯБРЯ <1962 Г., ТАРУСА>**

Уважаемая Зара Григорьевна!

Я получила письмо от Дмитрия Евгеньевича² о том, что Ваша кафедра хотела бы дать публикацию о том, как работал О. Э. Мандельштам, и, может быть, поработать над его библиографией³.

Всему этому я была бы очень рада, но вопрос в том, когда вам нужен материал. Сейчас я послала документы в Псковский пединститут и жду их ответа. Поэтому мне трудно сосредоточиться и быстро подобрать для вас

.....

- 1 Ср.: Золян С., Лотман М. Исследования в области семантической поэтики акмеизма. Таллинн, 2012 (особенно с. 52 и далее).
- 2 Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904–1987) — литературовед, поэт (псевд. Иван Игнатов, Игнатий Карамов), видный специалист по творчеству Лермонтова и Блока, научный руководитель и близкий друг З. Г. Минц.
- 3 Издания кафедры русской литературы Тартуского ГУ (и “Труды по русской и славянской филологии”, и “Блоковские сборники”) активно публиковали архивные материалы и материалы мемуарного характера. Последние имели для З. Г. Минц принципиальное значение, поскольку позволяли хотя бы частично компенсировать образовавшийся разрыв в культурной памяти. С предложениями писания и публикации воспоминаний она обращалась ко многим еще живым участникам культурной жизни начала века и 1920-х гг. Через Д. Е. Максимова она обратилась с соответствующей просьбой и к Н. Я.

материал. Во всяком случае это вопрос 2–3 недель; если я останусь в Тарусе, то можно будет сделать всё поскорее. Может, вам нужно спешить к определенному сроку? Дайте мне, пожалуйста, знать, как обстоят у вас дела. Зная, как издаются “Уч<еные> Зап<иски>», я думаю, что вообще действуют астрономические сроки, но ведь может быть стечение обстоятельств, когда это не так.

Так как неизвестно, где я буду, лучше всего написать на адрес: Москва, Лаврушинский пер., 17, кв. 47. Василисе Георгиевне Шкловской, для Надежды Яковлевны Мандельштам. Оттуда мне перешлют. Н. Мандельштам.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — З. Г. МИНЦ
«КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ 1962 Г., ПСКОВ»**

Ваше письмо, Зара Григорьевна, я получила, но не ответила сразу, потому что в эти дни переезжала в Псков. Да и спеха-то большого не было: раньше 10–15 октября я бы всё равно не могла отправить вам материал, а это было бы поздно. И в других отношениях разумнее, мне кажется, отложить публикацию до следующего сборника. Причина:

- 1) У вас уже есть достаточно материала.
- 2) Мои записки почти целиком построены на стихах последнего периода (30–37 гг.)¹, а они еще не напечатаны. Если выйдет книга², кое-что из этих стихов будет опубликовано; в этом смысле ваше выступление как бы легализуется.
- 3) До выхода книги вообще лучше не шуметь.
- 4) Отложив на следующий сборник, мы сможем с Вами встретиться и договориться конкретнее о том, что дам я и что сделает кафедра.

.....

1 Имеются в виду “Воспоминания” Н. Я., работу над которыми она начала еще в Тарусе в 1961 г.

2 Имеется в виду том избранных стихотворений О. М. в Большой серии “Библиотеки поэта” — проект, осуществившийся только в 1973 г. (Л.: Советский писатель).

Теперь мы соседи. Установим дружбу Тарту — Псков. Кому-нибудь из нас, наверное, удастся съездить.

У нас старина, которую я еще не разглядела. Бывали ли вы в Пскове?

Надежда Мандельштам.

Комната у меня временная, поэтому прошу Вас пишите на адрес: Псков, Главпочтамт, до востребования, Надежде Яковлевне Мандельштам.

Знаете ли вы эстонского писателя по фамилии Хинт¹? Не его ли отец (кажется, инженер, может, лауреат?) или родственник встретился с О. М. на Дальнем Востоке? Как бы мне узнать что-нибудь про Хинта. Н. М.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — З. Г. МИНЦ И Ю. М. ЛОТМАНУ
«НАЧАЛО 1964 Г., ПСКОВ»**

Дорогие Зара Григорьевна и Юрий Михайлович! Спасибо за “Записки”². Я слышала о них раньше и очень хотела их иметь. Они мне действительно были очень интересны. И меньше всего Полонская³. Этот вид воспоминаний — мирное любование своей молодостью — мало что дает. Где трагедия Зоценки? Она была, и самая настоящая. Где смысл Зоценки, который вовсе не был травоядным юмористом? Единственное живое место о Зоценке — это разговор: когда же он говорит в шутку, когда всерьез. Он показывает, что товарищи совершенно его не понимали. Кстати, большая неудача Зоценки

.....

1 Вероятно, имеется в виду писатель Ааду Хинт (1910–1989); его брата, Йоханнеса Хинта (1914–1985), лауреата Ленинской премии (1962), впоследствии политического заключенного, иногда ошибочно отождествляют с инженером Хинтом, который встречался с О. М. в пересыльном лагере.

2 Речь идет о сборнике: *Труды по русской и славянской филологии*. VI. (Ученые записки ТГУ. Вып. 139). Тарту: ТГУ, 1963. Далее: Труды... VI.

3 Полонская Е. Г. Из литературных воспоминаний / Вступ. ст. и публ. З. Г. Минц // Там же. С. 374–389. Елизавета Григорьевна Полонская (1890–1969) — поэтесса и переводчица, в молодости входила в группу “Серапионовы братья”, была дачной знакомой семьи Лотманов-Минц (ежегодно проводила лето в дачном городке Эльва под Тарту).

(“Возвращенная молодость”) упоминается наравне со всем, что он делал...¹ Что касается до других “Серапионов”, то тоже следовало подумать, в чем причина их литературной неудачи. Для Полонской Тихонов остался “Колей” — и всё очень мило². А на самом деле это уже давно не человек, а куча мясистого вещества. Почему? Если обожествлять свою молодость, из этого и выходит кашка для детей. Молодостью не следуют³ умиляться, и ее не надо возвращать. А у Полонской зрелой точки зрения не появилось. Даром портрета она тоже не обладает. Зоценко у нее просто хорошенький, а Маршак — миленький...⁴

Но не в ней дело. “Записки” гораздо серьезнее мемуарной их части.

Прежде всего я хочу назвать вашу статью о Новикове и Кутузове⁵. Она точна, умна, перспективна. Правильно вы боретесь в ней с общелиберальным взглядом на масонов и солидаризируетесь с Пушкиным. Здесь дело не в конъюнктурщике Макогоненко⁶. Гораздо серьезнее, что подобного рода искажения и плоское восприятие явлений всегда были уделом нашей либеральной мысли. Последствия этой примитивизации и рационализма (мелкого) неисчислимы. Они действовали во всю сталинскую эпоху, не только в оценках прошлого, но в создании активного фонда мысли. Выбираться из этого будем веками. А может, эта струя всегда будет существовать. Вопрос лишь в том, чтобы она не была ведущей. Интересно в статье многое, в частности отношения кружка с Екатериной, с перлюстраторами, с либеральными потомками, с радищевской линией и т. д.. Это уже петербургский период русской .....

1 М. М. Зоценко посвящена большая часть воспоминаний Полонской: II. Мое знакомство с Михаилом Зоценко // Труды... VI. С. 381–388.

2 Имя Тихонова упоминается Полонской вскользь и всего трижды (на с. 371, 381 и 388), без какой-либо характеристики; “Колей” не назван ни разу (“Тихонов” или “Николай Семенович”).

3 Так в тексте.

4 Маршаку посвящен короткий раздел “О С. Я. Маршак” (с. 388–389); эпитетов типа “хорошенький” или “миленький” Полонская не употребляет.

5 Материалы для изучения А. Н. Радищева и его окружения: Сочувственник А. Н. Радищева А. М. Кутузов и его письма к И. П. Тургеневу / Вступ. ст. Ю. М. Лотмана, публ. и комм. В. В. Фурсенко // Труды... VI. С. 281–334.

6 Георгий Пантелеймонович Макогоненко (1912–1986) — литературовед, видный специалист по русской литературе XVIII века.

истории... Он многое унаследовал от московского. Как всегда, созерцание любого отрезка наводит на мрачные мысли.

Теперь о статье о Блоке¹. Здесь прежде всего несколько слов о Соловьеве. Вы, Зара Григорьевна, напрасно доверились дураку Чулкову, который просто бухнул то, что было модно в его дни, — лягнул аскетизм². Самое любопытное в отношениях Блока и Соловьева, это то, что он так и не одолел ни одной из философских вещей В. С. и ограничился только стихами, самым слабым, что есть у В. С., искажающим большую линию этого человека. Аскетической линии у Соловьева нет. Это огромный мыслитель, один из первых, искавших модернизации христианства, в частности — отказа от аскетизма. Стихи настолько отвлеченные (чего нельзя сказать о философии), что им можно приписать что угодно. Что же касается метода анализа стихов, то, вероятно, у исследователей нет другого способа раскрывать их сущность. Анализ, как литературоведческий метод, вещь весьма односторонняя. Для Блока он отчасти применим, потому что огромное количество вещей построено у него рационалистически. Как и у всех символистов, впрочем.

Рейфман — статья о Шевченко³. Мне кажется, он прав, приписывая статью Лескову. Очень здорово в статье звучат богомазы из Холуев. Похоже.

Знает ли Беззубов⁴, что цитируя английского литературоведа (стр. 206)⁵ о текучести жизни как основе литературной формы и содержания, он делает Чехова предвозвестником Джойса и джойсизма? Кстати, может ли “непрерыв-

.....

- 1 Минц З. Г. Поэма А. А. Блока “Ее прибытие” и революция 1905 г. // Труды... VI. С. 164–180.
- 2 Чулков Георгий Иванович (1879–1939) — поэт и литературный деятель Серебряного века, имеется в виду его статья “Поэзия Владимира Соловьева”, в частности цитируемый З. Г. Минц пассаж: “Поэзия смерти празднует свою черную победу в стихах Соловьева <...>. Душевное настроение <...> несовместимо с любовью и творчеством здесь, на земле” (З. Г. Минц. Цит. соч. С. 190)
- 3 Рейфман П. С. Забытая статья о Т. Г. Шевченко // Труды... VI. С. 351–366. Павел Семенович Рейфман (1923–2012) — тогда доцент, позднее профессор Тартуского университета, специалист по русской литературе второй половины XIX века.
- 4 Беззубов В. И. А. Чехов и Леонид Андреев // Там же. С. 181–222. Валерий Иванович Беззубов (1929–1991) — преподаватель кафедры русской литературы.
- 5 Беззубов сочувственно цитирует исследователя творчества Чехова, писателя Уильяма Джерхарди: “...для Чехова именно текучесть жизни составляла одновременно и форму, и содержание его рассказов” (Лит. наследство. Т. 68: Чехов. М., 1960. С. 143).

ность” (жизни, времени) быть передана литературой? Ведь именно к этому приводит теория потока жизни. Именно этого искали и ищут... Сейчас по причинам тактическим не надо говорить анти-джойсистских вещей. Но всё же мне кажется, что это слабое место джойсизма. Если есть сильное мировоззренческое начало, прерывистость дается в цельности и единстве. Делать текущую непрерывность самоцелью тогда не надо. У Джойса ее в чистом виде и нет. По мере течения времени оно прерывается портретами, жизнями, судьбами, биографиями. А непрерывность идет, как шум моря. Что делать Ирландия — остров.

Интересны мысли о новом начале драматургии действия у Чехова. Об этом писал мой брат в книге, которую не напечатали¹. Там вопрос об этом стоит шире и глубже. Но есть общее.

Посмотрела я еще Языкова Исаакова². Вспоминаю, как фыркал на Языкова Тынянов: “дерптский немчик”. Вероятно, этот разгул “на месте”, свойственный Языкову, действительно идет от буршевской закваски.

Хорошо было бы послать “Записки” сыну Леонида Андреева — Вадиму Леонидовичу. Он будет в апреле в Москве. Недавно он выпустил очень милую повесть о своем детстве³. Из нее здорово вылез отец всей своей “нечестной” жизнью.

Очень интересная фигура Боткин⁴. В бердяевской “Русской идее” — его нет. А там широко взяты люди разных линий. Очень талантливая статья Егорова. Она дает живую и смешную фигуру. Как всегда, в литературоведческих статьях

.....

1 Имеется в виду рукопись Е. Я. Хазина “Этюды о русской драматургии”, не опубликованная до сих пор. В 1972 г. в Париже, в изд-ве YMCA-Press, вышла его книга “Всё позволено. Размышления о творчестве Достоевского”.

2 Так в тексте. См.: Исаков С. Г. Новые материалы о жизни и творчестве Н. М. Языкова дерптского периода // Труды по русской и славянской филологии. VI. С. 390–404. Исаков Сергей Геннадиевич (1931–2013) — преподаватель кафедры русской литературы.

3 Имеется в виду повесть В. Л. Андреева “Детство” (М., 1963).

4 Егоров Б. Ф. Отъезд В. П. Боткина в Испанию // Там же. С. 339–342. Борис Федорович Егоров (р. 1926) — в 1954–1960 годы заведовал кафедрой русской литературы Тартуского университета, куда пригласил сначала Ю. М. Лотмана, а затем З. Г. Минц; близкий друг их семьи. В 1962 году возвращается в Ленинград (сначала доцент в ЛГУ, затем профессор в ЛГПУ им. А. И. Герцена), но продолжает сотрудничать с тартуской кафедрой.

мне страшно не хватает исследования исторического: вот зерно мысли — как оно прорастает в будущее, где потом его дети?.. Часто этот вывод делает сам читатель, но настоящий исследовательский глаз, вероятно, лучше бы собрал все отrostки. Куда приведет такой Боткин? К “Русскому Богатству”? Я говорю о выводах точных, а не о тех, которые приняты у нас сейчас.

Кстати, по поводу того же Боткина. По Егорову, он “отдал дань «торгово-промышленным» вопросам, в свете интересов своего сословия”. Это упрощенчество, конечно. Мысль о промышленном развитии России — одна из ведущих для всех не обскурантов. Кроме славянофилов, ей отдавали дань все вплоть до сегодняшнего дня. Я выросла среди этих разговоров: первые пятилетки были так популярны тем, что они ответили на этот вопрос. Здесь сословный интерес купцов Боткиных совпадал с общей тенденцией времени и просвещения. Кстати, Блок в этом смысле был обскурантом.

А почему вы еще время от времени орудуете такими вещами, как необъективность добра и зла (Зара Гр<игорьевна>) или абстрактный гуманизм (Андреева). Не лучше ли хотя бы обходить эти проблемы? Эта постановка вопроса явно устарела. Пора об этом тоже подумать...

Письмо явно слишком длинное. На старости становятся болтливыми.

Спасибо за приглашение. Я рада была бы приехать на несколько дней (с гостиницей, я думаю, уладилось бы), но до конца мая у меня по 26 часов, а потом, боюсь, будет жарко. Мне запомнился городок, и ваша столовая, и мальчики.

Благодарю всех, кто подписал мне книгу. Н. М.

Еще два слова о языковедческих статьях¹. Я защищала по падежам (винительному в германских). Этот интерес начинается обычно с латинской теории падежей, но у ваших авторов он, вероятно, минует первую стадию и начинается от Потевни. Дай-то бог!

.....

1

Первые выпуски Трудов по русской и славянской филологии включали как литературоведческие, так и лингвистические публикации. В VI выпуске падежам и падежным конструкциям посвящены три статьи (А. Б. Правдина, Е. И. Гурьевой и С. А. Оленевой).

И еще о программах... Долинина¹, конечно, трепачка. Вы себе представляете, во что бы превратилось преподавание вне исторической основы? Но не всё ли равно, какая программа, раз наши институты на многие годы обеспечили школу учителями? Хорошо бы на какой-то период просто перейти на литературное чтение. Почитали бы Пушкина и Лермонтова без разговоров лишних, может, и не вызвали бы отвращение к книге. Если б не горький факт об учителях, ваша статья была бы вполне разумной. Но почему в ней есть пинок в сторону латыни (где о Горации)? Эта борьба с латынью — общелиберальное российское место, принесшее страшный вред нашей школе. Классическое образование — великая вещь. Его нет у нас и в Америке. За это и платимся... Другое дело, что школы должны быть разные... В 20 веке² у нас так и было — и уровень очень повысился... Н. М.

Я вряд ли что-нибудь смогу написать для вас: не подойдет! Но рада была бы... Хоть бы поговорить...

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — З. Г. МИНЦ
21 НОЯБРЯ 1964 Г., МОСКВА

Дорогая Зара Григорьевна!

Спасибо, что вы не забыли меня и прислали мне “Блоковский сборник”³. Я не сразу вам ответила, потому что сидела в Тарусе, а книга пришла в Москву. Потом обнару-

.....

1   Имя Долининой упоминается в анонимном предисловии к тому (автор — почти наверняка Ю. М. Лотман) “Об изучении современной литературы в школе в свете решений XX и XXII съездов КПСС”: “Конечно, речь не идет и не может идти об отмене исторического принципа образования, хотя урезанность программы, уже практически потерявшей все черты историзма, порой вызывает сомнение: не лучше ли узаконить этот отказ и открыто строить программу вне исторического подхода” (ср.: Долинина Н. А какова цель? // Лит. газета. 1962. 22 ноября. С. 4). Долинина Наталья Григорьевна (1928–1979) — дочь Г. А. Гуковского, литературовед и педагог, автор популярных пособий. Ю. М. Лотман высоко ценил ее книжку “Прочитаем Онегина вместе” (М., 1968).

2   Вероятно, имеется в виду начало XX века, до 1917 года.

3   *Блоковский сборник*. Тарту, 1964.

жила, что не знаю вашего адреса, и долго получала его из Пскова.

Читаю “Сборник” с большим интересом. Ваша статья¹ по теме чрезвычайно интересует меня. А также Дмитрия Евгеньевича², потому что для меня проблема “Блок” проходит именно через прозу и ценностные понятия. Блок — это действительно этапный момент крушения гуманизма. В чем дело? Как это выразилось? Откуда такая опустошенность и что она должна была дать впоследствии? Вот те вопросы, которые вызывает у меня Блок. Обе названные мной статьи проходят рядом с моими вопросами, т.е. с судьбой предреволюционной интеллигенции. Она трагична, как мы это с вами знаем.

Бедный беспомощный Иванов, так называемый “Женя”³, трогателен, но, конечно, почти смешон в своем бессилии. Всему этому шквалу нельзя противопоставлять “маму” и уклад. А вот Павлович — это просто Елизавета Смердящая в чистом виде, только не сумевшая даже родить Смердякова. И по виду удивительно похожа. Она иногда заглядывала к нам в начале двадцатых годов, я запомнила ее вид и речи. Смешно, что она (как и еще несколько женщин) всю свою жизнь построила на почти случайной встрече с Блоком⁴. С Мандельштамом она перефразирует в ослабленном виде запись Блока:

Жид превращается в артиста⁵... Беда...

.....

- 1 Минц З. Г. Поэтический идеал молодого Блока // Блоковский сборник. С. 172–225.
- 2 Максимов Д. Е. Критическая проза Александра Блока // Там же. С. 28–97.
- 3 Иванов Евгений Павлович (1879–1942) — близкий друг А. А. Блока. В Блоковском сборнике опубликованы его воспоминания, сопровождаемые вступительной статьей Д. Е. Максимова и комментариями Э. П. Гомберга и А. М. Бихтера (С. 344–424).
- 4 Н. А. Павлович была знакома с Блоком с 1914 г. до его смерти. За эти годы они встречались и общались неоднократно; кроме того, они близко сотрудничали в разных организациях, в частности в президиуме Петроградского Союза поэтов (Блок — председатель, Павлович — секретарь), в Клубе которого 22 октября 1920 г. читал стихи Мандельштам.
- 5 См. запись в дневнике Блока: “Гвоздь вечера — И. Мандельштам <...>. Сначала невыносимо слушать общегумилевское распевание. Постепенно привыкаешь, «жидочек» прячется, виден артист” (Гришунин А. Л. Блок и Мандельштам // Слово и судьба. Осип Мандельштам: Исследования и материалы. М., 1991. С. 155). У Павлович (которая в своих “Воспоминаниях”, вероятно, сверялась с дневниками Блока) соответствующий пассаж выглядит следующим образом: “Мы с Блоком сидели рядом. Вдруг он тихонько тронул меня за рукав и показал глазами на лицо Осипа Эмильевича. Я никогда не видела, чтобы человеческое лицо так изменялось от вдохновения и самозабвения. Некрасивое, незначительное лицо

Я бросила Псков и работу. Сейчас меня наконец прописали в Москве, но комнаты у меня нет и эту зиму я просижу в Тарусе. Сейчас дожидаясь в Москве Ахматову — она вот-вот появится и уедет в Италию, так что в Тарусу попаду в начале декабря. Весной думаю приехать в Псков, а оттуда, может, на денек к вам посмотреть еще раз Тарту и поговорить обо всем, связанном со “Сборником” и Блоком. Впрочем, это не просто. Мои 65 лет крепко давят — уже не так просто ездить в поездах и ночевать в гостиницах...

Сердечный привет Юрию Михайловичу и всем авторам “Сборника”. Н. Мандельштам.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — З. Г. МИНЦ
«НАЧАЛО 1965 Г., МОСКВА»

Дорогая Зара Григорьевна! Спасибо за то, что вспомнили меня. Вашу новогоднюю открыточку я получила в Тарусе, где проживу, вероятно, до весны. А до этого сидела в Москве в страшной суете и шуме и никак не могла собраться с мыслями, чтобы написать вам о вашем сборнике. Прочла я его с большим интересом — масса материала, содержательные и глубокие статьи. О мемуарах. К Павлович я отношусь резко отрицательно: уж очень нагло она причесывает Блока. Иванов — трогательный и чистый человек, но уж очень заражен он культом Блока. Сама уже эта обстановка культа, женщин — особенно со стороны матери и тетки — и вечного сюсюканья показывает на какую-то глубокую внутреннюю недостаточность и на большое время. Читая дневники, записные книжки и письма Блока, я не раз ловила себя на мысли, что нам было легче: нам подарили реальность, которой у него не было. Трагедия от предчувствий, предвкушений смутного недовольства и полусознанной тревоги не вызывает во мне

.....

Мандельштама стало лицом ясновидца и пророка. Это поразило и Александра Александровича” (Павлович Н. А. Цит. соч. С. 472).

сочувствия. Мы можем гордиться тем, что хлебнули бесприемной жизни, да еще к тому же полной мерой.

Из статей мне наиболее интересными показались “цыганская тема”¹, о прозе Максимова и про Блока и Андреева. Жаль, что ваша статья об отношениях Блока к Соловьеву поневоле сужена. Вам всё же удалось в ряде случаев сказать о Соловьеве, как не говорил еще никто — например, об общественной его позиции (115<?>²). Но так ли схоластичны построения Соловьева (211)? Вы поставили очень интересный вопрос о том, что взял от наследия Соловьева конец 19 и начало 20 века (201) — т.е. Блок, Мережковский, и нынешний Запад (хотя бы Мочульский). Соловьеву позорительно не везло: самый сильный из его последователей Блок соблазнился лишь “душой мира”, Софией и всей этой линией, не поняв целостного взгляда этого философа на мир, на судьбу человечества. Действительно ли вы считаете, что именно в лирике Соловьева “проявились сильные стороны его взглядов” (204)? Я этого никак понять не могу... А знаете ли вы, что, вероятно, именно Соловьев в период новой теодицеи послужил Достоевскому прообразом Ивана Карамазова? То, что Блок взял у Соловьева, привело его к чему-то вроде религии природы, мировой души и к гедонизму (религии счастья хотя бы для всех), но сила Соловьева ведь не в этом. Вы приводите блоковское “она” — “выше Христа” и “я люблю Христа меньше, чем ее”. Вот в этом, вероятно, и сказался кризис русской культуры: отказ от понятия добра — чисто человеческого понятия — ради таинственной, умозрительной и немислимой гармонии, которая называется “она”. Соловьевская мечта о деве, Софии и всем прочем никогда не закрывала перед ним исторической сущности понятий добра и зла, составляющих сущность его философии.

Очень интересно вы разбираете традицию цыганщины в русской поэзии. Помните еще полежаевскую “Цыганку” — одно из его лучших стихотворений? Как это

.....

1   Лотман Ю. М., Минц З. Г. “Человек природы” в русской литературе века и “цыганская тема” у Блока // Блоковский сборник. С. 172–225.

2   Так у Н. Я. В статье об общественной позиции Соловьева говорится на с. 200–202.

случилось, что “воплощением национального начала” (115) стала народная песнь в исполнении цыган? Киреевский, “почвенник” А. Григорьев — все они без цыганки прожить не могли! Как это могло случиться? Видно, очень всегда скучно им жилось...

Правда ли, что славянофилы считали личное начало — “злым”? Я как-то этого не думала. Ведь в учении о соборности (Хомяков) нет и тени этого. Наоборот — личность находит себя в соборности...

А что все-таки делать с поэзией? Ведь по существу она непознаваема. Поэтому и легко бывает с Блоком, что его условность так часто просится прямо в руки — берите... Сравнительно легко говорить о поэте, но до чего трудно говорить о стихах...

Простите, что я так мало и поверхностно написала вам про вашу большую и умную работу. Надежда Мандельштам.

Сердечный привет Юрию Михайловичу. Боюсь не спутала ли я отчество... ведь мы были знакомы только один короткий день...

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — З. Г. МИНЦ И Ю. М. ЛОТМАНУ
 «НАЧАЛО НОЯБРЯ 1965 Г., МОСКВА»**

Дорогие Зара Григорьевна и Юрий Михайлович!
 Я знаю, что вы бываєте в Москве. Отчего бы Вам когда-нибудь не зайти ко мне?

Кстати, я давно хочу иметь “Лекции по структуральной поэтике”¹. Мне кажется, что я могла бы как-то на эту книгу отреагировать. Но она как назло попадает ко мне в руки на очень короткие сроки, и я не успеваю вчитаться.

.....

1 Имеется в виду кн.: Лотман Ю. М. Лекции по структуральной поэтике. Вып. I (Введение, теория стиха). Тарту, 1964. (Труды по знаковым системам. Вып. 1 «Учен. зап. Тарт. гос. ун-та. Вып. 160»).

Вообще, пора познакомиться по-настоящему и поговорить.
Надежда Мандельштам.

Москва, Большая Черемушкинская.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЛОТМАНУ
26 НОЯБРЯ <1965 Г., МОСКВА>

Дорогой Юрий Михайлович!

Спасибо за книгу¹ — я давно хотела ее иметь. Свою книгу читаешь медленно и спокойно, а мне хотелось вашу прочесть именно так, чтобы написать вам потом о ней.

Я была в Ленинграде у Максимовых, и мы говорили с Дм<итрием> Евг<еньевичем> кое о каких публикациях. Он вам напишет.

Если будете в Москве, заходите. Телефона у меня нет, поэтому (чтобы застать дома) предупредите письмом.
Надежда Мандельштам

Сердечный привет Заре Григорьевне.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — З. Г. МИНЦ И Ю. М. ЛОТМАНУ
<НАЧАЛО 1966 Г., МОСКВА>

Дорогие Зара Григорьевна и Юрий Михайлович (я правильно запомнила имена? Ведь хоть мы хорошо знакомы, но виделись один-единственный раз).

Очень приятно было получить вашу записочку и убедиться, что вы меня не забыли... Если будете в Москве, навестите меня. Я сейчас живу в своей квартирке: Большая Черемушкинская, 50, корп. 1, кв 4. Это далеко,

.....

1 Речь идет, вероятно, о книге Ю. М. Лотмана “Лекции по структуральной поэтике” (см. выше).

но сообщение хорошее. Телефона у меня нет, но надо позвонить В19185 — Василисе Георгиевне Шкловской (или Варваре Викторовне) и узнать, дома ли я. Еще проще — предупредить письмом, когда вы будете... Нам есть о чем поговорить — и я была бы очень рада вас видеть. Надежда Мандельштам.

Часто слышу о вас, в частности, от Наташи Горбаневской¹.

.....

“ЮЛЕНЬКА, НЕНАГЛЯДУШКА!”:

ПИСЬМА Н. Я МАНДЕЛЬШТАМ

Ю. М. ЖИВОВОЙ И И. Д. РОЖАНСКОМУ (1962–1967)

(Публикация и примечания П. Нерлера²;
предисловие О. Рубинчик³)

.....

Юлия Марковна Живова (5 ноября 1925 г. — 31 марта 2010 г.) — специалист по польской литературе, переводчица, с 1948 года — редактор издательства “Художественная литература” (Гослитиздат). “...Редакция стран Восточной Европы в «Худлите» — это была совершенно особая вещь, — считает Б. В. Дубин. — Там собрались люди, которые сами ходили по грани: там была, скажем, Ника Глен⁴, одна из ближайших подруг Ахматовой и хранительница части ее архива, там была Юлия Марковна Живова, с которой мы в основном по польской части и работали. Хорошо, что была сравнительно

.....

1 Горбаневская Наталья Евгеньевна (1936–2013) — поэтесса, правозащитница.

2 В публикацию включены отдельные письма Н. Я. Мандельштам И. Д. Рожанскому и Н. В. Кинд, а также Е. Я. Хазину (архивы Ю. М. Живовой и И. Д. Рожанского). Публикуемые материалы предоставлены Отделом редких книг и специальных коллекций Хесбургской библиотеки (*Hesburgh Libraries*) Университета Нотр-Дам, Саут-Бенд, Индиана, США. За помощь в подготовке публикации П. Нерлер благодарит Ф. И. Рожанского, О. Е. Рубинчик и А. В. Миронову.

3 За помощь в подготовке предисловия О. Рубинчик благодарит П. М. Нерлера, Ф. И. Рожанского, О. С. Фигурнову, Ю. Л. Фрейдина.

4 Глен Нина Николаевна (1925–2005) — филолог-славист.

вегетарианская эпоха, а то бы этим людям греметь самым дальним этапом”¹. “Гослитиздат, — вспоминает Е. В. Витковский, — был не единственным, но главным прибежищем для оголодавших поэтов в советском царстве сталинской эпохи”, Ю. М. Живовой “довелось в 60-е годы спасти переводами уже совсем иное поколение поэтов — от Бориса Слуцкого и Давида Самойлова до Иосифа Бродского”².

Дочь поэта и переводчика М. С. Живова, сестра известного лингвиста В. М. Живова (лингвистом стал и сын Юлии Марковны — Ф. И. Рожанский), вторая жена физика и выдающегося историка античной науки и философии И. Д. Рожанского, Юлия Марковна всегда находилась в окружении замечательных людей. Литература была для нее жизнью. И потому так органичны были человеческие отношения внутри литературного круга: с Э. Г. Казакевичем, с Арс. А. Тарковским, с Д. С. Самойловым, с И. А. Бродским и др. В 1950-е годы Ю. М. Живова познакомилась с А. А. Ахматовой. В записных книжках, которые Ахматова вела с 1958 года, имя “Юля” встречается множество раз: и в связи с переводами для “Художественной литературы”, польскими и не только, и в списках тех, кому дать рукопись впервые набранного на машинке “Реквиема”, и — “с Юлей в сберкассе”³. По справедливым словам О. С. Фигурновой, Ника Николаевна и Юлия Марковна были рыцарями Ахматовой, хранившими ей абсолютную верность.

А. А. Ахматова и познакомила Ю. М. Живову с Н. Я. Мандельштам. В книге об Ахматовой Надежда Яковлевна вспоминала: “Общих друзей у нас почти не было. Из всей толпы ее гостей за многие годы я подружилась только с несколькими людьми, которых она мне сама подарила: Юля, Ника и, кажется, больше никого”⁴. В 1962 году Надежда Яковлевна записала для себя: “Была Юля. «Мы счастливые люди — у нас было о чем думать и что думать: больше любви, больше всего в жизни я думала о Сталине и о ГПУ». Это я. Она понимает”⁵. Думается, что дар понимания и был одним из главных качеств, которые ценили в Ю. М. Живовой Н. Я. Мандельштам, А. А. Ахматова и многие другие. Ценили и способность к сочувствию, и готовность помочь, и — красоту. А. А. Ахматова называла Юлию

.....

- 1 Борис Дубин о временах Борхеса и начала социологии (беседа с Л. Борусяк) // www.POLIT.ru/analytcs/2009/10/25/dubin1.html.
- 2 Витковский Е. В. Против энтропии. URL: <http://lib.uka.ru/lib2/03/WITKOWSKI/slushatel.html>.
- 3 *Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966)*. М.; Torino, 1996. С. 405.
- 4 *Об Ахматовой*. С. 169.
- 5 Надежда Мандельштам: “Посмотрим, на кого работает время...” Из неопубликованного / Публ. С. В. Василенко, П. М. Нерлера, Ю. Л. Фрейдина // Новая газета. № 27. 14 марта 2014. С. 17.

Марковну “царицей Савской”, Н. Я. Мандельштам в одном из писем обратилась к ней со словами: “Юленька, ненаглядушка!”

Знакомство с Надеждой Яковлевной произошло, по-видимому, в конце 1950-х годов. Юлия Марковна навещала ее не только в Москве, но и вне столицы. Об этом говорится и в приведенных ниже письмах, и в письме Н. Я. Мандельштам от 6 января 1963 года из Пскова, адресованном Н. Е. Штемпель: “Ко мне приезжала приятельница молодая на Новый год. Она провела у меня несколько дней и привезла грудку новостей. Был вечер Марины «Цветаевой», который прошел с большим триумфом. Потом потрясающий концерт Шостаковича. Рукопись Осинной книги уже должна быть в редакции”¹. Не только Новый, 1963 год, но и 1966 год они встречали вместе, но уже в Москве, в недавно полученной Надеждой Яковлевной квартире на Большой Черемушкинской улице. Кроме Ю. М. Живовой, в гостях у Н. Я. Мандельштам тогда были В. М. Живов, В. Т. Шаламов и В. М. Борисов². По воспоминаниям Юлии Марковны (в записи О. С. Фигурновой), она иногда “ночевала у Надежды Яковлевны в Черемушках в 1965–1966 годах, просыпалась от ее крика во сне. Страх”³. В 1967 году Н. Я. Мандельштам упомянула Ю. М. Живову в завещании: “...прошу помогать из этих денег Юле Живовой...”⁴, — это было связано с трудным материальным положением Юлии Марковны после рождения в 1966 году сына.

Дружба сохранялась до конца жизни Н. Я. Мандельштам, хотя встречи в последние годы были нечастыми⁵. Ф. И. Рожанский вспоминает: “...в детстве мы с мамой ходили к ней в гости. Во всяком случае, в моей детской памяти она отложилась как один из близких маме людей. Мне кажется, что это было в Переделкине”⁶. По словам О. С. Фигурновой, Юлия Марковна была в числе друзей, поочередно дежуривших возле Надежды Яковлевны в последний месяц ее жизни: “После того как Н. Я. Мандельштам умерла, Юлии Марковне позвонили — и она приехала: «Знаете, Оля, я видела, как менялось ее лицо, — я никогда раньше не видела у Надежды Яковлевны такого прекрасного лица»”.

.....

- 1 Об Ахматовой. С. 318. Ср. письмо Н. Я. Мандельштам Н. И. Харджиеву от того же числа: “Юля привезла мне добрую весть про то, что рукопись сдана” (там же. С. 29).
- 2 *Con amore*. С. 218.
- 3 Ольга и Марина Фигурновы дружили с Ю. М. Живовой в последние лет десять ее жизни.
- 4 *Собр. соч.* Т. 1. С. 52. Впоследствии это завещание юридической силы не имело.
- 5 По устному свидетельству Ю. Л. Фрейдина.
- 6 Из письма Ф. И. Рожанского О. Е. Рубинчик, 18 марта 2014 г. Судя по письмам Н. Я. Мандельштам к Н. Е. Штемпель, она снимала дачу в Переделкине в 1969 и 1970 гг. См.: Об Ахматовой. С. 406, 410–412. В Переделкине она жила и позднее, в частности в свое последнее лето (*Con amore*. С. 537 и др.).

Незадолго до смерти самой Юлии Марковны, когда она была уже лежачей больной и ее мучили жестокие боли, она сказала по телефону как о чем-то для себя важном: «Я слушала по радио «Вторую книгу» Надежды Яковлевны»¹.

Ольга Рубинчик

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
12 ИЮЛЯ <1962 Г., ТАРУСА>

Юленька! Как вы живете?

Я получила от Ричарда² письмо. Он пишет много о вас с большой нежностью и почти восторгом. Знаете ли Вы, что он напечатал воспоминания, как он пишет, о вашем отце в журнале?³ В каком, не знаю, но он очень интересуется, как вы их приняли.

Целую вас, Юля.

Очень хочу видеть.

Варюша написала мне, что вас опять постигло разочарование и что вы что-то плакались. Это просто разговор или еще что-нибудь? Н. М.

.....

- .....
- 1 Из телефонного разговора Ю. М. Живовой с О. Е. Рубинчик. Подробнее о Ю. М. Живовой см.: Рубинчик О. Е. Юлия Марковна Живова // Анна Ахматова: эпоха, судьба, творчество: Крымский Ахматовский науч. сб. / Сост. и науч. ред. Г. М. Темненко. Вып. 8. Симферополь, 2010.
  - 2 Имеется в виду Рышард Пшибыльский (р. 1928) — польский литературовед и переводчик, сотрудник Института литературных исследований Польской АН. Переводчик, публикатор и один из первых исследователей творчества О. М. В 1959 г. познакомился с А. А. Ахматовой, в 1961 г. — с Н. Я. Мандельштам.
  - 3 Живов Марк Семенович (1893–1962) — литературовед, журналист и переводчик с идиша, немецкого и польского, редактор-составитель изданий польской литературы. Какая публикация тут имеется в виду, однозначно установить не удалось. Скорее всего подразумевается некролог Р. Пшибыльского «Памяти Марка Живова» (Pamięci Marka Żuwowa), вышедший в еженедельнике *Życie literackie* 18 марта 1962 г.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
«НАЧАЛО СЕНТЯБРЯ 1962 Г., ПСКОВ»

Юленька! Я работаю уже четыре дня. Всё это скоро лопнет... А жаль: проработала бы 10 лет и купила бы себе на старость дом в Тарусе. Вот была бы жизнь!

Юлечка, мне очень хочется вас видеть. Где вы? Что с вами? Как жаль, что вы не отвечаете на письма... Н. М.

Если что захотите написать: Псков до востребования. Конверт расклеила я. Сама.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
2 ОКТЯБРЯ «1962 Г., ПСКОВ»

Юлинька! Как бы сделать, чтобы вы меня не забыли? Ведь мы никак не можем повидаться и поговорить.

Мне почему-то кажется, что Псков вас приманит. А что, если в самом деле приехать толпой (Миша¹, Настя², вы, Варюша, Коля) на ноябрь? Вот было бы мило!

Я еще не знаю, на какие дни они выпадут. Кажется, середина недели... Жаль... Но если три-четыре дня, ведь это было бы роскошно. Н. М.

Отзовитесь...

.....

.....

1 Поливанов Михаил Константинович.

2 Поливанова (урожденная Баранович) Анастасия Александровна, его жена.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
9 ДЕКАБРЯ 1962 Г., ПСКОВ

Юленька! Неужели вы никогда не напишете?
 Я очень хочу вас видеть. Неужели стихи из “Дня поэзии”¹
 будут переведены в том же виде, в каком их соблаговолили
 напечатать. Они выкинули половину из “Стансов” и сде-
 лали гладкие стишки. Это наглость чудовищная. Благоде-
 тели — вспомнили, напечатали покойничка...

Хорошо, что я не в Москве... Напишите, ради бога.

Надя.

Привет Инне и Ире...² А еще маленькому брату
 Вите. Он славный мальчик. Что он сейчас творит, т.е.
 вытворяет?

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
20 ДЕКАБРЯ 1962 Г., ПСКОВ

Юленька! Я буду страшно рада, если вы приедете ко
 мне. Я свободна субботу и воскресенье.

Хотела вам телеграфировать, но сообразила, что
 надо много просить.

1. У меня обострение язвы и нужны травы. (Ради
 бога, никому не говорите, а то поднимут писк.)

Это 1) поливитаминный чай — 3–4 коробки; 2) Жо-
 стер — 2–3 коробки. 3) Шиповник — 1–2 коробки. *Если*
есть — *викалин* — *лекарство от язвы*. Но у меня еще есть
 полбанки. Нельзя принимать без трав.

.....

1 Имеется в виду дефектная публикация стихотворений: “Ариост” (“Во всей Италии
 приятнейший, умнейший...”), “Стансы” (“Я не хочу среди юношей архивных...”), “По-
 сле полуночи сердце ворует...”, “Да, я лежу в земле, губами шевеля...” // *День поэзии*.
 М., 1962. С. 285–286.

2 Предположительно Инесса Захаровна Маленкович и Ирина Адаховская.

2. Привезите какой-нибудь пристойный одеколон, бутылочку — Экстру или Тройной. (Экстра и есть тройной, но нормального сорта.) А то здесь только душистые эстонские. Это слишком.

Дайте телеграмму — я вас встречу в 7 утра.

Мой адрес — Гоголевская, 25, кв. 7. Если я не дома, значит в Институте... Но в 7 утра я дома. Обязательно телеграфируйте, а то не услышу стука...

Ужасно буду рада вам. Н. М.

Больше ничего не везите. Что нам пиры и что мы пирам! Здесь можно прокормиться.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
6 ЯНВАРЯ 1963 Г., ПСКОВ**

Юленька! Ужасно жаль, что вы уехали¹. Без вас Псков не в Псков. Я поняла, почему я была такая растерянная: я не могла понять, почему вы уезжаете, а я остаюсь.

Еще раз крепко целую.

Спасибо, что приезжали. Н. М.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
30 ЯНВАРЯ 1963 Г., ПСКОВ**

Юленька! Похоже, что я смогу вырваться и приехать 9-го. Это суббота? Уеду 17-го. Где Анна Андреевна? Как вы?

Жду вас в гости к Шкловским в первый же вечер.

.....

1 Сохранилась квитанция Ю. М. Живовой из гостиницы в Пскове на три ночи (со 2 по 5 января 1963 г.).

Никите обещан пир, т.е. орехи, гости. Не забывайте.

Увижу я Иру и Инну? Рада бы.

Адреса Марьи Веняминовны¹ вы мне не прислали, а надо бы мне ей написать. Но сейчас, верно, поздно. А может, и нет. Во всяком случае, хорошо бы иметь его в Москве. Н. М.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
20 ФЕВРАЛЯ <1963 Г., ПСКОВ>

Юленька! Не забывайте, что у вас есть одна знакомая старая учительница, которая уже успела затосковать в Пскове...

Откликнитесь!

Узнайте мне, как писать Риполино² и сколько в нем “п”... Я вас очень целую и люблю. Я бы хотела получить одну книжечку по этнографии от Ивана Дмитриевича. Но сюда это очень долго. Здесь будут год читать³. Может, он к себе посылает? Он вам пишет? Она вышла в 62 году. Это *Claude Lévi-Strauss. La Pensée sauvage. Paris, Plon, 1962*⁴.

Если пишете ему, спросите его или пришлите мне его адрес. Н. М.

.....

.....

1 Юдиной.

2 Правильно: Рипеллино Анджело Мария (Ripellino Angelo Maria, 1923–1978) — итальянский поэт, писатель и переводчик, критик и филолог-славист, профессор Римского университета Ла Сапиенца. Составленная им антология *Poesia russa del Novecento* (1954, 1960) является вехой в истории восприятия русской поэзии в Италии. В нее включены и 11 переводов из О. М.

3 Это означает примерно следующее: если послать книгу из Парижа прямо в Псков, то провинциальные гэбэшники будут очень долго ее проверять, и пройдет год, пока они убедятся, что в ней нет ничего антисоветского.

4 Леви-Стросс Клод (1908–2009) — знаменитый французский этнограф и культуролог, автор теории структурализма в этнологии.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
2 АПРЕЛЯ «1963 Г., ПСКОВ»

Юленька, ненаглядушка!

Я чувствую, что вам нужно было преодолеть, чтобы раскататься и написать письмо. И я сама знаю, как это трудно, если не живешь в провинции. Даже из Тарусы — ведь это столица — писать не могла. Тем более ценю ваши скупые строчки.

Мне мрачно: я должна работать весь июнь. На-доело.

Из событий — Саша нашел в архиве любимый мной перевод О. М. (впрочем, это почти что не перевод — вроде “Аймо́на”) сказания об Алексее. Точнее, это кусок — плач по Алексею¹. По-моему, замечательно. И многое объясняет и в стихах, и в жизни.

Мне тоже трудно вато переносить фокусы климата, но я, конечно, не так на них реагирую, как вы. В моем возрасте лишь бы не получить смертельную простуду.

Как братишка — Витя? Как Инна и Ира? Кланяйтесь всем от меня. Жалко, что я Иру не видела. Она мне очень нравится. Как она устроилась? Никушке тоже сердечный привет. Хотела ехать в Ленинград, но Анна Андреевна сбежала в Комарово. На два дня ехать, да еще с вокзала на вокзал у меня уже сил нет.

Целую вас крепко. Н. М.

Не забываете.

.....

.....

1 “Алисканс”.

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
И. Д. РОЖАНСКОМУ И Н. В. КИНД
12 МАЯ «1963 Г., ПСКОВ»**

Дорогие Иван Дмитриевич и Наташа! (Боже! Надо было сначала написать — женщину — Наташу! Но она мне простит мою старческую слабость к мужчинам.) Спасибо большое за книгу. Она меня очень обрадовала. Ведь я, между прочим, языковед, а там много вещей, нужных языковеду. Да и для поэзии там есть кое-что.

Была в Ленинграде. Видела Анну Андреевну. Велела вам кланяться, если буду вам писать. Она мне сказала, что Наташа приедет летом. Правда?

Наверное, очень мило, как дочка¹ ходит в школу. В мое время это тоже называлось *école primaire*², и я ходила туда в таком же возрасте, как ваша дочка. Хорошо она уже говорит? Это уже на всю жизнь. Мне помнится, что я заговорила в первый же день, но немножко огорчилась, потому что знала уже немецкий и английский, и помню ужас первой минуты: еще один язык! Это я вышла одна на улицу в Лозанне (сколько в ней “н”?) — где-то в “*Oushi*”³. Так? 56 лет тому назад. Осенью, дети играли в стукалочку⁴ — и я подхватила первые слова. Смешно...

Летом я буду в Тарусе. Куда вы поедете? Очень рада, что вам понравился Вадим Леонидович. И Ольга Викторовна⁵ душка.

Анна Андреевна написала 4 стихотворения. Довольна. У нее толпы народа. У меня там тоже было полно людей, зато в Пскове я отшельница — никого, кроме студентов и двух-трех преподавателей. Редкий случай —

.....

1 Рожанская Надежда Ивановна (р. 1956).

2 Начальная школа (фр.)

3 Квартал Уши (Oushi) находится в Лозанне на берегу Женевского озера.

4 Детская коллективная игра, напоминающая прятки (см. подробное описание: <http://pedagogic.ru/books/item/foo/soo/z0000019/sto48.shtml>).

5 Андреев Вадим Леонидович и Чернова Ольга Викторовна, отец и мать О. Карлайл.

у меня дружба с кафедрой литературы. Этого никогда не бывало.

Зря вы не интересуетесь психологией. Это грандиозная область (наш Выготский¹ и структуралисты). Но и мне интересно кое-что в философии — например, бердяевский Достоевский². Говорят, интересно.

Жму руку. Наташу целую. Надеюсь на встречу.
Н. М.

До июля я в Пскове (Почтамт, востр.). Потом в Тарусе (Калужская, Либкнехта, 29). Рада буду получить весточку.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — И. Д. РОЖАНСКОМУ
«1963 Г., ТАРУСА»**

Дорогой Иван Дмитриевич!

Слышала, что вы и Наташа приедете в отпуск.

Была бы очень рада вас повидать, но, вероятно, с октября буду в Пскове. Хотите меня очень обрадовать? Я мечтаю об одном подарке. Моя невестка³ — интересная художница — осталась без материалов. Она мечтает о пастели. Любого качества, любой пастели... Очень тяжело видеть, как настоящий художник мучится⁴ без материала. И она действительно хороший художник и друг моих любимцев. Если вы мне друг — помогите, привезите ей хоть немного этого добра, и я вам тоже подарю кучу игрушек, которые вас порадуют. Я изредка читаю ваши письма, но обращенные, к сожалению, не ко мне, а к Мише, к Леве⁵ и к другим

.....

1 Выготский Лев Семенович (1896–1934) — знаменитый советский психолог, высоко ценимый Н. Я. Мандельштам. Автор и разработчик культурно-исторической теории в психологии.

2 См. работу Н. А. Бердяева “Мирозозерцание Достоевского” (1923).

3 Фрадкина Елена Михайловна.

4 Так в тексте.

5 Предположительно Лев Зиновьевич Копелев.

вашим друзьям. Рада бы получить от вас весточку. Надежда Мандельштам.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — И. Д. РОЖАНСКОМУ
«1963 Г., ТАРУСА»**

Дорогой Иван Дмитриевич!

Спасибо вам и Наташе за подарки, особенно за пастель. Если бы вы подольше здесь побыли, вы бы зашли к Евгению Як <овлевичу> посмотреть, стоило ли привозить пастель его жене. Она настоящий прекрасный художник, друг всех тех, кого поминали лихом.

Когда вы, наконец, вернетесь? Пора... Н. М.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
1 ДЕКАБРЯ «1963 Г., ПСКОВ»**

Юленька! Спасибо за подарочек.

Хоть бы вы меня иногда вспомнили и отозвались.

Н. М.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
29 ДЕКАБРЯ «1963 Г., ПСКОВ».**

Юленька! Спасибо вам за дружбу, за всё и за подарки. Я пишу Нике, что нужно было, чтобы вы все подросли, чтобы разбить то страшное одиночество, в котором были мы с Анной Андреевной. Только сейчас вокруг нее

настоящие друзья (раньше это было совсем не то, хотя шум был всегда).

Я рада, что вы поднялись, и рада, что я дожила.
Н. М.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — И. Д. РОЖАНСКОМУ
26 ИЮНЯ <1964 Г., ТАРУСА>**

Дорогой Иван Дмитриевич!
Я очень хочу, чтобы Вы приехали хоть на несколько дней.

Если Вы приедете один, будьте моим гостем. Положить я вас, правда, могу только на террасе. Но кормить и поить буду вполне гостеприимно. Или возьмете на два-три дня комнату или койку в гостинице, а остальное у меня.

Н. М.

Мой адрес: Таруса Калужской, ул. К. Либкнехта, 6,
кв. 6.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
<НЕ РАНЕЕ ИЮЛЯ 1964 Г., ТАРУСА>**

Юленька! Вспомните, что вы обещали мне хоть изредка писать.

Был у меня Ив<ан> Дм<итриевич>, очень трогательный.

Мы нарушили обет молчания и перекинулись словечком о вас.

Я очень по вас скучаю и целую вас. Н. М.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
«НЕ РАНЕЕ ИЮЛЯ 1964 Г., ТАРУСА»

Юленька! От жары текут ручки, а я просто умираю. Получили ли вы бумажку, т.е. заявление в бухгалтерию Гослита? Я послала из Москвы. Если нет, скажите по телефону Варюше. Можете вы приехать чуть-чуть отдохнуть? Была бы рада. Н. М.
Либкнехта, 29.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
11 СЕНТЯБРЯ «1964 Г., ТАРУСА»

Юленька! Напишите мне, ради бога, что с Иваном Дмитриевичем. Я очень огорчена, что он даже ничего не ответил на мой робкий запрос.

Передали ли вы письмо Мише¹? Я бы предпочла, чтобы нет... Злое.

Сейчас у меня тишина. Я одна. Рада была бы, если бы кто-нибудь выбрался ко мне. Очень сейчас хорошо, чисто, тихо, и всюду пустые кровати.

Я буду у Поли² до конца сентября. Поцелуйте Никочку.

Елена Михайловна (моя Фрадкина) все-таки уехала, <стало> спокойнее. Женька — прелесть. Не забывайте его, не то он одичает. Целую. Н. М.
Таруса Калужской, Либкнехта, 29.

.....

.....

1 Поливанову.
2 Степиной.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — И. Д. РОЖАНСКОМУ
23 СЕНТЯБРЯ 1964 Г., ТАРУСА

Дорогой Иван Дмитриевич!
 Фотографии получила — чудные. Лучше желать
 нельзя.

К сожалению, издательство что-то замолкло — не знаю,
 в чем дело. И “Библиотека поэта” уже даже не шевелится.

Но даже без практической цели я страшно рада
 фотографиям.

А как с фотографиями самого Оси? Мне очень бы
 хотелось иметь побольше. Можно?

Не должна ли я вам денег? Я не знаю, сколько всё
 это стоит.

Не забывайте меня. Н. М.

Привет Нате.

Я переезжаю на “1ая Садовая, 2”... Была бы рада
 гостям.

Очень боюсь зимы.

Сейчас много работы.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
2 ОКТЯБРЯ <1964 Г., ТАРУСА>

Юленька, голубка! На ваше письмо о смерти Ники-
 ной мамы, Райсы Александровны, я написала Нике. Бедная
 Ника...

Для близких мгновенная смерть ужасна. Ощуще-
 ние всю жизнь, что не договорил последнюю фразу. Я ду-
 маю, что смерть близких можно пережить только потому,
 что оставшиеся на время полусходят с ума. Это пережива-
 ется в безумном состоянии. Когда с этим сталкиваешься, то
 понимаешь, что только это и есть. Да вы это знаете.

Как она сейчас? Я очень за нее боюсь. Ее замкнутость очень опасная вещь.

Я очень много работаю и к концу октября кончу и приеду в Москву на месяц.

Едет ли Анна Андреевна в Италию?¹ Хорошо, что осенью. Что о ней слышно?

Возраст я сейчас очень чувствую. Всё не по силам. Даже выйти опустить письмо.

Живу у Гольшевых (Первая Садовая, 2) с котенком. Переехала в самом конце сентября. Если бы выбралась, была бы рада. Отзовитесь...

Миша всё же обиделся. Я написала ему, но он не ответил. Письмо ведь было злое... Зря вы отдали — он ведь болен. Как его здоровье? Н. М.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
«КОНЕЦ ОКТЯБРЯ 1964 Г., ТАРУСА»

Юленька, голубка!

Очень хорошо получать от вас записочки.

Буду 31-го — вечером, — 1-го — 2<-го> в Москве.

Крепко вас целую. Н. М.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
29 НОЯБРЯ «1966 Г., МОСКВА»

Юленька!

Я вернулась из Ленинграда, а от вас ничего нет — вы же обещали написать. Где вы?

.....

1 Поездка А. Ахматовой в Италию состоялась в декабре 1964 г.

На следующей неделе я запишусь к врачам и буду в вашем доме¹. Черкните, как вас искать? Н. М.
Кстати, не можете ли вы мне сообщить адрес Димы?
.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
«ОСЕНЬ 1966 Г., МОСКВА»

Юленька! Поздравляю с сыном². Вы, дружок, умница и чудо. Все-таки вы ухитрились и сделали меня бабушкой. Здорово! И он сын, как вы хотели. Есть у него уже имя, кроме того, что он сын? Юленька, главное, помните, что слабые женщины невероятно сильны и что у такого чуда, как вы, сын будет чудесный. Целую вас. Н. М.
.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
3 ДЕКАБРЯ «1966 Г., МОСКВА»

Юлечка, голубка моя!
Только что получила вашу записочку. Я приду к вам на следующей неделе, записавшись к врачу.
Как только буду знать когда, напишу.
Целую. Над. М.
.....

.....

1 Ю. М. Живова проживала на 2-й Аэропортовской улице, недалеко от поликлиники СП СССР
2 Федор Иванович Рожанский родился 22 сентября 1966 г.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
⟨7 ДЕКАБРЯ 1966 Г., МОСКВА⟩
ЧЕТВЕРГ

Юленька! Я буду у врача в 12.40 в пятницу. Узнала об этом слишком поздно, чтобы предупредить вас заранее. (Меня записала Ел<ена> Мих<айловна>¹). Всё же попробую зайти.

Миша Ардов на пятницу созывает к Суркову “ахматовскую Москву”². Я надеюсь, вы не бросите ради этого Федю. Целую вас. Н. М.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
17 ЯНВАРЯ ⟨1967 Г., МОСКВА⟩

Юленька! Спасибо, дружок, что вы вспомнили этот день³. Действительно, я вспоминала вас — телепатия действует. Очень всегда вас помню и люблю. Недельки через 2–3 поеду к врачу и тогда зайду к вам. Предупрежу письмом. Очень хочу вас видеть.

Напишите мне, как вы, как Федя. Чтобы облегчить вам эту тяжелую задачу, вкладываю (как Поле) конверт с адресом. Ведь пока достанешь конверт и карандаш, забываешь, кому собирался написать.

Целую вас. Н. М.

.....

.....

1 Голышева.

2 Имеется в виду созданная по инициативе М. Ардова встреча 8 декабря 1966 г. у А. А. Суркова в Иностранной комиссии СП СССР (см. об этом в письме Л. К. Чуковской В. М. Жирмунскому. URL: http://imwerden.de/pdf/chukovskaya_zhirmunsky_rerepiska.pdf). Она должна была предшествовать заседанию Комиссии по литературному наследию А. А. Ахматовой в Ленинграде, заявленному на 12 декабря 1966 г. На встрече, кроме Суркова и Ардова, присутствовали также А. Тарковский, С. Липкин, М. Петровых, Н. Ольшевская, Э. Герштейн, А. Найман, Н. Глен, Л. Большинцова и Л. Чуковская (Н. Харджиев был болен).

3 Очевидно, Ю. Живова поздравила Н. Я. с днем рождения О. М.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
19 ИЮЛЯ <1967 Г., ВЕРЕЯ>

Юленька! Я просто работаю — много и трудно. Свою книгу бросила. Сейчас — вокруг стихов¹. Как быть? — трудно и много. Это запущено из-за Харджиева. Поездка в Ленинград (суд) была невыносима². Скрасил ее только Оська Бродский (я ему подарила сейчас “Оську” вместо “Иоськи”, но это случайно). Всё же славный дурень, когда хочет. Помните, какой он был противный тогда³? Теперь он помнит этот первый опыт и бывает вполне мил.

Там были Эмма и Ник. Ив. Ну их обоих к... Меня ругала Исакович⁴ в “Библиотеке поэта” за бедного Николая Ивановича. Я увидела, кстати, какие все рекламисты... “текстологическая работа”... Труды, труды...

А я вот ничего не делаю уже добрых 68 лет и чувствую себя вполне хорошо... А теперь пришлось засесть, чтобы сделать то, чего не сделали другие.

Знаете ли вы Никин адрес? Напишите мне его. Это будет предлог написать письмо, что всегда так трудно и мне, и особенно вам.

Я вас очень люблю и хочу знать ваши новости.

Целую вас. Н. М.

Как Федя? Что он говорит? Откуда берется в июле ветер? Может, Федя знает?

.....

.....

1 Имеется в виду работа над комментарием к поздним стихам О. Мандельштама.
 2 Поездка на суд из-за наследства А. А. Ахматовой.
 3 По-видимому, имеется в виду случайная встреча Ю. Живовой и И. Бродского в Пскове в январе 1963 г.
 4 Исакович Ирина Владимировна — издательский редактор тома Мандельштама в “Библиотеке поэта”.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Ю. М. ЖИВОВОЙ
17 АВГУСТА «1967 Г., ВЕРЕЯ»

Юленька!

Боже, как мне надоела Верея и как хочется в Москву. Но никто меня в Москву не отпустит. Так и буду здесь сидеть. Еще недели три.

Уезжает скоро Дима, и мы останемся втроем. Как-нибудь проживем.

Болен Илья Григорьевич¹, и я умираю со страха...
Целую Юлю и Федю. Н. М.

.....

“НО ТОЛЬКО НЕ ЗАБЫВАЙТЕ ПРО СЕБЯ...”:
ПИСЬМА Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ Н. В. КИНД
(1965–1966)

(Публикация и предисловие Н. Рожанской)

.....

Моя мама, Наталья Владимировна Кинд, родилась 8 июля 1917 года в Петрограде в семье профессора Политехнического института Владимира Августовича Кинда. Он был химик-металлург, крупный специалист в области строительных материалов. Ее мама — Вера Гавриловна, урожденная Слесарева, была из вятских крестьян. Родные дали ей возможность получить хорошее образование. Она окончила Казанскую женскую Мариинскую гимназию и Высшие женские Бестужевские курсы в Санкт-Петербурге.

В юности Наталья Кинд слышала стихи Мандельштама: вероятнее всего, это произошло на одном из двух вечеров поэта в Ленинграде в 1933 году. В 1939 году она окончила геолого-почвенный факультет Ленинградского университета. Вскоре она стала участником Алмазной экспедиции, а в мае 1940 года уехала на Урал, где проработала всю войну.

.....

1

См. наст. издание, с. 514., примеч. 2.

В 1945 году Наталья вернулась в Ленинград, а в 1950 году вышла замуж за Ивана Дмитриевича Рожанского, которого знала с ранней юности. Вместе с ним она переехала в Москву. В первой половине 1950-х годов Наталья Кинд неоднократно ездила в экспедиции в Якутию, где 8 сентября 1953 года (в Натальин день) произошло эпохальное событие в истории советской геологии: на якутской реке Малая Ботуобия Наталья Кинд нашла алмаз, что положило начало открытию многочисленных алмазных месторождений в этом регионе. Весной 1955 года геолог Наталья Владимировна Кинд, начальник тематической партии № 132, составила прогнозную карту, где были обозначены два предполагаемых ею места нахождения коренных алмазов в бассейне р. Малой Ботуобии. Копии она отдала сотрудникам, выехавшим первыми к месту полевых работ. Уже через три дня после высадки в тайге, 13 июня 1955 года, геолог Ю. Хабардин и прораб Е. Елагина нашли кимберлиты из трубки, ставшей потом знаменитой.

Но, к сожалению, первооткрывательницы месторождения не только не получили наград, но и были уволены из экспедиции. Имена женщин-первооткрывательниц долгое время не упоминались, все “лавры” достались якутским геологам¹. Надо сказать, что Наталья Владимировна очень легко относилась к такой несправедливости.

В 1959 году Кинд поступила на работу в Геологический институт Академии наук. Она ставила перед собой задачи: создать новую лабораторию радиоуглеродного датирования и изучить четвертичную геологию Сибири. В 1971 году она защитила докторскую диссертацию по теме “Геохронология позднего антропогена по изотопным данным”, на основании которой в 1974 году была издана монография, ставшая одним из классических трудов по геологии. Ее работы остаются и сейчас уникальными. Она работала до 1982 года, а потом вышла на пенсию. Но было видно, что ей очень не хватает работы. Это о профессиональной стороне жизни Натальи Владимировны.

А другая сторона ее жизни — это общение и интерес к людям. Она была “гением общения и дружбы”. Одна из ее подруг вспоминала: “Кинд обладала каким-то доброжелательным любопытством к людям. Главное, люди, которые окружали ее, были все хорошие. Вообще, она была какая-то искрящаяся, радостная, удивительно доброжелательная. Человек, который мог не только настроение создать, но внушить такую веру, такую бодрость жизненную. Она всегда была радостная”.

Исключительный талант дружбы Наталии Кинд отмечал и известный ученый, писатель, общественный деятель и правозащитник
.....

1

См.: Баскина В. А. О геологе Наталье Кинд // Природа. 2001. №6; Томан И. Алмазы Наталии Кинд // Московская немецкая газета. 2006. 7 сентября.

Лев Копелев (на процессе которого Иван Рожанский — муж Натальи Кинд — выступал свидетелем защиты): “Она была поразительно дружбоспособна. С неподражаемой чуткостью замечала она настроение своих друзей, живо откликнулась на горе, на беду, спешила помочь, утешить, ободрить. Случалось ей и горячо спорить, иногда сердито или насмешливо, но она никогда не оскорбляла, не причиняла боли. Она была неподдельно скромна, даже застенчива, но в то же время непоколебимо тверда в нравственных принципах”.

Через Копелевых, через Марину Казимировну Баранович, мои родители познакомились со многими выдающимися людьми, писателями, поэтами. Если папа привлекал интеллектом и энциклопедическими знаниями, то мама — обаянием, добротой и готовностью помочь.

И с Надеждой Яковлевной они, вероятно, познакомились через Марину Казимировну¹.

Надежда Яковлевна бывала у нас в гостях, в частности на “музыкальных четвергах”. Иван Дмитриевич, работая в Президиуме Академии наук, много бывал за границей и привозил оттуда пластинки классической музыки выдающихся исполнителей. По четвергам собирались слушать музыку; он рассылал приглашительные билеты, точно указывая, что будет исполняться, и даже рекомендуя, что следует почитать о композиторах. И каждый раз он читал слушателям короткую, но содержательную лекцию. На “четверги” приходили человек двадцать пять — тридцать, а может быть, и больше, слушали музыку, обсуждали.

У Надежды Яковлевны на Черемушкинской мама бывала очень часто. А в последний год была среди “дежуривших” у нее — до самого последнего дня.

Поминки после похорон были у нас в квартире. Помню, что людей было столько, что большинство стояли плечо к плечу во всех комнатах. А квартира у нас не маленькая. Когда все приехали, то непрерывным потоком поднимались по лестнице с первого этажа до двенадцатого. Но всем хватило рюмки или чашки, чтобы помянуть, и тарелки с бутербродом. Вспоминали, читали стихи.

Пару слов о разводе. Родители были знакомы с детства, а поженились в 1952 году. Я родилась в 1956 году, когда родителям было уже немало лет. Но в 1965–1966 их брак стал распадаться.

Мне было десять лет, когда родился Федя. Папе очень хотелось сына, и он ушел к Юлии Марковне. Конечно, тяжело было им обоим. Мне кажется, что родители любили друг друга всю жизнь, не.....

1 Впрочем, я точно не знаю. Во всяком случае, так она говорит в видеозаписи (https://www.youtube.com/watch?v=b9-IPXIOll4&list=HL1400015756&feature=mh_lolz).

смотря на довольно бурную личную жизнь обоих. Да и длительные мамины экспедиции не укрепляли семью.

Надо сказать, что Надежда Яковлевна при разводе всегда была на стороне женщины. А ее слова из письма оказались пророческими: “Вы знаете друг друга с детства. Неужели это не создает простой дружбы, чисто человеческого товарищества, которое сильнее пола и сильнее всего на свете? Может быть, именно это поможет вам выбраться из этой тяжелой беды?”

Дружба родителей возобновилась, Юля и Федя стали бывать у нас, мы с мамой — у них.

У Надежды Яковлевны я бывала вместе с мамой, иногда без нее, но нечасто. Надежда Яковлевна всегда очень нежно и с участием относилась ко мне.

...Мамы не стало 13 февраля 1992 года, отец умер 25 августа 1994 года.

Сама я окончила биофак МГУ. Но по специальности работала недолго, несколько лет. Потом какое-то время не работала — воспитывала своих четверых детей. Сейчас работаю в школе с естественно-научной специализацией.

Публикуемая подборка писем Надежды Яковлевны относится к 1965–1966 годам. Но сохранилось и еще одно ее письмо, более раннее, адресованное обоим моим родителям.

НАДЕЖДА РОЖАНСКАЯ

.....

---

21 ИЮЛЯ <1962 г., ТАРУСА>

Дорогие Ната и Иван Дмитриевич!

Я всё же не теряю надежды увидеть вас в Тарусе. Сейчас у нас проводит отпуск Варюшка... Дача у нас по нынешним временам большая, и я как-нибудь уложу всех... Правда, может, просто на полу (чистом) на перине. Ей-богу, не так плохо — пол ровный, а диваны и кровати продавленные или жесткие. Перина хозяйкина, настоящая, нежная и неслыханно тяжелая. Не находите ли вы, что я пою, как соловей? Н. М.

Нату с Кавказа целую.

.....

18 ИЮЛЯ <1965 Г., ВЕРЕЯ>

Наташа милая!

Наш последний разговор ужасно меня огорчил и поразил. Я много о нем думала, и мне хочется сказать вам вещь, которую вы и сами без меня знаете: не слушайтесь никаких советов и поступайте, как считаете нужным. Но только не забывайте про себя, думайте о себе, о том, как *вам* будет лучше. Первая часть моего совета — мура и болтовня выжившей из ума старушки. А вторая — актуально: мне кажется, что именно об этом вы меньше всего думаете (и думали). Я слышала от вас много об Ив. Дм. и о Тяпке¹, а о себе не говорите. У меня такое впечатление, что вы уж чересчур привыкли думать обо всем: Ваня, Тяпка, мама, экспедиция, дом и даже “четверги” (о Боже!), а сама Наташа как-то ни при чем. А мне кажется, что всё будет правильно, если Наташа вдруг почувствует себя центром и заговорит, и будет действовать так, чтобы никто в этом не сомневался. Я думаю, что Ивану Дмитриевичу давно именно этого не хватало и поэтому он и стал “живагствовать”...² Господи, слепые они, что ли, — эти любители литературы. Неужели они не понимают, что эту часть романа просто стыдно читать, как и всё, что Б. Л. писал о женщинах (и говорил)... Это древний предмет моих и Анны Андреевны воплей над ним: что он сейчас вывалит? И вот оказывается, что это принимается всерьез. А красивая, умная, прямая, настоящая Наташа не вырвала минутки, чтобы подумать о себе и о том, как ей будет легче жить.

Вы помните, как вы однажды (нынче зимой) прощались со мной по телефону? Я уехала с очень горестным чувством: вы мне сказали, что вам плохо, а накануне, на одном из двух “четвергов”, на котором я была, я вдруг увидела, как вы курили одну папиросу за другой, и всё об этом .....

1 Тяпка — домашнее прозвище Надежды Ивановны Рожанской.

2 Имеются в виду поиски Юрием Живаго, главным героем романа Б. Пастернака “Доктор Живаго”, нового семейного очага: весьма облегченная, но, по мысли Н. Я., могущая утешить интерпретация мужской судьбы. — *Сост.*

думала. Тогда я не решилась вам написать, да в сущности ничего и не понимала. А теперь, после нашего разговора, я поняла, что меньше всего в своей жизни вы отстаивали себя, свое состояние, свои интересы. И в этом, вероятно, причина всего. Нужно ли это? Я не знаю, как вам будет лучше — вы это должны понять сами, подумайте именно об этом. Ваша Н. М.

Вдруг вы захотите мне написать. Мой адрес: Верея, Наро-Фоминский р-н, Моск. обл, 1-я Спартаковская, 20. Шевелевой для Н. М.

.....

---

24 ИЮЛЯ <1965 г., ВЕРЕЯ>

Наташа дорогая, почему я должна воспринимать вас через кого-то, а не прямо, как очень милую, красивую, умную и на редкость приятную Наташу? Бог с вами... Вы себе устроили какой-то комплекс не “неполноценности”, а дурацкой скромности. Зачем?

Вы знаете, мне стало жалко Ивана Дм., впрочем, вероятно, не реального, а того, каким я себе его раньше представляла. Ведь я думала, что он из однолюбков, раз в жизни запутавшийся в большое увлечение. А может, так и есть? А впрочем, Бог с ним. Жаль только, что он и себя и вас замучает, да и Юлю, наверно, тоже. Всё это нелегко...

Я бы хотела сказать Ивану Дм., что жизнь вовсе не прожита, что никакой старости нет, что всё, что угодно, можно всегда начать, если надо что-то сделать. Весь вопрос только в этом: есть ли у него *ничто*, что *надо* сделать. Тогда никогда не поздно. Пример тот же В. Т.¹

А вот еще о чем я думала. Вы знаете друг друга с детства. Неужели это не создает простой дружбы, чисто человеческого товарищества, которое сильнее пола и сильнее всего на свете? Может быть, именно это поможет вам

.....

1 Варлам Тихонович Шаламов.

выбраться из этой тяжелой беды? Думаю, что да, но хотелось бы, чтобы это было не за ваш счет.

Я получила письмо и от Варл. Тих. Он пишет, что все вы — т.е. Ел. Ал.¹ и вы — собираетесь как-нибудь в воскресенье приехать в Верею. Это прелестно. Езда часа 2 с хвостом. Верея, правда, не Таруса, и я не полная хозяйка, как там. Но это ничего. Женя во всяком случае вам будет рад, а я очень. Только еду привозите — жизнь скучная. Целую вас крепко. Ваша Н. М.

.....

---

31 ИЮЛЯ <1965 г., ВЕРЕЯ>

Милая Наташа!

От вас давно нет письма, и я забеспокоилась. Что с вами? Как у вас? Приедете ли вы в Верею?

Не поленитесь — черкните хоть слово. Я не могу сказать, что я думаю о вас — вы как-то всё время со мной и мне тревожно и грустно за вас. Я уверена, что у вас всё образуется, и желаю вам только силы и выдержки, а главное, такого решения, при котором вы не забыли бы себя.

Целую вас крепко. Н. М.

.....

---

27 СЕНТЯБРЯ <1966 г., МОСКВА>

Дорогая Наташа!

Мне бы очень хотелось, чтобы вы были на открытии этой выставки².

Будете? Я уверена, что да. Надежда Мандельштам.

.....

.....

1 Неустановленное лицо.

2 Имеется в виду выставка Е. М. Фрадкиной в ЦДЛ, открывавшаяся 1 октября 1966 г.

«КОНЕЦ НОЯБРЯ 1966 Г., МОСКВА»

Милая Наташа!

Нашла в ящике, приехав из Ленинграда, вашу записочку. Приходите в любой вечер, но позвоните на всякий случай моему брату: Б 9-46-90...

Может, сговоримся на воскресенье? Народу у меня сейчас поменьше, и все думают, что я в Ленинграде. В субботу я, вероятно, уйду. Н. М.

Тайну, что я вернулась, храню про себя.

.....

“НО Я ЗА ВАМИ БУДУ СЛЕДОВАТЬ ВСЮ ЖИЗНЬ...”

ПИСЬМА А. А. МОРОЗОВА Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

(1962–1964)

(Публикация и предисловие Ю. Морозовой.

Подготовка текста и примечания С. Василенко при участии Г. Суперфина и П. Нерлера)

.....

Мы жили в небольшом сквозном переулке, Мерзляковском. Он соединял Арбат с Никитскими воротами. Моя сестра занималась в студии университетского театра на Большой Никитской (тогда улица Герцена). Это совсем рядом с нами. И часто студийцы приходили к нам репетировать. Так однажды в нашем доме появился Саша Морозов. Год назад он окончил университет (учился на русском и на классическом отделении одновременно), но отказался ехать в Свердловск преподавать латинский язык. И ходил неприкаженный, за ним шла слава актера, сыгравшего Федю Протасова. На четвертом курсе он собрал труппу актеров, поставил “Живой труп”, но спектакль играли только один раз.

Саша быстро ссорился с людьми. Так случилось и с постановкой “Живого трупа”. Два года спустя к нам зашел его приятель, Чаплин. Он писал сценарий вместе с Тендряковым и рассказывает:

“Захожу к Тендрякову, его нет дома, а его жена, большая театралка, говорит мне: «Сейчас совсем нет хороших спектаклей. Правда, в прошлом году я видела в университете “Живой труп”. Это был лучший Федя Протасов! К сожалению, я не запомнила его фамилии, но это было незабываемо!» — «Это мой школьный приятель, Саша Морозов»”.

И к нам домой Саша пришел со студийцами, как мэтр. Все ушли, а Саша остался. Высокий, светловолосый, трепетный, смущающийся, он сказал, что почитает нам Мандельштама, “Греческий цикл”. Это был 1957 год. Пора, когда появились в списках стихи Мандельштама. Саша читал, комментировал, восхищался. Это было удивительное чтение, голос, интонации, комментарии, открывался новый смысл, новое прочтение. Всё завораживало. С тех пор мы часто стали видеться с Сашей, и с утра до вечера был Мандельштам.

Однажды Саша говорит: “А сейчас я тебе прочитаю свои стихи”, и читает: “От легкой жизни мы сошли с ума. С утра вино, а вечером похмелье...” Я замолчала в изумлении, а на следующий день в Ленинской библиотеке я выписала сборник Мандельштама 1928 года. Открываю, и первое стихотворение — “От легкой жизни...”.

Вечером, при встрече, рассказываю. Саша покраснел, засмущался, стал меня обнимать, целовать, тереть ладонями щеки: “Ты знаешь, мне так оно понравилось, как будто я сам написал!” И это был Саша. Его проникновение в стих было поразительным.

В 1957 году, после окончания института, я уехала на год в Оренбургскую область, в деревню Зубаревка, преподавать русский язык и литературу. Весь год я получала от Саши письма. Это был тяжелый год, травля Б.Л. Пастернака. Саша тогда работал в шахматной редакции на Гоголевском бульваре, а потом переводил с латыни “О красках”¹. А когда получил деньги за перевод, сказал мне: “Я очень хочу купить мотороллер”. И мы пошли выбирать. На работу устроиться было сложно, и мы ходили устраиваться вместе. И нашли. Саша стал развозить булочки на мотороллере, в фургончике, а я сидела с булочками внутри. Позднее Саша сделал еще один перевод, и ему захотелось мотоцикл. Он купил “Яву”. На похороны Б. Пастернака мы приехали на “Яве”.

Потом Саша работал в отделе рукописей Ленинки. Моя подруга, Ольга Попова, тогда молодой специалист по миниатюре, порекомендовала взять в отдел странного Сашу Морозова, который

.....

1 Манускрипт Теофила “Записка о разных искусствах” / Пер. А. А. Морозова; ред. и примеч. А. В. Винера // Сообщения Всесоюзной центральной научно-исследовательской лаборатории по консервации и реставрации музейных и художественных ценностей (ВЦНИЛКР). Вып. 7. М., 1963. С. 101–117.

знает греческий, латынь. Он должен был расшифровывать, переводить с греческого, латыни, немецкого, французского то, что написано на полях. В отделе рукописей Саша нашел письма молодого Мандельштама Вячеславу Иванову. Это была редкая находка.

Весной 1962 года была выставка из собрания Н.И. Харджиева в Музее Маяковского, в Гендриковом переулке (живопись, скульптура, графика 30-х годов). На втором этаже молодой человек водил экскурсию по музею. Саша говорит: “Спроси, как Маяковский относился к Осипу Эмильевичу”. Спрашиваю. “К сожалению, я не знаю, но на выставке скульптор, Сарра Лебедева, она-то знает”. Мы нашли красивую, седую Сарру Лебедеву и спрашиваем. А она нам: “Вы знаете, здесь Н.Я. Мандельштам”. Мы пошли искать Н.Я., но она, к сожалению, ушла. Мы возвращаемся, Сарра Лебедева дает нам телефон: “Скажите, что от меня”

Прошел месяц, прежде чем я решила позвонить Н.Я. Подошла Н.Я. Рассказываю ей про выставку, Сарру Лебедеву, спрашиваю, можно ли к вам прийти?

- Приходите.
- Но я не одна.
- Это уже сложнее. А кто это?
- Это мой муж.
- Ну, это одно и то же.

Я в потрясении. Так всё неожиданно просто. Звоню Саше, мы идем в Лаврушинский переулок к Василисе Шкловской, где в то время жила Н.Я. Нас встречает Василиса Шкловская и ведет в маленькую комнату за кухней. Н.Я. сидит за столом и курит, положив ногу на ногу. А на столе стоят орехи и щипцы. Я запомнила очень внимательный, немного ироничный и веселый взгляд серых глаз. Помню, она задавала много вопросов мне и Саше. Саша оживился, стал читать стихи О.М. Мы стали бывать у Н.Я. почти каждую неделю, всегда приходили вместе.

Она говорила: “При Юле очень хорошо корреспондировать”. Я почти всегда молчала, но бесконечно всех любила: Н.Я., О.Э., Сашу. Мне кажется, что спустя месяц после наших приходов она отдала часть архива Саше для работы. Позднее, когда она собиралась ехать в Псков, преподавать английский в пединституте, уговаривала нас поехать вместе. Она говорила: “Мы будем жить рядом, я буду готовить Юлю в аспирантуру, вы будете заниматься архивом”. Но Саша не решался, он был консерватор и боялся перемен. Саша задавал много вопросов. Однажды спрашивает: “Надежда Яковлевна, я похож на О.Э.? — Нет, Саша, Осип был веселый человек, а вы пессимист”. Саша тер щеки, улыбался, говорил, что О.Э. — это Пушкин.

Прошло много времени, у нас родилось двое детей, я несколько раз уходила от Саши, возвращалась, опять уходила. К Н. Я. я приезжала уже одна, несколько раз в год. Она меня часто спрашивала: “Юля, как вы могли выйти замуж за Сашу Морозова?” — “Я его любила...” Как-то раз, за два года до смерти, она сказала: “Юля, я хочу вам дать Сашины письма, которые он мне писал в 1963 году”. А однажды я сказала: “Надежда Яковлевна, нужно, чтобы к вам Саша пришел”, а она мне на это: “Нет, Юля, на Сашу Морозова нужны физические силы, а у меня их нет”.

Последний раз я видела Сашу на его день рождения 24 июня 2008 года. Сын Никита позвонил мне из Канады и сказал: “Зайди к папе, это очень важно”. В прошлом году он сказал: “Ко мне уже никто не приходит”, и добавил: “Берегите мое одиночество, только не оставляйте меня одного...” Я зашла к нему, там было много народу. Приехал его друг из Германии и собрал всех. Саша был счастлив. Он поднял бокал и сказал: “Я хочу выпить за людей, которые были для меня нравственным ориентиром: это моя мама, Надежда Яковлевна и Н. И. Харджиев”. Он говорил с горечью о ссоре Н. Я. и Харджиева: “Если бы я не поехал с Н. Я. к нему, Харджиев не впустил бы ее в дом”.

Это был 1967 год. Н. Я. порвала отношения с Сашей, и с тех пор Саша ее никогда не видел.

Юлия Морозова

«ВЕСНА 1962 Г.»¹

Дорогая Надежда Як-на,
это пишет Саша Морозов. Я не написал Вам сразу, потому что хотел дождаться выяснения своих дел (с работой и отпуском), чтобы Вам сообщить. Но так и не дождался. В штат по переводам меня пока не берут, и это, м<ожет> б<ыть>, к лучшему, т. к. остается свободным лето. Вопрос, значит, в том, чтобы взять еще одну ра-

.....

1 РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 234. Л. 8–10. Все письма, за исключением особо оговоренных, хранятся в Историческом архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете.

боту для заработка, а потом приехать отдохнуть в Тарусу. Это, я уверен, мне удастся. А теперь разрешите перейти к главному. В Красной вечерней газете (Л<енинград>, 1926) я нашел еще три статьи О. М., кроме “Михоэльса”, а именно: “Киев” I и II (27 мая и 3 июня), “Березиль” (17 июня) и “Жак родился и умер” (3 июля). Из них “Березиля” не было в Вашем списке, поэтому я Вам его высылаю. Частично в нем использована “Заметка о Березиле”, но, видимо, это две разные статьи, и заметку нужно искать в киевской газете.

По поводу “Киева” у меня возник к Вам вопрос. Дело в том, что тот печатный текст, который Вы мне дали (в составе сборника), сильно отличается от газетного. Правил ли его О. Э. уже после опубликования (помните, Вы говорили, что сборник одно время подготавливался для печати) или это результат сверки с беловым автографом? Мне кажется, что хорошо было бы слово за словом еще раз проверить весь текст, хотя бы потому, что список с газетного текста, сделанный в свое время Вами и Евг. Як., не совсем точен и отдельные слова в нем пропущены. Интересные детали есть в черновике “Киева” (три разрозненные страницы), например, “последний киевский сноб” — это Маккавейский, а сапожник сравнивается там с актером-подмастерье из театра Габима.

В “Жаке” теперь можно восстановить конец. “Михоэльс” в Вашей редакции мало чем отличается от газетной публикации. Видимо, дополнительной правки, как в “Киеве”, здесь не было (?).

Я, наверно, кажусь Вам ужасным педантом (Юля меня в этом всё время упрекает), но я смотрю на всё это уже независимо от эмоций, как на работу.

Начал разбирать записную книжку. Она относится по содержанию к теме: Воронеж, Никольское и Воробьевка (в “архиве” есть два отдельных листка под таким названием). Может ли быть это из книги о старом и новом Воронеже? Отсюда тянутся поразительные нити к стихам.

Телеграммы удалось все “разместить” по датам и, благодаря этому, уточнить даты некоторых писем.

В этой жизни я чувствую себя неважно, еще и оттого, что до сих пор не позвонил Ник. Ив. Мучаюсь тем, что он, м<ожет> б<ыть>, помнил и ждал, а с др<угой> ст<ороны>, терзаюсь, что уж ему-то это совсем не нужно. Но всё равно позвоню и очень скоро, как только пройдет депрессия.

Мой адрес — М., Ж-114, Кожевническая ул., 17, кв. 98. Морозову Саше.

Я буду Вам обо всем писать и во всем советоваться.

Любящий Вас Саша М.

Письмо к Федорченко — из литер<атурного> архива — ЦГАЛИ.

.....

<9 июня 1962 г.>¹

Дорогая Надежда Яковлевна, простите ради бога, что так долго не давал о себе знать. Всё ждал чего-то определенного, чтобы Вам сообщить, и вот наконец всё выяснилось. Завтра, 10-го, мы с Юлей едем в Ереван. До этого было много переживаний и откладываний, отчасти из-за моего “характера”. Но это позади. Едем с большим “багажом” — библейской скатертью богатый Арарат, кривые и большеротые вавилоны улиц и т. п. — всё это не дает успокоиться — и, когда хлынет вместе с солнцем, боюсь, что я умру, не в состоянии всё вместить. Поездка имеет всю силу неожиданности, резкости и света, несмотря на то, что однажды О. М. уже брал меня с собой в это путешествие.

Я пробуду там дней 10 и вернусь, а Юля поедет еще в Тифлис и Баку. Мне не удастся ее сопровождать, п<отому> ч<то> в Москве ждет небольшая работа (перевод), с которой я справлюсь недели за две. К 10 августа я свободен и в Тарусе. Юля, наверное, тоже получит отпуск. Хорошо, милая Н. Я.??

.....

Рад сообщить, что нашелся еще один “Березиль” — в газ<ете> “Киевский Пролетарий”, май 1926 г. В этой же газете через несколько номеров — новая неожиданность: “Сухаревка” в несколько иной редакции и с восстановлением пропущенных в “Огоньке” мест. Я все такие варианты выписываю, чтобы вместе с Вами обсудить “канонический” текст.

Остается вопрос, где же напечатаны кинорецензии и 2-я статья о Михоэлсе¹. Как будто бы в Киеве в это время вечерняя газета не выходила, а в дневных найти пока не удастся. Газет за 1922 г., харьковской и ростовской, нет ни в Ленинке, ни в Исторической библиотеке. М. б., еще надо попробовать в Музей Революции, и если нет, то искать в других городах.

В газ<ете> “Страна”, 1918 г., опубликованы: “Кто знает, может быть, не хватит мне свечи...” и “Среди священников левитом молодым...”, последнее — с объясняющим его смысл названием-посвящением: А. В. Карташеву. Еще одно стихотв<орение> (“Когда в теплой ночи замирает...”) нашел в газ<ете> “Жизнь” за тот же год.

Да, вот что важно — в Тенишевском училище, оказывается, издавался журнал начиная с 1906 г. (“Тенишевец”, потом — “Товарищ”). К сожалению, в Ленинке есть только за 1910 г., где сведений об О. М., естественно, нет. Наверное, можно найти в Ленинграде.

Ну вот, как будто и все новости. Напишем Вам из Еревана или сразу по возвращении. Ваш Саша М.

.....

«26 ОКТЯБРЯ 1962 Г.»

Дорогая Надежда Яковлевна,
очень рад был получить от Вас весточку. Кажется, Вы бодро переносите все невзгоды, я в принципе тоже, считая их за естественное, но дух мой слаб и податлив на уныние.

.....

¹ Рецензия Мандельштама на фильм “Кукла с миллионами” была опубликована в переводе на украинский язык в журнале “Кіно” (Киев, 1929. № 6).

Сразу расскажу о визите к Н. И. Он меня поразил (с лучшей стороны), но, с другой стороны, мне кажется, я должен был лучше других понять этого человека. Конечно, в основе — страсть, но очень важно, что он к ней рано начал относиться объективно (сказал так: если уж это любишь, то кому же еще заниматься этим). “Если уж это любишь” прозвучало как “если уж так случилось, что я люблю”, т. е. судьба, и дальше уже идет подвижничество и крест, но без исключительности. А подвижничество большое, потому что всякий, поинтересовавшись, пройдет мимо (или еще хуже), а отказать нельзя, потому что дело. Есть еще одна, самая страшная сторона — при этом, как актеру, надо оставаться на высоте своей роли (всё время переживать за Гамлета) и к этому тоже относиться сознательно, видеть миссию и беречь свои силы. Н. И. и бережет, — например, про одного (видимо, неприятного) человека, сказал: хотел мне передать какие-то бумаги от О. М., но бог с ними, лишь бы не связываться. И я это глубоко понимаю: может быть, этот человек и не хотел ничего взамен, но он бы имел право на то, чтобы взять и отнести к этому в меру своих нравственных способностей.

Со мной Н. И. беседовал весь вечер, за полночь, я был не вполне самим собой, п<отому> ч<то> видел человека: хотелось (не дай бог!) не обидеть случайным равнодушием и, с др<угой> стороны, показать, что я пришел не *исключительно* ради того, чтобы послушать и посмотреть. Не знаю, как мне это удалось. В разговоре Н. И. показал отдельные места своего комментария (очень осторожно и с большим выбором). Примечания очень обширные, вплоть до конъюнктуры текста в одном стихотворении. Если это всё пройдет, будет замечательно. На Орлова очень жаловался: тот показал полное незнание поэзии О. М. (исключил переводы из Петрарки за непонятностью, не знал, что это перевод). Сейчас предлагает печатать все стихи в хронологическом порядке, без разделения на книги, на что, конечно, Н. И. не пойдет. Мне кажется, что сам Н. И. допустил в самом начале принципиальную ошибку, предложив в издание все или почти все стихи, п<отому> ч<то> теперь

за счет выбрасывания лучших стихов может исказиться общая картина. Лучше бы в таком случае сборник вышел урезанным, но более цельным. Впрочем, не мне судить.

Общий взгляд его на О. М. как на русского христианского поэта с оттенком даже благолепия и особой нежной красоты (сравнил с А. Рублевым). Хлебников — универсальный гений, больше даже Пушкина по силе творчества.

Я принес ему свою библиографию, у него она больше, но кое-что оказалось и моей находкой. Стихами из каблуковского списка он живо заинтересовался, многих не знал (а про “Автопортрет” сказал, что, безусловно, это О. М., т. к. есть автограф). Но главное здесь были даты и характер книги (в сущности, авторизованный сборник 1918 г.). Через пару дней мне удалось взять ее у Жени Левитина на два дня, и это большое счастье, т. к. вслед за этим книга “ушла”¹. Н. И. первый позвонил мне через свою жену, п<отому> ч<то> сам на следующий же день встречи слег. М<ожет> б<ыть>, сказалось возбуждение, с которым рассказывал мне, но сам говорит про другие неприятности. Просил принести показать ему книгу воочию, хотя лежал, и врачами было запрещено разговаривать. Был очень обаятельным (раненый лев), говорил, что мы обязательно встретимся, когда ему станет лучше, и пройдемся еще раз по всей книге. До этого времени я всё ждал звонка и не рисковал позвонить сам, но завтра, видимо, позвоню, это во мне подошло, и узнаю, как себя чувствует. Так что Вы видите, что впечатления самые большие, и я еще напишу Вам о них — и тогда и о себе немножко. Мне сейчас, правда, неважно, потому что работа такая, что приводит к полной моральной депрессии, и работать над своим приходится очень мало. Юля здорова, хотя ей и очень трудно и со мной, и дома.

.....

1 Евгений Семенович Левитин собирал пастернакиану. Регулярно ходил по московским букинистическим магазинам и общался с книжниками (“спекулянтами”). Как-то (1962?) у одного книжника объявился “Камень” (2-е издание) с исправлениями от руки и вложенными в него листочками со стихами — автографами О. М. Книга была приобретена и позже передана в Принстон.

Есть еще одна новость: критик Белинков сказал, что у него имеется запись доклада о Пушкине, якобы сделанного О.М. в Воронеже¹. Может ли это быть? В воскресенье мне обещали взять у него. Я в хороших отношениях с А. Синявским и хочу попросить у него какую-нибудь работу в Лит<ературной> энцикл<опедии>, например, рецензию на статью об О.М.² (ее пишет Эренбург), и через это получить доступ в архив ЦГАЛИ.

До свиданья, милая Н. Я., то, что есть Вы и О.М., — это самое живое (и самое трудное) в моей жизни. Саша М. Хочется позвонить Евг. Як.

.....

«1 ДЕКАБРЯ 1962 Г.»

Дорогая Надежда Яковлевна,
долго не писал Вам — всё хотел и не решался позвонить Н. И. На днях позвонил. Подошла Лидия Вас.⁴, сказала, что Н. И. было лучше, он работал, но сегодня как раз чувствует себя неважно. Вспоминал обо мне (когда работал) и хочет меня видеть. Я, конечно, не стал спрашивать о книге (чувствуется, Л. В. очень боится, что его будут торопить), только напомнил о себе и что, если будут поручения, буду счастлив их выполнить. Вот пока всё, что слышно с этой стороны.

Сам я пока свободен — ушел из библиотеки. Преподаю латынь, правда, мало (8 ч.). Будет, видимо, еще договор на разбор какого-то архива в Институте этнографии. Мне очень жаль, что приходится так тратить время, впустую, только из-за денег, и чем дальше, тем больше жаль.

.....

1 Сведений об этом докладе не выявлено.
2 В "Краткой литературной энциклопедии" опубликованы статьи А.А. Морозова "Мандельштам Осип Эмилевич" (Т. 4. М., 1967. Стлб. 568–570) и "Реминисценция" (Т. 6. М., 1971. Стлб. 254).
3 Дата установлена предположительно, по штемпелю на одном из разрозненных конвертов.
4 Чага Лидия Васильевна (1912–1995) — художница, жена Н. И. Харджиева.

Очень трудно после этого “переходить” на любимые занятия, тратить на них только определенные часы, а не все дни подряд. Теряются по дороге мысли и “взволнованность”, а без этого вообще не могу работать. Надо еще много-много читать.

Ломаю голову над ранними стихами О. М. (еще до акмеизма). Очень интересно исследовать. Но самое трудное — правильно смотреть и сформулировать общее, не боясь простоты. Мысль, к которой сейчас пришел, что индивидуальность О. Э. надо искать в том, чем были для него стихи (его собственные). Они не выходят за рамки того, что есть (в душе), цель — служение внутреннему, меняющемуся идеалу. Мне чувствуется где-то здесь неповторимость (перебрал многих). Удивительная скромность для 18-ти лет, сознание ученика (“нерешительная рука”, “недоволен стою и тих”, “далёко от эфирных лир”). От символистов (совпадения не имеют значения) уже тогда отталкивался. Невозможность красиво сказать о постороннем (пока это — всё общественное).

Латынь преподавать мне нравится, но больше из-за возможности ставить психологические эксперименты (напр<имер>, как понимают “сознательность”). У меня 4 группы, по прежним понятиям, по развитию — приготовишки. Отличаются материализмом (видимо, уже по крови). Общих понятий не признают (латынь для экзамена). Вопросы задают: зачем это нужно знать (основы глаголов), как будет “домашнее задание” по латыни. Я с ними — актер. Но много таких, кто говорит: да, понимаем, это правда, но всё равно не занимаются.

Плохо пишу и объясняю это плохой душевной организацией. Думаю, что О. М. сам ложился на бумагу и ничего не выдумывал. Не люблю теперь очень всякую беллетристику (особенно Ю. Казакова) и стихи. Сильное впечатление — фильм “Столь долгое отсутствие” (франко-итальянский). Поразительная ситуация: человек потерял память (после войны и лагеря), его находит жена (через 15 лет, падает в обморок — его уже почти никто не узнает; образ протянутой через время женственности). Она смо-

трит на него только так, что он должен вспомнить, иначе невозможно. А у него свое существование, ему ничего уже не надо, он занят — вырезает картинки. Остался звук и внешний (любит музыку), и внутренний (люди как ноты). Дарит ей картинку. Говорит то, что есть: Вы — добрая, это вкусно, завтра — так завтра. У него очень высокий план, и в то же время что-то тянется к нашей омертвелости и к тому, что в стихах. (Нам остается только имя, короткий звук на долгий срок. Прими ж ладонями моими пересыпаемый песок.)

Не пропустите, Н.Я., если пойдет. Я очень Вас люблю, но у меня чего-то не хватает. Я Вас люблю больше, чем О.Э. и его стихи, и хочу что-нибудь сделать для Вас.
Саша М.

.....

⟨27 ФЕВРАЛЯ 1963 Г.⟩

Милая Надежда Як-на,
спасибо за “анти-Миндлина”¹ — было бы обидно, если это находилось бы в одних руках. Ник. Ив. сеет во мне недоверие к Македонову, я тоже думаю, что в конце концов это человек системы, а — что Вы пишете — чрезвычайно доверительно. Но это мое слабое “суждение”.

С Наташей я виделся. Признаюсь, мне через нее хотелось больше понять О.Э. (такие стихи, такая дружба) — и не удалось. Она — вся в доброте (наверное, от матери), но при этом есть и свой “оселок”. Знаете, есть природы поддающиеся, растворяющиеся, есть — цельные, самобытные. Наташа из тех, кто имеет свое существование, но не связанное со значительным. Прочная узость (как

.....

1 Речь идет о копии письма Н.Я. А. В. Македонову (в его архиве не сохранилось), посвященного мемуарам Э.Л. Миндлина. Эти мемуары, машинопись которых Македонов послал Н.Я. осенью 1963 года, стали одной из основных тем их переписки (Мандельштам Н. Письма А.В. Македонову; Македонов А. О письмах Надежды Мандельштам и по поводу // Всемирное слово. 1992. №2. С. 62–70).

провинциальная девушка, к<отора>я ласково смеется над городским — что у него за бредни!). Я не сумел это выразить, но вот что меня поразило: стихи — какие-то нравятся, какие-то — нет, но вообще мне ближе Пастернак... (О. М. сказал, я *завидую*, что у Б. Л. такие читатели... Не кроется ли здесь разгадка — для него Н. была новой молодежью — здесь провинциальное близко и социалистическому — которой он хотел понравиться и имел слабость думать, что нравится... В письме к Тынянову — “я, кажется, начинаю нравиться всем”.)

“Клейкой клятвой” — из Некрасова, “Черемуха” — из Есенина — ведь это ее, Наташино, чтение. Другое дело — “Неравномерной сладкою походкой” — это его гений (Петрарка, Белый — та же линия!). Он не надеялся здесь на понимание, а сказал: возьмите и после моей смерти отдайте в Пушкинский Дом как мое завещание. Наташа “не понимает”, почему ее походка¹, как-то О. Э. с жаром ее уверял, что она с ней неразрывна, “в общем какую-то глупость сказал...”.

Кроме того, передаю Вам и то, что Нат<аша> сказала мне “по секрету”. М<ожет> б<ыть>, это нехорошо, но я думаю, что этот секрет, т. е. — *почему это секрет* — достаточно пошло (провинциально узко). О. М. сказал: это любовные стихи, и это лучшее, что я написал...

В том, что она говорила лично об О. Э., сквозило что-то очень грустное и напомнило Достоевского... Сидел, осыпаясь пеплом, выходить боялся (психастения), в кепчонке, с палкой — старик. Постучали в 12 ч., сказал “я сейчас”, куда-то пошли, ночью, всё время говорил-говорил. В парке... рассказывал мне всю свою жизнь, торопясь, непрерывно. Не хватает только Трезорки, чтобы получился портрет из “Униженных и оскорбленных”. Много милых, щемящих деталей: ирисы, восковые уточки на базаре в Калининне.

.....

Я попросил Нат. Евг. записать всё, что она помнит о стихах и потом о некоторых воронежских людях (Загоровский).

К Ник. Ив. хожу, он понемногу дает мне кое-какой материал для “летописи”. Кстати, биограф<ический> момент — достоверно ли, что О. М. переехал в Москву “вместе с правительством”, т. е. в сер<едине> марта 18 г. Дело в том, что в апреле были еще стихи в петрогр<адской> газете, а 7 мая, Н. И. нашел объявление, как будто бы состоялся вечер в Ак<адемии> Худ<ожеств> с его и Анны Андр. участием. Сотрудничество в “Зн<амени> Труда” началось с 24 мая. Рукопись — он отсылает сегодня-завтра. Мне кажется, он немножко затягивает из чувства достоинства: прислали — пусть теперь подождут.

Вот строчки из воронежской рецензии (на стихи Адалис): “Мы должны быть благодарны Адалис за то, что у нее нет собственнического отношения к теме. Лирическое себялюбие мертво, даже в лучших своих проявлениях. Оно всегда обедняет поэта”.

Это немножко задевает Б. Л. П. Есть еще маленькая, но замечательная рецензия на Анненского (нашел Н. И. в газ<ете> 13 г.). Я Вам пришлю (у Вас нет?) в следующий раз. А что — статья о Цветаевой?

Я сейчас очень болен тем, что хочу воспитаться в “христианском” отношении к людям — “несравнимым”. Ирина Мих. тогда сказала, что мы всё еще ленивы и мало расспрашиваем людей. Я сейчас думаю, что мы и не имеем права расспрашивать — во встречах с О. Э. они были равноправны и смотреть “через них” на него — дурно. В этом роде мой разговор с Наташей, наверное, последний такой опыт. Ваш Саша М.

Кожевническая, 17, кв. 98 (Вы написали в последний раз — 92).

.....

«ЛЕТО 1963 Г.»

Н. Я., Вам известен полный текст стих <отворе-
 ни>я о Виллоне? На всякий случай посылаю. Всё про себя
 и, конечно, не “ладил”, а “рядом” (“ладил” — зачеркнуто).
 Это — автограф, беловик, в ЦГАЛИ.

В Москве — без перемен, жарко.
 М<ожет> б<ыть>, позвать еще Н. И. в Тарусу? Он ко-
 лелблется, погибает от жары. Я бы мог его проводить, если
 нужно. Саша¹.

.....

«24 ИЮЛЯ 1963 Г.»

Дорогая Над. Як., извините за задержку. Какие
 ранние стихи вам переписать? Взять у Н. И.? Он что-то
 пробормотал, де даст как-нибудь, потом... Вы его знаете.
 Но если Вы подтвердите *мне*, что это так, я у него *настоя-*
тельно попрошу. Вероятно, Вы хотите иметь полный свод,
 включая Каблукова и др., — я это сразу же сделаю и при-
 шлю или привезу сам.

В неразобранной папке я нахожу удивительные
 вещи — отчего растет моя любовь ко всем вам. Хочется
 поработать около Вас — молчаливым черным “послушни-
 ком” (в замке).

Пока история с зубами затягивается и очень на-
 долго. Но впереди еще август... Я никуда не устроился.
 Юля уехала на юг.

Всегда Ваш — Саша М.

Евг. Як., Варе и Коле — мой большой привет.

.....

.....

1 РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 234. Л. 1.

«24 АВГУСТА 1963 Г.»

Дорогая Н. Я., мне пришлось побывать в Ленинграде — повод грустный — умер мой дядя, ко <оторо>го я очень любил (помните, я что-то вам говорил о них¹). Сейчас я в Москве и, конечно, с удовольствием бы уехал куда-нибудь подальше, если бы можно было. Н. И. решил ехать в Л<енингр>ад (“пусть посмотрят на мое лицо”) — в понедельник. Много с ним это время занимались, к вам много вопросов, но для этого нужно быть около вас поблизости и еще одно условие: чтобы вы считали меня как раз тем архивным или тепличным юношей, кот<ор>ых не любил О. М. Ради О. М. я согласен. У меня как раз просьба: я встретил С. Маркиша, и он обещал мне показать, чтó у него от Вас (3 папки!), но, конечно, для меня важно и поработать, и расшифровать кое-что. Для этого нужна ваша санкция, т. е. чтобы мне взять домой на какой-то срок. Напишите ему, пожалуйста, об этом или мне, а я передам (два слова). И Н. И. хотел посмотреть. Не выяснилось ли с сентябрем? Напишите, я не теряю надежды выбраться — немного отдохнуть. Ваш Саша.

Привет Е. Я.

.....

«13 СЕНТЯБРЯ 1963 Г.»

Дорогая Над. Як., со мной всё в порядке. Я очень тронут вашей тревогой (звонил Евг. Як.) и ругаю себя, что сразу не написал. Правда, была пустая меланхолия, а сейчас житейская каверза: лишился подвала (там еще можно жить, но есть симптомы того, что не стоит). Живу за городом, но очень шумно и неудобно и вообще пе-

.....

1 Гурьев Виктор Васильевич (1899–1963) — архитектор (?), муж тетки Морозова, Екатерины Васильевны Сныткиной (1902–1966). Умер 5 августа 1963 г.

реживаю новое место. Очень огорчен, что летом не выбрался — не мог — уехать к Вам, а теперь еще вы даже не заедете (?). Обязательно зайду к Евг. Як., хоть погляжу на него. Мне, как О. Э., всё время надо думать о пребывании; оглядываясь на вас, не теряю бодрости. Помните, как он тоже отказался от комнаты в 23 г. и отовсюду съезжал сам. И я. Эта находка, которую я вам посылаю, кажется мне очень замечательной. Правда? И Н. И. какой хороший, и Пастернак — очень честный. А О.М.?!! Есть и еще находки, напр<имер>, статья о Сологубе 1924 г. (в газете). Неужели Вы не приедете?

Н. И. — в Ленинграде, даже письмо прислал в ответ на мое. Ходит по библиотекам.

Не сердитесь на меня, Над. Як., я правда весь с вами, и если бы не мысль о шоферстве (куда она меня заведет?), я был бы сейчас в Пскове. А то, если вы заедете, мы возьмем все папки и уедем вместе. С. М.

.....

«30 ОКТЯБРЯ 1963 Г.»

Милая Надежда Яковлевна, у меня всё то же. Живу спокойно, один, — но пока без средств к существованию. Всё же звонить Иванову — выше моих сил, и с этим ничего не поделаешь. Обойдется, не беспокойтесь слишком...

С. Маркиш меня расстроил, сказав, что получил от Вас грустное письмо. Почему, Над. Як.? Как будто Вы пишете, что всё идет не как надо... Если Вы об Ос. Эм., то у меня, напротив, появилась уверенность, что всё осталось и ничего не пропало, рубеж, когда это могло погибнуть, пройден благодаря Вам, и теперь всё способствует его силе. То, что не способствует, терпит крах исторически, в том, что происходит сейчас на наших глазах. Злодеи, правда, еще живут, но порядка, за который они цеплялись, уже нет. Мне тут пришлось встретиться с человеком, неприязненно настроенным к О. Э. (лично), и что же... Мне же надо

было от него отбиваться, п<отому> ч<то> в его глазах я читал: ну а разве нет? Разве не делал он то-то и то-то, чего не позволяли себе “порядочные” люди?

Судьба Вас по-прежнему гонит, и, наверное, от этого у Вас чувство растерянности и “потерь”. Но я за Вами буду следовать всю жизнь и концентрировать, и фиксировать, чтó Вы можете упустить из виду. Хотя Вам, по-моему, не нужно еще выпускать всех нитей. Это ведь не очень нескромно для меня?

А теперь поздравляю Вас с днем рождения, и пусть всё же бури коснутся более молодых (хотя бы меня), а Вам уж довольно.

Если это удобно и Вы переписываетесь с Гладковым — пусть он Вам пришлет выписки из дневника (он обещал). Над чем Вы сейчас работаете? Я надеюсь когда-нибудь прочесть Ваши “рассказы” — комментарий об отдельных стихах, по письмам (ок<оло> воронежских лет). У меня прибавилось несколько новых документов (напр<имер>, письмо Волошина в контрразведку), — когда заведу в подвале машинку, буду перепечатывать и могу отсылать Вам. Саша М.

.....

«НОВАБРЬ 1963»

Дорогая Над. Як.!

Получил Ваше письмо. Спасибо. От Гладкова я ничего не получал. М. В. Юдина искала меня месяца два назад. Я звонил — речь шла о каком-то переводе — но не состоялось. <...> Саша.

.....

3 ДЕКАБРЯ 1963 Г.

Дорогая Над. Як.,
не писал вам долго, желая порадовать находкой, которая ожидалась и вчера осуществилась: это 9 писем к Вяч. Иванову, 1909 (из-за границы) и 1911 г. — очень интересные, с приложением 16 неизвестных (мне, по крайней мере) стихотворений. Уверен, что в архиве В. Иванова, который сейчас смотрю, найдется и многое другое. При-слать вам? Я перепечатаю.

За информацию — спасибо. У меня действи-тельно болезнь “проницательного редактора” — делать заманчивые предположения. То, как было на самом деле, всегда оказывается интереснее и богаче смыслом. Между прочим, об испанцах я знаю эпиграмму еще 1909 г., что-то в связи со спектаклем “Кривого зеркала” — “Испанец собирается порой / На похороны тетки в Сарагосу...”. Не та? “Марочка” — это, конечно, и есть моя “знакомая”. Узнаю... Но у меня и без нее впечатление, что Дом Герцена, 1922–23 гг., — худшее время для О. М. Ненужные люди, суета, попытки литературной коммерции... Да? В письме матери Ларисы Р. к ней есть сценка (22 г.): она приводит к вам Тихонова и Сережу К. (? , тоже поэта), и в это время приходят: некая Суза от имени “акмеистов-москвичей” (прогнал: “были только питерские акмеисты и вышли”), какая-то баба-лесбиянка и жуткий Парнах... Всё это опи-сано красочно и неприязненно...¹

.....

1 28 декабря 1922 г. Е. А. Рейснер писала Л. М. Рейснер: “У нас гостит уже 3-ью неделю Сережа К., приезжал на несколько дней и его друг, поэт Тихонов, последний будет хорошим поэтом, большим. Сводила я их обоих к Мандельштаму. Последний превратился из человека в лапу, понимаешь, звериная лапа, с длинными когтями, и всё она хватает, нужное и ненужное, и тащит к себе в берлогу. А в берлоге сидит у него самка, некрасивая, очень чистенькая, и она всё высматривает: не увидит ли чего блестящего, шепнет ему, а он лапой цап — и поехало... Так вот, Мандельштам» отчитывал при мне молодых и начинающих: «Не надо сюжета, сохрани вас Галлий от жизни и ее обыденщины — вверх, чтоб духу прожаренного масла не было, переживания, претворения...» Стук в дверь. Мандельштам выскакивает, оказывается — пришла Суза от имени «Акмеистов-москвичей» с просьбой Мандельштаму руководить ими... «Никаких акмеистов-москвичей нету, были и вышли питерские акмеисты, прощайте». Суза ушла... Стук, пришла баба в штанах наверху, пэнснэ, мужская» шапка, пожатие реши-

Еще Вам, наверно, неприятно будет узнать, но А. Белый в одном письме из Коктебеля 33 г. пишет, что М. — в тягость, и вообще, чужой человек¹. Это вовсе не удивительно. Мне говорили о том, как А. Б. просил для надзора за собой “красного профессора”, < потому > < то > не может ручаться за то, что пишет его рука... В письмах, которые я видел, восторги перед Гладковым, Санниковым и т. п. Тоже, конечно, трагедия, но обратная той, что у О. М. Понятно, почему его так потрясло предисловие Каменева... А в стихах на смерть, и Н. И. говорит, — как всегда, больше личного...

О Н. И. — в последнем письме я поддался мрачному настроению. Сейчас опять звоню ему и стараюсь видеть только ценное и сильное в нем...

Хочу очень набраться духу и позвонить Анне Андреевне — она здесь. Показать и спросить кое-что... (??) Обо мне, если не написали, не пишите Поливанову. Мне, со своей стороны, всё равно невозможно будет что-н < ибудь > сделать, да и всё же не для меня это... Саша М.

.....

.....

тельное и мокрое... Оказывается, эта баба — представитель лесбияк, их 50 штук(?), живут они в одной станции от Москвы и все содомеют, а она почти каждый вечер приезжает в Москву к Мандельштаму. Вижу, тоска житейская... «Давайте, идем, дети, в кинематограф...» Стук, вваливается поэт Парнах, но он не производит впечатления вошедшего, а будто цепляясь когтями повис на потолке и оттуда нас смотрит, и когти в штукатурку вехали... Ну, пошли, тут львы, пантеры, их бьют палками, я рот разинула: милые звери, как непостижимо прямо идут на опасность... Хотела Мандельштамике шепнуть о том, как я люблю зверей под старость. Нагнулась, вижу: лесбиязка, черт ее дери, держит руку Мандельштамихи и жмет и целует... Высунула я им язык, и снова к зверям... Вышли, Госику по дороге с лесбиячкой, мне с Мандельштамами: «Нехорошо, Надюша (жене Мандельштама), что Вы эту гадину принимаете, омерзительно!» — говорю ей. — «Но она влюблена в меня», — шепчет пакостная Надюша. Я скорее домой, к своим милым зверям, ну их с людьми!» (Богомолов Н. А. *Русская литература первой трети XX века: Портреты. Проблемы. Разыскания.* Томск, 1999. С. 586–587); Сережа К. — С. М. Кремков или С. А. Колбасьев, Суза — Сусанна Альфонсовна Укше, Госик — Игорь Михайлович Рейснер.

1 24 июня 1933 г. Андрей Белый писал Г. А. Санникову: “Чувствуем огромное облегчение: уехали Мандельштамы, к столику которых мы были прикреплены. Трудные, тяжелые, ворчливые, мудреные люди. Их не поймешь” (Андрей Белый, Григорий Санников. Переписка: 1928–1933. М., 2009. С. 141).

31 ДЕКАБРЯ 1963 Г.

С Новым годом, милая Надежда Яковлевна! Я жив и здоров (хотя я и один) и беспокоюсь только, что причинил Вам много переживаний за себя. Было несколько тяжелых дней, когда я внезапно столкнулся со всей мерой пошлости и лжи (в чем Юля меньше всего, а м. б. и совсем не виновата — просто попав в беду) — сейчас я совсем успокоился и только волнуюсь за Юлю.

Подивлюсь на мир еще немного,
На детей и на снега...

Жалею, что не приехал в памятный день¹ — похватившей меня боязни пространства, а ни с кем из отъезжавших связаться не сумел. Звонил в этот день Анне Андреевне и Н. И., собрал кое-кого из друзей, читал стихи и объяснял, кто такой, по моему представлению, был О. М. Сейчас буду звонить Евг. Як.

У меня было два радостных события: был в гостях у Анны Андр., сидел ок<оло> 3 часов, многое понял, был горд и счастлив (она читала стихи и из Данте *своим* голосом). На прощание А. А. сказала: позвоните — мы с вами обсудим, что нужно сделать — это тоже своим, “отвлеченным” голосом². Потом я списался с Кузиным, он прислал мне два исключительно доброжелательных письма и очень благородных по тону. Пишет даже, что рассматривает нашу будущую встречу как в некотором отношении продолжение своих отношений с О. Э.

Всё это меня очень согрело и помогло выздороветь. Напишите мне скорей, если у Вас нет на меня никакой обиды. Ваш Саша.

.....

.....

1 27 декабря 1938 г. скончался О. Э. Мандельштам.

2 А. А. Морозов посетил А. А. Ахматову 19 декабря 1963 г. (Записные книжки Ахматовой. С. 415–416).

«10 МАРТА 1964 Г.»

Дорогая Надежда Яковлевна!

Простите меня еще раз за молчание. Оно вызвано всё тем же — нет душевного спокойствия, нет минимума веселости, а — на советском языке — бодрости. <...>

Когда-нибудь вы объясните мне полностью смысл стихов про “точку безумия” и “чистых линий пучки благодарные” — для меня это как раз то — тот же абсолют. Юля головой всё понимает и сочувствует, но, видимо, обманывается и жить так не может.

Срок работы истек — правда, никто не просил меня уйти, “пока я сам не ушел от них”, как О.М. из Цекубу. Отвратительные, похабные, семейно-государственные бабы (“чистая любовь — это любовь после бани” — их анекдоты!). Не судите меня: конечно, я согласен на каторгу, но со смыслом, если бы это, например, нужно было для Юли, чтобы ей помочь. Надеюсь, что меня пока еще не тронут, и я смогу осуществить на грошовых заработках свой идеал нищеты и поработать над О.М. Последнее, конечно, единственный смысл. Неужели не дадут?

7-го — был у Рожанского (позвонил мне с приглашением). Приехала Анна Андр<еевна> с Юлей и Женя Левитин. Было замечательно, и мне стало лучше. С А. А. сидел рядом.

Н. И. к телефону не подходит. Лид. Вас. говорит: он на строгом режиме. Очень скучаю по его всепониманию, и вообще он меня морально поддерживает. Ему-то всё, что во мне, кажется, знакомо и преодолено.

От Кузина получил пространное письмо, занятое критикой “Пут<ешествия> в Армению”¹. Ничего конкретного, но что всё не так, неверно и по-дилетантски. Разумеется, я не согласен, и напишу ему, что я думаю. Прислал эпиграммы на Вермеля (коллективные!)². Но, мне

.....

1 См. наст. издание, с. 313–315.

2 Вермель Юлий Матвеевич (1906–1938) — зоолог, друг и соавтор Б.С. Кузина, двою-

кажется, не надо вам его отпугивать, раз выражает готовность помочь и любит О. М.

А что с публикацией “Лит<ературной> России”?
Ваш Саша М.

.....

«16 МАРТА 1964 Г.»

Дорогая Над. Як.

Спасибо вам за всё, всё. Ваша забота обо мне меня очень поддерживает. Но моя судьба — это тоже я, и, откровенно говоря, разве вы не думаете, что если бы она была другая, я не занимался бы *так*, внутренне, О. М.? Я на него ориентируюсь, но, конечно, не внешне, — внешне — это так получается.

<...>

Вчера звонил Н. И., он ничего, слава богу, и странно, предупреждая, что бы я мог сказать, он сказал: А. А., с Вами происходит самое ужасное и безысходное, что только может быть (что-то раньше я говорил вскользь, что от меня “жена ушла”).

Я воспринимаю всё широко, как должное мне за эгоизм, отщепенство и всю “странность” — видимо, то же Н. И. Вижу здесь какое-то страшное социальное вытеснение и “убийство на том же корню”. Но останавливаюсь.

Я опять бросился в занятия, еще более почувствовал, как это хорошо — быть *честным* и заинтересованным исследователем — и как трудно. В архиве читаю много-томный Дневник Кузмина — букв<ально> по дням, для дореволюционного времени — это бесценно. Обращал Н. И. тем, что там есть начало Хлебникова — 1909 г., башня.

.....

родный брат Д. С. Усова. См. ст.: Новые материалы О. Э. Мандельштама из архива А. А. Морозова / Публ. и вступит. заметка С. Василенко // Сохрани мою речь. Вып. 5/1. М., 2011. С. 173–178.

Если хватит духа, попробую еще раз вылезти из кризиса: это — еще раз проходить шоферскую комиссию — не выйдет, осенью толкнуться в аспирантуру, взять тему вроде: Блок и акмеизм. Обе попытки отчаянные, с минимальными шансами. Не возьмут — останусь таким, как есть.

О бумагах — видимо, какой-то “вариант” может быть опасным, хотя как будто это не практикуется. Но отдам С. Маркишу “Армению” на днях, “разрозненную” папку и мелочи — уже до Вашего приезда. Да?

Кто такой детск<ий> писатель Шатилов¹ и почему у его вдовы могут быть какие-то стихи О.М.? — говорят. И мне для справки — кто это Семеновы² — Л<енингр>ад, 1924–25 гг. Ваш Саша.

.....

⟨26 МАРТА 1964 Г.⟩

Дорогая Над. Як., Вы напрасно испугались за дневник Кузмина. Он — на 90% занят романами, но на 10% — регистрацией, кто пришел и что случилось. Важно, что всё датировано — и для историка здесь многое встает на место (ок. 1909–1911 гг., когда Кузмин жил на “башне”). До О.М. я еще не дошел, но о Хлебникове уже есть ценный материал.

Посылаю Вам письмо Кузина, единственно затем, чтобы Вы не думали о нем (м<ожет> б<ыть>) хуже, чем есть.

Сегодня по радио (“Тол<ос> Ам<ерики>”) — в Нью-Йорке 13. III. был вечер О.М.³. Читал доклад Кл. Браун — специалист по акмеизму (нашел у О.М. “жилку

.....

1 Борис Александрович Шатилов.

2 См. примеч. на с. 303.

3 См. об этом вечере кн.: НЕРЛЕР П. *Осип Мандельштам и Америка*. 2-е изд. М., 2012. С. 250–252.

пушкинской веселости” в последних стихах). Читали стихи по-русски и англ<ийски>.

Мне лучше, спокойнее, хотя как-то холоднее на душе. Много, наверно, во мне изменилось. О Блоке — недаром. Полюбил после “Дневника”. Ему — за его маской — было и легче, и труднее, чем О. М. (смешно: но в личных отношениях что-то нашел свое).

Приезжайте скорее. Здесь опять слухи о Вашей прописке. Ваш Саша.

Вы забыли ответить о Семеновых и Шатилове, кто они такие.

.....

«25 АПРЕЛЯ 1964 Г.»

Дорогая Надежда Яковлевна,
 новостей больших нет. Я был у Н. И. Много говорили о жизни — он тоже расстроился из-за меня. Зато стихотв<орению> о Сухаревке (*Всё чуждо нам...*) обрадовался очень. Оказывается, с ним связана целая история, очень интересная в литературном отношении (Алекс<андр> Анат<ольевич> — только Вам!!). Но, конечно, я расскажу Вам... в следующем письме (чтобы было с продолжением...).

Я Вас спрашивал о Семенове — это, очевидно, ленингр<адский> писатель. С ними — встреча Нового года в 24 г. (Встретил у Кузмина: он пишет Лившицу, что хотели встречать у Вас, но Вы заняты у Семеновых¹.) О Шатилове — мне сказали, что у его вдовы есть что-то об О. М. Вот и всё.

.....

1 28 декабря 1924 г. Б. К. Лившиц писал М. А. Кузмину: “Наша новогодняя компания распалась: сегодня Мандельштамы (в чьей квартире предполагалось встретить Новый год) неожиданно заявили, что они заняты у Семеновых” (“Слово в движении и движение в слове”: Письма Бенедикта Лившица / Публ. П. Нерлера и А. Парниса // Минувшее: Исторический альм. Вып. 8. М., 1992. С. 186). Семенов С. А. (1893–1942) — писатель, редактировал альманах “Ковш”, в котором печатался Мандельштам; Семенова Н. Г. (урожд. Бруггер, сценич. псевд. Волотова, 1896–1982) — актриса.

Вы мне как-то рассказывали со слов О. М. о том, как он случайно попал за границу (без всяких бумаг — сел и поехал). Напишите мне об этом — я встретил у Кузмина что-то о путешествии на купеческой шхуне. Это 1911 г.¹ Мне пригодится для летописи. Потом у Рождественского — есть в письмах, что О. М. читает в Лицее немецких романтиков и видится с ним, когда приезжает в Л<енингр> ад (27 г.)². У Вас упомянут какой-то разговор с Рожд<ественским> после сцены в Прибое (?)³. Это кусочки, но для летописи всё важно.

Кузину я ответил на это его письмо, и больше писем нет. Мне хочется увидеть письмо (или два) О. М., которое у него есть. С.

.....

«12 МАЯ 1964 Г.»

Дорогая Надежда Яковлевна,
Секрет такой: эти стихи (о Сухаревке)⁴ входили в стих<отворени>е “*Tristia*” (*Я изучил науку расставанья*), между 2-й и 3-й строфами (после: *Зачем нетух, глашатай новой жизни* и т. д.)

В 1-й публикации (сб<орник> “Термес”, Киев, 1919) пропуск обозначен точками. Н. И. как-то спросил об

.....

- 1 16 мая 1911 г. М. А. Кузмин записал в дневнике, что видел “Мандельштама, который собирается отправиться в Rio de Жанейро на купеческом судне” (Кузмин М. Дневник 1908–1915 / Подгот. Н. А. Богомолова, С. В. Шумихина. СПб., 2005. С. 283).
- 2 27 января 1927 г. В. А. Рождественский писал Е. Я. Архипову: “О. Э. Мандельштам живет сейчас в Царском, в здании Лицея. Очень доволен снежной тишиной, много читает — главным образом немецких романтиков. Мы с ним видимся во время его приездов в Петербург” (ПССП. Приложение. Летопись жизни и творчества / Сост. А. Г. Мец при участии С. В. Василенко, Л. М. Видгофа, Д. И. Зубарева, Е. И. Лубяниковой. М., 2014. С. 315).
- 3 Речь идет о следующем фрагменте составленной Н. Я. Мандельштам “Биографической канвы”: “Приезд Рождественского <...> после сцены в «Прибое» <...>. «Меня про вас спрашивали». — «Что?» — «Я дал слово — не могу сказать». Кругом чужие — кто они?” (Собр. соч. Т. 2. С. 959).
- 4 Подразумевается стихотворение Мандельштама “Всё чуждо нам в столице непотребной...” (1918).

этом, и О. Эм. ему прочел как выпущенные (конечно, по цензуре) про Сухаревку.

Это очень неожиданно и поразительно.

(Вот, вероятно, почему: Москва, опять Москва... не обессудь, теперь уж не беда¹.) Вообще, много представляется в большей связи.

Интересно, откуда же они выплыли, эти строки, если они не были напечатаны?²

Про себя могу написать только печальное. С Юлей пришлось расстаться. Я даже спокоен (тоска — вообще, от пустоты, а не по ней), но где буду жить и где работать, не знаю. Саша.

.....

«2 ИЮНЯ 1964 Г.»

Дорогая Над Як.,

я действительно слепо верю Ник. Ив., что касается стихов... Он говорил: и не сомневайтесь, Ал. Ан.!! Я и принял... Всё же вот мои соображения в пользу этого: 1) Пропуск ударений не везде в “*Tristia*” (и чту обряд той петушиной...) 2) Москва — Рим могут перекликаться (“в походе варварских телег”³ — и здесь: “миллионами скрипучих арб”) 3) О Москве — здесь уже итог 4) Как будто помнит именно эти стихи Ник. Ив. (когда я сказал про *Сухаревку*, он сразу насторожился) 5) Почему Вы уверены, что они были где-то напечатаны?

М. б., остановиться на среднем, что это параллельный отрывок к “*Tristia*” (всё же размер почти никогда — или даже никогда — не повторяется у О. М.), который естественно (а не по цензуре) отпал.

.....

1 Из стихотворения Мандельштама “1 января 1924”.
 2 Часть этого стихотворения под заглавием “Фрагмент” была опубликована в газете “Жизнь” (Киев. 1919. 1–7 сентября; установлено Б. М. Цимериновым).
 3 Из стихотворения Мандельштама “О временах простых и грубых...” (1914).

Книжку с Багрицким я смотрел — других стихов нет¹. <...>

Откровенно жду помощи от других, в отношении работы с осени это, кажется, удастся, как прожить лето — не знаю, но если что-нибудь опять случится с Юлей, пойду сам в больницу...

Если бы не было Вас, Ник. Ив. и моей работы — отравился бы, но нужны еще дополн<ительные> опорные точки во внешней жизни...

Был с Н. И. на вечере А. А. в Муз<ее> Маяковского (ее не было). Видел всех, особенно приятна встреча с Рожанским и женой. Но помощи здесь ждать трудно — слишком большой разрыв в жизни, да и трудно мне помочь. Но хор<ошее> отношение (ос<обенно> Рожанского) — уже много.

Жду Вас с нетерпением. Ведь мы успеем увидеться?
Ваш Саша.

.....

«СЕРЕДИНА 1960-Х ГГ.»

Милая Над. Як., не писал Вам, п<отому> ч<то> не было никакой “ясности”. Сейчас она есть, хотя и отрицательная. В шоферы меня не взяли: не пропустила мед<ицинская> комиссия из-за ограничения в военном билете. Конечно, дело здесь в социальном отборе, сказали, что на лице что-то такое написано и т. д. Прошел даже “конфликтную” комиссию, с тем же результатом. Помогает мне только философия — что так и должно было быть...

Что теперь буду делать, не знаю, но придется идти на любую работу. Вы правы, что мне нужно чего-нибудь более обыкновенного, чем Кома Иванов.

.....

1 В книге “Имена на поверке” (М., 1963) одно из стихотворений Мандельштама было напечатано как принадлежащее Вс. Э. Багрицкому.

О шоферстве еще думал “про себя” и согласился с Вами, что это путь эгоистический и легкий, но всё же пошел бы на это: потратить еще 2 года на себя, “для учения”.

Гладкова не тревожьте — напоминать ему, по-моему, не следует.

Симе Маркишу сегодня дозвонился: договорились на послезавтра, я ему возвращаю всё + Каблуков. У меня остается только “Армения”, кот<ору>ю Вы мне дали раньше. Можно? Не беспокойтесь, я не потеряю, ручаюсь просто в этом. Кроме того, у родителей это так же безопасно. А я хочу понемножку разбираться.

Все бумаги у Симы произвели на меня впечатление. Какое счастье, что всё это осталось. Я не думал, что так много сохранилось, и по-иному смотрю теперь на работу О. М. Египетская марка — это иступленный труд. Материалы к ней удивительны — здесь работы на год. Н. И. говорит, что не наступила еще та стадия изучения. Но мне хочется скорее к ней подойти.

У Н. И. был раза два. Он чувствует себя владельцем тайны (материалами Каблукова¹) и, видимо, хочет продлить это удовольствие — скупой рыцарь! — только обещает показать.

Вот и все новости. Еще раз хочу обратить ваше внимание на то, чтобы вы не волновались за те материалы, которые у меня в данное время на руках. Я это отделяю от своей внешней биографии. И мы договорились, что основное место хранения — у С. Маркиша. То, что мне будет не нужно, я тотчас буду отдавать ему.

Хочу еще раз привести список:

У С. Маркиша:

- 1) Египетская марка
- 2) Путешествие в Армению — машинопись
- 3) Дант

.....

1 Речь идет о материалах из дневников С. П. Каблукова; позднее были опубликованы А. А. Морозовым (О. Мандельштам в дневниках и записях С. П. Каблукова // Вестник русского студенческого христианского движения. 1979. № 3. С. 13–55).

- 4) Заметки о натуралистах
- 5) Четвертая проза
- 6) Ранние переводы
- 7) Несколько разрозненных бумаг (*к Шуму времени...*)
- 8) Сб<орник> Каблукова

У меня пока остается:

- 1) Армения
- 2) Статьи (Михоэлс, Киев и др.)
- 3) Папка с документами и разными бумагами.

До свидания. Большое спасибо за хлопоты и волнение обо мне. Я это очень ценю. Ваш Саша М.

.....

«СЕРЕДИНА 1960-Х ГГ.»

Дорогая Надежда Яковлевна,
я получил от Вас заслуженное мной, но жестокое письмо. Очень переживаю. Показал его Юле — она даже заплакала. Не знаю, дошло ли до нее, в чем дело (до сих пор ее позиция та, что мне естественно больше переживать за нее, чем ей за себя).

Я только боюсь, что здесь дело не в моем охлаждении к Вам и О.М. (вы должны знать, что это не так), а в Вашей недоверии ко мне. А бумаги... Неужели можно подумать, что я и к ним стал иначе относиться и потерял ответственность? Чтобы Вас хоть на этот счет успокоить: они хранятся на кв<артире> у родителей (по тому адресу, на который Вы пишете), в отдельном ящике письм<енного> стола. Кв<артира> — отдельная, родители, конечно, знают, что это за бумаги, и они культурные люди и любят меня.

Мое отношение к ним, Вы знаете, не коллекционерское, кроме того, это не подарок и они Ваши. При всем этом мне чрезвычайно приятно иметь их у себя как что-то

дорогое, что написано его рукой. Я думаю, что у меня они хранятся не хуже, чем у С. Маркиша, п<отому> ч<то> моей судьбы они не разделяют, если Вам кажется иначе, то, конечно, для меня это не обида, и я передам их Вам или куда скажете.

Эти месяцы я не занимался почти О. М., п<отому> ч<то> я ничем не мог заниматься, даже читать. Состояние страха и слабости. Но именно потому, что занятия не стали для меня отвлеченными, что нужно делать, а остаются по-прежнему эмоциональными и личными.

Дело в том, что как только я возвращусь к жизни и способности что-то делать, я вернусь опять к ним.

Я поправляюсь. В отношениях с Юлей и вообще во всем главное ведь правда, и я до нее докапываюсь, когда она будет совсем чистая, будет легко и расстаться. Сейчас уже я готов к этому. Мне лучше. Я опять хожу в библиотеки и начинаю о чем-то думать и другом, кроме Юли и личных отношений.

В смысле заработка кое-что дает библиография в энциклопедии. Этого мало. Но я думаю, что через лингвистов и вам знакомых людей помочь мне невозможно — совсем другая сфера и др<угая> психология. Думаю, что смогу что-нибудь найти сам (мысли опять о другой специальности), или жизнь заставит пойти на всё.

Ради бога, не переживайте так за меня — это меня и поддерживает (как то, во что даже поверить до конца не могу — неужели правда, я так нужен?!), и причиняет боль.

Если бы Вы были здесь, мы с вами всё подробно обсудили, и я принял бы разумные решения.

Буду писать Вам очень часто и обо всем, если только Вы во мне окончательно не разочаровались.

Несчастный — я себе неприятен, и это залог освобождения. Вспоминается почему-то генерал Мак — помните в “Войне и мире”? “Вы видите перед собой несчастного Мака...” — его взял в плен Наполеон.

.....

«СЕРЕДИНА 1960-Х ГГ.»¹

Дорогая Надежда Яковлевна!

Не забывайте меня совсем. Я опять много тружусь с архивах. Подготовил с комментариями письма к Вяч. Иванову для Тарту².

Неприятности по работе меня трогают мало — только своей суетой.

Разлуку с Вами переношу только как вызванную злыми обстоятельствами, т. е. зависящую от того, что нам не подвластно. Ваш Саша Морозов.

.....

«КОНЕЦ 1966 Г.»³

Дорогая Надежда Яковлевна!

Отпустите мою душу с миром, не могу взяться за статьи. Чудится во всем унижительное, точно “выдел” какой, и к комиссии не хочу иметь никакого отношения⁴. Да и слишком сейчас расстроен, чтобы думать об “ученой” работе. Когда определюсь, вернусь к тому, с чего начал, буду ходить в библиотеки и архивы. Что говорить, задели и Ваши слова о культуре — не вообще, конечно, а именно в этих условиях. Но Вы же помните, я отказывался и от примечаний к “Данту”⁵, сознавая свою недостаточность. Наверно, всё закономерно, и я просто отстраняюсь с приходом других людей. Простите и не сердитесь на меня.

.....

1 РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 234. Л. 6.

2 Эта публикация была осуществлена только в 1973 г. (Морозов А. А. Письма О. Э. Мандельштама к В. И. Иванову // Записки Отдела рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина. Вып. 34. М., 1973. С. 258–262).

3 РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 234. Л. 6.

4 Подразумевается комиссия по литературному наследию О. Э. Мандельштама.

5 Речь идет об издании: Мандельштам О. Разговор о Данте / Послел. Л. Е. Пинского. Подгот. текста и примеч. А. А. Морозова. М., 1967.

Это письмо — отказ, поэтому отвечать на него не нужно. Ваш Саша М.

Надеюсь, что вопрос о моем участии в комиссии для Вас отпал тоже. Это не нужно никому, а меня поставит в ложное и унижительное положение. Мое имя — скромное, но я им дорожу. Не отказывайте мне в этом единственном моем “праве”.

.....

«ОСЕНЬ 1967 Г.»¹

Дорогая Надежда Яковлевна,
пишу Вам, чтобы напомнить о себе и выразить прежние мои, самые высокие чувства к Вам. Есть и еще одно желание — принести запоздалые извинения за свое — в прошлом — не обоснованное ничем предубеждение против Ирины Михайловны. Это я пишу по внутреннему чувству, а не в результате каких-нибудь обстоятельств.

Летом удалось побывать в Ленинграде. В архивах нашлось несколько автографов и очень, по-моему, важная машинопись с правкой сборника “О поэзии”. Много сделал Г. Суперфин, переписавший университетские и тенишевские дела. Если бы еще “вытащить” то, что есть у Евгения Эмильевича, пробелов в дореволюционной биографии почти не осталось бы.

До свиданья, Надежда Яковлевна, будьте только здоровы — и всё будет хорошо, как Вы сами мне в последний раз сказали. Саша Морозов.

.....

.....

1 РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 234. Л. 6.

«КОНЕЦ 1967 Г.»¹

Дорогая Надежда Яковлевна!

Позвоните мне или напишите (письмо Ваше на Солнцевский п<ереулок>, 8, кв. 3 — дошло), когда я смогу к Вам придти и вернуть все хранящиеся у меня бумаги. Уверен, что так будет лучше для Вашего и моего спокойствия.

Вопрос о Н. И. я для себя решить не могу. Понимаю (будь я на Вашем месте), что такой ответ будет означать для Вас, что я беру не Вашу сторону. Но что же мне делать? Ваш С. М.

.....

Приложение .....

**Ю. Н. ФРУМКИНА-МОРОЗОВА —
Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ²
«20 ИЮНЯ 1962 Г.»**

Милая Надежда Яковлевна!

Как Вы себя чувствуете? Нет ли в Тарусе дождей? В Москве два дня очень жарко.

Меня, кажется, неожиданно посылают в командировку в Закавказье (Тифлис, Баку, Ереван). После Вашего с О. Э. «Путешествия в Армению» это кажется дорогим и заманчивым.

Можно всё увидеть самим.

Не будет ли у Вас каких поручений или возможно ли что-нибудь узнать об О. Э.?

.....

1 РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 234. Л. 6.

2 Там же. Оп. 3. Ед. хр. 235.

Я, видимо, выеду через неделю и, может быть, Саша, если уговорю его. А потом будет отпуск.

Саша занимается увлеченно, но как-то слишком серьезно, сухо. Сначала и я ему помогала, но теперь всё некогда.

Напишите, Надежда Яковлевна, что-нибудь об Армении, а если не дождемся Вашего письма, то напишу с дороги. Юля.

.....

Б. С. КУЗИН — А. А. МОРОЗОВУ¹
18 ФЕВРАЛЯ 1964 г., БОРОК

Дорогой Александр Анатольевич!

Простите, что так долго Вам не отвечал. Думаю, это зависело больше всего от разочарования, которое я испытал при перечитывании “Путешествия в Армению”. Удивлялся, как я мог не протестовать бурно, когда эта вещь только что появилась. Кстати, она создавалась не на моих глазах, т. е. О. Э. не читал и мне ее ни целиком, ни отдельными частями². Я впервые прочитал ее уже напечатанной в журнале³.

Я Вам при встрече говорил, что из стихов О. Э. я считаю наименее удачными те, которые я, кажется, назвал “описательными”. Они перенасыщены сравнениями, эпитетами, характеристиками уж очень мало убедительными, и именно этим переполнено “Путешествие”. В нем всё неверно или преувеличено. О. Э. впервые попал в “экзотическую” страну, оказался в “экзотическом” обществе зоологов, познакомился с экзотикой марровского языкознания. Всем впервые увиденным и узванным он по-дилетантски восхищается.

.....

1 Исторический архив Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете (FSO. Ф. 30.149). Машинописная копия, сделанная для Н. Я. Мандельштам. Слева на полях — помета Н. Я.: “Читал и ему, и его товарищам. Память ему изменила. Он и тогда не любил ничего нового — ни стихов, ни прозы”.

2 Звезда. 1933. № 5.

3

Но все оценки неверные. Очень многие из пережитых при этом эмоций и возникших мыслей в совершенно переработанном виде вошли в разные стихи. Там это часто оказывалось прекрасным. И это совершенно законно для поэта, который должен выдавать только вполне готовый продукт. А в “Путешествии” приоткрыта кухня. Я не против этого принципиально. Я с восхищением залезаю в кухню Пушкина или Гёте. Но в данном случае туда лучше было бы не заглядывать.

До чего неверно показаны в “Путешествии” известные мне люди: Гамбарян, Арнольд, во многом я сам. Совершенно произвольны и неубедительны портреты Ламарка (борец за честь природы), Линнея (ярмарочный зазывала), Палласа. Армянский язык ничуть не более могуч и стихийен, чем всякий другой, и т. п., и т. п.

Повторяю, что так всё это воспринимать, а потом в каком-то сублимированном виде переносить в стихи О. Э. имел полное право. Тут происходят чудеса. Самое неясное и дикое представление каким-то способом превращается в настоящую правду. Настоящему искусствоведа безразлично, из чего эта правда сделана. Ему интересен не генезис сам по себе. Но это только потому, что конечный продукт для него не более ценен, чем сырье и все промежуточные фазы. А для этого нужно не любить по-настоящему стихи. И именно нелюбовь к искусству обличает искусствоведов. А я люблю стихи вообще и стихи О. Э. в частности. И люблю его самого. Поэтому хочу им восхищаться. А от “Путешествия в Армению” в восхищение не прихожу. И это мне досадно.

Я хотел написать для Вас историю эпиграмм на Вермеля¹. Но это оказалось невозможным вот почему.

Эпиграммы были написаны по поводу чудачеств Вермеля. Эти чудачества были не очень хорошего вкуса. Но сам он этого не понимал. Но чувство юмора у него было, и человек он был очень неглупый. Поэтому на эпиграммы не только не обижался, но очень им радовался. Если бы он
.....

1

См. примеч. 2 на с. 300–301.

благополучно здоровствовал, то я со спокойной совестью написал бы о нем всё. Но он погиб очень трагично. Поэтому писать о том, над чем мы подсмеивались, я не могу. Но сами эпиграммы я Вам, конечно, сообщить могу, а при встрече кое-что поясню. Ваш Б. Кузин.

.....

“МИЛЫЕ МОИ МАЙМИШАТА...”:
ПИСЬМА Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ Е. А. МАЙМИНУ
И Т. С. ФИСЕНКО

(Публикация и предисловие Е. Дмитриевой-Майминой)¹

.....

Публикуемые здесь письма (наверное, правильнее было бы их назвать записками) обращены к моим родителям, Евгению Александровичу Маймину и Татьяне Степановне Фисенко, и относятся к периоду между 1964 и 1966 гг., когда Надежда Яковлевна уже покинула Псков, но воспоминания и впечатления о нем еще были живы и ей всё же немного было *жаль своих покинутых цепей*.

Обстоятельства того, как Н. Я. попала в Псков и стала преподавать английский язык на факультете иностранных языков Псковского педагогического института, достаточно известны². Известна и роль, которую сыграла в этой первой возможности для Н. Я. найти “приличную” работу в краях не столь отдаленных Софья Менделевна Глускина, свояченица И. Д. Амусина, знакомого с Н. Я. еще с довоенных времен. Именно она выступила предстательницей в этом деле перед тогдашним ректором института Иваном Васильевичем Ковалевым.

Мой отец всегда впоследствии вспоминал о Ковалеве как о человеке, живо интересовавшемся судьбами других, мужествен-

.....

1 Благодарю Г. Загянскую, П. Нерлера, Д. Нечипорука и Г. Суперфина за помощь в подготовке этой публикации.
 2 См., в частности: Федоров Ф. Псков не заметил, как к одной из его жительниц приезжали Иосиф Бродский и Александр Солженицын // Псковская провинция. 2011. 7 декабря.

ном и порядочном — качества, как мы хорошо знаем, на столь высоких позициях не столь и частые. Ковалев заинтересовался “слушаем” Н. Я. и сразу же согласился взять ее на свободную вакансию. Добрая ему память! Впрочем, правда и то, что, как говорила сама Н. Я., в те — уже хрущевские — времена сочувствие вдове опального поэта постепенно стало почитаться признаком хорошего тона среди высоких чиновников. Возможно, благодаря именно этому Н. Я. впоследствии получила прописку и купила квартиру в Москве.

Из публикуемых писем хорошо вырисовывается основной круг псковского общения Н. Я.

Соня — Софья Менделевна Глускина (1917–1997), ученица Б. А. Ларина, лексикограф и диалектолог; она работала на кафедре русского языка Псковского государственного педагогического института с 1948 г., преподавателем была поистине легендарным. На ее лекции по истории старославянского языка ходили, как на увлекательнейший фильм. Впрочем, строгость, требовательность и бескомпромиссность были иной частью связанной с нею студенческой мифологии.

Лариса — Лариса Яковлевна Костючук, ее коллега, ныне доктор филологических наук и профессор той же кафедры¹.

Лиана — Металлина Георгиевна Дюкова, преподаватель (до 1978 г.) философии в Псковском педагогическом институте, единственная в те времена в Пскове, кто, читая лекции по этому скомпрометировавшему себя предмету, требовал от студентов знаний, явно выходящих за пределы конспектов Ленина и Маркса, вряд ли прочитанных. Ее философский, *неженский* ум Н. Я. высоко ценила.

И, наконец, мои родители: отец, *Евгений Александрович Маймин* (1921–1997), выпускник филологического факультета Ленинградского университета и ученик Б. М. Эйхенбаума². В Пскове он оказался после расформирования в 1957 г. Выборгского педагогического института; преподавал в Псковском педагогическом институте на кафедре русской и зарубежной литературы, а с 1965 по 1987 г. был заведующим этой кафедрой.

Моя мама (в письмах Н. Я. она фигурирует как *Таня*, *Танечка*, *Танюша*) — Татьяна Степановна Фисенко (род. в 1928 г.), окончившая шведское отделение романо-германского отделения филофака Ленинградского университета. Она преподавала немецкий язык в том же институте.

.....

1 См. ее воспоминания о Н. Я.: *Осип и Надежда*. С. 400–418.

2 То был ставший впоследствии знаменитым первый послевоенный курс: среди однокашников отца — Ю. М. Лотман, Л. А. Дмитриев, Н. Б. Томашевский, М. Г. Качурин.

Сама я в те времена была совсем еще маленькой девочкой и потому мало что помню о происходивших тогда событиях. Помню, правда, как мы навещали с мамой Н. Я. в комнате, которую она снимала в коммунальной квартире в самом начале Октябрьского проспекта. И как в этой комнате постоянно стоял густой дым, казавшийся мне таинственным. Помню, как приезжала к Н. Я. Варвара Викторовна Шкловская и как мы вместе ездили в Изборск.

Но, наверное, самым ярким детским впечатлением была «битва гигантов» — Н. Я. и Леонида Алексеевича Творогова, человека, без которого немислим Псков того времени. Он был хранителем, а до того создателем Псковского древлехранилища, уникального собрания книг, составленного из библиотек представителей разных сословий Псковского края. То была поистине *библиотека библиотек*, почти в борхесовском понимании. У самого же Творогова позади был Беломорканал и от мороженые ноги. Из-за этого он всегда ходил с костылями и рюкзаком. И еще — в сопровождении двух собак, его единственных и неизменных спутников. В городе его считали чудачком, но и восхищались стариком, имевшим профиль Гёте в старости. Только я думаю, что он был даже еще более красив, чем Гёте.

Чудак, как и полагается, имел свои странности. В частности, он очень любил стихи местного поэта А. Н. Яхонтова, считал его несправедливо забытым после смерти, а при жизни — недооцененным¹. В последнем он винил... А. С. Пушкина. Ссора разгорелась в нашей маленькой квартире в хрущевском доме на набережной Великой. «Я Пушкина пиф-паф», — кричал Творогов, наставив свой костыль на Надежду Яковлевну, пускавшую в него кольца дыма в защиту «солнца нашей поэзии».

Последние свои псковские дни, «сдав» съемную комнату хозяевам и в преддверии отъезда в Москву, Н. Я. прожила в нашей квартире, окна которой выходили на тогда еще не взорванный ажурный Ольгинский мост (инженерный проект Г. Н. Соловьева) и Анастасиевскую часовню с фресками по эскизам Н. К. Рериха.

Переписка Н. Я. с родителями, которая поддерживалась в первые ее московские годы, со временем прекратилась. К сожалению, в письмах Н. Я. дат не ставила, изредка — числа, так что с полной уверенностью восстановить хронологический порядок писем невозможно. Да я и не уверена, что сохранились все письма.

.....

1

См. о нем: Вершинина Н. Л. «Безупречный рыцарь» нового времени Александр Николаевич Яхонтов: монография. Псков, 2011.

Важно подчеркнуть, что с отъездом Н.Я. из Пскова отношения с ней моих родителей не прекратились. Были и телефонные звонки (правда, редкие). Периодически то отец, то мама навещали Н.Я. в Москве. Особенно интенсивным было общение моей мамы с Н.Я. в 1972 г., когда от института на несколько месяцев она была послана на курсы повышения квалификации в Москву. И тогда почти все воскресные дни проводила у Н.Я.

Периодически Н.Я. “присылала” в Псков, а это значит, и к моим родителям, гостей. Так появился в Пскове Варлам Шаламов (о его псковских впечатлениях речь идет в одном из публикуемых здесь писем). Описание Надеждой Яковлевной “Шаламыча” с его причудливой жестикуляцией и “дикой улыбкой” поразительным образом совпадает с моими ощущениями семи- или восьмилетней девочки. Тогда я испугалась и убежала к бабушке в комнату. И только папа мне после сказал, что я не в состоянии еще оценить, какого великого человека в тот день увидела.

Порой “присланными” гостями оказывались зарубежные знакомые Н.Я. (Насколько я понимаю — скорее полужнакомые.) Помню двух красивых голландцев, галантно помогавших мне, второкласснице, решить математическую задачу. На самом деле я всегда решала задачи сама, но внимание этих мужчин с “лица необщим выраженьем” и для маленькой девочки было лестно, а потому от их помощи девочка не отказалась.

Визит же этот оказался чреват последствиями... Псков — город маленький. Появление в нем иностранца в 1960-е гг. (а в сущности, и не только в 1960-е) — событие из ряда вон выходящее, тут же приводившее в движение известный механизм. В больших городах всё это тоже было, но не так очевидно. А у нас уже на следующий день в доме появился милиционер и что-то весьма неубедительно бормотал о драке, будто бы случившейся в подъезде. И спрашивал, не слышали ли мои родители шума и никто ли к нам не заходил. Когда родители упомянули о голландцах, милиционер в штатском энтузиастически вздохнул.

После его визита родители долго перешептывались, будучи явно расстроены. Я поняла только, что в последующий раз им будет, конечно, неудобно отказывать Н.Я., но и вступать в диалог с представителями органов им более не хотелось. Папа был в высшей степени порядочным человеком, но лезть на рожон попусту не любил.

Однажды всё же я была свидетелем того, как он отказался принять дома одного американского журналиста, которому Н.Я. дала его телефон. Отец сослался, кажется, на боль в ногу. А поскольку после полученного во время войны ранения нога у него бо-

лела постоянно, в этом даже не было никакой лжи. Только бывают странные сближенья...

Лет пять назад, в Париже, меня пригласили в одну компанию. Во внутреннем дворике дома, где жили мои знакомые, я столкнулась с пожилой парой с букетом цветов. Они явно направлялись в ту же квартиру, что и я. Пара оказалась осевшими в Париже американцами. Узнав, что я русская, они оживились, а муж рассказал, как в середине 1960-х гг. был аккредитован в Москве одним из нью-йоркских журналов. Попутно выяснилось, что он хорошо был знаком с Н. Я. А потом рассказал, узнав, что детство я провела в Пскове, что он туда с женой тоже ездил. И что Н. Я. дала ему адрес одного местного профессора, с которым очень советовала подружиться. Но что-то случилось, и знакомство не состоялось...

Другим частым знаком внимания от Н. Я. были подарки. Когда она начала получать гонорары из-за границы, выражавшиеся в возможности покупать дефицитные вещи в “Березке”, она, как только мама появлялась у нее, тащила ее в магазин — чтобы сделать приятное “домочадцам”. Так появился у меня голубой мохеровый свитер — вещь необычная и по тем временам, и по нынешним и который до сих пор лежит у меня в шкафу. А у моей бабушки Ксении Игнатъевны (Фисенко), к которой Н. Я. относилась особенно трепетно (та тоже потеряла мужа, неизвестно где похороненного, тоже прошла через тяготы если не ссылки, то голодной оккупации в Таганроге), — два больших мохеровых шарфа. Папе же достался черный шерстяной кардиган, получивший в домашнем быту название “мандельштамовка”.

В начале 1970-х гг. был период (продолжался он, кажется, года два или три), когда Н. Я. стала приезжать на лето в Псков. Оставалась она тогда в Любятово — на окраине Пскова, у отца Сергея Желудкова. Отец Сергей был к тому времени уже отлучен от церкви — за несогласие с официальной ее политикой. На Западе его знали как редкого и оригинального богослова¹. Отец по вечерам слушал иногда “по тому радио” отрывки из его книги “Почему и я — христианин”. В обыденной же жизни о. Сергей был человеком очень скромным, почти незаметным. Своего дома отец Сергей не имел и жил в доме своей прихожанки Татьяны Гавриловны Дроздовой, женщины судьбы драматической, что, по-видимому, их и сблизило.

.....

1 См. о нем биографический очерк С. С. Бычкова “Священник Сергей Желудков” в кн.: Желудков Сергей, свящ. *Литургические заметки. Переписка, письма, воспоминания*. 2-е изд. М.: Sam & Sam, 2004. С. 3–29.

Этот период я помню уже гораздо лучше. Самым ярким событием бывал день приезда Н. Я. Она прилетала из Москвы на самолете. В псковский, очень сельский по виду, а потому и очень уютный аэропорт мчались в те вечера два такси. В одном — отец Сергей и Татьяна Гавриловна. В другом — мы с мамой и Лина Георгиевна Дюкова (в другой раз была еще и Софья Менделевна Глускина). Надежда Яковлевна медленно сходила с трапа, а мы все уже бежали ей навстречу с цветами. (Наверное, она всё же приезжала три раза, потому что я помню эти встречи именно как повторяющееся действо.) У отца Сергея глаза при этом как-то по-особому начинали светиться. Впрочем, мне кажется, что светились они у него всегда.

А затем все ехали в любятовский деревенский дом. Вокруг дома был яблоневый сад, казавшийся “Эдема списком сокращенным” (Татьяна Гавриловна зарабатывала себе на жизнь, продавая иногда на рынке яблоки). В доме была фисгармония. Отец Сергей прекрасно играл, а у Татьяны Гавриловны был ангельский голос (впрочем, при характере отнюдь не ангельском). Так что “посиделки” в любятовском доме, и в день приезда, и в остальные дни, начинались с духовных песнопений. Компания была в основном всё та же: Соня, Лина, мои родители и, разумеется, хозяйка. Впрочем, вскоре к Н. Я. стал заходить и новый священник Любятовского храма — отец Владимир Попов, и по сей день служащий в этом храме.

О чем они говорили? Конечно, содержания разговоров я не помню. Но помню, что всё, что говорилось, было так высоко, так приподнято над обыденностью, что на следующий день я с большим трудом входила в привычную колею. Так что моя мама, несколько испугавшись, однажды полувопросительно заметила: “Но ты же понимаешь, что происходящее там и наша остальная жизнь не очень совместимы? И что ты ничего никому не должна рассказывать?” Это-то как раз я понимала...

Впрочем, какие-то обрывки разговоров я всё же помню. Как Н. Я., раздумывая над предложением Софьи Менделевны уехать в Израиль (что С. М. в конечном счете сделала, правда, много позже), сказала, обратившись к моей маме: “А знаете, Танечка, я всё думала, думала об этом, а потом как-то раз проснулась с таким чувством, будто я уже в Израиле и кругом меня одни евреи. И решила, что не надо этого делать”.

Тогда Н. Я. уже закончила работу над первой книгой. Отец Сергей спросил ее о второй. “Она уже тоже написана. Вот здесь”, — сказала Н. Я., указав на область сердца.

И еще почему-то запомнился такой эпизод, неловкий и глупый с моей стороны. Это было летним вечером, в Любятово. Все вышли в сад. Н. Я. сидела на деревянной скамье и, как и полагается,

курила. Я неприкаянно бродила по саду. Мне уже было четырнадцать, а может, и пятнадцать лет, но родители меня брали с собой, как “хвостик”. Я уже не была непринужденным младенцем, но, разумеется, еще не стала и “собеседником”, а потому, боясь “упасть в грязь лицом”, в основном внимательно молчала. И вдруг Н.Я. подозвала меня и сказала совсем неожиданно: “Катька, а ты ведь красотка. Только никогда не позволяй мужчинам брать над тобою верх...” И далее что-то в этом роде.

Я никогда себя красоткой не считала, тем более в пятнадцать лет, когда любую нормальную девочку обуревают серьезные сомнения в самодостаточности собственной внешности. И, опешив от слов Н.Я., совсем некстати спросила: “А как же вы и Осип Эмилевич?”

“Я — другое дело. Я была уродиной”, — последовал ответ.

Потом уже, кажется, в первой книге, много позже, когда я прочла размышление Н.Я. о том, что О.Э. непременно бы ее бросил, если бы не случилось то, что с ними обоими случилось, я подумала, что, может, та реплика Н.Я. была продолжением оборвавшейся в книге фразы...

В один из своих поздних приездов в Псков Н.Я. привезла с собой двух своих подруг. Имени одной я, к сожалению, не помню. Запомнилась она в основном тем, что тут же надавала моим маме и бабушке огромное количество рецептов тортов и сухарей (последнее — не без значения). Из тортов у нас в доме укоренился один, о котором она говорила как о любимом торте Солженицына. А поскольку самого Солженицына она называла “рыженьким”, то и торт получил право гражданства в доме под именем “Рыженький”.

Другая подруга была Наталья Евгеньевна Штемпель. Отец, который из-за раненой ноги часто не мог совершать длительных прогулок, послал меня показать им Псков. Я с юношеским ригоризмом провела их по самому длинному, хотя и самому красивому пути — пройдя вдоль Великой до Покровской башни и оттуда, через Мирожский монастырь, через мост, к церкви св. Климента. И когда уже оттуда мы дошли до старообрядческой церкви, она присела. Сказала, что больше не может. Да я и без того видела, что она всё сильнее и сильнее прихрамывала. Но когда она села, печально и как-то почти беспомощно, я вдруг словно впервые увидела ее лицо. Казалось бы, почти некрасивое. Но такое прекрасное! И тогда, наверное, впервые подумала: какой же прекрасной бывает и не очень красивая женщина!

А дома мне за эту длинную прогулку сильно попало.

Кажется, последний приход Надежды Яковлевны к нам домой (а жили мы тогда уже на улице Ленина) закончился трагико-

мически. Дело в том, что в нашем подъезде проживал пьяница по имени Максимыч, который периодически одалживал у моего отца рубль на выпивку (но и регулярно — воздадим ему должное — долг возвращал). Пьяница этот был, видимо, артистом в душе: все его тирады увенчивались, как правило, аллитерационным “бур-ржуазия р-революцию пр-редала. Р-рвань”. Бабушка моя, не одобрявшая интеллигентного демократизма отца, гнала Максимыча прочь, за что тот ее побаивался.

Надежда Яковлевна уже уходила. И вышла на лестничную площадку. Я вышла вместе с ней, чтобы проводить до такси. В это время направлявшийся к нашей квартире Максимыч, перепутав, по-видимому, Н.Я. с бабушкой и вначале отпрянув, решил затем всё же пойти на мировую. “Не горюй, бабка, — сказал он, поцеловав Н.Я. в темечко. — Мы ведь с тобой вместе С-сиваши брали”. И еще раз поцеловал.

Родители мои, с ужасом наблюдавшие за сценой и не сумевшие ее предотвратить, страшно огорчились. “Что вы, друзья, — рассмеялась Н.Я. — Ведь это хороший знак. Значит, я к вам еще вернусь”.

И всё же это было последнее посещение Надеждой Яковлевной и Пскова, и нашего дома.

ЕКАТЕРИНА ДМИТРИЕВА-МАЙМИНА

.....

---

10 МАРТА 1964 Г., МОСКВА

Дорогие друзья!

Я в Москве. У Евг. Як. инфаркт, и полдня я провожу в больнице. Писать мне трудно, но вы не забывайте меня. Пишите о себе. Я о вас всегда помню. Н. М.

.....

«НЕ РАНЕЕ СЕРЕДИНЫ МАРТА 1964 Г., МОСКВА»

Дорогие Танюша и Евгений Александрович!

Простите, что я долго не писала. Почему-то устаю и мрачна. Бог его знает, почему. Брат уже дома. Даже

выходит в садик у себя в доме. На 20 минут. Устает и слаб. В начале июня едет в санаторий.

Как Ксения Игнатьевна¹. Бедная она — это всё очень трудно, и заболела она от непосильной работы и жизни. Кланяйтесь ей от меня. Я ее очень целую. Мне очень хочется в Псков, хотя бы на несколько дней, но пока я связана с Москвой — из-за Жени.

Как сейчас у вас? Куда вы едете летом? Как здоровье Тани? Что еще нового вздумала Катька? Н. М.

Приехала ли Соня?

Напишите скорее.

<На полях:> Решилась ли Кс. Игн. на операцию? Кажется, в этих случаях нужна операция. Напишите.

.....

«КОНЕЦ СЕНТЯБРЯ — НАЧАЛО ОКТЯБРЯ 1964 Г., ТАРУСА»

Дорогой Евгений Александрович! Наконец узнала от Танюши ваш адрес. Напишите мне, как ваша нога, как вы сами... Надеюсь, что сейчас за вас примутся серьезно — это все-таки то место, куда надо было попасть. Таня мне писала, как всё было сложно².

У вас в Пскове была Софья Менделевна и очень хвалила в письме Катьку.

Очень по вас скучаю. У меня грома интересных книг, и хочется вам их показать.

Я приеду в Псков и привезу их.

.....

1 Ксения Игнатьевна Фисенко (1894–1990), мать Т. С. Фисенко.

2 В 1944 году Е. А. Маймин получил тяжелое ранение в ногу. После войны рана периодически воспалялась, врачи не могли (или не хотели) найти тому причину, ограничиваясь антибиотиками и переводя его каждый раз в новое отделение, чтобы “не портить статистику”. Позже моей матери (Т. С. Фисенко) удалось договориться с хорошим хирургом, который согласился сделать операцию и прочистить кость. Последнее оказалось спасительным. Именно об этом Н. Я. говорит в данном и последующих письмах.

Очень хвалят повесть Домбровского в “Новом мире” (7–8)¹.

Я проделала летнюю кампанию, т.е. дачу... Сейчас одна в Тарусе. Работаю, живу тихо. Не соблазнилась возможностью работать в Москве. Не хочется... Скоро (в конце октября) мне 65 лет. Я это чувствую очень сильно. Здесь у меня лестница в подвальную кухню, где можно устраивать балы... А мне трудно.

Кстати, не надо ли вам будет отдохнуть? Может, у Вас будет отпуск по больничному? Приезжайте ко мне. У меня чудные условия — половина дома... Роскошная комната (две!), тишина и нет гари.

Точно, как у Оттонов — вы ведь были.

Адрес: 1-я Садовая 2...

Целую вас. Надежда Ман <дельштам>.

.....

«ОСЕНЬ 1964 Г., ТАРУСА»

Дорогая Танюша! Я была у Жени в среду.

У него посветлевшее лицо, и он ожил.

Лишь бы не спешить с лечением, вытерпеть всю эту канитель и не сорваться с места. Он мне рассказал о всех своих мытарствах. Частично я знала о них из ваших писем. Меня поразило, что все-таки рентгенолог, потребовавший операции, был пришлый, не из больницы.

Я поняла, как мы с вами сроднились или сдружились, я уже не знаю, как это назвать, когда была у него. Так почувствовалась мне его боль и все ваши метания, когда вы его старались устроить и чем-то ему помочь наперекор лени, тупости и чиновничьему равнодушию наших врачей. Дай-то Бог, чтобы всё было хорошо. Держите меня в курсе дел. Меня очень волнует, как он станет на ноги.

.....

1

Имеется в виду повесть “Хранитель древностей”, первая книга дилогии Ю. Домбровского (Новый мир. 1964. № 7).

Крепко вас целую.

Привет маме. Поцелуйте в носик Катю....

Хотела бы написать сегодня и Соне, но кончились конверты, а на улицу еще не выйти. Напишу завтра...

Главное, что у Жени спокойный взгляд и нет той желтизны кожи, которая была до операции, хотя он столько лежит в больнице. Облегчение явное.

.....

---

22 ДЕКАБРЯ <1964 Г., МОСКВА>

Дорогой Евгений Александрович! Очень рада первой весточке от вас из дому, где вы с семьей и на месте <нрзб>. После всего, что вы пережили, конечно, сразу нельзя оправиться. Хорошо, что вы посидите месяц дома. Кончается ли уже этот месяц?

Как Таня? Ей тоже пришлось туго. Как вы, Танюша? Как ваша дивная кафедра, заседания и старания?¹ Не огорчайтесь ничему и радуйтесь, что Евг. Александрович дома... Как мама? Катька? Она уже, наверное, ужасно взрослая дама.

Я досиживаю последние дни в Москве — в воскресенье (сегодня вторник) еду на 3 месяца в Тарусу. А в апреле опять в Москву, а там споемся и я приеду к вам.

Что-то мне отдыхается от всех трудов праведных, которые я кончила...

В Москве было шумно, а теперь стало потише... У нас здесь “культурное мероприятие” — выставка Фаворского² и сегодня в его честь концерт Юдиной и Шостако-

.....

1 Кафедра русской и зарубежной литературы, на которой работал Е. А. Маймин, была, в силу неординарности и характерности большинства ее членов, постоянным предметом обсуждения и иронических сетований его друзей. Примером тому эпиграмма — правда, чуть более позднего времени, написанная Ю. М. Лотманом как бы от имени Е. А. Маймина: “Как пройти мне биссектрисой / Меж Ларисой и Алисой, / Между Титовой и Верой, / Меж чумою и холерой?”

2 Выставка В. А. Фаворского, организованная главным образом усилиями Е. С. Левитина, состоялась в ГМИИ им. Пушкина в ноябре — декабре 1964 г. С М. В. Юдиной

вича, а еще выставки Кузнецова и Чекрыгина¹ (обе — со-бытие).

Постарайтесь достать алма-атинский журнал “Простор” (№9); там напечатана повесть “Джан” Платонова². Прочтите! Они хотят напечатать подборку О. М...³

А о книге — ничего...

Целую вас всех... Н. М... “гранитная” — и еще что-то...

.....

«ФЕВРАЛЬ 1965 Г., ТАРУСА»

Дорогие Танечка и Евгений Александрович!
Весна приближается, и я уже предвкушаю Псков, разговоры, сбивалку, соломинку и стояние у балкона с видом на Великую.

Я, правда, сроднилась с вами. Беспокоюсь, когда нет писем, и хочу вас видеть.

Вы не пишете, как нога, как общее состояние. Одно слово “болит” для меня мало.

Приехала ли Ксения Игнатъевна?

Как растет Катька?

Хорошо сделали, что не поехали в Ленинград. Там грипп здорово разбушевался.

Кто у вас бывает?

.....

Фаворского связывала тесная дружба. На одной из поздних (1956) гравюр Фаворский изобразил Юдину во время выступления на концерте, на другой — ученики Юдиной исполняют соль-минорный квинтет Шостаковича. 29 декабря 1964 г., когда выставка была еще открыта, В. А. Фаворский умер. Юдина, по воспоминаниям очевидцев, играла и на его похоронах (сообщено Г. Загянской).

1 Выставки Павла Варфоломеевича Кузнецова (1878–1968) и Василия Николаевича Чекрыгина (1897–1922) состоялись в декабре 1964 г. соответственно в Доме художника на Кузнецком мосту и в Музее В. В. Маяковского. В частности, на трехдневной выставке Чекрыгина экспонировалось 130 работ художника (сообщено Г. Суперфином; см. также: Точный О. Выставка работ В. Н. Чекрыгина // Знамя (Калуга). 1965. №3).

2 Повесть была опубликована в журнале “Простор” в 1964 г.

3 Вышла в №5 за 1965 г.

Целую вас обоих и Катюку. Н. М.
До конца марта я в Тарусе.

.....

«ПОСЛЕ 13 МАЯ 1965 Г., ТАРУСА»

Милые!
Я совершенно замучилась.
Сама не знаю, что со мной.
Был вечер О. М. в МГУ на мехмате — по первому
классу¹.
В журнале “Простор” (Алма-Ата) огромная под-
борка стихов. Н. М.
Где Соня? Если в Ленинграде — как ее адрес.
<На полях:> Как Ксения Игнатьевна?

.....

---

6 ИЮЛЯ «1965 Г., ТАРУСА»

Милые друзья!
Еще записочка о том, что я по вас скучаю и с удо-
вольствием вспоминаю славные дни в Пскове.
Целую Танюшу...
Привет Лине...
Евг. Александрович, вышла очень интересная книга
Л. С. Выготского “Психология искусства”...² Ищите ее. Н. М.
Получили ли вы записочку для Леоновой³?

.....

.....

1 Речь идет о первом вечере Мандельштама на мехмате МГУ 13 мая 1965 г. (см. наст. издание, с. 332–343).

2 Имеется в виду первое издание кн.: Выготский Л. С. *Психология искусства*. М.: Искусство, 1965.

3 Неустановленное лицо.

---

22 СЕНТЯБРЯ <1965 Г., МОСКВА>

Дорогие друзья!

Я расквасилась — приступ язвы — очень тяжелый.

Болезнь эта, как вы знаете, нервная. Вот и не писала...

Очень бы хотела вас видеть. Сейчас я в Москве.

Жду квартиры. Целую. Н. М.

.....

<ПОСЛЕ 12 ОКТЯБРЯ 1965 Г., МОСКВА>

Дорогие Танечка и Евгений Александрович!

Получила ваше письмо. Бедная Катька¹ — уже служит! Наш Никита самый занятый человек в мире: он в седьмом классе математической школы. Задачи решает ему весь дом да еще два доктора математических наук.

Я очень болела. Язвой — нервная болезнь, схватившая меня, когда я вернулась с дачи. Естественно. Было и есть от чего. А сейчас умер один дорогой мне человек — А. А. Румнев². Единственный актер, с которым мы дружили и притом всю жизнь.

Вышла книжка Анны Андреевны.

Достать нельзя. Лучшая из всех.

Пишите. Н. М.

Всех целую. Особенно Ксению Игнатьевну.

Привет Лине.

.....

.....

1 Осенью 1965 г. Катя Маймина пошла в первый класс.

2 Румнев Александр Александрович (наст. фамилия Якин; 1899–1965) — в 1920–1933 гг. актер труппы Московского Камерного театра, в 1962–1964 гг. руководил Театром-студией пантомимы. Умер 12 октября 1965 г.

«ПОСЛЕ 22 ОКТЯБРЯ 1965 Г., МОСКВА»

Милые мои друзья! Я обезумела от новой квартиры, но реальности ее я еще не ощущаю... хоть бы вы навестили меня... Хорошо?

Мой адрес: Москва М — 447
Большая Черемушкинская № 50
корп. 1 кв. 4. Н. М.

.....

«НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ 1965 Г., МОСКВА»

Что вы меня забыли?

Вспомните!

Что у вас? Благополучно ли?

Мой адрес: Москва М — 447
Большая Черемушкинская № 50 корп. 1 кв. 4. Н. М.
Целую всех.

.....

«КОНЕЦ ДЕКАБРЯ 1965 Г., МОСКВА»

С Новым годом!

Дорогие друзья!

Я вам не пишу, потому что совершенно сломана от усталости малого стиля. Валяюсь, сплю. Ничего не делаю. И ничего делать не буду. Не забывайте меня.

Хоть бы кто-нибудь из вас приехал в Москву!

Таню зову в Москву, ей пора.

Всех целую. Всем привет...

Как Лина? Ей отдельный привет. Н. М.

Основное занятие — убираю квартиру. Гости сидят у меня на кухне. Она большая.

.....

«ПОСЛЕ 5 МАРТА 1966 Г., МОСКВА»

Милые Танюша и Евгений Александрович!

Я вас не забыла и забывать не собираюсь, как вы говорили с Максимовым¹... Я еще не могу приспособиться к новой жизни без Анны Андреевны² — ведь с ней я прожила всю жизнь. Приезд Лины доставил мне большое удовольствие. Она отличный человек и умница. Будете ли вы когда-нибудь в Москве?

Целую всех. Н. М.

.....

«ЛЕТО 1966 Г., ВЕРЕЯ»

Милые Танюша и Евгений Александрович... Пишу на всякий случай.

Боюсь, что вы уже уехали.

Я опять в Верее. Адрес старый: Верее Нарофоминского, 1-я Спартаковская, 20, Шевелевым, для меня.

В Москве было столько народу, что я не успела даже охнуть. И сейчас, боюсь, будут нашествия. Поэтому задержалась с ответом. Надеюсь, что осенью вы ухитритесь и приедете ко мне.

Целую вас обоих. Н. М.

Привет — Лине и Ларисе.

.....

.....

1 Максимов Дмитрий Евгеньевич (1904–1987) — профессор Ленинградского университета.
2 А. А. Ахматова умерла 5 марта 1966 г.

---

29 НОЯБРЯ <1966? Г., МОСКВА>

Милые мои маймишата и Ксения Игнатьевна!
Шаламыч до сих пор вспоминает о вас с дикой своей улыбкой — выгибает руки, подпрыгивает и кричит, что поедет в Псков.

Не забывайте и вы меня, хоть я и стала старой собакой и лежу на печке. Н. М.

Если Соня или кто поедет, скажите Лине, чтоб послала книги. Как она? Поцелуйте ее.

<На полях:> В четверг вечер О. М. в Пединституте. Боже, как я не хочу идти.

.....

<ВЕСНА 1967 Г., МОСКВА>

Милые Женя и Танюша!

Спасибо за доброе письмо. Я сижу и маниакально работаю. Это всегда у меня так — сначала целое, а потом все части. Трудно на старости лет. Пора на печку.

Что еще? Да ничего. Приехали из санатория брат и невестка. Скоро поедем в Верею на дачу. Мне не очень хочется, но надо. Их одних нельзя оставить. Здесь ничего нового, хотя что-то всё же есть. Так в стакане воды бурлит и пенится сода.

“Разговор о Данте” еще не вышел¹. Тираж лежит. Мальчишки у магазинов уже слегка торгуют книжкой. Смешно!

Жаль, что нельзя увидеться еще раз. Как нога? Смотрите, не болейте... Куда вы едете летом?

Привет Ксении Игнатьевне.

Признались ли вы ей, что забыли кулич²?

.....

1 “Разговор о Данте” вышел в издательстве “Искусство” в мае 1967 г.

2 Куличи, которые пекла моя бабушка (К. И. Фисенко), имели “высокий рейтинг” среди знакомых и друзей, которых она любила ими одаривать.

Целую вас. Над. Ман.
Лине привет.
.....

«ОСЕНЬ 1976 Г., МОСКВА»

Дорогие Таня и Женя! Спасибо за милую посылку. Особенно потрясла меня банка с вареньем. За это особое спасибо Ксении Игнатьевне. Это ее работа. И Катина — собирала-то ягоды она. Это какой-то необыкновенно дружеский акт. Спасибо, спасибо, спасибо...

Я “активизируюсь”, т.е. сплю одна (всё время дежурили), сижу одна, выхожу гулять (возле дома) одна... Восторг!

Врачи еще подозрительно смотрят на меня, но мне уже плевать. Гуляю от скамейки к скамейке. Трудно. С палкой. Для 77 лет не так плохо.

Приезжайте. Очень хочу вас видеть. Привозите Катю. Целую крепко. Ваша Н.М.

Привет всем — Соне. Лине в особенности.
.....

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

“Я К ВЕЛИЧАНЫМ ЕЩЕ НЕ ПРИВЫК...”:

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ НА ВЕЧЕРЕ ПАМЯТИ

О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА (МЕХМАТ МГУ, 1965)

Источники и загадки .....

Вечер памяти Осипа Мандельштама в МГУ — яркое событие в посмертной судьбе великого русского поэта.

Первоначально намечавшаяся дата вечера — 24 апреля

1965 года, четверг. Именно она была проставлена на типографских, на серой бумаге напечатанных пригласительных билетах¹.

Вот этот бесхитростный текст:

24 апреля 1965 г.

Аудитория 16–24

Уважаемый товарищ!

Приглашаем на вечер поэзии, посвященный творчеству

О. Э. Мандельштама

Начало в 19 часов

Штамп: “Механико-математический факультет

МГУ им. М. В. Ломоносова”.

Москва, В-234, Ленинские горы, телефон АВ 9-29-90

В результате дату вечера перенесли с 24 апреля, четверга, на три недели, на время после майских праздников, — на 15 мая, субботу. Но и это еще не всё.

А 9 мая — новый обзвон: выяснилось, что Эренбург в субботу не может, — так что вечер переносится на 13 мая, четверг. И вот в четверг “приезжает Эренбург, и ровно в семь вечер начинается кратким и теплым словом”².

Вечер начинается: Илья Эренбург .....

Эренбург, приехавший с женой, явно взволнован — не столько историей подготовки вечера, сколько знаменательностью факта “воскрешения” Мандельштама.

Он сказал:

“Мне выпала большая честь председательствовать на первом вечере, посвященном большому русскому поэту, моему другу Осипу Эмильевичу Мандельштаму. Этот первый вечер устроен не в Доме литераторов, не писателями, а в университете молодыми почитателями поэта. Это меня глубоко радует. Я верю в вашу любовь к поэзии, верю в ваши чувства и радуюсь тому, что вы молоды.

Мандельштам только сейчас возвращается к читателям. Правда, в журнале “Москва” была напечатана подборка стихов и статья Н. К. Чуковского. Вчера я получил журнал “Простор”, где опубликован цикл замечательных стихов. Алма-Ата опередила Москву. В жизни много странностей. Начинает Алма-Ата, а не Москва, начинают студенты, а не поэты. Это и странно и не странно.

.....

1 РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 3225. Л. 1.

2 1965 год. Первый вечер Осипа Мандельштама: Из архива Варлама Шаламова / Публ. И. П. Сиротинской // Грани. 2003. № 205–206. С. 65.

Что сказать вам о поэзии Мандельштама? Прочувствованных речей я произносить не умею, кое-что о нем как о человеке уже написал.

Хочу сказать, что русская поэзия 20–30-х годов непонятна без Мандельштама. Он начал раньше. В книге “Камень” много прекрасных стихов. Но эта поэзия еще скована гранитом. Уже в “*Tristia*” начинается раскрепощение, создание своего стиха, ни на что не похожего. Вершина — тридцатые годы. Здесь он зрелый мастер и свободный человек. Как ни странно, именно тридцатые годы, которые часто в нашем сознании связаны с другим, годы, которые привели к гибели поэта, — определили и высшие взлеты его поэзии.

Три воронежские тетради потрясают не только необычной поэтичностью, но и мудростью. В жизни он казался шутивным, легкомысленным, а был мудрым.

В 1931 году — прошу не забывать о дате — он написал:

За высокую доблесть грядущих веков... (*читает 16 строк полностью*)

Всё в этом стихотворении — правда. Вплоть до фразы: “И меня только равный убьет”. Его, человека, убили неравные. Но поэзия пережила человека. Она оказалась недоступной для волкодавов. Сейчас она возвращается. Здесь внизу студенты спрашивали, нет ли лишнего билета, как люди просят стакан воды. Это жажда настоящей поэзии.

Книга стихов давно составлена и ждет. Она прождет еще, быть может, пять лет (*меня ничто не удивит*), но она выйдет. Теперь это понимают уже все.

День, когда она выйдет, будет праздником. Ведь нельзя вместить не только в эту аудиторию, но и в Лужники всех тех, кто любит стихи Мандельштама.

Я ничего не хочу внести от той горечи, которая в каждом из нас, тех, кто знал его, видел, кто знал, как трагично он умирал.

Пусть стихотворение 1931 года будет в моих устах единственным напоминанием о судьбе большого поэта, который был виноват только в том, что жил во время, созданное для пера бессмертных — как казалось Тютчеву, — в котором были волкодавы, убившие Мандельштама.

Мне радостно, что я председатель, но это, конечно, (*нрзб.*): председатель может говорить лишь то, что входит в сознание собравшихся людей”¹.

.....

1 [Адлер Г.С.] Вечер памяти Осипа Эмильевича Мандельштама. Мехмат МГУ, 13 мая 1965 г. (“Поэзия пережила человека”: К 120-летию О.Э. Мандельштама и И.Г. Эрен-

А вот то же самое — в сжатой передаче В. Шаламова:

«— Мне выпала большая честь открыть первый вечер Осипа Эмильевича Мандельштама. Весьма примечательно, что вечер проводят студенты механико-математического факультета в университете, а не в Центральном доме литераторов. Впрочем, так даже лучше. Вот у меня в руках журнал «Простор», где напечатаны стихи Осипа Эмильевича. В Москве этого еще нет, но я надеюсь, что я еще доживу до дня, когда буду держать в руках сборник стихов Мандельштама. Я твердо в это верю.

Эренбург читает несколько стихотворений Мандельштама. О веке-волкодаве. Проклиная глухоту, прислушиваюсь»¹.

Открыв вечер, Эренбург передал слово Николаю Чуковскому. Тот не придумал ничего лучшего, как зачитать свою статью, напечатанную в журнале «Москва» и ценную лишь вкрапленными в нее стихами Мандельштама². Говорил он долго и нудно:

«Мандельштам был великим русским поэтом для узкого круга интеллигенции. Он станет народным, это неизбежно, когда весь народ станет интеллигентным (*смех, аплодисменты*). Он находился в тревожном, нервном состоянии духа, испытывал душевную угнетенность, помню его с горкой пепла на левом плече. Последний раз видел его у Стенича, там была и Ахматова. Мандельштам был в сером пиджаке, рукава были длинные. Этот пиджак накануне подарил ему Ю. П. Герман. (*Надежда Яковлевна — «Это были брюки, а не пиджак».*) Ахматова читала тогда «Мне от бабушки татарки...». С тех пор я на всю жизнь запомнил стихотворение: «Жил Александр Герцевич...»»³.

Своей репликой о брюках Надежда Яковлевна невольно напомнила ведущему о себе. После чего Эренбургу стало уже неудобно делать вид, что ее нет в зале:

«Когда я открывал вечер, я не сказал и не знаю, одобрит ли мои слова Надежда Яковлевна, которая в этом зале. Она прожила с Мандельштамом все трудные годы, поехала с ним в ссылку, она сберегла все его стихи. Его жизни я не представляю без нее. Я колебался, должен ли я сказать, что на первом вечере присутствует вдова поэта. Я не прошу ее выйти сюда... (*слова заглушает гром*

.....

бурга) / Публ. и вступит. заметка Е. Голубовского // Дерибасовская-Ришельевская. 2011. № 44. С. 255–256).

1 Грани. 2003. № 205–206. С. 65.

2 Там же.

3 [Адлер Г. С.] С. 257.

аплодисментов, они долго не смолкают, все встают). Надежда Яковлевна, наконец, тоже встает и, обернувшись к залу, говорит: «Мандельштам писал: “Я к величаньям еще не привык...””. Забудьте, что я здесь. Спасибо вам» (все еще долго хлопают)”¹.

И на это есть полустенограмма-полукомментарий Шаламова:

— Я забыл сказать, что в зале присутствует жена Осипа Эмильевича Мандельштама, его подруга и товарищ, сохранивший для нас стихи и мысли Осипа Эмильевича. Надежда Яковлевна Мандельштам хотела остаться неузнанной здесь, но я считаю, что вам приятно знать, что она присутствует на нашем вечере.

Начинается овация, и Надежда Яковлевна встает.

— Я не привыкла к овациям, садитесь на места и забудьте обо мне”².

Комментарий В. Гефтера (главного мехматовского организатора вечера):

“Честно говоря, я плохо помню и многих выступавших, и, тем более, их слова.

Видно, общее волнение за ход вечера и оргмоменты, с ним связанные, перевесили во мне возможность, и так не очень большую, запечатлеть на «внутренней» пленке памяти содержание происходившего. Вспоминаются только несколько моментов, которые и перескажу.

Первый был связан со вступительными словами ведущего, который упомянул про присутствие в зале Надежды Яковлевны Мандельштам, которую практически никто (*и я в том числе*) тогда не знал в лицо и не был предупрежден о ее приходе. Аудитория в едином порыве, как пишут в плохих романах или в газетах, встала и долго аплодировала самому этому факту”³.

Еще одно свидетельство — в дневнике у Гладкова: “И. Г. объявляет о присутствии Н. Я. Ей устраивают овацию, и все встают”⁴. Ему вторит и Юрий Фрейдин: “Все встали и зааплодировали”⁵.

.....

1 Там же. С. 257–258.

2 Грани. 2003. № 205–206. С. 65.

3 Гефтер В. Как начиналось...: К истории первого вечера памяти О. Мандельштама в СССР // Сохрани мою речь. Вып. 5/2. М., 2011. С. 649–650.

4 Запись за 14 мая 1965 г. (Гладков А. Дневник / Публ., подгот. текста и коммент. М. Михеева // Новый мир. 2014. № 3. С. 146).

5 Нич Д. *Московский рассказ. Жизнеописание Варлама Шаламова: 1960–80-е годы*. Личное издание, 2011. С. 70.

Кульминация первая: Дима Борисов .....

На программке вечера, служившей Эренбургу шпаргалкой для его ведения, имя Борисова вписано от руки¹. Возможно, студент-историк был введен в программу вечера в самую последнюю минуту.

“Студент МГУ Борисов — читает подряд:
«Бессонница, Гомер, тугие паруса...»;
«Я не слышал рассказов Оссиана...»;
«На страшной высоте блуждающий огонь...»;
«Я вернулся в мой город, знакомый до слез...»;
«Ламарк»”².

Услышав то, как стихи Мандельштама прочел Вадим Борисов, Н. Я. Мандельштам из зала послала Эренбургу записку: “Эренбургу (*лично*). Илья Григорьевич! По-моему, такой уровень и такое чтение, как читал этот черный мальчик, в тысячу раз выше, чем могло бы быть в Союзах всех писателей. Скажи мальчику, как он чудно читал. Надя”³.

В унисон и оценка Gladkova: “Читают стихи О. Э. Лучше всех студент-историк Борисов”⁴.

Устроители прежде всего хотели, чтобы на вечере звучали стихи Мандельштама — как можно больше и как можно лучше. Тем удачнее, что чтение Вадима Борисова стало одной из кульминаций вечера. Как писал Валентин Гефтер: “Затем состоялось несколько выступлений друзей и знатоков (*самого Николая Харджиева среди них не было, хотя мы с ним несколько раз обсуждали список выступающих*⁵ — как мне и рекомендовал Эренбург), а потом настала очередь чтения стихов О. Э. Хотелось, чтобы это прозвучало, а не только прочиталось на стендах, которые мы заранее выставили в коридоре. Удалось, по моему и не только моему мнению, это вполне. Читал Вадим (*Дима*) Борисов, тогда студент истфака МГУ, с которым меня познакомили общие друзья. Позднее его имя стало известным благодаря его подвижничеству, связанному с деятельностью Солженицына, когда он стал как бы литературным душеприказчиком последнего при и после советской власти. До своей ранней .....

1 РГАЛИ. Ф. 1204. Оп. 2. Д. 3225. Л. 2.

2 [Адлер Г. С.] С. 259.

3 Фрезинский Б. *Об Илье Эренбурге (книги, люди, страны)*. М., 2013. С. 605.

4 Gladkov A. *Дневник*. С. 146.

5 Возможной причиной отсутствия на вечере Н. И. Харджиева было участие в нем Н. Степанова, его главного оппонента тех лет.

смерти в 90-е он одно время даже возглавлял “Новый мир” или был там одним из движителей по литературной части.

Его чтение произвело большое впечатление на всех, даже на Эренбурга, который отметил это по окончании вечера по дороге к машине”¹.

Кульминация вторая: Варлам Шаламов . . . . .

“Варлам Шаламов (бледный, с горящими глазами, напоминает протопота Аввакума, движения некоординированны, руки всё время ходят отдельно от человека, говорит прекрасно, свободно, на последнем пределе — вот-вот сорвется и упадет²).

Подробнейший автопересказ своей речи приводит сам Варлам Шаламов:

“Потом прочел я рассказ “Шерри-бренди”, стараясь в предисловии дать надлежащий “градус” вечеру, не зная, что я выступаю последним. <...>

Мы с вами — свидетели удивительного явления в истории русской поэзии, явления, которое еще не названо, ждет исследования и представляет безусловный общественный интерес.

Речь идет о воскрешении Мандельштама. Мандельштам никогда не умирал. Речь идет не о том, что постепенно время ставит всех на свои истинные места. События, идеи и люди находят свои истинные масштабы. Нам давно уже ясно, что нет русской лирики двадцатого века без ряда имен, среди которых Осип Мандельштам занимает почетное место. Цветаева называла Мандельштама первым поэтом века. И мы можем только повторить эти слова.

Речь идет не о том, что Мандельштам оказался нужным и важным широкому читателю, доходя до него без станка Гуттенберга. Говорят, что Мандельштам — поэт книжный, что стихи его рассчитаны на узкого ценителя, чересчур интеллигентного, и что этим книжным щитом Мандельштам отгородился от жизни. Но, во-первых, это не книжный щит, а щит культуры, пушкинский щит. И, во-вторых, это не щит, а меч, ибо Мандельштам никогда не был в обороне. Эмоциональность, убедительность, поэтическая страстность полемиста есть в каждом его стихотворении.

Всё это верно, важно, но не самое удивительное.

. . . . .

1 Гефтер В. С. 650.
 2 Из комментария Е. Андреева (об одежде выступавших): “Запомнился только Шаламов — у него были видны цветные рукава рубашки. Он жестикулировал, и рукава всё время привлекали внимание. То есть он был либо в рубашке, либо в вязаной безрукавке”.

Удивительна судьба литературного течения, поэтической доктрины, которая называлась акмеизм, более пятидесяти лет назад выступила на сцену и на этом вечере как бы справляет свой полувекковой юбилей.

Список зачинателей движения напоминает мартиролог. Гумилев погиб давно. Мандельштам умер на Колыме. Нарбут умер на Колыме. Материнское горе Ахматовой известно всему миру.

Стихи этих поэтов не превратились в литературную мумию. Ткань стиха Мандельштама и Ахматовой — это ткань живая. Большие поэты всегда находят нравственную опору в своих собственных стихах, в своей поэтической практике. Акмеизм вошел в русскую литературу как прославление земного, в борьбе с мистикой символистов. В этой литературной теории оказались какие-то особые жизненные силы, которые дали стихам бессмертие, а авторам — твердость в перенесении жизненных испытаний, волю на смерть и на жизнь.

Мы верим в стихи не только как в облагораживающее начало, не только как в приобщение к чему-то лучшему, высокому, но и как в силу, которая дает нам волю для сопротивления злу.

Нетрудно угадать, что было бы с символистами, если бы тем пришлось подвергнуться таким же испытаниям, как Мандельштаму и Ахматовой.

Символисты поголовно ушли бы в религию, в мистицизм, в монастыри какие-нибудь. Да так ведь и было: Вячеслав Иванов принял католичество.

Акмеисты же в собственном учении черпали силы для работы и жизни. Вот это и есть “подтекст” всего сегодняшнего вечера.

И еще одно удивительное обстоятельство. Ни Ахматова, ни Мандельштам никогда не отказывались от своих ранних поэтических идей, от принципов своей поэтической молодости. Им не было нужды “сжигать то, чему они поклонялись”.

Один из молодых товарищей, присутствующих здесь, когда я рассказывал об этих соображениях своих по поводу поэтических принципов акмеиста Мандельштама, сказал: “Да, а вот Пастернак не был акмеистом или кем-либо еще. Пастернак был просто поэтом”. Это совсем не так. Пастернак в молодости был активнейшим участником футуристических сборников “Центрифуги”. (*Кстати, Сергей Бобров, вокруг которого группировалась “Центрифуга”, еще жив и может дать материал для Клуба интересных встреч.*)

Именно Пастернак сжег всё, чему поклонялся, и осудил свою работу двадцатых годов. Этот перелом и составляет главное в предыстории его романа “Доктор Живаго”, что ни одним исследователем даже не отмечается. Но это — особая тема. Пастернак

осудил свою работу ранних лет, написав с горечью, что он растратил огромный запас своих лучших наблюдений на пустяки, на пустозвонство и хотел бы перечеркнуть свое прошлое.

Ни Мандельштаму, ни Ахматовой ничего не пришлось осуждать в своих стихах: не было нужно.

И еще одно. Мы давно ведем большой разговор о Мандельштаме. Всё, что сказано мной сегодня, — а это тысячная, миллионная часть того, что необходимо сказать и что будет сказано в самое ближайшее время об Осипе Эмильевиче Мандельштаме, — всё это в равной степени относится и к Надежде Яковлевне Мандельштам. Бывает время, когда живым тяжелее, чем мертвым. Надежда Яковлевна не просто хранительница стихов и заветов Мандельштама, но и самостоятельная яркая фигура в нашей общественной жизни, в нашей литературе, истории нашей поэзии. Это также одна из важных истин, которые следует хорошо узнать участникам нашего вечера”¹.

А вот гладковская оценка: “...Варлам Шаламов, который читает свой колымский рассказ «Смерть поэта» и испуганно, весь раскачиваясь и дергаясь, но отлично говорит”².

Из комментария Е. Андреева: “Я твердо помню, что на меня «Шерри-бренди» произвело тяжелое впечатление. Теперь я могу оценить, что воспринял его как кровавую сцену в кинохронике”.

Из комментария В. Гефтера: “Но апофеоз вечера наступил (для меня, во всяком случае), когда пришла очередь Шаламова, который не очень-то был известен тогда даже в писательских кругах, не говоря уж о более широкой публике. Он вышел, как и все выступавшие, к столу лектора и на фоне учебной доски читал свой знаменитый рассказ о гибели поэта в пересыльном лагере (на Второй речке?).

Сам текст вместе с перекореженным от эмоционального напряжения и приобретенного им в ГУЛАГе нервного заболевания лицом произвели на слушателей (*зрителей*) потрясающее впечатление. Вряд ли можно было сильнее и трагичнее передать всё, что связано было для людей 1965 года с судьбой Мандельштама и всей страны. Культ не культ, а убийцами были многие... Так воспринималось нами то, что сделали всё еще властвовавшие нами
.....

1 Грани. 2003. № 205–206. С. 66, 68.

2 Гладков А. Дневник. С. 146.

(прошло лишь 12 лет со смерти Сталина) и «их» время с Поэтом и культурой вообще. И не в последнюю очередь с нашими душами, отравленными воздухом той жуткой и одновременно героической эпохи. <...>

На шаламовской ноте и закончился вечер. И не только потому, что был исчерпан список выступающих, а еще из-за того, что после него сказать было нечего. Дальше— молчание...”¹

**Илья Эренбург: записку в карман
и заключительное слово .....**

Уже в начале шаламовского слова Эренбург получил из зала записку, которую спокойно развернул, спокойно прочел и спокойно положил в карман. Может быть, это было требование кого-то из сидящего в зале начальства прекратить это безобразие, а может быть, и нет².

В любом случае Эренбург “это безобразие” не прекратил.

Но на том, что кульминацией вечера, продлившегося два с половиной часа, был именно Шаламов, сошлись, кажется, все — от автора проигнорированной Эренбургом записки до главного строителя.

Закрывая вечер, Эренбург сказал:

“Наш вечер окончен. По-моему, он был очень хорошим. Пусть не обижаются мои товарищи писатели, но для меня самым лучшим был студент МГУ, который чудесно читал стихи. Может быть, как капля, которая все-таки съест камень, наш вечер приблизит хоть на день выход той книги, которую мы все ждем. Я хотел бы увидеть эту книгу на своем столе. Я родился в один год с Мандельштамом. Это было очень давно. Впрочем, со времени того периода, который называется периодом беззакония, тоже прошло уже много времени. Подростки стали стареть. Пора бы книге быть.

Товарищи, вечер окончен. Спасибо вам!”³

.....

1 Гефтер В. С. 650–651.
 2 Документальным основанием для этого пассажа является уже отмеченное “разночтение” из “Тарусских страниц”. Но вот мнение Е. Андреева: “Об эпизоде с запиской могу сказать только, что в ходе вечера мы непрерывно передавали записки в президиум... Я сам задал Эренбургу какой-то дурацкий вопрос, а потом был рад, что он его просто выкинул... Если бы кто-то хотел помешать Шаламову, то он бы не стал писать записки (очевидно, что запиской делу не поможешь), а просто бы вмешался (такое в МГУ бывало)”.
 3 [Адлер Г. С.] С. 261.

После вечера .....

Выступление и проза Шаламова были, видимо, неожиданностью и для организаторов, и для председательствующего.

Валентин Гефтер вспоминает:

“Лица части сидящих в первом ряду были бледными — то ли от страха за мехмат и себя, то ли от неприятия услышанного, того, что перечеркивало их мир с собственной совестью и советской властью заодно с правопорядком. Но вот что Илья Григорьевич будет в шоке, предвидеть было сложнее. Тут же, в лифте он с упреком сказал мне: «Что ж вы меня не предупредили о том, что будет читать Шаламов!» Видно, только что сказанное выходило за пределы допустимого — даже при его опыте, умудренном всеми тонкостями подсоветского выживания. А может, именно благодаря этому опыту...”¹

Но, продолжает Гефтер, “...оргпоследствий после вечера Мандельштама, как мне помнится, не последовало. По крайней мере, известных мне. Не помню даже, был ли «разбор полетов» на комсомольско-партийном уровне, а тем паче — на административном”².

А вот Надежда Яковлевна торжествовала и праздновала эту победу “у себя”, то есть у Шкловских в Лаврушинском. Тут “председательствующим” был Гладков:

“После едем к Шкловским. Я покупаю водку «Горный дубняк» (другой не было), колбасы, апельсины. Устраиваем пир. Н. Я. возбуждена и счастлива. Сидим долго. Коля читает стихи. Еду ночевать к Леве. Н. Я. по телефону благодарит И. Г. Странно, он с женой Л. М. на «вы», а она с ним «на ты». Слышать это удивительно почему-то. <...>

Рад за Н. Я. Она, кажется, осенью получает кооперативную квартиру”³.

Вскоре после вечера Н. Я. Мандельштам напишет о нем Н. Е. Штемпель: “Наташенька! 13/V был вечер Оси в МГУ — на мехмате. Председатель Эренбург. Выступали Коля Чуковский (дурень), Степанов, Тарковский, Шаламов. Народу масса... Всё отлично, хотя Чуковский и Тарковский несли чушь”⁴.

.....

1 Гефтер В. С. 651.

2 Там же. С. 651–652. Серия вечеров “Клуба интересных встреч” была продолжена, их мертвыми героями или живыми гостями были Ахматова, Лорка, Кержавин, Грекова и др. Последним, уже в 1967 г., был Окуджава. Единственный вечер, который запретили, был солженицынский.

3 Гладков А. Дневник. С. 146.

4 Об Ахматовой. С. 365.

Так прошел первый в СССР публичный вечер Осипа Мандельштама. Зиновий Зиник называл его “ключевым эпизодом литературного инакомыслия той эпохи” и “увенчавшейся успехом политической акцией”¹.

Так это или не так, но глотком свежего и поэтического воздуха для нескольких сотен людей, собравшихся в мехматовской аудитории, он безусловно стал².

ЭПИЗОД НЕПОНИМАНИЯ: Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, О. С. НЕКЛЮДОВА И В. Т. ШАЛАМОВ

(Публикация, вступительная заметка и комментарии
С. Соловьева)

.....

Писательница Ольга Сергеевна Неклюдова и Надежда Яковлевна Мандельштам общались, судя по всему, очень немного, хотя у них было немало общих знакомых.

Ольга Сергеевна Неклюдова родилась в 1910 (по другим данным — в 1909) году. По причине дворянского происхождения долго не могла поступить в институт, поэтому училась в трех разных вузах: во Владикавказе, в Саратове и в Москве, в Пединституте им. Н. К. Крупской. Оставшись в столице, работала журналистом, преподавала в школе, была литературным консультантом при Союзе писателей. Печататься начала в конце 1930-х гг., является автором более десяти книг повестей и рассказов; с 1943 года — член Союза

.....

1 Нич Д. С. 69.

2 Логично было бы предположить, что он проложил дорогу серии других аналогичных вечеров. По крайней мере об одном вечере можно говорить с уверенностью: 1 декабря 1966 г. в 20.00, в 10-й аудитории Московского государственного педагогического института им. В. И. Ленина состоялся “Вечер, посвященный творчеству советского поэта Осипа Мандельштама”. В программе — “Слово о Мандельштаме” Ильи Эренбурга и стихи поэта в исполнении участников “Студии чтеца” МГУ. В голландской части архива Н. И. Харджиева сохранился пригласительный билет на него (Архив Городского музея Амстердама). Иные свидетельства о вечере неизвестны, если не считать пометы на полях письма Н. Я. Мандельштам к Е. А. Маймину и Т. С. Фисенко от 29 ноября 1966 г.: “В четверг вечер О. М. в Пединституте. Боже, как я не хочу идти” (сообщено Е. Е. Дмитриевой-Майминой).

советских писателей¹. Ее главная книга — роман “Ветер срывает вывески”, высоко оцененный Варламом Шаламовым, — так и не была опубликована. Замужем была трижды, последний раз с 1956 по 1966 год — за Варламом Тихоновичем Шаламовым.

Судя по всему, личное знакомство Ольги Сергеевны с Надеждой Яковлевной произошло именно в связи с вхождением Шаламова в круг общения Н. Я. Мандельштам.

Публикуемые письма относятся к периоду нарастающего охлаждения в отношениях между Шаламовым и Неклюдовой: об этом свидетельствуют нашедшие отражение в письмах того же времени последние попытки сохранить брак: “Не сердись на меня, приезжай с миром и будем склеивать нашу жизнь” (сентябрь 1965 года)².

Вероятно, слухи об этом дошли через общих знакомых, например, через Л. М. Бродскую³, до Н. Я. В то же время именно в июне 1965 года завязывается бурная переписка Н. Я. с В. Т. Шаламовым после личной встречи на вечере памяти О. Э. Мандельштам 13 мая 1965 года.

В этой связи особенно понятно, почему попытка Н. Я. Мандельштам воспользоваться случайным, в общем-то, поводом “открыть глаза” Ольге Сергеевне на значимость мужа как писателя вызвала столь резкую отповедь со стороны последней. Ольга Сергеевна Неклюдова была человеком резким, страдала, как и многие, от цензурных препятствий своим публикациям, и потому такое отношение к ее рассказам со стороны столь уважаемого человека, вдовы гения, как и непрошенные советы от малознакомого человека не могли ее не покоробить. Знакомство их не продолжилось.

Письма публикуются по подлинникам, хранящимся в РГАЛИ. Ф. 2509. Оп. 1. Д. 22 (письмо О. С. Неклюдовой) и Д. 47 (письма Н. Я. Мандельштам).

СЕРГЕЙ СОЛОВЬЕВ

.....

.....

1   Подробнее см.: Неклюдов С. Ю. Варлам Тихонович Шаламов: 1950–1960-е годы // Варлам Шаламов в контексте мировой литературы и советской истории. Сб. ст. М., 2013. С. 17–22.

2   Шаламов В. Т. *Собрание сочинений*: В 6 т. Т. 7, доп. М., 2013. С. 302.

3   Бродская Лидия Максимовна (урожд. Сегаль, 1892–1977) — художница и переводчица, переписывалась с А. Блоком и М. Цветаевой. В 1950–1960-е гг. знакомая В. Т. Шаламова и О. С. Неклюдовой. Л. М. Бродская одной из первых в среде московской интеллигенции оценила стихи Шаламова, не раз бывала на их с Неклюдовой квартире в доме по Хорошевскому шоссе в 1957–1965 гг.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — О. С. НЕКЛУДОВОЙ
«НЕ РАНЕЕ НАЧАЛА ИЮНЯ 1965 Г., МОСКВА»

Милая Ольга Сергеевна!

Я всё собиралась написать вам, но у меня просто какой-то паралич: не могу ничего делать. Усталость это или просто “мрак”, не знаю.

Спасибо за ваши рассказы. Я их прочла с интересом. Жаль, что вы не можете перейти через свое собственное недовольство жизнью и посмотреть на нее более открытыми глазами. И я думаю, как Лидия Максимовна, что жизнь у вас складывается хорошо. У вас отличный сын, замечательный муж — первоклассный писатель и хороший человек. Чего еще? — в так называемом гедонизме — вы думаете, что жизнь создана для счастья. Вероятно, не находя его в чистом, беспримесном виде, вы чувствуете себя обиженной и не цените того, что у вас есть. Попробуйте оценить то, что у вас есть, и вы поймете, что у вас очень много.

Мне пришлось говорить с Варламом Тихоновичем о вас — когда я отдавала ему ваши рассказы. И он с большой нежностью и чуткостью говорил мне и о вас, и о вашем сыне. Как жаль, что вы этого не цените. И жаль, что, живя с таким замечательным писателем, как В. Т., вы не чувствуете от этого простой человеческой радости. Право же, поверьте Лидии Максимовне, что у вас все данные, чтобы быть счастливой настоящим счастьем, а не тем теоретическим, которое вы почему-то ищете и которого лишаете женщин в своих рассказах. Вот в том рассказе, где подруга отбила жениха... Вернее даже не жениха, а юнца, на которого почему-то претендовала капризная девица. Разве ей — этой девице — было плохо? Ничуть. Прожила обыкновенную, вполне содержательную жизнь, только не заметила этого. Почему?

Или почему муж другой бросается на своего любимого сына за то, что этот тоже пишет стихи? Почему жена не могла наладить человеческой жизни и пожалела о нем только, когда было поздно? Чего им обоим не хватало? Всё

ведь было, а они тосковали по “теоретическому” счастью. Стоило так пренебрегать тем, что есть?

Вот как будто всё... Мне хотелось бы, чтобы и вы, и ваши героини научились ценить конкретность, подлинность, реальную жизнь. И я вам этого желаю от всей души.
Н. М.

.....

О. С. НЕКЛЮДОВА — Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
«НЕ РАНЕЕ НАЧАЛА ИЮНЯ 1965 Г.»

Многоуважаемая Надежда Яковлевна!

Я прочла В<аше> письмо с недоумением: в нем нет ничего о рассказах и слишком много ничем не оправданных и бесцеремонных советов.

Какое отношение имеют мои рассказы к В. Т.? Почему под каждой героиней Вы подразумеваете меня? Правда, такие вещи часто случаются с неискушенными читателями. Они спрашивают: “Разве у Вас есть сестра? А куда же это Вы уезжали?”

Но Вам — женщине, всю жизнь пробывшей среди литераторов, должно быть известно, что художественное произведение только в некоторых случаях является автобиографией, да и то весьма относительной. Так же и герои его необязательно имеют прототипом кого-нибудь из родственников или знакомых пишущего. Такие подозрения часто возникают у обывателей. Но ведь это же элементарно.

Мне очень жаль, что Вы не поняли моих рассказов или намеренно исказили их смысл. Почему вы так упорно и настойчиво убеждаете меня, что В. Т. замечательный писатель, и не без раздражения упрекаете меня в том, что я этого не ценю? Разве мы говорили с Вами когда-нибудь на эту тему? Разве мы с Вами друзья, что Вы берете на себя смелость делать мне замечания такого рода и давать советы?

Право же, я была о Вас лучшего мнения, зная, что Вы так много пережили, а это, как правило, обогащает ум и душу. О. Неклюдова.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — О. С. НЕКЛУДОВОЙ
11 ИЮНЯ <19>65 <МОСКВА>

Милая Ольга Сергеевна! Напрасно вы так рассердились на меня. Всё, что я хотела сказать, это то, что у ваших героинь нет основания чувствовать себя несчастными. У них нормально течет жизнь и горевать нет оснований.

А про вас я хотела сказать только одно: Вы рассказали, что Лидия Максимовна пишет Вам письма о том, что вы счастливый человек. Я с ней вполне согласна: у вас, по-моему, все данные для счастья есть.

Больше ничего я сказать не хотела, и если эти мои слова вам неприятны, то простите меня, и больше к ним мы возвращаться не будем.

Разве я вам сказала, что я уезжала? (Я ездила только снимать дачу в Верею.)

Сейчас же я уезжаю на лето. Надежда Мандельштам.

.....

Оседлые шестидесятые

ЕЛЕНА МУРИНА

О ТОМ, ЧТО ПОМНЮ ПРО Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ¹

1 .....

Когда в течение пятнадцати лет я общалась с Надеждой Яковлевной Мандельштам, мне и в голову не приходило, что осмелюсь писать о ней воспоминания. Поэтому я не вела никаких записей наших разговоров или заметок о происходивших в связи с ней событиях. Наверное, кое-что я забыла. Но ее образ был столь впечатляющ, а суждения и “словечки” так выразительны, что в моей памяти многое сохранилось в неприкосновенности. Не сомневаюсь, что мне не дано воссоздать во всей полноте личность Н. Я. Я могу только ручаться за достоверность сохранившихся в моей памяти воспоминаний о том, что пришлось увидеть, услышать и пережить рядом с этой замечательной женщиной.

Впервые я увидела Надежду Яковлевну на вечере памяти В. А. Фаворского, устроенном в связи с его посмертной выставкой в Музее изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в 1964 году.

.....

1 Впервые: Мир искусства. СПб., 2001. Сб. 4. С. 133–173. Для наст. издания дополнено и переработано.

Я обратила внимание на пожилую женщину, покрытую серым вязаным платком, только потому, что она была в обществе Володи Вейсберга и молодой интересной брюнетки. На мой вопрос о его спутницах Володя ответил, что сопровождал с Ольгой Карлайл, внучкой Леонида Андреева, “вдову Мандельштама”. Не скрою, я была разочарована. Ее облик строгой “училки” никак не вязался с моим представлением о том, какой могла быть жена такого поэта, как Мандельштам, одного из основателей акмеизма, представителя Серебряного века, посетителя знаменитой “Башни” Вячеслава Иванова. Его “Камень” и сборник “Стихотворения” (1928) у меня были, а стихи тридцатых годов я перепечатала из списка, который уже в конце 1950-х ходил по Москве.

Тогда я уже знала от того же Вейсберга “по секрету”, что Н. Я. написала “великую книгу”, которую пока читают только самые доверенные люди. Строгий ценитель, он считал, что ей нет ничего равного по обличительной силе и глубине обобщений, касающихся судеб нашей страны и нашей культуры. Конечно, эта книга меня очень интересовала, но я и не предполагала, что скоро получу ее из рук автора.

Однако вскоре мое знакомство с Н. Я. состоялось и стало большим событием в моей жизни.

Дело в том, что мне попался рассказ В.Т. Шаламова “Смерть поэта”, только-только появившийся в самиздате. В нем явно имелся в виду О. Э. Мандельштам. Я решила принести этот рассказ Евгению Яковлевичу Хазину, брату Н. Я., с которым, как и с его женой Еленой Михайловной Фрадкиной, была давно знакома и, можно сказать, дружна, для прочтения сестре. Как мне сказал через несколько дней Е. Я., она рассказ прочла, но отмела представленную в нем версию смерти Мандельштама. При этом она будто бы выразила желание со мной познакомиться.

Не могу сказать, что это меня так уж обрадовало. Скорее, я была смущена. Мне всегда казалось, что любая вдова известного человека — это особая людская “разновидность”. Тем более вдова “писательская”. И лучше от нее держаться подальше, дабы не пала тень на сложившийся в твоём воображении образ поэта или писателя. К тому же меня пугала дистанция между нею, автором “великой книги”, и мною.

Таким было мое настроение, когда я шла на “прием”, устроенный в честь этого знакомства Е. М. Фрадкиной, пригласившей также своих и моих друзей — художников: В. Вейсберга, Б. Биргера и В. Полякова. Конечно, “прием” вылился в довольно шумную вечеринку. Правда, Н. Я. почти всё время молчала, беспрерывно куря

папиросы “Беломор”. Но чувствовалось, что наше непринужденное поведение ее несколько не шокирует, — скорее развлекает.

Потом мы с В. Поляковым поехали провожать Н. Я., усадив ее на переднее сиденье такси. Совершенно неожиданно захмелевший Поляков, не обращая внимания на присутствие Н. Я., вздумал со мной “заигрывать”. В ответ на это я стала над ним, ехидно подтрунивая, хохотать. Когда мы вышли с ней проститься, она сказала, что я ей “очень понравилась” и что она меня в ближайшее время ждет к себе.

Я пишу об этом потому, что именно этот незначительный эпизод расположил ее ко мне. Начни я всерьез осаживать неожиданного “ухажера” и изображать недотрогу, я могла бы Н. Я. и “не понравиться”. Она очень ценила в людях юмор, способность к шутке, к веселью. “Зануд” она не переносила. Это я поняла позднее. А пока само понятие “вдова Мандельштама” меня по-прежнему смущало, и я не спешила воспользоваться ее приглашением. Она представлялась мне каким-то реликтом, чем-то нереальным, — “фантомом” прошлого.

Пока я всё еще не решалась на визит к Н. Я., мне позвонил Боря Биргер и заявил, что я приглашена праздновать у нее в узком кругу его день рождения. Тогда он был ею очень обласкан. Помню, я купила два куста красных азалий — ей и ему. Приехали. И я сразу же почувствовала себя на ее кухне как дома. Никакой “вдовы на пьедестале”, никакой “мученицы”, никакого “нафталина”, — настолько естественно она устраняла даже намек на несопоставимость наших жизней с ее многолетним страшным опытом. Ее гостеприимство и радушие были так неподдельны, а тонус общения так доверителен, что все мои страхи тут же испарились. Короче, передо мной был живой, расположенный человек, а главное, *современник*, почти “ровесник”, — такой же, как приглашенный Борисом чудесный Миша Левин¹, напоминавший в своей ковбойке, несмотря на заслуги выдающегося математика, довоенного студента.

Одним словом, после этого знакомства Н. Я. стала для меня необходимым и — осмелюсь сказать — близким человеком.

Вспоминая теперь Н. Я., я не могу, конечно, восстановить точную хронологию наших встреч. Я бывала у нее очень часто, особенно в первые годы знакомства, то одна, что я очень ценила, то вместе с ее гостями, иногда во множестве собиравшихся на ее маленькой кухне.

.....

Помню, что в начале нашего знакомства разговоры возникали в связи с моим и, как оказалось, ее увлечением русскими религиозными философами и мыслителями начала XX века — Бердяевым, Шестовым, Франком, книги которых тогда начали просачиваться к нам из-за кордона. Н. Я. тут же отдала мне книгу Бердяева “Смысл истории”, которую, судя по заметкам на полях и выделенным чернилами строкам, она изрядно проработала.

Особенно близок Н. Я. был С. Л. Франк, книгу которого “С нами Бог” она вскоре мне подарила. Кажется, она тогда же читала Константина Леонтьева. Я до него еще не добралась, и разговор о нем не было.

Однажды я застала ее за чтением “Философии общего дела” Н. Ф. Федорова. Я тогда его еще не читала, и она в своей своеобразной манере изложила мне основные тезисы его учения о “всеобщем воскрешении отцов”. Я поняла, что “воскрешение” по-федоровски ее ужасало. Намеренно упрощая, она сказала с комически преувеличенным ужасом: “Представьте себе миллионы воскрешенных тел, расселяемых с помощью каких-то летательных аппаратов в космическом пространстве. Б-р-р-р!” Философия Н. Ф. Федорова, преобразовавшего христианское вероучение о всеобщем воскрешении в позитивистскую утопию, ее категорически не устраивала. Утопиями она была сыта по горло.

Из западных мыслителей она очень ценила Кьеркегора, который был у нас известен еще в ее молодости. Я о нем узнала из замечательной книги П. Гайдено “Трагедия эстетизма” (1968). А потом читала обнаруженные в Ленинке переводы двух его сочинений. Наверное, я и завела о нем разговор с Н. Я. Что касается современного экзистенциализма, то она, как мне кажется, имела о нем представление только по Сартру, которого терпеть не могла за его политические “игры” в 1960-е годы. Ей по душе был Камю — экзистенциалист по мировоззрению. Всё это, конечно, не значит, что мы всерьез обсуждали философские проблемы. Скорее, это были мои вопросы и ее краткие ответы, иногда просто реплики, из которых я делала выводы. Я не любила и не умела “умничать”, что Н. Я., как мне кажется, приветствовала.

Еще до знакомства с Н. Я. мне удалось прочитать в рукописи “Доктора Живаго”. Мне хотелось знать ее мнение о романе. Я призналась, что больше всего мне понравились в романе картины русской природы, которые своей вечной красотой противостояли страшным деяниям людей и ходу истории. Что-то в этом роде. Выслушав, Н. Я. сказала о Пастернаке: “Дачник..., но с органом”. Мне очень понравилась эта формула, но всё же я заметила, что она не является исчерпывающей.

“А можно ли исчерпать такое явление, как Пастернак?” А потом очень веско добавила: “Его роман — это поступок”. Поскольку Н. Я. в таких случаях говорила продуманные ею вещи, она не тратила лишних слов на доказательства своих емких формул. Я, конечно, понимала, что она имела в виду, говоря о поступке, — не только о потребности роман написать, но и о решимости во что бы то ни стало его опубликовать. Но надо ли было, говоря о романе, принимать во внимание, какую цену Пастернаку пришлось заплатить за высказанную боль и правду? Ведь роман всё же жил и своей самостоятельной жизнью в пространстве литературы. И я к нему — да простят меня его почитатели — позволяла себе придирааться.

Однако Н. Я., уклонившись от оценки романа, переключила разговор на менее существенное: “В чем Пастернак ничего не понимал, так это в женщинах”. Тут особенно досталось Ларе и ее прототипам. Я тоже никак не могла полюбить эту “роковую” Лару, явившуюся, как мне казалось, из какой-нибудь мелодрамы, хотя и наделенную способностью рассуждать в духе идей самого автора романа.

Мне очень понравилась манера Н. Я. говорить о серьезном, когда и так ясно, что гений — это гений, что роман — явление и т.п., сжато, без “ахов” и “охов”. А вот о несерьезном она готова была шутливо побалагурить.

Упомяну кстати, что о Пастернаке Н. Я. всегда говорила с любовью, никогда не упоминая, по крайней мере при мне, о сложности его отношения к Мандельштаму. А его знаменитый разговор о Мандельштаме со Сталиным она неизменно, как они решили с Ахматовой, оценивала на “твердую четверку”. Мне приходилось это не раз слышать.

Часто мы говорили о художниках: я — по профессии искусствовед, а она была в молодости живописцем, хотя давно, в силу неблагоприятных обстоятельств, оставила это занятие и растеряла все свои работы¹. На все мои приставания рассказать о них она только помахивала ручкой: дескать, “ерунда”. Да и попробуй считать себя художником рядом с таким ценителем искусства, каким был Мандельштам!

Говорить с ней об искусстве мне было легко, так как наши вкусы почти всегда совпадали. Я рассказывала ей о наших изумительных стариках — Владимире Андреевиче Фаворском, Александре Терентьевиче Матвееве, Павле Варфоломеевиче Кузнецове,

.....

1 Недавно в одном частном собрании была обнаружена акварель Н. Я. с подписью на обороте: “Надежда Хазина. 1919 г.”, написанная под явным влиянием Сезанна. Сейчас находится в собрании М. М. Алшибая (Москва).

с которыми в связи с моей работой мне довелось встречаться; о выставках, об общей ситуации в искусстве, к которой она не была, как оказалось, равнодушна.

Не помню в какой связи, я вспомнила, как пришла с одним молодым художником к П. В. Кузнецову взять какую-нибудь его раннюю картину на однодневную нелегальную выставку русской живописи начала XX века, которую удалось устроить в помещении Московского отделения Союза советских художников в Ермолаевском переулке. Меня поразило, что Павел Варфоломеевич, несмотря на преклонные годы, ни разу не присел, пока мы в течение двух-трех часов перебирали его полотна. Только потом я поняла, что он не мог себе этого позволить при стоящей «даме». «Лелька, вы — глупая. Как вы не могли сразу понять? Это же «Голубая Роза», — Серебряный век!» Действительно, в этих людях были навсегда исчезнувшие достоинство и учтивость.

Из известных ей художников Н. Я. особенно ценила В. Г. Вейсберга. В высокой оценке и его личности, и его творчества мы были с ней единодушны. Она даже не единожды говорила о нем: «Этот из таких, как Ося». Его суждения об искусстве, поэзии, музыке и т. д., всегда глубоко продуманные и обоснованные, она принимала, не оспаривая. «Володя сказал...» — повторяла она с уважением, пересказывая какое-нибудь его умозаключение. У нее к нему было особо бережное отношение. Когда она начала получать первые гонорары, ей первым делом захотелось как-то помочь нищему Вейсбергу, не задев его предельную щепетильность. Помню, с каким огромным трудом ей удалось уговорить его продать ей несколько своих полотен, которые до конца ее дней висели в ее комнате. Наверное, Вейсберг видел, что Н. Я. в данном случае действует не как покровительница, а как участливый друг, сохраняющий равенство сторон.

2 .....

Вообще неподдельное чувство равенства с самыми разными людьми было одним из проявлений ее свободной натуры. Касалось ли дело какой-нибудь беседы, общей или с глазу на глаз, она всегда вела разговор на равных, чтобы возник непринужденный диалог, обмен мыслями и мнениями. Жанр монолога ей был глубоко чужд, она умела слушать собеседника, если он был ей сколько-нибудь симпатичен, ограничиваясь, по моим наблюдениям, чаще всего емкими репликами. Не сомневаюсь, что у нее бывали развернутые беседы, касающиеся прежде всего поэзии Мандельштама. Но не со мной же!

Сама я никогда не решалась говорить с ней о поэзии. Да и вообще считала, что внимание Н. Я. к моим мнениям объясняется ее симпатией. Каково же было мое удивление, когда Н. Я. вручила мне однажды рукопись своей статьи “Моцарт и Сальери” с дарственной надписью: “Е. Б. Муриной, с которой много говорила об этом. Н. Я. Мандельштам”.

Действительно, мы об этом говорили. Но я-то больше слушала, так как полностью разделяла ее “сальерианство”, зная по моим наблюдениям за работой художников, что вдохновение, олицетворяемое “Моцартом”, неотделимо от труда, знания законов творчества, соотнесенности с предшествующим опытом. Мне нравился ее замысел. К этому и сводилась, как мне казалось, моя “роль”.

Эту надпись я расцениваю как проявление того равенства в отношениях, которое делало общение с Н. Я. чрезвычайно привлекательным, греющим душу. От вас не требовалось никаких реверансов, никакого благоговения. Вокруг нее не могло быть ни “двора”, ни “свиты”, разве что “команда” добровольцев, главным образом из духовных чад о. Александра Меня, когда она стала болеть и нуждалась в постоянной помощи. Это было уже позднее. Так что разговоры о “салоне Мандельштамши”, в котором она якобы купается в поклонении, пахивали просто сплетней злопыхателей.

Ее доверие ко мне возникло с первых дней знакомства (наверное, тут сыграли свою роль рекомендации Е. Я. Хазина и Е. М. Фрадкиной), хотя Н. Я., осуждавшая всеобщую охоту за стукачами, порой ей поддавалась. Были такие случаи не оправдавшихся, к счастью, подозрений.

Я стала бывать у Н. Я., когда она писала “Вторую книгу”. Примерно дважды в неделю звучал ее телефонный звонок: “Лелька, жду”. Я ехала к ней на Большую Черемушкинскую. Черемухой там и не пахло. Это была довольно гнусная пыльная улица, не имевшая, казалось, ни конца, ни начала, — какой-то кафкианский пустырь, что Н. Я., натерпевшюся всякого в блужданиях по провинциальным городам, ничуть не смущало. Мы пили чай, болтали, и мне перед уходом вручалась очередная порция рукописи — “для хранения”, с разрешением прочесть. Меня каждый раз поражало, как быстро она писала. Независимо от самочувствия она работала, как правило, лежа на кровати и кое-как приспособив около себя старенькую пишущую машинку. Ни письменного стола, ни каких-либо удобств ей не требовалось. Тем не менее рукопись пухла на глазах. Вскоре она была закончена и отправлена издателем. Разумеется, “туда”.

У меня скапливался второй экземпляр машинописного оригинала, о чем я совершенно не думала и потому не сообразила его сохранить. В конце концов после выхода “Второй книги” кто-то

его “зачитал”. Ю. Л. Фрейдин, хранитель архива Н. Я., очень об этом сожалел, так как первый машинописный экземпляр рукописи был тоже утрачен, и было невозможно установить изменения, внесенные издателями книги.

Поскольку Н. Я. соблюдала всё же правила “конспирации”, мы всегда при передаче рукописи оказывались вдвоем. Сама собой возникала атмосфера особо уютной доверительности.

Вот когда я ее разглядела своим — не могу не похвастаться — острым глазом на лица. Впечатление “училки” совершенно испарилось. Я видела теперь значительное, породистое, не столько еврейское, сколько, я бы сказала, какое-то “всечеловеческое” лицо. Сначала оно поражало своим мужественным строем, неженской крупностью черт: очень большой нос, огромный, в полголовы, лоб, обширный череп, легко обозримый сквозь светлые, очень тонкие и мягкие волосы, заплетенные в незатейливую косицу, уложенную в пучок. Рот тоже большой — мягкие губы, нижняя чуть оттянута всегдашней “беломориной”.

При большом семейном сходстве сестры и брата черты лица Евгения Яковлевича были изящнее, вообще он был более утончен и просто красив. Но вот глаза Н. Я. — большие, чуть косо посаженные и нежно-голубые, были ее женственным украшением, как и очень белая кожа. Голубые глаза всегда излучают кротость, беззащитность. Так и у нее: взгляд, даже когда она сердилась, не был гневливым, а каким-то по-детски вопрошающим.

И невольно думалось, что таким он был и при “нем”, когда в дни вынужденных разлук он писал своей верной спутнице — “Надиньке”, “беляночке”, “доченьке” — свои письма, неслыханные по нежности и заботливой любви.

Когда я поделилась с Н. Я. своим впечатлением от этих писем Мандельштама, опубликованных в третьем томе американского издания, она сказала, что вообще-то ее смущает публикация таких интимных документов при ее жизни. И только всегдашний страх, что по самым неожиданным причинам они могут пропасть, затеряться, заставил ее отбросить свои колебания. Я же утверждала, что эти письма говорят не столько даже о ней, сколько о нем, — о том, что, найдя в своей любви к ней, как и в ней самой, свою единственную опору, он мог выдерживать всё, что выпало на его долю, пока их не разлучили.

И вот от ее глаз начиналось совсем другое — неожиданное “прочтение” ее лица. Становилось очевидно, что большой рот с мягкими губами вовсе не создан для кривящихся, презрительных усмешек. Потому-то какая-нибудь “ядовитая” реплика или грубое словцо, не успев слететь с ее уст, звучали не зло, а скорее ворчливо.

Надо сказать, этот *зримый* эффект неизбежно устранился, когда она давала волю своему свободному от условностей языку на бумаге. Отсюда, я думаю, и возникли пересуды о “злости” Н.Я., порой действительно резкой в выражениях.

Эти два взаимопроникнутых облика были чрезвычайно ярким отпечатком ее сложной личности и судьбы. Это было лицо сильной, волевой женщины, умевшей не щадить себя ради поставленной цели. И в то же время в тихие часы в нем проглядывало что-то почти трогательное. Казалось, что “ландшафт” ее лица на глазах видоизменялся и складывался в дрожащий от непомерной многолетней усталости скорбный лик.

Я специально так подробно описала лицо Н.Я., потому что никакие фотографии не могут дать представления о содержательной выразительности ее внешности. Уж вспоминать, так вспоминать обо всем, что осталось в памяти.

Любой человек несет на себе печать юных лет, когда закладывался фундамент его личности. В Н.Я. всегда ощущалась стилистика ее авангардной молодости, когда она, ученица студии Александры Экстер, участница каких-то “революционных” действий, вращалась в “табунке” (ее слово) таких же ниспровергателей всего “старого”, как она. Это в зрелости под влиянием Мандельштама, предвидевшего страшные последствия российской “культурной революции”, она писала о разрушительной стихии авангардного сознания, когда, не задумываясь, растапывали “старую” культуру и церковь.

Как известно, человек созревает, мировоззрение углубляется и меняется, но поведенческий стиль, привычка к определенной фразеологии остаются. Так и Н.Я. Она, мне казалось, не признавала никаких авторитетов, кроме Господа Бога и Мандельштама, любила острое слово, была резка в выражениях, даже могла ругнуться, но по-дилетантски, — получалось очень смешно. Язык улицы ей явно не давался.

Когда она уж очень себе “позволяла”, я любила ввернуть: “Вы — девчонка двадцатых годов”. Она принимала это определение без возражений, признавая, что “нежной европейкой” она так и не стала. Представить ее дамой эпохи Серебряного века было и впрямь невозможно. По-видимому, Мандельштам, настрадавшийся от этих неприступных дам-красавиц, не случайно взял себе в жены эту бесшабашную девчонку, пленившую его в Киеве в 1918 году. Ее юная беззаботность среди рушащихся устоев ему, безбытному, наверное, была по душе. Но как он мог догадаться, что со временем беззаботность перерастет в стоицизм его верной “Наденьки”, его “нищенки-подруги”?

Наверное, он знал, что на самом деле беззаботность и стоицизм — две стороны одной медали. Во всяком случае, в характере Н. Я. они вполне уживались. Но вот уравновешенной житейской мудрости я у нее никогда не наблюдала. Заметив это, я как-то поделилась с ней своими подозрениями, что пресловутая мудрость приходит, когда человек остывает, становится теплохладным, равнодушным. Ей понравилось. Думаю, что ее мудрость была какого-то иного порядка и проявлялась в безоговорочном приятии судьбы и смерти.

Может быть, поэтому Н. Я. избегала жаловаться на трудности прожитой жизни всерьез. Равно как и на болезни, посетившие ее в старости. Так, немножко жалобно “поскулить”. Но она не отказывала себе в удовольствии поиздеваться над рутинной провинциально-вузовской жизни, над серостью “славного советского студенчества”, воспитанного на “Как закалялась сталь”, над невежеством “идейных” коллег, которых немало повидала на своем веку. Причем в присущей ей разящей манере, не делая различия между “получше-похуже”. Она живописала эту унылую картину широкой кистью. Можно было только догадываться, чего ей стоило ее одинокое существование, с его тоскливыми буднями и страшными бессонными ночами. Однажды Н. Я. рассказала, как, живя в одной из очередных “каморок”, она приручила двух мышек, которые, как она с благодарностью заметила, “скрашивали ее бессонницу своими танцами около хлебной корочки”. Танцы мышей! Комментариев не требовалось...

Ночные страхи, усугубленные постоянным ожиданием непрошенных “гостей”, до конца дней ее не покидали. И я иногда, как и другие ее посетители, особенно в последние годы, оставалась по ее просьбе ночевать на продавленном диване красного дерева, стоявшем на кухне.

Сколько нас на нем и сиживало, и спало. И каждый слышал ее ночные крики, леденящие душу. Она кричала во сне, как раненый заяц (случайно слышала на охоте), — та же смесь смертельного ужаса и детской жалобы.

Когда я услышала эти крики впервые, я поняла про ее жизнь больше, чем о ней можно рассказать любыми словами. Утром она сказала: “Это что! Вы бы слышали, как кричит Наташа Столярова” (семнадцать лет лагерей и ссылки).

Да, она признавала, что были судьбы пострашнее ее скитальческой жизни полуизгоя — вдовы “врага народа”, истребленного и запрещенного гения. И не терпела ни малейшей попытки увенчать ее “мученическим венцом”, что нередко, конечно, случалось с некоторыми появившимися сердобольными читателями ее книг. Она вообще не нуждалась в возвеличивании. А ее отменный вкус не позволял ей всерьез принимать как комплименты, так и прояв-

ления чувствительности, тем более сентиментальности. Помню, как она возмущалась в связи с тем, что одна известная поэтесса при их первом знакомстве разрыдалась. “Чего эта дуреха распустила нюни?” — вопрошала она намеренно грубовато. Хотя сама “дуреха” ей пришлось по душе.

Как я поняла из общения с Н. Я., сама по себе ее жизнь после гибели мужа не имела для нее никакой цены. Ее готовность вытерпеть всё, чтобы выжить, поддерживала только одна-единственная цель — сохранить поэзию Мандельштама, не дать ей сгинуть в забвении, вернуть его имени достойное его место в русской культуре. Только для этого она терпела унижения, чтобы сохранить работу в провинциальных педвузах, из которых ее регулярно выживали (слишком умна и образованна), а в 1956 году защитила кандидатскую диссертацию, которая прямо так и начиналась: “Труды И. В. Сталина по языкознанию открывают новый этап в построении марксистского языкознания в целом, исторической грамматики в частности”.

Н. Я., разумеется, знала истинную цену этих “трудов”. Но ей надо было работать и ей нужна была кандидатская степень. Отсюда и возникла “стратегия” ее поведения с двумя неизменными составляющими — страхом и мужеством. Страх взывал к ее мужеству и мужество помогало страх преодолевать. Подобная же стратегия, как я думаю, объясняет историю написания ее книг.

Теперь как-то забывается, какой опасности она себя подвергала, написав свои книги и, главное, издав их на Западе. Н. Я., конечно, это понимала, но пошла на риск, хотя, как я видела, и побаивалась последствий своих действий. Откуда же возникла эта решимость в открытую противопоставить разящую правду о пережитом ею и Мандельштамом стране повсеместной лжи? Конечно, я не брала у нее никаких “интервью”. Разговоры об этом возникали сами собой — произвольно, по тому или иному поводу.

В конце концов мне стало ясно, что главным импульсом для нее было вовсе не желание рассказать о своем ужасном опыте и уж тем более не намерение привлечь внимание к своей особе и чуть ли не приравнять себя к Мандельштаму и Ахматовой, как стали поговаривать ее недоброжелатели. Просто она знала, как беззащитна поэзия вообще, и поэзия Мандельштама особенно перед равнодушием и общераспространенной глухотой людей к самому звуку поэтического слова. И она, безусловно, надеялась, что только такой таран, как задуманные ею книги, может пробить многолетнюю стену умолчания и забвения, окружавшую не только наследие Мандельштама, но и самое его имя.

Что ж, мы стали свидетелями ее правоты: не сами гениальные стихи, но рассказанная ею безоглядная правда о трагической

судьбе поэта привлекла внимание к нему и у нас, и еще больше на Западе. Там его “открыли”, а у нас “вспомнили”. Во всяком случае, именно ее книги дали мощный импульс к развитию “мандельштамоведения”. И, что еще гораздо важнее, они помогли его поэзии выйти из замкнутого круга специалистов к любителям поэзии.

Обо всем этом она говорила с нескрываемой горечью: “Поэту у нас, чтобы быть услышанным, надо безвременно погибнуть или, на худой конец, быть сосланным, изгнанным, запрещенным”. Такова уж природа славы в нашем отечестве.

Когда я недавно вновь перечитывала статью Н.Я. “Мюцарт и Сальери”, меня поразила ее автохарактеристика, которая дает ключ к пониманию не только ее личности, но и главной цели и смысла ее книг. Цитирую: “Свою роль в жизни я могу определить так: я была свидетельницей поэзии”. Не больше и не меньше, но как емко. Она действительно была свидетельницей поэзии. И не какой-нибудь метафорической Музой, а именно буквальной, непосредственной свидетельницей изумительной поэзии, рождавшейся у нее на глазах и на слуху. Так уж складывалась их безытная жизнь. Ведь он “работал с голосу”, а она всегда была около него, тут же, в какой-нибудь единственной комнате, которую дал им случай на время, слушая его шаги и внимая священному бормотанию, а потом записывая под его диктовку еще дымящееся стихотворение. Ей были ведомы побуждения, предшествующие поэтическому порыву, как и причины мучительной творческой немоты. Вместе с поэтом она проживала взлеты и спады его созидательной энергии. А позднее она ночами повторяла наизусть, чтобы не забыть, его неизданные стихи и прозу.

Воля к осуществлению своего долга “свидетельницы поэзии” определяет и замысел, и угол зрения, и стилистику ее книг. Рассказав о судьбе поэта и его творчестве в контексте эпохи, трагической для страны, народа, культуры, она сумела показать масштабность личности Мандельштама и мира его поэзии. Обобщения Н.Я., как правило, свидетельствуют о пронзительной силе ее ума и несомненного литературного таланта.

Как мне представляется, ее книги нельзя рассматривать как “мемуары”. Воспоминания в них не являются самоцелью, как пристало этому жанру литературы. Они не просто повествование о прожитом и пережитом, а прежде всего гневное личностное *свидетельство* о времени и в качестве такового обладающее силой выстраданной правды.

Несомненно, ее мировоззрение формировалось под влиянием идей Мандельштама. И это давало общее направление ее мысли. Но и самая манера крайне резких, порою бьющих наотмашь су-

ждений была словно бы унаследована ею от непримиримости поэта по отношению к “веку-волкодаву”, а заодно и к так называемой литературе и тем более филологии, от которых он всегда так яростно отрещивался. Разве не он писал о филологии: “Чем была матушка филология и чем стала... Была вся кровь, вся нетерпимость, а стала псякрев, стала всетерпимость...”¹ Впрочем, ей и самой хлесткой язвительности и нетерпимости было не занимать. Правда, то, что нас восхищает у Мандельштама благодаря его неповторимой прозе, у Н. Я. получалось порой прямолинейно, даже топорно. И всё же не зря ее литературный стиль одобрял Бродский. Ее слово адекватно смыслу и сути ее мысли.

Возможно, ее память упустила какие-то детали, что-то она перепутала, даже произвольно исказила. Ее анализ трагедии русской культуры в годы террора игнорирует акценты и нюансы, которые считается необходимым различать, говоря о сложных процессах, диктуемым исследователям-историкам во имя объективной истины.

Но она не историк. Для нее эта истина была сосредоточена в Мандельштаме, его судьбе и том мире культуры, который он, как немногие бескомпромиссно, олицетворял. Всё остальное она видела сквозь эту призму, игнорируя порой заслуги некоторых других участников борьбы за сохранение культурных ценностей перед тотальным натиском идеологии. Тем самым она многих задела, повергла в гневное неприятие ее “Второй книги” в особенности.

Упрощая их претензии, сводя их к личным мотивам, она относилась к ним иронически. “Лида Чуковская обижена за Маршака”, — говорила она, посмеиваясь. Ее не трогали заслуги Маршака в качестве редактора, стремившегося собирать под сенью руководимой им редакции “Детской литературы” лучшие писательские силы. Потому что институт “редакторства” в целом был довольно зловещим проявлением идеологизированности литературной жизни. Или: “Каверин обиделся за Тынянова...”, о котором она написала немилосердно и бестактно. Но, вспоминая о том, как Тынянов, тяжело больной, принимал ее у себя дома, она не могла забыть, что он, будучи одним из немногих желанных “собеседников” для ссыльного поэта, задыхавшегося в одиночестве, не ответил на его очень важное, провидческое письмо от 21 января 1937 года, в котором Мандельштам писал: “Дорогой Юрий Николаевич!.. Пожалуйста, не считайте меня тенью. Я еще отбрасываю тень... Вот уже четверть века, как я, мешая важное с пустяками, наплываю на русскую поэзию; но вскоре стихи мои сольются с ней, кое-что изменив в ее строении и составе. Не от-

.....

вечать мне легко. Обосновать воздержание от письма или записки невозможно. Вы поступите, как захотите. Ваш О. М.»

Ни письма, ни записки не последовало.

Помню, что в разговорах особенно от нее доставалось разным “мемуаристам” — И. Г. Эренбургу, Георгию Иванову, Ирине Одоевцевой, которые прежде всего запомнили в Мандельштаме небольшой рост, щуплую фигуру, вздорный характер, его пристрастие к пирожным. Или “привычку” не отдавать долги, забывая о той беспросветной нищете, в которой маялись Мандельштамы. Кстати, вопрос о росте ее особенно возмущал. Она настаивала на том, что у Мандельштама был “хороший средний рост”.

Н. Я. и не думала скрывать свою установку не на пресловутую “объективность”, а на пристрастность. И ей была чужда боязнь кого-то оттолкнуть, задеть. Она была готова и к обидам, и к разрывам, зная, что они в какой-то мере могут быть ею спровоцированы.

Уже на моей памяти вслед за появлением в самиздате ее “Второй книги” последовала целая серия предвиденных ею охлаждений и разрывов с давними связями. Например, с Э. Г. Герштейн, которая “отплатила” Н. Я. своими “фрейдистскими” сплетнями об интимных нравах Мандельштамов, не понимая, очевидно, принятую в их семейных отношениях игровую стилистику поведения, не всегда, разумеется, спасавшую от драм¹. Или с Л. Я. Гинзбург, которую она в принципе уважала. Подробностей их расхождений я не знаю. Помню только, что на мой вопрос о Л. Я. Гинзбург, которую я как-то у Н. Я. видела, она довольно безразлично ответила: “Мы больше не видимся”. Я поняла, что продолжать расспросы неуместно.

У меня создалось впечатление, что Н. Я. теряла свидетелей тех давних лет без особого сожаления и чувства “вины”. Она сделала свое дело, добилась цели. Она очень устала от жизни, и ей было скучно вступать в дискуссии, выяснять отношения, оспаривать свою правоту. Всё равно никто из них не “тянул” на сравнение с тем единственным собеседником, которому не было равных. Его отсутствие было ее постоянной болью.

Ей явно больше нравилось общаться с людьми, не связанными со сложностями литературной жизни 1920–1930-х годов, — теми, кто читал ее книги, разделяя их обличительный пафос и учась понимать Мандельштама и время. Словно расставаясь с прошлыми связями, она впускала в свой дом саму новую жизнь.

Справедливости ради следовало бы и “обиженным” признать, что не кто иной, как она показала Мандельштама во весь

.....

рост — не только как акмеиста десятых годов из на многие годы забытого Серебряного века, но и как одну из центральных фигур поэзии XX столетия. Сейчас-то это стало чуть ли не прописной истиной. Но в 1960-е годы, когда появились ее книги, мало кто отдавал себе в этом отчет.

Не буду утверждать, что Н. Я. была скромной, смиренной. Эти понятия вообще не вяжутся с ее характером. Она знала себе настоящую цену: она написала нужные книги и в нужный момент. Но никогда не ставила свою “публицистику” (хотя ее книги нечто большее, чем публицистика) не только выше, но и рядом с поэзией, писавшейся на века. Как многие по-настоящему умные люди, Н. Я. вообще не относилась к себе слишком всерьез. Не однажды я видела, как, выслушивая похвалы, она недовольно морщилась. И уж поверьте, не из ложной скромности. Ей больше по нутру была ругань оппонентов. Ага, значит, попала в цель! И не раз она шутила, а может, не так уж и шутила, говоря: “Когда встречусь с Оськой, он даст мне в морду: ишь, расписалась...” Ей нравилось вспоминать, как на ее попытки “пропищать” что-то умное он неизменно повторял: “Надька, молчи!” Вкусу поэта, очевидно, претили “вумные” жены. И она охотно ему подчинялась.

Когда о. Александр Мень в 1988 году на вечере памяти Н. Я. Мандельштам говорил применительно к ней о “полноте жизни”, он имел в виду, что она сумела жизнь не просто пройти, но наполнить ее смыслом, покоровшись своей судьбе хранительницы наследия великого поэта. В ее жизни был стержень, была “сверхзадача”, и она выполнила ее до конца, подчинив ей всё: свою память — она изо дня в день твердила наизусть стихи, не надеясь на сохранность архивов и книг; свое право на нормальную жизнь под чьим-нибудь крылом; на уход в общепринятое беспамятство, подчинившись страху, который она без всякого лицемерия считала нормой среди насилия и террора; свои силы и здоровье, когда, не жалея себя, погружалась в мучительные воспоминания, чтобы написать свои книги.

3 .....

Как же Н. Я. жила, когда цель была достигнута, не имея навыков подчиняться более или менее нормальному течению жизни?

Этот вопрос я задавала себе, взявшись за воспоминания о том, что я видела, узнав Н. Я., по сути дела, на пороге ее новой жизни, начавшейся, когда она завершила работу над “Второй книгой” и осталась без “дела”. Первая книга — “Воспоминания”, вышедшая на русском языке, готовилась к изданию на английском,

над американским трехтомником Мандельштама шла работа при ее активном участии, и он вышел в 1969 году. Вскоре до нее стали доходить отклики на “Воспоминания”. Как известно, эта книга произвела огромное впечатление на Западе и имела самые высокие отклики в прессе и у многочисленных читателей. С некоторыми из них у Н.Я. завязалась обширная тайная переписка. То и дело начали появляться закордонные “курьеры” с книгами, письмами, подарками, а потом и гонорарами (очень, кстати, скромными). Когда к ней самые неожиданные посыльные стали тайком привозить один за другим тома американского издания стихов Мандельштама, она их тут же раздаривала. Одним из таких счастливиц оказалась и я, получив сначала первый том с вырезанным, очевидно, цензурой, предисловием Б. Филиппова и Г. Струве, потом второй и третий.

Конечно, всё это ее развлекало, и она подсмеивалась над своей “счастливой старостью”. У нее были какие-то планы на будущее: написать, если Бог даст сил, “Третью книгу” (о ней скажу ниже), реализовать мечту об издании Мандельштама в России. Но я замечала, что эта новая жизнь принималась ею отстраненно — как какой-то “спектакль”, в котором надо было играть непривычную для нее, хотя, быть может, и более “приятную” роль в “декорациях” — наконец-то! — своей квартиры и при участии, как правило, многочисленных новых “партнеров”. У меня создавалось впечатление, что свою “исполненную” жизнь она теперь в каком-то смысле “доигрывала” в ожидании “встречи с Осей”, как она часто повторяла.

Надо сказать, что все мы, любители посиделок на ее кухне, с удовольствием принимали участие в этом “спектакле”. Вот когда я оценила в полной мере, чем для Мандельштамов были юмор и шутка в их совместной жизни. Н.Я. вспоминала, что они всегда старались снять напряженность момента, прибегнув к спасительной шутке или насмешке — над собой и другими. Да и как еще скрасить тягостное существование на пороховой бочке? Облачаться в тогу страдальцев, как предлагали жизненные обстоятельства? Это было не для них. Ведь истинно трагическое в жизни, а не на сцене, не переносит пафоса. Н.Я. считала, что ее прирожденный юмор заменял ей приданое, — так уместно он “аккомпанировал” умению Мандельштама отвлечься от какой-нибудь неурядицы, ввернув острое словцо или разразившись саркастической тирадой. И горе тем, кто не чувствовал этой артистически-игровой стилистики, обижался, принимал шутку за болезненный укол, хотя шуточка могла быть и колючей, и метко попадающей в цель.

Обычно ее “игра” в кругу сочувствующих ей людей была веселой и безобидной. Она умела щедро обласкивать людей.

И шутливая нежность, свойственная ей в отношениях с довольно широким кругом тянувшихся к ней известных и неизвестных, молодых и не очень молодых ученых, филологов, переводчиков, художников и прочих посетителей ее дома, была неподдельна и очень притягательна.

Утраченное ныне “искусство” юмористически обыграть очередную выходку судьбы, низвести горькое до смешного, исключив даже намек на патетику, Н. Я. пустила теперь, что называется, в оборот. Так она скрашивала общение с людьми, скрывая свою безграничную усталость и от других, да и от самой себя.

Вот один из образчиков ее манеры “снижения”: “Все говорят, что курить вредно. Вот я курю две пачки «Беломора» в день и никак не сдохну!” Такая бравада, когда она уже почти не вставала — худенькая, маленькая — один нос и глаза, — давала понять, что смерти она не боится, а ждет.

Живя в убогой однокомнатной квартире, расположенной на первом этаже “хрущобы”, она представляла себя владелицей “роскошного” жилища, — лучше не надо! Она обставила ее с любовью, купив “по дешевке”, как она мне сказала, подержанную мебель — бюро, туалет, шкаф и диван. Единственной ценной вещью в ее квартире была старинная бронзовая птица из Армении, которую они с Мандельштамом, по ее свидетельству, всегда “таскали за собой”. Она да еще очень старое французское издание “Исповеди” бл. Августина, которое “любил читать Ося”, было, кажется, всё, что осталось от их совместного имущества.

Но предметом ее “настоящей” гордости был крохотный совмещенный санузел и — о, чудо! — личный унитаз. На него она “никогда не могла налюбоваться”, оставляя дверь в ванную всегда открытой. Она даже могла пошутить: “Лелька, сядьте так, чтобы я «его» видела”. А иногда “ревниво” говорила какому-нибудь своему гостю: “Что-то вы зачестили к моему лучшему другу!”

Н. Я. на полном “серьезе” собиралась посвятить свою “Третью книгу” Русскому Сортиру, во всех историософских аспектах этому поистине иррациональному явлению народной жизни. Да уж, этого она навидалась, живя в снимаемых каморках или общежитиях с “удобствами на дворе” или “в конце коридора”. Она любила посмаковать свои будущие обобщения, которых хватало и на “ума холодных наблюдений и сердца горестных замет”.

Но этот замысел, к сожалению, не был осуществлен. “Третья книга” Н. Я., опубликованная посмертно, была составлена без ее участия из различных записей, найденных в ее архиве. Она чрезвычайно интересна, особенно в той части, где опубликованы ее комментарии к поздним стихам Мандельштама.

Еще до знакомства с Н. Я. я имела представление о семейном “шутейном” стиле по очаровательному юмору ее брата — Евгения Яковлевича Хазина. Будучи человеком скорее грустным, чем веселым, он никогда не изменял своему правилу шутить надо всем, начиная с жены, которую называл “Гаврила”, что очень смешно контрастировало с артистично-капризной натурой Елены Михайловны. Доставалось и сестре “Надьке”. Скептически посмеиваясь, он как-то сказал: “Надька что-то там расписалась...” Были и другие замечания о ней в этом роде.

Не знаю, читал ли он ее книги. Я не спрашивала, так как не хотела вступать с ним в споры. Но, скорее всего, не читал, поскольку мне казалось, что он недоволен ее “писаниями” с чьих-то слов. Возможно, со слов его давней приятельницы Э. Г. Герштейн. А может быть, он сам не мог относиться всерьез к младшей сестренке, которой, по ее словам, от него в детстве сильно доставалось. Его юмор и ироничность были привычной защитой против различных ударов со стороны нашей абсурдной действительности, которых немало выпало на его долю. Даже в последние месяцы жизни он не изменял своей привычке иронизировать: над собой и своими болезнями, вообще над всем происходящим вокруг, и особенно над заботами жены и сестры о его в самом деле плохом здоровье. “Леля, они не дают мне спокойно умереть”, — приговаривал он, когда они хлопотали о врачах, анализах и лекарствах.

Н. Я. была моложе его на несколько лет, но ее отношение к брату было похоже на трепетную заботливость старшей о младшем. В тяжелые годы он был для нее и Мандельштама, по-видимому, самой надежной опорой. Теперь, когда она стала жить в Москве, настал ее черед поддерживать брата.

В последние годы жизни Е. Я. писал большую работу о русской драматургии XIX века, не надеясь, конечно, на ее издание. Еще во времена борьбы с так называемым космополитизмом он был исключен из Союза советских писателей и работал, как говорится, “в стол”. Когда на Н. Я. свалилась неожиданная писательская слава, она испугалась, что непубликуемый “Женька” (так она его называла), лишенный читателя, будет этим уязвлен. И она поспешила еще при его жизни издать на свои средства, кажется, в одном из парижских издательств (ИМКА-Пресс?) хотя бы его небольшое эссе о Достоевском.

Когда Е. Я. скончался, встал вопрос о его архиве, который надо было собрать и изучить. Кто-то посоветовал обратиться по этому поводу к Н. В. Котрелеву. Похоже, что архив Е. Я. его не заинтересовал, так как в нем не оказалось никаких интересных для него материалов, например, связанных с Мандельштамом. Во вся-

ком случае, он скоро архив вернул, и он оставался у Е. М. Когда она решила уехать в пансионат, меня не было в Москве. Я знала, что большая часть их имущества, главную ценность которого составляла библиотека, была предназначена А. Аренсу, помогавшему Е. Я. и Е. М. в быту и хлопотавшему об устройстве Е. М. в лучший по тем временам пансионат в Химках. Но архив Е. Я. никого не заинтересовал. Н. Я. попросила меня забрать его и по возможности заняться его устройством в какое-нибудь государственное хранилище.

Придя в такую знакомую и теперь разоренную комнату, я обнаружила чемодан с двумя переплетенными машинописными экземплярами “Этюдov о русской драматургии” и с подготовительными к ним машинописными листами. Кроме того, были две детские книги в оформлении художника Н. Шифрина и свидетельство о крещении Е. Я. в одной из киевских церквей. Повсюду было разбросано множество листов бумаги, густо исписанных почерком Е. Я. Пытаясь их прочитать, я поняла, что он готовил какую-то работу по русской истории XVIII века. Ю. Фрейдин недавно сказал мне, что Е. Я. задумал книгу о Суворове, но дальше подготовительных записей она не пошла. Я эти записи не взяла.

Архив Е. Я. было бессмысленно предлагать в ЦГАЛИ. Не помню, кто мне посоветовал обратиться к ленинградскому историку Валерию Сажину, работавшему в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Он охотно откликнулся на мое предложение заняться судьбой хазинского архива. Но только в годы перестройки благодаря усилиям В. Сажина архив Е. Я. был принят на хранение в Публичку, о чем он мне сообщил официальным письмом.

Надо сказать, что отношения Н. Я. с Е. М. были далеко не безоблачными. Ее старательно скрываемую неприязнь, как мне казалось, питала старая обида за “Осю”. Не раз она повторяла, что “Ленка”, не чуждая слабости к “знаменитостям”, лишь снисходила до “неудачника” Мандельштама, предпочитая общество какого-нибудь Всеволода Вишневецкого, Адуева и т.п. Но они дружно пеклись о Е. Я., а его смерть в 1974 году была для них общим горем.

Не могу не вспомнить, что Е. М. Фрадкиной был абсолютно недоступен легкомысленный тон ее близких. Было очень забавно наблюдать, как она постоянно оказывалась “жертвой” их искрометных шуточек и насмешек над ее томной меланхолией и патетической озабоченностью “творческими проблемами”. Е. М. в прошлом была довольно известной театральной художницей (в паре с С. Вишневецкой), а в 1950-е годы стала заниматься станковой живописью в технике пастели. К счастью, Н. Я. весьма благосклонно относилась к ее пейзажам и натюрмортам. Два или три пейзажа Фрадкиной висели у нее в комнате. “Лелька, а ведь наша Ленка — хороший худож-

ник, не так ли?» — обращалась она ко мне обязательно в присутствии Е. М. Я вполне искренне поддерживала ее мнение. В остальном они были настроены на совершенно противоположную волну: Н. Я., как я уже писала, на шутку и юмор, Е. М. — на переживания «всерьез».

Людей с подобным настроем Н. Я. долго не выдерживала. Это касалось и критики в стиле «тяжелой артиллерии». Если бы ее ругали, не забывая о чувстве юмора, я думаю, она примирилась бы с любым оппонентом. Она не требовала фимиамы и признавала в таком случае равенство спорящих сторон.

Когда я, например, читая ее «Вторую книгу» еще «тепленькой», высказывала ей свое недоумение по поводу противоречий, по сравнению с «Воспоминаниями», в оценке некоторых людей, особенно Н. И. Харджиева, она меня никогда «не ставила на место», не осаживала, что я-де лезу не в свое дело. Оставаясь на своей позиции, она признавала за мной иметь право на свое мнение. Так было, наверное, и с другими, более сведущими, чем я, в истории ее отношений с разными лицами.

Правда, когда дело касалось «филологии», на которой она вслед за Мандельштамом «поставила крест», Н. Я., во всяком случае на моей памяти, выпускала коготки. Она ничего не имела против интеллектуального пира с таким филологом, как С. С. Аверинцев. Но он, с невиданным универсализмом его знаний и мысли, как известно, выходил далеко за какие бы то ни было «корпоративные» рамки. Я несколько раз присутствовала при их встречах и видела, с каким удовольствием она его слушала.

Другое дело — просто крупные профессионалы (не буду называть фамилии). Они чаще всего приходились ей не по вкусу, казались скучными, неартистичными, без интеллектуального блеска, каким славилась беседа Мандельштама. Да и где ж таких, как он, взять?

Вообще же для нее владение «игровым» стилем было решающим критерием, по которому определялся отбор ее любимчиков среди десятков людей, приходивших к ней, — поговорить о разном, в том числе и о насущном, серьезном, но и посудачить, выпив чайку, а то и принесенную кем-нибудь бутылочку. О нескольких таких любимчиках и хочется вспомнить. Почти все они уже ушли из жизни.

Первым приходит на память ныне покойный Евгений Семенович Левитин, — «Женичка», как она его (да и все, кто его знал) с неизменной нежностью называла.

Блестящий искусствовед, знаток мировой графики и русской поэзии, он был «гостем из будущего», принесшим Н. Я. радост-

ную весть о том, что Мандельштам-поэт жив, что его читают и знают молодые любители поэзии. Дело было в следующем: Женичка, узнав, что в Чебоксарах живет “вдова Мандельштама”, преподающая английский язык в местном педвузе, решил с ней познакомиться, схлопотав себе на этот случай командировку. Придя в общежитие, где она жила, и постучав в дверь, он представился как любитель поэзии Мандельштама.

Это было для Н. Я. настолько нереально, что она учинила ему, как он уверял, “высунув свой огромный нос через чуть приоткрытую дверь, настоящий допрос”, заставив его добрых полчаса читать ей стихи Мандельштама. “Врете! — кричала всегда на этом месте рассказа Женички Н. Я. — Не полчаса, меньше”. “А может быть, и больше”, — невозмутимо парировал рассказчик. “Но только так я могла убедиться, что ко мне ломится не стучач: ни один из них не способен выучить столько стихов наизусть”, — притворно жалобно оправдывалась Н. Я. под общий хохот.

С тех пор он стал ее неизменным любимчиком. Ему с лихвой воздавалось за радость, которую испытала Н. Я., еще в 1950-х годах увидев того первого “собеседника” из будущего, о котором писал когда-то Мандельштам.

Вот уж кому позволялось дерзить и всячески поддевать Н. Я., “ставить ее на место”, уличая в малейшей непоследовательности. Будучи человеком не только с юмором, но не чуждым утонченной желчности и язвительности, он блестяще выдерживал свое “амплуа” в вышеозначенном “спектакле”. Подкалывая ее и подкусывая, он вызывал Н. Я. на ответные “огрызающиеся” реплики. Я обожала их перепалки, особенно смешные в окружении появившихся “благоговейных” поклонников и “сострадателей”.

Н. Я. четко различала “ведов поэзии” от “собеседников поэзии” (в ее понимании), явно предпочитая последних. Ведь просто “веды” могут много “знать”, но плохо “слышать”, поскольку всякое “ведение” по определению развивается в ином измерении и пространстве, нежели сама поэзия, как, впрочем, и любое другое искусство. Но когда и то и другое соединялось в одном человеке, ее доверие к нему было безграничным.

С этой точки зрения она особенно выделяла Ирину Михайловну Семенко, Ирочку, считая, что она, по ее словам, обладает “абсолютным слухом на стихи”, сочетающимся с высоким профессионализмом текстолога. Н. Я. очень хвалила ее книгу “Поэты пушкинской поры” (1970), признавая ее образцовым исследованием поэзии. “Какова моя хохлушка!” — говорила она с восхищением (Ирина Михайловна была дочерью известного украинского поэта-авангардиста Михаила Семенко, погибшего в ГУЛАГе). Я ее доволь-

но часто видела у Н. Я., так как она работала над черновиками поздней поэзии Мандельштама, итогом чего были статьи и книга “Поэтика позднего Мандельштама” (1997), вышедшая в России посмертно. Добрая душа, она помогала Н. Я. заодно и “по хозяйству”, привозя ей вместе с мужем — Е. М. Мелетинским — еду и продукты. Это делалось как-то само по себе, без “нажима” со стороны Н. Я.

Заботливость проявляли и другие “Наденькины” (про себя, а иногда и в лицо, мы называли ее “Наденька” — ей нравилось) посетители. Редко кто приходил к ней с пустыми руками — по своей инициативе и выполняя ее просьбы. Жизнь тогда проходила в очередях, а ей это было не по силам.

4 .....

Коли речь зашла о “мандельштамистах”, хочу сказать, что она ценила американского слависта Кларенса Брауна, с которым была в постоянной переписке. И особенно ей импонировал Никита Алексеевич Струве. Она очень хотела, но так и не успела с ним познакомиться. К счастью, его диссертацию, посвященную Мандельштаму и написанную по-французски, она смогла получить и прочесть, признав ее вполне достойной предмета исследования.

Придирчиво в принципе относясь к “ведам”, Н. Я. тем не менее с вниманием следила за развитием отечественного “мандельштамоведения”, которое при ее жизни переживало, так сказать, “латентный” период. Правда, А. А. Морозову, одному из самых знающих и тонких, по ее мнению, знатоков наследия Мандельштама, еще при ней удалось подготовить и издать одну из самых его значимых работ — “Разговор о Данте”. Появлялись, кажется, и какие-то небольшие статьи. Н. Я. с симпатией относилась и к другим молодым любителям мандельштамовской поэзии, приступавшим к ее изучению.

На ее кухне часто можно было встретить Ю. И. Левина, Ю. Л. Фрейдина, которого она очень любила. Характерно, что оба они не были филологами: Ю. Левин — математик-структуралист, Ю. Фрейдин — врач-психиатр.

Иногда, глядя на меня, Н. Я. говорила: “Подумать только, у меня могла быть такая дочь, как вы” (она была ровесницей моей мамы, которой, кстати, очень симпатизировала). И тут же добавляла: “Я всегда была рада, что у меня не было детей: ведь вы же все из поколения павликов морозовых”. Да, это так. Я всегда помню свое ощущение предательства, с каким заполняла различные анкеты, упоминая о репрессированном отце и тут же для “оправдания” добавляя, что не жила с ним с пятилетнего возраста после развода

родителей. Что же ожидало детей Мандельштама? Н. Я. очень хорошо себе представляла что.

Свою неутоленную материнскую любовь она отдавала Вале Шкловской и ее сыну Никите — таким чудесным и милым, просто на редкость. Когда они приходили вместе с мужем Вари — поэтом Николаем Панченко или вдвоем, начинался настоящий пир ласки, нежной заботы, такой, какой не бывает при семейной рутине. “Родственников не выбирают” — гласит пословица. А тут были выбранные родственники — не по плоти, а по духу, по любви.

Вся светясь, она усаживала их поближе, чаще всего на кровать, где она проводила большую часть времени, держала за руки и любовалась их, надо признать, обаятельнейшими улыбающимися лицами. Недавно Варвара Викторовна рассказала на вечере памяти Н. Я., состоявшемся в восьмую годовщину ее смерти, 29 декабря, что помнит “Наденьку” с тех пор, как Мандельштам привел ее в дом Шкловских “знакомиться с молодой женой”.

Тогда-то у Н. Я. и возникла прочная дружба с матерью Вари — Василисой Георгиевной Шкловской, недюжинный ум и сердечное радушие которой она не раз при мне восхваляла. С благодарностью говорила о том, что “под крылом Василисы” всегда находила надежное прибежище и с Мандельштамом, и позднее, когда удавалось вырваться в Москву.

Нечто подобное материнским чувствам Н. Я. испытывала и к сыну Б. Л. Пастернака — Евгению Борисовичу (Жене), его жене Алене, сыновьям Пете и Боре. А крохотная черноглазая Лизочка была для Н. Я., как я видела, чем-то бóльшим, нежели прелестным ребенком. При взгляде на девочку ее охватывало давно забытое чувство восторга, горячей сердечной радости. Даже припевала “мой Лизочек так уж мал, так уж мал...”, так и тая от нежности.

Особой любовью Н. Я. пользовалась Наталья Ивановна Столярова. С восхищением называла ее “бой-баба”, имея в виду прежде всего то, что Н. И. проявила поистине “пробойную” силу, чтобы добиться квартиры для “вдовы Мандельштама”. Именно благодаря ее усилиям в первую очередь квартиру плохенькую, но дали.

Но вообще-то она, конечно, нравилась Н. Я. просто всей своей статью, своим “куражом”, преданностью, юмором. По-парижски подтянутая (она выросла в Париже и до возвращения в Москву была завсегдаем русского Монпарнаса и невестой поэта Бориса Поплавского), она забегала к Н. Я., как правило, “по делу”, потому что спешила поспеть в несколько разных мест: на вернисаж, в мастерскую к художнику, на какую-нибудь однодневную выставку и т.п. Ей всё было интересно. Но за этим внешним фасадом участницы московской “тусовки” в качестве “секретарши Эренбурга”, каковой она и была,

скрывалась рискованная, правда, по всем правилам продуманной конспирации “подпольная” деятельность, о которой уже после ее смерти рассказал А. И. Солженицын в “Бодался теленок с дубом”.

Наверняка во время своих стремительных наездов к Н. Я. она тоже оказывала ей содействие в передаче рукописей “туда”, а писем и прочих передач — “оттуда”. Н. Я., всегда помнившая, как Наташа кричит по ночам, особенно восхищалась тем, что в своем дневном поведении она старается быть оживленной, бодрой, стремящейся взять от жизни всё, чтобы наверстать отнятую молодость, проведенную в лагерях и ссылке.

Не могу не вспомнить об одном эпизоде из их отношений.

Однажды Н. Я. где-то в середине 1970-х годов буквально всех ошарашила, заявив, что решила “уехать”. Она поддалась уговорам одного своего знакомого (К. Хенкина), собиравшегося через Израиль на Запад и предложившего ее “сопровождать”. На вопросы, зачем она затеяла эту авантюру, она отвечала, что помимо соображений безопасности (тогда действительно шли аресты, а совсем вскоре после описываемых событий был “выдворен” А. И. Солженицын) ею движет законное для русского интеллигента желание увидеть хотя бы перед смертью “старые камни Европы”. (В Европе она бывала только в детстве.)

Наталья Ивановна пришла в ярость. Бывая во Франции, куда вроде бы и собиралась Н. Я., она знала, какая печальная участь ждет там беспомощную старую женщину. “Да где вы найдете такое количество добровольных помощников, как не здесь?” — кричала она. Она утверждала, что не успеет и ступить Н. Я. на “камни Европы”, как ее сдадут в какой-нибудь пансионат для стариков, пусть и привилегированный. Возможность остаться в Израиле Н. Я. даже не обсуждала, а только хихикала и, смешно тараща глаза, шутила: “Представьте себе, просыпаешься, а кругом одни евреи!”

Этот скандал происходил при мне. Наташа всё же отговорила Н. Я., и ей было поручено документы из Овира забрать.

Иногда я всё же думала, а не лучше ли было Н. Я. увидеть хоть краешком глаза эти “священные камни”, чем томиться на своей Большой Черемушкинской, хоть и в созерцании “любимого” унитаза? Может быть, и ее посещали эти сомнения. Но перед напором Н. И. она не могла устоять.

Так случилось, что часто мы втроем — Наталья Ивановна, Володя Вейсберг и я — приходили к Н. Я. вместе. Получались незабываемые дружественные посиделки, которые Н. Я. назвала “девчонками”. Они стали ее традиционной “забавой”. В такой вечер отменялись все другие гости, и мы наслаждались полным слиянием душ и интересов.

К сожалению, в какой-то момент наши “девичники” Вейсберг пресек. Для Н. Я. это было как гром среди ясного неба. Позднее Вейсберг мне рассказал, что произошло. Это его “личная история”, и я не буду ее пересказывать. Но ее суть состояла в том, что Н. Я. однажды не учла повышенного чувства независимости, как никому присущего Вейсбергу, крайнему максималисту во всем, что касалось искусства и достоинства художника. Она ни о чем не знала и только вопрошала: “За что Володя меня бросил?” Для нее это была болезненная потеря.

Надо признать, что у нее случались и другие “осечки” такого рода. Она могла иногда попробовать “надавить” на кого-то, кем-то “распорядиться”, не спросив. “Игровые” отношения легко могли обернуться некоей бесцеремонностью, хотя я не думаю, что это происходило часто. Но меня всё же коснулось.

Когда скончался Е. Я. Хазин, его вдова оказалась в полном одиночестве. В утро его смерти у меня раздался телефонный звонок, и, сняв трубку, я услышала какой-то жалобный вой и причитания: “Женя умер, Женя умер...” Я тут же помчалась к ним на Пушкинскую площадь. Она стояла над его телом и выла прямо-таки как деревенская баба. Ее отчаяние воистину было безмерно. Как могла я попытаться ее успокоить, переключить на заботы о покойном.

Вскоре после похорон Н. Я. сказала мне, что, “как ей ни жалко, она меня отдает Ленке”. Я и сама понимала, что Фрадкиной очень плохо, и не собиралась ее бросать. И всё же, признаюсь, меня задело, что Н. Я. меня “отдавала”, хотя я прекрасно знала, что у Н. Я. нет никого более подходящего для “Ленки”, чем я. Ведь у нас были давние добрые отношения, и Е. М. ценила меня и со мной не капризничала.

Конечно, никакого охлаждения между нами не произошло и отношения с Н. Я. оставались по-прежнему безоблачными и дружественными, хотя всё реже раздавался ее звонок: “Лелька, приезжайте, я соскучилась”. Да я и сама с годами всё реже рвалась к ней. Когда ни придешь, у нее клубится народ, и всё новый, незнакомый, а то и вовсе знаменитости: Белла Ахмадулина, Битов, кто-то еще. Наши милые “посиделки” превращались в “приемы” гостей, хотя Н. Я. и лежала на кровати. Но это было уже в самые последние годы ее жизни. А мне больше всего по душе были “девичники” или встречи наедине, когда Н. Я., забывая “игру”, становилась сама собой. Часто мы слушали музыку, которую Н. Я. очень любила: Баха, Моцарта, конечно, Шуберта.

Вообще она считала, что настоящая музыка — это музыка немецкая. Но были и исключения. Ей очень нравился Стравинский. Как-то я принесла ей редкую пластинку с “Симфонией псалмов”

Стравинского, одолженную мне Олегом Прокофьевым. Ей очень понравилась эта неожиданная, образцово-современная, не стилизованная духовная музыка.

Редко, преодолевая немощи и расстояние, Н. Я. бывала в консерватории. Однажды, когда приехал в Москву Иегуди Менухин, она пригласила меня на его концерт. Кто-то достал ей билеты. Играл он, как никто, по-моему, не мог и мечтать. “Божественные звуки”, — сказала Н. Я., не трата лишнего слов, но вложив в них буквальную смысловую нагрузку. Она любила лапидарные формулировки, выражая удовольствие, как, впрочем, и неудовольствие.

Где-то в начале 1970-х годов у друзей-врачей Н. Я. возникла идея отправить ее на природу — отдохнуть и проветрить прокуренные легкие. Она предложила мне составить ей компанию, и мы отправились в научный городок Пущино, где ей на неделю была предложена квартира знакомых. Была ранняя весна, еще лежал снег, небо было высокое, голубое. Деревья, еще оцепенелые после зимы, стояли в ожидании весеннего тепла. Мы ходили гулять, и ноги сами приводили нас, как к цели прогулки, на берег Оки.

Темная вода в белой раме заснеженных берегов напомнила ей картины страшной северной природы. Помню, она говорила о человечности средне-русской природы по сравнению с Сибирью, с ее немереным пространством, огромностью рек, невыносимостью холода. При этом она зябко ежилась.

Кажется, тогда же она вспоминала, как они с Ахматовой, одновременно болевшие туберкулезом, тоже ранней весной были отправлены мужьями в Царское Село и “валялись”, укутанные в одеяла, целыми днями на террасе в ожидании Пунина и Мандельштама. Несмотря на болезнь и творившееся вокруг, это были дни незабываемого счастья.

Южанка (все-таки из Киева), в молодости большая любительница Крыма, она теперь всё больше ценила среднерусскую природу. Ей нравилась Таруса, где они жили, снимая дом, с братом и его женой, кажется, не один сезон. Потом была Верея — та же скромная чарующая красота окрестностей, да и сам городок в те годы был хорош.

Однажды с приятельницей мы приехали в Верею их проведать. Решив не затруднять хозяев, зашли в первое попавшееся местное кафе. Оно оказалось заполненным множеством подгулявших мужиков. Нам объяснили, что празднуется День лесоруба.

Не успели мы сесть за столик, как увидели, что к нам направляется не очень трезвой походкой, но с самыми галантными намерениями средних лет “товарищ”, держа под мышкой журнал “Новый мир”. Позднее оказалось, что это не было деталью “реквизита”: он

его читал! Когда он спросил, к кому мы приехали, мы назвали только адрес. “А, — воскликнул он, — к самому Мандельштампу!” Мы так и покатались, поняв, что в Верее за “Мандельштампа” держат Евгения Яковлевича. Последующий разговор это подтвердил. С негодованием постукивая пальцами по журналу, наш собеседник сказал: “И как же Маяковский мог так грубо обойтись с таким милым старичком?”

Оказывается, в опубликованных в этом номере “Нового мира” воспоминаниях В. Катаева он прочел про встречу Маяковского с Мандельштамом в Елисеевском магазине. Свои симпатии он целиком адресовал мнимому Мандельштампу. Эта абсурдная путаница в голове “аборигена” была встречена Н. Я. и Е. Я. веселым хохотом. Н. Я. была очень довольна: “«Мандельштамп» пошел в народ”.

Надо сказать, слово “народ” не было для Н. Я. пустым звуком. Трагическая судьба русского народа, прежде всего крестьянства, не раз была одной из тем наших разговоров. Она рассказывала, как еще в начале 1930-х годов они с Мандельштамом с ужасом наблюдали последствия сталинского эксперимента над крестьянством: толпы голодающих с Украины, насильственную депортацию так называемых кулаков в Сибирь, разорение векового уклада народной жизни и т.д. Известно, что Мандельштам одним из первых бесстрашно откликнулся на эту трагедию в своем творчестве. Н. Я. никогда не забывала событий тех лет, да и о последующем разорении деревни знала не понаслышке. Провинция, где она прожила многие годы, была ближе Москвы к происходящему. Мне тоже было что ей рассказать, так как наша семья обычно проводила лето где-нибудь в деревенской глуши, а в начале 1970-х мы купили дом в деревне под Калязином. Мои наблюдения над подробностями окончательного умирания деревни вызывали у нее неподдельный интерес.

Подтверждением этого был следующий эпизод. Как-то она мне позвонила и сказала, что читает “гениальную” книгу, которую хочет обязательно мне дать. Как оказалось, речь шла о повести Василия Белова “Привычное дело”. Это был единственный случай за все годы нашего знакомства, когда я услышала от нее определение “гениальная” по поводу современной литературы. Ее оценка книги автора, которого я даже не знала, меня поразила. Когда Н. Я. вручила мне сборник Белова, она сказала, что наконец-то русская литература в лице Белова выполнила свой долг перед крестьянством, талантливо поведав о его трагедии в советской России. (Конечно, это мой пересказ ее слов.) Потому и не скупилась на похвалы бескомпромиссной правде беловского повествования.

Вернусь еще к рассказу о любимых приятельницах Н. Я.

Не буду здесь повторять уже многое известное о замечательной женщине — Наталии Евгеньевне Штемпель, воронежском

друге Мандельштамов, адресате его изумительных стихов. Н.Я. ее нежно и преданно любила, и она отвечала ей тем же. Это были совершенно особые отношения, навечно скрепленные памятью о Мандельштаме. Обе они сами об этом подробно рассказали в своих воспоминаниях.

Хочу, однако, добавить к нескольким строкам в воспоминаниях ее друга А.И. Немировского о чуде, случившемся с Н.Е. в детстве, слышанный мною ее более подробный рассказ об этом событии.

Однажды незадолго до кончины Н.Я. мы сидели с Наташей (так она просила меня ее называть) на кухне вдвоем. Н.Я. дремала в своей комнате. Разговор зашел об удивлявшей Наташу религиозности Н.Я. На мой вопрос о ее отношении к вере она ответила, что совсем нерелигиозна, хотя, добавила она, “со мной было чудо”. Я упросила ее о нем рассказать.

Я запомнила этот поразительный рассказ во всех деталях, так как позднее она по моей просьбе подробно описала это событие запомнившимся мне по-детски старательным почерком в школьной тетрадке, полученной мною уже после кончины Н.Я. К сожалению, я не смогла вовремя отправить эту тетрадь в архив Мандельштама, и она была изъята у меня при обыске по делу одного моего приятеля в 1985 году¹.

Вот ее рассказ. Она в детстве была больна костным туберкулезом тазобедренного сустава. Процесс принял угрожающий ее жизни характер, так как в области бедра образовалась открытая гнойная рана, вызвавшая высокую температуру. Она уже не вставала с кровати, врачи были бессильны ей помочь. Ей было двенадцать или тринадцать лет. Как-то к вечеру к ней зашла школьная подруга прямо из храма, где хранилась чудотворная икона Митрофания Воронежского. Выслушав рассказ девочки об иконе, Наташа, воспитанная интеллигентной и совсем нерелигиозной мамой-учительницей, вдруг почувствовала непреодолимое желание увидеть эту икону. На ее горячие просьбы отвезти ее в церковь мама пришла в негодование. Тем более была зима, вечер, а она с температурой, да еще лежачая. “Как мы тебя отвезем?” — вопрошала мама.

Неожиданно к ним зашел дядя Наташи, который был главой их семьи, так как ее отец давно ушел из семьи. Как и мама Наташи, дядя был неверующим. Но, подумав, вдруг сказал: “Надо отвезти”. Ее завернули в шубы и положили в сани. Когда ее внесли в церковь, дядя поставил ее перед аналоем, на котором лежала икона св. Ми-

.....

1

Эта тетрадь, как и некоторые другие материалы, была потеряна в прокуратуре.

трофания. И, как она мне сказала, ее внезапно охватило состояние необыкновенного блаженства, такого блаженства, которое невозможно описать словами и какого она больше никогда не испытывала. Через несколько дней ее рана, к вящему удивлению врачей, начала заживать, а вскоре и самый туберкулезный процесс прекратился. “Вот такое было чудо”, — как-то спокойно сказала Наташа.

Я впервые видела чудодейственно исцеленного человека, причем человека, который не был подвержен никаким религиозным самовнушениям и мистическим фантазиям. “И после этого вы не стали верующей?”

“Не стала”, — ответила Наташа.

“Ну что ж, — подумала я тогда про себя, — она сама стала чудом — женщиной редчайшей чистоты, любви и сострадания. И ведь стихи Мандельштама обращены к ней, как к ниспосланному ему чуду”.

Были еще у Н. Я. и другие дорогие подруги, уже ушедшие из жизни, но бывшие для нее далеко не случайными привязанностями.

Одна — Наталья Владимировна Кинд (Рожанская), доктор геологических наук, о чем никогда не говорилось. Я, например, часто с ней встречаясь и бывая у нее в гостях, узнала о ее научной степени случайно. Она была человеком той же закалки, что и Н. Я., и все свои заслуги не принимала всерьез, хотя в профессиональном кругу ее знали и уважали как одну из открывательниц алмазных залежей в Якутии. Шумная, общительная, расположенная к людям, она обладала даром бесшабашного веселья. Имея за плечами несколько поколений петербургских интеллигентов, она предпочитала в общении повадки участника геологических экспедиций, с их песнями, анекдотами, шутками и т.п. Вот кто умел “подыграть” Н. Я., оставляя дома свои заботы, горести и неурядицы.

Другая — подруга из прошлых лет — Елена Михайловна Аренс. Та, которая, будучи женой расстрелянного дипломата, матерью двух маленьких сыновей, не побоялась приютить Н. Я., когда та бежала от “чекистов” в Калинин. Н. Я. всегда с благодарностью об этом помнила. Но дело не только в этом. Елена Михайловна сама по себе была чрезвычайно привлекательна. Она пленяла породистостью вымершего ныне типа русских женщин “из бывших” — обладательниц светской непринужденности, обаятельной женственности и внутренней несокрушимости перед лицом бед и утрат, выпавших на их долю. Ничто не могло заставить ее изменить своему юмору высокой пробы, который окрашивал всё, что она говорила своим обольстительно-прокуренным басом. Н. Я. всегда восхищалась ее прекрасным русским языком. Было видно, что она из тех женщин, от которых мужчины сходили с ума.

Так оно и было, по словам Н. Я. и Е. М. Фрадкиной, знавших ее в молодости. Я пишу о ней, потому что в сердце Н. Я. она занимала прочное место. И по праву: что может быть прекраснее этих женщин, ровесниц века, несмотря ни на что никогда не нывших о невзгодах, старости и болезнях!

Однажды я присутствовала при встрече Н. Я. с вдовой Бенедикта Лившица. Она поразила меня своей элегантностью и моложавостью, особенно по сравнению с Н. Я., одетой, как любая старушка из подъезда, в свой неизменный москвошвеевский ситцевый халат за 5 рэ. Они не виделись вечно, и встреча была душераздирающей. Держась за руки, они сидели рядышком на диване, пристально вглядываясь в лица друг друга, как две сестры по несчастью. Я вскоре ушла, чтобы не мешать, и о чем они говорили, не знаю.

С особой нежностью Н. Я. говорила о “Левке” — Льве Николаевиче Гумилеве, которого знала с детства. О его конфликте с А. А. Ахматовой Н. Я. говорила с сочувствием и болью, но твердо настаивала: “Таким надо всё прощать”, имея в виду его страшную судьбу. Она очень переживала всю историю с ахматовским архивом, полностью разделяя позицию Л. Н. Гумилева, хотевшего передать его в Пушкинский Дом. Семью же Н. Н. Пунина, продавшую архив в ЦГАЛИ, этот, по ее словам, “филиал КГБ”, всячески клеймила, не берусь судить — по делу или нет. Я Льва Николаевича не знала, хотя он всякий раз, приезжая в Москву, у нее бывал.

Только как-то придя к Н. Я., увидела в передней незнакомую пару. Закрыв за ними дверь, она сказала: “Левка приводил ко мне знакомиться свою жену. Говорит, что нашел наконец свою «половинку». Очень была за него рада”.

О ком из прошлого на моей памяти Н. Я. говорила с симпатией?

Конечно, о “Левушке” (Льве Александровиче) Бруни, замечательном художнике и обаятельнейшем человеке по отзывам всех, кто его знал. Помню, очень хорошо Н. Я. отозвалась об Иване Александровиче Аксёнове, когда я поделилась своими впечатлениями от его книги “Пикассо и его окрестности”, мною тогда прочитанной. Я о нем почти ничего не знала, а он меня очень заинтересовал. Но Н. Я. была, как всегда, лаконична, сказав только, что он был замечательной крупной личностью. Зато рассказала, как его жена Сусанна Мар встретила ее в Гослитиздате, когда после многолетнего перерыва она появилась в Москве: “Сусанна бросилась ко мне с объятиями и радостными воплями при настороженном молчании присутствующих”. Такое запоминается.

Однажды у нас возник разговор о Хлебникове, которым я особенно увлекалась в ранней молодости. Она сказала, что Ман-

дельштам его очень ценил. Далее последовал рассказ о том, как вскоре после Гражданской войны Хлебников, вернувшийся из своих странствий по Азии, оказался в голодной и холодной Москве без жилья и пайка: его забыли включить в какие-то писательские списки, кажется, составлявшиеся во вновь организованном Союзе писателей под председательством Н.А. Бердяева. Беспомощный в житейских делах Хлебников оказался в бедственном положении, и Мандельштамы пригласили его столоваться у них. Где он жил, они не знали. Но каждый день Хлебников регулярно приходил к ним “на обед”. На мой вопрос, о чем же говорили Мандельштам с Хлебниковым — два таких поэта? — Н.Я. ответила, что он приходил, молча садился за стол, молча съедал предложенную пищу и, не сказав ни единого слова, уходил. При этом она с удовольствием отметила, что никто из них не испытывал ни малейшей неловкости, — настолько его всегдашняя погруженность в себя выглядела естественно.

Как-то раз, не помню, в какой связи, Н.Я. благосклонно отозвалась о Владимире Нарбуте, человеке прихотливой биографии и трагической судьбы (погиб в ГУЛАГе). Его поэзию она оценивала не слишком высоко, но принимала. М. Зенкевича она назвала “случайной фигурой среди «акмеистов””.

Из людей, встреченных в более поздние годы, Н.Я. при мне неоднократно упоминала Александра Александровича Любищева, крупного биолога, работавшего над проблемами номогенеза и ярого антилысенковца. Они познакомились и сдружились, когда Н.Я. преподавала в ульяновском педвузе, читая историю английской грамматики. Она считала его интересным, оригинальным мыслителем и прекрасным человеком, всегда готовым поддержать гонимых советской властью. Например, Нину Алексеевну Кривошеину и четырнадцатилетнего Никиту, оставшихся после ареста Игоря Александровича Кривошеина, вернувшегося в 1947 году из Франции на Родину и обвиненного, кажется, в покушении на Сталина.

Однажды я ей рассказала, что коллекционер Г.Д. Костаки “откопал” очень интересного, полузабытого художника — Климента Редько, купив у его вдовы целый ряд абстрактных полотен, а также большую ошеломившую всех картину “Восстание” (1925). Она представляла собой довольно зловещую “формулу” коммунистической утопии со всеми ее атрибутами: фантастическим “новым” миром, напоминавшим концлагерь, и полной “иерархией” вождей, начиная с большой фигуры Ленина, поменьше Троцкого и кончая еще совсем маленьким Сталиным.

Н.Я. с интересом слушала. Редько оказался ее большим другом еще с киевских времен.

Конечно, я в нее вцепилась с вопросами. Но она в своей телеграфно-пунктирной манере только “отпечатала”: “Климент — художник и стоящий человек”. Ничего более подробного я от нее не добила, кроме краткого рассказа о том, как они сидели на Тверском бульваре после его возвращения из-за границы (он был несколько лет во Франции) и он рассказывал о Париже. Тогда она еще была художницей и пыталась работать. Наверное, это было, когда Мандельштамы жили в Доме Герцена.

Жалею, что не расспрашивала Н. Я. о ее киевском периоде, когда она училась в студии Александры Экстер, дружила со своими однокашниками — С. Юткевичем, И. Рабиновичем, Г. Козинцевым и др. Я, чувствуя ее усталость от “прошлого”, да и в силу своей нерасторопности редко умела задать “хороший” вопрос. (Между прочим, как мне стало известно, Н. И. Харджиев сумел уговорить ее написать об этом периоде воспоминания. Они хранились в его архиве, вывезенном в Амстердам, а частично в переданном из таможи в РГАЛИ. Но это было, по-видимому, достаточно давно.)

Теперь же она по возможности избегала предаваться развернутым устным воспоминаниям, отделяясь обычно двумя-тремя фразами. Помню, что как-то при мне к ней пришел юный Саша Парнис с разными вопросами о школе Александры Экстер. Но как он ни бился, она только отмахивалась рукой от его вопросов. Было прямо-таки жалко видеть, как его исследовательский энтузиазм наткнулся на ее полное безразличие к своему прошлому.

5 .....

Ее молодая жизнь давно прошла и казалась чьей-то чужой. “Не может быть, что это была я”, — с таким ощущением она иногда всё же позволяла себе “поворошить” свое прошлое. При этом она руководствовалась выдвинутым ею афоризмом: “Молодость — это болезнь”. Да, теперь в старости я согласна, что только так многое в молодости можно хоть чем-то объяснить.

Как-то она рассказала, что “сошлась” с Мандельштамом, появившимся в Киеве, в тот же день, когда состоялось их знакомство. Удивляясь себе, она вспоминала, что в духе тех “революционных” времен, перевернувших “устои”, она, как и многие ее друзья, придерживалась весьма вольных нравов и особого значения близости с Мандельштамом не придавала. Гражданская война их разлучила, и она, не слишком горюя, считала, что навсегда. Но когда он ее нашел, чтобы назвать женой, она, ни минуты не колеблясь, приняла свою судьбу.

Кажется, она об этом писала в одной из своих книг. Теперь рассказ звучал как-то отчужденно, как о ком-то другом.

В таком же тоне прозвучал ее ответ на мой вопрос, кто был этот “Т.”, который пришел за ней и ее чемоданом, когда она решила оставить Мандельштама, “доставшего” ее своей влюбленностью в Ольгу Ваксель. “Татлин”, — сказала она с полным безразличием.

Я так и подпрыгнула. Татлин, лучший из лучших художников авангарда, был моим кумиром. Я пыталась выведать, каким он был, чем покорила. Но она поставила точку на моих придыханиях, заявив, что он был “идиот”. Меня это очень огорчило. Хотя действительно, по сравнению с Мандельштамом, любой мог оказаться “идиотом”.

Однажды Н. Я., в минуту откровенности, поведала мне, что их интимное партнерство строилось на том, что он “любил внезапно нападать”, а она — “оказывать сопротивление”. Я пишу об этой интимной подробности только потому, что, как мне кажется, подобный характер любовной игры исключает необходимость в “третьем”, как нам пытается внушить некая мемуаристка.

Вообще я замечала, что у Н. Я. не было “священного” отношения к интимным секретам, как своим, так и чужим. Она могла прямо “в лоб” спросить: “У вас есть любовник?” Меня такая прямота крайне шокировала, как и ее попытки обсудить чьи-то личные отношения. Но в этом не было никакой “патологии”. Скорее — давняя привычка к неприятию всяческих табу, установленных обветшалой моралью.

Этим неприятием Н. Я. любила щегольнуть: “Лилю Брику я уважаю: она профессионал”. Или со смехом повторять “*тог*” одной своей подруги, которая на упреки в том, что “живет с друзьями своего мужа”, отвечала: “А что же, мне жить с его врагами?”

Разумеется, всё это говорилось с юмором, не на полном “серьезе”. Но моралистом она действительно не была. Например, романы своих знакомых она приветствовала как нечто жизнеутверждающее. Никогда не упускала случая “похвалить” Н. И. Столярову, которой приписывала мнимое обилие любовных связей, хотя сама, овдовев в тридцать семь лет, прожила долгую жизнь с дорогой тенью в чуждом мире. Таков был ее выбор. Другим она его не навязывала.

Однажды после телефонного разговора, при котором я присутствовала, она мне “пожаловалась” на М. В. Юдину, донимавшую ее требованиями повлиять на Наташу Светлову “отказаться” от Солженицына, которому первая жена не давала развод, хотя у него была уже новая семья. Н. Я. категорически отказывалась поддержать обвинительный пафос М. В. Юдиной, ссылавшейся на христианский догмат о нерасторжимости брака. Ей подобный аргумент казался просто смешным и никак не оправдывал какое бы то ни было вмешательство в сложную семейную ситуацию.

Но когда кто-нибудь из ее посетителей и даже друзей оставлял жену ради более молодой партнерши, она твердо вставала на сторону «пострадавшей», решительно отказывая от дома «виноватому», даже ей небезразличному. Так было не однажды на моей памяти (конечно, обойдусь без имен). Здесь срабатывала не только женская солидарность, но и ее убежденность в принципиальном различии между «блудом» и предательством. Не признавая «мораль», Н. Я. всерьез и строго относилась к вопросам нравственности, в каком-то смысле противопоставляя эти понятия.

В этой связи вспоминается разговор, затеянный Н. Я. в весьма избранном обществе, о том, что такое русский интеллигент. Эталоном этого понятия она считала сельского учителя XIX века. На этот раз на ее кухне было довольно много народу. И каждому присутствующему она предлагала назвать хоть одного своего знакомого, соответствующего требованиям этого эталона. Задача оказалась вовсе не простой. Помню, обсуждались кандидатуры М. К. Поливанова, его друга С. С. Хоружего, которым уж никак нельзя было отказать в интеллигентности.

Биргер предложил своего друга композитора Эдисона Денисова, что вызвало ее негодование: «Борька, вы не понимаете, мы говорим не о так называемой творческой интеллигенции, а совсем о другом». Все предложенные «кандидаты» были ею отвергнуты. Н. Я. заявила, что интеллигентов, подобных российским сельским учителям, попросту больше не существует. Нельзя было с ней не согласиться.

Действительно, эталон «сельского учителя», с его жертвенным самоотречением ради *служения* демократическим идеалам и народу, определявшим его нравственный кодекс, стал достоянием истории, когда интеллигенции была навязана роль «прослойки», обслуживающей идеологию. И хотя описанный разговор происходил во времена начавшегося противостояния этой идеологии, извращенное понятие «русский интеллигент» продолжало оставаться всего лишь знаком профессиональной принадлежности. Потому Н. Я. и настаивала на том, что интеллигентность, в которой она отнюдь не отказывала присутствующим и их кандидатурам, и классический «русский интеллигент» — явления несопоставимых ценностных уровней. Блестящие умы и специалисты — да, таланты — да, но все с детства соприкасались так или иначе с советской действительностью и все оказывались фатально замкнутыми в кругу своих творческих или научных интересов. Так распорядилась история страны.

Между прочим, «советскость» Н. Я. замечала и в приемах диссидентов, хотя в целом диссидентскому движению сочувствовала, собирала деньги, а некоторым его представителям, например, Вере Лашковой, очень симпатизировала.

По моим впечатлениям, отношения Н. Я. с новыми людьми складывались довольно часто в “игровом режиме”, что определяло их ненадежность. Неудивительно, что они могли быстро изнашиваться, исчерпываться. Н. Я., как я замечала, могла ради какой-то даже благой цели распорядиться любимым, как это было хотя бы со мной, или вообще прекратить знакомство по самому неожиданному поводу. А то и просто устав от кого-то, заскучав с кем-то. Я стала замечать, что на ее кухне происходит постоянная “текучка” персонажей. Одни появляются, другие исчезают.

Так было у Н. Я. с В. Т. Шаламовым, который, по ее инициативе познакомившись с ней, одно время, как я знала, довольно часто у нее бывал. Я как-то его у нее застала и почувствовала, что он недоволен вторжением “посторонней”: их общение было очень доверительным. Человека с такой биографией она не могла не уважать. Но довольно скоро они в пух и прах рассорились из-за А. И. Солженицына, к успеху которого, как сказала Н. Я., Шаламов “ревновал”, считая его славу якобы незаслуженной. Н. Я., очень высоко ценившая автора “Одного дня Ивана Денисовича” и “Архипелага ГУЛАГа”, вступила в споры, и отношения были прерваны. При этом она жалобно приговаривала: “За что Шаламов отлучил меня от ложа и стола?”

Поистине скандальным стал разрыв Н. Я. с Н. И. Харджиевым, получив довольно широкий резонанс в околολитературных кругах. Как я уже писала, я говорила на эту тему с Н. Я. и хочу кое-что из известного мне добавить к сказанному ранее.

Меня больше всего огорчало различие между заявленными доверием и согласием в адрес Харджиева в “Воспоминаниях” с гневными инвективами во “Второй книге”. Я считала, что это не может не производить на всех неприятное впечатление. Ее это “соображение” совершенно не трогало.

Зная, как охотно интеллигентская элита использует любой повод, чтобы осудить и неприязненно посудачить, что и произошло после появления “Второй книги”, читая ее еще в процессе написания, я наивно пыталась убедить Н. Я., что не стоит выносить на люди происшедшие перемены в их отношениях. Но куда там! Она закусила удила и на все мои увещевания твердила: “так надо” или “пусть знают”.

Всё же из этих разговоров я поняла, что их расхождения начались прежде всего на почве текстологической работы над неопубликовавшимися стихами Мандельштама, готовившимися к долгожданной публикации в “Совписе”. Она уверяла, что Харджиев в ряде случаев настаивал на публикации автографов, “находившихся в его распоряжении”, не считаясь с ее возражениями, основан-

ными на ее неоспоримом знании окончательных вариантов. По ее убеждению, его больше всего занимало самоутверждение в качестве главного арбитра, как это ему действительно было свойственно, нежели принятие правильного решения. Разумеется, я ни в какой мере не берусь судить, кто прав, а кто виноват в сложных текстологических спорах. Однако репутация Харджиева как маниакально ревнивого “собственника” поистине несметных архивных материалов и вообще крайне амбициозного человека мне, как и многим, была давно известна.

Во всяком случае, расхождения были принципиальными. Это был конфликт “свидетельницы поэзии”, обладавшей, кстати, очень “натренированной” памятью, не говоря уж о слухе, на стихи Мандельштама, всего лишь со “знатоком” поэзии, пусть и авторитетным.

Думаю, что была еще одна — “тайная” — причина их ссоры: Харджиев всегда прочил в первые русские поэты XX века Маяковского, за что Н. Я., возможно, “имела на него зуб”.

Откровенно говоря, ее обида в данном случае мне понятна, хотя признаю, что вопрос о первом поэте — дело вкуса и потому неразрешим.

Когда сборник вышел из печати, Н. Я. буквально его возненавидела. Из-за медлительности Харджиева момент благоприятной конъюнктуры был упущен. Редакторы сборника немилосердно его “обкорнали”, а предисловие Л. Я. Гинзбург было заменено на, мягко говоря, “компромиссную” статью Дымшица — для “проходимости”. Само соседство этой замаранной фамилии рядом с именем Мандельштама было для Н. Я. непереносимым оскорблением его памяти. Брезгливо приговаривая “не хочу держать в доме эту гадость”, она раздавала сборник всем желающим, например, мне. Перелистывая его, я заметила тут и там различного рода пометки, касающиеся ее несогласий, а также и прямую брань в адрес составителя типа: “сукина сволочь” и даже “сукина б...”. Ее ярость была выражена, как видите, крайне резко, но, как всегда в использовании ругани, неумело и смешно.

Тогда же она жаловалась, что Харджиев не желает отдавать ей архив Мандельштама, не считаясь с ее правами единственной наследницы. Это было вполне в его “правилах”. Он славился в среде “вдов” и “сирот” тем, что, беря архивные материалы “для работы”, добровольно их не возвращал. Так было, например, с М. П. Митуричем-Хлебниковым, доверившим ему уникальные хлебниковские материалы, с семьей М. О. Гершензона (переписка Гершензона с Малевичем) и многими другими владельцами бесценных архивов, необходимых для изучения русского авангарда.

К счастью, Н. Я. в отношении своего архива поступила решительно. Когда я однажды, не предупредив, пришла к ней, она уже была в дверях в обществе двух молодых людей (Саша Морозов и кто-то еще незнакомый). Она сказала: «Едем к Харджиеву брать архив силой». Подействовало.

Грустная история...

6 .....

Книги Н. Я. создали ей свою, «отдельную» от Мандельштама славу. Она стала «Надеждой Яковлевной».

Что касается славы, то я уже писала, что она знала ей истинную цену. Но всё же то, что сопутствует славе, ее развлекало. Особенно ей нравилось, когда она приобретала «материальное выражение» в виде гонораров и разнообразных подарков: книг, предметов одежды и прочей невидали, вроде кофе, чая, виски и т.п. Заметьте, что речь идет о 1970-х годах, когда прилавки в магазинах пустовали. Подарки, книги она тут же раздаривала тем, кто в данный момент находился в ее квартире, а деньги тратились на еду и тоже на подарки. После десятилетий скудной жизни ей очень нравилось «кутить», купив в «Березке» что-нибудь из еды — полузабытое, «реликтовое», напоминавшее далекие «непайковые» времена.

Бывало, сидим у нее на кухне или в комнате, вдруг неожиданный звонок в дверь. Является очередной «Дед Мороз» — «оттуда с передачей»: колготки, шарфы, кофе, бутылки и т.д. Тут же всё распределяется — кому что. Отказаться невозможно. Всё это сопровождается хохотом, шутками, а то и распитием привезенной бутылочки. Вот когда шла настоящая игра в жизнь. Она обожала такие моменты.

Как-то я пришла к Н. Я. и застала целую компанию за столом на кухне в каком-то торжественном молчании. На столе стояла бутылка вина, но никто к ней не прикасался. Оказалось, что кто-то — Н. Я. не помнила, кто именно — принес бутылку итальянского вина «Папский замок». Все мы помнили строчки:

Я пью, но еще не придумал, из двух выбираю одно:
 Веселое асти-спуманте иль папского замка вино...

Тогда никто еще такого вина никогда не видел и даже считалось, что его название было вымыслом поэта. И вот оно здесь, перед нами! И никто не знает, откуда оно взялось! У всех было ощущение тайны... Наконец Н. Я. дала команду разлить вино по рюмкам. Пили его в благоговейном молчании.

Надя Хазина. Киев, [1902 г.].

V. Cuzemsky **AKIEFF**

Яков Аркадьевич Хазин,
отец Н.Я. Мандельштам.
Киев, [не ранее 1902 г.].

Cabinet Portrait

Вера Яковлевна Хазина,
мать Н.Я. Мандельштам.
Киев, [не ранее 1902 г.].

Cabinet Portrait

На переднем плане Женя, Надя, Анюта и Шура Хазины. Аббазия, 1906 г.

N. Suzemsky *A KIEFF*

Александр и Евгений Хазины. Киев, [1904 г.].

Надя Хазина.
Киев, конец 1900-х гг.

FR. DE MEZIER & KIEFF.

Вверху: Киев, Рейтарская улица. Возвышается дом 25, где жила семья Хазиных. Фото начала XX века.

Внизу: Киев. Гимназия А. В. Жекулиной на Львовской улице. 1910-е гг.

Надежда Хазина —
гимназистка.
Киев, начало 1910-х гг.

Visit Portrait

Надежда Хазина.
Киев, начало 1910-х гг.

Visit Portrait

АТТЕСТАТЪ.

Данъ сей *двери призначена поворенна*
Казимиръ Найденъ Яковлевичъ

вѣроисповѣданія, родившейся въ *Сарафовъ*
18го октябрия 1899 года

въ томъ, что она вступивъ въ Кіевскую женскую гимназію *А. В. Жекулиной*
14го августа 1909 г., при *отличномъ*

поведеніи, обучалась по *28го августа* 1917 г., и кончила полный
восьмиклассный курсъ, по программѣ мужскихъ гимназій, при чемъ обнаружила
нижеслѣдующія познанія:

Въ Законѣ Божіемъ	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
„ Русскомъ языкѣ и словесности	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
„ Философской пропедевтикѣ	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
„ Законовѣдѣніи	<i>пять</i>	<i>(5)</i>
„ Латинскомъ языкѣ	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
„ Математикѣ	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
„ Физикѣ	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
„ Космографіи	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
„ Исторіи	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
„ Географіи	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
„ Нѣмецкомъ языкѣ	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
„ Французскомъ языкѣ	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>
„ Англійскомъ языкѣ	<i>четыре</i>	<i>(4)</i>

Примѣчаніе: Отмѣтка 5—обозначаетъ познанія и
успѣхи отличные, 4—хорошіе, 3—удовлетворительные.

На основаніи чего и выданъ *Казимиръ Найденъ*
сей аттестатъ,

Надежда Мандельштам.
1923 г.

Внизу: Киев. Гостиница “Континенталь” (справа).
Открытка 1910-х гг.

Осип Манделъштам.
1919 г.

Внизу: Дом (справа), где жили на углу Крещатика и Институтской улицы
Хазины. Фото 1910-х гг.

г. Кіевъ — Kiev
Институтская улица — Rue d'Institut.

Милый другосек! ^{13/2}

Получила ~~ваше~~ 13 октября

~~ваше~~ телеграмму, отправ-
лено 18 сентября. Зубов келотки
и очень беспокоило. Спрашиваю
вашую, как вы протече

Зубов ходит всякий спрашиваю
случки с доктором, я очень рад
и вашей. Поешам вам
милый с Исааком, Вы
во верь рите в Кариков
и Вам все расскажет,
А я о вам, как мы

Дети мои милые!

Нет, может никак не надежд; что
 это письмо дойдет. Там же идет
 в Киев через Одессу Колячевский.
 Молю Бога, чтобы он услышал, что
 и скажу. Делю мое, а без тебе не
 могу и не хочу, ты все мое разуб
 ты родная моя, что для меня утеш
 как божья рука. Ты мне слышишь
 боже родной, что во время я говорю с
 тобой, говорю тебе, маню тебя. Ты
 всем, обо всем, могу сказать божьей
 "Разрешь мою старую!" Ты для мамы своей
 "книжка" и для меня такая же, книжка
 я радуюсь и Богу благодарю за то, что он
 дал мне тебе. Мне с тобой ничего не ст
 деет страшно, ничего не боюсь...
 Твое отчаяние ланка, перепачканная утеш, что

Осип Мандельштам.
Снимок штатного фотографа
журнала "Огонек".
Москва, 1923 г.

Надежда Мандельштам.
Фотография ателье
М. Фельглендер.
Ялта, [1926 г.].

Надежда Мандельштам.
Москва. [1925–1927 г.]

*Вверху: Элеонора Гурвич, Осип Мандельштам, Надежда Мандельштам.
Москва, [зима] 1931 г.*

Внизу: О. Э. Мандельштам. Рисунки В. А. Милашевского. 1932 г.

*В. А. Милашевский
32*

Ольга Ваксель.
Ленинград, 1931 г.

Мария Петровых.
1930-е гг.

Александр Мандельштам, Мария Петровых, Эмилий Вениаминович
Мандельштам, Надежда Мандельштам, Осип Мандельштам, Анна Ахматова.
Москва, Нащокинский переулоч. 1934 г.

Борис Сергеевич Кузин.
1930-е гг.

Елена Михайловна
Фрадкина. 1940-е гг.

Екатерина Константиновна
Лившиц. 1960-е гг.

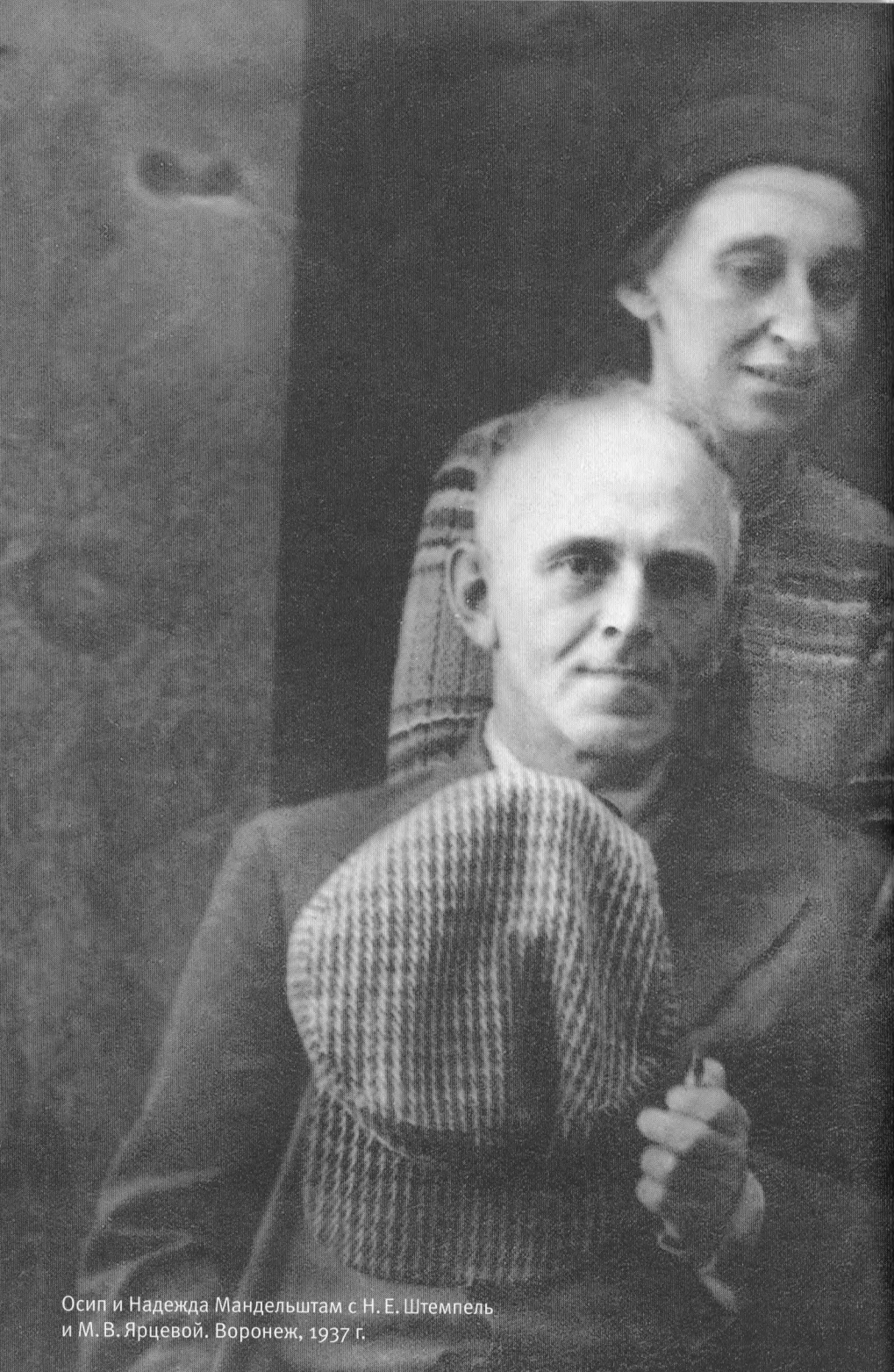

Наталья Евгеньевна Штемпель.
1930-е гг.

Сергей Борисович Рудаков.
1930-е гг.

Осип и Надежда Мандельштам с Н. Е. Штемпель
и М. В. Ярцевой. Воронеж, 1937 г.

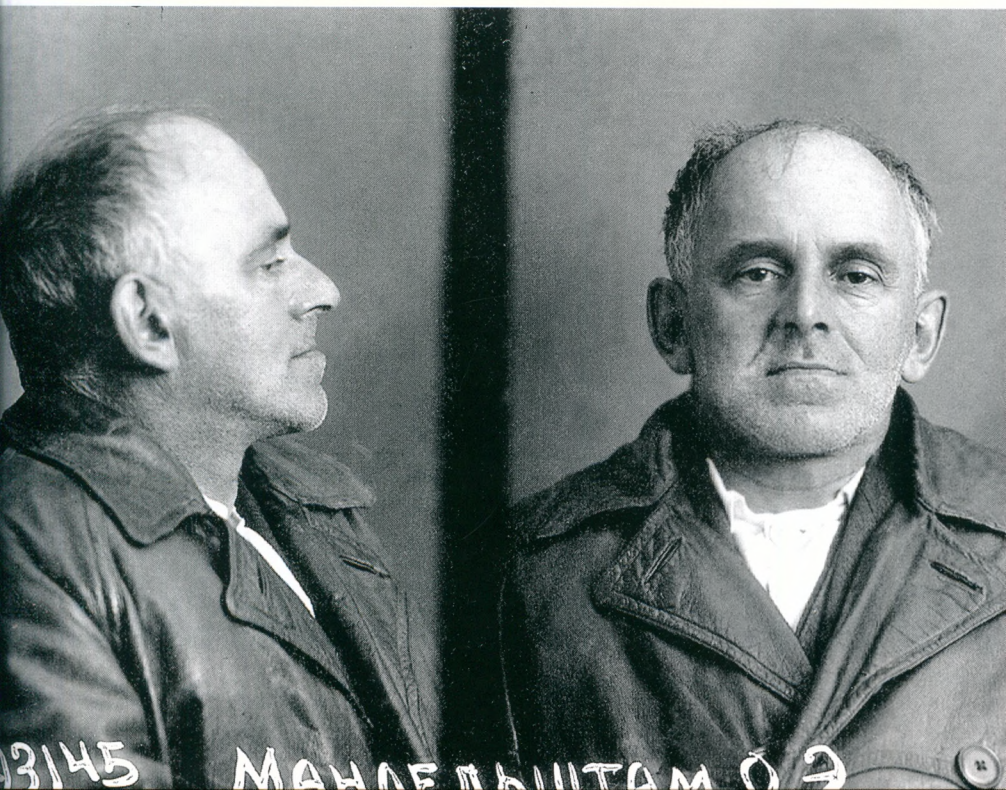

О. Э. Мандельштам. Рисунок А. А. Осмеркина. 1937 г.

Вверху: Фотографии из следственного дела ОГПУ СССР. 17 мая 1934 г.
Внизу: Фотографии из следственного дела НКВД СССР. Май 1938 г.

Н. Я. Мандельштам. [Калинин, 1938 г.].

Однажды были доставлены подарки от Артура Миллера, в том числе довольно невзрачная старушечья кофта неопределенной расцветки. Она была с деланным негодованием забракована: «синтетику я не ношу!» Эта кофта, отданная мне, долго вспоминалась недобрым словом, не то что постельное белье от Набокова каких-то палевых тонов с нежнейшими цветами. В набоковских простынях Н. Я. провела, по-моему, всю оставшуюся жизнь, быстро высушивая его после внеочередной стирки. Как никто, она умела забавляться всеми этими подношениями, оставляя самую малость себе и щедро делась маленькими «радостями жизни» с присутствующими. Только однажды Н. Я. поддалась уговорам оставить себе присланную ей роскошную дубленку — мягкую, нежно-бежевого цвета, отделанную тесьмой. Просто произведение искусства. Ничего подобного в Москве тогда не было даже у самых завязтых модниц. Увы, она была ей чуть узковата. Я взялась ее расширить, не нарушая ее красоты. Раз два Н. Я. ее надела, но потом категорически отказалась от такой «роскоши» и подарила дубленку, кажется, Нонне Борисовой. Но это всё мелочи, если вспомнить, что она купила квартиру Лене Крандивской, а позднее еще одной своей помощнице.

Правда, ей нравилось, когда ее тоже баловали, приносили цветы или что-нибудь «вкусненькое», дарили какие-нибудь «цацки», которые она, немножко в них поиграв, передаривала кому-то, кто оказывался под рукой. За всем этим проглядывала маленькая Наденька, баловень отца, бывшая, по ее словам, большой своевольницей и проказницей. Так, иногда она, валяя дурака, «алчно» отбирала у кого-нибудь из нас увиденное украшение — цепочку, бусы, серьги. И тут же демонстрировала их на себе, сознавая комизм получившегося эффекта: она, при ее-то внешности, украшенная, как рождественская елка. А в следующий раз эти украшения оказывались на ком-нибудь другом или возвращались владельце.

В ее ритуале «игры» особое место занимали поездки с кем-нибудь в «Березку», чтобы уж «разгуляться» вовсю. Не раз и мне пришлось, как и многим другим, поучаствовать в этих «налетах». Приедешь к ней, а она говорит: «Берите такси, поедем гулять». Такую «роскошь» она теперь могла себе позволить. Не успеет сесть, как раздается ее приказ: «На Профсоюзный проспект в «Березку». — «Как? Мы же хотели кататься!» Это был ее любимый трюк. В «Березке» она принимается одевать своего спутника, невзирая ни на какие возражения.

Так мне, вопреки моему желанию, была куплена куртка-дубленка, названная ею потом «мандельштамка». Господи, как я сопротивлялась! Моим главным аргументом, притом искренним, была опаска, что в этой куртке я буду походить на даму-комиссара из «Оп-

тимистической трагедии”. Но и это не помогло. “Мандельштамка” была мне присвоена чуть ли не в знак почета, поскольку Н. Я. не упускала случая напомнить, что таких курток всего три: у нее, у Вари Шкловской и у меня. Когда я появлялась не в “форме”, она учиняла мне “взбучку”. А мне в ней всегда было как-то не по себе: не мой стиль, что ли. В результате ее забрал у меня мой сын Володька, которого Н. Я. привечала, и у него ее украли в какой-то забегаловке. Очень страшно было признаваться, но Н. Я. меня помиловала.

Как-то раз Н. Я. особенно разрезвилась в “Березке”, покупала шарфики, предметы туалета для “девчонок” и очень настаивала на покупке подарка для моего мужа. Я вопила, что он профессор, то есть имущий, и обойдется. Она не сдавалась. В конце концов я согласилась на нижнее белье, поразившее наше воображение какими-то невиданными узорами и орнаментами. Оно было предназначено для сольных танцев в подпитии и использовалось для этого много-много лет. К сожалению, Н. Я., мечтавшей увидеть это зрелище, не удалось его “вкусить”, за что она не раз меня упрекала.

Думаю, не одну меня смущало вводить ее в расходы. Но ей так нравилось одаривать людей, отдаваясь своей природной щедрости. Всю жизнь ей приходилось “просить”. Наконец-то она могла “давать”. Было видно, что для нее это счастье. В ее окружении, по-моему, не осталось никого, кто бы не получил подарка. Немудрено, что под общий смех мы порою обнаруживали себя одетыми в одинаковые брюки, свитеры, косынки и т.п.

В последние годы Н. Я. почти всё время лежала в кровати. Правда, знавшие ее в молодости Е. М. Фрадкина и Е. М. Аренс уверяли, что они с Мандельштамом частенько “валялись” по тахтам и кроватям. Теперь к привычке прибавились слабость и болезни. И она нуждалась в постоянной помощи. Конечно, все мы готовы были принять в этом участие. Но в основном заботы об Н. Я. о. Александр возложил на своих духовных чад, которые попеременно дежурили около нее, сменяя друг друга.

Надо сказать, что Н. Я. удивительно умела ладить со своими многочисленными помощницами. Она была и благодарна, и ласкова, и, главное, умела обогатить и эту ситуацию своим неистощимым юмором. Например, она нарочито капризно, по-детски скрипела своим прокуренным голосом: “Хочу есть...” Нельзя было не подхватить этот тон, не включиться в игру в “дочки-матери”. Вот одна из ее записок кому-то из знакомых, случайно оказавшаяся у меня: “Я болею. У меня пролежни, а я говорю, что вырос хвост. Обратное развитие: скоро превращусь в собаку, потом в рыбу. Старость — радость, только старческие немощи — худо...” Думаю, что многие, облегчавшие ей жизнь в последние годы, до сих пор скупа-

ют по той шуточной атмосфере, которую она создавала вокруг себя, невзирая на тягости и невзгоды.

Иногда Н. Я. очень веселилась, что к ней “на поклон” потянулись вереницы разноязыких славистов и прочих иностранцев. (Не говорю о серьезных встречах, касавшихся изучения мандельштамовского наследия.) Однажды меня попросили представить ей француза — специалиста по Достоевскому и Веничке Ерофееву — Жака Катто. Это был маленький толстячок, неплохо говоривший по-русски и явный любитель хорошо поесть. Что-то в нем на вид было вызывающе прозаическое. Будучи, как мне сказали, сыном кухарки, он добился успеха в карьере, был где-то профессором и слегка “надувался”, “давал понять”. Когда он увидел нашу “знаменитость” в непрезентабельном платье, в убогой квартире, у него явно проснулась сентиментальная часть его души. И охмелев буквально от двух рюмок водки, он упал лицом в тарелку и разрыдался. “Где вы взяли этого дурня?” И на мои слова о жалости “буржуа” к “бедной вдове” она еще пуще веселилась. Серьезный разговор, на который француз, очевидно, рассчитывал, так и не состоялся.

Очень смешной получилась встреча незнакомой славистки из какой-то латиноамериканской страны. Узнав о ее визите, Н. Я. стала прочесть ее в “невесты” Женичке Левитину. Когда явилась эта дама, лет под шестьдесят, в каком-то немыслимом туалете, все так и покатились. Разобрать в этом хохоте, что ей нужно, было просто невозможно.

Подобных эпизодов было немало. Так что “слава” являлась Н. Я. и в комическом обличье.

Но однажды мне пришлось быть участницей более интересной встречи, о которой хочу рассказать поподробнее. Как-то Н. Я. обратилась ко мне с просьбой принять ее у нас в доме вместе с Мартой Геллхорн, бывшей третьей женой Хемингуэя, сопровождавшей его во время войны в Испании. Марта, жившая в Лондоне, прочла “Воспоминания” Н. Я. и, потрясенная, стала писать ей письма. Завязалась переписка. И вот летом 1972 года, когда стояла страшная жара и вокруг Москвы горели леса, она приехала туристкой, чтобы повидать Н. Я. Марта ей очень понравилась, и они сдружились.

Они явились к нам в сопровождении нескольких друзей Н. Я. Контраст между двумя “вдовами” был разителен. Как говорят, “два мира — два Шапиро”. Марта — роскошная блондинка неопределенных лет, в макияже, длинноногая, в открытой майке и джинсах. И наша — в москвошвее и платке, накинутом на плечи, на своих кривоватых ножках, со своим жидким пучочком и неизменной беломориной во рту. Н. Я. рассказала, что Марта, когда-то очень

известная журналистка, теперь проводит несколько месяцев в году в Африке, снимая диких животных, а потом издает альбомы.

Один из этих альбомов я видела у Н. Я. Живая и бодрая — жара-то ей нипочем! — Марта рассказывала о своей работе в Африке, Н. Я. переводила, делая попутно забавные комментарии. Например, когда Марта сказала, что она живет в своем бунгало и у нее есть негр-шофер, Н. Я. не удержалась ввернуть с одобрением: «с которым она, наверное, спит». Ну и так далее. Не могу не вспомнить, как Марта, рассказывая, что сопровождавший ее сын Микояна, писавший о Хемингуэе, приставал к ней с вопросами, назвала великого Хема «болваном». Она пообещала Микояну-сыну что-нибудь рассказать про «этого болвана» при условии, что он покажет ей дом Ростроповича, где тогда жил А. И. Солженицын. По-видимому, она умела отличать истинный героизм от напускнуго.

Запомнилось, как они сидели рядом на диване: победоносная Марта-антилопа и Наденька, вконец измотанная жизнью. И всё же именно она была победительницей. И Марта отдавала должное ее настоящей победе над настоящими врагами во имя настоящей цели.

И впрямь Н. Я. была живым свидетельством эпохи, а Марта — немножко глянцевого журнальной картинкой.

7 .....

Самым сокровенным в личности Н. Я. для меня была ее тайно-живая связь с «Осей». Это была не просто память сердца. Наедине, в глубине души она, казалось, жила в состоянии непрекращающегося диалога с мужем. Это был стержень ее внутренней духовной связи с Мандельштамом.

Мне пришлось однажды почувствовать, как реальна эта связь, когда она, нарушив обычай быть одной в день его ареста 1 мая, попросила меня приехать. Я воочию увидела, что та давняя боль — через тридцать с лишком лет! — всё так же остра и жива.

Не знаю, почему она меня позвала. Весь вечер мы почти не говорили. Она — непрерывно куря свой «Беломор», я — покуривая. Это вовсе не было похоже на ритуал. Просто Н. Я. считала 1 мая днем смерти Мандельштама, не зная, когда именно его не стало, и разрешала себе раз в году полностью наедине отдать своей непреходящей скорби. Какое было у нее лицо! Не умею описать. Словно все черты дрогнули и замерли, чтобы не жить. Наверное, как в тот страшный день, когда было бессмысленно плакать, кричать, взывать о помощи. Ведь убивали не только мужа, а такую «райскую птицу».

Позволю себе воспользоваться рассказом С. С. Аверинцева, который я услышала на вечере памяти Н. Я. 29 декабря¹.

Он вспомнил, как однажды попросил ее прочесть стихи Мандельштама, воспроизведя его манеру чтения. С. С. надеялся услышать, что манера чтения у Мандельштама была связана с музыкальной сущностью его поэзии. Н. Я. согласилась, глубоко сосредоточилась, напряглась, а потом, немного помолчав, сказала: “Не могу, Ося не велит”.

Никогда не забуду тихих вечеров в полуосвещенной комнате с горящей лампадой у образа Спасителя, когда она вдруг замолкала, будто ее мысли были где-то далеко-далеко...

В последние годы жизни Н. Я. всё чаще начинала разговор своим любимым “когда встретимся с Оськой...”. Далее иногда могло последовать что-нибудь в свойственной ей “сниженной” лексике. Мне она, например, как-то заявила, едва я вошла: “Когда встречу с Оськой, дам ему в морду”. “За что?” — возопила я. “За Сталина”. Имелись в виду стихи, обращенные к Еликониде Яхонтовой, яркой сталинистке, найденные Викой Швейцер в архиве. Об этом узнала накануне. Сердита была очень, как на живого.

Можно было услышать и такое: “Лелька, как вы думаете, мы увидимся с Оськой?” Ответа она и не ждала, зная, что никто на земле его не знает и что на встречу можно только уповать с верой, надеждой и любовью.

Вспоминая об этих интимных переживаниях Н. Я., я считаю необходимым заверить, что они не имели никакого отношения ни к суеверию, ни к какому-нибудь оккультному вызыванию “загробных” теней. Она твердо придерживалась ортодоксально-христианской веры в бессмертие души и не боялась смерти, а довольно нетерпеливо ее ожидала. “Что-то я зажилась”, — часто приговаривала Н. Я. Но, как и любой смертный, не могла не думать о том, что же будет “там”?

В этой связи мне невольно вспомнилось, как я, заметив в разговорах об Ахматовой какие-то новые интонации, захотела узнать в чем дело. Разъяснение было более чем неожиданным. Полушутя-полусерьезно Н. Я. проворчала, что Ахматова-де признавала ее права только “земной” жены Мандельштама, но “там” якобы, она полагала — всё будет по-другому, и “поэты будут принадлежать поэтам”. И вот ее точная фраза: “Она думала, что «там» она будет его женой”. Несмотря на явную, как мне показалось, нелепость этих

.....

слов, “ревность” Н. Я. была вполне серьезна, как будто речь шла о реальных сердечных правах¹.

Позднее, когда мне стало известно, что Ахматова не стала читать ее “Воспоминания” (правда, не от самой Анны Андреевны, с которой я не была знакома), я поняла, что Н. Я. была очень больно этим задета. Ведь Ахматова была для нее вторым после Мандельштама близким человеком. Может быть, Ахматова сочла, что “Наденька”, взявшись за “писательство”, вышла из роли любимейшей из жен, которую она ей предназначила в своих воспоминаниях о Мандельштаме, и не хотела признать ее в новом амплу знаменитой писательницы?

Думаю, надежда на “встречу” стала для Н. Я. живым источником ее не головной, а сердечной веры. Она была крещена при рождении, но только к старости стала “практикующей” христианкой. Ее духовником стал тогда еще молодой о. Александр Мень. Я видела их вместе только один раз, просто в “гостях”, когда он пришел с Симой Маркишем. Помню только, что вечер был очень оживленный и вполне светский: блестящая остроумием увлекательная беседа о том о сем.

Когда стала распространяться молва о “смелом” батюшке о. Дмитрии Дудко, Н. Я. захотела с ним познакомиться, и он у нее бывал. Дважды я привозила его к ней по ее просьбе причащаться, а один раз — на заочное отпевание ее любимой подруги Василисы Шкловской. Н. Я. очень беспокоилась за о. Дмитрия, интересовалась его обстоятельствами, а когда на него начались гонения, попросила меня отвезти ему деньги и подарки.

Недолгая, но горячая дружба у Н. Я. завязалась с опальным, выведенным “за штат” псковским священником о. Сергием Желудковым. Он даже как-то у нее останавливался, а она — если память мне не изменяет — ездила к нему погостить в Псков, где когда-то преподавала. Но и эта дружба довольно внезапно оборвалась. Мне тогда показалось, что Н. Я. утомил некий диссидентский душок, который витал вокруг о. Сергия, хотя уважение к нему она сохранила.

Интерес Н. Я. к духовным пастырям был искренним, шедшим изнутри. Она видела в них носителей традиционных христианских ценностей. Поэтому встреча с о. Александром Менем была для нее судьбоносной. Он ее окормлял, и он ее отпевал.

.....

1 В замечательном некрологе Н. Я. Мандельштам, написанном И. Бродским в 1981 г. и позднее опубликованном на русском языке, сообщается: “Единственное, чего она хотела, это умереть, потому что «там я опять буду с Осипом»”. — “Нет, — как-то сказала ей на это Ахматова, — на этот раз с ним буду «я»”. (Сочинения Бродского. СПб., МСМХСХ. С. 107–115).

Очень сильное впечатление на нее произвел митрополит Антоний (Сурожский), когда она познакомилась с его проповедническими текстами, ходившими тогда в самиздате. Его книгу “О молитве”, написанную по-английски, она очень хорошо перевела. Мне кажется, что именно ее перевод был впоследствии опубликован, уже после ее смерти. Н.Я. очень хотелось познакомиться с владыкой Антонием, который часто в 1960–1970-е годы приезжал из Лондона, где он жил, в Москву. Она попросила меня, зная, что я с ним знакома, устроить с ним встречу.

В тот приезд его поселили в гостинице “Украина”, и я с ним договорилась о свидании с Н.Я. Она очень волновалась. А когда он радостно, как только он один и умел, нас встретил, Н.Я. еще больше разволновалась. Я даже не предполагала, что она может быть такой смущенной и растроганной. Они попросили меня остаться, и я очень об этом пожалела. Очевидно, от смущения Н.Я. завела с ним разговор о Бердяеве, который, как философ, был ему чужд. Н.Я. почувствовала, что это не его тематика, но не сумела избавиться от чувства неловкости и поговорить о чем-то своем, сокровенном. Возможно, из-за моего присутствия. Встреча была скомкана, так как надо было вскоре уходить: за дверью толпилось множество посетителей со своими проблемами. Прощаясь, владыка подарил ей свою книгу с надписью: “На память о встрече. Антоний”.

Н.Я. была собой очень недовольна. А сам вл. Антоний, такой просветленный, сияющий любовью к каждому без разбора, ее глубоко поразил. Она, как и все, кто с ним встречался, ничего подобного не видела. В какой-то его очередной приезд она даже решила отправиться со мной в одну из церквей, где ему “разрешили” служить литургию. Помню, как она, еле держась на ногах, безропотно простояла не менее часа в толпе ожидающих приезда владыки.

Но оказалось, что в последний момент власти, как это ими практиковалось, намеренно направили его в другой храм на противоположном конце Москвы: его популярность среди православной интеллигенции казалась им “опасной”. Ехать туда у нее уже не было сил. Очень огорченная, она вернулась домой, не оставив всё же надежды на личную встречу. В следующий приезд вл. Антония я, опять-таки по ее просьбе, договорилась с ним, что на этот раз он сам придет к ней домой. Был приготовлен обед, меню которого тщательно обсуждалось. Кроме меня она позвала только Колю Панченко. Опять волновалась, как девчонка.

К сожалению, из-за каких-то “протокольных” осложнений он не смог приехать, а только позвонил извиниться. Редко она бывала так удручена — так, что захотела остаться одной, чтобы пережить огорчение не на людях.

Больше никаких попыток встретиться с вл. Антонием она не делала. А вскоре отдала мне подаренную ей книгу с памятной надписью, — ведь встреча-то по сути дела не получилась.

8 .....

Рассказав о своих впечатлениях от встреч с Н.Я., я поняла, что была свидетельницей искусства жизни по Мандельштаму, ценя в бублике дырку от бублика: “Бублик можно слопать, а дырка останется” (“Четвертая проза”). Собственно говоря, они так и жили. И она стала так жить, издав стихи Мандельштама, сняв копии с архива и отправив его в Принстон, отпустив свои книги на суд читателя.

Самое худшее, что с нею могло случиться, — это если придут “они”. Такого она не исключала и боялась, хотя часто говорила, что времена теперь “вегетарианские”, а Брежнев “из всех вождей самый не кровавый”. На всякий случай она всё же меняла дверные замки на какие-то заграничные, которые будто бы “нельзя открыть”. А на мои резоны, что если захотят, то откроют, отвечала: “Пусть я открою сама. Не хочу, чтобы «они» ворвались без спросу”.

И правда, приходя к ней, я всегда слышала ее пугливое: “Кто там?” Она неукоснительно требовала и от тех, кто открывал дверь на звонок, этого “кто-тама”.

Н.Я. несколько не скрывала этого своего страха, скорее, как мне казалось, намеренно его преувеличивала. Она всегда давала понять, что рассматривает страх в условиях террора, который всегда мог вернуться, как вопрос этики. “Мы с Анной Андреевной всегда считали бесстрашие опасным для окружающих”. И разъясняла: не боишься за себя, бойся за других, которых твое бесстрашие может погубить.

Мне, например, казалось, что ее опасения необоснованны, так как она стала слишком заметной фигурой, чтобы стать добычей “органов”. Но она всё же оказалась провидицей, и “органы” до нее добрались, правда, уже после ее смерти. Когда она лежала в гробу, а мы по очереди читали над ней псалтирь, явились-таки “молодчики”. Рыскали по квартире в поисках бумаг, а потом, запечатав дверь, увезли гроб с ее телом в морг.

К счастью, бумаги, которых оказалось достаточно много, были предусмотрительно из ее квартиры вынесены. Но позднее “они” до них тоже добрались, устроив у хранителя архива Н.Я., Ю.Л. Фрейдина, специально подстроенный обыск по чьему-то “делу”, не имевшему к нему отношения. Теперь архив находится в РГАЛИ.

Как показали последующие события, над телефоном Н.Я. было установлено подслушивание. Так “они” узнали, что мы пред-

полагали похоронить Н. Я. на Ваганьковском кладбище, где покоился Е. Я. Хазин. Однако его вдова вполне резонно желала быть похороненной рядом с мужем. Места там было мало, и мы с Ю. Л. Фрейдиным отправились к директору кладбища как-то иначе решить возникшую проблему. К нашему удивлению, этот человек отнесся к нашей просьбе очень уважительно. Мы пошли к могиле Е. Я. Хазина, и он прямо на месте нашел выход из создавшегося положения.

Тут произошел «макаберный» эпизод, который бы, я уверена, Н. Я. с ее юмором оценила. Пока мы что-то обсуждали, к нам подошел заросший рыжий малый в заляпанной глиной одежде и как о хорошем знакомом буквально с придыханием спросил: «Речь идет о вдове Осипа Эмильевича?» Это надо было видеть и слышать!

Не успели мы приступить к оформлению документов, как раздался телефонный звонок. Директор взял трубку, и лицо его вытянулось. Опасаясь подслушивания, он вывел нас наружу. «Они, — он прибег к расхожей формуле, — сказали, что хоронить вдову Мандельштама на Ваганькове категорически запрещают. Говорят — хватит с нас Есенина и Высоцкого». И он показал рукой на чердак одного из строений, откуда шло, по его словам, постоянное наблюдение за «опасными» могилами. И всё это происходило в «вегетарианские» времена!

В конце концов Надежду Яковлевну похоронили на старом Троекуровском кладбище под сенью старых лип.

Скульптор Д. М. Шаховской установил на могиле красивый деревянный крест с вырезанным на нем текстом поминальной молитвы. А рядом поставил гранитный камень с надписью: «Памяти Осипа Эмильевича Мандельштама».

Москва, 21 февраля 1999 г. — 10 ноября 2011 г.

.....

Людмила СЕРГЕЕВА

“МЫ С ТОБОЙ НА КУХНЕ ПОСИДИМ...”: МОЕ ОБЩЕНИЕ С НАДЕЖДОЙ ЯКОВЛЕВНОЙ МАНДЕЛЬШТАМ

.....

Солидным возможностям государства я противопоставляю бешеное женское упрямство. Посмотрим, кто кого переупрямит и на кого работает время.

Надежда Мандельштам

1 .....

Надежда Яковлевна не признавала “истории без подробностей”. Поэтому мои воспоминания о Надежде Яковлевне будут состоять именно из подробностей, которые сохранились в моей памяти и в моем сердце: я никогда не вела дневников — не из страха, по лениности. А историю жизни Надежды Мандельштам, точную и подробную, я, надеюсь, кто-нибудь всё равно напишет.

Впервые я увидела Надежду Яковлевну в морге Института имени Склифосовского, где стоял гроб с телом Анны Андреевны Ахматовой. Было это 9 марта 1966 года. Анна Андреевна умерла 5 марта, в день смерти Сталина, этот день начиная с 1953 года она отмечала как праздник. Совписовское начальство выставить гроб в большом зале ЦДЛ не решилось, чтобы не омрачать “великий женский праздник 8 Марта”, да и прописана Ахматова была в Ленинграде. А на самом деле секретари Союза писателей испугались множества людей, которые придут проститься с Ахматовой, несмотря на не отмененное еще злобное постановление ЦК партии 1946 года.

Поэтому Москва торопливо прощалась с Ахматовой в тесной комнате морга с голыми казенными стенами бывшего странноприимного дома князя Шереметева. А в очередь уже стоял гроб другой старушки. “Я не в свою, увы, могилу лягу...” Кто-то шепнул, что у гроба Ахматовой стоит вдова Мандельштама. Эта убогая комната удивительным образом соответствовала столь долгой бездомности, бедности и безутешности обеих женщин. И хотя Надежда Яковлевна в потертой дубленке и неказистой коричневой вязаной шапочке внешне ничем не выделялась в толпе пришедших проститься, было ясно, что она тут главная: с уходом Анны Ахматовой окончательно уходила эпоха и Осипа Мандельштама.

В 1967 году Вика Швейцер, с которой я тогда дружила, привела нас с Андреем Сергеевым на Большую Черемушкинскую улицу, заранее обговорив с Надеждой Яковлевной наш приход. Проведя много лет в страхе и одиночестве, она не любила незваных гостей. Я это поняла позднее. Даже когда без предупреждения являлись восторженные юные создания с переписанными в тетрадку стихами Мандельштама, Надежда Яковлевна была с ними поначалу сурова и молчалива — боялась чужих, хотя и считала Брежнева наименее кровожадным из советских правителей.

Я понимала, что иду знакомиться с вдовой великого поэта, героически сохранившей его стихи и передавшей эти стихи на Запад. До нас уже дошел сложными путями из Америки первый том собрания сочинений Осипа Мандельштама, изданный в Вашингтоне, со вступительными статьями профессора Принстонского университета Кларенса Брауна по-английски, профессора Глеба Струве и Эммануила Райса по-русски.

Нас встретила на своей замечательной кухне не великая вдова, а живая, легкая в общении женщина, которая умеет расспрашивать и внимательно слушать, лукаво улыбаться и искренне смеяться.

Узнав, что я ученица Андрея Донатовича Синявского, что с ним и Марией Васильевной Розановой мы дружим с 1959 года, что я иногда остаюсь с маленьким Егором, их сыном, когда Марии Васильевне нужно отлучиться по делу, Надежда Яковлевна очень оживилась. Имена Синявского и Даниэля были в то время у всех на слуху (их судили и отправили в лагерь на семь и пять лет) и разделили интеллигенцию на тех, кто поддерживал Синявского и Даниэля, и тех, кто считал, что их поступок помешает нормализации советской жизни. И Надежда Яковлевна, и Вика Швейцер, и мы с Андреем были на стороне осужденных: писатель имеет право писать, как хочет, и издаваться, где хочет. Похоже, нас это сразу сблизило.

Мы стали регулярно бывать у Надежды Яковлевны. Для меня эти посещения продолжались до самого ее ухода и были наиболее интересными и значительными событиями моей жизни. Надежда Яковлевна дала нам с Андреем прочитать рукопись своей первой книги, что было знаком большого доверия с ее стороны. Книга Надежды Яковлевны нас поразила не только памятью, глубиной понимания и зоркостью очевидца тех страшных событий. Это была профессионально написанная, первоклассная, новая проза: не просто воспоминания, а удивительно точный рассказ о Поэте и Времени, в которое он жил, творил, любил, и о Власти, которая погубила его вместе с «миллионом убитых задешево». Я спросила Надежду Яковлевну, давался ли Осип Эмильевич, что она талантливый писатель.

— Что вы, конечно, нет. При Оське я никогда бы не стала писать.

Однажды Надежда Яковлевна, только что прочитавшая “Котлован” Андрея Платонова, изданный в Штатах с послесловием Иосифа Бродского, сказала мне: “Это единственная гениальная книга, которую я прочла без Оси”. И дала прочитать мне эту книгу. Так что и с Платоновым я познакомилась и полюбила его с помощью Надежды Яковлевны.

2 .....

С ней и на ее кухне всегда было необыкновенно интересно. Почти одной и той же компанией мы лет десять встречали у Надежды Яковлевны Новый год. Собирались на ее кухне часов в девять вечера, а уходили в половине второго ночи, пока еще можно было попасть в метро. В этой компании были Варя Шкловская, Коля Панченко, Никита Шкловский, Нина Бялосинская, Юра Фрейдин с женой Аленой, Наталья Ивановна Столярова, Наталья Владимировна Кинд, Лена Иванова, простите, если кого-то забыла упомянуть.

Я обычно заготавливала дома красивые открытки с угад придуманными новогодними пожеланиями для всех. Никита Шкловский был этакий голубь: он выбирал закрытый конверт с пожеланиями и называл имя того, кому это предназначено. Пожелания читались вслух. Самое удивительное, что потом по жизни у всех всё сбывалось, говорил мне Никита. Однажды он вытащил для себя обещание скорой счастливой перемены в жизни — в том году он женился на Кате Лазаревой. Не иначе, как действовали волшебство Надежды Яковлевны и наша взаимная любовь друг к другу.

Все приносили с собой вкусную еду: Алена с Юрой (один раз были и Юрины родители) приходили обычно с салатами и пышными пирогами, Наталья Владимировна — с домашними эклерами, а я — с сибирскими пельменями моих родителей.

Узнав, что моя мама родилась в Горном Зерентуе, на Нерчинской каторге, а папа — в Чите, где в свое время Надежда Яковлевна преподавала, она сказала, что самые вкусные сибирские пельмени ела именно в Чите. И попросила, чтобы мои родители лепили пельмени и на ее долю. Но одна предновогодняя ночь выдалась теплой и с дождем, пельмени у меня растаяли и слиплись. Я готова была их выбросить от огорчения. “Варим, — сказала Надежда Яковлевна. — Вкус-то у них всё равно сибирский”.

Однажды, ближе к 12 часам, звонок в дверь, входит Дед Мороз: живой, настоящий, высокий, с белой бородой, в красном зипуне и красной островерхой шапке, палка в руках и еще большая

кастрюля. Кланяется, ставит кастрюлю на табуретку, но молчит. Мы все оживились, Надежда Яковлевна больше всех, пытаемся догадаться, кто же это. Дед Мороз галантно угощает всех пирожными, но молчит. Надежда Яковлевна уже в полном нетерпении вскрикивает: “Кто это? Чужой нам не нужен!” Дед Мороз начинает, картавя, поздравлять всех с Новым годом, и тут первой Надежда Яковлевна восклицает: “Наташка, ты, что ли?!” Это и вправду была Наталья Владимировна Кинд, профессор-геолог, имевшая отношение к открытию якутских алмазов. Она жила на улице Дмитрия Ульянова, недалеко от Надежды Яковлевны, с которой дружила, и была очень веселой, остроумной женщиной. Все мы Наталью Владимировну обожали.

Был случай, когда мы с Ниной Бялосинской припозднились, Надежда Яковлевна нас не отпускала, мы опоздали в метро, никто мимо нас на машинах не проезжал, и мы шли новогодней ночью к Киевскому вокзалу, но радость всё равно оставалась с нами. До самой смерти Надежда Яковлевна, слава Богу, не встречала Новый год одна, как это было долгое время после ареста Осипа Эмильевича.

3 .....

А как Надежда Яковлевна умела шутить! Остроумные анекдоты и чужие шутки ценила, была очаровательно ироничной, но могла смеяться и над собой и другим такое позволяла. Пришла студентка, хотела получить комментарий к “Стихам о неизвестном солдате”, — она будет писать курсовую работу. Надежда Яковлевна ее по-матерински пожалела: это такие страшные стихи, детка, не надо в столь юном возрасте углубляться в них, ужас еще может быть в жизни вашего поколения. После ухода студентки я говорю: “Надежда Яковлевна, вы сегодня были такой ласковой, даже нежной с этой незнакомой девочкой. А говорят, что у вас плохой характер”. — “Что, уже говорят? Вот видите, Наденька”, — пошутила Варя Шкловская. И Надежда Яковлевна от души рассмеялась.

У Надежды Яковлевны распухло и болело колено — артрит. Кого-то из позвонивших она попросила купить змеиный яд, но в дефиците была не только еда, даже змеиного яда в аптеках не оказалось. В это время у нее в гостях сидела Мария Васильевна Розанова, которая тоже за словом в карман не лезла. “Надежда Яковлевна, зачем вам змеиный яд? Вы поплуйте на колено, и всё пройдет”. — “Сейчас попробую”, — не моргнув глазом ответила Надежда Яковлевна.

У нее с Марией Васильевной были хорошие отношения. Она очень сочувствовала Андрею Донатовичу, находящемуся в лагере,

и чем могла, готова была помочь Марии Васильевне. Как-то пришла очередная иностранка, на шее у нее красовались бусы из крупных камней. Надежда Яковлевна тут же попросила снять эти бусы, чтобы отдать их Марии Васильевне, которая изготовлением ювелирных украшений зарабатывала в то время на жизнь.

Надежда Яковлевна обожала делать подарки. Гонорар, который ей присылали с Запада в твердой валюте, она получала чеками в “Березку” из расчета один доллар равен 64 копейкам. Надежда Яковлевна помнила свою нищенскую жизнь и потому всех знакомых, особенно молодых женщин, хотела порадовать тряпочками. И тут уж она гуляла! Когда я отказывалась брать чеки, она кричала: “Ишь какая гордая! Все берут, а она не хочет. Ты же нормальная баба, а потому бери чеки и марш в «Березку»”. Лицо ее в такие моменты светилось радостью. Многие из нас, друживших с Надеждой Яковлевной, потом еще долго щеголяли в красивых западных пальто, невероятно удобных и элегантных туфлях.

Но в “Березке” продавались и дефицитные книги. Я там купила Ахматову, изданную в “Библиотеке поэта” в 1976 году. На книге до сих пор сохранилась наклейка: “Березка, 3.02” (очевидно, чека). Ахматова там ценилась намного дешевле пальто и туфель.

А когда меня после полугодовой проволочки все-таки выпустили во Францию в 1978 году (в залог оставалась дочь восьми лет), Надежда Яковлевна написала Никите Струве записку, чтобы подательнице оной он выдал 1000 франков. Она просила меня купить ей в Париже два хлопчатобумажных платья с короткими рукавами и непременно что-нибудь красивое себе. Я привезла ей платья, а себе — черный бархатный пиджак, которым восхищались все вокруг, а Надежда Яковлевна довольно и загадочно улыбалась.

Еще я купила в издательстве “Имка-Пресс” у Никиты Струве две книги — Алексея Ремизова, изданного в “Худлите”, и Максимилиана Волошина в малой серии “Библиотеки поэта”. В московских магазинах купить такое было нельзя, а провезти через границу можно.

Через несколько месяцев по возвращении из Парижа меня вызвали в КГБ. И тут выяснилась разработанная операция, в результате которой я в 1978 году и была выпущена во Францию. Им нужно, чтобы я написала разгромную рецензию на “Прогулки с Пушкиным” Абрама Терца. Лучше всего для этого подходила, конечно, ученица Андрея Донатовича и друг Синявских. Я ответила, что, во-первых, книга эта у нас не напечатана, и я не собираюсь брать у них запрещенную литературу. А во-вторых и в главных, Пушкин — это “наше всё”, я не специалист по Пушкину. Пушкин мне не по зубам. Лучше им обращаться к пушкинистам. Вот если они сами начнут писать сти-

хи, то я могу прочесть их и дать оценку. (Я работала в литконсультации, где рецензировала графоманские стихи килограммами и километрами.)

Много позже, когда открылись архивы, выяснилось, что КГБ обращался-таки к Вацуре за оценкой “Прогулок с Пушкиным”, но ответ был весьма сдержанным, для нового суда над Синявским не годился. Надежда Яковлевна внимательно выслушала рассказ и одобрила меня. Особенно “изящным” ей показался ход с обращением к пушкинистам.

Всё, что появлялось в доме, она тут же раздаривала. Не обходилось и без курьезов. Какие-то иностранцы оставили у Надежды Яковлевны посылочку. И она всякого пришедшего тут же одаривала понравившейся вещью из этой посылки. Жене Левитину достался теплый красивый шарф. Вскоре к Надежде Яковлевне пришла Наталья Ивановна Столярова за этой посылкой, оказывается, предназначавшейся ее знакомому. И пришлось бедной Наталье Ивановне ездить по разным адресам и забирать у разных людей вещи. Женя Левитин потом попрекал Надежду Яковлевну: “Я вам никогда не прощу мой мягкий и теплый шарф, к которому я уже привык, он был моим, но тут появляется Наталья Ивановна в музее¹ и забирает мой шарф, а я остаюсь с голой шеей”.

Однажды мы с дочкой Аней ушли от Надежды Яковлевны, но не успели дойти до остановки 67-го автобуса, как начался дождь. Тут я вспомнила, что забыла свой японский зонтик (большая редкость в то время) на вешалке. Подходит автобус, но я понимаю, что нужно вернуться к Надежде Яковлевне — до следующего нашего визита зонтик не доживет. Его непременно кому-нибудь подарят.

На одном из дней рождения Надежды Яковлевны мы с Аней встретились с женой Никиты Шкловского Катей (дочерью Лазаря Лазарева и прелестной Наечки Мировой). Катя принесла в подарок старинный китайский сандаловый веер тончайшей работы. Надежда Яковлевна открывает коробочку, берет в руки веер и обмахивается им. Пятилетняя Аня заворожено смотрит и спрашивает: “Что это?” — “Веер”, — отвечает Надежда Яковлевна. Аня веер никогда в жизни еще не видела, знает только, что “с ним ходят принцессы”. И тут Надежда Яковлевна, обращаясь к Кате, спрашивает: “Можно я передарю веер Аньке? Ей он нужнее”. Аня раскрывает веер, чувствует себя принцессой и говорит: “Вот пойдём домой, и я им буду махать”. За окном поздняя осень, идет крупными хлопьями мокрый снег. Надежда Яковлевна улыбается: “Да, под снегом это особенно
.....”

1 Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, где долго работал Женя Левитин. — Л. С.

хорошо будет выглядеть”. Под снегом мы, конечно, веер не раскрывали, он до сих пор жив и напоминает нам обоим о бесконечной доброте Надежды Яковлевны.

4 .....

Надежда Яковлевна любила маленьких детей, общалась с ними запросто, как с ровней, без взрослого сюсюканья. К ней приводили внуков Пастернака (детей Евгения Борисовича и Алены), особенно ей нравилась младшая Лиза. Приводила сюда своего младшего сына Володю и Леля Мурина. Надежда Яковлевна часто просила меня: “Приходите с Анькой”.

Когда я в первый раз пришла к Надежде Яковлевне с Аней, ей было пять лет. Надежда Яковлевна полусидела в постели, на секретере рядом с ней лежала колода карт. Аня недавно научилась играть в шахматы и в карты. И спросила: “Можно поиграть в карты?” — “А ты умеешь?” — “Да, в дурачка”. — “Но я играю только на деньги”. — “А у меня нет денег”. Я обрадовалась и сказала: значит, играть не будем. Но Надежда Яковлевна не унималась: “Я тебе дам деньги, будем играть по двадцать копеек с носа”. И она полезла в свой потертый ридикюль, который обычно лежал в постели у подушки. Делать было нечего, пришлось мне достать сорок копеек, и мы начали играть в дурачка на деньги. Играли три раза, каждый проиграл по разу. Надежда Яковлевна и Аня были одинаково счастливы.

Как-то, уже без Ани, я спросила Надежду Яковлевну: как вас воспитывали в детстве? Она ответила, что никак особенно. Просто отец утром, просматривая газеты, между прочим мог что-то сказать. Так было (она это запомнила на всю жизнь), когда лет в четырнадцать она загуляла и вернулась домой под утро. “В следующий раз бери с собой ключ, чтобы не будить кухарку”. Этого было достаточно.

Узнав, что я дружу с Натальей Алексеевной Северцовой и Александром Георгиевичем Габричевским и бываю в их доме, Надежда Яковлевна вспомнила: семьи Северцовых и Хазиных в Киеве жили рядом, братья Надежды Яковлевны учились в одной гимназии с мальчиками Северцовыми и дружили с ними. А Коля Северцов, младший сын Алексея Николаевича Северцова, был ее первой любовью. Братья Надежды Яковлевны называли Колю “Надин жених”.

В 1917 году в Москве Колю Северцова застрелили в воротах университета, он вышел из дома на улицу в военной форме, которую не захотел снять. Он был русский офицер и человек чести. Наталья Алексеевна, в свою очередь, рассказала мне, что у Нади в то время были длинные красивые косы, а глаза большие, серые, раскосые, отчего она похожа была на японку.

Наталья Алексеевна, да и Надежда Яковлевна, были младшими в семьях, и обе очень любили своих младших братьев. Младший брат Надежды Яковлевны Евгений Яковлевич Хазин уже в Москве дружил с Александром Георгиевичем и Натальей Алексеевной, навещал их в университетской квартире, они были на “ты”.

Я спрашивала Надежду Яковлевну, когда и как ее начали учить языкам. Отец ее был англоманом, потому что только в Англии соблюдаются законы. Выписывались из Англии чаще всего пасторские дочки, которые обучали и воспитывали Надю в Киеве с детства, как Набокова. Немецкий и латынь она изучала в одной из немногих киевских гимназий с мужской программой.

А французский она выучила так. Они приехали в Лозанну, и пока мать и сестра распаковывали вещи, шустрая Надя выбежала на улицу поиграть. Она пыталась договориться с местными детьми на всех языках, которые к тому времени знала, но дети ее не понимали. После чего она прибежала к матери и выпалила: “Оказывается, есть еще и французский язык”. И Надежда Яковлевна пояснила: так она начала говорить по-французски, хотя никогда этот язык нигде не изучала. А в последний год жизни у нее на постели постоянно лежал учебник испанского языка. Она говорила, что после французского этот язык ей кажется совсем легким.

Надежда Яковлевна завидовала Иосифу Давидовичу Амусину, знавшему древнееврейский язык, жалела, что ей не довелось обучаться этому языку. Амусин в начале 1960-х написал книгу “Рукописи Мертвого моря” — о древних кумранских находках. Надежда Яковлевна читала его книгу и очень интересовалась кумранскими рукописями. К сожалению, она не смогла прочесть новую большую книгу И. Д. Амусина “Кумранская община”, которая вышла в 1985 году, уже после смерти Надежды Яковлевны.

Однажды я застала Амусина у Надежды Яковлевны: общались два интеллектуала, запросто цитировавшие Ветхий Завет. Молча присутствовать при этом разговоре “собеседников на пиру” было счастьем. Когда Надежде Яковлевне кто-нибудь говорил о ее необыкновенной образованности, она только отмахивалась: “Какая я образованная, я окончила лишь гимназию”.

5 .....

На Западе вышла первая книга воспоминаний “Надежда против надежды”, затем и “Вторая книга” Надежды Яковлевны, обе ее книги были переведены на все европейские языки. В Штатах издали трехтомник Осипа Мандельштама. Его стихи и прозу тоже начали переводить, изучать творчество Мандельштама, чему Надежда

Яковлевна особенно радовалась — жизнь прожита не зря. И в “любезном Отечестве” в самиздате появились “Воронежские тетради” Мандельштама и книги Надежды Яковлевны.

Вторая ее книга многих обидела и вызвала невиданную злобу с их стороны — таких беспощадно правдивых и резких текстов (о себе тоже!) людям еще не приходилось читать. Надежда Яковлевна не обращала внимания на тех, кого раздражила. Она ведь и не собиралась понравиться всем и каждому. Но вот когда прислал ей оскорбительное письмо В. Каверин, которое заканчивалось словами: “Тень, знай свое место!”, Надежда Яковлевна решила, что имеет право предать это письмо гласности. И передала письмо без комментариев на Запад, где оно и было опубликовано. Эту литературную дуэль Надежда Яковлевна явно выиграла.

Моя покойная подруга, замечательный филолог Галя Белая, сказала мне о книгах Надежды Яковлевны: “Это книги Горы. Обычным людям трудно к ним приближаться, тем более пытаться взобраться туда”.

Надежда Яковлевна стала человеком знаменитым, Ахматова называла ее “самой счастливой вдовой”, и все-таки она по-прежнему боялась. Хотя в ней жила надежда, что власти “не станут связываться с больной старухой”, на всякий случай она готовилась к худшему и молила Бога, чтобы позволил ей умереть в своей постели. Однако тотальный страх пропал.

С Надеждой Яковлевной дружили многие люди, знаменитые и не очень, старые и молодые, богатые и бедные — все толклись на ее кухне: появилась в Москве не только “ахматовка”, но и “мандельштамовка”. К ней стали приходиться иностранцы, слависты из Европы и США, привозили книги Мандельштама и ее собственные. Книги она всегда раздаривала. В одной из тамиздатских книг была хорошая фотография Надежды Яковлевны: она на своей кухне в теплом платке на плечах. Я восхитилась этой живой фотографией. Надежда Яковлевна тут же вырвала страницу со своим изображением, а на обороте написала: “Люде — славной бабе. Н. М.” — и подарила этот листок мне.

С первым из посещавших Надежду Яковлевну иностранцев мы познакомились — с Кларенсом Брауном. Он изучал творчество Мандельштама, писал предисловие к “американке” (изданный в Америке трехтомник Мандельштама), переводил его прозу, с огромным риском для Надежды Яковлевны и для себя вывез рукопись ее книги в США. Кларенс говорил по-русски блестяще, почти без акцента. Андрей Сергеев устроил встречу с Кларенсом Брауном на секции переводчиков в Союзе писателей. Народу пришло мало. Кто-то из стариков, корифеев перевода, спросил Кларенса: “У вас

такой замечательный русский язык, вы, наверное, изучали его у Романа Яacobсона?» — «Нет, в американской армии. Нам давали прочитать газету «Правда» от корки до корки, а потом ее нужно было пересказать», — ответил Кларенс Браун.

Андрей Сергеев подарил Кларенсу книгу своих переводов Фроста, указав реальное место действия: *“From Russia with love”*. Надежда Яковлевна сразу полюбила Кларенса Брауна и полностью ему доверяла, потому и архив Осипа Мандельштама передала в Принстонский университет, где Кларенс профессорствовал.

Как-то Надежда Яковлевна попросила меня развесить выстиранное постельное белье в ванной комнате. Там оказались роскошная желтая простыня с цветочками и такая же наволочка. Белье было очень мягким на ощупь, но при этом 100% синтетика, быстро стиралось, сохло и не мялось. Я удивилась такой невиданной красоте, а Надежда Яковлевна не без гордости сказала, что Владимир Набоков прислал этот комплект белья ей в подарок. Я пошутила — это он вам вместо ордена Почетного легиона, прочитав ваши книги. «Вроде того», — улыбнулась она.

Обычно перед приходом к Надежде Яковлевне я звонила и спрашивала, что ей привезти. В тот раз она попросила купить кусок сыра. Тогда мы не спрашивали, какой именно сыр, чаще всего он был одного сорта, и брали, что попадалось. Но как раз “давали” в магазине голландский сыр в красной бумаге вместо восковой красной корочки, о чем мы узнали много позже. Я купила кусок побольше. Прихожу и с радостью объявляю: “Я купила голландский сыр”.

У Надежды Яковлевны гость. Она представляет его мне — голландский славист, занимается Мандельштамом. Пьем чай, иностранец пробует сыр и говорит: “Кто-то должен был сильно ненавидеть Голландию, чтобы назвать этот сыр голландским”. А когда Надежда Яковлевна закурила свои обычные папиросы “Беломор”, иностранец взял в руки пачку, повертел ее и изрек: “Назвать папиросы «Беломорканал» — всё равно что сигареты «Освенцим»”. После ухода гостя я спросила, откуда в Голландии взялся такой осведомленный славист. Надежда Яковлевна ответила: “Он вообще-то поляк, но давно живет в Голландии”.

С Надеждой Яковлевной общался настоящий прекрасный поляк — Анджей Дравич. Он любил свою родину и “великую русскую литературу”, как он говаривал. Анджей женился на очень красивой москвичке Вере, они стали моими близкими друзьями. Анджей Дравич подружился в Москве со многими достойными людьми. Я их с Верой возила в Переделкино к Коле Панченко и Варе Шкловской. Анджей общался в Москве с несколькими великими вдовами, кроме Надежды Яковлевны, еще с Любовью Евгеньевной

Белосельской-Белозерской и Еленой Сергеевной Булгаковой. Но к Надежде Яковлевне у Анджея было особенно теплое отношение. Анджей всегда стоял за “Нашу и Вашу свободу”, как многие интеллигенты, примкнул к “Солидарности”, был интернирован, затем вошел в правительство Мазовецкого.

Его долгое время не впускали в нашу страну. А когда ему позволили приехать в Москву, Надежды Яковлевны уже не было на этом свете. Анджей попросил меня отвезти его на могилу Надежды Яковлевны. По дороге он с радостью рассказывал о политических переменах в Польше, о великом поляке папе Иоанне Павле II, с которым разговаривал в Риме, папа интересуется всем, что происходит в России, и молится за нее. Жаль, что нельзя обо всем этом рассказать Надежде Яковлевне. У ее могилы мы постояли молча, положили цветы, Анджей сфотографировал могилу. А потом он сказал о Надежде Яковлевне почти слово в слово то, что я прочла позже у другого замечательного слависта Карла Проффера в его книге “Вдовы России”: “...Надежда Яковлевна была чрезвычайно влиятельной женщиной, ее литературное вдовство в России оказало сильный и длительный эффект на историю русской литературы”.

В Москву приехала славистка из США Бесс Холмгрен после смерти Надежды Яковлевны и еще при жизни Лидии Корнеевны Чуковской. Бесс собирала материал для своей книги об этих женщинах, переживших сталинский террор и своих арестованных и погибших мужей. Бесс общалась с Лидией Корнеевной и со многими друзьями Надежды Яковлевны. Она приходила ко мне домой не раз, и мы долго беседовали с ней. Я с удовольствием вспоминала тринадцать лет моего общения с Надеждой Яковлевной. Мне ее очень не хватало в жизни, и было радостно рассказывать о ней умному и внимательному собеседнику. Бесс отлично знала книги Надежды Яковлевны, цитировала наизусть куски из них. Но ей не довелось ее знать лично. И потому я очень старалась, чтобы Бесс приблизилась к Надежде Яковлевне, чтобы Бесс тоже захотелось бывать на ее кухне, слушать и говорить с ней, чтобы Надежда Яковлевна тоже назвала Бесс “славной бабой”.

Одна из наших бесед заканчивалась моими словами: если кто-то предложил бы мне на выбор — пойти на очень интересный фильм, замечательный спектакль, на важное для меня свидание или в гости к Надежде Яковлевне, — я выбрала бы Надежду Яковлевну, не задумываясь. Это так поразило Бесс (ведь я была тогда еще совсем молодая женщина), что она поставила эти мои слова эпиграфом к одной из глав в своей книге. Теперь я постаралась точно себя перевести с английского на русский. Уже перед отъездом домой в Калифорнию (Бесс тогда преподавала в Сан-Диего) она мне призналась: “Я очень уважаю Лидию Корнеевну, а Надежду

Яковлевну просто полюбила по вашим рассказам”. И с Бесс, теперь профессором университета в Северной Каролине, меня тоже на всю жизнь подружила Надежда Яковлевна. В 1993 году у Бесс Холмгрен вышла книга *“Women’s works in Stalin’s time”* с подзаголовком *“On Lidia Chukovskaia and Nadezhda Mandelstam”*. Книга хорошая, глубокая, с пониманием нашей жизни в сталинские времена, особенно если учесть, что Бесс “тут не стояло”, по любимому присловью Анны Ахматовой.

6 .....

Надежда Яковлевна всегда утверждала, что хорошие стихи не нуждаются в толкованиях, они говорят сами за себя, в них и так всё сказано точно и лучшими словами. Я ей перечила: это вам ничего не нужно, вы были внутри работы Мандельштама, записывали стихи с его голоса, а потом еще запоминали наизусть и много раз переписывали. А людям нужны ваши реальные комментарии к стихам Мандельштама. Надежда Яковлевна не соглашалась. Но вот однажды она спросила меня о строчке Мандельштама — “Я пью за военные астры...” — почему именно “военные астры”? Я ответила, что осенью началась Первая мировая, а потому астры военные. Надежда Яковлевна сказала, что не только. Та осень была урожайна на астры, они стали очень дешевы, хотя обычно цветы в России дороги. И все покупали эти астры и дарили солдатам, едущим на фронт. Вот! — обрадовалась я. А вы говорите, что не нужны реальные комментарии к стихам. Потом я видела, что на полях американского трехтомника стали появляться ее карандашные пометки. Какое счастье, что Надежда Яковлевна все-таки написала свой комментарий к стихам 1930–1937 годов.

Я работала в Литературной консультации рядом с ЦДЛ. И однажды там, в буфете, я увидела жареных рябчиков. Я их в жизни не пробовала, но знала, что В. Маяковский велел буржуйам есть ананасы и жевать рябчиков. Я решила Надежду Яковлевну попотчевать буржуйской едой. Она, отведав рябчиков, сказала: “А писателей по-прежнему неплохо прикармливают”.

Не раз Надежда Яковлевна говорила, что она стала видеть во сне еду “с селянками, пирогами, расстегаями”, всё это подавали к столу в доме отца в Киеве. И заключала: наверно, у таких глубоких старух, как я, эти сны заменяют эротические.

Я рассказала Надежде Яковлевне, что была на прекрасном концерте Эвы Демарчик в ЦДЛ: замечательная польская певица, поет песни только на стихи настоящих поэтов, две песни пела на стихи О. Мандельштама. А потом вышла пластинка Эвы Демарчик,

я купила себе и Надежде Яковлевне. Мы у нее слушали пластинку вместе — “Жил Александр Герцович” и “Сегодня ночью, не солгу...” (у Эвы Демарчик эта песня называлась “Цыганка”):

Сегодня ночью, не солгу,
 По пояс в тающем снегу
 Я шел с чужого полустанка.
 Гляжу — изба, вошел в сенцы:
 Чай с солью пили чернецы,
 И с ними балует цыганка...
 .....
 И говорила: “Подари
 Хоть шаль, хоть что, хоть полushалок...”

Сумасшедший быстрый ритм, рифмы, ощущение чертовщины Надежда Яковлевна уловила в польском тексте, и это ей понравилось. И хотя она не признавала песен на стихи Мандельштама, тут сказала — “интеллигентная певица, понимает, что поет”.

Когда после ареста Синявского и Даниэля зародилось диссидентское движение, Надежда Яковлевна всячески ему сочувствовала, только недоумевала, откуда оно могло взяться после 50 лет тотального террора большевиков. Среди диссидентов были и ее добрые знакомые, например, Наташа Горбаневская и Вера Лашкова. Надежда Яковлевна со своих состоятельных посетителей собирала дань для пострадавших от власти, отдавала и свои деньги.

7 .....

Надежда Яковлевна не на словах, а на деле была настоящей христианкой. Последние годы она общалась с отцом Александром Менем, жила летом у него в Семхозе, о. Александр стал ее духовником. Она всегда с радостью ждала его прихода. Мне не довелось встречаться с о. Александром Менем у Надежды Яковлевны, наверное, их встречи были приватными, без гостей. Если же я приходила к Надежде Яковлевне следом за отцом Александром, она упоминала об их встрече и бывала всегда как-то особенно просветлена. Надежда Яковлевна без всякого сомнения верила, что она обязательно встретится со своим отцом и Осипом Эмильевичем.

С Осипом Эмильевичем она разговаривала и выясняла отношения, как с живым. Однажды я застала Надежду Яковлевну одну и невероятно возбужденной и огорченной. Надежда Яковлевна в сердцах сказала мне: “Я развожусь с Оськой, я покажу ему, когда мы встретимся”. Оказалось, что Вика Швейцер нашла в РГАЛИ стихотворение

Осипа Мандельштама “Стансы” (“Необходимо сердцу биться...”), обращенное к Е. Поповой (Лиле Поповой), жене Владимира Яхонтова.

...И ты прорвешься, может статься,
 Сквозь чащу прозвищ и имен
 И будешь сталинкою зваться
 У самых будущих времен...¹

Это стихотворение Осипа Мандельштама, написанное в 1937 году в Савелове, Надежда Яковлевна и Анна Андреевна решили забыть, не вспоминать, не записывать. И вдруг оно всплыло. Надежда Яковлевна не могла простить мужу не его увлечения красивой женщиной Лилей Поповой, а его подыгрывания “сталинистке умильного типа”.

Я же с жаром убеждала Надежду Яковлевну: вы сами лучше всех написали о том жутком времени, о смертном страхе одних и помраченном энтузиазме других. О времени, когда невозможно стало писать о женщине только как об ангеле чистой красоты. Хорошо было Пушкину, да и то не очень. Осип Эмильевич ведь раньше всех понял Сталина и написал о нем — “Мы живем, под собою не чуя страны...”. А дальше, после Чердыни и Воронежа, Мандельштаму нужен был хоть какой-то слушатель, о читателе он уже и не помышлял. Осип Эмильевич знал твердо, что и ему придется погибать “гурьбой и гуртом”. Осип Эмильевич заслужил ваше прощение.

Я долго еще несла эту околесицу, чтобы успокоить Надежду Яковлевну. И наконец, помолчав, она произнесла: “Да, как христианка я должна Осю простить. Вот посержусь еще немножко и прощу”, — обещала Надежда Яковлевна.

8 .....

Я много рассказывала ей о Литве, куда я езжу каждое лето начиная с 1963 года, о своих замечательных литовских друзьях. Когда приехал в очередной раз в Москву мой друг Юозас Тумялис, я тут же повела его к Надежде Яковлевне. В то время Юозас занимался Юргисом Балтрушайтисом, которого Надежда Яковлевна чрезвычайно уважала. Осип Мандельштам хорошо знал Балтрушайтиса смолоду, а в независимой предвоенной Литве Балтрушайтис был литовским послом в СССР. И делал всё зависящее от него, чтобы помочь Осипу Мандельштаму перебраться в свободную Литву. Но официальными

.....

1 Пророческие между тем строки. — Л. С.

путями от Сталина никто не уходил. Да и сам Балтрушайтис после трагической судьбы своей родины вынужден был уехать к сыну во Францию и закончил дни в оккупированном немцами Париже в 1943 году.

Я привезла к Надежде Яковлевне своего литовского друга Томаса Венцлову знакомиться. О нем я тоже много рассказывала. Томас замечательный поэт и уникальный человек: литовский, польский и русский — его родные языки, он говорит на них с детства, хотя стихи пишет только по-литовски, русских поэтов обожает и знает о них всё. Он переводил на литовский Осипа Мандельштама и Анну Ахматову, с которой был знаком лично, сопровождал ее к нам в гости на Малую Филевскую улицу.

Надежда Яковлевна слыхала о переводах Осипа Мандельштама на литовский язык: Томасовы переводы ей очень хвалил Вячеслав Всеволодович Иванов. Первый ее вопрос Томасу: “Сколько вы с ходу можете назвать настоящих литовских интеллигентов?” И Томас с легкостью называет 10 имен. “Счастливая Литва”, — задумчиво произносит Надежда Яковлевна. А Томас еще добавляет: “Вот Люда почти всех их знает”. И это чистая правда — вся моя Литва 1960-х годов началась с Томаса, потом присоединялись уже его близкие друзья и друзья друзей. С легкой руки Андрея и моей Иосиф Бродский тоже оказался в Вильнюсе, полюбил Литву и подружился с Томасом на всю жизнь.

Надежда Яковлевна попросила Томаса прочитать какой-нибудь его перевод Мандельштама по-литовски. По ритму и рифмам Надежда Яковлевна догадалась, какое это стихотворение, хотя литовский — трудный язык и очень отдельный в индоевропейской семье. После этого Надежда Яковлевна и Томас общались уже легко, непринужденно, как давние знакомые. Томас явно понравился Надежде Яковлевне, и на прощание она сказала: “Приходите еще, с вами интересно. Пусть Люда всегда вас приводит ко мне”. Я-то давно знала, как с Томасом интересно общаться: я всегда его считала своим лучшим собеседником.

Я уговорила Надежду Яковлевну поехать в Вильнюс, созвонилась со своими друзьями. И она в сопровождении Сони Смоляницкой отправилась туда. Никита Шкловский и я провожали их на Белорусском вокзале. А в Вильнюсе их встречала моя подруга Ида Крейнгольд, отвезла гостей в однокомнатную квартиру нашего общего друга Эйтана Финкельштейна, который в тот момент был в Москве. Эйтан долго находился в “отказе”, был членом Литовской Хельсинкской группы. В квартире его, кроме Надежды Яковлевны, жил в свое время еще и академик А. Д. Сахаров, когда приезжал в Вильнюс на суд над С. А. Ковалевым. Так что в свободной Литве вполне можно эту квартиру сделать мемориальной.

Надежде Яковлевне и Соне хорошо жилось в Вильнюсе в этой квартире, она в центре, до всех достопримечательностей рукой подать. Их всячески опекали и принимали в гостях мои друзья Тумялисы, Юозас и его жена Ванда, а также мать Ванды — Данутя Владиславовна Йоделене. Ее муж провел 9 лет в концлагере на Воркуте, а она сама с маленькой Вандой и немолодыми родителями была сослана в Сибирь, в Красноярский край, где работала в лесхозе. Так что поговорить им с Надеждой Яковлевной было о чем, к тому же мои любимые литовцы прекрасно знали русский.

Она и там не прошла мимо “Березки” и делала всем подарки. А дивной красоты европейский город им показывал Томас Венцлова. Лучшего гида по Вильнюсу придумать нельзя: нас с Андреем Сергеевым в 1963 году Томас тоже влюбил в свой город навсегда, когда водил по нему и вечером, и днем. В том, что Томас лучший гид по Вильнюсу, может убедиться каждый, прочитав вышедшую на русском в 2013 году в издательстве Ивана Лимбаха книгу — Томас Венцлова “Вильнюс: город в Европе”. Покидая понравившийся Вильнюс, Надежда Яковлевна опять звала Томаса в гости к себе.

Томас приехал в Москву, увы, уже навсегда прощаться со своими друзьями. Это был 1977 год, советская власть наконец позволила ему выехать из страны, но с билетом только в один конец. Мы ехали с Томасом к Надежде Яковлевне, не могли наговориться, я видела, как Томас нервничает, — расставаться с дорогими людьми насовсем нелегко.

Почему-то вместо цветов Томас вез Надежде Яковлевне бутылку шампанского (наверное, на нервной почве), которая так и осталась неоткрытой. Надежда Яковлевна радовалась и огорчалась одновременно: хорошо, что Томас будет свободным человеком, перед ним откроется целый мир, он сможет печататься, но она его больше не увидит. Прощаясь, Надежда Яковлевна сказала Томасу сокровенные слова: “Вы моя последняя любовь”.

Мне довелось наблюдать, какой заботливой и внимательной была Надежда Яковлевна с теми, кого любила. Такой я ее видала с Варей Шкловской, ее сыном Никитой, с Колей Панченко, с Юрой Фрейдиным, с Лелей Муриной, с Натальей Ивановной Столяровой, с Натальей Владимировной Кинд (Рожанской), смею думать, что и со мной грешной. Вот и с Томасом тоже.

О Василисе Георгиевне Шкловской-Корди Надежда Яковлевна не раз упоминает с нежностью в своих книгах — в этом доме их с Осипом Эмильевичем, а потом и ее одну, всегда привечали, любили, делились последним. Надежду Яковлевну восхищала не только доброта Василисы Георгиевны, но ее светлый ум и мужество. Я услышала смелую формулу Надежды Яковлевны: “При советской

власти не сходили с ума только греки”. (Она имела в виду греков Корди, предков Василисы Георгиевны по мужской линии, некогда попавших в Россию из Греции и оставивших ей в наследство спартакие черты характера.)

Удивительно трогательные отношения связывали Надежду Яковлевну с Натальей Евгеньевной Штемпель. Влюбленная очарованность Натальи Евгеньевны стихами Осипа Мандельштама, прогулки с ним по Воронежу подвигли написать поэта 4 мая 1937 года, может быть, лучшие в XX веке стихотворения о женщине, любви, смерти и посвятить их Наталье Евгеньевне. Эти стихи Осип Мандельштам считал своим завещанием.

I

К пустой земле невольно припадая,
Неравномерной сладкою походкой
Она идет — чуть-чуть опережая
Подругу быструю и юношу-погодка.
Ее влечет стесненная свобода
Одушевляющего недостатка,
И, может статься, ясная догадка
В ее походке хочет задержаться —
О том, что эта вешняя погода
Для нас — праматерь гробового свода,
И это будет вечно начинаться.

II

Есть женщины, сырой земле родные,
И каждый шаг их — гулкое рыданье,
Сопровождать воскресших и впервые
Приветствовать умерших — их призванье.
И ласки требовать у них преступно,
И расставаться с ними непосильно.
Сегодня — ангел, завтра — червь могильный,
А послезавтра — только очертанье...
Что было — поступь — станет недоступно...
Цветы бессмертны. Небо целокупно.
И всё, что будет, — только обещанье.

Москва, февраль 2014

.....

Ольга Карлайл

НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА МАНДЕЛЬШТАМ: ВОСПОМИНАНИЯ И ПЕРЕПИСКА¹

(Перевод с английского В. Литвинова. Примечания
В. Литвинова и П. Нерлера. Предисловие П. Нерлера.)

.....

Писательница и художница Ольга Вадимовна Андреева-Карлайл родилась в 1930 году в Париже. Оба ее деда — исторические знаменитости: писатель Леонид Андреев и эсер-революционер Виктор Чернов².

Отец, Вадим Леонидович Андреев (1903–1976), эмигрировал в 1919 году из Финляндии — через Кавказ и Константинополь — во Францию. В Париже он познакомился со своей будущей женой, Ольгой Викторовной Черновой-Колбасиной (1903–1978), там же родились их дети — Ольга и Александр.

Как и многие эмигранты во Франции, Вадим Андреев рисовал себе абстрактно-нереальную картину России — СССР. Неудивительно, что после победы, одержанной СССР в войне, он настойчиво хотел репатриироваться. Узнав об этом, его младший брат Даниил Андреев (1906–1959), автор знаменитой “Розы Мира”, успел — до того, как его самого посадили в 1947 году, — прислать открытку с такими словами “Замечательно, что вы к нам собираетесь. Как только Оля закончит Сорбонну, мы будем вас ждать”. Оле тогда было семнадцать лет: до окончания Сорбонны было еще далеко.

Намек был настолько выразителен и доходчив, что благоразумие восторжествовало, и Андреевы решили в СССР не ехать. Со временем семья перебралась в Швейцарию, а потом в США, где Андреев служил в Бюро переводов Европейского представительства ООН в Женеве.

В 1951 году Ольга вышла замуж за американского писателя Генри Карлайла³ и переехала в США: сначала они жили в Нью-Йорке, где в 1952 году родился Майкл, их сын, затем в Коннектикуте, а по-

.....

1 Впервые: Новый журнал. 2014. № 275. С. 193–210.

2 Ее мать, Ольга Викторовна Чернова, была не родной, а приемной дочерью Чернова.

3 Карлайл Генри Коффин (Henry Coffin Carlisle, 1926–2011) — писатель и переводчик, в т.ч. произведений Солженицына. Как председатель Американского Пен-центра (избран в 1974 г.) активно боролся с цензурой и выступал за присуждение Нобелевской премии А. Солженицыну.

том они переехали в Сан-Франциско, родной город Генри. Там Ольга всерьез занялась живописью, беря уроки у художника Джорджа Харриса. Со временем она стала профессиональным художником.

С конца 1950-х годов и на протяжении 1960-х Ольга Карлайл часто ездила в СССР в качестве журналиста¹, туриста или гостя. Для советских властей она была не только внучкой Леонида Андреева, дореволюционного классика и друга, как ни крути, самого Максима Горького, но и дочь Вадима Андреева — самого уникального члена Союза писателей СССР², не прожившего в Союзе ни дня и даже посетившего СССР лишь единожды. Он даже острил на эту тему: “Я единственный член Союза писателей, кто живет в Швейцарии, а печатается в СССР. Многие делали наоборот, но все они плохо кончали”³.

Мандельштам в семье Андреевых-Черновых всегда был одним из самых любимых и почитаемых поэтов⁴. Ольга Викторовна была одной из первых переводчиц стихов из “Камня” и “*Tristia*” на французский язык⁵. Так что неудивительно, что Ольга Карлайл свела “знакомство” с Осипом Мандельштамом задолго до личного знакомства с его вдовой. После выхода в Издательстве имени Чехова тома его стихов под редакцией Г.П. Струве и Б.А. Филиппова одной из самых первых начала переводить стихи Мандельштама и Ольга.

Переводила она и на английский, и на французский. Именно стихи и именно Мандельштама как бы скрепили собой все три культуры, яркой носительницей которых она всю жизнь являлась, — русскую, французскую и американскую.

.....

- 1 Поводом для первой поездки в СССР было заказанное ей интервью с Б. Пастернаком. С легкой руки К. И. Чуковского в СССР были напечатаны все три автобиографические книги В. Андреева: “Детство”, “Дикое поле” и “История одного путешествия”.
- 2 К 140-летию Леонида Андреева // Русский дом. Русская газета в Атланте. URL: <http://russiahousenews.info/art-story/leonid-andreev-pisatel>.
- 4 Даниил, правда, признавался брату в письме от 6 сентября 1930 г.: “Мандельштама я знаю скверно — его тоже очень трудно достать — как и Ин. Анненского, которого я безрезультатно ищу вот уже 1½ года. Вообще же, если хочешь знать, наконец, определенно, то ставлю точку над і: учителя мои и старинная и нержавеющая любовь — символы, в первую голову — Блок” (Вадим и Даниил Андреевы. Продолжение знакомства. Письма 1927–1946 годов / Публ. О. Андреевой-Карлайл и А. Богданова. Вступит. заметка О. Андреевой-Карлайл // Звезда. 2003. № 3.
- 5 Три стихотворения О. Мандельштама в ее переводе — “Prends pour ta joie...” “Возьми на радость...”, “Glorifions, frères...” “Сумерки свободы”, “Soeurs — tendresse et peine...” “Сестры — тяжесть и нежность...”, — впервые вышли в Женеве весной 1964 г. (см.: Ossip Mandelstam. Un des plus grands poètes de notre temps / Andreyev Olga (tr.) // Poésie vivante. Genève. Avril-mai 1964. n° 2/3. P. 3–5). Эти же три стихотворения, а также “Ариост” были опубликованы в 1972 г. как приложения к книге Жана Бло об О. Мандельштаме (Poèmes traduits par Mme Olga Andreev // Jean Blot. Ossip Mandelstam. Paris, 1972. P. 157–166).

О творчестве Мандельштама, как, впрочем, и о творчестве его вдовы, О. Карлайл написала целый ряд заметок и рецензий¹.

С Н.Я. Мандельштам Ольга Карлайл познакомилась весной 1962 года. Между ними сразу установились самые дружеские отношения, не прекращавшиеся до смерти вдовы поэта. Дополнительной краской в их отношениях было чисто женское щебетание о нарядах и прочих, по слову Осипа Мандельштама, “безделках”².

Весной 1967 года Ольга приехала в СССР не одна, а со своими друзьями и соседями по Коннектикуту — писателем Артуром Миллером³ и его женой, фотографом Инге Морат. Фотографии, сделанные Ингой на кухоньке квартиры на Большой Черемушкинской, вошли в фотоальбом “*In Russia*” (“В России”), выпущенный ею вместе с мужем вскоре после этого путешествия.

“К России, — писал в этом альбоме А. Миллер, — относятся с нежностью даже те, кого она наказала, даже те, кто живут частью своей душевной жизни в нестихающей ярости от официального лицемерия и бюрократической тупости. <...> Госпожа Мандельштам, вдова великого поэта, <...> кажется, когтями проскребла свой путь к некоторому роду духовного равновесия, <...> обогащенного страданием, запрещающим легкие лекарства и решения. От нее естественно недоброжелательное сравнение русских традиций с западными, но для таких, как она, уже и западный подход далеко позади. Вместо того чтобы сравнивать обе традиции друг с другом, она просто скажет: «Вы должны помнить, что выстрадали эти люди. Страдания русских людей ни с чем не сравнимы»⁴.

.....

- 1 A Note on Mandel'stam // The Atlantic Monthly. June 1963. P. 63; Voices in the Snow: Encounters with Russian Writers. New York, 1964; Des Voix dans la neige. Preface de Claude Bourdet. Paris, 1964; St. Peterbourg, mon amour. Rev. of: The Prose of Osip Mandel'stam, translated, with a critical essay, by Clarence Brown. // WP. Book Week. 1966. 9 January. P. 5, 19; Osip Emilievich Mandel'stam // Carlisle, Olga A. (comp.) Poets on the Street Corners: Portraits of Fifteen Russian Poets. New York: Random House, 1968. 1st ed. (2nd ed. — 1969). P. 115–125; N. Mandel'stam. Hope against hope. NY, 1970 «Review» // New York Times Book Review. 1970. 18 October; Brave Poet, Wise Wife. Nadezhda Mandel'stam: her spirit, her life in Soviet Russia // Vogue. 1973. Oct. P. 186, 229, 231; Osip Mandel'stam: his courage, his death in exile (Ibid. P. 187).
- 2 См., например, в письмах Н.Я. Мандельштам Н.Е. Штемпель, датированных серединой мая 1967 г.: “Оля оставила вам платочек, сделанный из воздуха. Она сказала, что вы lady-like, т.е. похожи на лэди, и, значит, платочек для вас” (Об Ахматовой. С. 353–354).
- 3 Миллер Артур (1915–2005) — американский драматург и прозаик, автор прославленной пьесы “Смерть коммивояжера” (1949). В 1962 г. женился третьим браком на фотографе Ингеборг (Инге) Морат (1923–2002), вместе с которой дважды посещал СССР — летом 1965-го и осенью 1967 г., когда О. Карлайл и познакомила их с Н.Я. См. их переписку: Nadezhda Jakovlevna Mandel'stam. Letters to Arthur Miller and Inge Morath / Publication by M. Wachtel // The Russian Review. Vol. 61. №. 4. October 2002. P. 505–516.
- 4 Цит. по предисловию М. Вахтеля к публикации: Nadezhda Jakovlevna Mandel'stam. Letters to Arthur Miller and Inge Morath / Publication by M. Wachtel // Ibid. P. 505–506.

В публикуемых ниже письмах Н. Я. Мандельштам встречаются имена двух американских поэтов, переведивших, вместе с Ольгой Карлайл, стихи Мандельштама — Уильяма Мервина и Роберта Лоуэлла. Оба заинтересовались русской поэзией, в частности Мандельштамом, но оба не знали русского языка, что и привело их к сотрудничеству с О. Карлайл, готовившей для них подстрочники и обсуждавшей с ними различные варианты английского текста.

Уильям Стэнли Мервин (р. 1927) — один из самых признанных американских поэтов и переводчиков XX века. В 1974 году, совместно с К. Брауном, он выпустил томик “Избранных стихотворений” О. Мандельштама, переизданный в 2004 году.

Что касается Лоуэлла, то у Н. Мандельштам было два его поэтических сборника — “*For the Union Dead*” (“За союз мертвых”, 3-е издание, 1964) и “*Life studies*” (“Штудии жизни”, 6-е изд., 1966). О. Карлайл передала эти книги вдове Мандельштама в свой приезд в 1967 году, тогда же она впервые решилась показать вдове поэта их совместные с Лоуэллом переводы из Мандельштама.

После этого между Н. Мандельштам и Р. Лоуэллом завязалась переписка, от которой сохранилось только четыре письма Н. Мандельштам (самое последнее датировано 1 июня 1971 года). Н. Мандельштам высоко оценила Лоуэлла и как поэта, и как переводчика и яростно встала на его сторону в заочном споре с Набоковым, подвергшим переводы Лоуэлла из Мандельштама жесткой критике.

Когда у Надежды Яковлевны стали выходить книги на Западе, у нее возникло понятное желание как-то контролировать свои финансовые дела. Для этого она учредила своего рода комиссию из четырех душеприказчиков, уполномоченных представлять ее деловые интересы на Западе.

Соответствующее уполномочие, вместе с рукописью “Второй книги”, доставил на Запад итальянский журналист Пьетро Сормани¹. Вот его текст:

“Какие бы лицензионные платежи ни причитались бы мне, следующие четыре человека должны рассматриваться как мои представители и им должно выплачиваться всё, причитающееся мне.

1) Ольга Вадимовна Андреева-Карлайл (в случае, если она не согласится, пусть будет ее тетя — Наталья Викторовна Резникова²)

.....

1 Сормани Пьетро (р. 1933) — в 1965–1970 гг. корреспондент газеты “*Corriere della Sera*” в Москве.

2 Резникова Наталья Викторовна (1903–1992) — сестра-близнец О. В. Андреевой, исследователь жизни и творчества А. Ремизова.

- 2) Никита Струве (61, Rue de la Maifie Villebon sur Ivette, France) tel. 928 0468
- 3) Кларенс Браун (Принстонский университет, США)¹
- 4) Пьетро Сормани, имеющий право на публикацию моей “Второй книги” в Италии.
Надежда Яковлевна Мандельштам
Москва 12 сентября 1970 г.”²

Ольга Карлайл, вместе с Кларенсом Брауном, открыла для Надежды Яковлевны специальный счет в одном из швейцарских банков, на который поступали гонорары Надежды Яковлевны. Самое трудное было переправить и передать ей ее деньги: делалось это в виде подарков, денежных или вещевых, которые ей изредка привозили иностранные гости. Надежда Яковлевна так и воспринимала сначала эти приношения — как независимые от ее гонораров подарки, и поначалу искренне возмущалась Кларенсом Брауном, который, как ей казалось, “зажимал” ее гонорары. Со временем это недоразумение полностью рассеялось.

Свой семейный и литературный архив Ольга Карлайл передала в Гуверовский институт. Среди содержимого — копии автографов О.Э. Мандельштама (в частности, стихотворение “Как по улицам Киева-Вия...”), завещание Н.Я. Мандельштам, рукописи и письма Н.Я., а также материалы о ее собственной работе над переводами из О. М. и статьями о нем. Весьма вероятно, что интересные материалы о Н.Я. Мандельштам находятся и в остальной переписке О. Карлайл, в частности с К. Брауном или Н. Столяровой.

В настоящую публикацию вошли воспоминания О. Карлайл о Н.Я. Мандельштам, ее стихи, написанные в день смерти Н.Я. Мандельштам, а также подборка писем, адресованных О. Карлайл и так или иначе связанных с Н.Я. Мандельштам. Среди корреспондентов — О.В. Андреева-Чернова, отец А. Шмеман и сама Н. Мандельштам. Письма Надежды Яковлевны написаны по-английски, их перевод, как и перевод стихов, а также цитат во вступительной статье выполнен В. Литвиновым: отдельные слова, написанные в оригинале по-русски, выделены при публикации курсивом.

Тексты готовились главным образом по ксерокопиям, предоставленным О. Андреевой-Карлайл. В перевод на русский язык

.....

1 Кларенс Браун — см. наст. издание, с. 434–483.

2 Спустя полгода она прислала новое: “Поручаю Никите Струве получать за меня гонорары и вести все расчеты с издательствами. Н.Я. Мандельштам. Москва 16 мая 1971”.

открывающих публикацию мемуаров ею внесены отдельные уточнения и дополнения.

Два текста — письма № 2 и 3 — даются по ксерокопиям, хранящимся в архиве Р. Лоуэлла в Гарвардском университете: *Houghton Library, Harvard University, bMSAm 1905 (1997, 1998)*.

От имени всех готовивших эту публикацию сердечно благодарю М. Вахтеля, Н. Ким, Н. Порфиренко, А. Таллока, А. Фэвр-Дюпэгр и А. Шмелева за щедрую помощь.

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

.....

Я родилась в 1930 году в Париже, в мирное время. У меня было счастливое детство, но с ранних лет на него отбрасывали отблеск катастрофические события, отметившие прошлое моей семьи: Мировая война, Русская революция и Гражданская война. Мои родители и особенно бабушка со стороны матери были природными рассказчиками.

Когда мои родители были молоды, с ними случались необычайные приключения. Отец воевал во время Гражданской войны на Кавказе. Бабушка, Ольга Колбасина-Чернова, родилась в семье революционеров с народовольческими корнями. Во время большевистского переворота 1917 года ее арестовали. Она бы погибла в Сибири, если бы не вмешательство друга семьи, Екатерины Пешковой, первой жены Максима Горького. Как и моя бабушка, Пешкова была членом партии эсеров и вела переговоры об освобождении бабушки с самим Лениным. В последнюю минуту в 1923 году бабушке и трем ее дочерям позволили эмигрировать в Париж, где они и поселились.

Много лет спустя представители русской интеллигенции, оставшиеся в России и противостоявшие властям, боролись за гражданские права. Среди них были физик Андрей Сахаров, поэт Борис Пастернак и Надежда Мандельштам, вдова великого поэта Осипа Мандельштама, погибшего в тридцатые годы в ГУЛАГе. Его судьба и его смерть приобрели почти сказочный характер и стали чем-то вроде мифа среди любителей поэзии. Мандельштам переведен на десятки языков. В США особенно известны свободные переложения Роберта Лоуэлла.

В течение ряда лет я приезжала в Советский Союз как журналист. Мое первое задание было от *Paris Revue*, нового литературного журнала, специализирующегося на серии “Писатель за работой”. Я взяла интервью у Бориса Пастернака незадолго до его

смерти в 1960 году. В следующий приезд в Москву я познакомилась с Надеждой Мандельштам.

Позднее, в шестидесятые, во время следующей поездки, которую я предприняла в обществе Артура Миллера и его жены, я познакомила их с Н. Я. В Коннектикуте, где я жила, Миллеры были моими соседями и близкими друзьями. Инге Морат, жена Миллера, была фотографом в агентстве “Магnum”. Она родилась в Австрии и была ученицей знаменитого фотографа Анри Картье-Брессона и одной из основательниц фотоагентства “Магnum”.

Скоро Н. Я. установила переписку с Миллерами, несмотря на то что почта из России часто была очень ненадежной. В это время Артур Миллер стал персоной нон грата в Советском Союзе. Бывший в течение долгого времени “попутчиком”, он разочаровался в Советском Союзе и высказался об этом в печати.

Представления Н. Я. о западном литературном мире были достаточно туманными. На протяжении десятилетий ее жизнь была непрерывным бегством от сталинских преследований, и поэтому у нее выработался страх предательства, реального или воображаемого. Она всюду видела заговоры и интриги. Это повлияло на ее чувства к высокоэрудированному и пользующемуся хорошей репутацией принстонскому профессору Кларенсу Брауну. В течение многих лет он прилагал большие усилия в роли юридического (разумеется, тайного) представителя наследия Мандельштама на Западе.

Всё это происходило в разгар холодной войны. Затруднения, случившиеся от недовольства Н. Я. профессором Брауном, стали весьма огорчительными для ее западных друзей. Мне это было особенно досадно, поскольку в это время я была очень занята делами Александра Солженицына, что было потенциально опасно для моих русских родственников и для самого Солженицына.

В это время, то есть до того, как Н. Я. получила собственную квартиру в Москве, она время от времени останавливалась у Виктора Шкловского. Шкловские жили в центре Москвы, около Третьяковской галереи. Оттуда нужно было всего лишь немного пройти по старинным улочкам до Ордынки, где Анна Ахматова останавливалась у своих друзей Ардовых. Виктор Ардов в это время был преуспевающим московским драматургом. Эта часть Москвы, впоследствии сильно перестроенная, в то время была полна очарования — кусочек старой Москвы с многочисленными, хоть и бездействующими, побеленными церквушками.

Для меня встреча с Н. Я. и Ахматовой, двумя русскими женщинами, которыми я восхищалась, была настоящим чудом. В тот день их разговор был весел и беззаботен. Они обсуждали события

дня и особенно предстоящую запись чтения Ахматовой. После десятилетий преследований Ахматову начинали признавать в России: ее официально попросили записать чтение нескольких стихотворений на пластинку.

Общение подруг было отмечено искрометным юмором и симпатией. В трудные времена они помогали друг другу, вместе провели много мрачных часов, когда сын Ахматовой Лев Гумилев и муж Н. Я. Осип Мандельштам были арестованы. Теперь они радовались безоблачности своей встречи.

Когда они беседовали, спонтанность Н. Я. контрастировала со сдержанностью Ахматовой. Н. Я. была невысокой, оживленной; в молодости, по словам Ахматовой, она была *laid mais delicieuse*¹. Сама же Ахматова держалась по-королевски с властной оценкой. Она была безупречно причесана, на плечах роскошная белая китайская шелковая шаль. Голос приглушенный, но звучный.

Я была частью того, что Пастернак называл “ахматовка”. Этот термин, звучащий как название железнодорожной станции, обозначал непрерывный поток телефонных звонков и импровизированных визитов, которые происходили каждый раз, когда Анна Андреевна приезжала в Москву. <...>

Однажды Н. Я. повела меня в мастерскую художника Александра Тышлера. Он подарил мне два прекрасных рисунка, которые у меня до сих пор хранятся. Н. Я. пригласила меня на концерт Марии Юдиной, знаменитой пианистки и старинного друга, которая однажды приезжала в Воронеж и играла для Мандельштамов, когда они были в ссылке в этом дальнем провинциальном городе. Зная, как Мандельштаму не хватало музеев Ленинграда и Москвы, она послала ему книгу с репродукциями импрессионистов из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина.

Иногда Н. Я. расспрашивала меня о Марине Цветаевой <...>

Н. Я. читала наизусть стихи и объясняла мне, чем поэтические голоса Цветаевой и Пастернака отличались от голосов акмеистов, поэтического братства, включавшего Мандельштама, Ахматову и Гумилева. Были длительные периоды, когда она и Ахматова не решались записывать эти стихи, вместо этого они их заучивали наизусть. Приверженность Н. Я. поэтическим принципам акмеистов была неослабевающей. <...>

В те годы пьесы моего деда Леонида Андреева были изгнаны из русской литературы, хотя полностью истребить память о нем

.....

1 Некрасивая, но очаровательная (фр.).

было трудно из-за его близкой дружбы с Максимом Горьким. Сегодня Леонид Андреев снова издается в России.

Эрудиция Н. Я. была замечательной. Она знала работы Николая Бердяева, блистательного русского философа и теолога, изгнанника, бывшего другом моих родителей в Париже. Раз или два подростком меня брали по воскресеньям к Бердяевым, они держали открытый дом, куда по воскресеньям собирались гости, интересующиеся философией и религией. Там обсуждались самые разные темы: произведения Генри Миллера, Мандельштама, Пикассо и Шарля Пегги.

Н. Я. познакомила меня с культурой Грузии — миром, традиционно дорогим для русских поэтов. Она и ее муж были особенно увлечены Кахетией, где когда-то вместе путешествовали.

Н. Я. и гостеприимна была по-грузински. Однажды Н. Я. пригласила меня в грузинский ресторан, где мы ели шашлык и виноградные листья, фаршированные ароматным рисом. Н. Я. заказала бутылку легкого красного вина из Кахетии.

В это время ей наконец выделили собственную квартиру в Москве, одну комнату и кухню. Там она принимала Артура Миллера с женой во время их поездки в Россию. Она их очаровала: она вполне свободно говорила по-английски, хотя ее владение языком было несовершенным и явно способствовало недоразумениям по поводу гонораров.

Этот счастливый момент был запечатлен Инге в серии фотографий. Одна из них была помещена в совместном альбоме Артура Миллера и Инге “В России”¹. В нем немало фотографий, снятых в Грузии, куда мы с Миллерами совершили короткую поездку.

Другим приключением, связанным с Н. Я., была поездка в Тарусу, писательскую колонию под Москвой, где когда-то жила Цветаева и где она нынче похоронена².

По моему статусу иностранного туриста мне нельзя было покидать Москву, поэтому нашу “экспедицию” нужно было держать в секрете. В электричке до Серпухова мне было приказано держать язык за зубами: французская интонация моей русской речи могла бы выдать иностранное происхождение. Укутанная в огромный серый платок, я всю дорогу просидела в темном углу вагона, подальше от окна, и молчала.

.....

- 1 Фотоальбом И. Морат “В России” (*In Russia*) впервые вышел в 1969 г. в издательстве “*Viking*” в 1972 г., переиздан в издательстве “*Penguin*”. В альбоме 220 фотографий и 63 страницы текста. На с. 10–11 — фото Н. Я. Мандельштам и рассказ о встрече с ней.
- 2 М. Цветаева похоронена в Елабуге, а в Тарусе на Хлыстовском кладбище установлен кенотаф.

Эта поездка врезалась в память. Н. Я. познакомила меня с Полей <...> — единственной настоящей русской крестьянкой, которую мне довелось узнать¹. Голос ее был замечательно мелодичным. Она жила в избе с огромной русской печью, на которой и спала зимними ночами. Ее гостеприимство было патриархальным — она нам предложила черный хлеб с маслом и землянику.

Вместе с Н. Я. мы много гуляли по лесам и полям Тарусы, встречая по дороге знакомых, в том числе и Наталью Ивановну Столярову, одну из моих посредниц в общении с Александром Солженицыным. Она была близким другом и Н. Я.

О моей поездке в Тарусу все-таки узнали власти, но, по счастью, никаких дурных последствий не возникло.

Это путешествие осталось в памяти как сказочное видение России.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — О. В. КАРЛАЙЛ-АНДРЕЕВОЙ
16 МАЯ <1967 Г.>

Моя дорогая Оленька! Я была так рада получить твое милое письмо и твой рисунок... Спасибо, дорогая, я очень по тебе скучаю. Хотелось бы видеться почаще. Почему это невозможно? Не понимаю... Я привыкла к тому, что меня отрывают от друзей, но каждый новый разрыв — слишком тяжкое испытание для меня. Разве не испытание то, что мы не можем встречаться чаще? Найдешь ли ты меня в живых, когда приедешь сюда в следующий раз? Я надеюсь на это, но не уверена. Мое здоровье быстро ухудшается, я действительно становлюсь “непригодной к ремонту”... Я это чувствую и знаю. Не правда ли, жаль, что мы не закончили наш разговор о жизни и других вещах? Помнишь, как было хорошо, когда ты приехала ко мне, и комната не была наполнена посетителями? Я устаю от всего этого...

.....

1 Степина Пелагея Федоровна (1904–1985) — хозяйка дома в Тарусе, у которой Н. Я. снимала дачу и с которой сдружилась.

Я очень много работаю. Есть надежда, что очерк о Данте скоро будет опубликован¹. Я его отправлю тебе и твоим родителям.

Что насчет Кларенса Брауна? Мне говорили, что он прочитал много лекций по русской поэзии. Я рада за него. Ты уже с ним встретилась? Скажи ему, что я его люблю.

Что насчет Роберта Лоуэлла? Я прочла его стихи. Я нахожу их первоклассными. У него есть, что сказать. Это — новый голос в поэзии. Те вещи, о которых он говорит, его чувства, его способ рассказать о них кажутся совершенно новыми. В стихотворении самое главное — сказать то, что не ожидается, дать новый поворот и новую жизнь тому, что нас окружает, что мы чувствуем, и тому, что составляет нашу жизнь. Может быть, просто надо открыть свое сердце, так, чтобы каждый узнал свои собственные ощущения, не так ли? Скажи ему, что я также очень заинтересовалась этим молодым поэтом, чьи стихи были опубликованы с его предисловием, а именно Сильвией Плат, которая говорит: “Годами я ела пыль и вытирала тарелки своими волосами”. Ее отчаяние и ее пчелы <много> говорят мне...²

Оленька! Мне сейчас сказали, что один мой друг тяжело заболел в больнице и ему необходимы лекарства. Их нет у нас. У него резкое ухудшение туберкулеза. По почте не дойдет. Скажите и Кларенсу про это. Я очень прошу его помочь.

Я знаю, что вам надоело бегать по аптекам, но что делать? Скажите Кларенсу.

Etionamide canomisine.

.....

.....

1 “Разговор о Данте” вышел в издательстве “Искусство” в мае 1967 г.
2 Лист рукописи обрезан.

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ —
О. В. КАРЛАЙЛ-АНДРЕЕВОЙ
30 ОКТЯБРЯ <1967 Г.>**

Дорогая Ольга!

Я была ужасно рада получить твоё письмо.

Не правда ли, прекрасно, что мой красивый дружок не забывает меня? Как ты там? У меня всё так же, как и раньше, за исключением того, что мой брат болен. Сейчас непосредственной опасности нет, но ему велели оставаться в постели, и он очень слаб. Мы становимся ужасно старыми — все мы. Завтра мне будет 68. Я никогда не думала, что доживу до столь почтенного возраста. И я чувствую, что все передвижения становятся трудны для меня, а самая трудная вещь — выйти из дома.

Я получила подарок, который они мне прислали. Передай им спасибо за него... Но самым интересным для тебя будет то, что я встретила твою тетю и твоего дядю¹. Я позвонила им и сказала, что пришло время познакомиться заново. Я предложила прийти к ним, но твоя тетя сказала, что чувствует себя хорошо и хочет прийти ко мне. Так они и сделали, и было очень мило с ними поболтать. Но их машина сломалась, и им пришлось ехать на автобусе. Не правда ли — благородно с их стороны? Они очень милые люди, особенно она. Но я надеялась увидеть копию твоей матери, которой она не является. Главное очарование твоей матери — в её верхней губе, а рот Ариадны² довольно жесткий. Они немного похожи, но не настолько, как я представляла...

Ты видела Кларенса? Он даже не знает, вернулась ли ты домой. Позвони ему или он будет очень ревновать.

.....

1 Ольга Викторовна Чернова-Андреева и Владимир Брониславович Сосинский.

2 Чернова-Сосинская Ариадна Викторовна (1908–1974) — родная дочь В. М. Чернова. По-видимому, Н. Я. не знала, что Ольга Чернова-Андреева была его не родной, а приемной дочерью.

Скажи Генри и Мише, что я их люблю. Я хотела бы познакомиться с ними... А больше всего я умираю от желания познакомиться с Робертом Лоуэллом. Последний раз его упоминал Кларенс. Они встретились на конференции и, кажется, понравились друг другу.

Целую тебя в бровь. Надежда.

.....

**«О. В. ЧЕРНОВА-АНДРЕЕВА —
О. В. КАРЛАЙЛ-АНДРЕЕВОЙ»
1 ДЕКАБРЯ 1970 Г.»**

Дорогая дочурка,

Спасибо тебе за последнюю открытку — Матисса.

Теперь у нас целая коллекция его редких вещей.

Книги, посланные тобой, уже начали доходить.

И мы получили “*Vision of Paris*” и *Gabo*.

Некоторое время назад мы получили письмо из Милана, написанное итальянцем, корреспондентом *Corriere della Sera* (*Courrier du soir* — самая солидная газета) — *Pietro Sormani*. Он написал, что вернулся несколько недель назад из Москвы, где 5 лет был корреспондентом. Перед отъездом он познакомился с Над. Як. М. И она дала ему рукопись 2-й части своих мемуаров и просила его списаться с нами (нами и тобой) для публикации ее мемуаров в *U. S.*

Спросил, остаемся ли мы в Женеве — он хотел бы встретиться и лично поговорить.

Я ему немедленно ответила. Но прошло время — он не ответил (итальянец!).

Я вчера ему позвонила.

Он был очень рад, сказал, что на будущей неделе едет в Лондон и, известив телеграммой, заедет в Женеву и завезет копию Н. Я. М.

Он не знал, что 1-я книга вышла в *N. Y.*, и, когда уезжал из Москвы, Над <ежда> Як <овлевна> еще этого не знала (видимо, он не скоро собрался нам написать).

По поручению Над<ежды> Яков<левны> (нашей милой резвушки) он показал рукопись *Mondadori* (!!!)¹ и еще какому-то издательству.

Мне показалось (*n'est au'une toute petite...*)², что книга не вызвала там энтузиазма.

Повторяю — это только впечатление при коротком разговоре по телефону.

Я сказала ему, что на 1-ю были хорошие отзывы, и среди других твоя рецензия в *N. Y. Times*³. Он не знал.

Он считает, что Над<ежда> Як<овлевна> ошибается, как и многие, многие другие в России, что заграничный шум их “защищает” от репрессий.

Он думает, что это совсем неправильно.

Вообще по разговору (мы говорили с ним по-итальянски, а письмо он написал по-английски) — он симпатичный.

Ну вот, будем ждать его на будущей неделе.

Какие еще подарки нам пошлет судьба руками наших русских друзей?

Насчет Солжениц<ына> мы с папой гордимся, что так верно предсказали его *attitude*⁴. В “*Suisse*” было сказано, что он отказался от поездки⁵, боясь, что его не впустят обратно.

По радио говорили, что он хочет получить премию через Шведское консульство.

А пока по субботам по радио (*Suisse Romande*) читают “Раковый корпус” — очень хорошо, как пьесу, меняя голоса в разговорах.

Вадим на днях послал тебе и ряду друзей в Америке свою самоизданную книгу “Пять чувств” — *Choix*

.....

1 *Arnoldo Mondadori Editore* — крупнейшее итальянское издательство со штаб-квартирой в Сеграте, под Миланом. В этом издательстве в 1971 г. вышел итальянский перевод “Воспоминаний” Н. Мандельштам: *Mandel'stam N. L'epoca e i lupi* (Эпоха и волки), Milano, Arnoldo Mondadori Editore. 1971.

2 Всего чуть-чуть (*фр.*).

3 *New York Times Book Review*. 1970. 18 October.

4 Отношение (*англ.*).

5 В Стокгольм, на вручение Нобелевской премии.

*de poèmes*¹. Прежде всех получит Софья Семеновна² — ей Вадим послал *par avion*, но это очень дорого.

Принял ли Миша какое-нибудь решение? Напиши нам. Мы всё время думаем о нем.

Как прошли праздники? Мы на днях ездили в горы. Женева под густым слоем “*Stratus*” — туманна. А наверху, в *Arquier*³ было яркое, горячее солнце и лица загорали. На другой день тоже поехали — но солнца было мало. Заехали к *Coffinet*⁴. Оказалось, что они тоже купили шампанское и выпили его за лауреата — Солженицына, и вспоминали нас.

Горячо обнимаю, мама.

Послала ли ты *Coffinet* “Путешествие с тетушкой”⁵? Я забыла тебе напомнить, что книги надо посылать Володе с пометкой “от Оли”, их кв. теперь 61, дом тот же.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — О. В. КАРЛАЙЛ-АНДРЕЕВОЙ
9 ДЕКАБРЯ <1970 Г.>**

Мой дорогой маленький друг Оленька!

Я была так рада получить твое письмо.

Как жаль, что ты не можешь приехать. Неприятно думать, что мы можем никогда не увидеться. Но я надеюсь, что ты приедешь с Генри и Майклом. Какой факультет он выберет в Йеле?

Я очень состарилась и более неразговорчива. Не такая болтушка, как раньше. После семидесяти трудно даже есть и говорить.

.....

1 Избранные стихи (фр.).
 2 Дубнова-Эрлих Софья Семеновна (1885–1986) — поэтесса и переводчица, дочь С. М. Дубнова.
 3 Местность в Альпах.
 4 Швейцарские знакомые В. и О. Андреевых.
 5 Роман Грэма Грина (1969).

Я знаю Мервина — он перевел стихотворение “Слово”. Он имеет все права на то, чтобы получать подарки, но у книги есть недостатки. Я чувствую, что тоже должна сделать ему подарок (в ответ). Но я не могу этого сделать. Скажи ему, что я его люблю, и попроси его прислать мне свои книги.

Инге написала мне очень милое письмо. Скажи им обоим, что я их люблю. Напомни обо мне Генри и Роберту¹. Я сильно по тебе скучаю. Целую.

Твоя Надежда Мандельштам.

.....

**О. В. ЧЕРНОВА-АНДРЕЕВА —
О. В. КАРЛАЙЛ-АНДРЕЕВОЙ**
10 ДЕКАБРЯ <1970 Г.>

Милый Кот, у нас только что был итальянец *Pietro Sormani*, которому Н.Я. доверила свое произведение. Я посылаю тебе фотокопию доверенности, которую Н.Я. дала ему, где фигурируют лица, которым она доверяет.

Наш гость летел из Лондона и заехал в Париж, где он виделся с Никитой Струве и (после некоторого колебания) дал ему рукопись (она в 1 экземпляре).

Если ты хочешь сама заняться изданием по-английски “2-й книги” — напиши об этом Никите Струве и К. Брауну.

Я лично считаю, что тебе не стоит этим заниматься.

Если ты не хочешь иметь с этим дело, напиши это и Струве, и Брауну, чтобы всё было ясно.

Ты теперь готовишь выставку — и это серьезный повод.

Я и Вадим искренне порадовались, что книгой займется Н. Струве — он, кажется, очень приличный человек.

.....

1

Генри Карлайлу и Роберту Лоуэллу.

Итальянец оказался довольно симпатичным. Он хорошо знает Наташу, через которую познакомился со многими общими друзьями.

Он не в восторге от “2-й книги” Н.Я. Говорит, что она очень субъективная. В ней много о стихах Мандельштама, об Ахматовой и др. Но больше всего ее собственных размышлений и рассуждений о последующей эпохе (Хрущева).

Он дал в одно издательство — там сказали, что хотят издать только *extraits*¹, но не всю книгу. *Mondadori* он еще не спрашивал.

Ну вот, Кот — поступи, как считаешь правильным.

Я посылаю тебе 2 переснятые доверенности: тебе и Кларенсу Брауну.

Напиши Никите Струве.

Его адрес на доверенности.

Новости, что сообщил *Sormani* о друзьях, хорошие.

И все живы-здоровы.

Напиши скорее, послала ли ты *Graham Greene*'а (*Travel with the Aunt*)?..

У меня эта книга в руках, и я жду ответа от тебя.

Знаешь ли ты, что сюжет ее очень близок к “*The Contract*” *Henry*²?! Это — экстравагантная тетушка 70 лет, которая путешествует с племянником самым эксцентричным образом. Невероятно.

Хорошо, что книга *Henry* вышла раньше³.

Вот на всякий случай адрес *Sormani*

Pietro Sormani

Corriere della sera, via Solferino, 28

20100 Milano (Italia).

Обнимаю всех горячо.

Под елку я посылаю вам всем увеличенные фотографии.

.....

1 Выдержки, фрагменты (англ).
 2 Имеется в виду роман Г. Карлайла “Договор”.
 3 Роман Карлайла “Договор” вышел в 1968 г.

*Très modeste, trop modeste*¹.

Но сейчас посылать пакеты невозможно — будут идти 3 месяца.

Обнимаю, целую.

Мама.

.....

**◀ О. В. ЧЕРНОВА-АНДРЕЕВА —
О. В. КАРЛАЙЛ-АНДРЕЕВОЙ ▶
29 ДЕКАБРЯ 1970 Г. ▶**

С НОВЫМ ГОДОМ!

Дорогая Оленька,

Саша и *Judy* приехали к нам 22 дек., так что мы устроили праздник и елку 23-го. А 24-го, около 12-ти они уехали, оставив у нас девочек. По дороге они ночевали около Дижона и отлично доехали.

23-го мы с *Judy* бегали по магазинам и очень веселились. Саша только что вернулся из Африки, еще загорелый, похудевший и красивый, несмотря на бороду. С ними было очень хорошо. Девочки прелестные, воспитанные и умницы. Зоя написала открытку о том, что они получили твои подарочки. <...>

Елка у нас была веселая. Сейчас во всей Европе снег и снежные заносы. *Judy* написала, что если так будет и дальше — Саша приедет за девочками на поезде.

Кот, я считаю, что тебе следует написать итальянцу *Sormani* — можешь по-французски или по-английски. Напиши ему, т.к. он является доверенным Над. Яковл. Как ты решаешь насчет ее 2-й книги? Хочешь ли принять то или иное участие в издании ее на английском языке? Напиши ему об издательстве *Bessie*² и главное: хочешь ли
.....

1 "Очень скромно, слишком скромно" (фр.).

2 Бесси Саймон Майкл (1916–2008) — один из основателей (1960) и владельцев успешного издательства *Atheneum Publishers*, в котором выходили английские версии обеих книг Н.Я. Мандельштам (в переводе М. Хэйворда). При этом обе выходили с изменен-

ты поручить всё *Clarence*. Ведь твое имя фигурирует в списке нашей милой Резвушки. Ты можешь совсем отказаться, но надо что-то сообщить *Sormani* и он тогда спишетсся с *Clarence Brown*'ом или сама напиши *Clar<ence> Brown*. Но нужно это сделать очень скоро, потому что в конце января *Sormani* уезжает корреспондентом в Гонк-Конг.

Я показывала ему твои книги, и он очень хорошо к тебе расположен. Вообще он *plutôt*¹ симпатичный и хорошо разбирается в русских делах.

Pietro Sormani Corriere della sera,
Via Solferino, 28 20100 Milano Italia

Вообще ты можешь не принимать участия, но нужно, ради Над<жды> Як<овлевны>, согласоваться в дружеской форме. Никита Струве, кажется, очень симпатичный человек.

Но Вадим и я должны быть в стороне. По словам *Sormani*, 2-ю книгу не так легко устроить. Поэтому интерес издательства *Bessie* очень заслуживает внимания.

Мы очень переживаем двойной ужас параллельных процессов в *Burgos'e* и в Ленинграде².

Хорошо, что с нами дети, и снег и елка. <...>

Обнимаю тебя горячо. Тебя, *Henry* и Мишу.

<...> Обнимаю, мама.

.....

.....

ными названиями: “Воспоминания” как “*Hope against hope*” (“Надежде вопреки”, 1970), а “Вторая книга” как “*Hope abandoned*” (“Оставленная надежда”, 1972).

1 Довольно-таки (фр.).

2 Имеются в виду суд над террористами из баскской подпольной организации ЭТА, начавшийся в Бургосе 3 декабря 1970 г. и завершившийся несколькими смертными приговорами, а также начавшееся в Ленинграде так называемое “самолетное дело” о попытке группы еврейских активистов-отказников захватить 15 июня 1970 г. самолет и бежать на нем из СССР. На обоих процессах были вынесены смертные приговоры (шесть в Бургосе и два в Ленинграде), отмененные позднее под протестным давлением мирового общественного мнения.

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — О. В. КАРЛАЙЛ-АНДРЕЕВОЙ
⟨1971 г.⟩

Дорогая Оленька!

Ты где? Что ты делаешь? Где пройдет выставка? Надеюсь, она будет успешной.

То, что мне писал Кларенс о деньгах, находящихся под вашим совместным попечением (твоим и его) в швейцарском банке, — правда. Не говори ему, что я тебя просила об этом. Он уже ужасно обижен и не понимает, что заслужил это своим идиотским поведением. Он всё мог мне давно написать, но он этого не сделал. И теперь он не говорит, какой банк. Почему?

Человек не в себе... Как этому можно верить... Но я продолжаю ему симпатизировать, если “совместное попечение” — не ложь.

Отвечай мне сразу — это правда или ложь.

Твоя Н. Мандельштам.

Скажи Генри, что я его люблю. Когда вы уезжаете во Францию?

Напомни обо мне родителям.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — О. В. КАРЛАЙЛ-АНДРЕЕВОЙ
⟨ДЕКАБРЬ 1971 г.⟩

Счастливого Нового года всем вам.

Мой дорогой маленький друг! Я так опять хочу видеть тебя... сбудется ли это?

Сомневаюсь...

Скажи Миллерам, что я их люблю. Увижу ли я когда-нибудь Генри и Майкла? Давно пора повидаться. Вы рискуете опоздать: я становлюсь страшно старой.

Теперь я почти всё время дома и слишком часто остаюсь в постели: чувствую себя ужасно слабой. Это старость.

Мой друг продолжает приходить *to my gloce*¹, и вечером я никогда не бываю одна. Мой брат в этом году чувствует себя неплохо. Василисе² уже 81. Скоро мы отметим ее годовщину, никогда не думала, что буду жить так долго.

Приезжай навестить меня. Я угощу тебя, а также Генри и Майкла обедом. Приедешь? Давай весной... Перед моими окнами маленький садик. Весной он будет зеленым. Приезжай, пожалуйста, моя дорогая...

Наташа в порядке³. Она умудряется по-прежнему быть молодой и всегда в движении. Я ее за это высоко ценю... Она часто приходит ко мне, и мы всегда говорим о тебе.

Целую.

Генри закончил свою книгу? Майк уже в колледже? Какую специальность он выбрал? Никитка⁴ — студент второго года. Он отличный мальчик с очаровательной улыбкой. Твоя Надежда Мандельштам.

.....

Н. А. СТРУВЕ — О. В. КАРЛАЙЛ-АНДРЕЕВОЙ
23 ЯНВАРЯ 1973 Г.

Многоуважаемая Ольга Вадимовна!

Пишу Вам по поручению Надежды Яковлевны. Вы, вероятно, уже в курсе о прибытии второго тома, который по-русски будет издан в *YMCA-PRESS* под моим руководством (но, разумеется, без моего имени) — просто буду следить за печатанием. Н. Я. позволила произвести мне

.....

1 Предположительно описка; возможно, *glove*, т.е. перчатка. Смысл фразы: приходит прикладываться к ручке.
 2 В. Г. Шкловская-Корди.
 3 Н. И. Столярова.
 4 Имеется в виду Никита Ефимович Шкловский-Корди.

в рукописи множество сокращений там, где касается Ахматовой, которую она слишком часто лягает.

<...>

Примите это во внимание, я думаю желательно, чтобы черновики не были сосредоточены в одном месте (т. е. у Брауна). Что Вы думаете по этому поводу?

<...>

С глубоким уважением, Никита Струве.

<...>

.....

А. ШМЕМАН¹ — О. В. КАРЛАЙЛ-АНДРЕЕВОЙ

<1973 г.>

Дорогая Ольга Вадимовна,

Вчера ночью закончил — с огромным волнением — “машинопись” второго тома Н. Я. Мандельштам и спешу, согласно Вашему пожеланию, поделиться с Вами моими мыслями и впечатлениями.

Спору нет: книга эта и в целом, и в частностях очень резкая, и я могу понять желание несколько “сгладить углы”, особенно в отношении “личностей”. Но желание это, во мне во всяком случае, разбивается о нечто другое, гораздо более глубокое и важное. Эта резкость, во-первых, от такой подлинной боли, от такого ни с чем не соизмеримого страдания, что брать на себя ее “сглаживание” я лично не решился бы. Во-вторых же, эта резкость мне не кажется “мелочной”, “сведением счетов”, “бабьими сплетнями”. Так, например, несмотря на всю критику в отношении Ахматовой, книга пронизана такой глубокой любовью, нет, таким ее признанием и восхищением перед ней, что сама критика оказывается даже полезной. За “иконой” Ахматовой мы видим живого

.....

1 Шмеман Александр Дмитриевич (1921–1983) — православный священник, протопресвитер и богослов.

человека, со слабостями и недостатками, про которые только одна Н. Я. и может поведать, и это хорошо. Что касается таких людей, как Г. Иванов, Одоевцева и т. д., то, по-видимому, образ Мандельштама, созданный ими, действительно так чудовищно “деформирован”, что здесь Н. Я. находится в состоянии “законной самозащиты”. Про Бердяева, в сущности, ничего плохого не сказано, кроме того, что, будучи абсолютно лишен практического склада, он был жертвой каких-то темных личностей. Остается Харджиев, про которого как будто вы знаете больше и отношение к которому Н. Я., по Вашим словам, явно несправедливо. Но это, мне кажется, только примечания или оговорки в рецензии, или что-нибудь подобное.

В целом же, повторяю, мне эта вторая книга не представляется “снижением” по сравнению с первой. Тема ея даже еще больше углублена: при всеобщем молчании и равнодушии гибнет не только великий поэт, но поэт, чья поэзия — в этом тезис Н. Я. — является в последнем счете единственным “антидотом” бесовщины, завладевшей Россией. Задача Н. Я. не только защитить память о муже, поведать о нем и сохранить его литературное наследство, но и в том еще, чтобы показать всю глубину этой трагедии, т. е. т<ак> ск<азать>, именно не случайность гибели именно Мандельштама и именно такой гибелью. В этом контексте отношение к нему и его гибели “литераторов” и “литературы” приобретает решающее значение. Права или неправа Н. Я. в своей грандиозной схеме, это уже другой вопрос, но невозможно в чем бы то ни было “упрощать”, мне кажется, ея аргументацию. В каком-то смысле ея личные “нападки” поднимают тех, на кого она нападает, возносит их на уровень той трагедии, уразумение которой одно может, употребляя выражение Н. Я., привести к “катарсису”.

Вот всё, что я могу сказать. Конечно, мы говорили с вами в контексте английского издания, а не русского. Но и в этой связи, мне кажется, “бомба”, брошенная таким человеком, как Н. Я., может быть бла-

готворной — для всех благополучных, “объективных” и чудовищно слепых литературоведов — текст препари- рованный по их “благожелательным” формулам. Пусть, если нужно, будет спор, а он будет, ибо вся религиозная установка Н. Я. всё равно для безнадежно отсталых за- падных позитивистов будет как ладан для черта. Но спор этот лучше, чем “цензура”.

Спасибо за то, что дали возможность провести несколько очень напряженных и мучительно-насладитель- ных дней за чтением этой потрясающей книги. Передайте поклон Вашему мужу.

Искренне Ваш Александр Шмеман.

.....

КЛАРЕНС БРАУН: ВОСПОМИНАНИЯ О Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ И БЕСЕДЫ С НЕЙ¹

(Перевод с английского В. Литвинова. Комментарии В. Литвинова и П. Нерлера. Предисловие П. Нерлера)

.....

Профессор Кларенс Браун (*Clarence Brown*) роди- лся в 1929 году в Андерсоне (Южная Каролина). Учился в *Duke University*, где изучал древнегреческую и русскую литературу, а также в Институте военных переводчиков в Монтеррее, что в Ка- лифорнии, где изучал немецкий язык (окончил в 1952 году). Во- енную службу проходил в качестве переводчика в Берлине. Де- мобилизовавшись в 1954 году, поступил в аспирантуру Мичиган- ского университета, где изучал лингвистику, а после женитьбы на Жаклин Дукень, астрофизике (бельгийке по происхождению), пе- решел в Гарвардский университет, где учился у Р. Якобсона, Вс. Сечкарева, Р. Поджиоли и др.

.....

1 Благодарю Ж. Браун-Дукень, М. Вахтеля и В. Литвинова за помощь в осуществлении этой публикации.

Здесь в 1957 году и состоялось его первое знакомство с творчеством Осипа Мандельштама¹. В 1962 году в Гарварде Браун защитил диссертацию “Жизнь и творчество Осипа Мандельштама” — первую в мире квалификационную работу о поэте!

Начиная с 1959 года и на протяжении последующих сорока лет Браун работал в Принстонском университете: сначала в отделе романских, затем славянских языков, а с 1972 года — в отделе сравнительного литературоведения. В конце 1960-х годов он вел спецкурсы по акмеизму, в значительной степени посвященные поэзии Осипа Мандельштама. Среди других его русских “любимцев” — В. Набоков, Е. Замятин и др.

В 1962–1966 годах Браун несколько раз бывал в Москве и Ленинграде, где встречался с Надеждой Мандельштам, Анной Ахматовой, Ефимом Эткиндром и др. В 1962 году Эткинд подарил ему автограф стихотворения Осипа Мандельштама “Под грозowymi облаками...”, долгие годы украшавший рабочий кабинет-башню Брауна в Принстоне. Именно Браун в декабре 1965 года вывез из Москвы рукопись “Воспоминаний” Надежды Мандельштам, опубликованную на Западе в 1970 году. Вместе с Ольгой Андреевой-Карлайл, Никитой Струве и Пьетро Сормани он входил в созданный Н. Я. Мандельштам своеобразный “Комитет четырех” — орган, призванный координировать все действия по изданию и переводу ее книг на Западе, в том числе правовые и финансовые.

В 1960-е и 1970-е годы он много переводил из Осипа Мандельштама — в основном прозу, но также и стихи (вместе с Вильямом Стэнли Мервином — как говорят, одни из лучших переводов). Первое же книжное издание Осипа Мандельштама (“*The Prose of Osip Mandelstam*”, 1965) было удостоено Национальной книжной премии (*National Book Award*), а монография “Мандельштам” (1973) — первая научная биография поэта — премии имени Кристиана Гаусса в области литературной критики (*Christian Gauss Award in Literary Criticism*). Сильными и радующими сторонами этой книги были чуткость к поэтическому слову и ту личную тональность, в которой книга написана.

При этом Браун не ограничивался тем, что узнавал от Н. Я. Мандельштам, с которой многократно консультировался и которой он посвятил книгу. Весьма ценным был его контакт, например, с Ароном Штейнбергом, учившимся вместе с Осипом Мандельштамом в Гейдельберге. Предисловие и первые семь глав подводят итог

.....

1 См. об этом ниже в его воспоминаниях. Впервые на англ. языке: Brown C. *Memories on Nadezhda* // *The Russian Review*. Vol. 61. №. 4. October 2002. P. 485–488.

всему, что было известно о биографии поэта до 1925 года включительно. Более чем скудными были сведения о том, что было с Мандельштамом после 1925 года; всё, что К. Брауну удалось наскрести, уместилось в восьмую главу, более напоминающую хронику. Как бы в “гармонии” с этим находится и аналитический компонент: стихотворения до 1925 года разбираются тщательно и любовно, а стихотворения 1930-х годов почти не рассматриваются.

С выходом в 1970 году на Западе первого тома “Воспоминаний” Н. Я. Мандельштам снова начала опасаться ареста и конфискации архива. Поэтому она приняла решение переправить его на Запад и оставить там на временное хранение вплоть до либерализации советского режима. В 1973 году архив был успешно вывезен во Францию, где бережно хранился у Н. А. Струве.

В июне 1976 года, по настоянию Н. Я. Мандельштам, он был перевезен из Франции в США и при посредничестве Кларенса Брауна, отказавшегося принять основной архив Осипа Мандельштама в личный дар от Надежды Яковлевны, и его ученика Эллиота Моссмана безвозмездно передан в Принстонский университет. Здесь, в Отделе редких книг и рукописей Файерстоунской библиотеки, архив и обрел свое окончательное пристанище, став мощным магнитом, притягивающим к себе десятки мандельштамоведов со всего мира. Браун стал фактически его первым куратором.

В январе 1991 года К. Браун участвовал во Вторых Мандельштамовских чтениях в Москве¹, тогда же был избран в Совет Мандельштамовского общества. В 1999 году он вышел на пенсию и переехал в Сиэтл, где и скончался 18 июля 2015 года.

В 2001 году в Принстоне состоялась конференция, посвященная двадцатипятилетию “оседания” в университете кочевого и многострадального мандельштамовского архива. Открывать ее должен был, естественно, Кларенс Браун. Но здоровье не позволило ему принять личное участие в конференции, и его текст был зачитан Майклом Вахтелем. В 2002 году доклад был опубликован по-английски, а в 2014 году впервые опубликован на русском в “Новом журнале”.

История знакомства Надежды Мандельштам и Кларенса Брауна имеет как бы два начала. Вот первое — сугубо акустическое и односторонне-заочное — в передаче Брауна:

.....

1 Свои впечатления он изложил в серии репортажей “Московский дневник” в газете *The Times (Trenton)*, где вел регулярную рубрику “*Ink Soup*” (“Чернильный суп”). См.: Браун К. Из “Московского дневника” / Пер. с англ. В. Литвинова // Сохрани мою речь. Вып. 4/2. М., 2008. С. 743–767.

“11 июля 1962 года, извиняемый только своим неведением, я нелегально поехал на электричке из Ленинграда в Комарово, где А. жила на даче, предоставленной ей Литфондом. <...> Мы сели сначала на маленькой застекленной веранде. Она сразу же сказала мне, что поэт Георгий Иванов ответственен за всяческую клевету на нее. Неправда, что, как он писал, после развода с Гумилевым и неучастия во втором цехе поэтов она вышла из чести у молодых читателей. На самом деле всё было наоборот. После того как мы вскоре перешли в маленькую комнатку, ее разговор столь исключительно касался Мандельштама, иногда только со случайными отклонениями в свою сторону, что, когда я просматривал позднее свои записи, эта увертюра поразила меня тем, что единственный раз она слегка напомнила мне примадонну, озабоченную своей репутацией у публики. Четыре года спустя я узнал у Надежды Мандельштам, вдовы поэта, о котором я пришел говорить с А., что она была сокрытой свидетельницей дальнейшей беседы. Никто не был готов к внезапному появлению в Комарове, запретном для иностранцев, американца, пишущего о Мандельштаме. С таким же апломбом А. могла бы привечать белого кролика с космического корабля. Она говорила быстро и речисто, как будто подготавлилась к моему приезду. Моя мономаниакальная одержимость Мандельштамом, а не ею, должна была показаться ей приятным разнообразием. Всё, что писал Георгий Иванов, было ложью. Он с Адамовичем были моложе акмеистов, они были всегда на отшибе, к тому же вскоре отбыли в эмиграцию. К Адамовичу она была расположена добрее, он не писал о том, чего не знал. А Иванов сочинял. У Осипа никогда не было дочери. У него была жена. До их женитьбы она была Хазина. (Само существование Надежды Яковлевны было неизвестно даже Глебу Струве и Борису Филиппову, издателям собрания сочинений Мандельштама в США.) Жив ли еще Страховский (другой мемуарист)? Да? Очень жаль. Он может продолжить лгать о Мандельштаме. О ней он тоже написал чепуху. Он уехал в 1918 году, и всё, чего он якобы был очевидцем позднее, это чистая фальшивка. Почему они на Западе не используют свободу для того, чтобы писать правду, а не ложь? Влиятельный Брюсов однажды намеренно обидел Мандельштама, сказав, что ему нравятся его стихи, а затем процитировал Маккавейского. (Подразумевалось, я думаю, что намеренное оскорбление предпочтительнее вкрадчивых сплетен лжецов из ее списка.) Она присутствовала при первом аресте Мандельштама в 1934 году...”.

Второе — и уже полноформатное — знакомство состоялось в 1965 году, когда Браун приехал в Москву на несколько месяцев на стажировку по проблемам художественного перево-

да. За это время он не только завоевал доверие вдовы Мандельштама, но и ее дружбу. Вот тому лучшее доказательство: покидая Москву накануне Рождества, он получил весьма доверительный груз — машинопись “Воспоминаний” Надежды Мандельштам, которую — по посольским каналам — благополучно переправил к себе в Принстон.

Публикуемый здесь документ возник по ходу серии их новых встреч — весной 1966 года, вскоре после смерти Ахматовой. Оба — и Надежда Мандельштам, и Кларенс Браун — неплохо “подготовились” к встречам. Она — составила биографическую справку о Мандельштаме, во многом оригинальную — многие ее позиции не встречаются даже в ее собственных “Воспоминаниях”. Он — проштудировал справку и оба тома двухтомника под редакцией Г. П. Струве и Б. А. Филиппова. И еще он оснастился технически: приходил к Н. Я. с тяжеленным магнитофоном (легких диктофончиков тогда и в помине не было) и записывал ее рассказы, заранее договариваясь о темах или об источниках, которые они вдвоем штудировали. То был в основном комментарий Надежды Яковлевны — будь то отдельные стихотворения из “американки”, строчки из биохроники Мандельштама или письмо Харджиева Эйхенбауму о поэтическом вечере О. М. в редакции “Литературки” в 1932 году.

Как правило, запись велась без “посторонних”, но бывали и исключения. Так, однажды Н. Я. устроила форменный турнир: кто лучше прочтет стихотворение “Слышу, слышу ранний лед...” — пленка зафиксировала четыре разных исполнения, включая ее.

Расшифровки этих записей и составили настоящую публикацию. Сами записи были любезно подарены мне К. Брауном в 2013 году — пять кассет фирмы *Philips*, каждая на 60 минут. Две из них датированы: 23 марта и 23 апреля 1966 года. На остальных проставлена длительность записи, при этом некоторые фрагменты записались не слишком хорошо, так что отдельные фразы и вовсе не удалось расшифровать.

При подготовке к печати текст был избавлен от большинства неизбежных в таком случае шероховатостей устной речи. Печатается в сокращении.

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

.....

Я благодарен своим профессорам в Гарварде Роману Якобсону и Всеволоду Сечкареву за то, что приблизительно в 1957 году они подсказали мне посмотреть работы одного русского поэта, о котором я никогда до этого не слышал.

Когда я извлек кое-что из Мандельштама из глубин Уйденеровской библиотеки¹, я был поражен тем, насколько он оказался непохожим на то, что я ожидал увидеть. Куда больше походил он на поэтов, писавших на других языках и которых я тогда читал (Стивенс, Элиот, Малларме, Рильке), чем на то, что я мог бы мечтать встретить на русском языке. И он стал частью моей судьбы (а я, увы, частью его).

Единственным томиком Мандельштама, который я смог купить, а не одолжить, была маленькая книжка в бумажном переплете, вышедшая в Издательстве имени Чехова.

Спустя некоторое время меня неожиданно попросили написать английское предисловие к следующему изданию Мандельштама, изданию под редакцией Глеба Петровича Струве и Бориса Андреевича Филиппова², которое в конечном счете стало многотомным. Это издание вышло в некоей организации под названием «Межъязыковое литературное сотрудничество»³, что было несомненным «прикрытием», поскольку ни один человек с минимальным литературным вкусом не смог бы изобрести такое идиотское название. Деньги шли из ЦРУ. В отсутствие Министерства культуры (представьте, что Стром Тэрмонд⁴ или Джесси Хелмс⁵ финансируют какую-либо поэзию, в особенности русскую) мы вели войну на культурном фронте, публикуя писателей, которые раздражали убивших их диктаторов.

Струве и Филиппов, вероятно, знали больше об Осипе Мандельштаме и его судьбе, чем кто бы то ни было, кто мог в это .....

1 *Harry Elkins Widener Memorial Library* (полное название) — главная библиотека в библиотечной сети Гарвардского университета.

2 Струве Глеб Петрович (1898–1985) — представитель первой волны русской эмиграции в США, литератор и филолог, профессор-славист в Калифорнийском университете в Беркли, редактор и издатель собраний сочинений О. Э. Мандельштама в США. Филиппов (Филистинский) Борис Андреевич (1905–1991), — представитель второй волны русской эмиграции в США, литератор, редактор и издатель собраний сочинений О. Э. Мандельштама в США. См. о них подробнее в кн.: НЕРЛЕР П. *Осип Мандельштам и Америка*. Изд. 2-е. М., 2012. С. 43–194.

3 *Inter-Language Literary Associates*.

4 Thurmond Strom (1902–2003) — старейший американский политик, сенатор с 48-летним стажем. Знаменит своей более чем 24-часовой речью в 1957 г. (попытка оттянуть принятие решения об уравнивании в правах белого и черного населения США).

5 Джесси Александр Хелмс-младший (*Jesse Alexander Helms*, 1921–2008) — сенатор с 30-летним стажем, председатель сенатского комитета по международным делам с 1995 по 2001 г. Убежденный консерватор и антикоммунист.

время заниматься публикациями. Но даже они не знали, был ли Мандельштам когда-либо женат, не говоря уже о том, что его вдова была жива.

В 1965 году я приехал в Москву якобы для того, чтобы изучать проблемы перевода. Навряд ли бы я мог заявлять о намерении изучать жизнь поэта, который официально никогда не существовал. (Мой перевод несуществующей прозы Мандельштама к тому времени уже появился, поэтому у меня был, по крайней мере, статус переводчика, хотя и с постоянным допущением, что оригинал изобразил не я.)

Человеком, который дал мне адрес Надежды Яковлевны Мандельштам, был Ришард Пшибыльский, выдающийся польский исследователь русской литературы. Она жила на первом этаже в ничем не примечательном квартале на Большой Черемушкинской улице. Я туда отправился, как только устроился в своей комнате в общежитии Московского университета, находившемся на расстоянии достаточно короткой автобусной поездки от квартиры Н. Я. Мандельштам.

Прибыв без приглашения, я, когда она открыла дверь, начал ей представляться по-русски: “Извините, пожалуйста. Меня зовут Браун. Я приехал...” “Я знаю, — сухо прервала она меня по-английски. — Входите”. Она выглянула на лестничную площадку, чтобы убедиться, не заинтересовал ли мой визит какого-нибудь наблюдателя. Сарафанное радио работало с ошеломляющей скоростью. Я так никогда и не узнал или уже забыл, как именно она узнала обо мне или о том, что я собирался к ней прийти. Как бы то ни было, но в течение следующих месяцев я приходил к ней и сидел за кухонным столом с такой регулярностью, что она однажды сказала: “Ты ко мне как на работу ходишь”.

Нетерпеливость, с которой она остановила меня и махнула, чтобы я заходил, не говоря уже о настороженном осмотре коридора, была предвестием всего стиля наших отношений. Она всегда обращалась со мной с той слегка раздраженной добротой, с какой заботятся о не слишком блестящем внуке. Но я был тем, кого бог послал.

Что же касается осторожности, то тяжелая жизнь Надежды Яковлевны, непрерывные предательства наделили ее всеми правами на паранойю в любой сколь угодно тяжелой форме. А ее болезненную подозрительность следует понимать как признак ее умственного здоровья: более молодые друзья обычно упрекали ее за избыточную осторожность.

Для меня лично это стало наглядным уроком того, как советские граждане проживали свою повседневную жизнь в той темной ночи, где правили Сталин и его последователи. Прижав палец

к губам, она писала на клочке бумаги то, что хотела сказать. А когда я прочитывал, рвала бумагу в клочки и смывала ее в унитазе.

Н. Я. допускала, что любые слова, которыми мы обменивались за кухонным столом, прослушивались и записывались. Через какое-то время я и сам начал чувствовать, что при наших беседах всё время присутствует кто-то третий, хотя я не представляю, что бедный подслушивающий мог бы понять из моего постоянного нащупывания связи между размером строки и ее значением. «Единственная наша надежда, — говорила она, забывая всю свою осторожность, — на то, что они так глупы». Моей же единственной надеждой было только то, что подслушивающий заснул до того, как прозвучала эта фраза.

Официальная тема моего исследования для целей академического обмена была, как я уже говорил, «Проблемы перевода...» или что-то столь же невинное. Я предполагаю, что любой, кто хоть в малейшей степени интересовался мной или моей работой, знал, чем я собирался заниматься.

Скоро появился и молодой человек, очевидно, приставленный ко мне в роли осведомителя. Он немного говорил по-английски, и обоснованием того, почему он добивался общения со мной, служила необходимость помочь ему при переводе непристойностей в пьесе Олби «Кто боится Вирджинии Вульф?»¹. Он многословно говорил о своем презрении к советскому правительству, интересовался, не нахожу ли я его привлекательным, проклинал правила, делавшие его нелегальным жителем в Москве, и т.д., и т.п. — и всё это для микрофона в стене. Когда я запросил разрешение на поездку в Воронеж (отказ), мой *стукач* выдал себя: он знал об этом запросе еще до того, как я упомянул о нем.

Эти заметки извлечены из глубины моей памяти. В Москве шестидесятых я не рисковал вести дневник (я этим занимался с беспощадной регулярностью в последовавшие десятилетия). Я не столько боялся открыть себя, сколько боялся подвести несчастных советских граждан, столь дружественных ко мне.

Для того чтобы быть в курсе того, чем была либеральная мысль в брежневский ледниковый период, мне не было большой нужды покидать квартиру Надежды Яковлевны. Ее кухонный стол был форумом для получения такого образования, какое не мог предоставить даже Гарвард.

.....

1 *Who's afraid of Virginia Woolf?* (1962). Пьесе была присуждена Пулитцеровская премия за 1963 год, но попечители премии отменили решение жюри именно из-за ненормативной лексики в диалогах.

Синявский и Даниэль только что прошли через свой процесс и отправились в лагерь. (Я еще встречусь с Синявским спустя годы в Париже.) Поэтому в высшей степени рискованным для Маши Синявской было показываться со всеми за одним кухонным столом, когда здесь же сидел классовый враг из Америки. Надежда Яковлевна отправила меня в другую комнату (их было всего две), но не прежде, чем я и Маша проговорили около получаса. Я потом привык к этой стратегической диспозиции. И я точно знал, что должна была чувствовать Тифозная Мэри¹.

Но иногда мы, Надежда Яковлевна и я, выходили в город. Она повезла меня знакомиться с Ильей Эренбургом, верным другом с первых дней. “Вы не слишком сердитесь на то, что я писал о вашей стране?” — спросил он. Я честно ответил, что нет. Секретарь Ильи Эренбурга² была гораздо более влиятельной, чем он сам: в действительности это она решала, с кем ему встречаться и с кем нет.

Надежда познакомила меня со своим братом, Евгением Яковлевичем Хазиным, и его женой. Было в высшей степени трогательно видеть ту нежность, на которую была способна Надя в по-настоящему домашней обстановке. Та жесткость подруги гангстера, которую она несла перед собой, как щит, при этом буквально таяла.

Самым внушительным посетителем, которого я встретил у нее за кухонным столом, был Варлам Шаламов. Человек, прошедший десятилетия в лагерях и отнюдь не ослабленный этим опытом, он стал каким-то подобием искривленной сосны, закаленной в тихоокеанских штормах. Его руки прикасались к книгам и рукописям на столе, как какие-то доисторические существа, желающие догнать историю. Он приходил несколько раз в неделю. То, что я говорил по-русски, было для него чудом, как будто заговорил камень. Он отказывался поверить в то, что существовали и другие, подобные мне.

Одним из моих занятий за кухонным столом было чтение первой книги Надежды. В это время у нее не было названия. Позднее мне было суждено назвать ее по-английски *Hope against Hope*³ (по причинам, о которых написано в моем предисловии к переводу Макса Хэйворда⁴).

.....

- 1 Маллон Мэри (1870?–1938) — повараха-ирландка, которая, работая во многих американских семьях, заразила брюшным тифом более 50 человек, из которых трое умерли. Будучи бациллоносителем, сама обладала иммунитетом к болезни. Вошла в историю под прозвищем “Тифозная Мэри” (“*Typhoid Mary*”).
- 2 Н. И. Столярова.
- 3 “Надежде вопреки” (оригинальное русское название: “Воспоминания”).
- 4 Хэйворд Макс (Harry Max (Harry Maxwell), 1924–1979) — английский славист и переводчик, один из крупнейших специалистов по советской литературе. Автор перевода обеих мемуарных книг Н. М.

Далее короткий рассказ о том, как рукопись попала на Запад. Надежда согласилась дать ее мне, чтобы я переправил ее в Соединенные Штаты. Конечно, я говорю об одной из существовавших тогда машинописных копий. Однажды я пришел так же, как обычно, но на самом деле с единственной целью — чтобы получить рукопись.

Меня сразу поразило странное настроение Н. Я. Она ошеломила меня, сказав, что передумала, что в конце концов она не хочет, чтобы я увез с собой ее воспоминания, и это заявление было сделано в тот момент, когда она передала мне книгу, завернутую в коричневую бумагу.

Не помню, что я ответил. Но я отлично помню тот внезапный поток русских непристойностей, который извергся с ее губ, когда она за локоть направила меня к двери. Она называла меня такими словами, которые я только смутно помнил из уроков мистера Гордона, специалиста по русским непристойностям армейской языковой школы.

Я, как всегда, не сразу понял, в чем дело, но все-таки наконец до меня дошло, что Надежда говорила не со мной и не обо мне, но со стенами. Она прижала палец к губам, благословила взглядом и в последний раз помянула мою собачью мать, закрыв за мной дверь.

Далее последовала сцена из второразрядного триллера. Я вышел из подъезда в обычно пустой двор жилого квартала. На всех четырех углах стояло по человеку в плаще. Первой мыслью, которая промелькнула у меня в голове, был вопрос о том, сколько лет будет моему сыну (в тот момент ему было семь), когда я выйду на свободу, если это вообще произойдет. Вторая мысль была о том, что нужно бросить портфель в кусты и бежать со всех ног. Третья — о том, что нужно идти обычным путем, налево, в обычный выход из двора. Человек, стоявший на этом углу, поднял руку и помахал своим трем коллегам, чтобы они подошли. Они быстро двинулись к нему. Я шел дальше. Проходя мимо, я кивнул. Он тоже кивнул. Ничего не произошло.

Я дошел до угла, повернул направо и, как всегда, пошел к ближайшей автобусной остановке. Через несколько мгновений грузовик советской почты остановился, и дружелюбный водитель спросил: “Товарищ, не подвезти?” Это было обычное дело, я знал это. Отказаться и выглядеть виновным? Или рискнуть и согласиться? Я согласился. Он спросил, куда меня подвезти. Я назвал адрес в нескольких кварталах от посольства. Там он меня и высадил. Когда он уехал, я немного подождал, вошел в посольство США и отправил свою посылку дипломатической почтой, которую не досматривали.

Так рукопись впервые попала на Запад.

Продолжение тоже в чем-то интересно. Надежда виновна в моем первом и единственном намеренном обмане декана 프린стонской аспирантуры. Я придумал семинар под дутым названием «Исследования по русской литературе XX века». Я набрал группу аспирантов и взял с них клятву хранить тайну. Затем мы начали переводить воспоминания Надежды Мандельштам. Лично для меня это был, наверное, самый приятный аспирантский семинар из всех, что я вел; одновременно он был и самым полезным для студентов. Пока я сидел с каждым из них, просматривая их переводы, мы по необходимости рассматривали темы по русской литературе XX века. Более того, надеюсь, что срочность, не говоря уже о секретности, сделала этот семинар запоминающимся опытом и для студентов.

Однако нашему переводу было бы суждено остаться академическим упражнением, так как я скоро услышал новость о том, что другой экземпляр воспоминаний попал на Запад, и попал в наилучшие руки из всех возможных, одной фанатичной антисоветской эмигрантской группы, чья поддержка мемуаров превратила бы жизнь Надежды в сущий ад¹.

Майкл Бесси² из издательства «Атенеум», кажется, понимал это: русский текст был опубликован в Италии³, и тем самым авторское право было зарегистрировано на Западе. Это сделал оксфордский преподаватель Макс Хэйворд, согласившийся выдать английскую версию с максимальной скоростью. Эта работа и завершилась книгой *Hope against Hope*.

.....

- 1 Ср. запись в дневнике А. К. Гладкова за 26 марта 1970 г.: «Н. Я. показывает мне номер «Дейли геральд» от 19 марта, где напечатана большая заметка о ее мемуарах. Рукопись каким-то образом попала за границу и осенью выйдет одновременно в Лондоне и Нью-Йорке. Н. Я. польщена, но и чуть-чуть испугана. Даже не бравирует» (РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 110. Л. 53).
- 2 *Bessie Simon Michael* (см. о нем наст. издание, с. 429).
- 3 Аберрация памяти. Первое издание «Воспоминаний» на русском языке увидело свет в октябре 1970 г. в нью-йоркском Издательстве им. Чехова, немногим ранее, чем англоязычное издание, вышедшее в лондонском издательстве «Atheneum». Копирайт, в соответствии со сложившейся практикой, был зарегистрирован в Фонде имени Александра Герцена в Амстердаме (см. об этом в анонимной рецензии на немецкое издание «Воспоминаний»: *Solches Unglück // Spiegel*. 10.5.1971. S. 156; Фонд им. А. Герцена был создан Карелом ван хет Reve, голландским славистом и журналистом, и специализировался на легализации самиздата на Западе). Итальянское издание «Воспоминаний» (см. наст. издание, с. 424) вышло весной 1971 г., позднее, чем первые два английских и шведское издания. В качестве вступительной статьи к итальянскому изданию пошло предисловие К. Брауна к русскому изданию собрания сочинений О. Мандельштама. Вместе с тем итальянские газеты сообщили о предстоящем выходе «Воспоминаний» еще в июне 1970 г. (см. в дневнике А. К. Гладкова за 23 июня 1970 г.). С опережением вышло итальянское издание «Второй книги» Н. Я. Мандельштам — благодаря тому, что на Запад ее вывез итальянский журналист П. Сормани (см. наст. издание, с. 414).

Встреча, на которой я впервые поделился этими воспоминаниями, была посвящена архиву Мандельштама в Файерстоунской библиотеке Принстонского университета. Надежда сначала хотела отправить архив мне в качестве моей личной собственности. Я испытывал ужас от самой идеи быть его владельцем, несмотря даже на то, что мой друг-адвокат сказал: «Ты бы мог стать владельцем на пять минут, а потом передать в Файерстоунскую библиотеку и быть паинькой...», и так далее.

Эллиот Моссман¹, мой бывший аспирант, после получения степени доктора философии по русской литературе поступил еще и на юридический факультет. Одновременно он получил очень почетную должность председателя факультета славянских языков и литератур Университета Пенсильвании и редактора журнала *Slavic Review*. Случилось так, что Эллиот был в Москве. Том Райт, юрист Принстонского университета, написал дарственную, юридический документ, который мы отправили Эллиоту: тот отнес его Надежде, которая его подписала, тем самым сделав архив Осипа Мандельштама собственностью совета попечителей Принстонского университета.

Эллиот отвез этот документ в Париж, где архив несколько задержался на своем пути на Запад, предъявил юридический документ временному и сопротивляющемуся хранителю², запаковал всё в три или четыре чемодана и привез в Принстон. У меня до сих пор есть один из этих чемоданов.

Архив благодаря Всемогущему Господу здесь, в Принстоне. Что и стало причиной всей настоящей конференции.

2001

Н.Я. О смерти Мандельштама существует невероятное количество легенд. Эти все легенды я собирала и как-то выковыривала, что ли, из них кусочки правды. В общем, получилась довольно ясная картина. Легенды отпадали, потому что они всегда либо опозитизировали ее, либо, наоборот, привлекали в рассказ массу грубого вранья.

“Шерри-бренди” Варлама Шаламова относится не к числу легенд, это теоретическое построение о том, как дол-

.....

1 Моссман Эллиот (1942–2007) — славист и юрист, переводчик и издатель переписки Б. Л. Пастернака и О. М. Фрейденберг.

2 Имеется в виду Н. А. Струве.

жен был умирать человек с голоду в этих условиях. В конце прибавлена легенда, не знаю, было это на самом деле или нет, но такая легенда ходит, что несколько раз получали хлеб на мертвого. Умер Мандельштам в больнице, а не на нарах. Больница была достаточно ужасна, но, во всяком случае, не то, что описано. Самый же процесс смерти — это смерть от голода, подробно рассказанная. Вероятно, Шаламов представлял, как он сам будет умирать и как эта смерть придет к нему — со стихами или без стихов. Вот приблизительно то, что я могу сказать об этом. Я не подтверждаю это как факт, но я уважаю как одно из мнений. Правильно?

Теперь второе — о Миндлине. Миндлин — человек неумный, знавший Мандельштама очень мало, в какой-то короткий период его жизни. Однажды мне прислали мемуары Миндлина, от которых я пришла в ужас, потому что там целые страницы прямой речи Мандельштама, и он якобы говорил дикие глупости, которые ему несвойственны были... Говорят, что Миндлин после того, как узнал то, что я написала об этих мемуарах, заболел с горя и убрал всю прямую речь. Во всяком случае, Мандельштам никогда для него понятен не был, и он его строит по образу своему и подобию. К несчастью, большинство людей, более-менее равных или понимавших, погибли, не дожили до этих лет, а люди, мало знавшие, случайно знавшие и не по плечу которым было понимать, те сохранились. Таким образом, ну ничего злостного в этих мемуарах миндлиновских нет, есть просто глубокое непонимание. Ну, например, мышление его было образно — пишет Миндлин. Мандельштам, как многие вспоминают, блестяще говорил и был очень умным и логическим человеком... Речь его была выразительна, но нельзя сказать, чтобы он говорил всегда образно. Наоборот, он мог великолепно поддерживать философский спор и божественно ругаться, . Ругался с неслыханной силой, что и видно, между прочим, по “Четвертой прозе”. “Четвертая проза” началась с ругательного письма ленинградским писателям.

Ну, “глаза его влажнели и улыбались” — разные глаза бывали. “Читая стихи, он добел” — пустое место...

Вообще был человек добрый очень, активно добрый, но совершенно беспощадный. Не терпел глупости, например. Всё это безумно наивно и никому не нужно. <...>

Н.Я. Несколько лет назад — я тогда работала в Пскове — один тайный книгопродавец сообщил мне, что у него есть книжка “Камень” с вложенными там несколькими автографами и затем чьими-то записками и письмами. Он запросил за книжку триста рублей. Я ему сказала, что дорого, но он мне объяснил, что О. Э. будет стоить всё дороже и дороже. Я купила. Эта книжка была из собрания Каблукова, именно поэтому я и купила.

Каблуков — учитель гимназии, по-моему, человек гораздо старше и секретарь Религиозно-философского общества. Одно время, это приблизительно двенадцатый — четырнадцатый годы, двенадцатый — пятнадцатый годы, О. Э., видимо, очень привязался к Каблукову, тот заставлял его учиться, читал ему мораль. Это видно по его дневникам, которые нашел тот же Саша Морозов. Каблуков воспитывал его, тщательно собирал его стихи, с вариантами и без вариантов. Мандельштам был мальчишка, который произвел на него впечатление. В частности, он его усиленно обращал в православие, из чего ничего не вышло. Потому что по типу Мандельштам не церковник. У Каблукова из архива пропала рукопись “Скрябин и христианство”, она иногда называется “Скрябин и Пушкин” У меня осталось только несколько разрозненных листов, которые я потом нашла в сундуке у отца Мандельштама, случайно сохранились.. Он же организовывал, вероятно, доклад, это был доклад в Религиозно-философском обществе... О. Э. говорил, что очень огорчился, когда узнал, что Каблуков умер, и жалел очень, что пропала эта рукопись. Говорил, что это лучшее из того, что он написал. То, что сейчас печатается, — это черновики. В каблуковской книжке я нашла целый ряд вариантов стихотворений Мандельштама, так что я ее не зря купила. Она у меня и сейчас.

Мы вернулись в Москву в 31-м году. Голодная Москва. Голод, раскулачивание и пятилетки. Жили у брата

О. Э., он куда-то уехал с женой, только что женился и уехал. Халатов встретил на улице Мандельштама и спросил у него, есть ли у него <...> и паек... Мандельштам даже и не слышал о пайках. Халатов рассвирепел: “Что у вас там делается”, — и дал ему плюс один из советских писательских, и мы в этот период, в общем, мало голодали, были прикреплены к ВЦИКу и, живя в разных квартирах, пустых чужих комнатах, обычно давали ненормированные продукты всей квартире. Молоко, например, было не нормировано, и счастливая семья рядом получала молоко для детей. В этот период О. Э. занимался древнеармянским, сохранились какие-то бумажки, где на грабаре написано: читал памятники армянские. Вот “Конец Армении” — один из таких памятников.

Я пошла на службу в газету “Московский комсомолец”, чего Мандельштам совершенно не мог перенести. Во-первых, он злился, что я получаю деньги, а он нет. Во-вторых, я уходила, а это он тоже не любил. Осенью и зимой, путешествуя по Армении, я заболела, меня положили в Боткинскую. После этого служба кончилась... А после Болшево, это дом отдыха ЦЕКУБУ. Мы переехали в комнату на Тверском бульваре, ужасную, сырую зимой, мерзкую трущобу, которую нам устроил Бухарин при страшном сопротивлении писательских организаций. Там еще был момент, когда нам вторую хотели дать... комнату, крохотную... За нами стоял Бухарин, а за человеком, который получал вторую комнату, стояла сестра Ленина Мария Ильинична Ульянова. Она говорила, что несправедливо, что одному две, а другому одну <...> Рядом с нами жил Клычков, мы довольно часто встречались. Он очень хороший человек, такой... с цыганскими глазами. Появился Пашка Васильев. <...>

Это был период дружбы с зоологами. Основные гости вечерние — это группа зоологов. Много читал Данта <...> “Разговор о Данте”. Весной тридцать третьего года один из зоологов, Кузин, был арестован. Он был арестован как раз в тот период, когда в Ленинграде был вечер О. Э. Вдруг разрешили несколько вечеров, в Ленинграде и в Москве. Я на вечера

не ходила <...>. Ему трудно было “фигурять”, когда я в зале, он думал, что я смеюсь. И, когда мы вернулись <...>, вышел из <...> Кузин. Его выпустили очень быстро, продержали недолго. И мы уехали все вместе в Старый Крым к Нине Грин.

Несколько слов о Грине. Когда выяснилось, что Грин болен, Мандельштам позвонил секретарю Горького: тот ничего не сделал. Позвонил в Литфонд. Грин умирал в полном голоде. Через несколько дней Мандельштам уже сообщил в Литфонд, что Грин умер, на что ему ответили: “Хорошо сделал”.

Ах да, вот характерный случай насчет вечеров. На вечер в Москве пришел Борис Лапин, был такой писатель, прелестный мальчик, — он погиб во время войны, и рассказал, что он купил уже билет на вечер в Политехническом музее. Прибежал Лавут, очень счастливый, за первый день была продана половина билетов. Все боялись, что будет переполнен зал и что нужно покупать билеты заранее. Зал полным не был. Это очень характерно для известности Мандельштама того времени. Очень небольшое количество читателей, очень квалифицированные, но их немного. На вечере Ахматовой, по всей вероятности, милиция была бы.

Но я возвращаюсь к поездке в Старый Крым (там написаны итальянские стихи Мандельштама). И потом оттуда поехали в Коктебель, уже без зоолога, и там — “Разговор о Данте”. В Москве мы въехали в свою квартиру. <Пастернак> сказал: “Вроде квартира есть, можно писать стихи”. О. Э.: “Ты слышала?” Это пока топтались в коридоре, прощаясь. После этого была написана “Квартира тиха, как бумага...”.

Всю эту зиму к нам приезжала Анна Андреевна, несколько раз.

Да, жили мы первое время на деньги за купленное собрание сочинений. У Анны Андреевны, наверное, раз пятьдесят — у нее есть огромный список несостоявшихся изданий — оплачивалось издание и не печаталось. У Мандельштама не оплачивалось не так много, но было все-таки одно или два оплаченных издания. Вот это и было одно из оплаченных изданий, ненапечатанных.

Меня вызвал однажды редактор Чечановский — именно меня, я с ним была знакома по газете, где я работала, и сказал — он перешел работать в Гослитиздат — что Мандельштам должен немедленно отказаться от “Путешествия в Армению”, что оно вызвало большое неудовольствие, что он должен написать в газету статью с отказом. Я ничего не ответила, разумеется, и передала Мандельштаму. Он ни в какие переговоры о раскаянии вступать не стал, тогда появилась в газете “Правда” статья, где “Путешествие в Армению” называлось лакейской прозой. Статья редакционная и без подписи. Видимо, это был момент полной перемены, окончательной, вернее, перемены отношения к О. Э... Открытые вечера, несколько стихотворений, попавших в печать, — это была попытка примирения сделана, какой-то шаг сверху к Мандельштаму. Он ничем не поступился, и после этой статьи в “Правде” уже всё пошло на гибель, очень быстро. Ясно говорю, да?

Арест в мае 34 года... Анна Андреевна присутствовала при аресте, как раз приехала в этот день из Ленинграда. Сначала высылка была в Чердынь. После моей телеграммы, а я телеграфировала Сталину и копию Бухарину, Бухарин написал письмо Сталину, в котором в конце написал: “и Пастернак тоже волнуется”. Это причина, почему Сталин позвонил и сделал Пастернака рупором своей милости. В Чердыни через две недели нам сообщили, что дело пересмотрено и предложили выбирать город. “Минус” какой-то дали, “минус одиннадцать”, по-моему. Нужно было выбирать в течение десяти минут, нигде в провинции у нас знакомых не было. Мы вспомнили, что у одного ташкентского биолога, Леонова, отец в Воронеже, и поэтому выбрали Воронеж. Но этого отца мы так никогда и не видели.

В Воронеже... О Воронеже всё подробно рассказано. Борис Леонидович почему-то не рассказал ни мне, ни моему брату, ни Анне Андреевне о разговоре со Сталиным. Позвонил моему брату, сказал, что всё будет хорошо. Но не сказал, не пришел, хотя с братом встречался постоянно. Я узнала случайно от Шенгели, во второй приезд в Москву

летом пошла к Пастернаку, и Пастернак передал мне в деталях этот разговор. Я тогда же при нем записала его. У нас были по этому поводу очень крупные разговоры.

А дальше всё ясно, всё описано очень подробно. Только два слова: в тридцать восьмом году уже совершенно было нечем жить, невозможно, мы просто помирали, и никто не давал денег, работать нельзя было, кошмар какой-то. И вдруг Союз писателей предложил ехать в санаторий на два месяца. Санаторий назывался «Саматиха», в писательский санаторий не пустили. Вероятно, в эту «Саматиху» отправили, чтобы удобнее было забрать, потому что там он был через две недели арестован. Это была ловушка. <... >

Волошин, окруженный целой толпой женщин, вроде секты что-то... И то, что он называл мистификациями... Первая история — это очень крупная ссора с Гумилевым. Я точно не помню, из чего она состояла и в чем было дело, но это очень крупный скандал был. Второе — неслыханное количество анекдотических рассказов, снижающих Мандельштама. Третье — ссора с Эренбургом. Очень примитивная, Эренбурга обвинили в краже кастрюли. Ни Мандельштам, ни Эренбург при жизни Волошина <больше> не ездили в Коктебель, я раз поехала одна. Волошин меня звал, встретил и долго и пространно объяснял, что это всё мистификации, что не надо обращать внимания.

У Миндлина — воровство книги, и Чуковский рассказал про воровство книги. Это так въедливо, что через десятки лет после смерти продолжается. Эта работа на снижение: если встречаешь что-то, что надо уважать, потребность унижить — огромная. Но то, что сделали с Мандельштамом, гораздо более серьезно — это уже бытовая компрометация, и волошинские анекдоты создавали совершенно другую характеристику этого, в общем, очень сурового человека. История с «Уленшпигелем», история с Саргиджаном — это уже сознательно проводившаяся работа. Думаю, что начало ее в Волошине. Анна Андреевна на стены лезла, когда всё это слышала, и всё время повторяла, что страшной ошибкой

О. Э. был Коктебель, что он ездил туда. Действительно, это было огромной ошибкой. <... >

К. Б. Извините, пожалуйста, комментарий к стихотворениям можно?

Н. Я. Номер триста двадцать четвертый: “Куда мне деться в этом январе”. Это тридцать седьмой год, абсолютное исчезновение всех людей, на улице не узнают... Оська писал стихи тогда и говорил, что ужасно хотел прочесть их кому-нибудь.. Он пошел к поэту... я не помню к кому, почти что за город, а там приоткрыли дверь и сказали, что его нет дома. Вероятно, он был дома, но нормально так спрятался. Результат — эти стихи.

Этот домик <поэта> стоял на склоне горы, очень скользко было, и я ждала возле водокачки пока О. Э. звонил. Вот этот “мерзлый деревянный короб”. Естественно, что надо “читателя”, еще естественно, что хочется прочесть свои стихи — “советчик”, а “врач” — это уже обострение сердечной болезни. Еще?

К. Б. К следующему.

Н. Я. Номер триста двадцать пятый: “Где связанный и пригвожденный стон?” Постоянная тема мученичества. Я спросила: “А чьи это губы?”, и О. Э. сказал: “Может быть, мой”. Ну и вера в то, что когда-нибудь стихи будут услышаны, и люди начнут встречаться друг с другом, общаться, захотят видеть друг друга, а не будут прятаться.

Может быть, у вас есть конкретные вопросы?

К. Б. Вы можете объяснить “Софокл-лесоруб”?

Н. Я. Нет, я не могу объяснить. В это вложен какой-то смысл, но какой точно, я не знаю. Не нужно ли посмотреть Анненского? Главным образом античные представления Мандельштама больше всего зависели от статей Анненского...

К.Б. А в последней строфе “он” — это кто?

Н.Я. “Он” — это тот, у кого “наступающие губы”, “эти наступающие губы...”.

К.Б. А все эти стихотворения этого времени связаны с чем?

Н.Я. Мученичество, смерть и свободная песня, так?

К.Б. А не с рождением “Оды”?

Н.Я. А! Лишь в какой-то степени... У стихотворения триста двадцать пять (и триста двадцать четыре) < (“Где связанный и пригвожденный стон?..” и “Куда мне деться в этом январе?..”) > нету связи прямой с “Одой”. С “Одой” несколько дальше будет...

К.Б. Тогда начните с того, что до этого...

Н.Я. Хорошо, это начинается с триста двадцать седьмого “Песнь бескорыстная — сама себе хвала, утеха для друзей и для врагов смола...”. Мой вопрос — о “бескорыстной песне”, так? Дальше — и “Разрывы круглых бухт...”. Боком связаны с “Одой”, это не прямой ход, но... тема ссылки. Триста двадцать девятое <“Еще он помнит башмаков износ...” > прямо связано с “Одой”, через Кавказ.

К.Б. И что “он”, кто “он”?

Н.Я. Тифлис, город Тифлис. “А я его. Как он разноголос, черноволос, с Давид-горой гранича”. Ну, ведь гора — это гора в Тифлисе, она над всем городом стоит...

К.Б. Давид-горой, да-да.

Н.Я. Значит, Тифлис возвращает... “Помнит моих подметок скрытое величие”. Смысл подметок я раскрывала,

стихи — всегда движение. В “Разговоре о Данте” — сколько Данте износил подошв. Тема мученичества — это косвенная связь с “Одой”, так, “светотени мученик Рембрандт”. “Вооруженный зреньем узких ос...” (триста тридцать первое) — это прямая связь. “Ода” начинается с того, что он рисует портрет и плачет, а тут нагло сказано “не рисую я”. Здесь три стихотворения боком с “Одой” связаны, неформально... триста тридцать два, триста тридцать три, триста тридцать четыре <“Как дерево и медь — Фаворского полет...”, “Обороняет сон мою донскую сонь...”, “Средь народного шума и спеха...”>. Безумная вера в то, что люди соединятся и будут счастливы.

К.Б. Это “Обороняет сон мою донскую сонь”?

Н.Я. Да, это близкая тема к великолепному стихотворению, но он тогда о нем не думал, но, вероятно, те же ощущения вызвали... Хлебникова, может быть, одно из лучших: “И когда толпа, ликуя, понесет знамена оптом, я проснуся, в землю втопан, пыльным черепом тоскуя”. Он тогда не думал об этих стихах, но связь их, вероятно, существует. Связь, скорее ощущение, что, когда людям будет хорошо, его уже не будет. И всё это, вся тема “Оды” и вся жизнь “Оды” кончается “Я в львиный ров..”, это уже свободные стихи, это вне “Оды”. Все они свободные, как отрыв от “Оды”. Кончается эта книга “Я в львиный ров...”.

К.Б. Я понимаю, что это скорее не “О”, а своего рода отказ от “Оды”?

Н.Я. Все эти стихи — отказ от “Оды”. Я подробно писала, что “Ода” была насильственными стихами, но в нее он пытался вкладывать тот материал, который в нем лежал. Свободные стихи всё время вырывались и ломали “Оду”. И вместо того, чтобы... А здесь уже следов “Оды” не будет, это начинается “Третья воронежская тетрадь” — без всяких следов “Оды”.<...>

К.Б. *(по-английски)*. Прокомментируйте письмо номер тридцать четыре. Александр Эмильевич Мандельштам?..

Н.Я. Он служил корреспондентом в Гослитиздате, т.е. писал аннотации на книги. Трудность заключалась в том, что он это писал официально.

К.Б. *(по-английски)*. Прокомментируйте письмо номер тридцать пять. “А к Юнгу гулять ходишь?”

Н.Я. Юнг — это дача в Коктебеле. Если стоять лицом к морю, то это с левой стороны. Обычно говорили: “Идем гулять к Юнгу”, значит, шли налево по берегу.

К.Б. *(по-английски)*. Номер тридцать пять. “У вас Якобсон, а у нас Луначарский”.

Н.Я. Она назвала человека, который сдавал помещение, очевидно, завхоз музейного ведомства, Якобсон.

К.Б. “Еще новость: Леонов арестовал мой ГИЗ”.

Н.Я. Задержал причитающиеся в ГИЗе деньги, вероятно, за какой-нибудь долг.

К.Б. *(по-английски)*. Номер тридцать пять. “В Детском появился мой бывший богатый дядя Абрам Копелянский, старый...”

Н.Я. Я больше ничего не знаю о нем. Какой-то родственник матери.

К.Б. Что значит “Китайский”, “заходил недавно в Китайскую...”?

Н.Я. Китайская деревня, построенная, кажется, при Александре I. Небольшая деревенька в модном тогда китайском

вкусе. Ее назвали Китайской деревней. Я не знаю, сохранилась ли она после немцев.

К. Б. Письмо тридцать семь. “...Уже почти отработал Леонову 90 рублей...”?

Н. Я. Был долг в пансионе Леонова, нужно было что-то заработать, он заработал девяносто рублей, рецензиями, вероятно.

К. Б. Ну, кто такая Кика, а кто такой Кика? “Кика болел...”

Н. Я. Сын Лившица Бенедикта. Убит на войне.

К. Б. А как звали жену Лившица?

Н. Я. Таточка. Катерина, Катерина, Катерина... не помню.

К. Б. Константиновна?

Н. Я. Екатерина Константиновна Скачкова, кажется...
<...>

К. Б. Это было 10 марта... 10 марта, на похоронах...

Н. Я. Да-да-да, на похоронах Анны Андреевны.

К. Б. Номер тридцать восемь. “Евгений Эмильевич тащил меня в Москву помогать на каком-то собрании Модпика...”

Н. Я. Евгений Эмильевич служил в обществе, которое взимает деньги за постановки, какие-то проценты полагаются автору драматического произведения, он заведовал, кажется, ленинградским отделением.

К. Б. А что за фирма Модпик?

Н. Я. Московское отделение драматических писателей.

К.Б. *(по-английски)*. Он пишет так: “Шлю сердечный привет. Холода не боюсь и ветры мне не страшны. Целую крепко. Дед”. Потом О.Э. написал: “Дед написал про холод и ветер «иносказательно»”.

Н.Я. *(смеется)*. Иносказательно — вероятно, что-нибудь об общем положении в этом мире... Это завхоз, заведующий хозяйством дворцовым, там, где мы снимали квартиру.

К.Б. *(по-английски)*. “Слонимский берет в «Прибой» мой перевод «Тартарена»”.

Н.Я. Перевод вышел.

К.Б. Это его собственный перевод, вы помогли ему?

Н.Я. Нет, нет. Без меня делалось, я была в Крыму.

К.Б. В библиографии этого нет?

Н.Я. Наверное, нет. Там половины переводов нет.

К.Б. *(по-английски)*. “...вторая книга Вильдрак в «Прибое» будет на днях...”

Н.Я. Кажется, ах... Перевод, перевод, только переводы... С этого момента он очень жаловался: “Они меня сделали переводчиком...” Или: “Меня допускают только к переводам”. Сознательно не допускали, не печатали — и всё. И давали жить переводами, такой способ у нас есть.

К.Б. В двадцать шестом?

Н.Я. Раньше, это началось в двадцать третьем. Это письмо — двадцать шестой или двадцать седьмой год.

К.Б. А началось...?

Н.Я. Началось с двадцать третьего года, перестали печатать, сняли из списков сотрудников. То же самое с Анной Андреевной произошло...

К.Б. *(по-английски)*. Письмо сорок пять написано из Воронежа?

Н.Я. Нет, это смерть моего отца, и я в Киеве. Только отдельные листочки...

К.Б. *(по-английски)*. “...сейчас придет Шашкова”.

Н.Я. Одна из сотрудниц газеты “Московский комсомолец”, где Мандельштам с полгода работал, ему потом дали справку о том, что он работал, и так называемую рекомендацию. Что он из тех интеллигентов, которые должны работать под руководством, под партийным руководством. Очень смешную какую-то. Ее забрали при обыске. Он работал с мальчишками... Это как раз уленшигелевское дело. <...>

К.Б. *(по-английски)*. “В газете положение улучшилось, прилив уважения в кавычках, начинают понимать, что дали мне маниловское задание невыполнимое...”

Н.Я. “Маниловский” — это гоголевский язык...

К.Б. Я понимаю.

Н.Я. Все наши задания всегда были невыполнимые. И сейчас, и тогда.

К.Б. “Юрасов уезжает первого”.

Н.Я. Юрасов — один из работников “Московского комсомольца”, который приглашал О.Э. в Ташкент на работу. Не поехали... не знаю... не помню — почему, но не поехали. Несколько таких было. Один раз в “Сибирские огни” звал

человек, такого лефовского типа, мы уже хотели в Новосибирск к нему ехать, но его арестовали, — что-то невежливое сказал про Горького.

К.Б. *(по-английски)*. “...дело Дрейфуса”.

Н.Я. “Дело Дрейфуса” — это уленшпигелевская история. “Делом Дрейфуса” он называл уленшпигелевскую историю. Он настоял на том, чтоб в какой-то комиссии разобрали дело... в частности, фельетон Заславского и т.д. Очень безобразно оно проходило. Так что даже заболел от этого. Комиссия, по-моему, ничего не решила, и так всё и остановилось. <...>

Н.Я. О.Э. требовал опровержения фельетона, соглашаясь на “халтуру”, но не соглашаясь на “плагиат”. Понятно?

К.Б. Понимаю.

Н.Я. Он даже утверждал, что у писателя есть право иногда писать плохие вещи, тем более в переводах. Фельетон назывался, кажется, так: “Халтура или плагиат”.

К.Б. Угу, называется, если я не ошибаюсь, “О скромном плагиате и развязной халтуре”.

К.Б. Так это “дело Дрейфуса”? А с чего все началось?

Н.Я. Я покажу потом те документы, которые сохранились. Началось с того, что сняли Нарбута с работы, со скандалом, и выбросили его из партии. Он заведовал издательством. О.Э. считали в этом издательстве креатурой Нарбута и начали делать всякие пакости. Поставили заведующим редакцией некоего Ионова, довольно сумасшедшего человека из бывших шлиссельбуржцев. Тоже, вероятно, погиб в тридцать седьмом. О.Э. написал Ионову письмо о положении переводчиков. Ионова это письмо страшно оскорбило. Вскоре после этого вышел “Уленшпигель”, и там

было написано “перевод”, а не “обработка”. Эту опечатку... отказались указывать, но напечатали в “Вечерней газете”, что это обработка, а не перевод. Оскорбленный Ионов договорился с Заславским и Горнфельдом, которые эту травлю начали. Потом к ней присоединился Канатчиков. Канатчиков — редактор “Литературной газеты”, который не хотел свою газету позорить. Между прочим, фельетон Заславского был напечатан без его разрешения, его вечером, ночью принесли в типографию и там напечатали. <...> Дальше Ионов отказался платить гонорар переводчикам, хотя он был обязан, поскольку переводчики живые, мертвым он не платил. И было два суда, на которые Мандельштама вызывали соответчиком издательства. Оба раза суд отвел, в общем... <...>

Дальше Мандельштам требовал, чтобы это дело было разобрано и все вещи были названы своими именами, т.е. что у него была заказана редаKTура, это издательская практика, довольно отвратительная и т.д. Но всего этого... но удалось только эту комиссию созвать, она была при каком-то райкоме. Тоже кончилось ничем...

К. Б. А в печати он защищал свою обработку этой книги?

Н. Я. Нет.

К. Б. На самом деле как он относился к такого рода работе?

Н. Я. С отвращением ее делал, как и всё, как и все эти бесчисленные тома Вальтера Скотта. Это была мерзкая работа. Издательство было коммерческое, нарбутовское. Нарбут за очень короткий срок сделал его богатым издательством.

К. Б. “Земля и фабрика”?

Н. Я. Да-да, и фактически вся работа в этом издательстве была такая — обработка старых переводов или что-то в этом роде...

Он написал какую-то невежливую фразу, он переводил уже тогда Майн Рида, но переводил с французского, не с английского. Это было сочтено страшной халтурой, и Ионов рвал на себе волосы, что такая страшная работа с французского — такого классика, как Майн Рид. А О.Э. написал ему в письме невежливую фразу, которая ИONOва привела в ярость, что только школьный затрапезный учитель может интересоваться таким великим писателем, как Майн Рид. Что-то в этом роде. Эта как раз часть этого письма сохранилась, я ее Вам дам.

К.Б. Он заканчивает это письмо, сорок седьмое письмо: “Да, забыл. Писателям не подаю руки — Асеев, Адуев, Лидин и т.д.”... <...> “Последний вызов — к какому-то доценту: «Расскажите всю свою биографию». Вопрос: «Не работали в белых газетах? Что делал в Феодосии? Не был ли связан с ОСВАГом?»”

Н.Я. Это агентство печати Деникина и Врангеля... Отношение интересно.

К.Б. Сутырин... “Сутырин пишет резолюцию”.

Н.Я. Он ее и написал в конце концов. И это остановили всё. Канатчикова все-таки сняли, видите. Уже дело скандальное было... редактора газеты.

Их было два — Ермилов и Сутырин, Сутырин оказался приличнее, и сейчас, кажется, он вполне себя пристойно ведет в Союзе, по слухам.

К.Б. *(по-английски)*. “Совсем не обязательно Ташкент, попробуем в Москве, возьмем маму...”

Н.Я. Мою мать. Она тогда жила в Киеве... Смерть отца — это февраль тридцатого года.

К.Б. Смерть вашего отца?

Н.Я. Да.

К. Б. А все эти комиссии?

Н. Я. Их было сто за это время. Десять литературных, где-то есть какая-то заметка в “Литературной газете” о травле. Одна из комиссий вынесла постановление о травле, другая комиссия вынесла постановление еще о чем-то. Их была масса комиссий... Он мог вполне этим делом не заниматься, съесть... с моей точки зрения... съесть фельетон Заславского и плюнуть. Но у него было представление о чести такое ложное. Какая может быть честь в этих... вещах? <...>

К. Б. Весной тридцать пятого года вы в первый раз из Воронежа...

Н. Я. Нет, я во второй раз поехала из Воронежа, да.

К. Б. В Москву?

Н. Я. Да. Речь идет о выброшенном стихотворении.

К. Б. Угу.

Н. Я. Почему здесь точки? Здесь какой-то пропуск.

К. Б. (*по-английски*). Письмо пятьдесят один, пятьдесят пять.

Н. Я. (*по-английски*). “Помоги, дай материал к Шервинскому «Молодость Гёте»”. Да? Это? Это была радиопередача, она сохранилась, частично сохранилась... <...>

Почему про Ахматову? Анна Андреевна собиралась в Москву... в Воронеж, но никак не могла собраться, а потом приехала. <...>

<почему> меня не удивляет такой испуг, да? Телефонистка сказала, что никого нет дома или что-нибудь в этом роде, да? Когда человек исчезал, мы страшно пугались и продолжаем пугаться и сейчас. Меня нет дома — что это значит... Не случилось ли чего. Это особенность нашей жизни.

К. Б. *(по-английски)*. “Сегодня я здоров и был у Стоичева”.

Н. Я. Председатель Воронежского отделения Союза писателей, тоже погиб. Марченко, какой-то работник Союза писателей в Москве, тоже погиб, но оттого, что они потом погибли, они не были человекоподобнее раньше.

К. Б. А что было с О. Э.? Здесь на странице пятьдесят один: “Никто не может сказать, когда понадобится операция”.

Н. Я. Ничего не было, ничего.

К. Б. Он был мнительный?

Н. Я. Нет, умеренно. Он просто... как Пушкин... что-то было такое у него с ногой, он хотел операцию делать, думал, что ему позволят поехать в Москву. Хотел в Москву.

К. Б. “Во всяком случае, последний припадок был самый сильный”.

Н. Я. С сердцем вообще было плохо. Но он выдумывает здесь что-то с горлом для того, чтобы поехать в Москву сделать операцию. Это старые истории. Казалось, что сердце плохое, а придумывал себе горло. У Пушкина на ноге аневризма была. И желание вырваться <из Михайловского> и поехать на волю на один день.

К. Б. *(по-английски)*. “Не морочит ли тебя Детгиз?”

Н. Я. “Детгиз” обещал перевод, не дал. Морочил. Ни одной работы в жизни я не могла получить без разрешения откуда-то сверху. Между подачей заявления и поступлением на работу проходил обычно довольно долгий срок. <...>

Н. Я. Каблуков Сергей Платонович. Каблуков собирал строчку за строчкой все стихи и варианты Мандельштама. Это было, вероятно, так до 15-го года, 16-го. Очень был

к нему нежен. “Смешной нахал, мальчишка” Мандельштам, должно быть, ему не хватало отца, очень уважал, ценил и слушал Каблукова. В этих дневниковых записях есть очень смешные, как, например, Каблуков ругал Мандельштама за привезенные из Москвы стихи Марины Цветаевой. Он был против того, чтобы мальчишка бегал за женщинами.

Еще... Он ввел Мандельштама в Религиозно-философское <... общество>, и там он читал доклад о Скрыбине. Текст доклада остался у Каблукова и пропал в бумагах. Я уже говорила об этом.

“Немец-офицер” это Кляйст, дядя драматурга Кляйста. Мандельштама поразило, что Кляйст, участвовавший в сражении при взятии Берлина... был ранен. Суворовские офицеры узнали немца-поэта и отнесли его в город в госпиталь. Вероятно, отсюда тема братства. Это стихотворение “К немецкой речи”, обращенное к Кузину, это “дружбой с ним был он разбужен”, она вернула к стихам. Мы встретились в Ереване, в мечети и много разговаривали. Кузин был в экспедиции в Ереване. Как мало было людей, которые читали стихи тогда, понимали стихи, <так> что это была очень нужная для Мандельштама встреча. Потом кончилось, как-то всё переговорили, и настоящие отношения кончились через год-два.

К. Б. Как вы понимаете вот эту строчку: “Чужая речь мне будет...”?

Н. Я. “Чужая речь мне будет оболочкой” — вероятно, ощущение речи, как... чужой речи, как не внутреннего, а чего-то внешнего по отношению к себе... Я думаю.

К. Б. К этой строфе...

Н. Я. “Бог Нахтигаль” — это кляйстовский Бог, а “и дай мне судьбу Пилада” — это дай мне судьбу друга, неразрывной дружбы. По-моему, понятно. А еще? “Мир будет для новых...”

К.Б. “Мир будет для новых чум”?

Н.Я. Ну это как раз период, когда каждый день предупреждали, что будем воевать с тем миром. Причем довольно законно, так как подходил к власти Гитлер. Но у нас, кажется, не было ни минуты, чтобы мы не ждали войны или нас, во всяком случае, не пугали войной.

К.Б. “Но ты живешь, и я с тобой спокоен”. Это что?

Н.Я. С богом поэзии. Да. Очень трудно.

К.Б. О чем это?

Н.Я. О том, что человек, который любит чужие звуки, чужие слова, чужие стихи, чужие языки, всё равно не сумеет до конца ими овладеть, “стекла зубами укусить” и перед смертью все-таки на своем языке скажет что-то, а не на чужом. Это та же тема чужих языков, это период очень бешеного чтения Данта. По всей вероятности, отсюда.

К.Б. Вы об этом говорите?

Н.Я. Да-да.

К.Б. Как это называется?

Н.Я. Никак не называется. “Не искушай чужих наречий” называется, “чужого клёкота”, чужого языка.

“Лихая плата стережет” — конечно, расплата за то, что любил чужое... Ну, как будто всё? “Холодная весна” дальше идет, ясно, врангелевский Крым. Не врангелевский, это Крым после раскулачивания, тут довольно ясная картина — нищий городок, в котором всё время идут бродяги, бежавшие с Кубани и с Украины... “Кольцо” — вот вы не знали, что такое кольцо. Это кольцо, которое к русским вортам. Ну это лучше не комментировать.

К. Б. Что?

Н. Я. “Квартиру”.

К. Б. Об этом вы уже говорили.

Н. Я. Да. О переводах, вот лучше отношение к переводчикам. Всё совершенно ясно... двести сорок три. <“Татары, узбеки и ненцы...”> Когда кругом только переводят и ничего не пишут... Болезнь культуры... Теперь нужно восьмистишия, да? Ну, первые три... Первые два, здесь ведь неправильный порядок, как всегда. “Люблю появление ткани” — в двух вариантах... “Это выпрямительный вздох” — первая строчка, “пришедшая ткань” — поэтическая ткань, конечно... Здесь третьим должно идти стихотворение о стихах же... Есть ли... вот, пожалуйста... Оно идет шестым номером, должно идти третьим — “Когда, уничтожив набросок, ты держишь прилежно в уме...”. Это вечная ненависть к письму. Он слышит, как звучат стихи, держит “прилежно в уме” строфу и не понимает, какое она отношение имеет к бумаге. Кстати говоря, это стихотворение из одной... Восьмистишие — одно предложение. О. Э. часто говорил, что одна Анна Андреевна умеет делать восьмистишия, иногда даже двенадцатиштишия, из одного предложения. В частности, “Не столицей европейской... с первым призом за красоту...”. “Преодолев затверженность природы”, тоже не помню, какой номер, но во всяком случае здесь абсолютно безобразный порядок... это одно из стихотворений, один из кусочков “Андрею Белому”, которое ушло в восьмистишия.

К. Б. О чем напоминает слово “жизнёночка”?

Н. Я. Ага. Только не “жизнёночка”, а “жизняночка”

К. Б. ...Двести сорок семь. <“О, бабочка, о, мусульманка...”>

Н. Я. “Жизняночкой”, “жизняночка и умираючка” — живет, умирает — очень часто о бабочках, о бабочках, которые

не успели никакого следа в жизни оставить, это в “Путешествии в Армению” есть: “Наблюдал танец поденков-светляков”. Почему она “жизняночка и умиранка”? Это всё время сравнивается с человеческой жизнью. Всегда тоже такая же, такая же...

К. Б. А что соединяет эти восьмистишия, кроме формы?

Н. Я. Но все-таки они какие-то... философские.

К. Б. Это цикл?

Н. Я. Не цикл, нет. Цикл — это самозарождающаяся вещь. А эти, так же, как стихи об Армении, искусственный цикл. Сюда собраны философские восьмистишия. Основная часть их была написана вместе, почти подряд, и сюда прибавлено несколько стихотворений. Вот стихотворение Белому — “Шестого чувства крохотный придаток” — этот кусочек появился, когда о “Ламарке” писалось. Остальные все в одно время писались, соединяет их, вероятно, философская тема, что вообще не так часто у Мандельштама. Вопросы пространства, времени, жизни, смерти и познания. “Преодолев затверженность природы” — это ведь о познании.

Я больше всего люблю “И Шуберт на воде...”. И здесь какая-то очень древняя мысль о том, что до того, как человек услышал и сказал, уже существовало то, что он должен сказать. Пожалуй, самой лучшей строчкой <является> “И в бездревесности кружились листы”. Это может относиться и ко всей жизни целиком, и к сознанию. До того как появились стихи, до того как появились строчки, они уже были, существовали. А также и к читателю: мы “посвящаем опыт” читателю, как будто он говорит, да? А этот “опыт” уже зародился в том, кто читает. Вот тема “Клена зубчатая лапа купается в круглых углах”. В то время очень много говорили о... ах ты, черт, забыла, как его, но он упоминается... О Гурвиче, о Гурвиче и его учениках, о предопределении формы. Для Гурвича это были метагенетические лучи. Это же силовое натяжение вокруг листа. Для О. Э. очень

много значило, что это целевое движение всякой травинки, всего к — своей форме, которая уже заложена внутри, извне предопределена. Вероятно, это об этом “клена зубчатая лапа купается в круглых углах”. Первоначально, когда клен развивается, круглые углы все.

В “Чертежнике пустыни” — опять то же самое. Тема “он опыт из лепета лепит и лепет из опыта пьет” — соединение интуитивного... если грубо, очень грубо говоря, соединение интуитивного знания и опыта. И “лепет” — интуитивное знание.

О причинах “В игольчатых чумных бокалах” — они чумные... “наважденье причин” — это наивное понимание причины, с которой всегда не любят... это борьба постоянная. Даже не борьба, а такая органическая ненависть к рационализму.

В следующем стихотворении “самосогласье причин”, т.е. причины — это нечто другое, чем в первом взятое “наважденье”, причина “наважденья”... Рационалистическое понимание причинности и самосогласье причин в большом мире.

Вот уже два стихотворения о гибели авиатора, ощущение полета личное, свое, да? Смерть...

К.Б. Какой номер?

Н.Я. Это номер двести восемьдесят пять, а там еще одно есть, связанное с ним. О смерти авиатора, которого хоронят. Где оно? “Не мучнистой бабочкою белой”, двести восемьдесят восьмое. И “Нет, не мигрень, — но подай карандашик ментоловый” — это острое ощущение представления о смерти — смерть разбившегося авиатора... “Но холод пространства бесполого”... связано с двести восемьдесят восьмым номером. Здесь “видишь что-то перед смертью” оборвано, “пахнет немного смолою да, кажется, тухлою ворванью”, да? “Холод пространства бесполого” — соединяет это стихотворение с похоронами летчика, а похороны летчика — это похороны, вечная тема похорон самого себя, и с ощущением вытянувшегося тела,

смерти. “Позвоночник, обугленное тело” — обугленное оно, потому что это смерть летчика. Его хоронили перед нашим домом.

Где-то я хочу стихи... я выберу сейчас что-нибудь. “Бежит волна, волной волне хребет ломая, кидаясь на луну в невольничьей тоске”. Где же оно? <...>

“Что делать нам с убитостью равнин” (*читает стихотворение*). <...>

“Ранний лед, шелестящий под мостами” — это чисто петербургское, это видение Петербурга. Весной, когда идет первый лед и потом, когда идет ладожский лед, все стоят на мостах и глазают, как идет то, что называется “жир”. “Хмель над головами” — это светлое очень небо с легкими, легкими облачками, петербургский пейзаж, очень остро. Ну, дальше воспоминание о знаменитом изгнаннике... “Тень” О.Э. “грызет” свой Петербург. “Колоды, казавшиеся домами” — это петербургский пейзаж. А дальше уже обещание после смерти перейти к людям, “греясь их вином и хлебом”, а “неотвязные лебеди” — очевидно, стихи. Вот, по-моему, это то, о чем здесь написано. Это обещание прийти после смерти, это так понимают сейчас читатели, это считается, что “вернулся со стихами”. <...>

Триста восемьдесят пять. “Где связанный и пригвожденный стон? Где Прометей...” (*читает стихотворение*).

Я чувствую, что это одно из самых лучших стихотворений, вечная тема мученичества: Прометей, распятие... Чудный коршун — коршун, который летит, коршун желтоглазый и когти исподлобья. На самом деле только взгляд может быть исподлобья, но здесь эта наклонившаяся голова вышла из этого желтоглазого гона и когти исподлобья. Коршун чудный здесь, чудный...

Теперь “не вернуть трагедий...” — это настоящая тема, он писал про Анненского, почему ему не удалась трагедия... Трагедия как форма окончена, когда кончается народная жизнь, народная просодия. Но жизнь, сама жизнь, губы, губы поэта — это новая трагедия, разыгрывающаяся в жизни, а не в театре. Это перекликается с ощущением, которое в “Гамлете”, в “Гамлете” оно более прямо ска-

зано, а здесь губы, как символ человека, как... Ну, теперь про того самого человека, чьи губы — трагедия. Он эхо и привет и т.д. Лемех... Стих, как лемех, который взрывает время. В стихах, где-то в статьях есть... и предчувствие, что в будущем все встанут на ноги, везде захотят увидеть всех, когда услышат этот самый стих. Вероятно, все-таки это оправдавшееся чувство, потому что сейчас встают, когда слышат строчку стиха. <...>

Это по поводу вчерашней передачи Би-би-си, которую я приписываю сыну Вяч. Иванова или же кому-то из его знакомых. Меня поразило, кстати, что не назван автор передачи. Очень обидно, что многое понимают, но не понимают каких-то вещей, и лучше бы не путаться в них. Вся передача была оскорбительна для Анны Андреевны, начиная с первой фразы о том, что в России, кажется, произвела большое впечатление смерть Ахматовой. Такая фраза может только означать одно: что где-то она не произвела впечатления. В таком случае не надо и давать передачи. В этой передаче говорилось о том, что никакого акмеизма не существует. Были мелкие выпады, в частности, ссылка на статью Блока об акмеистах, направленную целиком против Гумилева и т.д.

Анна Андреевна очень настаивала на понятии “акмеизм”, О.Э. не так энергично, потому что он вообще плевал на всё, что называлось “литературоведением будущего или прошлого”, но все-таки в какие-то минуты он утверждал, что он акмеист. Для меня всегда было очень большим и серьезным вопросом, что объединяло трех людей, этих трех основных людей акмеизма: Гумилева, Ахматову и Мандельштама? Три поэта, с совершенно разной установкой, совершенно разной поэзией и, вместе с тем, всегда сознававших свою близость. В чем дело? Я думаю, что это скорее противопоставленность символизму, в этом суть. И противопоставленность не только поэтической практике символизма, но общей идеологии символизма.

Мне кажется, что очень хорошо рассказано у Бердяева в автобиографии о том, как он разочаровался в сим-

волизме. Конечно, сделано <это> очень поздно, но ведь его нельзя назвать человеком искусства. Просто интеллигентский круг своего времени. Но его оттолкнуло, вероятно, от символизма то же, что оттолкнуло и этих троих прежде всего мировоззрение, даже скорей миропонимание. Отношение к добру и злу, отношение к ценностям, чувство общественной безответственности. Символисты были индивидуалисты, нищанцы, они были внеположны добру и злу, как заметил Бердяев. Это, вероятно, и было причиной того, что эти трое и не захотели быть с ними. И всю жизнь активно настаивали на том, что они не с ними. И до революции, и особенно после. Революция научила их чувству ответственности. Во-вторых, и Гумилев, и Мандельштам, и Ахматова — люди с несомненным религиозным сознанием, без всякого интереса к языческим временам, то есть христианского сознания. Полное доверие к категориям нравственным, точное понимание деления на добро и зло — вот, вероятно, основа разделения с символистами... ЛЕФ очень помогал Маяковскому. Я не помню, говорила вам о характере бриковского салона, нет?

К.Б. Нет.

Н.Я. Кто там бывал, нет? Сотрудники Брика по его работе в ЧК. Брик был следователем ЧК, и его специальностью были товарищи его отца, богатого коммерсанта... В салоне Бриков бывали очень крупные работники, я сейчас не вспомню фамилии, но потом когда-нибудь назову две-три фамилии. Там составлялось общественное мнение, кто что сто́ит. Там, между прочим, уже в двадцать втором году объявили Мандельштама и Ахматову внутренними эмигрантами. Вероятно, это сказалось и на дальнейшей их судьбе. Нужно помнить, что ЛЕФ боролся за официальное положение правительственной группировки — то, которое потом получил РАПП в своей борьбе с ЛЕФом. А сначала претендовал на него ЛЕФ. ЛЕФ впервые начал пользоваться нелитературными средствами в литературной борьбе, правительственными средствами. Я думаю, что, если найти

досье Мандельштама и Ахматовой, если они когда-нибудь выплывут наружу, там будет вот этот вот... сбор общественного мнения о том, что́ они такое. Отвоевывая Маяковскому молодежную аудиторию и вообще аудиторию и политическое положение ЛЕФу, средствами не стеснялись. Кстати говоря, Маяковский был абсолютно ни при чем сам. Он ни черта в этом не понимал, он тянул лапу всем своим литературным недругам и был очень милый человек. Мы встретились с ним когда-то у Елисеева, и он через прилавок кричал Мандельштаму: “Как аттический солдат, в своего врага влюбленный” — и они дружески махали друг другу. Еще раньше О. Э. подружился с Маяковским в Петербурге, их растащили в разные стороны: Брик — Маяковского, а, вероятно, Гумилев — Мандельштама.

К. Б. Говорят, что Мандельштам говорил Маяковскому: “Маяковский, перестаньте кричать, вы не...”

Н. Я. “Вы не румынский оркестр”. Это в “Бродячей собаке”.

К. Б. Вы еще рассказывали о поступках Брюсова.

Н. Я. Ну, это такое озорство, очень мелкое озорство. Брюсов очень испугался, по-моему, что теряет положение, когда Мандельштам вернулся с Кавказа, двадцать второй год, весна. И пошел ряд статей, где Брюсов называл Мандельштама, как он называл его... шефом?.. главой школы неоакмеистов или неоклассиков. Такой группировки не было, ее выдумал Брюсов, и всех худших поэтов своего времени он встроил в эту группировку. Такое у него было развлечение.

К. Б. Группировку эту выдумал Брюсов?

Н. Я. Нет, нет, нет... Нарбут и Бабель хотели неоакмеизма, но он не состоялся, это было просто предложение О. Э., но в брюсовском “списке” не было ни Бабеля, ни Нарбута. Одни двадцатистепенные поэты... Брюсов занимался еще так... мелкими шалостями. Например, зазвал

Мандельштама и страшно расхваливал его стихи и цитировал Маккавейского. Мандельштам сидел, улыбаясь, и, <как> потом мне рассказал, не возражал. Маккавейский — это киевский поэт с очень сложными, какими-то латинизированными стихами.

Ну, еще одна шалость Брюсова: когда Мандельштаму давали паек, он сделал вид, что не узнаёт его, путает с юристом, и настоял на том, чтобы дали паек второй категории — меньше хлеба, меньше масла. Но это всё озорство, настоящих политических вещей, как у ЛЕФа, Брюсов не делал, т.е. к политической дискриминации не прибегал.

Еще? О чем я должна говорить?

К.Б. О Гаспре?

Н.Я. Гаспра — это имение, где когда-то лечился Толстой, в Крыму, возле деревни Кореиз. Его получила ЦЕКУБУ для санатория, и туда мы поехали с О.Э. в августе — сентябре двадцать третьего года. Там мы жили среди профессоров, там он писал “Шум времени”. Приехал Эфрос Абрам и сообщил, что Мандельштаму Союз писателей вынес выговор. Это была ложь... Эфрос говорил, будто соседи жаловались, что Мандельштам заставляет всех молчать в коридоре или что-то в этом роде. Такой жалобы не было, разбирательства не было. Это была чистая пакость Эфроса — никакой жалобы не было. Эфрос был знаменитый пакостник, Мандельштам страшно разозлился, что в его отсутствие какие-то его дела в Союзе писателей разбирают, и послал отказ от комнаты, так что, когда мы вернулись, мы остались без жилья. Это у нас всегда очень сложный вопрос.

Осенью двадцать третьего года мы вернулись в Москву. Мандельштам привез “Шум времени”, но первым отказался от него Лежнев. Не стал печатать в своем журнале, потом отличился и Тихонов. Оба они написали свои “Шумы времени”, так что мандельштамовский не отвечал тому заданию, которое они ставили. Лежнев рассказал о еврейском мальчике, который пришел к марксизму, а Тихонов — очень талантливые мемуары о своих приключениях

с Горьким. Ясно было, почему им не нравится мандельштамовское: не то, другой мемуарный ряд. Ну вот, “Шум времени” остался на руках. Где-то очень далеко, не в центре, на Якиманке, достали временную комнату, за которую очень дорого платили. И оказалось, что ни один журнал больше Мандельштама не печатает. Это Николай Иванович Бухарин сказал, он тогда был “Прожектор”: “Я не могу вас печатать, дайте переводы”.

<...> То же самое потом повторил Нарбут, когда встал во главе ЗиФа: “Я тебя, Ося, не могу печатать, я могу тебе только переводы давать”. Вероятно, состоялось какое-то решение наверху... в ЦК, в Отделе культуры, установка — разделить писателей на своих и чужих. Чужими оказались Мандельштам и Ахматова, самый крайний ряд. Шкловский как-то пробился, хотя тоже был в этом положении. Белый... Замятин нет, Замятин, в сущности, попал в это самое положение лишь позже, когда уже был за границей... Ну вот, всюду писалось, что он перешел на переводы и бросил писать стихи... Началось тяжелое время.

Переводы... Мандельштам не переносил переводов, кстати, переводить не умел. Все переводы, которые он сделал, в конце концов, это свободные переложения, а не переводы...

Теперь я записала о смерти Ленина. Я расшифрую записку, что Мандельштам сказал по поводу огромных очередей: “Они жалуются Ленину на большевиков”. Мы стояли ночью в этой очереди, а Мандельштам, вообще человек безумно любопытный, всё, что случается, особенно на улице, его всегда интересует. (Интересовало, вернее. Я напрасно настоящее время употребила.) Мы стояли ночью троим: Пастернак, Мандельштам и я. Горели костры, очереди были многоверстные. Прошел Калинин, к нему пристали какие-то комсомольцы, он их отогнал, подошел к Мандельштаму и позвал его и... провел... Борис Леонидович, кажется, уже ушел.

Переезд в Ленинград. У Мандельштама заболел отец, мы поехали впервые в Ленинград, когда он заболел ревматизмом... мм-м... его положили в больницу, и тогда

выяснилось, что в ленинградском отделении издательства сидит некто Горлин, который охотно даст работу, переводы-то достать было невозможно почти. Переводы — это ведь тоже привилегия, хотя они оплачивались тогда чудовищно. Один день перевода — один день еды, но все-таки это дома. Да и кроме того нищета была общая. Вплоть до тридцать пятого года люди, в общем, плохо жили. Дифференциация между зарабатывающими и незарабатывающими началась только с тридцатых годов.

Здесь есть у меня такая фраза: “Лившиц и больше никого”, да? Пришел НЭП и вместе с ним потрясающее одиночество: Гумилев расстрелян, Анна Андреевна почти не видна, пришли новые люди, совершенно чужие... Большинство известных, близких уехало в эмиграцию, кроме того, масса убитых в Гражданской войне — колоссальная первая ломка. И когда мы приехали в Ленинград, в сущности, это был уже чужой город. В те годы мы встречались, пожалуй, с Лившицем, с Выготским и не сходились с молодой литературой — “Серапионовыми братьями”, хотя Зоценко Мандельштаму всегда нравился. Весной двадцать пятого года я заболела...

К.Б. Скажите, пожалуйста, Блок в издательстве “Время” — это двоюродный брат?

Н.Я. Ах да, сейчас. Это где здесь, ниже? Хорошо, сейчас запишу. “Шум времени” так бы остался в кармане, не увидел бы света, но еще существовали частные издательства. Двоюродный брат Блока, он писал о Фете когда-то, по-моему, его имя Георгий, бывший лицеист... ему очень понравилось, и он опубликовал в издательстве “Время”. Вот когда уже “Шум времени” печатался, О. Э. написал, кстати, своей рукой (всё остальное диктовано) три последние главки, феодосийские. В одной из этих феодосийских главок он рассказывает о своем особом... он рассказывает о полковнике... как его фамилия?

К.Б. Цыгальский.

Н.Я. Полковнике Цыгальском. Именно полковник Цыгальский освободил его из врангелевской тюрьмы. Волошин, когда приехал, застал Мандельштама уже на свободе.

К.Б. А Мазеса да Винчи?

Н.Я. Мазеса да Винчи — да, был такой художник. Был, был. Мандельштам ничего не выдумывает, это быль. Я его не видела никогда, но это провинция, они смешные.

К.Б. А была у полковника Цыгальского...

Н.Я. Сестра?

К.Б. И сумасшедшая.

Н.Я. Наверное, была. Ничего не выдуманно... Я не знала Цыгальского, наверное, погиб человек где-нибудь в эмиграции или до эмиграции.

Ну вот, мы жили на Морской первую зиму в Ленинграде. Я заболела обострением туберкулеза, сначала меня перевезли в Детское село в частный пансиончик, туда приехали Пунин с Ахматовой, в это время Мандельштам не был близок с Ахматовой. Они разошлись в период, когда она бросила Гумилева и жила с Шилейкой. Она остановилась именно в нашем пансиончике, и мы очень с ней подружились. С этого времени, в сущности, и начинается моя дружба с ней. Она не раз говорила, что новое сближение, второе, с О.Э. произошло из-за меня. Благодаря мне. До этого мы бывали у нее, но это были визиты. Однажды она ко мне пришла, О.Э. в это время был в Москве, он перевозил мебель из Москвы в Ленинград. В те годы мы купили какую-то очень хорошую мебель, потом ее всю продали. Она пришла ко мне, а я как раз была больна, и она вспоминала потом, что я послала ее тут же за папиросами — она сбегала очень быстро и ловко. И говорила: “Она меня послала за папиросами, и я, как телка, пошла...” Вот... После Ялты, после вот этого периода — Ялта, Луга — я уехала в Ялту,

и О. Э. старался как можно больше времени провести в Ялте. К этому времени относятся письма. Осенью я опять уехала в Крым, на этот раз в Коктебель. <...>

Мне нельзя было жить в Ленинграде, очень трудно было с работой. О. Э. поехал в Москву и начал брать работу у Нарбута. Специфика этой работы была такая: “Земля и Фабрика” — коммерческое издательство, старалось всё устроить как можно выгоднее, яркие обложки и так далее. Они не переводили, они переделывали старые переводы...

...“Сцена с Рождественским”. Это поэт Рождественский, один из участников позднего гумилевского “Цеха”. Гумилев после себя оставил Рождественского, Оцупа и Нельдихена — трех основных учеников или товарищей, бог его знает. Рождественский отличился тем, что в своих мемуарах выдумал длинные разговоры и прямую речь, кстати, Мандельштама. Прямая речь — это всегда вранье. Рождественский приехал после ареста (он несколько дней просидел в ЧК) и сообщил, что его всё время расспрашивали о Мандельштаме. Мандельштам спросил, о чем именно. Рождественский сказал, что он не может сказать, так как обещал молчать. Мы пытались ему объяснить, что в таких случаях надо говорить, но он не сказал.

К. Б. Вы хотели пропустить это место?

Н. Я. Какое? “Анна Радлова говорит со мной и с Ахматовой”? Нет, могу сказать... Анна Радлова — поэтесса, она вздумала ненавидеть Ахматову и говорила о ней омерзительно и отвратительно. Настолько, что когда-то целый ряд друзей Анны Андреевны ушли от Анны Радловой и больше с ней никогда не встречались, не посещали ее. На сестре Анны Радловой был женат брат О. Э. Евгений... Она умерла, роды... Нам и пришлось встречаться с Анной Радловой, даже мы были раза два у нее. Кстати, она вместе со своим мужем Сергеем Радловым, режиссером, тоже предлагали объединение литературное и предлагали О. Э., но он отказался. Я узнала, как Радлова говорит об Ахматовой, случайно встретившись с ней в Царском Селе, она, так ска-

зять, предлагала мне быть ее подругой, а не Анны Андреевны. Интересно, что до сих пор какие-то старые знакомые Анны Радловой повторяют эти вещи. Например... ну ладно, “например” не надо. Это уже форма женской литературной борьбы, которая смешана (*смеется*) с личным. Еще что?

К.Б. Всё это вы уже комментировали. Вот: “Летом 1927 года Горлин, узнав, что Нарбут предлагает...”

Н.Я. “Уленшпигеля”... <...> Я считаю, что “Уленшпигель” и вся история, весь скандал с ним, — полезная вещь. Мандельштам, по крайней мере, понял, где он живет...

“Военные на пароходе”. Мы встретились на пароходе с очень крупными военными чинами. О.Э. был поражен блеском и снобизмом этих людей, я не помню их фамилии, но это был, вероятно, впоследствии погибший генералитет. Один из них сказал волшебную вещь, которую... О.Э. запомнил и повторял: “Для того чтобы управлять казармой, нужно иметь портрет”. Сильно? (*Смеется.*) <...>

Это совершенно новая формация, эти военные. Это наш блеск, а не тот блеск. “Хлопоты приговоренных” — вот что рассказывается... “Весна двадцать восьмого года, хлопоты приговоренных”. Я была в Ялте и не могла дожидаться Мандельштама. Когда он приехал... Я не буду говорить обо всей этой уленшпигелевской истории, там надо смотреть материалы. К сожалению, вся куча материалов погибла, когда я уезжала из Калинина перед немцами, немцы занимали Калинин, и я оттуда удрала. Но все-таки кое-что сохранилось, правда, в копиях...

Я начну отсюда: “Вызов меня в ЦК к Гусеву — Сухум, Армения”. Кончилось тем, что взбесился Бухарин, страшно рассердился, пошел в ЦК и потребовал, чтобы... всё это... вся эта канитель с так называемой травлей прекратилась и чтоб Мандельштама отправили на отдых. И мы уехали тогда на полгода в Армению. Я говорила с секретаршей Бухарина: “Куда?” — я сказала: “Армения”. Она очень удивилась, что, очевидно, тяга в Армению очень серьезна, потому что несколько лет назад, за несколько лет до этого,

Мандельштам тоже хотел ехать в Армению. Его пригласили в университет, но нарком Мравьян умер, скоропостижно... и это рассеялось. Тогда меня вызвали в ЦК к некому Гусеву, и он организовал отъезд в Сухум сначала на два месяца в санаторий и в Армению. Сухумский санаторий — это был санаторий ЦК, там мы почему-то жили с Безыменским. Ну, это в “Путешествии в Армению” есть, главка об этом.

“Ранняя весна 30-го года, Сухум, смерть Маяковского”. Мы туда получили известие о смерти Маяковского. Там был Ежов, тот самый, вероятно, который впоследствии был знаменитым Ежовым. Мы жили вместе с ним. Очень тихий человек, разводился с женой и женился на той жене, которая впоследствии погибла вместе с ним, приятельница Бабеля. В день смерти Маяковского, как всегда, они танцевали и пели русскую. Ежов, хромой, очень любил похвастаться танцем русским. Мы гуляли с каким-то грузином по саду, и грузин сказал: “Если б умер грузинский поэт, то грузинские наркомы не стали бы плясать”. Оська сказал мне: “Пойди, скажи Ежову”. Я пошла, позвала Ежова и рассказала ему это, танцы прекратились. Ничего?

К.Б. “Бегство из литературы” — это...

Н.Я. “Бегство из литературы” — это вечная тема Мандельштама. Он хотел жить чем угодно, только не литературой и подальше от литературы.

К.Б. Какие произведения... И почему в кавычках?

Н.Я. Нет-нет-нет... Ну это я так...

К.Б. Тема, да?

Н.Я. Да, тема, тема жизни. То, что мы уехали... Он надеялся в Ереване или где-то на Кавказе устроиться внелитературно. Но, конечно, из этого ничего не вышло, и мы опять очутились в литературе.

“Разговор с писателями”. Он говорил о том, что знаменитая формула “национальный по форме, социалистический по содержанию” невежественна и безграмотна. Это формула Сталина... И удивился, что писатели исчезли (*смется*) и больше никогда не подходили. Между прочим, Чаренц решил познакомиться с нами только в Тифлисе, где он был, так сказать, не под наблюдением. И там он к нам пришел в гостиницу, уже после Эривани, и много с нами разговаривал... Мы ездили на Севан, в Эчмиадзин. “Кузин” — это человек, которому посвящено “К немецкой речи”. Биолог.

...Когда мы вернулись из Тифлиса, после этого путешествия в Армению, которое длилось месяцев восемь, О. Э. хотел остаться в Ленинграде. Речь шла о какой-то комнате, о работе... И поэт Тихонов сказал: “Пусть едет в Москву”. И добавил: “Ни за что не хотели ленинградские писатели, чтобы Мандельштам оставался в Ленинграде”. Ну, мы вернулись в Ленинград... <...>

А? “Шуша”. “На высоком перевале... мы со смертью пировали”. “Папиросы” — это... Вдруг в Тифлисе мы остались без папирос, оказалось, что на них повышаются цены, и с Чаренцем всё время искали папиросы.

“Волчий цикл” — Зоологический музей, где работает Кузин. В Зоологическом музее написаны стихи “Всё лишь бредни, шерри-бренди, ангел мой”. Это в Зоологическом музее мы выпивали с Кузиным и зоологами, это начинается дружба с зоологами. В общем, я попала в “ангел мой” или в “Мэри”... Не давали пайка, мы застали в Москве абсолютный голод уже, это второй голод, голод раскулачивания. У писателей были пайки, 16 пайков... Халатов (заведующий ОГИЗом) встретил Мандельштама, остановил его и спросил, получил ли он паек. Мандельштам даже не знал о существовании пайков. Халатов страшно ругался: “Кому они дают пайки, что делается у вас в литературных организациях?” — и устроил семнадцатый паек на Мандельштама. “Изучение древнеармянского”, понятно. Очень было трудно жить опять... Я пошла впервые тогда работать и служила

в газете, потом лежала в Боткинской больнице, и комнату дали на Тверском бульваре. <...>

К.Б. А чья это статья “Лакейская...”?

Н.Я. Без подписи. Комплекты “Правды”, вероятно, тридцать третьего года есть. Тридцать третий — тридцать четвертый год, вероятно, найдете.

К.Б. Я не знаю, есть ли?

Н.Я. Есть, есть такая. “Путешествие в Армению” названо лакейской прозой — в ней страшное разоблачение.

К.Б. Шкловский тоже писал об этом? “Путь к сетке”?

Н.Я. Да-да-да, он писал...

К.Б. “Путь к сетке”?

Н.Я. Он писал, что Мандельштам видит не вещи, а их отражение в литературе. А его любимый разговор был о том, что у Золя настоящие вещи и настоящее солнце, а не отражение в искусстве. Я потом прочла Золя и поняла, что он весь идет от готовых форм, уже разработанных. Ну, май 34-го — арест, ссылка в Чердынь, оттуда я дала телеграмму Сталину, Бухарин написал Сталину письмо, и результатом было “минус” какой-то, “минус семь”, кажется. И мы выбрали Воронеж. В Воронеже был Рудаков.

К.Б. Что такое “минус семь”?

Н.Я. Запрещено жить в каком-то количестве городов. Всё будете подробно читать, всё очень подробно.

“Кто такой Рудаков?” Рудаков и Калецкий — молодые литераторы, высланные в Воронеж. Воронеж был полон высланными, эти двое всегда у нас бывали. Рудаков всё аккуратно записывал за О.Э. и, вероятно, писал письма жене

обо всем, что он говорит. Рудакову я дала на сохранение бумаги. Анна Андреевна Рудакову же отвезла архив Гумилева. Всё это украдено. Рудаков убит на войне, жена его всё украла и постепенно торгует... рукописями... Да, вот в эту минуту... Мандельштамовских рукописей как будто она не продавала, а гумилевские — целый ряд пошел... в продажу. Мы пробовали через кого-нибудь выкупить, ничего не вышло — она боится. Во всяком случае, там весь архив Гумилева и очень много Мандельштама.

<...> Это стихи Ольге Ваксель. Единственный случай в нашей жизни, когда мы были накануне развода. Она совершенно была прелестная женщина, и, кстати, я с ней была в очень хороших отношениях. “Жизнь упала, как зарница” (*читает стихотворение*). “И за куколом дворцовым” (*читает стихотворение*). Январь двадцать шестого, так? Эти стихи надо поместить в конец первой книги, а не отдельно. Я, когда узнала, очень уговаривала О. Э. в двадцать седьмом году уже напечатать их в книге, но у него были какие-то идиотские основания не печатать их. “Мы не трубадуры”, — он говорил, — “изменнические стихи”, — и не напечатал. Но это исключительно его кретинизм.

Да, кстати, в воронежских стихах “Возможна ли женщине мертвой хвала?..” — ей, “Уже выгоняет выжлятник-пожар линейк раскидистых стайку” — тоже ей и “Римских ночей полновесные слитки”. Вот эти три стихотворения — он ее вспомнил.

Ну теперь я Стивенсона прочту, “Заморские дети”: “Дети-негры, мальчишки-малайцы...” (*читает стихотворение*) — журнал “Воробей”, двадцать четвертый год, номер пятый. “Одеяльная страна” — второе: “Лег в постель. Закутался. Согрелся...” (*читает стихотворение*) — “Новый Робинзон”, двадцать четвертый год, номер двенадцатый. <...>

Ну вот. “Твоим узким плечам...”, да? Вероятно, против воли появившиеся стихи, сразу после чердынской истории, когда мы очутились в Воронеже. Он прочел мне, потом сказал, что он их выбросил. Позднее я узнала, что он их все-таки сохранил. Он боялся стихов, в которых заглядывал в будущее. Вот предсказал сам будущее и потом... вылезай из него.

То же и два перевода со старофранцузского. В сущности, это не переводы в такой же степени, как Лоуэлл, это свободные переложения. Одно — обет нищеты, а другое — борьба, несмотря на все неприятности, которые будут в жизни. И он ни за что не хотел их иметь дома, ни за что. Он сдал эти стихи в редакцию, но их вернули, не напечатали. Переписать мне не дал. Страшно злился, когда я просила, много лет у меня этих стихов не было. Мальчишки, которые сейчас начали искать Мандельштама всеми способами, разыскали в каких-то невероятных архивах, принесли. Я думала, что они пропали.

К. Б. “Алисканс”?

Н. Я. “Алисканс” и вот это стихотворение, второе — про святого Алексея. Это очень странные стихи — и по размеру, и по всему. Мне кто-то объяснил из знатоков русского стиха, Маймин кажется, что есть мера времени, что каждая строка произносится в определенный период времени и что возможны такие размеры. Во всяком случае, размер “Алисканса”, понять трудно. Я прочту несколько строчек: “Вильгельм-государь” (*читает всё стихотворение*). Кстати, “Братья Аймона” в одно время делалось, и там тоже...

К. Б. В двадцать втором году?

Н. Я. Да-да, там та же штука, такое же перенесение на себя. Вы помните: “Дети, вы обнищали, до рубища дошли”. Из той же области. Почему-то все эти якобы старофранцузские переводы — все связаны очень лично с ним. Это не переводы по-настоящему.

Ну, всё!

.....

ЛЕТО 1967 ГОДА В ВЕРЕЕ: Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ В ДНЕВНИКОВЫХ ЗАПИСЯХ ВАДИМА БОРИСОВА

(Публикация и подготовка текста С. Василенко,
А. Карельской и Г. Суперфина. Вступительная заметка
Т. Борисовой)

.....

Как Дима познакомился с Н. Я.?

Я помню рассказ об этом, но не уверена в его полной достоверности. В университете несколько человек, в том числе и Дима, устраивали вечер Мандельштама, первый такой большой вечер. Там выступали многие люди, а Дима читал стихи. И потом Н. Я. сказала Юле Живовой: “Мне нравится, как он читает стихи. Это лучшее чтение стихов Оси, которое я слышала в своей жизни. Кто этот молодой человек?” Юля говорит: “Да это наш Димка, они с Витькой¹ в одном классе учились”. И вот так и познакомился. Потом стали постепенно заниматься с Н. Я. разборкой архива и очень подружились.

А меня Дима познакомил с Н. Я. осенью 1966 года, ранней осенью. Мы еще не поженились тогда, из знакомства я и узнала, что мы собираемся жениться. Мы пришли, и Дима говорит Н. Я.: “Я хочу представить вам свою невесту!” Не знал, наверно, как выразиться по-другому, и оказалось, что я невеста. На что Н. Я. сказала: “Знаем, видали мы таких невест на два месяца”. Я ответила: “Так надолго?” Не задумывалась в молодости, что говорю.

И вот эту зиму 1966/1967 года Дима проводил почти каждый вечер у Н. Я., а меня часто брал с собой. Конечно, у нее бывало много гостей, все взрослые, а мне смешно, только что двадцать два исполнилось, молоденькие мы были совсем: Диме двадцать один, а мне двадцать два. Говорили, конечно, о стихах, обо всем. Н. Я. давала свою книжку читать, потом, правда, Дима благополучно при ней рвал ее и спускал в унитаз, она сама просила уничтожить первый вариант книги об Ахматовой, что-то ей там не показалось. Если говорить условно, то там Ахматова была хорошей, а потом она написала книгу, которая уже всем известна, где Ахматова не такая хорошая, не такая святая. А там была святая. Какие-то куски, конечно, где-то сохранились, не помню уже, куда они делись.

Весной 1967-го мы поженились и думали, что нам делать летом — оба студенты, большие каникулы. И Н. Я. сказала: “А мы в Ве-

.....

рею едем». Их перевозили туда на двух машинах: Наталия Ивановна Столярова и Екатерина Фердинандовна, мама Наташи Светловой.

Дима тогда поехал в Верею, Н.Я. ему рассказала, какая у них хозяйка, и он снял там соседнюю избу. В Верее мы прожили всё лето — июль и август. Стоило это очень недорого, даже для студентов копейки. Верея был такой необжитый городок, хорошо сохранившийся, со старыми домами и структурой, потому что там не было железной дороги. Такие города лучше сохранялись. Но добраться было ужасно неудобно.

Ехали мы на автобусе с какими-то душераздирающими рюкзаками, везли на себе очень много всего, одеяла, простыни, полотенца. Изба была почти пустая. Раскладушка, какая-то кровать солдатская односпальная, стол и на кухне что-то странное. Я в то лето первый раз сама вела хозяйство. Научилась готовить, первое наше лето вместе с Димой. Машка Поливанова с Витькой Живовым в то лето как раз жили в Протвино у Миши Поливанова, на одной и той же реке с нами, Протве. И мы с Машкой писали друг другу смешные письма: «Я купила стакан граненый, а я миску зеленую». Тогда ведь ничего не было.

Хотя старики были очень самостоятельные, всё делали сами — стирали, готовили. Дима им старался во всем помочь, воду носил из колодца, тяжести всякие. Вечерами они старались нас накормить ужином, а мы старались их не объедать. Жили на копейки и ели намного скромнее, чем они. Они всё время хотели, чтобы мы ужинали с ними, а мы отвечали, что придем к чаю. Зато к чаю всегда варенье — вишневое или клубничное, с хлебом. На фотографии мы с Е. Я. как раз ягоды чистим. Когда бы мы ни легли, Дима стоически вставал почти каждый день и сопровождал Н.Я. на рынок.

К нам еще часто приезжали гости, которые спали вповалку, кто на полу, кто на этих кроватях. Однажды Юру Фрейдина, который приехал со своей женой, уложили вдвоем на раскладушку, и когда мы проснулись утром, то увидели записку: «Взяли одеяло, ушли досыпать в лес». Потом Юра приезжал к нам с Наташкой Горбаневской, и мы всю ночь играли в покер, а Елена Михайловна и Евгений Яковлевич нам потом говорили: «Вы так долго спите, а чем вы занимаетесь всю ночь?»

Н.Я. жила в доме с братом — Евгением Яковлевичем и его женой, Еленой Михайловной. Они с братом очень любили друг друга. Всегда вспоминали Киев, а их любимый рассказ, по-моему, даже в книге ее есть: их отец в восемнадцатом году выглядывал из окна и говорил: «Образованных на улице не видно». Елена Михайловна писала свои картины.

Я один раз сказала, что не люблю мыть посуду в мисках и в тазах, и получила жуткий втык от Н.Я.: «Как это! Что значит не люблю мыть посуду? Надо, не надо — моешь!» Еще она меня учила

готовить. Когда я говорила, что одни продукты надо заливать холодной водой, другие — горячей, она отвечала: “Таня, готовить надо так, как удобно и быстро, а не придерживаться каких-то предрас-судков”. Очень мне этот совет помог в жизни.

Каждый вечер мы проводили у Н. Я. Правда, иногда сбегали в лес за грибами: Дима очень любил их собирать, а они никак не могли понять, зачем это надо. Грибов вокруг была пропасть, места очень красивые. На речку ходили купаться, чтобы помыться в основном.

Еще Н. Я. занималась со мной английским, а Е. Я. французским. Все остальные покатывались со смеху, когда мы с ним сидели и я пыталась произнести в нос французские звуки. Беспольные были занятия. Так и жили, разговаривали всё время. Приезжала Наталья Евгеньевна Штемпель из Воронежа. Дима всё собирался к ней съездить туда, но не было денег на билет. Они с Димой и Н. Я. втроем уходили надолго гулять. Она очень много вспоминала об Осипе Эмильевиче. Ну а я волей-неволей запоминала. Рассказы Н. Я. записывала в тетрадку, еще в Москве это началось, она говорила, а я записывала, иногда даже не понимая, что значат какие-то имена, слова и факты, потом отдала ее то ли Ромке (Р. Д. Тименчику), то ли еще кому-то. Поскольку без конца говорили о стихах, то с тех пор я и стихов очень много на слух запомнила.

Натан Файнгольд бывал. Кричал что-то про сионизм, требовал водки, сидел в глухом отказе. По-моему, был художник, у него такие рисунки были с мощной светотенью, как будто он не человека рисует, а скульптуру человека. Довольно странный. Про него говорили, что его обязательно отпустят, потому что он якобы родной племянник Голды Меир. В конце концов его отпустили, и он уехал. Что с ним дальше в Израиле стало, не знаю. Тогда ведь война в Израиле была, и Е. М. Фрадкина очень боялась: “Надя говорит, что у русского народа нет антисемитизма, а я даже боюсь немного летом в Верее, не будет ли погромов”. Я: “Да что вы, какие погромы, не может быть!” Мне и в голову не приходило, что это реальность. Она говорила: “Да вам, Таня, хорошо, у вас нос не такой. А у меня нос как раз для погромов”.

В то лето все обсуждали: кому оставить архив, кто чем будет заниматься, кто прозой, кто стихами. Там были Дима, Саша Морозов, Женя Левитин, Ира Семенко, потом всё это постепенно благополучно забылось, архив ушел в Америку.

Н. Я. тогда очень сдружилась с Юрой Фрейдиным. Когда она умерла, к нам вдруг приехал перепуганный Женя Левитин и сказал: “Тань, сейчас будет обыск!” Я говорю: “Да почему? С какой стати?” Оказалось, что это завещание, которое обсуждалось тем летом и которое Н. Я. потом отменила, где-то всё же осталось, в ка-

кой-то конторе нотариальной. Конечно, никто из них ни на что не претендовал, но все боялись, что сейчас у всех этих людей начнут искать архив Н. Я.

В Диме Н. Я. ценила начитанного, образованного молодого человека, историка: ему не надо было объяснять, кто такой Бердяев или, не дай бог, кто такой Блок. Но, как и всех вокруг, она воспринимала его только за любовь к Мандельштаму, что он хочет возиться с архивом, помочь ей всё сохранить. Для нее это было единственное дело жизни, и человек, который был готов столько времени физически этим заниматься, был ей мил и приятен.

Общее впечатление об этом лете — светлое и хорошее. Даже если и были литературные и архивные споры, проходили они без заметного напряжения. Всё разразилось в полную силу уже в Москве, осенью.

А в Верее мы много смеялись, Е. Я. много подшучивал над Н. Я.: “Опять со своим Оськой носишься!”

Так и жили.

ТАТЬЯНА БОРИСОВА

15 июля 1967 г. Верея .....

Н. Я. вернулась из Ленинграда, где она выступала свидетелем на суде об ахматовском наследстве. С ней были: Екатерина Ф^{ер}динандовна С^{вет}лова¹, Н^{катан} Ф^{айн}гольд² и его жена Юлия². Тогда же я попросил ее записать всё, что происходило на суде. Она отнекивалась, говорила, что не слушала выступления других свидетелей (Н. И. Харджиева, Э. Г. Герштейн), но потом согласилась рассказать мне всё подробно, с тем чтобы я записал ее рассказ. За вечерним чаем в присутствии своего брата Е^{вгения} Я^{ков}левича Х^{азина} и его жены Е^{клены} М^{ихай}ловны Ф^{рад}киной, Н^{катана} и Ю^{рия} Ф^{рей}дина и нас с Таней³ она рассказала о ее допросе самое существенное, опуская детали. После чая, чтобы не утомлять разговорами Е. Я., мы все перешли к нам, где пили уже не чай.

.....

- 1 Светлова Екатерина Фердинандовна (1919–2008) — инженер; мать второй жены Солженицына Натальи Дмитриевны.
- 2 Файнгольд Натан (1930–2007) — московский инженер-электронщик, художник-авангардист, самиздатский переводчик М. Бубера. В 1970-х гг. активист движения за выезд евреев на историческую родину в Израиль. Эмигрировал с семьей в 1973 г. Жил в Израиле. Юлия Файнгольд (†2003).
- 3 Борисова Татьяна Владимировна (Повереннова; 1944–2015), с 1966 г. жена В. М. Борисова, в то время студентка искусствоведческого отделения истфака МГУ.

Н. Я. была очень взбудоражена; она начала говорить (очень резко) о своей беседе с Сашей Морозовым, который был у нее в Москве накануне отъезда: “Саша устроил мне истерику по поводу Иры (И. М. Скеменко), Саша совсем охарджиевился, Саша плакал, я ничего не поняла” и т.д. Всё это болезненно-утрировано, и слушать мне было очень тяжело. Кроме того, это говорилось при свидетелях, хотя сам характер и предмет разговора, на мой взгляд, совершенно исключал присутствие посторонних. Не зная и не понимая предмета разговора, они охотно поддерживали всё, что говорила Н. Я., тем самым побуждая ее к новым нападкам. Я не считал возможным при свидетелях что-либо возражать и молчал до тех пор, пока Н. Я. не потребовала у меня объяснений. Уклониться было невозможно. Я сказал, что Н. Я. несправедлива к Саше, считая, что в его отношении к И. М. С. главную роль играет ревность и чувство собственности на наследство О. Э., что всё как раз наоборот, и Саша обеспокоен проявлением собственничества у И. М. Я прибавил, что и я разделяю эти опасения. Именно эти опасения, а не что-нибудь иное является причиной так называемой истерии. Я пытался доказать, что просьба (или повеление?) И. М. *не трогать* стихов тридцатых годов до ее возвращения не есть невинное следствие страстной любви к расшифровке автографов О. Э., а результат того, что И. М., основываясь на пункте завещания об *исключительных* правах, почувствовала себя в известной мере хозяйкой стихотворного архива. Я вспомнил, как изменился ее тон в разговорах со мной и с Сашей за последнее время. Я сказал даже, что ни Саша, ни я не уверены в том, что И. М. разрешит нам доступ к материалам, если с Н. Я. что-нибудь случится. Для этого у меня были основания. Саша рассказал мне историю о том, как он читал автограф “Путкешествия» в Армкению», хранящийся у И. М. Его *ни на минуту* не оставляли одного в комнате и, как ему казалось, страстно желали его скорейшего ухода. Я сказал, далее,¹ что просьба-запрещение дотрагиваться до стихов тридцатых годов наносит ущерб общему делу, что первостепенная задача — не расшифровка рукописей, а сохранение их, т.е. предварительная разборка, создание условий сохранности для листочков, систематизация их и опись, — задача скромная, но на данном этапе куда более важная, чем прочтение рукописей. И. М. не хочет этого понимать. Ей как специалисту-филологу эта черная работа неинтересна, и ею она не занимается. Пусть так, это мы можем сделать и вдвоем, но И. М., по крайней мере, не должна мешать нам. А ее запрещение является именно помехой нашей работе.

.....

Есть еще одно обстоятельство, которое мне кажется странным, но о котором я не говорил. Приблизительно месяц назад, когда не было еще завещания, Н. Я. собрала нас троих у себя, чтобы изложить нам его проект и обсудить приблизительный план работы над архивом. Результат обсуждения был таков: Саша, поскольку он уже работал над прозой О. Э. и она интересуется его больше всего, должен был продолжать эту работу, кроме того, он взялся за составление списка ранних стихов, мне поручалась разборка остальной части стихотворного архива, а И. М., которая приводила в порядок письма О. Э., эту работу должна была завершить. Всё было мило и дружелюбно, много говорили о совместности чтения рукописей, о взаимном контроле и т.п. Со следующей недели началась работа, но несколько иначе, чем предусматривалось. Н. Я. попросила И. М. разобрать трудные черновики «Грифельной оды». Она это сделала успешно и, по-видимому, вошла во вкус, последовала разборка «Волчьего цикла», затем «Армении». Саша занимался ранними стихами, я — «Камнем», «*Tristia*» и стихами 21–25 гг. За это время (приблизительно месяц) стиль работы И. М. видоизменился. Если при расшифровке «Грифельной оды» она показывала буквально каждую строчку, то при дальнейшей работе она всё реже и реже делилась результатами ее. И тут появилось завещание, прекрасное, трогательное, но ничем не напоминающее первоначальный проект, одобренный всеми. И. М. получила *исключительное* право на расшифровку прозы. Но в ту минуту мы были настолько взволнованы, что сама мысль о неточности формулировок, о том, что они могут послужить источником недоразумений, показалась бы кощунственной, дикой... До формулировок ли было, глядя на лицо Н. Я., когда она протягивала нам листки с текстом завещания...

Но оказалось, что И. М. восприняла «исключительное право» как руководство к действию. Следствием *такого* понимания явилась просьба *не трогать* стихов тридцатых годов до ее приезда, а также требование, чтобы листки с ее записями хранились вместе с архивом, так как мы с Сашей можем их растерять! Я, к сожалению, не присутствовал при этом разговоре и знаю о нем лишь в передаче Саши и Н. Я., которые, хотя и трактуют его по-разному, слова И. М. цитируют одинаково. А в словах этих, мне кажется, проскальзывает «кандидатская» спесь по отношению к «школярам». Саша думает, что я прав. Но если так, то о какой коллегиальности может идти речь?! При таком положении вещей слова И. М. о дружелюбности и пр., которые она часто произносит, звучат почти оскорбительно. Но дело, конечно, не в ее словах и не в нашем отношении к ним, а в том, что позиция И. М. может нанести *реальный вред* судьбе мандельштамовского наследия. Мне неясны мотивы, по которым Н. Я.

так резко изменила первоначальный проект завещания. Она ничего не говорила о предполагаемых изменениях ни мне, ни, насколько я знаю, Саше. С И. М. в этот период они встречались очень часто. Явились ли изменения результатом их бесед, я не знаю, но то, что И. М. имеет влияние (для меня необъяснимое) на Н. Я., — несомненно.

Мои слова, казалось, произвели на Н. Я. некоторое впечатление. По крайней мере, она прекратила нападать на Сашу. Я действительно говорил резко, плюнув на свидетелей, которые, впрочем, постепенно начали соображать, как обстоит дело, и замолкли. “Что мне делать, — спросила Н. Я. — выгнать Ирку?” Я снова пустился в объяснения по поводу того, что дело не в том, чтобы кого-нибудь выгнать, а в том, чтобы обеспечить полное равноправие всех членов так называемой комиссии по наследству, а для этого следует исключить злополучные слова о правах. (Как хорошо заметила Е. Ф., что, пока жива Н. Я., о наших правах вообще смешно говорить, и речь может идти только об обязанностях.) “Хорошо, я сделаю это”, — сказала Н. Я. Она выглядела очень растерянно. (Потом она призналась мне, что не ожидала, что разговор примет такой серьезный характер.) Мой рассказ причинил ей боль, но у меня не было иного выхода. Она сама не дала мне возможности дожидаться осени, когда ее нервы отдохнули и укрепились бы. Она очень устала, и я проводил ее домой. На прощание она сказала мне, что всё обдумает.

16 июля 1967 г. ....

Утром мы с Таней уехали в Москву, чтобы повидаться с Лилей¹. Гости Н. Я. остались ночевать. Мы провели сумбурный день на даче, а вечером, вернувшись в Москву, поехали к Бхорису² Бкиргеру, который был в курсе всех дел, так как наш разговор с Сашей по поводу архива происходил у него в мастерской (он пишет сейчас Сашин портрет³). Он мало знаком с Мелетинскими³, но на него они производят сходное с моим впечатление. Ему я сказал то, чего не стал говорить Н. Я., а именно, что И. М., на мой взгляд, по своему психическому складу к Мандельштаму никакого отношения не имеет, что ее заинтересованность в работе — заинтересованность профессионала выгодным материалом, что совместная работа с ней требует громадных психических издержек, что меня отталкивает печать духовного благополучия, лежащая на ней (то, что Саша называет “буржуазностью”), словом, выложил всё, что я об этом думаю. Ми-
.....

1 Сестра В. М. Борисова, жившая с мужем в ГДР.
2 В настоящее время находится в Государственной Третьяковской галерее.
3 Мелетинский Елеазар Моисеевич (1918–2005) — историк культуры, муж И. М. Семенко.

лый Б. очень огорчился. Он благоговейно относится к Н. Я. и очень любит Сашу. “Сашу нельзя обижать, — сказал он решительно. — Это святой человек”. При случае он выскажет Н. Я. свое мнение, и это хорошо, потому что к нему она относится с глубоким уважением.

17 июля 1967 г. .....

Мы приехали в Верею довольно поздно, и нас уже не ждали. Наши “старики” были, кажется, обрадованы. Пили чай, и “старики” наперебой очень весело рассказывали о безобразии, которое в наше отсутствие учинил Натан. Напившись, он устроил настоящий сионистский дебош, кричал “Я цадик!” и требовал водки. Свинья. Н. Я. сказала, что Натан просил заменить И. М. его Юлей, впрочем, у нас он тоже делал какие-то идиотские предложения в этом же роде, но она отнеслась к этому с юмором. Уморительно изображал Натана Е. Я. Н. Я. была очень оживлена и о работе не говорила.

18 июля 1967 г. .....

<...> Я составил для нее список вопросов, важных, на мой взгляд, для истории текстов, и мы вместе его обсудили. Главное: она решила, что всю работу над архивом она возьмет в свои руки, чтобы избежать разногласий между И. М., Сашей и мной.

Мы договорились, как мы будем работать. Н. Я. постарается вспомнить всё, что она знает об истории того или иного текста, а я буду делать текстологический свод, которому эти воспоминания будут служить как бы комментарием.

Я просмотрел альбомы. Они в ужасном состоянии, и пользоваться ими нельзя. Поэтому я решил их точно скопировать, чтобы Н. Я. работала с копией, а не с подлинником. Многих листов в альбомах недостает, в этой связи Н. Я. опять поминала Харджиева. Над альбомными текстами предстоит большая текстологическая работа, в них масса описок, неточностей, пропусков. Задача отделить описки от действительно существовавших вариантов.

Н. Я. записала<->таки для меня свою ленинградскую поездку, к сожалению, очень кратко. Она переменяла отношение к стихам Бродского, теперь она считает, что в них появилась настоящая мысль. (О Бродском, кстати, Борис¹ рассказал мне безобразную историю: надпись на книге своему почитателю: “Мне на вас насрать”.)

.....

1 Б. Г. Биргер.

19 июля 1967 г. .....

Н. Я. начала работать над “Неизвестным солдатом”. Я сделал для нее копию с альбомных текстов.

Чудный рассказ про А. А.: “А. А. кто-то сказал, что Виноградов не любит блата. — Как он смеет не любить блата? — закричала она. — Без блата у нас бы Пушкина не было!”

Вечером мы гуляли с Е. Я., и он рассказал мне следующее: когда О. Э. и Н. Я. жили в Детском селе (они жили в двухкомнатной квартире в помещении Лицея), то О. Э. всё время казалось, что в их комнату проникают все звуки из соседних квартир (хотя стены там были двойные). Это его безумно раздражало, и он целый день бегал по Детскому селу в поисках другой квартиры, таская за собой Н. Я., к которой возмущалась этим сумасбродством. Но О. Э. обрушивал на нее каскад ослепительных логических построений, имевших целью доказать совершенную естественность его поступков. Выслушав, Н. Я. сдавалась всегда.

Е. Я. рассказал это в ответ на мое шутовское замечание о том, что Н. Я. хотя и упрямая женщина, но признает свою неправоту, ежели она ей доказана строго логически.

Еще он сообщил мне, что О. Э., читая Данте, пользовался словарем, взятым у некоего Узина (?)¹.

За вечерним чаем Н. Я. рассказывала смешные истории об отце О. Э. Эмиле Вениаминовиче.

20 июля 1967 г. .....

Е. М. Фкрадкина» начала работать и работает на веранде, так что в комнату Н. Я. мне приходится проникать через окно.

Сегодня она продолжала “Неизвестного солдата”, но мне пока ничего не показывает. Я все-таки поражен ее энергии, она целый день чем-нибудь занята, то своими делами, то хозяйственными: варит варенье (прекрасное!), стирает, готовит, моет посуду — невероятно! Я дал ей книжку Флеминга “*The spy who loved me*”, и она пришла в восторг, чем ее очень дразнит Е. Я. О Флеминге: “Это первоклассный писатель грязного жанра”, и еще: “На вашем месте я бы училась языку по этой книжонке”, и еще: “Я хочу еще десять романов этого, как его...” Я сделал несколько снимков сегодня Н. Я., Е. Я., Е. М., если получится, они будут очень забавны.

.....

1 Имеется в виду Усов Дмитрий Сергеевич (1896–1943) — поэт, переводчик.

После обеда Н. Я. занималась с Танькой английским, ставила ей произношение. Я очень смеялся, но они и меня заставили читать, и Н. Я. очень смешно меня наставляла.

За ужином шла какая-то веселая болтовня, но не помню, о чем.

21 июля 1967 г. ....

Утро. Мы с Н. Я. на базаре. Покупку продуктов она никому не доверяет. По дороге на базар: “Ваша Танька прелестная женщина, в ней есть внутреннее изящество, вкус, она мне внешне нравится, только слабенькая, но это к тридцати годам пройдет”.

Учит меня отличать хорошее мясо от плохого, объясняет, чем баранина отличается от козла.

Выходим с базара, садимся в скверике, где стоит золотой Ленин, курим. Н. Я.: “Что такое ваш Аполлон Григорьев? — (Она прочитала вчера какую-то его критическую статью.) — Как наша «Литературная газета». Фет — больной поэт, Достоевский — больной писатель...” Я говорю, что есть разница в смысле этого слова “больной”. “Ну, да, — говорит Н. Я. — он, конечно, не предлагает вести за это в милицию, но если он мог написать такое, ничего хорошего не выйдет”. И далее: “Возможно, что это еще так подобрано, подбирал директор Библиотеки поэт... Егоров¹ — заместитель Орлова. Он из Тарту. Это он писал умные статьи о том, что теория карточных игр вполне пригодна для изучения литературы, скажем, положит на стол даму Анну Каренину и рядом двух валетов... а ей всё время выходит казенный дом”. Она смеется.

Мы доурили. Идем в аптеку. Н. Я. протягивает в окошечко рецепт. Провизорша не может разобрать фамилию, и Н. Я., по слогам: “Ман — дель — шам”. Мы выходим, и я, смеясь, говорю, что очень странно было слышать, как Н. Я. втолковывает свою фамилию. “Еще чего захотели, чтобы они знали мою фамилию? Мне рассказывала А. А. про Сейфуллину. Та жаловалась ей, что ее не узнают в Союзе писателей, а в лавке всегда кричат: «Тов. Сейфуллина! Заходите. Есть чудная белая головка!» Она вообще была славной бабой среди всей этой... Не знаю, что она писала”.

Возвращаемся по домам. Танька еще спит. Пойду завтракать к Н. Я.

После завтрака Н. Я. показала мне то, что она смогла вспомнить о “Неизвестном солдате”. Это очень важно. Работа предстоит еще большая, а материала осталось невероятно мало по сравнению

.....

с тем, что было. “Меня трясет, когда я думаю об этом”, — сказала Н. Я. Она просила меня задать вопросы, но я сказал, что, прежде чем обсуждать то, что она написала, необходимо свести как-то вместе весь материал, чем тут же и занялся. Целый день сегодня ломаю голову над редакциями “Солдата”.

“Зачем тебе понадобился неизвестный солдат?” — спросила Н. Я. у О. Э. “Это я — неизвестный солдат”, — ответил он. “Аравийское месиво” — возможно, ассоциация с египетским походом Наполеона, но скорее — с кофейной мельницей. Второе подкрепляется словом “размолотых” в следующей строке.

Наши занятия прервал неожиданный приезд Вики Шквейцер, которая по обыкновению была очень энергична и шумна. Она с места в карьер принялась отчитывать Н. Я. за то, что та не бережет себя, и т.д. и т.п. Всё, впрочем, вполне справедливо.

После ее ухода мы с Е. Я. идем гулять. Он принимается ругать пушкинистов и ругает их довольно долго. Это в ответ на мое восхищение комментариями Модзалевского к письмам Пушкина¹. Ругается он наивно, но прелестно. Потом мы долго сидим с ним в лесу на поваленном дереве, и он вспоминает о хамстве литературных молодчиков по отношению к Блоку. Он был сам свидетелем того, как на чтении в Доме журналистов Блоку кричали: “Вы — мертвец”, а Блок смотрел безжизненно в зал и, казалось, не слышал. Затем он говорит о полном непонимании величины О. Э. современниками, о его неизвестности. Я расспрашиваю его об инциденте с А. Толстым. “Когда Осип приехал в Москву и рассказал, я никак не мог в это поверить, но это было”. Он рассказал, как он встретился в Ташкенте в эвакуации с Бородиным (Саргиджаном), и тот сказал, что он просит не вспоминать того, что поросло быльем. Бородин сделался к тому времени очень известным писателем (автор “Дмитрия Донского”) и получил Сталинскую премию. Он и сейчас процветает, кажется, в том же Ташкенте².

Говорит о Фадееве, о том, что тот совмещал в себе несовместимое: понимание того, что такое литература, с абсолютной верой в правду сталинской политики по отношению к литературе. На банкете по поводу награждения группы советских писателей орденами в тридцать восьмом году к нему подошел, кажется, Шкловский и сказал, что получено известие о смерти Мандельштама. Фадеев развел руками: “Что ж поделаешь? — И добавил: — Очень большой поэт”. *Самое важное:* Е. Я. сказал, что Н. Я. неправа,

.....

1 Речь идет об издании переписки А. С. Пушкина с обширным реальным комментарием (из предполагавшихся четырех томов в 1926–1935 гг. (изд-во “Academia”) вышло три).
2 С. П. Бородин жил в Ташкенте с 1951 г.

говоря о том, что О. Э. всегда не принимал того, что происходило, что, напротив, он очень хотел увидеть в происходящем правду будущего и очень страдал от того, что не находил, что в первые годы (1920) был настроен очень революционно, что “присяга четвертому сословию” была не случайна. Другое дело, что он рано прозрел. Сам Е. Я. говорит, что никогда не питал иллюзий, но что таких, как он, были единицы. “Я завидую вам, — сказал он, — при вашей жизни появится история падения русской интеллигенции”.

За чаем Н. Я. произнесла краткую и энергичную речь о международном положении. Положение печальное, но слушать ее было очень смешно.

Да, еще, после обеда что-то говорили о Кузьмине¹. Н. Я. была очень легкомысленно настроена и рассказала о нем кучу милых непристойностей. Еще она рассказала о том, что Бонч-Бруевич купил архив Кузьмина у О. Арбениной за очень крупную сумму, так как там были документы, компрометирующие Чичерина. Про А. Эфроса: “Грязное животное. Он как-то принес нам на вокзал свои «Эротические сонеты»². О. Э. очень смущался и всё время просил меня спрятать, чтобы не увидели соседи по купе. Я помню оттуда одну строчку: «И семенем своим забрызгаю весь мир»” (цитировала именно так!).

P. S. Н. Я. откомментировала сегодня еще стихотворение “Ночь” (“О как же я хочу”).

М. В. Е. М. получила письмо от Бориса. Он пишет, что у него был сердечный приступ и в левой ноге тромб. Я очень за него волнуюсь. Он действительно выглядел неважно, когда мы уходили от него. Еще он сообщил, что умер Савич³.

22 июля 1967 г. ....

Утро. Таня спала, а я сидел на веранде у “стариков”. Разговор шел о вчерашнем нашем разговоре с Е. Я. “Не думайте, — говорила мне Н. Я. — что всё исчерпывалось насилием и приспособлением к нему, нет, громадное количество интеллигенции искренне приняло победившую идею, это была победа *идеи*... Здесь многое... оправдание Гражданской войны — это действительно была народная война. Это признавал даже мой отец, умнейший человек, который всё понимал. Вообще, всё понимало только старшее поколение, а мы были неслыханно легкомысленны — в семнадцатом году мне было семнадцать лет”. Я спросил
.....

1 Так в тексте.

2 Эфрос А. *Эротические сонеты. На правах рукописи*. М., 1922.

3 Прозаик, поэт и переводчик Савич Овадий Герцович умер 19 июля 1967 г.

про О.Э., сказав, что он-то был вполне сложившимся человеком с цельным мировоззрением. “О, у Осипа были очень сильные колебания, очень”. “А у вас?” — “У меня... ну, у меня меньше, нас с Женькой отец воспитал”.

Я что-то долго говорил о том, что для меня всё же непонятна такая быстрая деформация ценностного индивидуального сознания, что странно было не заметить того, что происходящее не есть продолжение русской демократической традиции, а измена ей, что-то в этом роде. Начали приводить примеры, разговор зашел о людях и свернул в сторону.

Н. Я.: “Женька любит, когда ему читают свежие, только что написанные стишки. У него от них ощущение горячего пирожка”.

25 июля 1967 г. ....

Сегодня приехала в Верею Н.Е. Штемпель, женщина, «которая» «сопровождает умерших» и, «может» «быть», будет «приветствовать воскресших». Я очень ей обрадовался. Познакомились мы этой зимой и договорились, что мы с женой приедем к ней в Воронеж в начале мая, но не получилось (не было денег и что-то еще). Н. Е. была огорчена. И вот “нечаянная радость” — мы сидим на веранде у Н. Я. и разговариваем. Н. Я. пересказывает опять свою поездку в Ленинград. Н. Е. ахает, поражается — и начинается долгое обсуждение дела.

После обеда Н. Я. с Н. Е. приходят к нам. Н. Е., у «которой» феноменальная зрительная память, рассказывает, какая комната была у Мандельштамов в Воронеже. Я спрашиваю ее, что она помнит о записи стихов. Она вспомнила, как записывала стихи Н. Я., а О. М., заглядывая через ее плечо, проверял; вспомнила, что альбом, «который» «начинался» с 1930 г. на белой бумаге, был передан ей на хранение вместе с письмами. Еще она вспомнила, как выглядели автографы, сейчас потерянные. Так, шуточные стишки ей всегда писались на синих конвертах, лежавших на столе О.Э. Н. Я. помнит, что она давала их Харджиеву, но обратно они не вернулись. Н. Е. написала для меня записку о том, что она была свидетелем слов О.Э.: “Списки Нади идут в порядке рукописи”. Это свидетельство важно, если возникнут какие-либо недоразумения.

Вечером Н. Е. рассказывала о Немировском и о воронежской жизни.

26 июля 1967 г. ....

Сегодня я наконец напечатал заявку в издательство “Советский» писатель” на прозу О. М.

Почти всю первую половину дня читал экземпляр Библии, принадлежавший О. М.¹, — там много пометок, очень интересных, но сделаны ли они О. Э.? Часть из них — Н. Я.

Н. Е. рассказывала сегодня о встрече с Яхонтовым, как обрадовался Яхонтов О. Э. и как они танцевали с ним. Я ей рассказал о найденной статье О. Э. о Яхонтове².

Н. Е. беспокоится, что пропадет экземпляр “Разговора”, посланный мной через Вику. Я выпросил у Н. Я. для нее еще один — ее собственный.

Сегодня разбирал Первую Воронежскую тетрадь.

Вечером мы гуляли с Е. Я., Е. М. и Н. Е. Н. Е., услышав лягушек на реке, процитировала: “И квакуши, как шарики ртути, голосами сцепляются в шар” — и рассказала, какие они с О. М. слышали лягушачьи концерты в воронежском парке.

27 июля 1967 г. ....

«...» Я сидел на улице на скамеечке между домом Н. Я. и нашим, пил кофе, ко мне вышла Н. Я. “Невероятно пошлые мысли Хлебникова о будущем, — (она перечитывает прозу.) — архитектура будущего, летающие люди, которые смотрят сверху на крыши, потому что крыши у домов — самое красивое”, — и, показывая рукой на дома нашей улицы с разноцветными крышами: “Чем-то? ему эти крыши не нравятся?” — “Такой же дикарь десятых годов, как символисты”. — “Прямо Герберт Уэллс, футуристические бредни, в общем, женщины в белых платьях”. Это я помню дословно. Еще Н. Я. говорила о том, что нет никакого исторического взгляда у Хлебникова, для него исторические эпохи — те же брюсовские “фонарики”. И еще: “Это совсем не век христианства”. “У него есть две-три правильные мысли об архитектуре: архитектура это сочетание пустоты и заполненности, но ведь это же все знают”. “Всё это невероятно изящно, красиво, но в этом нет настоящей мысли”.

Я завтракала вместе с ними. Н. Я. изображала, как я слонялся один, пока все спали, и вспомнила, как маленький сын А. Э. Мандельштама — Шура говорил: “Надя спит, Ося спит, Шура один” — “это было очень похоже на вас”.

После этого мы вдвоем с Н. Е. ходили на почту, она звонить, я — отправить письма и в магазины. Я притащил бидон кваса — сегодня на обед будет неслыханная окрошка.

.....

1 Местонахождение этого издания не установлено.
2 “Яхонтов” (Экран “Рабочей газеты”. 1927. № 31. С. 15).

Я вновь начал читать Зеньковского¹ — первый том куда лучше. Но это только начало (Сковорода и до), посмотрим, что дальше будет.

Готовили окрошку Н. Е. и я. Я числился шеф-поваром. Н. Е. — моей помощницей, а Н. Я. — подсобной работницей — ходила рвать укроп. Роль переживающего зрителя выполнял Е. Я. Окрошка удалась, и, как сказал Е. Я., “весь день прошел под ее знаком”. После обеда мы с Н. Е. мыли посуду, а Н. Я., которая переживала, что у нее отнимают “доход”, непрестанно бегала по веранде, пытаясь вмешаться и, несмотря на наши уговоры, отдыхать отказалась. Меня очень беспокоит то, что она тяжело дышит и кашляет, при этом непрерывно курит. В конце концов мы все-таки уговорили ее идти отдыхать, а сами отправились опять на почту, т.к. утренний звонок не дал результатов. (Дело в том, что Н. Е. ждет приезда в Москву своего двоюродного брата², и как только узнает о том, что он уже там, должна уезжать, хотя ей очень не хочется.) Я никогда не видел людей, которые были бы так невероятно естественны, как Н. Е. — абсолютное отсутствие всякой рисовки, и так сроднены с окружающим (“есть женщины сырой земле родные”). Она любит каждое дерево, каждой пробегающей кошкой, с первой же минуты с ней невозможно не почувствовать себя совершенно свободным. После звонка, который опять ничего не выяснил, я повел ее показывать так называемое “городище”. Это действительно остаток городища, там есть вал, и оттуда, сверху, Верейя необыкновенно красива. Кроме того, там есть церковь XVIII (???) в., довольно хорошая, которая, как вспоминают, реставрируется уже лет десять.

По дороге я расспрашивал Н. Е. о ее тетрадях с воспоминаниями об О. Э. Оказалось, что это только начало, что она их бросила, потому что Немировский сказал ей, что так нельзя писать, а кроме того, она не уверена, что они целы, т.к. тот же Немировский брал их для своей статьи об О. Э., и Н. Е. говорит, что он что-то там черкал, вырывал, что в общем-то свинство, на мой взгляд. Она увлеклась и стала мне рассказывать об О. Э. Записываю, что запомнил: период, когда Н. Е. появилась в комнате, которую снимали Мандельштамы по улице Ф. Энгельса, был периодом полной изоляции. Вокруг них не было ни единой души. Непонятно, на что они жили, т.к. к этому времени исчезла всякая возможность работы: если раньше О. Э. работал на радио и был литконсультантом в театре, что давало гроши, но все-таки кое-что, то теперь и эта возможность исчезла. Иногда Н. Я. что-то зарабатывала переводами (под чужой фамили-

.....

1 “Основы христианской философии” В. В. Зеньковского.

2 Речь идет о С. Лукьянчикове.

ей, конечно), но это, разумеется, были ничтожные деньги. О регулярном заработке и речи быть не могло. Как-то Тихонов, кажется, прислал 1000 руб. Н. Е. приносила из дома картошку, хотя сама ее семья жила бедно, ее муж Витя¹ учился, она сама только что начала работать, мать² — на пенсии, однажды она принесла Н. Я. мамини туфли, “благо, у них размер одинаковый”, — просто сказала она. Иногда продавали книги, букинист был хороший человек (Н. Е. не помнит его фамилию), книг О. Э. он не продавал, давал возможность их выкупить. Н. Е. познакомила О. М. с П. Н. Загоровским³, зам. директора Воронежского педагогического института, человека, по ее словам, феноменальной эрудиции — философской, поэтической, и редкой культуры. О. Э. его полюбил и называл “бархатным профессором” за его мягкие манеры. Разговоры их были всегда очень эмоциональны и интересны. Таким образом Мандельштамы получили возможность общения, хотя и минимального, с людьми. Загоровский помогал им и материально, очень смущаясь при этом. Несмотря на все эти житейские неурядицы, О. Э. оставался необыкновенно терпимым и жизнелюбивым и, казалось, не замечал их. Он вообще был равнодушен к еде, к одежде. Несмотря на то что ему было всего около сорока пяти, Н. Е. говорит, что он казался ей стариком. У Мандельштама не было зубов, большая лысина, седые волосы по ее бокам, он редко брился, но зато глаза — очень живые и, главное, невероятной длины ресницы. Он был необыкновенно подвижен, никакой сгорбленности, молодые порывистые движения. Ростом он был (Н. Е. посмотрела на меня), может быть, чуть-чуть пониже меня, т.е. хорошего среднего роста, а в плечах шире.

Мандельштам часто вдруг распался и начинал почти кричать, что-то доказывая, в чем-то обвиняя, и Н. Е. часто плакала, думая, что это в ее адрес, пока не поняла, что О. Э. ведет разговор с воображаемым, равным ему собеседником.

Я спросил, как она узнала о том, что Мандельштам в Воронеже, ведь это большой город, полный ссыльными, и знала ли она его стихи до знакомства с ним.

Из стихов она знала только “Камень”, который был в ее библиотеке. Она вообще собирала русскую поэзию XX века, любила Ахматову, Цветаеву, Блока, Мандельштама, бредила Гумилевым, меньше любила Кузьмина. Однажды ее подруга Люся (?) позвала ее

.....

1 Н. Е. Штемпель была замужем за Б. Е. Молчановым.

2 Штемпель Мария Ивановна (урожд. Левченко, 1884–1960).

3 Загоровский Павел Леонидович (1892–1952) — психолог, профессор Воронежского университета, друг Н. Е. Штемпель и хороший знакомый О. М. и Н. Я. в последние месяцы их пребывания в Воронеже.

к себе, сказав, что у нее будет один интересный молодой человек, прекрасно знающий и любящий поэзию. Эта Люся познакомилась с ним в больнице, где она лежала больная скарлатиной. Он болел тем же. Она выписалась несколько раньше и носила ему передачи. Молодой человек был ссыльным. После больницы он стал навещать Люсю, а после знакомства с Н. Е. стал приходить к ней почти каждый день то домой, то в авиационный техникум, где она преподавала. Это был Сергей Борисович Рудаков, с именем которого связана пропажа значительной части архива Мандельштама и всего архива Гумилева. Он бывал у Мандельштамов каждый день (см. записки Н. Я.). Рудаков и рассказал Н. Е. о Мандельштамах, но не знакомил ее с ними, а им ничего не рассказывал о ней. Встречи Рудакова с Н. Е. продолжались около полугода, потом он получил разрешение вернуться в Ленинград, где у него была жена. Перед отъездом он просил Н. Е. дать ему честное слово, что она никогда не познакомится с Мандельштамом. Н. Е. не помнит, дала ли она ему это слово, но до сих пор недоумевает, зачем ему это понадобилось. Так или иначе, после этого у нее возникло непреодолимое желание пойти к Мандельштамам. Она тщательно готовилась к своему первому визиту: надела лучшее платье (из черного крепдешина) и завилась. Но когда она с трепетом позвонила, вышла соседка и сказала, что Мандельштамы уехали в Задонск и будут через несколько дней. Это было воскресенье. На следующее воскресенье, часов в двенадцать дня, Н. Е. опять пошла (в том же наряде). На этот раз дверь открыла Н. Я. Н. Е. робко спросила, может ли она видеть О. Э. Н. Я., очень удивленная, по-видимому, ввела ее в комнату, где у порога стояли три чемодана один на другом, две кровати у разных стен, шкаф, а к нему был придвинут обеденный стол, еще была тахта, которая стояла почему-то посередине комнаты — было пусто и неуютно. Когда она упомянула о знакомстве с Рудаковым, Мандельштамы очень оживились, во-первых, потому что это была какая-то рекомендация, во-вторых, потому что им стала ясна причина частых отлучек Сергея. Н. Е. не помнит подробностей разговора — помнит, что она восторженно рассказывала о своей поездке на Хреновский конезавод, об орловских рысаках — и Мандельштамы слушали ее с интересом. Она сидела полдня у них. Но уже в конце разыгралась первая трагедия. О. Э. спросил, знает ли она наизусть какие-нибудь его стихи и если да, то пусть прочтет, потому что он очень давно ни от кого не слышал своих стихов. Н. Е. прочла «Я потеряла нежную камю». И тут О. Э. вскипел: он говорил, что это самые плохие стихи в «Камне», и очень бушевал. Н. Е. сказала: «Я же не виновата, что вы их написали» — и заплакала. Тут вмешалась Н. Я.: «Оська, не смей обижать Наташу». Она усадила ее на диван, гладила по голове, и это было

началом их близости, «кото»рая продолжается по сей день. О.Э. уже успокоился и был смущен. Чтобы отвлечь Наташу, Н.Я. достала свои рисунки, разложила их на полу и показывала. Н.Е. говорит, что это были в основном пейзажи. Выяснилось, что обе любят французов: Моне, Гогена, Ван-Гога. Н.Я. тут же подарила ей альбом репродукций. Эту невероятную щедрость на книги Н.Я. сохранила и сейчас. Провожая Н.Е., Мкандельштамы очень приглашали ее приходить опять. Но на второй визит у нее храбрости не хватило, хотя ей очень хотелось. Мкожет «быть», они «бы» и не увиделись больше, если бы не случайная встреча на концерте приезжего пианиста. Мкандельштамы встретили ее очень приветливо, были, казалось, обрадованы и не отпускали от себя, а потом взяли с нее слово, что она придет, и уговорились о дне. Вскоре Н.Е. стала бывать у них каждый день, и они заходили к ней и домой, и на работу. Когда заводились деньги, О.Э. любил прогулку в гастроном — покупалась бутылка вина, масса закуски, О.Э. тратил деньги, нимало не думая о том, что их надо растягивать на какое-то время. Устраивался пир, но Н.Е. никогда не видела, чтобы О.Э. сел и спокойно поел, он всегда был на ногах, что-то хватал со стола и ни минуты не сидел на месте.

(Во время ее рассказа мы встречаем Е. Я., Е. М. и Таню, «кото»рые вышли нам навстречу, и мы все вместе идем к речке Раточке, притоку Протвы, на ее берегу очень красивый лес. Н.Е. строит планы на следующее лето: она снимет комнату тоже, и мы будем жить все вместе. Потом она разговаривает с Е. Я. об эвакуации.)

А я шел и думал о том, что не должны быть забыты имена людей, не ставших «людьем» в те страшные годы и облегчивших Мандкельштаму» воронежскую ссылку.

28 июля 1967 г. ....

В 1 час дня уехала Н.Е. Мы провожали ее с Е.М. Ф«радкиной». Прощаться с ней было очень грустно.

Н.Я. чувствует себя, по-моему, плохо. Я видел, как она пила лекарства, стараясь, чтобы этого никто не заметил, и на лице у нее было выражение, от «кото»рого можно было содрогнуться. Она очень тяжело дышит, но ее невозможно ни уговорить, ни заставить лежать или хотя бы несколько сократить количество папирос.

Вот и сейчас она ушла на именины к брату Е.М. А«ренс»¹. Смотрел «Ватиканский список». Он очень неполон, отрывочен, многие тексты испорчены. Его надо привести в порядок.

.....

1 Аренс Владимир Михайлович (1911–1976) — брат Елены Михайловны Аренс (1902–1988), подруги Н.Я.

7 августа 1967 г. ....

Долго ничего не записывал из-за нехватки времени. За эти дни было следующее: 30 июля в 12 часов дня Н. Я. уехала в Москву на машине (нанятой), чтобы встретиться с Исакович, которую должна была ей нечто сообщить о сборнике в «Библиотеке поэта». Мы выехали в тот же день, но несколько позже на автобусе, так как я боялся отпускать Н. Я. — она выглядела больной. Кроме того, я хотел проводить... Купив еды, мы, не заезжая домой, отправились прямо в Черемушки. У Н. Я. уже сидела Диана Якулова. Позже пришла Н. Е., собиравшаяся ночевать у Н. Я. Приходили еще какие-то люди, кажется, И. М. Скеменко, Вика. Я всё время занимался упаковкой рукописей в твердые папки. Совсем поздно явился Борис, очень худой, уставший, и рассказал о своих невзгодах (болезнь). Н. Я. пыталась завести с ним разговор о Саше при всех, но он весьма дипломатично уклонился. Он собирался приехать к Н. Я. на следующий день и сказал мне, что он хотел бы и моего присутствия, но я не обещал, т.к. не был уверен, что выберусь. <...>

У Н. Я. мы застали снова Ксаталью Иквановну, Вику и, к счастью, Бориса, который отменил свои дневные дела. Мы вышли с ним, и он рассказал мне о своем разговоре с Н. Я., который происходил в присутствии Н. Е. Его результат: 1) фотографирование архива в пяти экземплярах (Борис взялся это устроить, т.к. на Женю не надеется). Этим снимается возможность претендовать кому бы то ни было на исключительные права, т.к. каждый получает для работы полную копию архива. 2) по прошествии пятидесяти лет архив должен быть сдан в государственное хранение. Этот пункт исключает всякую материальную заинтересованность.

.....

**“ЗА МНОГИЕ ГОДЫ ВЫ ДЛЯ МЕНЯ
САМЫЙ БЛИЗКИЙ ХУДОЖНИК...”:
ПИСЬМА Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ Б. Г. БИРГЕРУ**

(Предисловие и подготовка текста Н. и М. Биргер)

.....

Борис Георгиевич Биргер (1923–2001) родился в Москве в интеллигентной еврейской семье. В 1939–1941 годах Биргер учился в Московском художественном училище памяти 1905 года

у П. И. Петровичева, ученика И. Левитана. В 1941 году поступил в Московский государственный художественный институт имени В. И. Сурикова, но уже в 1942 году, несмотря на бронь, ушел добровольцем на фронт. Участвовал в битве под Сталинградом, где вступил в ВКП(б). Окончил войну в Болгарии, награжден многими орденами и медалями.

Сразу после демобилизации Биргер продолжил учебу в Суриковском институте. В конце 1945 года он познакомился с художником В. В. Домогацким (1909–1986)¹, которого и считал главным учителем в своей жизни. В 1951 году Биргер защитил диплом.

Его путь в живописи начался очень успешно. В 1955 году он вступил в МОСХ, участвовал в выставках, получал госзаказы и выполнял их при постоянном одобрении официальной критики. Однако в 1957 году в его творчестве наступил резкий перелом: после успешной персональной выставки² Биргер уничтожил многие свои работы и, начав интенсивные эксперименты с разными художественными концепциями, навсегда порвал с принципами академической живописи.

В 1960 году Б. Б. становится инициатором и организатором “Группы девяти” (“Группы восьми”).³ На знаменитой выставке “30 лет МОСХ” в Манеже в 1962 году Борис Биргер был одним из тех, чьи работы вызвали особый гнев Н. С. Хрущёва. Последовали уничтожающая критика, обвиняющая художника в “очернении советской действительности”, и исключение из МОСХа (восстановлен в 1966 году).

После того как в 1968 году Биргер подписал письма-обращения представителей интеллигенции в защиту прав человека и свободы, он был исключен из КПСС и снова из МОСХа, а главное — из официальной художественной жизни. Любое упоминание его имени было запрещено. Только узкий круг близких друзей мог видеть его работы в маленькой мастерской на Сиреневом бульваре.

“Хрущевская оттепель” дала молодому поколению творческой интеллигенции большой импульс и родила надежды на новое свободное развитие общества. И, может быть, самое главное — исчез страх возвращения сталинских времен. У Биргера значительно

.....

1 Замечательный художник, график. Его иллюстрации к произведениям И. С. Тургенева являются классикой русской деревянной гравюры.
 2 Совместно с живописцем К. Ш. Фридманом (1926–2001).
 3 В “Группу девяти” входили живописцы: В. Г. Вейсберг (1924–1985), М. В. Иванов (1927–2000), Н. И. Андронов (1929–1998), Н. А. Егоршина (1926–2010), М. Ф. Никонов (1928–2010), П. Ф. Никонов (р. 1930) и К. А. Мордовин (р. 1934). Остальные члены группы не были постоянными.

расширился круг знакомств. В начале 1960-х годов он познакомился с И. Г. Эренбургом, с которым дружил до самой его смерти.

Тогда же, в начале 1960-х годов, в доме Е. М. Фрадкиной и Е. Я. Хазина — Биргер познакомился и с Н. Я. Мандельштам. Позднее он вспоминал: “Как-то с первой встречи мы очень подружились. Надежда Яковлевна была человек веселый, замкнутый и открытый. Она любила и выпить рюмочку джина с друзьями, и анекдоты обожала. Родившись художницей и помня, какой была атмосфера ее молодых лет в кругу Экстер, то есть в кругу русского авангарда, очень любила, когда художники смеялись, обсуждали картины, просто трепались. Ей это было очень близко и очень нужно, очевидно, для ее жизни”¹.

Веселые застолья, которые оба любили, были не самой главной стороной их отношений.

В 1966 году в одном французском издании вышла статья Бориса Биргера. Оттиск он подарил Н. Я., надписав: “Надежде Яковлевне с благодарностью. 66, Борис Биргер”. На обороте он записал оригинальный текст (возможно, отсылающий к какому-то их разговору или спору): “Искусство художника выражает разные грани духа времени, но нельзя ставить его в прямую связь с календарем событий. Отыскивая зрительный эквивалент своему мировосприятию, художник трактует то, что особенно близко лично ему. Художник интуитивно выражает чувство жизни, чувство своего времени, каким бы субъективным ни казался его живописный язык. В искусстве важен результат, и если художник добился этого выражения чувства жизни, то уже второстепенно, какую стиливую веру он исповедует. Б. Биргер”².

И Биргер, и Н. Я. принадлежали к кругу людей, осмеливавшихся критиковать советскую власть. В этом кругу люди поддерживали друг друга морально и практически. В этой связи показателен рассказ Биргера о том, как его исключали из партии:

“Мало того, что мы всё обсуждали, но кроме того, я понимал, что Надежда Яковлевна из тех мужественных и трезвых людей, к которым можно обратиться за советом в острые минуты жизни. Вот так было в 1968 году, когда меня вызвали рано утром в райком партии, и инструктор райкома требовал от меня письменного объяснения вообще всей моей, как он сказал, «фор-

.....

1 Здесь и далее цитаты из интервью, данного Би-Би-Си в 1988 г. в связи с открытием выставки Б. Г. Биргера в Великобритании. Собеседник — Игорь Наумович Голомшток (р. 1926), сотрудник Би-Би-Си и искусствовед, в прошлом сотрудник Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина, близкий друг А. Синявского.

2 РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Ед. хр. 169. Идентифицировать издание пока не удалось.

малистической деятельности» и еще подписания письма в защиту политзаключенных, и дал мне потом перерыв на обед, чтобы я принес письменное подробное изложение моей позиции. Он сказал: «желательно, чтобы вы осознали как следует все ваши проступки». Я поехал не домой <...>, а к Надежде Яковлевне¹. Приехал к Надежде Яковлевне, она говорит: «Боренька, вы что-то взволнованы». — «Ну, Надежда Яковлевна, ну вот такая история». И вдруг она испугалась. Действительно испугалась. И она сказала: «Боренька, я вас Христом Богом молю, покайтесь. Они же Осю уничтожили, они и вас убьют». Я говорю: «Надежда Яковлевна, ну как же может художник каяться, в чем? Что я картины пишу? Что я подписал письмо в защиту заключенных? Я это не могу». — «Боренька, я вас умоляю, ну хотите на колени встану». И тогда я сказал: «Надежда Яковлевна, дайте мне рюмку джина — там где-то джин оставался, кто-то вам принес — и листок бумаги». Мне было выдано немедленно то и другое, я написал, что в моей жизни не знаю ничего, за что я должен был бы каяться. Надежда Яковлевна была очень горда, расцеловала и сказала: «Ну, благословляю, Боренька. Идите»”.

В доме Надежды Яковлевны Биргер познакомился с В. Т. Шаламовым. Вот как художник описывает “предысторию” своего портрета писателя:

“Надежда Яковлевна мне дала прочесть его рассказы. «Колымские рассказы» — это вещь великая. Я не боюсь этого слова. Мне очень захотелось написать его портрет. Я долго его уговаривал. Он не соглашался. Потом произошел один смешной эпизод у Надежды Яковлевны, после которого он согласился позировать. Какой-то молодой человек, очевидно, в силу комплекса самоутверждения стал очень ругать натюрморт Вейсберга², который висел на стене у Надежды Яковлевны. Я слушал, слушал, потом мне стало как-то ужасно противно, ну человека нет, замечательного художника, так некрасиво ругает. И я даже сам не заметил, как взял его за шиворот и выкинул его за дверь. И потом, страшно испугавшись, что я в чужом доме, в общем, воспитанный человек сделал бог знает

.....

- 1 Тут существенно, что не домой. Жена, Л. А. Ефремова, негативно относилась к правозащитной деятельности мужа и к его поискам самостоятельного художественного стиля в искусстве, ставившим его вне рамок МОСХа. Эта несовместимость стала одной из главных причин их развода.
- 2 Биргер очень ценил творчество Вейсберга. В начале 1960-х гг. они вместе выставились в «Группе восьми». В 1970-х гг. их мастерские были на одном этаже в доме на Сиреневом бульваре в Измайлово. Два-три раза в год они обменивались визитами и говорили друг другу то, что никто другой сказать не мог. И никогда не обижались друг на друга.

что, бросился к Надежде Яковлевне извиняться. Надежда Яковлевна смеется: «Да вы пальто хотя бы ему дайте». И вдруг я увидел, что ко мне кидается Шаламов. Я даже испугался. Он просто кинулся на меня, схватил мою руку, стал трясти и говорить: «Спасибо, я поверил, что есть еще люди, которые могут что-то такое сделать для своего друга. Вы меня так обрадовали. Можете писать портрет». Сразу так, без перехода: «Можете писать портрет». И мы с ним договорились, на следующий день начали писать портрет».

Портрет Шаламова становится началом нового творческого периода художника — развитие психологического портрета становится главной задачей. Биргер порывает окончательно с представлениями об искусстве XX века, его вкусами и критериями. Его живопись — это продолжение традиций старых мастеров. Это не копия и не парафраз, а глубокое понимание того, что искусство отражает дух современности. Начиная с Шаламова, Биргер пишет всё больше и больше портретов, причем моделями могли служить только близкие ему по духу люди. Тогда же, в 1967 году, был написан портрет Н. Я., который создавался не в мастерской, а в крохотной комнатке Н. Я. с очень плохим светом, что немало затрудняло работу. Ездить каждый день в мастерскую на другой конец Москвы Н. Я. было не под силу, тем более что работа над портретом продолжалась около месяца.

Портрет получился на редкость удачный. В нем отразилась вся тяжелая жизнь и судьба этого человека. Н. Я., однако, не ожидала портрета такой психологической глубины. Современники не всегда в состоянии оценить размер дарования художника — он всегда рядом, он их друг... Как справедливо отметил Бенедикт Сарнов¹ в своей последней книге, названной в честь группового портрета Б. Биргера “Красные бокалы”:

“Когда Борис Биргер собирал нас в своей мастерской, чтобы показать новую, только что законченную работу, мне казалось, что выбор очередной модели всякий раз бывал у него произволен, случаен. И так в какой-то мере оно и было: ведь выбирать ему приходилось из не такого уж широкого круга всегда готовых ему позировать ближайших друзей. И только сейчас, листая альбомы, которые он мне дарил, я увидел, какой грандиозной — и знаковой — оказалась созданная им портретная галерея. Листаю, листаю страницы альбомов, подаренных мне Борисом: Андрей Дмитриевич Сахаров и Елена Георгиевна Боннэр, Юлий Даниэль с женой Ириной, Фазиль Искандер, Володя Войнович, Вася Аксёнов,

.....

1

Сарнов Бенедикт Михайлович (1927–2014) — литературный критик.

рано ушедший от нас любимый друг Борис Балтер, Булат... Вглядываюсь в эти до боли знакомые лица, <...>, а из головы не выходят строки Пастернака «Я говорю про всю среду, с которой я имел в виду сойти со сцены, и сойду»¹.

До начала 1970-х годов Б. Биргер и Н. Мандельштам оставались близкими друзьями. В силу своего сложного характера (а Н. Я. была очень резка в своих оценках) она порвала отношения с Биргером из-за его развода с Лидией Алексеевной Ефремовой (1931–2005), его второй женой, и женитьбы на Наталии Юльевне Лев (р. 1953).

Публикуемая здесь впервые двусторонняя переписка, по всей видимости, неполна. Пять писем Н. Я. Мандельштам к Б. Г. Биргеру хранятся в Историческом архиве Исследовательского центра Восточной Европы в Бремене, шесть писем Б. Г. Биргера к Н. Я. Мандельштам — в РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 169. Девять писем относятся к лету — осени 1967 года, два — к 1972 году.

Благодарим М. Классен, П. Нерлера и Г. Суперфина за большую помощь в подготовке настоящей публикации.

НАТАЛЬЯ БИРГЕР, МАРИЯ БИРГЕР

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Б. Г. БИРГЕРУ
6 ИЮЛЯ <1967 Г., ВЕРЕЯ>**

Дорогой Борис Георгиевич!

Я уже здесь три дня, но еще не вышла из дому и погружена в дикий сон: сплю днем, ночью, утром, вечером.

Женя очень слаб. В первый день, когда я приехала, он так устал, что к вечеру у него был приступ стенокардии. Рядом с нами живет Ада Энгельс с мужем — старая подруга Лены. Его положили в больницу — сердце. Ленка в хорошем виде, довольно спокойная.

В моей голове полная каша — даже мыслишки ни одной нет. Единственное, пожалуй, это грустное чувство от чтения сценариев Бергмана... “Земляничная поляна”

.....

1 Сарнов Б. М. *Красные бокалы. Булат Окуджава и другие.* М., 2014.

и прочие... Конечно, сценарий не повесть, а нечто совсем другое, но всё же существует же какой-то стержень, вокруг которого всё должно собраться. А здесь его нет и в помине, нечто вроде огорчения, что существует смерть и от нее никуда не уйдешь, и, как всегда, возвращение к юности просто потому, что это юность. Еще есть “средневековый” с разными красотами и чумой... А ведь это едва ли не лучшее в кино. Законы построения всё же не те...

О.М. прав: смена кадров механична. Не знаю, что буду делать, а дела много, но усталость явно сбила меня с ног...

Привет Лиде¹. Пишите мне сюда просто два письма, одно Ленке, одно мне. Н. М.

Адрес своей подруги я уже не знаю... Сплю...

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Б. Г. БИРГЕРУ

14 ИЮЛЯ 1967 Г., ВЕРЕЯ

Дорогой Борис Георгиевич!

Вы умолкли, а я беспокоюсь за вас... Откликнитесь, напишите, всё ли у вас в порядке (т.е. в смысле реальных вещей — здоровье, близкие и т.п.) и как настроение, главное, плюйте на хандру, мы с ней живем всю жизнь. Н. М.

.....

Б. Г. БИРГЕР — Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

«СЕРЕДИНА ИЮЛЯ 1967 Г.»

Дорогая Надежда Яковлевна, Бог Вам судия. За десять дней не написать, как Вы живы. Спасибо Ирине Михайловне, хоть от нее какие-то сведения о вас получаю.

.....

1 Лидии Алексеевне Ефремовой.

Во вторник мы с Лидой и Алешенькой уезжаем в Коктебель. Каверин¹ снял для нас там комнату с питанием. На днях произошел случай, который нас с Лидкой доконал. Позвонила вечером с дачи Агриппина Гавриловна² и сказала, что Алёшка заболел. Она рыдала в телефон, да еще ничего не было слышно. Можете себе представить, в каком виде мы добрались до дачи³. Эти три часа <...>⁴

...мыслей массу, последние четыре работы вышвырнули меня в новое состояние и открыли возможность более полного раскрепощения от представлений времени (именно от “представлений”, а не от времени), тем самым, может быть, впервые приблизив к нему.

Очень и очень ощущаю невозможность поговорить с вами. Как вы? Отдохнули хоть немного? Работаете ли или это уже совсем невозможно?

Да, простите меня грешного. Приехав из Ленинграда, забыл я, старый маразматик, рассказать вам самое главное. Вашу <...>

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Б. Г. БИРГЕРУ
«18 ИЮЛЯ 1967 Г., ВЕРЕЯ»

Дорогой Борис Георгиевич!

Ваше письмо ждало меня здесь. Очень рада, что мы повидались. Буду, вероятно, в Москве 30 июля и 1 августа. Надо по делу...

Очень устала от поездки. Сил больше нет. Саша мне успел устроить истерику, от которой меня до сих пор трясет. Борьба “наследников”, в отличие от борьбы Пуниной, лишенная денежной подкладки. За право рас-

.....

1 Каверин Вениамин Александрович (1902–1989) — писатель.
 2 Мать Лидии Алексеевны Ефремовой.
 3 Они снимали дачу в деревне под Абрамцево.
 4 Здесь и далее обрыв текста.

поряжаться... Не говорите с ним об этом, но я знаю, что мне надо делать: взять всё в свои руки и распорядиться. Игра в демократию и в “как вы думаете?” только распускает людей. Из Саши не выйдет второй Харджиев, но капризное дитя, которое требует от мамы двойного внимания, а “братика” выгнать на улицу.

Мерзость ленинградской истории ясна. Харджиевская история достаточно изящна. Не знаешь, что делать и куда деваться.

Ира Пунина получила за архив Ахматовой 8 000. Эти деньги ей пригодятся. Но она бледна как тень. Больна. Измучена. Когда она проходила в комнату судьи мимо нас, все от нее отвернулись. А это люди, знавшие ее родителей, знавшие ее всю жизнь — Жирмунский, Абло и т.д. Человек стояло двадцать, и все были в ужасе оттого, что она выросла бандиткой.

Дело отложили, в сущности, без основания: юрисконсульт публичной библиотеки (скупщик краденного) в отпуску. Допросили свидетелей, приехавших из Москвы — меня, Харджиева и Герштейн. Мне пришлось отвечать на вопросы об отношениях Пунина и Ахматовой, действительно ли Иру воспитала Ахматова (и куда она девала собственную мать, которая жила в той же квартире?), о том, как Ира вымогала деньги у Ахматовой и прочее.

Мерзость, в которой виновата сама Ахматова. А не будет ли такой мерзости (другого стиля — без денежного интереса) и после меня, и я буду в этом виновата? Что делать с людьми?

Лена начала работать. Женя сидит с Достоевским. Я занимаюсь текстологией стихов и пишу к каждому текстологический комментарий (не для печати, а для исследователей).

Очень мне хорошо в прохладной Верее, но хочется в Москву. Там можно работать напряженнее.

Это все мои дела. А меня ведь живо интересуют ваши, особенно три последние работы, о которых вы мне пишете. За многие годы вы для меня самый близкий художник. В чем-то вы близки к Мандельштаму (почти

наивная серьезность), но в работе у вас нет какой-то тоже наивной и пронзительной конкретной детали, которая вдруг освещает всё (целое близко к среднему периоду Манд<ельштама>, к Тристиам). Целое — близко, живая деталь, секундная интонация, случайность — нет¹. И всё же вас роднит больше, чем разъединяет. Дай-то Бог.

Ваша Надежда Манд<ельштам>.

.....

**Б. Г. БИРГЕР — Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
«КОНЕЦ ИЮЛЯ 1967 Г., КОКТЕБЕЛЬ»**

Дорогая Надежда Яковлевна, спасибо за весточку. Елене Михайловне я уже написал. Не ругайте меня, что я этого не сделал сразу. Это не из-за гнусности характера, а из-за бесчисленных дел, которые на меня свалились перед отъездом (о них при встрече), и из-за приступа язвы. Боли были такой силы, что думал, на этот раз крышка, не миновать больницы. Так и ехал в поезде. Сейчас ничего. Начинаю оживать.

Ко всему прочему, перед отъездом из Москвы узнал, что обо мне пустили гнусный слух. О чем с удовольствием позвонили несколько “друзей”. Если вам будут что-нибудь гнусное рассказывать обо мне, плюйте в рожу сразу, не вдаваясь в расспросы. Мне на это наплевать, но, к сожалению, действует на других.

Здесь отлично. Живем мы под горой у самого моря. На днях собираемся <...>

.....

.....

¹ Какие именно работы Биргера имеются тут в виду, неизвестно. Однако сделанное Н. Я. сравнение роли детали в литературе и живописи едва ли правомерно, поскольку художник всегда жертвует деталью, даже самой любимейшей, ради гармонии целого в картине.

Б. Г. БИРГЕР — Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
«СЕРЕДИНА АВГУСТА 1967 Г., МОСКВА»

Дорогая Надежда Яковлевна, приехали мы в Москву 13-го вечером, и я сразу развалился. То ли от перемены, то ли из-за того, что, перевоза своих на дачу, тащил очень тяжелый рюкзак. Факт тот, что развалился на составные части и сейчас пытаюсь собрать себя снова.

Вся эта история меня весьма огорчила; так я мечтал взяться за работу, столько накопилось мыслей, что в последние дни на юге мне даже снилось, что я работаю.

Работать я, правда, начал, но вот вам результат отпуска: выдерживаю 30–40 минут и потом вынужден лечь.

Давление у меня 75 и 50. Больше я отдыхать не буду. Мне это явно вредно. Сегодня весь день проспал на даче и, кажется, начинаю оживать. Вот вам полный отчет.

В Москве знакомых мало, видел Лазаревых¹. Они вам кланяются, и если вы сочтете это удобным, то они приедут вас навестить. Я бы приехал тоже, но не знаю, какова обстановка. Я дважды писал Елене Михайловне, но ответа не получил. Одним словом, если я могу вас навестить, напишите сразу открытку.

Последние дни нашего пребывания в Коктебеле очень скрасили Коля и Варя². Алёшка совершенно влюбился в Никиту³ и не отходил от него ни на шаг.

Мы вместе совершали походы в Лягушачью бухту, сражались в бадминтон и даже пили вино!!!

В Москве сегодня первый солнечный день после нашего приезда. И первая приятная новость (которую, правда, надо еще проверить). Мне сказали, что дела со сборником Осипа Эмильевича наконец двинулись. Дай-то Бог!!!

.....

1 Лазарев Лазарь Ильич (Шиндель) (1924–2010) — литературный критик, и его жена Мирова Надежда Яковлевна (1927–2009) — учительница (в кругу Н. Я. ее называли Наей).

2 Н. В. Панченко и В. В. Шкловская-Корди.

3 Никита, сын Варвары от первого брака.

Как вы? Я очень соскучился. Много о чем накопилось поговорить. Позавчера видел Гильфантов¹. Проговорили до поздней ночи. Очень интересно с ним говорить. Ход его мыслей всегда неожидан. И даже в областях, очень далеких от него, он ставит вопрос так, что невольно приходится более точно осмысливать и для себя, казалось бы, уже давно решенные и продуманные вещи.

Что касается работы, то думаю, что зима предстоит очень тяжелая. Я просмотрел, приехав, свои работы, и они у меня вызвали чувство резкого раздражения, столь сильного, что очень хотелось их все уничтожить или немедленно переписать². Слава богу, что есть чистые холсты, на которые можно наброситься.

Может быть, этот удар, полученный от собственных работ, одна из причин моего плохого состояния.

Но это всё вам объяснять не надо. Вы хорошо это знаете и по себе.

Сердечный привет Елене Михайловне и Евгению Яковлевичу.

Лида вам кланяется.

Надеюсь, что теперь уже до скорой встречи.

Ваш Б. Биргер

.....

Б. Г. БИРГЕР — Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
⟨27 АВГУСТА 1967 Г., ЮРМАЛА,
ДОМ ТВОРЧЕСТВА ХУДОЖНИКОВ⟩

Дорогая Надежда Яковлевна, очень я соскучился по нашим беседам. Чем старше я становлюсь, тем уже становится круг людей, с которыми хочется говорить. Это

.....

1 Гельфанд Израиль Моисеевич (1913–2009) — один из крупнейших математиков XX века, и Шапиро Зоя Яковлевна (1914–2013) — математик.
 2 Картины уничтожены не были.

великое счастье, когда есть хоть один человек, с которым можно говорить без напряжения на одном языке.

Есть очень много хорошей и интересной молодежи, но для них еще очень многое кажется серьезным, что для нас с вами воспоминания о чем-то совсем наивном (хорошем ли или плохом) и смешном. И то, что действительно имеет ценность и смысл, кажется им часто странным или очень простым. Это очень естественно. Мы были такими же. Да кроме того, то проникновение в область человеческого духа, называемого искусством, которое так свойственно Вам, — дар редкий.

Отдых мой (слава богу!) подходит к концу. 29-го мы уезжаем и 30-го утром будем в Москве. Так что напишите мне уже на Москву, когда вас ждать в Москве.

Отдохнул я, кажется, хорошо. Почти совсем не работал. Единственное, что сделал, закомпоновал окончательно Ваш портрет¹. Так что надеюсь в сентябре за него взяться.

Очень меня взволновало сообщение, что у Ильи Григорьевича инфаркт². Я тут же написал Любовь Михайловне³, чтобы, если я могу ей помочь, она меня сразу вызвала. Дай Бог, чтобы он выкарабкался. Вот, собственно, все мои новости. Народу знакомого тут очень много, но мы с сыном⁴ так заняты постройкой замков, крепостей и дворцов на берегу моря, что нам некогда ни с кем общаться.

Веду образ жизни самый добродетельный. Почти не пью. За всё время мы с Лидой один раз выбрались в ресторан (когда сын уснул), хорошо выпили и танцевали с таким азартом (все танцы подряд), как будто нам по 18 лет.

.....

- 1 Портрет Н. Я. Мандельштам был написан в 1967 году.
- 2 7 августа на даче под Новым Иерусалимом у И. Г. Эренбурга случился инфаркт. Он не хотел ложиться в больницу. Его перевезли слишком поздно, чтобы спасти, и 31 августа 1967 г. он умер.
- 3 Козинцева-Эренбург Любовь Михайловна (1900–1970), жена И. Г. Эренбурга, художница.
- 4 Биргер Алексей Борисович (р. 1960).

Очень хочется работать. Скажу вам по секрету, что больше я, не взяв с собой работу, ездить никуда не буду. Не для меня это занятие.

Ну, до скорой встречи.

Большой привет Елене Михайловне и Евгению Яковлевичу. Скажите этому негоднику Диме¹, что он свинья, что не ответил на мое письмо. Я его за это заставлю отпозировать 125 сеансов!!!

Целую вас — Б. Биргер

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Б. Г. БИРГЕРУ

1 СЕНТЯБРЯ «1967 Г., ВЕРЕЯ»

Дорогой Борис Георгиевич!

Обрадовалась, найдя ваш адрес. Думала, что у меня его нет с собой. Оказался на конверте вашего письма. Я возвращаюсь где-то между четвертым и шестым. Очень хочу домой и очень по вас скучаю. Позвоню немедленно (рано утром?)...

Впрочем, позвоните сами вы Вике Швейцер (АВ 75196 — Виктория Александровна) — она будет сговариваться с шофером и знать, когда я вернусь.. Приходите скорее.

Завтра позвоню узнать, как перевезли Илью Григорьевича. Очень душа за него болит. Если увидите их, скажите им, что я их очень обоих целую.

До скорой встречи. Надежда Мандельштам.

Лена и Женя еще тут поживут.

.....

.....

1 Б. Биргер дружил с Вадимом Борисовым и написал два его двойных портрета с женой Татьяной. См. наст. издание, с. 490.

Б. Г. БИРГЕР — Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
〈1967 г.〉

... типа Миши¹. Как вы? Я очень беспокоюсь, как вы выдержите это лето. Судя по газетам, в Москве дождь и холодно. А судя по письму, настроение у вас еще хуже. Я буду в Москве 12-го вечером и 14-го приеду в Верею. Напишите мне, какова обстановка и могу ли я приехать на денек к вам.

Очень хочется вас повидать и поговорить. Из новостей приятных могу вам сообщить две. Почти наверняка нашел для Володи² еще одного любителя его картин, и перед моим отъездом Дима Сарабьянов³ сообщил мне, что портрет Димы и Тани — первый вариант⁴ — произвел там сенсацию, и, следовательно, есть надежда, что в сентябре понадобится еще одна работа. Ура! Ура!

Лида вас целует.

Ваш Б. Биргер

.....

〈Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — Б. Г. БИРГЕРУ
ИЮНЬ 1970 Г., ПСКОВ〉

Боря! узнайте срочно, как найти Леву (ухо, горло, нос)⁵. Он работает в какой-то платной поликлинике. Не в отпуске ли он?

.....

1 Левин Михаил Львович (1921–1992) — доктор физ.-мат. наук. Близкий друг Б. Б.

2 Вейсберг Владимир Григорьевич.

3 Сарабьянов Дмитрий Владимирович (1923–2013) — искусствовед.

4 Первый вариант портрета был приобретен министром иностранных дел ГДР Лотаром Больцем (1903–1986).

5 Цукерберг Лев Иосифович (1927–2009) — замечательный врач-отоларинголог, возвративший многим людям слух. Кандидат медицинских наук, он работал в клинике 1-го медицинского института. В платной поликлинике не работал и денег за лечение не брал. Безотказный человек, лечивший всех друзей и знакомых Биргера.

Позвоните Псков 2–14–27, спросите Евгения Александровича или Таню и скажите им. Это очень хорошие люди. У него гайморит, который здесь не сумели вылечить. Лева буквально исцелил Кирилла¹.

Целую вас. Жду вестей. (Псков 14, Псковская 6, Желудкову для Н. Я.)

Сделайте, Боря, прошу вас. Н. Я.

.....

«Б. Г. БИРГЕР — Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

21 ИЮЛЯ 1972 Г.»

Дорогая Надежда Яковлевна!

Вчера получил ваше письмо и тут же позвонил Лева. Дома никто не подошел, а на работе мне сказали, что он в отпуске и будет только в конце августа.

Так что, к сожалению, помочь вашим друзьям попасть к нему на прием я до конца лета не смогу.

У меня особых новостей нет. Много работаю, езжу на дачу, вожу продукты. Никого не вижу. Да, наверное, никого в Москве и нет. В Москве очень жарко, но в мастерской у меня сравнительно ничего, работать можно, или я уже притерпелся к жаре. Самое неприятное в такую жару ездить в метро, очень душно.

Как у вас? Как вы себя чувствуете?

Целую вас. Ваш Б. Биргер

.....

.....

1 Хенкина Кирилла Викторовича.

ТОМАС ВЕНЦЛОВА

ОСУЩЕСТВИВШИЕ БОЖИЙ ПРОЕКТ: НА ПОЛЯХ ПЕРЕПИСКИ С Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, Н. Е. ШТЕМПЕЛЬ И А. А. МОРОЗОВЫМ

.....

В ранние шестидесятые годы я часто путешествовал “автостопом” — то есть на попутных машинах — по тогдашнему Советскому Союзу. В 1962 году, по дороге из Москвы на Кавказ, решил заглянуть в Воронеж. К тому времени я уже хорошо знал стихи Мандельштама, в том числе и воронежские — до Вильнюса доходили их самиздатские списки. Распространяли эти списки (как и многое другое) два человека. Первой была покойная Наталья Леонидовна Трауберг¹, которая тогда жила в Вильнюсе и была душой нашей дружеской компании. Вторым — ныне здравствующий Пранас Моркус²: он некоторое время учился в Московском университете, где завел неблагонадежные знакомства, а потом курсировал между Москвой и литовской столицей (впрочем, как и я сам). Мандельштам меня совершенно поразил: сборник *Tristia* я тогда считал — пожалуй, до сих пор считаю — лучшей поэтической книгой всех времен.

Так что Воронеж — “ворон, нож” — для меня был легендарным городом. Оказалось, что он разрушен в войну, застроен стандартными советскими многоэтажками, и ничто довоенное в нем не сохранилось: разве что бюст Кольцова (“Я около Кольцова как сокол закольцован...”) и статуя “воронежского Петра” из стихотворения Ахматовой. В литературном музее я нашел молодую сотрудницу по имени Аня (по фамилии, кажется, Колесникова). О Мандельштаме она впервые услышала от меня, хотя знала о другом, не часто упоминаемом в те времена воронежском жителе Андрее Платонове, которого очень любила, — и сразу загорелась желанием помочь в розысках. Мы нашли пожилого врача, который был с Осипом Эмильевичем несколько знаком, но он честно сказал, что боялся общаться с опальным поэтом: “Кто не боялся — это Наталья Евгеньевна Штемпель”.

На следующее утро я встретил ее у ворот авиационного техникума, где она работала. Наталья Евгеньевна пригласила меня

.....

- 1 Трауберг Наталья Леонидовна (1928–2009) — переводчица, автор работ на религиозные темы.
- 2 Моркус Пранас (р. 1938) — литератор, киносценарист.

к себе домой, долго поила чаем и рассказывала о Мандельштаме, потом водила по городу, показывая мандельштамовские места или то, что от них осталось, — хотя ходить из-за хромоты ей было трудно. Помню рассказ о том, как Осип Эмильевич скомкал и бросил в мусорный ящик стихи “Возможна ли женщине мертвой хвала...”, а она их оттуда вытащила и сохранила. Тогда Наталья Евгеньевна показала мне и “Оду”. Я стал рассуждать о том, что у поэтов бывает искушение склониться перед историей. “Что вы, — ответила Наталья Евгеньевна, — речь шла просто о спасении жизни — своей и жены. И всё же это лучшее стихотворение о Сталине, какое существует”.

Я съездил в Воронеж и второй раз, в следующем году. Формальным поводом была телевизионная передача. Дело в том, что во время Первой мировой войны в Воронеже оказались многие деятели литовской культуры, в том числе пролетарский — кстати, небесталанный — поэт Юлюс Янонис (*Julius Janonis*). Я привез и отдал воронежскому литературному музею кое-какие материалы на литовскую тему, и мы с Аней провели передачу, которая шла под рубрикой “дружбы народов”. Но меня больше интересовала возможность записать воспоминания Натальи Евгеньевны. Это не получилось: что-то от руки записанное у меня было, но пропало — к счастью, спустя много лет она о Мандельштаме написала сама. В тот второй приезд я, помнится, познакомился у нее с Александром Иосифовичем (Шурой) Немировским. С Аней (ее уже нет в живых) она продолжала общаться и, кажется, даже подружилась.

Больше Наталью Евгеньевну я не видел. Через несколько лет, в относительно “вегетарианскую” пору, я попробовал напечатать в Литве несколько переводов из Мандельштама (незадолго до того удалось издать книжку переводов Ахматовой¹). Вместе с переводами хотелось опубликовать какую-либо неизвестную фотографию поэта, за этим я обратился к Надежде Яковлевне Мандельштам. Писал, естественно, с некоторым трепетом, хотя она слышала обо мне от Натальи Евгеньевны, да у нас были и другие общие знакомые — например, Владимир Муравьев². Фотографию удалось раздобыть — об этом говорит публикуемая здесь переписка. В шестом (сентябрьском) номере журнала *Nemunas*³, который до сих пор выходит в Каунасе, появились четыре стихотворения Осипа Эмильевича в моем переводе — “Я не увижу знаменитой Фед-

.....

1 АСНМАТОВА А. *Poezija*. Vilnius: Vaga, 1964.

2 Муравьев Владимир Сергеевич (1939–2001) — литератор и переводчик, в юности познакомился с Н. Я. и А. Ахматовой.

3 Начал выходить с апреля 1967 г.

ры...”, “Возьми на радость из моих ладоней...”, “За то, что я руки твои не сумел удержать...” и “Нашедший подкову”.

Видимо, вскоре после этого я с Надеждой Яковлевной познакомился. Много лет я веду подробный дневник, но в нем, увы, есть пробелы, поэтому дату знакомства не могу установить. Однако в дневнике относительно подробно описан приезд Надежды Яковлевны в Вильнюс 14–19 сентября 1974 года. Тогда ее сопровождала юная христианка-неофитка Соня, обе виделись с моим знакомым католическим священником по имени Повилас Кучинскас (*Povilas Kučinskas*) и были на мессе у гроба с мощами Св. Казимира в вильнюсском костеле Св. Петра и Павла. На день съездили в Тракай и даже поднимались на тамошний замок. В эти дни у Надежды Яковлевны завязалось близкое знакомство с двумя литовцами, Оной Лукаускайте (*Ona Lukauskaitė*, 1906–1983) и Пятрасом Юодялисом (*Petras Juodelis*, 1909–1975). Оба были старыми политэками: Лукаускайте, поэтесса и в свое время эсеровская активистка, провела десять лет в воркутинских лагерях (в 1976 году она стала членом-основателем Литовской Хельсинкской группы), а Юодялис, славист и искусствовед, сидел и при Гитлере, и при Сталине. Вильнюс не произвел на Надежду Яковлевну того впечатления, которого мы ожидали. “Хороший город, но не чудо — в общем, Замоскворечье”, — сказала она. “Зато ваша жмудинка и этот старый искусствовед — замечательные люди” (Лукаускайте была родом из Жмуди — западной Литвы).

Жила Надежда Яковлевна на квартире Эйтана Финкельштейна¹, тоже будущего члена-основателя Литовской Хельсинкской группы, — сейчас он в Мюнхене. (У него же, кстати, через год с небольшим останавливался Андрей Дмитриевич Сахаров.) Пили вино на углу, в кафе *Taurus* (“Тур”), украшенном как бы пещерными рисунками на тему охоты князя Гедимина, — теперь оно уже не существует. Говорили тогда много — обо всем, от Пушкина и Ахматовой до Солженицына и Бродского; помнится, поспорили о переводе “Божественной комедии” Лозинского, который Надежда Яковлевна не признавала. Как-то я привел в гости свою годовалую дочь Марите, или Машу, это порадовало Надежду Яковлевну (сейчас Марите сама стала матерью — время бежит быстро). В дневнике у меня записано: “Все черты старого, даже деградирующего человека: склонность повторяться, капризность, смена мнений, иногда преувеличенное веселье. И всё же ее личность совершенно полна, неколебимо тверда,

.....

1

Финкельштейн Эйтан (р. 1942) — диссидент, правозащитник.

а беседовать с ней — радость. Хорошо тому, кто в жизни свое сделал, осуществил Божий проект”.

Мы встречались с Надеждой Яковлевной и позднее. Перед самой эмиграцией, в январе 1977 года, я заходил к ней попрощаться. Она сказала, что и сама часто задумывалась об эмиграции, но всё же решила остаться: “Тут, в России, у меня слишком много друзей”.

.....

**Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — ТОМАСУ ВЕНЦЛОВЕ
«ЛЕТО 1967 Г., ВЕРЕЯ»¹**

Дорогой Томас! (не знаю, как вас по отчеству и есть ли у вас отчества)

Очень рада была получить от вас записочку. Я уже не раз смеялась, что мы ходим рядом, но встретиться не можем... Рада и тому, что у вас пробуют печатать О. Э...

А вот как быть с фотографией? Их так мало, что, наверное, все уже напечатали. Здесь — я на даче за 150 км от Москвы — у меня ничего с собой нет. Буду я в Москве в середине сентября. Будет ли это поздно?

Если поздно, то найдите Александра Анатольевича Морозова (он служит в изд. “Искусство”, телефон Б 5-00-04, доб<авочный> 2-12); у него есть всё, что у меня. Выберите у него, если есть что-нибудь неопубликованное. Надеюсь, что вы зайдете ко мне, когда будете в Москве. Техника общения со мной такая: мне дают телеграмму, чтобы я позвонила, или с тем же делом звонят моему брату: Б 9-46-90; Евгений Яковлевич Хазин... Тогда я звоню, и мы сговариваемся. Надежда Мандельштам.

Если увидите Наташу Трауберг, передайте ей привет от меня.

.....

.....

1 Институт литовской литературы и фольклора (*Lietuvių literatūros ir tautosakos institutas*), Вильнюс. Фонд Томаса Венцловы, F95-17. Автограф. Дата и место написания установлены предположительно по содержанию.

АЛЕКСАНДР МОРОЗОВ — ТОМАСУ ВЕНЦЛОВЕ
«1967 г.»¹

Уважаемый Томас!

Посылаю две фотографии. Вторая (последних лет), кажется, не публиковалась. Может быть, нужно разрешение Надежды Як<овлев>ны? На всякий случай, ее адрес (до 10-15. IX): Верея, Спартаковская, 20, Шевелевым (для Н. Я. М.). Ваш Саша М.

.....

«ЕВГЕНИЙ ТЕРНОВСКИЙ» — ТОМАСУ ВЕНЦЛОВЕ
«1960-Е ГГ.»²

Милый Томас.

Вот фотографии Мандельштам. Пользуйтесь ими столько, сколько Вам потребуется, а потом отошлите в Москву. Если собираетесь к нам, то посылать по почте не нужно, я был бы рад Вас видеть у себя.

Ваш Е. Терновский.

Н. Я. Вам кланяется...

.....

ТОМАС ВЕНЦЛОВА — Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
29 НОЯБРЯ 1967 Г. «ВИЛЬНЮС»³

Дорогая Надежда Яковлевна,
посылаю Вам обещанный номер журнала
“*Nemunas*”. К сожалению, в тексте переводов Осипа Эмиль-

.....

1 Там же. Автограф.

2 Там же. Автограф.

3 РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 3. Д. 179 (сообщено П. Нерлером).

евича остались опечатки, которые я исправил от руки. Не слишком нравятся мне и иллюстрации. Но сам факт, что стихи прошли, меня очень радует.

Перевод, конечно, очень далек от совершенства. Что поделаешь... Осип Эмильевич, наверно, предугадывал и этот случай, когда писал “И, может быть, в эту минуту...”¹

Кланяется Вам Натали², поклон и от меня.

Всегда Ваш Томас В.

Один экземпляр я был бы рад послать и Наталье Евгеньевне Штемпель, но сейчас у меня, к сожалению, нет ее адреса. Может быть, Вы будете добры сообщить его, если Вам это не трудно.

.....

**НАТАЛЬЯ ШТЕМПЕЛЬ — ТОМАСУ ВЕНЦЛОВЕ
 <17 ФЕВРАЛЯ 1968 Г., ВОРОНЕЖ>³**

Милый Томас!

Большое спасибо за журнал и письмо.

Недавно была в Москве, и мы с Надеждой Яковлев-ной вспоминали Вас.

Есть ли у Вас “Разговор о Данте” в изд<ательстве> “Искусство”? Хотела послать Вам “Подъем” со статьей Немировского и публикацией десяти стихотворений О. Э., но у меня не было Вашего адреса.

Не думаете ли побывать в Воронеже, была бы рада Вас видеть, да и остановиться могли бы у меня.

Хорошо, что у Вас начали издаваться стихи М., особенно приятно, что они в Вашем переводе.

Желаю Вам всех благ.

Уважающая Вас Н. Штемпель.

.....

.....

1 Из стихотворения “Татары, узбеки и ненцы...” (1933).
 2 Н. Л. Трауберг.
 3 Фонд Томаса Венцловы. Автограф.

НАТАЛЬЯ ШТЕМПЕЛЬ — ТОМАСУ ВЕНЦЛОВЕ

<10 МАЯ 1968 Г., ВОРОНЕЖ>¹

Дорогой Томас!

Простите, что так долго не отвечала на Ваше доброе ко мне письмо. Болела, и сейчас еще хожу с температурой.

Конечно, в настоящее время о “воспоминаниях” не может быть речи — конец учебного года, много работы: тетради, экзамены и т.д.

Между прочим, несколько лет назад Шура неожиданно для меня включил магнитофон и заставил рассказывать об О. Э. Недавно эта лента нам попала (мы о ней забыли), я отвезла ее Н. Я., ей очень понравилось, даже удивительно.

Она сказала, что Ося живой, что это очень цитатно. Но рассказала я не всё (устала), да и лента местами забита.

Может быть, я сумею достать Вам “Подъем”, если Вы хотите его иметь?

Хочу послать Вам статью Шуры, которая нигде не опубликована, он ее никуда не давал. Мне она нравится. Может, ее можно где-то напечатать?

Пишите, дорогой Томас, буду отвечать быстро.

А “воспоминания”, возможно, летом.

Уважающая Вас Н. Штемпель.

.....

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ — ТОМАСУ ВЕНЦЛОВЕ

<10 АВГУСТА 1968 Г., МОСКВА>²

Милый Томас! Простите, что я задержала ответ — болела. Журнал я получила. Спасибо. Очень рада, что О. М.

.....

1 Там же. Автограф.

2 Там же. Автограф. Дата и место установлены по почтовому штемпелю.

появился на самом индоевропейском языке, который я знаю только в масштабах Потебни.

Здесь была Наталья Евгеньевна Штемпель. Она шлет вам привет и ждет номера журнала. Ее адрес: Воронеж, Никитинская, 38 кв. 29.

Привет. Надежда Мандельштам.

.....

КЕЙС ВЕРХЕЙЛ

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ И ЕЕ ГОЛЛАНДСКИЙ ГОСТЬ¹

(Перевод с нидерландского И. Михайловой)

.....

В 1967 году, когда я жил в России и собирал материалы для диссертации об Ахматовой, ленинградский профессор Дмитрий Евгеньевич Максимов посоветовал мне познакомиться в Москве со вдовой Мандельштама, великого литературного “брата-близнеца” Ахматовой.

Оказалось, что Надежда Яковлевна живет в хаотичном новом районе, смеси города и деревни, каких в Москве тогда было немало. Дом ее стоял на широкой улице с металлическими, на бетонном основании, опорами высоковольтной линии и широким газоном, поросшим сорной травой и кустами. Один дом отстоял от другого на значительном расстоянии, и с ее стороны улицы не было тротуара: весной и осенью приходилось шагать по грязи, а зимой — по глубокому снегу. Обычно здесь тихо и спокойно.

Я позвонил, дверь приоткрылась, и из проема на меня впросительно взглянула седовласая женщина с умным и приветливым лицом, в синем халате и с папиросой в руке. Я попытался коротко объяснить ей, кто я такой, зачем пришел и откуда у меня ее адрес. Она сразу жепустила меня.

Наш разговор шел с трудом, потому что она пренебрегла моим русским и обращалась ко мне по-английски. Она говорила

.....

1   Послесловие К. Верхейла к изданию “Воспоминаний” Н. Я. Мандельштам на нидерландском языке: MANDELSTAM N. *Memoires* / Пер.: К. Verheul. Amsterdam: G. A. Van Oorschot, 1971. 479 p. Здесь — с незначительными изменениями и сокращениями.

так, как говорят люди, прекрасно знающие грамматику и лексикон, но не имеющие практики общения. В 1956 году она защитила диссертацию на тему о функциях аккумулятива в древнеанглийской поэзии (“забавная партия в шахматы”, как она рассказывала мне с улыбкой). Те короткие письма, которые я от нее регулярно получал, она тоже писала по-английски, поскольку была убеждена, что так их легче пропустят через границу.

Мы договорились о встрече через несколько дней, и тогда мы говорили уже по-русски, а я просидел у нее добрых полдня. В оставшиеся месяцы стажировки я бывал у нее по нескольку раз в неделю, и во все мои последующие визиты в Москву ее квартира была одним из моих “постоянных адресов”.

Наши разговоры касались в первую очередь поэзии Мандельштама и Ахматовой; я заранее готовил свои вопросы и конспектировал ее ответы. Но вскоре нашлись и другие предметы для обсуждения — то множество тем, о которых она написала в своих “Воспоминаниях”. Она рассказывала о своем жизненном опыте и о тех выводах, к которым пришла на его основе.

И всё же в целом она предпочитала говорить о других, а не о себе. В ее собственном прошлом были такие грани, которых она при мне никогда не касалась и о которых и я не решался ее спрашивать. О таких страшных событиях, как арест Мандельштама, я узнал только из ее “Воспоминаний”, но даже в этой книге ее глубоко запрятанные чувства вырываются на поверхность лишь в нескольких местах.

В разговоре с ней легко забывались весь ужас и трагизм ее жизни, лишь изредка они вдруг ненадолго вспыхивали в каком-нибудь горьком выпаде или саркастическом обобщении. Пережитое проявлялось не столько в ее речах и поведении, сколько во внешности: я был поражен, узнав, что ей еще нет и семидесяти — сам бы я дал ей как минимум восемьдесят. Я как-то сказал ей, что моему отцу примерно столько же, но что я не считаю его стариком, на что она ответила коротко: “Жизнь у вас там была другая”.

Обычно я был ее слушателем, но иногда она просила меня рассказать ей, что происходит “у нас”. Она больше всего боялась, что Запад совершит те же ошибки, что и бывшая русская интеллигенция, и что нам за это придется поплатиться — точно так же, а то и хуже.

Позднее, познакомившись уже со многими русскими и начав немножко разбираться в здешней обстановке, я перестал чувствовать себя у нее “как на уроке” и стал обсуждать с ней мои собственные новые впечатления. Ее суждения о людях и о событиях были едки и прямолинейны (“да” или “нет”, чаще “нет”) и сформу-

лированы настолько убедительно и с таким юмором, что слыша их, невольно смеешься и запоминаешь на всю жизнь, даже если с ними совершенно не согласен. Присущее ей язвительное остроумие порой было несправедливым, но в нем чаще всего не было ничего неприятного, никакой мстительности, и в глубине его чувствовались теплота и человечность. Эти свойства читались и на ее лице: в некоторые моменты ее рот принимал жесткое и недоброе очертание, кривился от отвращения или сарказма, но выражение глаз оставалось неизменно добрым и каким-то беззащитным. Именно этот взгляд и запоминается навсегда.

В 1967 году она часто говорила о своем понимании современной истории. Тут она опиралась на представления Н. А. Бердяева и С. Л. Франка, которыми восхищалась. Ее философия истории, отголоски которой слышатся во многих главах “Воспоминаний”, сводится, грубо говоря, к следующему.

Гуманизм, мироощущение, изначально возникшее из христианства, в наше время утратил связь с ним и потому оказался в кризисе. Обожествление человека неизбежно ведет к хаосу, диктатуре и подавлению, так что для европейской культуры единственный выход из тупика — это возвращение к христианству. Этот кризис в принципе одинаков во всем христианском мире, только в России он принял более острые формы, чем на Западе. Как и большинство диссидентствующих интеллигентов в России, Надежда Яковлевна — убежденная христианка. (Вот один из ее афоризмов, произнесенный в 1967 году: “Как и в первом веке нашей эры, в сегодняшней России именно евреи исповедуют христианство”.)

Когда я снова навестил ее в Москве в 1970 году, она была мрачной и усталой, выглядела какой-то потухшей. Она боялась, что превращается в “выжившую из ума старушку”, и много говорила о смерти. “Смерть приближается очень быстро”, — написала она мне в одном из писем, но вскоре ее друзья, к счастью, сообщили мне, что она опять “в форме”. Она хотела, чтобы ее похоронили по православному обычаю, но духовный отец, с которым она намеревалась обсудить план собственных похорон, сказал ей, что для христианина грех стремиться к смерти, и отказался обсуждать эту тему, о чем она рассказала мне с грустной усмешкой.

У Надежды Яковлевны был сложный характер, она любила лукаво подсмеиваться над другими, но и над собой тоже. Поговорив некоторое время о своей вере, она вдруг рассказала мне, что один из читателей ее “Воспоминаний”, разошедшихся тогда в самиздате по всей стране, заметил: “Это злая язычница, выдающая себя за христианку”. Я видел, что такое определение доставляет ей огромное удовольствие.

Ее потребность приводить людей в замешательство, дразнить и провоцировать выражалась в разных формах. Так, я далеко не сразу понял двусмысленность ее вечных “мер предосторожности”. Ввиду общей ситуации в стране, ее собственного прошлого и полной неопределенности и зыбкости ее тогдашнего положения представлялось само собой разумеющимся, что ее повседневная жизнь была вся отмечена страхами и осмотрительностью — чувствами и соображениями, касающимися скорее других, чем ее самой.

Она нередко говорила мне: “Я буду скучать после вашего отъезда, но всё же вздохну с облегчением, когда буду знать, что вы дома”. В то же время — и это я осознал далеко не сразу — в том, как нарочито она принимала свои “меры предосторожности”, заключался не только демонстративный урок для иностранца, но и немного игры. Заводя речь о чем-нибудь “опасном”, она переходила на заговорщицкий шепот и указывала на потолок, чтобы напомнить о возможной прослушивающей аппаратуре (“Старинный русский обычай”, как говорил в таких случаях по-английски наш общий друг Иосиф Бродский), а прежде чем давать читать что-нибудь “запрещенное”, торжественно задергивала занавески. Однажды я попросил одного моего университетского товарища, тоже иностранца, кое-что ей передать, потому что сам не мог к ней зайти. Когда я оказался у нее в следующий раз, она рассказала мне с гордой усмешкой, как ей удалось его так напугать, что через несколько минут после прихода он весь позеленел и, дрожа и заикаясь, бросился наутек.

Функцию гостиной в ее квартирке выполняла узкая, продолговатая кухня — аналог традиционных “интеллектуально-художественных салонов”. Здесь бывали и “вся Москва”, и “весь Ленинград”. Больше, чем с литераторами, Надежда Яковлевна любила общаться с художниками (она сама когда-то училась живописи, но после знакомства с Мандельштамом распрощалась с ней), но еще больше — с физиками и математиками. Общение с ними, возможно, больше соответствовало ее склонности к философскому и абстрактному мышлению. Следует также отметить, что в то время лучших представителей либеральной России чаще всего можно было найти среди приверженцев точных наук. В целом в завсегдатаях своей кухоньки она ценила высокий интеллектуальный уровень.

Гордостью ее аудиенц-зала являлся тяжелый старинный диван с резной спинкой. То было место исключительно для гостей, сама же она обычно сидела напротив — за кухонным столом, на простом стуле, под часами с кукушкой. На диван она села, завернувшись в мохеровую шаль, лишь на миг, чтобы я смог сделать фотографию. Она была хорошей хозяйкой, и перед началом беседы на

столе появлялись чайные стаканы, приборы, хлеб, сыр, копченая колбаса, торт или печенье.

Рядом с диваном стояла газовая плита: зимой, для добавочного тепла, на всех ее конфорках постоянно горел огонек, а напротив плиты — огромный холодильник. Важный предмет, обязательно присутствовавший на столе, — большая керамическая пепельница, потому что Надежда Яковлевна постоянно курила, хотя врачи ей это давно запретили: когда-то у нее был туберкулез, а сейчас она страдала сердечной недостаточностью и хроническим бронхитом. Все, кто слышал ее душераздирающий кашель после первой затяжки, — на глазах слезы, и папироса едва не выпадает из пальцев, — понимали, какое это с медицинской точки зрения чудо, что она до сих пор жива. Причем курила она не сигареты, а только папиросы “Беломорканал”, которые то и дело гаснут. Большинство интеллигентных русских считают “Беломор” ниже своего достоинства, и кроме Надежды Яковлевны и нескольких чудаков-туристов, их курили исключительно шоферы такси.

Когда я пришел к ней в сентябре 1970 года, на кухне что-то существенно изменилось: холодильник был уставлен букетами цветов, поразительное многоцветье московской золотой осени переступило порог этой квартиры. Надежда Яковлевна рассказала, что после смерти Мандельштама долго не переносила цветов в доме, но что теперь это позади, так как у нее появилось ощущение, что она исполнила свой долг: его произведения окончательно сохранены для потомства, а сама она написала всё то, что было у нее за душой. На нее, казалось, снизошел покой, который, с одной стороны, навевал ей мысли о смерти, а с другой — позволял впервые безмятежно наслаждаться жизнью.

Единственная комната в квартире играла по преимуществу роль спальни. Она была больше кухни, но такая же вытянутая и обычно довольно темная: великолепные натюрморты Вейсберга и Биргера, двух современных русских художников, как и иконы над кроватью, были из-за этого плохо видны.

В 1967 году, когда я бывал у Надежды Яковлевны регулярно, она как раз работала над второй книгой своих мемуаров. Порой она давала мне что-нибудь почитать в кухне, а сама удалялась в спальню.

Там, лежа в своем синем халате поверх одеяла, с “беломориной” в зубах и сосредоточенным и решительным выражением лица, она печатала на машинке, стоявшей рядом на табуретке. Сидя в кухне, я слышал доносившийся из спальни равномерный стук пишущей машинки, с короткими или более продолжительными паузами, во время которых она упорядочивала свои мысли. Она писала

так же, как говорила: напрямую, без излишних колебаний, движимая конкретным чувством. Отсюда та искренность, то отсутствие “литературности”, а также та неприкрытая ранимость, что звучат на каждой странице. Она часто рассказывала мне о том, что терпеть не может править, переделывать и дорабатывать написанное.

Несмотря на всю ее интеллектуальность, Надежду Яковлевну никак нельзя было назвать синим чулком. Она так же увлеченно говорила о ценах и о качестве овощей на базаре, как и о религиозной философии; она расспрашивала меня, что продается в голландских магазинах, что сколько стоит, что у нас обычно едят, и несколько раз объясняла, как полагается правильно заваривать чай. Чтобы меня подразнить, она просила меня нарезать к чаю длинным ножом с зубчиками твердую колбасу — “тоньше, тоньше!” — пока я в сердцах не бросал нож, после чего она мне в очередной раз рассказывала, что никто на свете не умеет резать колбасу так тонко, как Варлам Шаламов.

Большой радостью было видеть, как она, сама никогда не имевшая детей, общается с ними. Думаю, что ее учительство в тот период, когда она затаилась в провинции, сберегая наследие Мандельштама, было для нее не только вынужденной работой ради хлеба. Она часто рассказывала о соседских детях, ее беспокоило их будущее — самое конкретное беспокойство об окружающем ее подрастающем поколении. Дети чувствовали себя рядом с ней отлично, и она общалась с ними, несмотря на свой несомненный авторитет, как с равными. Ей явно нравилось учить взрослых, как и детей.

Надежда Яковлевна обладала даром, редким даже в советской России, — по-товарищески естественно взаимодействовать с людьми из другого социального слоя. Она любила заговаривать со случайными встречными и вызывать в них, точнее, завоевывать их доверие. Помню, как однажды в субботу у ее дома появились двое полупьяных работяг и предложили ей посадить под окном кухни куст жасмина. Через открытое окно тотчас завязался оживленный разговор: она торговалась и расспрашивала их о работе. Смысл доходил до меня явно не весь, обе стороны говорили быстро и коренной русской речью, но помню, что работяги в итоге пришли к тому выводу о собеседнице, что она “хорошая баба”.

Прежде чем уехать из Москвы в январе 1968 года, я решил на память сфотографировать ее. Пока я по-любительски тщательно приделывал вспышку и выставлял правильную диафрагму и выдержку, она вышла в спальню, а когда я поднял глаза, то, к своему изумлению, увидел ее сидящей на диване с идеальной осанкой и с неожиданно молодежавым и новым для меня выражением полъщенности и смущения.

Думая о ней сейчас, я мысленно представляю себе другую картину: ей в голову только что пришла абсурдная или провокационная мысль, и она наклоняется ко мне, придерживая локоть правой руки ладонью левой и держа папиросу у самого лица; она еще молчит, но ее дыхание стало быстрым и хриплым от сдерживаемого смеха, и она смотрит на меня с уже лукавыми искорками в глазах.

Именно такой она всегда казалась мне в своей стихии, и именно такой она мне больше всего дорога!

1971–2015

.....

Письма Н. Я. Мандельштам К. Верхейлу (1968–1972)¹ . . . .

---

17 АПРЕЛЯ <1968 г.>

Дорогой Кейс!

Большое спасибо за карточки..² Они мне очень понравились. Они передают то, как я сама себя представляю. Недовольными своими фотографиями обычно бывают те, кто чувствует себя моложе и что-нибудь еще. В моем случае это не так. Хотелось бы иметь еще больше отпечатков, если возможно.

Но никогда не пойте мне славословий: “я к величаньям еще не привыкла”³. Я никак не вхожу в категорию *laudaturae esse*⁴...

Хотелось бы, чтоб вы приехали сюда пить чай вместе у меня на кухне... Почему бы нет?.. Но так как это

.....

1 Перевод с английского и комментарий Кейса Верхейла. Даты уточнены по почтовым штемпелям на конвертах.

2 В январе 1968 г., перед отъездом из России, я фотографировал Н. Я. в ее кухне. Один из тогдашних снимков см. во 2-й вкладке на стр. 22. Другой портрет (по-моему, лучший), с открытыми глазами, мне не удалось найти в хаосе своих старых бумаг. Вдруг он чудом сохранился у кого-нибудь в Москве?

3 В оригинале буквально: “Я не привыкла к похвалам”. Однако я счел себя вправе изменить ее звучание в соответствии с формулировкой О. Мандельштама: “Я к величаньям еще не привык” (“Батюшков”). В разговорах Н. Я. часто цитировала ее применительно к себе. Ее же она произнесла и в ответ на овации на историческом вечере памяти Мандельштама 13 мая 1965 г. в МГУ.

4 “Тех, кого надо хвалить” (*лат.*).

пока невозможно, была бы рада, если у вас будут вопросы ко мне о творчестве Мандельштама, отвечать на них в своих письмах. Вы пропали, и я уже подумала, что вы меня совсем забыли, правда?

В дальнейшем не сможете ли печатать свои письма на машинке? Ваш почерк довольно трудно разбирать...

Передайте мой поклон Жанне...¹ Н. М.

.....

---

9 МАЯ <1968 г.>

Дорогой Кейс!

Я вам послала два экземпляра “Вопросов литературы” № 4.

Надеюсь, что Вы скоро получите их. Будьте добры: передайте один экземпляр Жанне. Надежда Мандельштам

В “В. Л.” опубликованы записные книжки Мандельштама².

.....

<6 ИЮНЯ 1968 г.>

5 мая³

Дорогой Кейс!

Я бы хотела получить от вас обещанное мне письмо, но получу ли его? Письмо длинное... Короткое о “Вопросах литературы” № 4 было очень хорошо...

У меня телефон (126-67-42). Когда приедете сюда, позвоните мне! Почему бы не приехать? Думаю, что вам надо.

.....

1 Жанна ван дер Энг-Лидмейер, голландская славистка. Вместе с ее мужем, профессором Амстердамского университета Яном ван дер Энгом, я привел ее к Н. Я. в 1967 г. См.: О. Мандельштам. Записные книжки. Заметки // ВЛ. 1968. № 4. С. 180–204.

2 Рукописная дата неточная (правильная — по штемпелю). Путаница, возможно, вызвана самочувствием Н. Я.

Я рада, что присланные мной “Вопросы литературы” вам понравились.

Я чувствую себя старой и усталой. И теперь больше, чем обыкновенно... Это оттого, что было много работы, которая мне не под силу.

Мне кажется, что я несу чушь, не правда ли?
 Передайте мою любовь Жанне... Н. Мандельштам.

.....

«31 июля 1968 г.»

Дорогой Кейс!

Рада была найти ваше письмо, когда я вернулась на один день в свою квартиру. Теперь живу в маленьком городке¹. Это наша дача. Каждый год мы приезжаем сюда на лето. Владельцы дома, в котором мы живем, стали нашими друзьями, и здесь вообще приятно. Мы — это я с братом и его женой². Это не значит, что мне будет полезно дышать свежим воздухом. Для этого я слишком устала. А что касается моего плохого здоровья, то всё это только от старости. А от такой болезни не выздоровеешь. Этого не бывает. Могу Вам сказать, что не молодею. Полагаю, это нельзя... Даже двое не сумеют — чтобы процитировать мою любимую “Алису в зазеркальном мире”.

Могу ответить на Ваши вопросы о стихотворениях Ахматовой.

В первом речь идет о гвоздике...³

.....

1 Веря.

2 Е. Я. Хазин и Е. М. Фрадкина. Их, по моему впечатлению, Н. Я. упоминала в наших разговорах чаще и с большей глубиной невольного чувства, чем кого бы то ни было из своих близких в Москве. Но, в отличие от почти всех остальных, познакомить меня с ними лично она как-то избегала. Скорее всего, я думал тогда, из инстинктивного желания защищать их от возможных “неприятностей” вследствие контакта с иностранцем.

3 Из стихотворения А. Ахматовой, посвященного О. М.: “Я над ними склонюсь, как над чашей...”

В своих “Листках из дневника” она написала о том, что познакомилась с Мандельштамом, когда он был молодым человеком с гвоздикой в петлице. И всё тут. Так как она немного романтична, она говорит об этой гвоздике как будто это было событие для них обоих. В первой строке она ссылается на его стихи — она перелистывает их и потом их цитирует... Это не цитаты в прямом смысле, а она только их вспоминает (“бык Европу везет по волнам” и так далее). У меня здесь нет с собой текста. Насколько помню, это так...

Дальше, “мой тринадцатый час”¹. Она продолжает быть немного романтичной. С романтическим героем всё страшное случалось в полночь, ровно в двенадцать... Тринадцать — несчастное число, не только у нас, но у других народов тоже. У французов, например... На самом деле она не пользуется идеей полуночи по-романтически, а смешивает ее с идеей несчастливого числа. “Мой тринадцатый час пришел” по-русски имеет значение (хотя и не существует фразы такого рода), что с ней всё кончено. (Говорят, что я была поэтом, но перестала им быть.) Слишком часто она о себе читала, что когда-то была поэтом (в ее юности, но теперь уже нет).

Месяц назад у меня был посетитель, автор довольно идиотической статьи о “пчелах в стихотворениях Мандельштама”². Он один из “больших специалистов по русской поэзии”, находящийся под влиянием Якобсона, который пытался доказать, что Ахматова и Мандельштам абсолютно незначительные поэты. Данный “специалист” (мой посетитель) как-то обожает Мандельштама, но ему нельзя этого выражать потому, что он верит Роману Якобсону. Но не

.....

1 Из стихотворения А. Ахматовой, опубликованного посмертно: “Вы меня, как убитого зверя...” Ряд “крамольных” стихотворений Ахматовой Н. Я. диктовала мне в первые годы знакомства. Во время очередной поездки в Москву-Ленинград около 1970 г. я выучил свои записи наизусть и, по всем правилам интеллектуальной контрабанды, накануне полета домой разорвал их на клочки и спустил в унитаз гостиничного номера. Часть подборки я потом передал Н. Струве для публикации в его “Вестнике”. Другая часть попала в мою статью “Гражданские темы в поэзии Анны Ахматовой” (*Public Themes in the Poetry of Anna Akhmatova // Russian Literature. 1971 №1*), а затем и в книгу: JEANNE VAN DER ENG-LIEDMEIER, KEES VERHEUL *Anna Akhmatova “Poem without a Hero” and Twenty-Two Poems*. Den Haag, 1973.

2 К. Ф. Тарановский.

мог он не быть крайне удивленным, когда я ему стала говорить об Ахматовой. Он думал, что с ней рассчитались раз навсегда. Они (включая и Романа Яacobсона) увезли с собой “мнения вчерашнего дня” (цитирую Ахматову: “они увезли с собой вчерашний день”), когда теория Лефа была в моде. И они продолжают петь одну и ту же песню. (“Поэт десятых годов” — “что была я поэтом в поэтах, но мой пробил тринадцатый час”)...

Что ж... это пробил их, а не ее тринадцатый час.

Хочу напомнить Вам что-то еще... Знаете ли, что “валились с мостов кареты”¹ происходит от Гоголя (“Невский проспект”, в конце)? И “между шкафом и печкой стоит”² — это реминисценция из Достоевского. Пересмотрите историю самоубийства Кириллова и найдете ее. Момент до того, как он с собой покончит — (“Бесы”).

Очень благодарю вас за книги и сыр. Было очень приятно получить это... Мальчик хотел, чтоб я послала вам какой-нибудь подарок. Было бы хорошо, если бы я могла. Но не могу представить, что вам послать. Но надеюсь, со временем что-нибудь появится. Какие-то книги, например, если только они будут опубликованы, пока я еще жива.

Хотелось бы, чтоб вы были у меня на кухне и мы пили бы чай вместе и болтали. Ваша Н. Мандельштам.

.....

«31 июля 1968 г.»

Дорогой Кейс,

я забыла написать вам, что знаю оперу Шенберга “Моисей и Арон”. Она, по сути, основана не на символистской идее “*a realibus ad realiora*”³. Автор для этого слишком умен. И тоже не на идее “вещи в себе”. Но людям всё

.....

1 А. Ахматова. Поэма без героя. Ч. I. Гл. III.

2 Там же. Гл. I.

3 “От реального к реальнейшему” (*лат.*) — формула русских символистов начала XX в., в частности Вяч. Иванова.

высокое трудно понять. Им нужна легкодоступная версия. Им нужно то, что привычно. Было время, когда Пушкину они предпочитали Бенедиктова, их “первым поэтом” был некогда Северянин. Только то, что приходит в привычной форме, — это для них. Нужно время, чтобы понять значение тех “безобразных стихов”, о которых говорит Мандельштам в одной из его статей.

Не думаю, что с его Ароном он имел в виду какую-то идею “невоплощения”. Обратите внимание — Арон поет свою роль в совсем традиционной манере (“сладостный певец” — заливается). У Моисея тоже своя собственная роль. Он не немой. Но он имеет что сказать (он “смысловик”, как это называл Мандельштам). Он не хочет давать “идолов”, но чистое мышление в той форме, которая требуется. И которая, при этом, современна. Арон пользуется формами, к которым они привыкли. Они привыкли танцевать перед золотыми идолами. Они не привыкли к высокому вдохновению, которое трудно усвоить.

Воплощение — хорошая вещь, и оно символично, но не в том смысле, как дешевые идолы Арона. У чистого мышления своя форма, и она традиционна, но на другом уровне, нежели та, что легко переваривается танцующими перед идолами. Мышление Моисея лишено “обтекаемой формы”, “штампа”, оно не прямолинейно. Современная психология учит, что мы воспринимаем всё в “идеальной” (то есть прямолинейной) форме. Моисей противится этому. Он враг “моделей”, но это не значит, что он не признает формы. Н. М.

Конечно, я хочу иметь еще больше ваших фотографий.

.....

---

24 ОКТЯБРЯ <1968 г.>

Дорогой Кейс!

Большое вам спасибо за вашу любезность. Я рада, что вы еще вспоминаете меня. Книга, которую вы мне послали, —

одна из лучших, прочитанных мной¹. Не сможете ли написать пару слов вдове и передать ей мое восхищение от этой книги? Ахматова посетила ее, когда была в Англии².

Я бы хотела с вами поговорить. Не собираетесь ли сюда? Вы мне очень нужны. Приезжайте и приходите пить чай — не забудете?

Не сможете ли позвонить? Мой телефон 126-67-42.

Еще раз спасибо...

Надежда Мандельштам.

.....

«21 ФЕВРАЛЯ 1969 Г.»

Дорогой Кейс,

прежде всего я отвечу на Ваши вопросы.

1) Художник в стихотворении Ахматовой — это Альтман Натан³. Видели ли Вы этот ужасный портрет ее?

2) Я не читала книгу Миндлина⁴, но несколько лет назад он мне послал несколько страниц о Мандельштаме. Он был еще совершенным мальчиком, когда встретил Мандельштама. На этих страницах Мандельштам говорил массу вещей (в прямой речи). Миндлин приписывает ему слова, которые он никогда бы не произнес. Например, “писать стихи огромное счастье”, и так далее... В словаре Мандельштама не существовало такого слова, как счастье. Он шутил надо мной: “Наденька думает, что она должна быть счастливой”... Всё, что он говорил на этих страницах, было целиком не по-мандельштамовски. Я ни одного слова не узнавала. Я написала об этом одному другу

.....

1 К моему огорчению, я не смог вспомнить, что за книга имеется тут в виду. Возможно, речь идет о романе Д. Оруэлла “Ферма животных” (в пэнгвинском издании).

2 Весной 1965 г. Ахматова была в Англии в связи с получением почетной докторской степени в Оксфорде.

3 Имеется в виду стихотворение Ахматовой “Покинув рощи родины священной...” (“Эпические мотивы” № 2, 1914–1916). Портрет Ахматовой, написанный Н. Альтманом в 1914 г., находится в коллекции Русского музея.

4 Миндлин Э. *Необыкновенные собеседники*. М. 1968. См. также с. 446 наст. изд.

Миндлина (Македонову) и узнала, что Миндлин старался поработать над этими страницами. Но думаю, ему не удалось. Он не умен и, как я Вам говорила, не понимал, о чем говорил Мандельштам.

Но есть один правдивый момент. Это о ссоре с Волошиным. Мандельштам отправил свое письмо и был прав: с тех пор они больше никогда не встречались. Мандельштам не хотел ехать в Коктебель, пока Волошин был жив. Я однажды там была, и Волошин старался мне объяснить их ссору (с Мандельштамом, а заодно и с Эренбургом, который тоже никогда не возвращался туда, избегая встреч с Волошиным), как будто эта ссора просто состояла в “мистификации” (то есть шутке). Такие шутки, как с Мандельштамом, могли бы ему стоить жизни. С Эренбургом они спорили о каких-то кастрюлях. Он думал, что Илья украл его кастрюли. К этому времени он был несколько сумасшедшим. Я находила его сумасшедшим несколько лет спустя... Нечего было делать.

Приедете ли точно? Мне очень нужны лекарства (одно для меня — *Roter* — и одно для моего брата, который страшно болеет). Об этом я написала Н. Струве. Надеюсь, что он его найдет. Оно производится в Югославии — антибиотик “Пятног”. Если собираетесь сюда, спросите заранее у Никиты. Артур Миллер обещал мне послать любое лекарство, которое мне будет нужно... Если Никита не сможет достать его, пишите Миллеру. Его нетрудно найти.

Думаю, это всё, что могу сказать.

Мне страшно хочется вас видеть. Дайте мне быть уверенной в том, что приедете. Передайте мою любовь вашим профессорам, которые посетили меня... Надежда Мандельштам

Никита живет в *Villebon-sur-Yvette* (Франция), 61, *rue de la Mairie* 92¹. Ахматова дала мне этот адрес.

.....

.....

---

19 АВГУСТА <1969 г.>

Мой милый друг!

Во второй половине сентября я буду в Москве и буду страшно (ужасно, иступленно и т.д., и т.п.) рада повидать Вас. Приезжайте поскорее! Я сильно по Вам соскучилась. Ваша Надежда Мандельштам.

Я получила Ваше письмо только сегодня, так как живу в Переделкине на съемной даче и давно не была в Москве.

.....

---

7 ОКТЯБРЯ <1969 г.>

Мой молодой друг, которого, как я боюсь, мне уже никогда не увидеть...

Я вам отвечала не сразу оттого, что чувствовала себя довольно плохо. Дело было просто в старости, а не в определенной болезни. В этом году мне исполнится семьдесят лет — это гораздо больше, чем я когда-нибудь ожидала. Жалко, правда, что у вас здесь нет родственников. Постарайтесь раздобыть их!¹ Почему бы и нет?

.....

¹ В разговорах со мной Н. Я. всегда с тактом воздерживалась от расспросов об эротической стороне моей жизни и, за одним исключением, от своднических намеков. Потом, когда я попросил у нее разрешения в следующий приезд, весной 1973 года, привести ей своего одноименного голландского друга жизни, она потребовала, чтобы мы с ним обязательно появились у нее первой из нашего московского круга. По окончании встречи, проходившей в уютной и веселой атмосфере, Н. Я., как мне потом передавали, мгновенно стала звонить по городу всем общим друзьям, чтобы объявить: «Другой Кейс — прелесть!» В позднейших разговорах вдвоем мы с Н. Я. время от времени возвращались, всегда доверчивым и слегка шутивным тоном, к теме любви мужчины к мужчине. Недавно впервые перечитав корреспонденцию более чем сорокапятилетней давности и сосредоточенно вызвав в памяти многочисленные встречи с Н. Я., не могу не радоваться той редкой естественности, с которой она сочетала в себе безоговорочную преданность православию с отсутствием какой бы то ни было предубежденности против того, что называется «нетрадиционные формы сексуальности».

Написали ли вы свою книгу по-голландски?¹ Мне будет довольно трудно читать ее, потому что для меня это “по-басурмански”². Но посылайте ее, если буду еще жива, когда она будет опубликована.

Как вам понравился Кларенс Браун? Он хороший. А Бёрлин? Пастернак говорил, что он самый умный человек, с которым он когда-нибудь встречался. А я как-то сомневаюсь. Борис был наивным³.

Вот так... Что же касается времени в поэзии Ахматовой, я не нахожу его философским. Думаю, что она чувствовала, какие были до нас поколения, но не то, что я назвала бы соотношением неподвижного времени и времени нашей жизни. А если Вы нашли что-нибудь еще, то буду более чем рада.

Люблю стихи Ахматовой от “Белой стаи” по пятидесятые годы. Некоторые стихотворения шестидесятых прекрасны (“Родная земля”). Но отрывки драматического произведения⁴ и “Полночные стихи” не для меня. Это любовная лирика старости. Кому она нужна? А что касается реальности по ту сторону времени, над которой она задумывалась, я совершенно с вами согласна. Вы совершенно правы. Она ее постоянно носила в своих мыслях. И это было то, что нас соединяло.

Не забывайте меня. Ваша Надежда Мандельштам.

.....

- 1   Моя докторская диссертация, написанная по-английски, вышла из печати в 1971 г. под названием: *The Theme of Time in the Poetry of Anna Akhmatova* (“Тема времени в поэзии Анны Ахматовой”).
- 2   В оригинале Н.Я. пользуется идиоматическим выражением *it is Greek to me* (“для меня это по-гречески”), датирующимся с эпохи раннего гуманизма, когда ученые в Европе свободно общались по-латински, но редко кто владел греческим. В разговоре Н.Я. любила с улыбкой прибегать к этому выражению в тех случаях, когда не понимала своего англоязычного собеседника: *Your English is very bad, it is Greek to me!* Рядовому собеседнику Н.Я. данная идиома, в Америке и Англии давно уже ставшая старомодной принадлежностью эрудированных, не была известной. В итоге получалась как бы “ничья”: оба собеседника обнаружили, каждый по-своему, лингвистический изъян.
- 3   Летом 1969 г. я ездил в Англию для встреч с К. Брауном (в Хэмпстеде) и И. Берлином (в Оксфорде). В соответствии с отзывом Н.Я. Браун мне во всех отношениях понравился. Берлин сначала произвел на меня такое же позитивное впечатление обаятельного и на редкость интересного человека. Но позднее я в нем несколько разочаровался. Преклоняюсь перед пронизательностью Н.Я.
- 4   Ахматова А. Из трагедии “Пролог, или Сон во сне”.

У меня нет третьего тома¹.

Кстати, я вполне понимаю вас. Я была оптимистична, когда мы познакомились. Это было давно. А теперь я слишком стара для оптимизма.

.....

---

6 АПРЕЛЯ <1970 Г.>

Дорогой Кейс,

очень рада была получить ваше письмо. Большое спасибо за книгу о Шенберге. Как вы знаете, я его очень люблю.

Я полностью согласна с вами в том, что Ахматова великий поэт, хотя в молодости и в старости она потворствовала своему *ego*. Но поэт — не святой, и ему позволено иметь свои слабости. У Ахматовой в старые годы всё еще появлялись прекрасные стихи. Напоминаю вам “Родную землю”.

Я бы хотела говорить вам всякое не только мысленно. В первой половине июня буду здесь, а летом в Переделкине. Хорошо бы знать заранее, когда приедете. Вы знаете мой телефон, так что сможете мне позвонить.

Приезжайте. Давно пора это сделать.

Н. Мандельштам.

.....

<8 АВГУСТА 1970 Г.>

Дорогой Кейс!

Я очень рада, что вы можете приехать. Пожалуйста, позвоните, когда приедете. В самый день приезда. Так? Договорились?

.....

¹ Имеется в виду третий том собрания сочинений О. Мандельштама под редакцией Г. Струве и Б. Филиппова, вышедший в 1969 г.

Вы, наверно, знаете мой телефонный номер. А если его забыли, даю его еще раз: 126–67–42. Не забывайте, что буду ждать вашего визита (или звонка) в первый же день.

Принесите мне коробку пастелей “*Rembrandt*”. Если будет стоить слишком дорого, попросите денег у издателей Мандельштама. Они будут в состоянии купить мне коробку пастелей, правда?

И лекарство с названием “*Roter*” (голландского производства — от язвы). (2 коробки). Это для меня.

Приезжайте. Ваша. Н. Мандельштам.

.....

⟨ 7 ДЕКАБРЯ 1970 Г. ⟩

Мой милый Кейс!

Спасибо вам большое за письмо и за фото¹. Они очень хороши.

Я стала такой ленивой, что даже не в состоянии писать письма. Это мне не под силу... Но я очень рада получать их. Надеюсь, вы не забудете меня и будете время от времени писать мне несколько слов.

Я потеряла ваш адрес².

Прошу написать мне, что получили это письмо.

Н. М.

.....

1 Фотографии были сделаны мной в сентябре 1970 г., и первая из них в 1971 г. была использована для фронтисписа и суперобложки голландского издания “Воспоминаний” Н. Я. в моем переводе. В 1972 г. она же появилась, но без указания источника, в издании ИМКА-Пресс “Второй книги”. Третье, и также без указания источника, я обнаружил в кн.: ДУТЦ Р. *Mandelstam. Eine Biographie*. Frankfurt, 2005. S. 545.

2 На конверте адрес, однако, написан без ошибок, хотя и довольно шатким почерком, как и само письмо.

31 ИЮЛЯ <1971 Г.>

Дорогой Кейс!

Я была очень рада получить ваше письмо. Получила его вчера, когда вернулась с дачи. Я ездила от одной дружеской дачи на другую и от этого смертельно устала...

Вы спрашиваете о значении “пеньковых речей”¹. Пенька — материал, из которого делают веревки. И для какой цели употребляются веревки, это Вы знаете (к черту всё это!)². Значение такое: “полные ненависти”.

Вы собираетесь остаться в Риме надолго? Мне бы это было невозможно потому, что я не католичка. Может быть, Вы католик или нет?³

У меня есть Ваши книга и статья⁴. Спасибо за них. Книга хорошая, но зачем вы интерпретируете “что я живу в последний раз”⁵, как “пишу”? Индейцы, например, думают, что оживут в облике какого-нибудь ребенка (человеческого существа) или животного. А она не думает так. Даже не думаю, что она верила в “невременную жизнь”, в жизнь, которая нам только обещана (“а остальное только

.....

- 1 Из стихотворения О. М. “Квартира тиха, как бумага...”.
- 2 Идиома “hang it!”, переведенная мной как “к черту всё это!”, имеет буквальное значение “повесить это!”. Двуязычная игра слов Н. Я. основана на выражении, вышедшем из общего употребления в современном английском, но часто встречающемся, например, в классических романах XIX века.
- 3 В устных высказываниях Н. Я. при мне подчеркивала свою сильную симпатию к католицизму. Вспоминается такая фраза: “Если б я не была крещеной православной, я бы, вероятно, стала католичкой. Протестантизм меня никогда не привлекал”. Особенно в первый период нашего знакомства, судя по всем признакам, ее самое любимое мандельштамовское эссе было “Чаадаев”. Со временем наши разговоры стали чаще касаться вопросов веры и вероисповедания. Однажды, выслушав мое утверждение, что, хотя родители меня и крестили в Нидерландской реформатской церкви и в ней же я как взрослый прошел свою конфирмацию, я считаю себя христианином без ограничений и с тем же жаром участвую в православной литургии, как и в католической мессе или протестантской службе, Н. Я. реагировала вопросом: “У вас всё через Христа, правда? И только через Христа? Это хорошо, я рада”. Затем пошел поток моих сомнений насчет официальных блюстителей веры и их претензий на авторитет. А в ответ Н. Я. спокойно: “Вы до Церкви еще дорастете”.
- 4 Имеются в виду книга “Тема времени в поэзии Анны Ахматовой” и статья “Гражданские темы в поэзии Анны Ахматовой”.
- 5 Из стихотворения Ахматовой “Но я предупреждаю вас...”.

обещанье”, как сказал О. М.¹, действительно веривший в будущий мир). Лично я верю в тот мир и потому не боюсь смерти, которая приближается очень быстро.

Не забывают меня.

Приезжайте сюда. Н. Мандельштам.

Вы стали очень хорошо владеть русским. В письме встретилось только две ошибки. Не “хожу к дому”, а “подхожу”. Не “трудно понятно”, а “мало понятно” или “трудно понять”.

Я когда-то была преподавательницей... Делать нечего.

.....

«12 МАЯ 1972 Г.»

Дорогой Кейс! Буду очень рада увидеть Вас, но скажите мне заранее, когда приедете, чтобы я могла быть в городе к тому времени. Нельзя остаться здесь летом. Поэтому буду жить в деревне. Если буду знать заранее, приеду встретить Вас. Будем пить чай у меня на кухне, правда? Не забывают сообщить мне. Надеюсь, всё будет в порядке. Приезжайте, пожалуйста приезжайте, приезжайте...

Сообщите и Наталье Владимировне². Не забывают. С множеством поцелуев,
ваша Надежда Мандельштам.

.....

1 Из стихотворения О. М. “Есть женщины, сырой земле родные...”.

2 Н. В. Кинд, любимая подруга Н. Я., жила вместе со своим тогдашним мужем И. Д. Рожанским на полпути от дома Н. Я. до моей комнатки в общежитии МГУ. Н. Я. направила меня к ним сразу по окончании нашей первой беседы весенним воскресным утром 1967 года. С тех пор “дом Рожанских”, в котором регулярно собиралась отборная компания из тогдашнего культурного андеграунда, стал и для меня как бы родным домом в Москве.

Послесловие голландского гостя .....

...При прощальной встрече с Н. Я. в конце моей годичной стажировки в Москве речь зашла и о возможности нашей будущей переписки. Подумав несколько секунд, Н. Я. решила, что будем переписываться “нормально”, по почте, но из-за цензуры, которая непременно будет открывать нашу корреспонденцию, будем придерживаться бытовых тем и сообщений, по возможности связанных с моей литературоведческой работой. А писать она будет по-английски — тогда у “них” будет меньше подозрений. Хотя смысл употребления чужого языка до меня не дошел, я, естественно, не стал возражать. А теперь, собрав и перечитав пожелтевшую пачку писем своей корреспондентки конца 1960-х — начала 1970-х годов, в ее выборе языка, на котором мы с ней почти никогда не говорили, я склонен усмотреть в первую очередь иную, нежели конспиративная, причину.

Незаурядная языковая одаренность Н. Я. проявлялась по-разному: и в образцовой прозе ее двух книг, и в ее легендарной памяти на стихи, и в колоритности ее устной речи. Но также и в ее привязанности к языку, который помог ей пережить самые одинокие годы жизни в Советском Союзе. Выйдя на пенсию, оказавшись в самом центре интеллектуальной столичной жизни, она как бы невольно заскучала по предмету своей преподавательской карьеры в тишине провинции. Возможность поупражняться в переписке в употреблении всяких изящных оборотов, фразеологизмов и вежливостей, характерных для английского языка, явно была ей в радость. Ее письма изобилуют, иногда до странности, выражениями непереводаемыми и даже немислимыми в иной, нежели англосаксонская, среде. И в этом порой их трогательный комизм. Но в этом же и их обаяние. В стиле своего перевода я попробовал хотя бы местами намекать на непринужденный шарм и богатство оригинала.

Впрочем, неуклюжести во владении иностранными языками были неизбежны в обстановке продолжительной изоляции советской страны от остального мира. Отсутствие реальной практики у лингвистов, естественно, проявлялось и на уровне разговорной речи. Свидетельство того — единственное телеинтервью Н. Я., взятое у нее амстердамским журналистом и режиссером Франком Диамантом. Весной 1973 года, по просьбе солидной радиокомпании в Хильверсуме, я привел Диаманта к Н. Я., предварительно заручившись ее согласием. По предложению Н. Я., интервью состоялось 1 мая — в день, когда в гуще праздничной толпы приближение к ее дому группки иностранцев будет минимально заметно. Интервью-

ер сразу понравился Н. Я., которая улыбнулась ему теплой улыбкой: “Вы похожи на Осипа Мандельштама!”

Но вскоре после того, как камера была включена и началось интервью, стало ощущаться серьезное коммуникативное затруднение. Вопросы, поставленные с легким, но непривычным акцентом, даже после трехкратного повторения оставались непонятными для Н. Я. С другой стороны, ее интересные, ясно и с остроумием сформулированные ответы, тоже по-английски и тоже с акцентом, явно не доходили до сознания Диаманта без моего голландского перевода. К тому же, по моему ощущению, Н. Я. всё более разочаровывалась в реальном знании и понимании у своего собеседника стержневого предмета интервью — поэзии Мандельштама и идей, изложенных в ее собственных “Воспоминаниях”. В результате то ли с усталости, то ли со скуки она, как мне показалось, стала разыгрывать знаменитость в возрасте, произносившую прямо в камеру ряд шокирующих афоризмов, в том числе и резко диссидентских.

По общему совету — моему и двух обеспокоенных московских друзей Н. Я., следивших из кухни за ходом интервью в “зале”, Н. Я. взяла у Диаманта обещание, что фильм будет впервые показан только после ее смерти. Как и было условлено, премьера этого киноинтервью состоялась по нидерландскому телеканалу в предпоследний день 1980 года — на завтра после кончины Надежды Мандельштам. Оказалось, что благодаря успешному монтажу Диаманту всё же удалось достойным образом представить этот уникальный документ.

Нижеследующий набор писем заканчивается 1972 годом. Не думаю, что были еще и письма, полученные мной позже от Н. Я. и как-нибудь потерянные. Если просматривать существующую коллекцию в хронологическом порядке, процесс старения Н. Я., заметный и по ее “Воспоминаниям”, “Второй книге” и “Третьей книге” в их временной последовательности, становится наглядным в смене настроений, в развитии почерка и прямых высказываниях о всё возраставшей неохоте к физическим и ментальным усилиям писания. Как часто я еще бывал у Н. Я.? В точности не скажу. В течение семидесятых годов я приблизительно раз в два года ездил в Россию и, будучи в Москве, никогда не упускал позвонить Н. Я. по известному телефону и быстро затем посетить квартиру на Большой Черемушкинской. По дневниковой записи моего партнера выходит, что в ноябре 1980-го мы последний раз навестили Н. Я. и сидели у ее постели, развлекая ее по возможности.

Копий своих писем я не хранил и даже забыл, на каком языке я их писал. Но по письму от 31 июля 1971 г. как будто выходит, что либо все они, либо их часть была написана по-русски. Недав-

но Павел Нерлер обратил мое внимание на наличие одного моего письма, по-видимому, самого первого, в мандельштамовском архиве в Принстоне, и послал мне э-мейл с его содержанием. Я был от души рад этой информации, но всё же не стал включать его в настоящую подборку.

КЕЙС ВЕРХЕЙЛ, 2014 г.

.....

ДЖЕННИФЕР БЕЙНЗ

ВОСПОМИНАНИЯ О НАДЕЖДЕ ЯКОВЛЕВНЕ

(Перевод с английского В. Литвинова)

.....

Первая и, конечно, самая памятная для Надежды Яковлевны встреча с англичанами произошла в детстве, когда она каталась на лыжах в Швейцарских Альпах. Она уронила перчатку, и англичанин склонился перед ней на одно колено, поцеловал ей руку и протянул ей перчатку, навсегда повлияв на наш (не помню, чтобы она употребляла слово “британцы”) образ в ее глазах как народа чинного и с утонченными манерами. И когда летом 1967 года я впервые оказалась на пороге ее квартиры на Большой Черемушкинской улице, мой рыцарственный предшественник в какой-то степени открыл передо мной ее двери.

Она только что вернулась из-за города для того, чтобы побывать на похоронах Ильи Эренбурга, которые состоялись за день до этого, и потому ей казалось, что в квартире слишком сильный беспорядок, чтобы принимать гостей несколько дольше, чем на самый краткий визит. Письмо в Ленинград к Д. Е. Максимову от руководителя моей диссертации Дмитрия Оболенского свидетельствовало о моих благих намерениях¹, и я упомянула оба этих имени. Возможно, что сам набор этих титулов — профессор (Оксфорд), князь (Россия) и сэр (Британия) — и репутация Оболенского как византиниста и историка русского Средневековья тоже сыграли свою роль в том, что она приняла незнакомку прямо с порога. Ее собственная диссертация об англосаксонском винительном падеже — единствен-

.....

1 *Bona fides.*

ная карточка на фамилию Мандельштам в Ленинской библиотеке того времени, — также говорила о ее симпатии к английскому языку и литературе, что было всё же большой редкостью в тогдашнем СССР.

Мы договорились о том, что я приеду через год, и она тогда мне поможет со справочным материалом и выверенным текстом стихов, в то время отсутствовавшим на Западе, несмотря на великолепную работу Глеба Струве и Бориса Филиппова в первом томе Вашингтонского издания.

Я вернулась через пару недель после крушения Пражской весны в августе 1968 года и в нездоровой обстановке того времени едва надеялась на сотрудничество, не говоря уже о помощи. Но Н. Я. безоговорочно меня приветствовала, отметила мою стройную (в то время) английскую шею и угостила первым из многих стаканом крепчайшего чая, густого, почти как патока, ибо она знала, что англичане любят крепкий чай. Для человека, предпочитавшего, чтобы чайные листья минимально контактировали с водой, это было по меньшей мере проблематично, но мне было невозможно развеивать это заблуждение, и, как бы то ни было, в соответствии с ее оценкой английских манер я, очевидно, не могла выказывать ничего, кроме удовольствия от ее чая...

Мои посещения проходили по одному и тому же шаблону. Она вручала мне кипу своих напечатанных под копирку комментариев к отдельным стихотворениям и настаивала на том, что комментарии я должна делать только по-английски и говорить мы должны только по-английски из-за “дырочки”¹ в потолке. Я привыкла к этому в общежитии МГУ, где жила: микрофон, идущий к магнитофону, скрывался за подозрительно гладким куском стены и иногда даже издавал шум, рассеивая все сомнения. Иногда она уезжала на такси, высаживая меня около станции метро, но это происходило с условием, что я не должна говорить ни слова. Вероятно, она учитывала неизбежный обыск моего багажа в поисках рукописей на обратном пути. Необходимость вести записи по-английски очень затрудняла процесс. Дело было не только в том, что мой русский тогда был небогат, но я не могла мгновенно придумать подходящий перевод, и делом чести было не транслитерировать русский текст, что могло бы очень сильно помочь.

Однако это привело к двум большим достижениям: был установлен намного более точный текст (хотя датировка различных стихотворений решительно оспаривалась в более поздних изданиях) и то, что намного бóльший биографический контекст и указания на

.....

контексты литературные вышли в свет в Западной Европе, уравновешивая явно гротескные спекуляции и ложную информацию из имевшихся в то время эмигрантских источников. Тем не менее моя наивность начинающей аспирантки и безыскусное владение русским языком привели к некоторым неправильным толкованиям. То же, что Надежда Яковлевна давала мне случайные обрывки без какого-то особого порядка, означало, что в поэзии нет линейного развития и между разделами существуют большие пробелы, когда первая и последняя страницы обрывались на середине предложения.

То, что я в конечном счете написала, было неполно и иногда прямо вводило в заблуждение, но она сказала, что это “вполне хорошо”, и для меня это было высшей похвалой. Недавно Юрий Фрейдин сказал мне, что Н. Я. была рада этой публикации, потому что интерес к Мандельштаму, вызванный вашингтонским изданием и изданием в серии “Библиотека поэта”, как и первоначальный энтузиазм по отношению к нему в литературном бомонде (в Британии они собирались в Хэмпстеде¹) угасли, и потому напоминание о творчестве Мандельштама было весьма своевременным.

Она направила меня к Ирине Михайловне Семенко, чтобы я могла списать у нее черновые наброски “Грифельной оды”. У нее я познакомилась с разнообразными молодыми людьми, которые постоянно к ней приходили, например, была приглашена к Ю.И. Левину посмотреть на его ошеломляющую коллекцию изданий поэзии Серебряного века. Частыми ее посетителями были Бродский и Шаламов, как и она, демонстрировавшие выдающееся мужество и презрение к органам и открыто общавшиеся с иностранцами (не забывайте о времени, когда это происходило!). Таким же был и художник Вейсберг, к которому она также меня направила. Было приятно снова увидеть некоторые его работы на недавней ретроспективе в Москве.

Карл и Эллендеа Проффер также были приняты у Надежды Яковлевны, но с Кларенсом Брауном я познакомилась позже, когда он проводил годичный академический отпуск в Лондоне. Он рассказал мне о некоторых аспектах ее жизни, не предназначенных для таких невинных девушек, как я, например, о ее требовании регулярно поставлять ей “лекарство”, то есть бренди. Меня она просила покупать рыбу в магазине британского посольства, что нам дозволялось, но в весьма ограниченном режиме. Рыба предназначалась для ее брата: Евгений Яковлевич тогда плохо себя чувствовал. Элегантный, очаровательный, в высшей степени учтивый, он был совершенным джентльменом, и она явно его обожала. Отноше-

.....

ния с невесткой у Н. Я. были несколько натянутые, что не мешало ей просить меня о присылке для нее красок.

Первые письма были написаны сразу после моего первого визита в сентябре 1967 года. Переписка продолжалась вплоть до того года, который я провела в Москве с сентября 1968-го по июнь 1969 года, затем она возобновилась после моего возвращения в Британию. Ответы на вопросы, которые я ей задавала, были совершенно очевидны, да и сами вопросы демонстрировали обескураживающее невежество, но она терпеливо отвечала, хотя иногда и довольно туманно. Не думая об этих письмах как о части архива, я не хранила конверты, поэтому уточнить даты недатированных ответов можно только по моим соответствующим письмам, в которых содержались вопросы, на которые она отвечала. Некоторые из моих писем и посылок с книгами до нее не дошли.

Необычайно, что ей приходилось тратить так много времени и выказывать об мне такую заботу! Она продолжала предлагать мне задавать ей вопросы, хотя ее собственное здоровье было уже нестабильным и хотя у нее были куда более значимые дела, связанные с миссией сохранения поэзии Мандельштама и памяти о его судьбе. Она активно интересовалась темой моей диссертации, которая, вероятно, казалась ей крайне неудачной.

Когда она умерла, редактор литературного отдела “Санди Таймс” позвонил мне и попросил через два часа дать некролог¹. Я была рада сделать это, мне хотелось, чтобы ее имя по-прежнему звучало в Британии, как после публикации ее воспоминаний на английском языке, и чтобы понимание творчества Мандельштама углублялось по мере расширения его изучения в академических кругах.

.....

Леонид Григорьян

НЕИЗВЕСТНОЕ СТИХОТВОРЕНИЕ О. МАНДЕЛЬШТАМА

(Публикация и примечания Г. Кубатьяна.

Предисловие П. Нерлера)

.....

Жил-был в Ростове-на-Дону поэт и переводчик Леонид Григорьевич Григорьян (27.12.1929, Ростов — 30.8.2010, Ростов). Вы-

.....

пускник историко-филологического факультета местного университета (1953), с 1954 по 1989 г. он проработал в родном городе на кафедре латинского языка мединститута.

Печатался с 1966 года (первая публикация — в “Новом мире”, затем “Дон”, “Дружба народов”, “Москва”, “Знамя”, “Звезда” и др.). Автор шестнадцати поэтических сборников, изданных главным образом в Ростове, но также в Москве (“Друг”, 1973, с предисловием Л. Озерова) и Ереване (“Вечернее чудо”, 1988, с предисловием С. Чупринина). Тираж одной из этих книг (“Дневник”, 1975) из-за “антисоветской диверсии” (маленького цикла “Римская история”) решением Ростовского отделения Союза писателей СССР был уничтожен. Кроме того, он писал эссе, переводил армянскую поэзию и французскую прозу (его переводческий дебют — “Падение” А. Камю, появившееся в майской книжке “Нового мира” за 1969 год).

В советское время на протяжении многих десятилетий он был, пожалуй, центральной фигурой ростовского андерграунда — неофициальной культурной среды. Его близким другом был прозаик Виталий Семин, в его доме бывали Б. Окуджава и В. Аксёнов, в Москве он тесно общался с Ю. Домбровским и Ф. Искандером...

Осип Мандельштам был любимым поэтом Леонида Григорьяна. Вот его стихотворение “Памяти Осипа Мандельштама” (1966, опубли. в 1989):

Переписаны наново роли,
Подмалеваны ловко черты,
И затвержены, точно пароли,
Партитуры державной листы:

Как смеяться, и прыгать, и славить,
Как не видеть потрав и заплат...
Да горбатого, видно, исправит
Деревянный промозглый бушлат.

Затесавшись в толпу торопливо,
Всем смятеньем последней тоски
Ты находишь в кровавых подливах
Замордованных судеб шматки.

Планомерно хлопочет Ходынка,
Холуи замывают следы.
И глядит с постаментов владыка
Этой смуты и этой беды.

Гонит прочь вышибала вокзальный,
Накапились торцы добела.
И к устам твоим Век-целовальник
Тянет Кубок Большого Орла.

Тихой сапой шевелится плаха.
Тут хитри не хитри — всё одно.
Спой любимую, вольная птаха!
Для того тебе горло дано.

И не такая уж и случайность, что именно Леониду Григорьяну мы обязаны чудесным спасением стихотворения Мандельштам “Где ночь бросает якоря” (1917). Об этом как о чуде поведала вдова поэта во “Второй книге”, об этом же рассказал и сам Григорьян в заметке, републикуемой в настоящем издании.

Вскоре после столь памятного для обоих визита к Надежде Яковлевне Леонид Григорьян написал ей письмо, на которое она ответила лишь спустя некоторое время¹.

Дорогой Леонид Григорьевич!

Я вам страшно благодарна за ваш неожиданный и неслышанно для меня важный подарок. Он пришел почти на мой день рождения. Так что я даже сочла это маленьким чудом.

Благодарю вас от всей души.

Ваша Надежда Мандельштам

Простите, что я задержала ответ: я болела, и болел мой брат.

Фотокопия этого письма хранится в Историческом архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете. Здесь же находится и фотокопия дарственной надписи, сделанной Н. Я. Л. Г. Григорьяну на форзаце “Разговора о Данте”: “Леониду Григорьяну в память о нашей встрече эту первую за сорок лет книгу”.

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

.....

Во “Второй книге” своих воспоминаний Н. Я. Мандельштам упоминает о том, как ее подруга привела к ней “молодого поэта из Ростова” и как внезапно у того обнаружилось потерян-

.....

1

Бременский архив. Дата отсутствует, датируется по контексту концом 1965 г.

ное стихотворение Осипа Мандельштама. Поскольку я и есть тот самый “молодой поэт из Ростова”, постараюсь вспомнить, как это произошло.

Случилось это зимой 68-го года. Мать моего московского друга Алексея Аренса — Елена Михайловна (вдова расстрелянного в 1937 г. дипломата Ж.Л. Аренса) предложила мне навестить Надежду Яковлевну Мандельштам, свою давнюю подругу. Жила Н.Я. в Черемушках в однокомнатной квартире. В те времена она почти не выходила из дому — хворала, и знакомые по пути к ней обычно покупали кое-какую провизию. Так поступили и мы с Еленой Михайловной, а заодно я прихватил бутылку водки, чтобы потом отметить с Алексеем какое-то торжество.

В первую минуту лицо Н.Я. поразило меня своей неправильностью, некрасивостью, оно было изборождено глубокими морщинами и казалось даже не старым — древним, если бы не внимательные, полные ума и живости глаза. Мы сидели на ее кухоньке, пили очень крепкий чай, который Н.Я. заваривала прямо в чашках. Непрерывно курила свой “Беломор”. Сначала Н.Я. говорила мало, больше расспрашивала. Она была так проста, доброжелательна, естественна, что первоначальная робость моя вскоре улетучилась. К сожалению, тогда я не записал нашего разговора, и сейчас его нелегко досконально припомнить.

Лучше запомнились ее хлесткие и обычно точные аттестации некоторых тогда еще живущих писателей. Оценка Н.Я. во многом определялась их отношением к Мандельштаму, но в общем-то совпадала с реальностью. “Катаев? Законченный приспособленец и циник. Помню, как он после ареста Осипа, завидев меня, перебежал на другую сторону улицы. Жена его, Эсфирь, навещала меня втайне от него”. Я упомянул недавно прочитанный ядовитый памфлет Евг. Шварца о К. Чуковском. “Не знаю, зачем это понадобилось Жене Шварцу. Корней Иванович — благороднейший человек. Помню, как в Ташкенте он целовал в плечико каких-то противных милиционеров, чтобы меня не выгнали от Анны Андреевны, у которой я жила без прописки. Совсем не случайно в его семье выросли такой славный, хоть и ограниченный человек, как Коля, такая умница и подвижница, как Лида”. Об Эренбурге, которого я по многим причинам недолюбливал, сказала так: “Но поймите, он всю жизнь ходил по краю пропасти”. “А в последние годы, — заметил я, уступая, — даже шагнул за край”. Н.Я. улыбнулась: “Нет, Леонид, так только казалось, это и был край — у Эренбурга было удивительное чувство края”.

Узнав, что я из Ростова, она сразу же вспомнила “Семь в одном доме” Виталия Семина. “Это прекрасная, правдивая

вещь. Я читала ее с волнением и в Муле узнавала себя”. Я поразился: простая баба с ростовской окраины — Муля и многознающая, интеллигентнейшая Н. Я.! “Нет, вам этого не понять. Семин открыл в этой бой-бабе и неунывающей труженице нечто универсальное, общеженское, хоть и связанное именно с нашим временем, и во мне тоже есть такое”.

Потом Н. Я. показала мне тоненькую папочку с выцветшими и ветхими мандельштамовскими рукописями.

И вдруг Елена Михайловна Аренс сказала: “Взгляните, Надя, как в Ростове издают Мандельштама”. Я вынул из портфеля толстый том машинописных стихов, собранных с бору по сосенке, а заодно и фоторепродукцию рисованного портрета Мандельштама в полосатой тюремной робе — рисунок в стиле Мазереля¹. “Нет, это не Осип, — сказала Н. Я. — Художник явно никогда его не видел. Кстати, Осипа представляют почему-то маленьким, а он был человеком среднего роста, скорее высоким”. Отвергла она и принадлежность Мандельштаму очерка “Гротеск”, тогда еще неопубликованного². Видимо, не хотела, чтобы мой несовершенный, изобилующий опечатками машинописный список “Гротеска” имел хождение как мандельштамовский. Но предоставляю слово самой Н. Я.:

“Я видела тысячу переплетенных машинописных книг и равнодушно открыла тысяча первую. Всё было как всегда, но я тут же, листая, наткнулась на полный текст потерянного стихотворения, с одним, правда, искажением, которое я легко исправила по памяти. Выяснилось, что оно было записано в экземпляр «Стихотворений», купленных у букиниста. Вероятно, это была книга Лени Ландсберга. Стихотворение оказалось более жизнестойчивым, чем автор и хранитель”³.

Уточню. Стихотворение было действительно записано на последней странице “Камня”, переизданного ГИЗом в 1923 году, наряду с другими стихами, не вошедшими в книгу, но в шестидесятые годы уже известными. Книжку эту я брал у ростовского поэта

.....

- 1 Мазерель Франс (Мазереель; 1889–1972) — бельгийский художник; его экспрессионистская по духу графика часто строится на контрастах белого и черного.
- 2 Очерк тем не менее принадлежал О. Мандельштаму. Впервые: *Обозрение театров г. Ростова и Нахичевани-на-Дону*. 1911. № 6. 29 января — 1 февраля. С. 5.
- 3 *Собр. соч.* Т. 2. С. 484. Перед этим шла фраза: “...моя подруга, с которой я жила в Калининске после смерти Мандельштама, сказала, что ко мне рвется молодой поэт из Ростова. Я уклонилась от встречи, но она его всё же привела”. Человек чрезвычайно деликатный, Л. Григорьян не стал опровергать мемуаристку — просто рассказал, как он у нее очутился. “Рваться” к кому-то, навязываться было не в его натуре. К примеру, с А. А. Тарковским, который дал ему рекомендацию в Союз писателей, Григорьян так и не познакомился лично: бывая в Москве, стеснялся позвонить.

Дмитрия Зиомира¹, а тому подарил ее известный библиофил Илья Иванович (фамилию не помню). К последнему книга, вероятно, попала от юриста Л. Э. Ландсберга², который в свое время был близко знаком с О. Мандельштамом и М. Волошиным и, по слухам, имел немало их рукописных текстов. К тому времени он уже умер, умерла и жена его, брат будто бы переехал в Москву, и архив Л. Э. Ландсберга бесследно исчез.

Н. Я. тут же переписала стихотворение, а под его текстом в моем томе сделала такую запись: “Случилось чудо: это стихотворение было только у одного человека — я смутно помню его фамилию. Он, вероятно, погиб, и я считала, что стихи пропали. Вот как я нашла их благодаря своему другу Люле (Е. М. Арнс. — Л. Г.) и Лене Григорьяну. Надежда Мандельштам”.

Что и говорить, я был тогда счастлив, что невольно помог воскрешению еще одного мандельштамовского стихотворения. Н. Я. расспросила меня о Ландсберге, я смутно помнил маленького горбуна на костылях, как говорили, прекрасного юриста, тонкого и высокообразованного человека. Н. Я. ошиблась, он умер своей смертью в Ростове уже после войны. “Неплохо бы отметить нашу находку”, — сказала она, и я с некоторым сомнением извлек из портфеля бутылку. “Подойдет ли?” — “Разумеется”, — сказала Н. Я. *И мы выпили*³.

Вот текст стихотворения с незначительной правкой Н. Я. В 1971 г. оно было напечатано во втором томе зарубежного четырехтомника О. Мандельштама. У нас же, насколько мне известно, стихотворение до сих пор не публиковалось.

Где ночь бросает якоря
В глухих созвездьях Зодиака,
Сухие листья октября,
Глухие вскормленники мрака,

Куда летите вы? Зачем
От древа жизни вы отпали?
Вам чужд и странен Вифлеем,
И яслей вы не увидали.

.....

- 1 См.: Григорьян Л. “Я ощущал объемы бед...” О Дмитрие Зиомире // Дон. 1994. № 4–5. С. 119.
- 2 Ландсберг Леонид Эммануилович (ок. 1899–1957), знакомый О. М. по Харькову.
- 3 Эту фразу, по словам Л. Григорьяна, в редакции газеты сняли буквально в последнюю минуту. Говорил он об этом со смехом, как о рецидиве антиалкогольной кампании.

Для вас потомства нет — увы! —
Бесполая владеет вами злоба,
Бездетными сойдете вы
В свои повапленные гробы,

И на пороге тишины,
Среди беспамятства природы,
Не вам, не вам обречены,
А звездам вечные народы.

1920

.....

Оседлые семидесятые

Пэгги Троупин

**МУДРЕЦ И АСПИРАНТКА —
О НАДЕЖДЕ ЯКОВЛЕВНЕ МАНДЕЛЬШТАМ¹
(1970–1971)**

(Перевод с английского П. Троупин)

1 .....

Бывают такие сказки, герой которых покидает свой дом и отправляется в дальние края в поисках судьбы и счастья. Он не сомневается ни в цели, ни в направлении своего путешествия. Он шагает уверенно и жизнерадостно и радуется тому, что достиг, как ему кажется, полной независимости. Правда, время от времени к нему все-таки приходит сомнение, но он его подавляет, полагаясь на свою смелость и надеясь на удачу.

На своем пути наш встречается с мудрым стариком, который предупреждает его о возможных трудностях и опасностях.

.....

1 Я выступила с этими воспоминаниями на конференции, посвященной Н. Я. Мандельштам, в Принстонском университете в октябре 2001 г. Настоящая публикация является переводом английской первопубликации: Troupin P. Towards a Personal Memoir of Nadezhda Yakovlevna Mandelshtam // Russian Review. 2002. Vol. 61. №4 (October). P. 495–502 (печатается с разрешения журнала и издательства John Wiley & Sons, Inc.).

Советует, куда идти, с кем встречаться, что надо и что не надо говорить или делать. Мудрец произносит загадочные слова и приоткрывает тайны, сами объяснения которых непонятны нашему герою. События становятся похожими на сон, то, чем они казались раньше, преобразуется в нечто совсем иное. Люди меняют свой облик и приоткрывают свою истинную природу. Встреча с мудрецом неожиданна, последствия ее неизвестны. Но благодаря ей наш герой оказывается на новом этапе своей жизни.

Это именно то, что случилось со мной, а мудрец, которого я встретила на своем пути, — Надежда Яковлевна Мандельштам. Было это в Москве в 1970 году, в напряженный и тяжелый брежневский период, наступивший после так называемой “оттепели” в 1960-е годы. Я этих поворотов не испытывала и еле сознавала, что происходит вокруг меня. Я просто шла навстречу своему будущему и верила в свою удачу.

Надежда Яковлевна оказывала глубокое влияние на людей. В ее присутствии невозможно было обращать внимание на кого-то еще, я помню ее как сейчас. Я возвращаюсь по тропинке моей памяти, и сорока лет как не бывало. Вот она в конце этой тропинки, крохотная за своим столом на кухне, в шали и с папиросой, смотрит на меня и повторяет надтреснутым голосом: “Девочка, где ты была?”

Тогда я была на пятьдесят лет моложе Надежды Яковлевны. Теперь мы почти ровесники. Я смотрела в будущее с восхищением и любопытством. Теперь я понимаю, что значит иметь прошлое и скептически смотреть на то, что предстоит.

Перед той поездкой в Москву моя жизнь шла сравнительно ровно — школа, колледж, аспирантура. Моя семья отличалась своей преданностью логике. Если ты с кем-нибудь спорил и тот сказал “это нелогично”, то всё, конец дискуссии. Я видела мир как огромный университет. В этом рациональном мире я пользовалась простым методом, чтобы решать любую проблему: достать список рекомендованных книг, выполнять задания, готовиться к экзамену. Мой жизненный опыт совершенно не готовил меня к тому, с чем я столкнулась в Советском Союзе, где слова “это нелогично” были сами по себе бессмысленны и только вызывали приступы смеха у моих новых русских друзей.

В августе 1970 года я оказалась в Москве как член американской делегации по официальному “обмену учеными” между США и СССР. Это была строго регулируемая нить сообщения с Западом, в которой советская власть нуждалась, хотя это был период холодной войны. Советский Союз послал в США приблизительно тридцать ученых, которые провели год в различных американских лабораториях. США послали главным образом ли-

тературоведов и историков со знанием русского языка и культуры. Именно это знание вызывало у советских чиновников глубокое подозрение.

Я была на начальном этапе исследования творчества поэта Марины Цветаевой, которая эмигрировала в 1922-м и, вернувшись в СССР из Франции в 1939-м, покончила с собой в 1941 году. Советская идеология ее категорически не принимала. В этот период “политических заморозков” трудно было понять, почему советский комитет по обмену с США одобрил мое предложение об изучении ее стихов, архивов и рукописей. Может быть, это и было начало темы “это нелогично”?

Для молодых американских славистов того времени командировка в Советский Союз была *rite de passage*, необходимая для карьеры. Я потратила годы на чтение классиков русской литературы — от протопопы Аввакума до Блока: для человека, влюбленного в книги, — сладостная диета. Благодаря строгим гарвардским преподавателям я говорила тогда на грамматически правильном русском языке, но со старомодным привкусом, что было, как я позже узнала, иногда очень забавно. Моим московским друзьям казалось, что среди них вдруг появился персонаж из романа XIX века.

Должна признаться, что тогда меня больше всего беспокоили такие типичные для аспирантки вопросы, как то: знаю ли я о Марине Цветаевой достаточно много? Видно ли другим, как я только лишь стараюсь понять Цветаеву и что я толком не знаю даже то, как мне начать писать диссертацию? Все эти “тревоги” оказались, однако, напрасными.

С другой стороны, во мне росло восхищение от того, что я далеко от дома (одиннадцать часов полета), что письма шли медленно и что международный звонок надо было заказывать аж за три дня вперед. Я была самостоятельной! я была свободной! И я понимала иронию того, что я нашла свою свободу в стране, где свободы практически не существовало.

2 .....

До моего отъезда из США профессор Кларенс Браун, специалист по сравнительному литературоведению и Мандельштаму, дал мне телефонный номер Надежды Яковлевны. Он хотел помочь мне; кроме того, благодаря моему доступу к дипломатической почте в американском посольстве, это давало ему линию связи с Надеждой Яковлевной. С момента, как я прилетела в Москву, и зная, что комнаты иностранных студентов в МГУ регулярно обыскивали, я держала это письмо в сумке, которая всегда была со мной.

Через пару недель после моего приезда в Москву я позвонила Надежде Яковлевне (из телефонной будки, а не из университета). В тот же вечер она пригласила меня к себе. Ее маленькая однокомнатная квартира была полна народу. Она сказала только: «Я вас ждала», и открыла письмо. Потом представила нескольким людям и к концу вечера, когда я собралась уходить, сказала: «Позвоните мне».

Я позвонила ей месяц спустя, не желая мешать знаменитой писательнице, человеку со столь многими обязательствами и делами. Когда она подняла трубку и узнала мой голос, то сказала с беспокойством: «Где же вы были? Почему не звонили? Никто не знал, куда вы пропали. Я не могу вам звонить *туда*» (т.е. в университет). Я была поражена. Ведь я даже не была уверена, когда звонила, что она меня вспомнит. Запинаясь, не зная, как реагировать, я произносила какие-то слова извинения. «Если вы не заняты, приходите прямо сейчас», — сказала она.

Я совсем не была занята. За всё это время успела всего лишь получить читательский билет в Библиотеку им. Ленина и разрешение пользоваться книгами библиотеки МГУ. (На просьбу пользоваться архивами Цветаевой разрешение пришло за неделю до моего отъезда.)

Я также успела встретиться с моим «руководителем» — главой кафедры литературы МГУ, человеком лет пятидесяти, толстым, с красным лицом и маленькими, как пуговицы, глазами. Я с ним поздоровалась с радостной американской улыбкой и сказала, что очень рада быть в МГУ и изучать поэзию Марины Цветаевой — великого русского поэта. Его лицо стало еще более красным. Когда я спросила, какие классы или семинары он бы мне посоветовал посещать, он гаркнул в ответ, что «никаких классов посещать не надо!». В его голосе была почти угроза, и я ушла, ошарашенная его реакцией. Ведь я получила стипендию именно для того, чтобы здесь заниматься, и когда я вернусь домой, то должна отчитаться именно о своих занятиях. Этот отказ показался мне кошмаром. Много лет спустя, думая об этом, я поняла, что, возможно, и я была для него кошмаром — улыбающаяся американка, якобы аспирантка, сидящая у него в кабинете и желающая обсуждать с ним стихи поэта белогвардейцев¹.

Несколько дней спустя после этой встречи приехавшая из Египта студентка на моем этаже в общежитии (там были только иностранцы) попросила меня пойти с ней на собрание кафедры. Мне не

.....

сообщили о нем, и скоро я поняла почему. Большая комната была полна студентов. “Руководитель” стоял перед нами и около получаса говорил о том, что американские студенты, особенно те, которые грамотно говорят по-русски, на самом деле не студенты, а агенты ЦРУ. (Очевидно, он больше уважал курсы русского языка в ЦРУ, чем в Гарвардском университете.) Они могут дружески улыбаться, продолжал он, но они все шпионы; им нельзя доверять и с ними нельзя иметь дело. После этого мне стало ясно, что общаться или дружить с русскими студентами — исключено.

Поездка от университета до Надежды Яковлевны на Большой Черемушкинской улице, со многими пересадками в пролетарском метро, так похожем на дворец, заняла у меня больше часа. Надежда Яковлевна была одна, и это был мой первый визит днем. Я вошла, и она сказала: “Девочка, вы такая наивная. Вы не понимаете, в какую страну вы попали. Здесь очень опасно. Вы должны мне регулярно звонить. И надо быть осторожной. Они могут делать *всё, что они хотят! Всё!*” У меня, очевидно, был настолько испуганный вид, что она смягчилась. “Ну ладно, — сказала она, — давайте выпьем чаю”, и усадила меня за стол. Она хотела знать всё, что я до сих пор делала и с кем встречалась.

Я уже знала основные правила выживания в СССР — никогда не оставлять записную книжку в комнате (моя была буквально привязана к моему телу); никому не говорить о том, с кем ты встречаешься, даже если эти люди знали друг друга; ничего про знакомых не записывать и, самое главное, не говорить о важных делах и не называть ничьи имена в университетских зданиях и в общежитии. В стенах и потолках были микрофоны; всё записывалось.

Мои американские коллеги одновременно и верили, и не верили в это. Но я однажды удостоверилась сама. Как-то я была в гостинице для иностранцев, чтобы встретиться с американской подругой, приехавшей в Москву на неделю. Придя заранее, я начала искать в холле женский туалет и открыла не ту дверь: в небольшой комнате сидело около десяти молодых людей перед магнитофонами и с наушниками. Мы посмотрели друг на друга, и все остолбенели на десять секунд — как в пьесе Гоголя. Я захлопнула дверь и побежала, говоря про себя: “Это правда. Они нас подслушивают!..” Никто за мной не вышел, но с того случая я всегда говорила “спокойной ночи” потолку в общежитии, частично из жалости — чтобы они тоже могли отдохнуть.

Я рассказала Надежде Яковлевне о моем руководителе в МГУ. Его фамилия была ей незнакома. Она сказала, что постарается узнать, кто он. Через несколько дней, когда я опять к ней пришла, сказала: “Он из КГБ. Высокий чин. Будьте очень осторожны. Его

единственная человеческая черта: он сильно пьет и, когда напьется, читает наизусть стихи Пушкина и плачет. Ха-ха! Старайтесь избегать его во что бы то ни стало”.

“Но как же я могу его избегать? Мне предписали с ним заниматься”, — сказала я, имея в виду американские университетские правила, когда ты должен регулярно встречаться со своим руководителем, посещать семинары, выполнять задания — и только тогда ты получишь кредиты и стипендию.

“Поверьте мне. Вы последний человек в мире, с которым он хотел бы встречаться. Слушайте, моя девочка, — сказала она. — Поступайте, как я велела.... И кроме того: вы занимаетесь не с ним. Вы занимаетесь со мной”.

3 .....

Так я вошла в мир Надежды Яковлевны, и она стала “режиссером” моего русского приключения. Мои связи с МГУ отныне ограничивались ночлегами в общежитии и эпизодическим общением с другими американскими аспирантами. Я бывала у Надежды Яковлевны несколько раз в неделю — и днем, и часто вечером, когда у нее собирались люди. Остальное время посещала разных ее знакомых, с которыми она меня связала: или потому, что они могли бы быть важными для моей работы, или потому, что я могла быть им полезной.

Русские ученые и писатели того времени были крайне изолированы. Переписка с западными коллегами была практически невозможна, зарубежные научные журналы и книги недоступны. После того как Надежда Яковлевна благодаря своим книгам стала известной на Западе, она получила возможность связывать приезжающих ученых и литераторов с русскими коллегами, которым доверяла. Это она считала крайне важным, и двигал ею импульс помогать людям, а может быть, и удовольствие хоть немножко, но подрывать удушающую репрессивную систему. Оказавшись частицей этой ее сетки связей, я успела достать и переслать некоторые нужные для друзей в России материалы по дипломатической почте. После возвращения в США, пока я еще была связана со славянским отделом Гарвардского университета, я могла направлять и других американских ученых и аспирантов к Надежде Яковлевне и ее кругу, продолжая эту тонкую нить.

Мои собственные отношения с Надеждой Яковлевной существовали на разных уровнях. Больше всего она любила визиты днем и говорила, что я была как котенок, который неожиданно появился у двери и потребовал блюдце молока (хотя в моем случае это было

блюдце чая). Иногда она просила приезжать утром. Только проснувшись, она накидывала шаль на ночную рубашку, наливала себе черный, как чернила, чай и курила страшные русские папиросы.

В один холодный ноябрьский день, когда шел серый мокрый снег, я приехала к ней довольно рано. У нее был ужасный кашель. Длинный телефонный провод тянулся через дверной проем около тридцати сантиметров выше пола. Я предложила ей это починить. Можно было споткнуться и упасть, объяснила я. «Не надо, — сказала она. — Я к нему привыкла. После многих лет я поднимаю ногу, как лошадь. Не упаду».

«Ну, по крайней мере, — довольно смело сказала я, — с таким страшным кашлем Вы должны бросить курить эти папиросы. Они опасны!»

«Курение — одно из немногих удовольствий, которые у меня остались, и я не желаю продлить свою жизнь хоть на день», — ответила она. Наверно, у меня было выражение недоумения, потому что она добавила: «Я достигла всего, чего хотела».

Она глубоко затянулась, чтобы подчеркнуть свои слова, и начала ужасно кашлять. Я смотрела на нее молча. Значение слов было ясно, но мне трудно было их понять. Мы были очень далеки друг от друга в этот момент, не только в судьбах, которые нам были даны, но и на этапе жизни: я в самом начале, а она с полным и ясным осознанием конца.

Утренние разговоры были у нас интимные. Она хотела знать всё, что я сделала. Если мне пришлось иметь дело с официальными лицами, она меня учила, как избегать неприятностей. Объясняла, что в любом офисе надо прежде всего понять, кто у них КГБ. «У них обычно бывает чистый письменный стол и никаких бумаг. Когда они говорят, никто с ними не спорит. Ты их также узнаешь по мертвым глазам. Они безразличны ко лжи. Очень важно научиться их узнавать». Урок был очень к месту, и я видела довольно много таких глаз. Они существуют везде, но там они были особенно опасными.

Кроме того, Надежда Яковлевна хотела знать всё о моей семье и предках — так далеко, как только я могла знать. Ее интересовали мои родители, моя жизнь дома, и она очень любила сплетни. Мы говорили о том, что в 1970 году в США развод не очень был принят и аборт не обсуждался. В СССР аборт был почти единственный метод регулирования рождаемости, а развод — почти единственная личная свобода. Надежда Яковлевна знала всё, что происходило в Москве, — романы, скандалы, тещи, свекрови, разводы, беременности, страдания от коммунальных квартир или от отсутствия квартир. Иногда разведенные пары должны были жить вместе, даже с новыми супругами, потому что квартир не было! «Ах, — не

раз говорила Н. Я., — секс очень жестокая вещь, а здесь он более жестокий”.

В Москве было трудно достать еду, особенно мясо. В американском посольстве был продовольственный магазин для служащих, и американские ученые и аспиранты, приехавшие по обмену, могли там покупать продукты. Я время от времени приносила Надежде Яковлевне пакеты еды, но знала, что она их отдавала: среди ее знакомых были почти нищие. Но я хотела ей подарить что-то такое, что она не отдаст. Однажды утром позвонила и сказала, что сегодня приготовлю ей американский обед. Она ответила: “Принесите его”. Тогда я приехала с коробкой риса с длинными зернами (с юга) и с фунтом замороженной рубленой говядины, которую посольство доставляло самолетом ежедневно из Финляндии, потому что американцы не могли бы и дня просуществовать без своих “гамбургеров”.

Мясо я размораживала накануне в своей комнате. Надежда Яковлевна велела мне мерить рис и воду, “а то рис будет испорчен”. Я попросила мерный стаканчик, но она не понимала. “У нас нет таких вещей — возьмите чашку”. Она смотрела на мясо с большим интересом, пока я жарила гамбургеры с небольшим количеством соли. А я, надеясь, что мой подарок ей понравится, смотрела на нее, когда она откусила кусок. Она закрыла глаза и медленно жевала. В конце концов произнесла: “Только до революции я ела такое мясо”. Мы обе сидели молча и ели свой “дореволюционный обед”.

4 .....

Но наши отношения имели и другой уровень — Надежда Яковлевна очень хотела помочь моей академической карьере. Она сама долго преподавала английский язык, и однажды я спросила, не хочет ли она время от времени говорить по-английски. Она ответила: “Нет. Мы будем говорить по-русски — вам это нужно для карьеры; а у меня карьера кончена”.

Она начала меня посылать к людям, которые знали о Цветаевой (стихи ее всегда были со мной с множеством моих вопросительных знаков). Музыка ее стихов меня с самого начала привлекала, но сам язык был во многом таинственным и часто недоступным. Надежда Яковлевна считала, что мне будет очень важно встретиться с дочкой Цветаевой, Ариадной Сергеевной Эфрон, с которой она была не в самом тесном контакте. К концу моего пребывания в Москве она сумела устроить эту встречу. Ариадна Сергеевна провела около семнадцати лет в советских концлагерях и теперь жила в Москве. Людей она почти не видела, с диссидентами не водилась

и вряд ли была склонна встречаться с иностранцами. Я беспокоилась о встрече, опасаясь ее строгости или суровости. Но я недооценила русское гостеприимство и сердечность.

Когда я ездила в Москве по своим делам, мне трудно было найти кафе, буфет или магазин, и часто я весь день не ела. За пять месяцев сбавила килограмм десять и стала похожа на подростка с анорексией. Ариадна Сергеевна была женщиной лет пятидесяти, немножко полной, в очках и с волосами, сложенными высоко на голове, как у школьной учительницы. Увидев меня на пороге своей квартиры, она всплеснула руками: «Господи! Да вы голодаете!» Сразу же усадила за стол и побежала на кухню готовить обед — суп, мясо с картошкой и чай.

Пока я ела, она сидела со сложенными на груди руками и рассказывала о своей матери. Все мои академические вопросы вылетели в окно. Она рассказала, как ее мать писала стихи о людях, которых встретила случайно или только один раз. Читатели или литературоведы думали порой, что она была постоянно влюблена. Но чаще всего это был взрыв поэтического восхищения, а не любовь в обычном смысле.

После обеда Ариадна Сергеевна показала мне цветаевские рукописи и тетради. Я была особенно растрогана тетрадями. Я представляла себе руку поэта,двигающуюся от страницы к странице — рифмы, отдельные слова, обрывки стихотворений, фразы, каламбуры, — это было как альбом художника. Заглянуть в процесс творчества поэтического гения, каким была Марина Цветаева, было для меня невероятно важно. И у меня возникла идея писать о цветаевском сборнике «Ремесло». Ариадна Сергеевна интуитивно почувствовала, что именно это мне было нужно — не анализ, а почти физическая связь с творчеством поэта. Я не старалась переписываться с Ариадной Сергеевной после возвращения в Америку, но свою диссертацию из благодарности посвятила ей¹.

5 .....

Вечерние визиты к Надежде Яковлевне отличались от наших уютных дневных бесед. Она всегда меня предупреждала, если кто-то интересный должен был прийти к ней вечером. Все сидели вокруг стола на кухне. Как только кто-то входил, Надежда Яковлевна требовала анекдот. Она очень любила анекдоты, осо-
 .....

1 Marina Cvetaeva's Remeslo: A Commentary. A thesis presented by Margaret Ann Troupin to the Department of Slavic Languages and Literatures for the degree of Doctor of Philosophy, Harvard University, January 1974.

бенно если это была насмешка над советской реальностью. Потом кто-нибудь старался мне объяснить анекдот. Когда минут через пять я его понимала и начинала смеяться, то это было даже смешнее, чем сам анекдот. Все еще раз смеялись, а Надежда Яковлевна улыбалась.

Идеи “круга” у нас в США не существовало (это была очень русская идея). В круг Надежды Яковлевы входили известные физики, математики, лингвисты, секретарши, писатели, служащие, врачи и даже один священник, с которым я однажды встретилась. В нашей стране люди таких разных социальных уровней не общались бы. Как Алиса в Стране чудес, я “свалилась” в трещину в серой и зловещей советской реальности и приземлилась в мире добрых душ, которые посвятили себя сохранению культуры и человечности, которые еще можно было спасти. Всё это действовало на меня опьяняюще.

У Надежды Яковлевны, кроме того, чтобы защищать меня от опасностей и помочь с работой, была еще одна задача. Она хотела, чтобы я поняла весь ужас, всю глубину обмана, всю искривленность, странность, глупость, зверство и жестокость и всё то огромное человеческое страдание, которые воспроизводились советской властью с самого ее начала. Она подчеркивала, что убийства прекратились только потому, что, по ее словам, “им надоела кровь”. Я должна была понять, что в таком мире ни прогрессу, ни логике, ни невинности уже не оставалось места. Я должна была осознать, что прошлое наполняет настоящее и что его нельзя чем-то прикрыть или забыть. Ей казалось, что для моей будущей карьеры профессора русской литературы мне важно было понять те условия и то окружение, в которых создавались стихи Цветаевой, Пастернака, Ахматовой и Мандельштама. Одного только лингвистического анализа стихов совершенно недостаточно. Нельзя было скрывать правду, и она хотела, чтобы всё это я рассказывала молодым студентам, то есть передавала бы ее послание будущим поколениям тогда, когда она сама уже не могла бы это сделать!

6 .....

Я хочу закончить эти воспоминания рассказом о двух вечерах. Можно это назвать “Рассказ о Клеенке и Открывалке”. Однажды я пришла к Надежде Яковлевне и нашла ее необычно возбужденной. Утром недалеко от своего дома она увидела человека, который продавал клеенку. Как он ее достал — законно, незаконно или просто украл, — неизвестно. Но это была находка. Во всех московских кухнях деревянный стол был укрыт клеенкой. Со вре-

менем она покрывалась пятнами от чая и кофе, пачкалась от папиросного пепла или просто становилась липкой. Но достать новую клеенку было практически невозможно.

Надежда Яковлевна быстро вернулась домой и, собрав по карманам и ящикам все свои деньги, купила у этого человека всё. Вернувшись домой, она начала звонить всем своим знакомым. “Скажи маме, чтобы она вымерила стол — у меня есть клеенка. Приходи вечером”. (У всех дома была мама, которая давала возможность семье выживать в этой ужасной советской системе.)

В тот вечер я была свидетельницей измерения и вырезания. Математики из круга Надежды Яковлевны очень пригодились, потому что клеенку надо было вырезать с математической точностью, чтобы всем достался хороший кусок. Что ж, все “мамы” остались довольны, а Надежда Яковлевна осталась довольна собой: она точно успела сделать нечто существенное в этот день.

...И вот в феврале 1971 года настал мой последний вечер в Москве. Когда наша группа аспирантов готовилась к поездке, Государственный департамент дал нам список вещей, которые мы должны были взять с собой, потому что их было трудно найти в СССР. Естественно, я не хотела везти их обратно в США, если что-то из этого могло оказаться кому-то полезным. Я положила всё в мешок и привезла к Надежде Яковлевне, предполагая, что она их кому-нибудь отдаст. Но она мне велела выложить вещи из мешка на стол. Было много народу, так как все знали, что я уезжаю. Реакцию на эту кучу разбросанных по столу вещей я не могла бы предвидеть даже после довольно долгого пребывания в этой стране.

Надежда Яковлевна начала. О шапочке для душа она сказала: “Я знаю, что это такое. Такие были у нас до революции. Ты надеваешь ее в душе, и волосы не промокают. Я ее возьму!”

Потом один физик лет сорока взял небольшой ключ для открывания консервных банок. “Вы меня заинтриговали”, — сказал он. Я хотела сказать, что это, но он поднял руку: “Не говорите. Я сам пойму”. Он поворачивал открывалку в разных направлениях и изобретал для нее всё новые и новые роли. Но он был явно сбит с толку, и Надежде Яковлевне было забавно видеть его в растерянности. Потом уже все сидящие вокруг стола тужились догадаться, но без результата. В конце концов я сказала: “Это для того, чтобы открывать консервные банки!”

Я много раз видела опасный русский метод открывать банку. Они просто взрезали ее ножом до тех пор, пока из банки всё не выходило. В процессе открывания вытекала маслянистая жидкость, соскальзывали руки, а иногда даже появлялась кровь, стекавшая вместе с жидкостью.

Наконец кто-то взял у Надежды Яковлевны с полки банку, и меня попросили ее открыть. Словно фокусник в театре, я торжественно продемонстрировала технику открывания банки по-американски, и в результате перед аудиторией предстал круглый сосуд с отделенной круглой крышкой и без всякой жидкости ни на руках, ни на столе.

“Пэггочка, это замечательно! Ты гений!” — Надежда Яковлевна улыбалась. А вечер продолжался в атмосфере шуток и веселья.

...И здесь, в этом месте и времени, я и оставляю их всех сейчас — той зимой 1971 года, у того стола на кухоньке Надежды Яковлевны — улыбающимися и смотрящими на банку сардин, только что расчудесным образом открывшуюся без кровопролития.

.....

ГЕОРГИЙ КУБАТЬЯН

**“ВТОРАЯ ПОСЛЕ СОЛЖЕНИЦЫНА АНТИСОВЕТЧИЦА...”:
ДВА ПИСЬМА ОТ НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ (1971)**

.....

В самом начале 1971 года, зная Мандельштама разве что по верхам, я взялся написать для какого-то научного сборника про его связи с Арменией. Несколькими днями ранее восьмидесятилетие великого поэта демонстративно не заметила литературная печать, и, мня себя смельчаком, я пустился на авантюру. Старший мой друг Леонид Григорьян¹ посоветовал обратиться за помощью к Н. Я. и подсказал ее адрес. Он был у нее в гостях в январе 1968-го, и в его машинописном томе мандельштамовских произведений Н. Я. нашла стихотворение, которое считала потерянным. Очарованный ею, Лёня уверял — она, вот увидишь, ответит.

Я рискнул. О чем спрашивал, не помню, да это и неважно. Важно, что ждать ответа долго не пришлось.

.....

1 См. наст. издание, с. 550–556.

1 ФЕВРАЛЯ 1971 Г.

Уважаемый тов. Кубатьян! (Вы мне не сообщили своего отчества.) Зря вы огорчаетесь, что о Мандельштаме ничего не пишут и даже не отметили его восьмидесятилетия. Эренбургу отметили 80 лет, а что проку?

Времени у вас на статью хватит, лишь бы вы знали, о чем писать. Ясна ли вам концепция? Для Мандельштама Армения — христианский мир, историческое звено античности и христианства (и отвернулась со стыдом и болью¹ от городов бородатых Востока), “книга, по которой учились первые люди”, “средиземноморье”, т. е. то, где начиналась история (иудейско-христианский мир), (история — возникает с христианством). Интерес к Армении не случайность, а результат всей историософской концепции О. М.

Всего этого напечатать нельзя. Надо осторожно обойти вопрос и как-то показать его сущность (у меня есть крохотная врезка, где я объясняю отношение О. М. к Армении, — у вас напечатали²).

Для понимания О. М. необходимо знать две статьи (“Утро акмеизма” и “Скрябин и Пушкин” — 2 том).

Я думаю, вам нужно ограничить себя стихами об Армении и “Пут<ешествием> в Армению” (только полным, как в “Звезде”). У вас напечатали выдержки³. Не произнося запретных слов, можно свести <всё> к “средиземноморской (европейской) культуре”.

Мандельштам читал Мойсея Хоренского⁴ (так?) и других древних армянских авторов (по-древнеармянски). Он был филологом и легко изучал языки. Однажды

.....

1 Цитата по памяти. Надо: “Со стыдом и скорбью”.

2 Имеется в виду послесловие к публикации “Путешествия в Армению” (Литературная Армения. 1967. №3) — вовсе, надо сказать, не “крохотное”.

3 Текст “Путешествия”, насколько мне известно, предоставила редакции журнала сама Н. Я. Это вовсе не “выдержки”, а другой и, по сравнению с публикацией “Звезды” (1933, №5), более краткий вариант произведения.

4 Моисей Хоренский — русифицированное имя Мовсеса Хоренаци (V век), автора “Истории Армении”.

обратился к мальчишке на улице по-древнеармянски. Тот вылупил глаза — то и не то...

Не могли бы вы на несколько дней приехать в Москву? Это не трата времени, а борьба за обретение концепции... Имея ее, пишешь легко и быстро.

Как на этот счет? 2–3 дней бы было достаточно...

Во всяком случае делитесь со мной своими мыслями. Может, я что-нибудь подскажу. Н. Мандельштам.

Какой объем статьи? Надеюсь, не больше ¼ листа...

.....

Официальная табель о рангах отводила в те поры Мандельштаму место третьеразрядного литератора. Похоже, “последняя ступень” на подвижной этой лестнице всё же тяготила Н. Я. Чем еще объяснить ее активный интерес к планам безвестного юнца провинциала?

Так или иначе делиться с ней своими соображениями мне было совестно. К тому же меня вдруг одолел азарт, и не мешкая я сел за стол и через месяц окончил-таки статейку, растянувшуюся, шутки в сторону, на полтора печатных листа (вот тебе и “не больше четверти”!). Конечно, мои “Солнечные часы поэзии” целиком — от начала до конца — выросли из трех страничек письма на прозрачной, чуть плотнее папиросной, бумаге. При этом, однако, достоинства статейки были весьма дискуссионны, тогда как изъяны кололи глаза. Так что посылать ее Н. Я., раза два перечитав, я тоже совестился. Но, сколько-то времени поколебавшись, ясное дело, послал. Ответ опять же последовал незамедлительно.

---

27 ИЮЛЯ 1971 Г.

Уважаемый тов. Кубатьян!

Вы не сообщили мне своего отчества, и это сделало обращение таким казенным.

Спасибо вам за статью. Она очень хорошая. В ней много замечено, угадано, понято. И главное, в ней есть любовь, и это делает ее живой и интересной.

Мне кажется, если вы когда-нибудь захотите углубить ее и показать, откуда единство историософской мысли, обра-

титесь к Чаадаеву. Его влияние на Мандельштама было формообразующим. Как я говорю, у Мандельштама ничего своего не было — всё от Чаадаева. Отсюда и Рим, и Армения. Сейчас это вам не нужно, но когда-нибудь может пригодиться.

Спасибо за статью. Она как дружеское рукопожатие. Надежда Мандельштам

.....

Заметно, что Н.Я. скептически расценила мои способности постичь автора столь глубокого: “сейчас вам это не нужно”. Похвалы тем не менее радовали, да только вот их искренность, увы, не убеждала. Я посетовал на это в письме к Станиславу Рассадину, вхожему к Н. Я.; знакомые тогда лично, мы состояли с ним в деловой переписке: “Литературная Армения”, где я служил, опубликовала его статью, мы заказали ему другую. “Насчет оценки Н. Я., — успокоил он, — не мучьтесь сомнениями. Она не из тех, кто будет кривить душой. О доброжелательнейшей статье Маргвелашвили в «Литературной Грузии»¹ (наверное, знаете) она мне говорила крайне иронически. Правда, я не уверен, что эта крайняя ироничность была соблюдена в разговоре (если только таковой состоялся), но думаю, что и похвал не было”.

Приободрившись, осенью того же семьдесят первого года я не преминул позвонить Н. Я. и напросился в гости. Квартирка на первом этаже дома по Большой Черемушкинской смотрелась запущенной и неухоженной. Мы с хозяйкой прошли на кухню, где, кстати сказать, она принимала меня и позже.

Впечатление Надежда Яковлевна производила самое сложное. Громко и тяжело дышала, старчески горбилась и раз за разом повторяла: “Я древняя старуха”. Ей было слегка за семьдесят, однако же фраза не казалась кокетливой. При этом — ясный взгляд, уверенная речь и безупречно четкая мысль, отчего-то не вязавшаяся с невероятно морщинистым лицом. “Вы любите настоящий чай?” — усмехнулась она, выделяя голосом аттестацию *настоящий*. Я был тогда равнодушен к чаю, но мне достало хитрости соврать. “А понимаете в нем толк?” Я нагло произнес что-то вроде “Надеюсь”, и Н. Я. принялась колдовать над чайниками и чашками.

В разговоре мелькнуло имя Чаренца. “Он ведь правда хороший поэт? — допытывалась Н. Я. — Оська сразу в него поверил”. Брошенное между прочим “Оська” спервоначалу поразило меня.

.....

1 Маргвелашвили Г. Об Осипе Мандельштаме // Лит. Грузия. 1967. №1.

Н. Я. поставила передо мной чашку. Я отхлебнул и помолчал с видом знатока. Чай и чай, мне, профану, как его ни заваривай, всё было едино. “Да, это чай!” — сдержанно произнес я. Н. Я. отлучилась в комнату и протянула мне книгу — свои “Воспоминания”, незадолго перед тем вышедшие в Нью-Йорке. Я слышал про них, но не читал и даже не держал в руках. “Никому не говорите, что видели у меня книгу”. Предостережение звучало наивно, можно подумать, органы, называемые компетентными, могли такого не знать. Однако, судя по всему, Н. Я. предпочитала блюсти с малознакомым человеком декорум. “Я кое-где пишу там об Армении. Осипу Эмилевичу, — после свойского Оськи церемонное имя-отчество почудилось отстраненным, — нравилось учить армянский. Ну вот. А у меня всё руки не доходили. В сущности, армянский — единственный из основных индоевропейских языков, которого я не знаю”. Н. Я. вспомнила церкви Кармравор и Рипсима (она сказала: “Часовенка в Аштараке” и “В Эчмиадзине, кажется, при въезде”): “Замечательные!” Расспрашивала про наше христианство, про Григория Просветителя, про то, вправду ли армяне монофизиты. Я вскользь обмолвился, что отцовский род — из католиков, или “франков”, она заинтересовалась, давно ли проникло в Армению католичество, широко ли и где распространено. В конце концов засмеялась: “Замучила я вас? — И добавила: — Нам было хорошо в Армении. Вот и вспоминаю”.

Напоследок я не удержался и спросил, не стыдно ли печатать “Солнечные часы”. “Да бросьте вы, — попросту отмахнулась Н. Я. — Статья молодая. Да ведь и вам далёко до патриарха”.

Между тем в сборнике, для которого статейка предназначалась, ее не без извинений отвергли. Было б удивительно, случись иной расклад. Удача выпала только через три года. “Чем черт не шутит”, — подумал я и поставил свой опус в октябрьский номер (1974) “Литературной Армении”, где заведовал отделом критики. Черт и впрямь изволил пошутить, опус вышел в свет без сучка без задоринки.

Недели через две начался подспудный шум. Поговаривали, будто в Ереван явились представители союзного Главлита и устроили кому надо головомойку. Так ли, нет ли, меня быстренько сняли с работы, и с тех пор я никогда ничем не заведовал.

Для порядка еще вызвали в местный ЦК, где, человек, естественно, беспартийный, я сроду не бывал, и любезно, и даже сочувственно сообщили перечень прегрешений. Во-первых, нечего было вообще писать о Мандельштаме, фигуре двусмысленной и неактуальной. Во-вторых, приводить три не пропущенных в Москве стихотворения — грубая политическая ошибка (в статье полностью

процитированы три текста: “В год тридцать первый...”, “И по-звериному воет людье...”, “Дикая кошка — армянская речь...”; в сущности, то была первая в Советском Союзе их публикация). Далее, мои рассуждения о “буддийской Москве” и европейском мире, включающем Армению, папахивают антирусскими настроениями, армянским национализмом и чуть ли не сионизмом; это слово прозвучало, но, возможно, не тут и не так. И совсем уж ни в какие ворота не лезет упоминание, причем неоднократное, Н. Я. “Она же, — пояснил мне заведомо культуры Гурген Аракелян, — вторая после Солженицына антисоветчица в стране”¹.

В итоге появилось что-то вроде постановления армянского ЦК об идеологической работе, где поминалась и моя фамилия; говорю “что-то вроде”, поскольку не уверен в названии документа. Был он закрытым, я знаю о нем со слов доброхотов.

Вскорости мне снова довелось провести у Н. Я. вечер. Я, чего греха таить, ждал особого радушия — как-никак пострадал во имя Мандельштама. Но весть о том, что я больше не служу в редакции, равно как и отчет о посещении высокой инстанции, Н. Я. восприняла без эмоций. “Вы не оригинальны, — только и сказала она. — Цезарь Вольпе тоже лишился места из-за Осипа Эмильевича. Тогда это было неприятнее”².

“Мне очень много лет. Точнее, семьдесят пять”, — ответила Н. Я. на вопрос, как она себя чувствует. Девушка Соня, забежавшая помочь ей по хозяйству, звала ее бабулей. Но крепость духа и свежесть мысли не изменили Н. Я. ничуть. Я просидел у нее часа четыре. Она говорила — не жаловалась, а констатировала, — что живет в блокаде: телефон то и дело отключают и практически не доходит почта. Вот и журнала с “Солнечными часами” от меня не получила; журнал ей принесли друзья. Угостила меня английским джином (“ради Бога, не пейте залпом, обожжет”), а в дверях качнула головой: “Жаль, что никогда уже не буду в Армении. Не могу ездить туда, где мы с Оськой бывали вместе, даже в Крым”.

Я навещал Н. Я. еще два-три раза, но разговоров по глупости не записывал, да и длились эти визиты куда короче.

.....
.....

1 Проницательный Рассадин писал мне позднее: “Догадываюсь, за что тебя ругают: за Н. Я. и некоторые цитаты?”

2 Ср.: “В конце двадцатых и в начале тридцатых годов еще водились редакторы, которые «что-то протаскивали». Так, Цезарь Вольпе не только напечатал в «Звезде» «Путешествие в Армению», но даже тиснул снятый цензурой отрывок про царя Аршака, которого ассириец запрягал в темницу, откуда нет выхода и просвета: «ассириец держит мое сердце...». Вольпе сняли с работы, но его не посадили — ему повезло” (*Собр. соч.* Т. 2. С. 416).

ИРИНА ЩЕРБАКОВА

СВОБОДНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Не могу вспомнить, когда я в первый раз увидела Надежду Яковлевну, вероятно, в году 1969–70-м, когда еще училась в университете. Я бывала у нее вместе с родителями и младшей сестрой, одна, когда нужно было чем-то помочь или Н. Я. просто меня звала. Приезжала она и к нам домой.

Иногда пишут, что у нее было что-то вроде салона. Если бы мне кто-нибудь в то время сказал, что у Н. Я. — салон, это показалось бы смешным. Салон я представляла себе совершенно иначе. Вот про Лилию Брик, у которой я тоже бывала с родителями — и дома, и на даче, — можно было сказать, что у нее салон, но уж никак не про кухню Н. Я., где она почти всегда лежала в халате на диванчике. Конечно, к ней постоянно приходили разные люди, но так бывало в те годы во многих домах, в том числе и у моих родителей. На эту кухню приходили ради Н. Я., а не ради светского общения друг с другом.

Однажды я провела у нее целый день, это было перед пасхой, может быть, в 1970-м, — якобы помочь в уборке. На самом деле всем очень расторопно руководил отец Сергей Желудков и две женщины, которые были с ним. Меня поразили быстрота и тщательность, а главное, веселость, с которой они делали генеральную уборку в комнате у Н. Я. и на маленькой заставленной кухне. Я только путалась у них под ногами, фактически ничего не делала, а приставала с расспросами к Н. Я.

Я в то время, как и полагается девочке из литературной семьи, конечно, читала Мандельштама, некоторые стихи его знала наизусть, но никогда не принадлежала к настоящим любителям поэзии, меня всегда больше интересовали люди, их истории, их прошлое. И вообще, образ эпохи и “Шум времени” — вот эта книга стала для меня впоследствии очень важной. Н. Я. меня интересовала не как вдова великого поэта, а прежде всего как важнейший свидетель — живой, пристрастный и не боящийся говорить вещи неудобные и кому-то неприятные. (Думаю, что знакомство с Н. Я. и с некоторыми другими важными “свидетелями” и заставило меня выбрать потом то, что стало моим главным занятием в жизни — спрашивать людей об их прошлом.)

Ее книги я тогда буквально проглотила — и первую, и вторую; их откровенность и резкость меня совершенно не коробили. К тому же меня с детства окружали люди, имевшие отношение к ли-

тературе, среди них были известные и даже знаменитые, и это развилось во мне некоторый отстраненно-трезвый взгляд: я часто видела, как и насколько отличается автор от его лирического героя...

Конечно, я не знала литературную среду 1930-х, но ведь и тридцать лет спустя некоторые персонажи были еще живы. К тому же и в домах творчества, куда я ездила с родителями, и в писательских домах я и сама видела сытость, привилегированность и конформизм многих представителей этой среды. И поэтому гневные филиппики в адрес Н. Я. казались мне фальшивыми, а уж тем более заявления, что Н. Я. — никто, только жена, что “тьня должна знать свое место”. Я знала категорию писательских жен, которых Лидия Гинзбург называла “бытовыми” женщинами. И мне даже в голову не приходило, что Н. Я. можно поставить с ними на одну доску. Я считала, что она имеет право быть пристрастной и избирательной.

Н. Я. интересовала меня сама по себе (как и многие другие женщины ее поколения, к которым я потом уже, после ее смерти, ходила с магнитофоном). Мне кажется, она это во мне чувствовала, — и любопытство, и отсутствие придыхания по отношению к ней, как ко вдове великого поэта, и интерес к ее когдатошней жизни. Я спрашивала: а почему Мандельштам дал пощечину Алексею Толстому, к кому она собиралась уходить от О. Э. и т. п.

Однажды спросила: правда ли, что Ахматова была в молодости так красива? (Ведь это была эпоха ее настоящего культа. Я знала ее молодые фотографии, портрет Модильяни, но черно-белые снимки не всегда передают живой образ, сама я видела Ахматову один раз и никаких прежних ее черт разглядеть не могла.) Н. Я. ехидно посмотрела на меня и сказала: “Ну да, фигура у нее была очень хорошая, но вот кожа плохая”. Я разинула рот, а она была явно довольна произведенным эффектом, потому что понимала — уж эту деталь я точно запомню.

Мне она часто говорила, что я похожа на нее в молодости, что мне совершенно не льстило, тем более что я считала, что абсолютно непохожа.

Действительно, Н. Я. порой дразнилась или “снижала” пафос, но я очень ценила то, что она не смотрела сквозь, хоть я и была в то время совершенной “дурой в лодочках”, — это выражение она любила. Я училась германистике на филфаке МГУ, что Н. Я. как раз очень одобряла, но немецкий язык, который я к тому времени уже хорошо знала, меня сам по себе не интересовал. По-настоящему меня интересовала только история, причем советская. Это ей совершенно не нравилось, она считала, что заниматься этим опасно и бессмысленно, а надо пойти на лингвистику — самое спокойное и надежное, как она это хорошо знала на своем собственном опыте.

Я помню, как однажды, придя к ней, стала убирать ее столик, заваленный всякой всячиной, и вдруг увидела приглашение, полученное Н. Я. от Солженицына на вручение ему в Москве Нобелевской премии (апрель 1972 года), которое не состоялось. “И это выбрасывать?” — спросила я. “Конечно, выбрасывай, зачем это нужно?” — сказала она. “А можно я себе возьму?” — попросила я. Она посмотрела на меня хитрым взглядом и сказала: “Архив уже собираешь? Очень глупо, лучше бы германистикой занялась”.

Своего будущего мужа я к ней привела, хоть он и отбивался, понимая, что его “показывают”. И она одобрила (помню, что это было для меня важно), хоть и сказала, тоже не без иронии, что понимает меня: очень похож на молодого Пастернака.

Много пишут про то, какое удовольствие ей доставляло делать подарки и какой щедрой она была — готовой передарить сразу всё, что ей приносили. Помню, как она всовывала мне роскошную дубленку (я отбилась), покупала в “Березке” свитера и шапки чуть ли не для всей нашей семьи. Один раз позвонила и сказала, чтобы я за ней заехала, потому что она увидела в “Березке” чудесный костюмчик, который мне очень пойдет (Н. Я. видела, какое значение я придаю тряпкам — мини-юбки, белые колготки, огромные клипсы). Я немедленно явилась, поймала машину, и мы поехали на Профсоюзную в знаменитую “Березку”. Костюмчик был на месте, — и только мои современницы меня поймут: английский брючный костюм из ярко-красного джерси с золотыми пуговицами, и стоил он кучу чеков. Я пришла в совершеннейший восторг, и когда вышла из примерочной, Н. Я. сказала: чудесно! А когда мы уже выходили с покупкой из магазина, посмотрела на меня с удовольствием и сказала: “Ты в нем как настоящая цирковая обезьянка!” Но мне это абсолютно не испортило настроения, только стало ужасно смешно: во-первых, у меня была любимая бабушка, от которой я еще и не то могла услышать, а во-вторых, я в принципе с Н. Я. согласилась.

Вспоминаются другие забавные эпизоды, очень характерные для того времени. За болтовню и неосторожность Н. Я. справедливо называла нас “непугаными идиотами”. И звонить ей нужно было условными двумя звонками — знак, что пришли свои. Но всякое преувеличение опасности или кокетство по поводу возможного преследования вызывали насмешку. Однажды я приехала к Н. Я. и мы вместе ждали Бориса Биргера, который должен был зайти по какому-то делу, а мне потом нужно было отвезти ее куда-то.

Мы сидели и ждали, а Боря опаздывал. Н. Я. уже начала злиться: вот сейчас явится и будет говорить, что опоздал потому, что за ним всю дорогу гналось КГБ. Дело в том, что у Биргера и правда была смешная черта, вернее, в то время она казалась

Н. Я. Мандельштам. Ташкент, 1947 г.

Вверху: Н.Я.Мандельштам среди студентов и преподавателей Читинского государственного педагогического института. Чита, 1953 г.

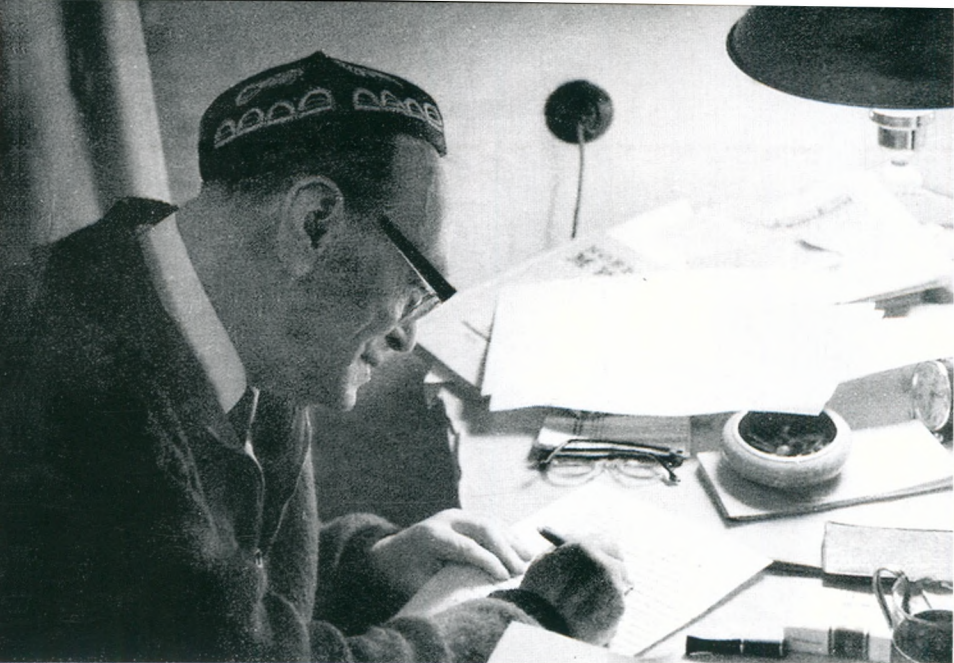
Внизу: С коллегами по кафедре английского языка Чувашского государственного педагогического института им. И.Я. Яковлева. Чебоксары, [1955–1958 гг.].

Н. Я. Мандельштам. Карандашный портрет
работы Е. М. Фрадкиной. Конец 1950-х гг.

Александр Ивич (Игнатий Игнатьевич Бернштейн). 1950-е гг.

Сергей Игнатьевич Бернштейн. 1939 г.

Эмма Григорьевна Герштейн. 1930-е гг.

А. А. Ахматова, Н. Я. Мандельштам,
Л. Д. Стенич-Большинцова, Э. Г. Герштейн.
Москва, 23 июня 1964 г.
Фото Д. Л. Файнберга.

Внизу: Н. Я. и Наталья Штемпель. Верей, июль 1967 г. Фото В. М. Борисова.

Внизу: Н. Я. и Татьяна Борисова. Верей, 1967 г. Фото В. М. Борисова.

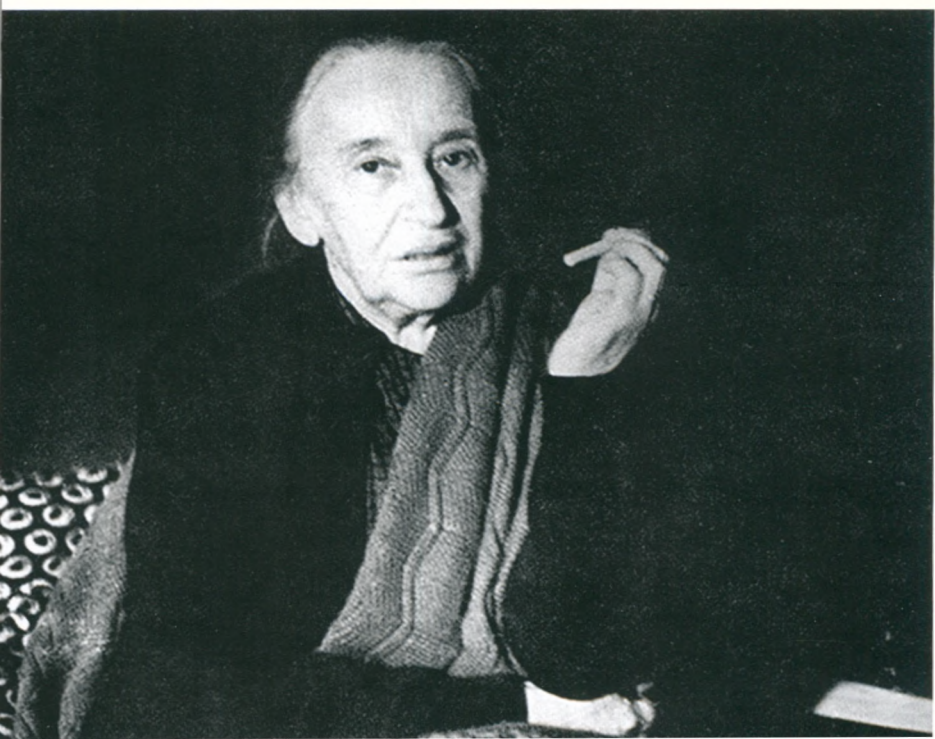

Вверху: Евгений Яковлевич Хазин. Верея, 1967 г.

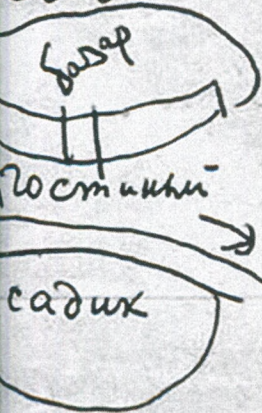
Внизу: Надежда Яковлевна. 1960-е гг. Фото Л. Я. Гинзбург.

Справа: Схема проезда в г. Верею рукой Н. Я. в письме Н. В. Кинд.

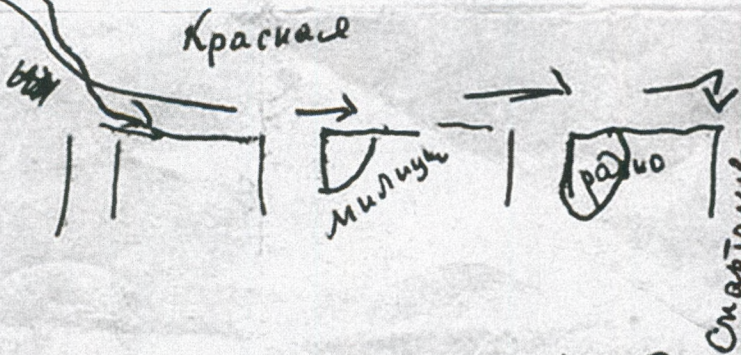

восточному Двору. Затем по Красно
лице до Спартаковской (поворот
направо) — 3-4 дома. Найти

елка.

Встретите две
маше воскресенье!
Презвоните!
У.

милучи, нажмите телеграфную трубку и
приблизительно когда увидите
как зовут вашу подружку и ее мужа

112905

Презвоните обязательно с

Н. Я. Мандельштам на кухне своей квартиры в Черемушках.
1970 г. Фото Э. Н. Гладкова.

Николай Иванович Харджиев. 1974 г.

Надежда Яковлевна и Николай Давидович Оттен.
Таруса, [1958–1962 гг.].

Вверху: Надежда Яковлевна, Варвара и Василиса Георгиевна Шкловские-Корди. Таруса, [1963–1965 г.].

Внизу: Н. Я. с Никитой и Варварой Шкловскими-Корди. Таруса, 1966 г.

В. В. Шкловская-Корди
с тетей Полей Степиной.
Таруса, конец 1960-х гг.

Колечка!

Это настоящее зрелое

Книжка. Из мелких стихов
выброшено все случайное,
(«сидит-вожур, жед»)
Крупные вещи (особенно первая)

Сильнее всего. В них большой
рынок - вверх. Я этому рада, потому
что верю в вас, но это некое и
решительное доказательство, что верю
не зря, Работайте, Коле, и спокотно.

Во всем в свою силу,

Надо и,

Слева: Николай Васильевич Панченко на фоне дома
Поли Степиной. Конец 1960-х гг.

Вверху: Автограф письма Н. Я. Николаю Панченко.

Томас Венцлова. [Конец 1960-х гг.]

Юрий Михайлович Лотман. Середина 1960-х гг.

Вверху: Иван Дмитриевич Рожанский и Юлия Марковна Живова.
Первая половина 1960-х гг.

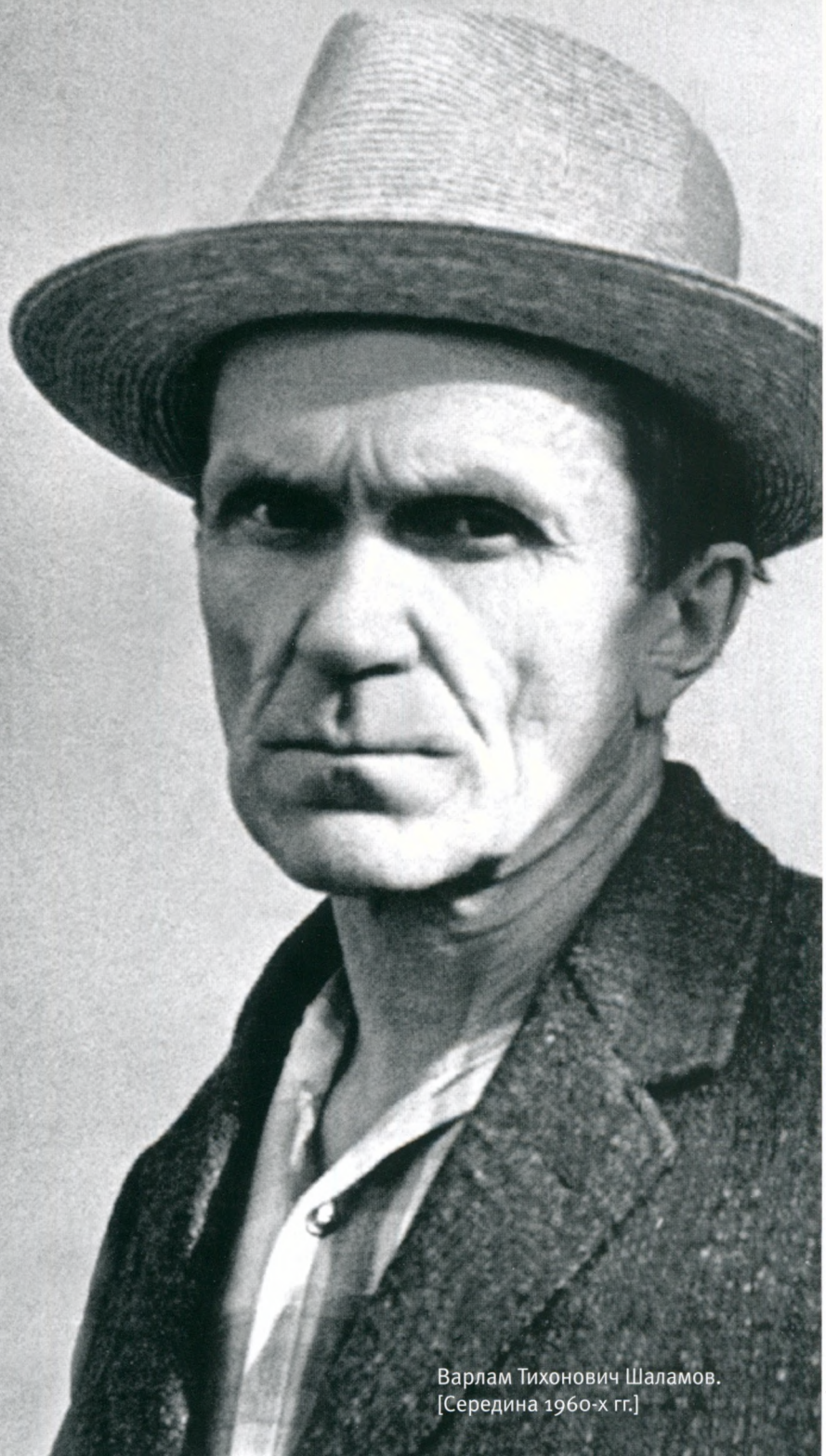
Внизу: Наталья Ивановна Столярова. Конец 1970-х гг. Фото И. Дроздовой.

Наталья Владимировна Кинд.
1970-е гг.

Варлам Тихонович Шаламов.
[Середина 1960-х гг.]

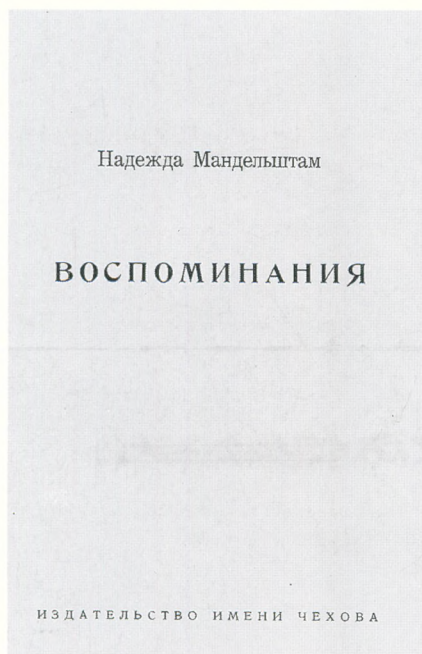

Александр Анатольевич Морозов.
[1979 г.]

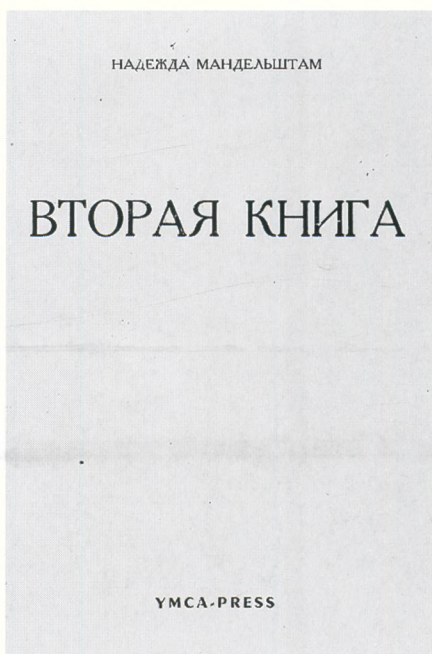

Н.Я. Мандельштам.
1968 г. Фото К. Верheyла.

Обложка книги
О. Мандельштама
“Разговор о Данте”.
М.: Искусство, 1967 г.

Первое издание “Воспоминаний”.
Нью-Йорк: Издательство им. Чехова,
1970 г.

“Вторая книга”.
Париж: YMCA-PRESS, 1972 г.

Елена Пастернак, Надежда Яковлевна, Евгений Борисович Пастернак,
Лиза Пастернак. Переделкино, 1969 г. Фото М. А. Балцвинника.

Вверху: Н. Я. Мандельштам. Карандашный набросок Ю. М. Казмичевой. 1978 г.
Внизу: С Михаилом Львовичем Левиным и его дочерью Татьяной.
Конец 1970-х гг. Фото Г. Б. Пинхасова.

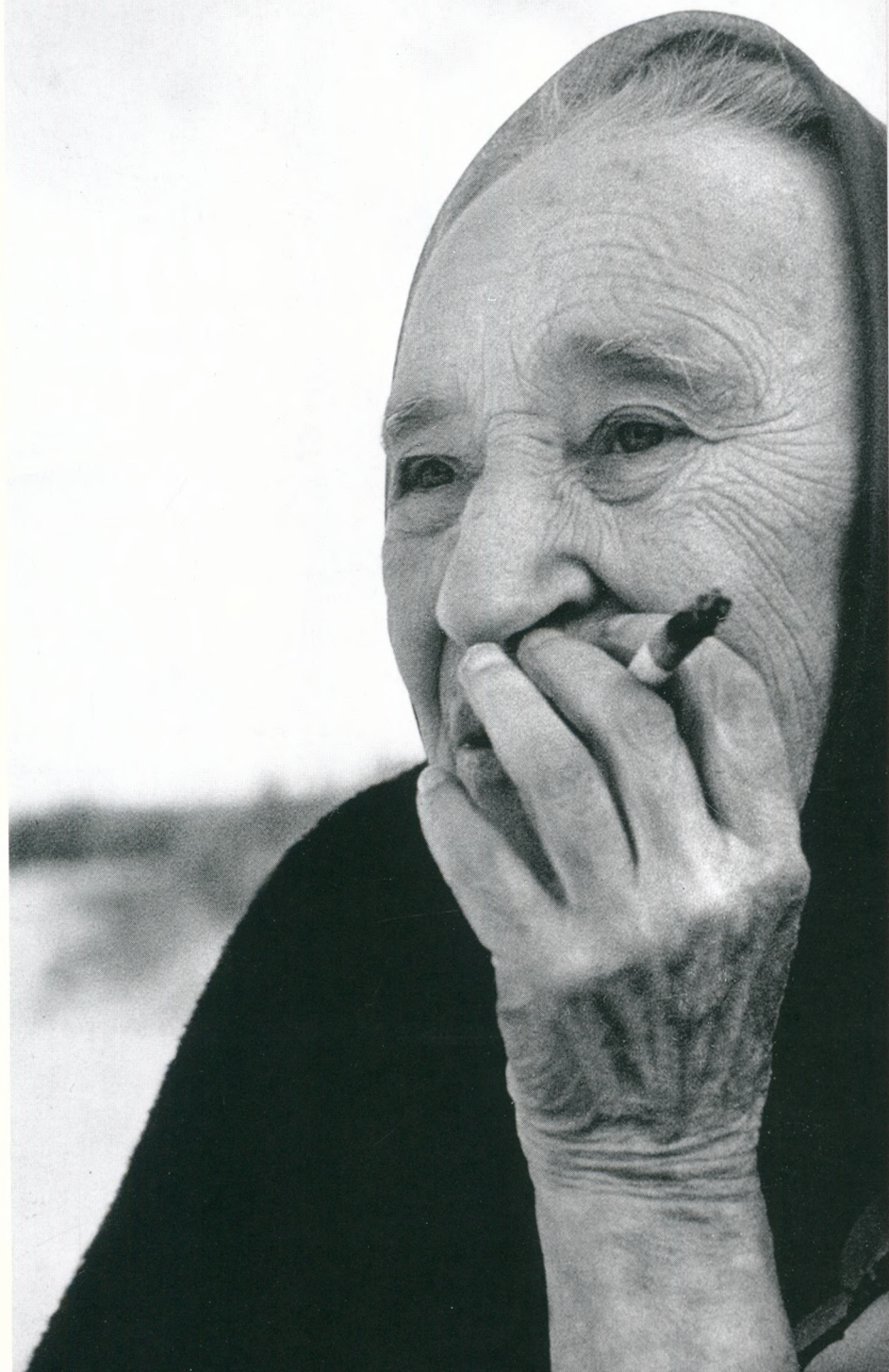
С о. Александром Менем.
Сергиев Посад, Семхоз, 1974 г.

Кларенс Браун, 1970-е гг.

[Середина 1970-х гг.]

[Конец 1970-х гг.]. Фото Г. Б. Пинхасова.

С Еленой Захаровой.
Конец 1980 г.

Перedelкино, лето 1980 г.
Фото И. Дроздовой.

смешной: он вечно рассказывал истории про то, как его преследуют агенты КГБ. То в гостинице “Пекин” его спросил человек в лифте: “А вы, Биргер, к кому направляетесь?”, то какие-то люди на улице за ним следили. Когда атмосфера уже совсем накалилась и Н. Я. устала сидеть одетая, раздались, наконец, условные звонки, и я бросилась открывать. В квартиру вбежал запыхавшийся Биргер и с порога почти крикнул: “Вы не представляете, что со мной было! За мной всю дорогу гналась черная...” — и, не дождавшись его последнего слова “Волга”, мы с Н. Я. захохотали так, что Бороно опоздание было прощено.

Н. Я. казалась мне очень свободным человеком — и главным доказательством этого были ее книги. Но был один эпизод, который мне показал, что никуда не деться от государства, в котором мы жили, хоть уже и не людоедского (по выражению Н. Я.), но омерзительного. Мы с Н. Я. пошли в консерваторию, я составляла ей компанию, и это был, кажется, Симфонический оркестр Берлинского радио. Но концерт начался исполнением советского гимна, а мы сидели во втором или в третьем ряду. Все хоть и без энтузиазма, но встали. А Н. Я. сидит, и я подумала: буду как она. Притворимся инвалидами, тем более что Н. Я. и вставать-то было тяжело. Но ощущение было неприятное, казалось, все на нас смотрят. И тогда она все-таки не выдержала, стала подниматься, а я ее подхватила, и чувство было у меня потом противное, и концерт запомнился только этим.

...После смерти Н. Я., когда я перечитывала ее книги, я всегда вспоминала ее характерный хриплый голос и смех. А сегодня я всё чаще вспоминаю ее фразу о том, что нам никто не обещал, что мы будем счастливы...

.....

Никита Кривошеин

ПРОЩАНИЕ С Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ, 1971 ГОД

.....

Вся неделя до выезда из бывшего СССР на “постоянное жительство” во Францию 10 июня 1971 года была занята прощанием с друзьями.

Посещение маленькой, никак не обставленной квартиры Надежды Яковлевны в Черемушках, первый этаж “хрущевки”, особенно волновало. Привез меня Кирилл Хенкин, коллега-перевод-

чик, друг по двуязычию и по отвержению Советов. В то время он еще не подавал на выезд.

С Надеждой Яковлевной моя мать подружилась в 1948 году в Ульяновске. В Петрограде, уже после Февраля, мама несколько раз встречалась с Осипом Эмильевичем — и одно это плюс почти тридцать лет, прожитых во Франции, да и недавний арест мужа оказались основой длительной дружбы, в той степени, в которой эта категория была свойственна Н. Я.

Встречи эти проходили либо у профессора А. А. Любичева, либо же предпринимались длительные прогулки по городу. Зимой, когда эти прогулки были особенно в тягость, обе женщины вместе ходили в баню (“институт” ими обеими нелюбимый), делали они это в том числе и ради безопасности разговоров, хотя о микрофонах тогда не думалось.

Надо проверить: но, кажется, в одной из двух книг Н. Я. пишет о том, какое впечатление производила на нее моя тогдашняя недокормленность. Во “Второй книге” я безымянно упомянут: “Один человек, сидевший в хрущевских лагерях, рассказал мне...”

В 1958 году колоритный пан Рубанович, еврей, сидевший во время войны у немцев и сошедший с ума, поперся из Минска в Вильнюс, в Верховный совет, просить политического убежища от властей Белоруссии — за что и загремел. Работал он в зоне на извозе дров и однажды, запрягая кобылу и ни к кому не обращаясь, молвил: “В России нет пространства, в России есть только километры...” Этот афоризм очень пришелся по душе Н. Я., и она его привела в книге.

Незадолго до нашей встречи была издана “Вторая книга” Н. Я., по Москве она ходила вовсю, в машинописи больше, чем в тамиздате. Н. Я. приняла нас (меня и Хенкина) в халате и заварила очень крепкий чай. Первая ее тема: как она пребывает всё время в страхе, что за книгу заберут, как ей страшно. Накануне вечером она, впервые в жизни, — это было подчеркнuto — одна вечером выпила почти полный стакан коньяка (первый раз в жизни, как она сама сказала) и как ей было нехорошо, но потом крепко спалось.

Обстоятельства моего выезда и то, как я себе представляю будущее, ее интересовали скорее как *proforma*, зато само событие она приветствовала и говорила, что за меня счастлива.

“Передайте Никите, как я его люблю, мечтаю увидеть, но чтобы он сюда ни за что не приезжал”. По недомыслию я спросил: “Какой Никита?”. Ответ: “Струве”.

Это поручение я выполнил при первой встрече с Никитой Алексеевичем.

После второй чашки очень крепкого чая у Н. Я. сделалось сосредоточенное выражение истощенного остроносого лица, и она

обратилась ко мне: “Никита, по почте я просить не решаюсь, но когда там будете, устройте мне посылку через кого-нибудь приглашения в Израиль” (могла ли она знать, что за последний год я таких приглашений, через уже выехавших лагерных друзей, устроил четыре или пять?).

Я испытал шок. “Надежда Яковлевна, а где жить?” — “В Израиле”.

— “Да что вы будете там делать и как жить?” — “Хочу отсюда убыть! Там, как приеду, сразу прикреплю распятие к Стене Плача”.

Я еще в Сионе не бывал, но представлял ситуацию достаточно верно, чтобы ответить: “Вы жизнью своей не дорожите! Вас оттуда забитой унесут!” А она: “Вы отказываетесь?”

Конечно же, я согласился, и она дала мне полстранички со своими установочными данными. Странно, но мне тогда так казалось, что выезд Н. Я. — в отличие от счастливо эмигрирующей массы — столь же нереален и несуразен, как передвижение вне страны памятников Пушкину или Гоголю. После поразившей меня просьбы разговор не затянулся. Мы встали. Но Н. Я. попросила пройти с ней в комнату: “Мне надо вам отдельно сказать”. Там пристально посмотрела на меня, обняла и дважды крепко поцеловала. Как я ее знал — осмелюсь предположить, — для нее это было первое проявление телесной ласки за очень долгое время.

Хенкин в разговор не вмешивался. Когда мы в его машине возвращались, он сказал: “Постарайтесь исполнить просьбу”. (Позднее, при наших нечастых встречах в эмиграции мы с Хенкиным, насколько помню, к совместной московской поездке к Н. Я. не возвращались.)

...Почти сразу по прибытии в Париж, недель шесть после прощания с Н. Я., а то и раньше, я позвонил двум друзьям в Израиль (один из них, если не ошибаюсь, служил в Сохнуте — ведомстве по иммиграции). Изумлению этой просьбе не было предела! Несколько раз они переспрашивали: серьезно ли я, так ли это?

Приезд Н. Я. был бы для тамошних людей более чем весомым и знаковым. А от рассказа о намеченном уже первом по приземлении поступке я воздержался.

Вскоре мне дали знать, что приглашение отправлено. А спустя год или более я и вовсе перестал об этой истории думать.

Но Наталия Ивановна Столярова, с которой Н. Я. была очень близка, при первой нашей встрече в Лондоне сама обстоятельно рассказала о том, что во время ее длительного отсутствия в Москве (за границей) Н. Я., получив приглашение, сама сумела собрать документы, всё оформить, выстоять очередь в ОВИР и подать на выезд.

Узнав об этом по возвращении, Наталия Ивановна устроила Н. Я. сцену, близкую к скандалу, заставила (рассказ Столяровой помню четко!) сесть в ее “Москвич”, отвезла в ОВИР и даже прошла вместе с ней в кабинет, чтобы убедиться в том, что Н. Я. свое заявление забрала!

.....

ПАВЕЛ НЕРЛЕР

**НЕСОСТОЯВШАЯСЯ ЭМИГРАЦИЯ:
ВОКРУГ ПИСЬМА Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ
Н. А. СТРУВЕ (КОНЕЦ 1973)¹**

.....

Начнем с текста публикуемого письма: “Милый Никита. К вам обратится мой друг — Кирилл Викторович Хенкин. Я надеюсь, что вслед за ним последую я. Пока он здесь расправляет крылышки, выдайте ему из моих денег 500 (пятьсот) долларов. Будьте ему другом. Помогите ему советом. Я буду жить с ним и с его женой, если меня выпустят. Н. Я. Мандельштам.

Выслали ли мне тысячу \$ как я просила? Кто? Когда? Откуда? Я их не получила и собираюсь отправить обратно.

Возьмите 100 \$ на «Вестник». Н. М.”

Это рекомендательное письмо, но довольно необычное.

Рекомендующая — Надежда Яковлевна, адресат — Никита Алексеевич Струве, ее главный душеприказчик за границей. Рекомендуемый — Кирилл Викторович Хенкин, писатель, журналист и переводчик (впоследствии еще и радиожурналист).

Он родился в Петрограде 24 февраля 1916 года в артистической семье. И его отец, Виктор Яковлевич Хенкин (1882–1944), и его дядя, Владимир Яковлевич Хенкин (1883–1953) были артистами легкого жанра, работавшими как в Петрограде, так и в Москве: отец — в кабаре “Летучая мышь” и театре миниатюр Якова Южного, дядя — в театрах “Буфф”, “Кривое зеркало”, оперетты, сатиры.

.....

1 Сердечно благодарю М. Классен и Г. Суперфина (Бремен) за предоставление документа и за помощь в подготовке этой публикации, а также П. Криксунова и Б. Победину за дополнительные сведения.

В 1923 году отец получил ангажемент в Берлине и выехал за границу вместе с женой, Елизаветой (Лидией) Алексеевной Нелидовой (1881–1963), и семилетним сыном. После Берлина ангажементы еще в Париже и США, долгие и успешные гастроли с песенным репертуаром на идише под собственный аккомпанемент на терменвоксе.

Но в 1940 году, по настоянию жены и, кажется, сына, затосковавших по государству победившего социализма, он вернулся в СССР.

За плечами двадцатипятилетнего Кирилла к этому время были Гражданская война в Испании (в составе тринадцатой — польской — интербригады имени Домбровского), филфак Сорбонны, преподавание в американском колледже в Северной Каролине и “ангажемент” Иностранного отдела НКВД. Под крышей и зонтиком НКВД прошли и его военные годы: служба в отдельном мотострелковом батальоне НКВД, знакомство с разведчиками Абедем — Фишером, преподавание в Институте военных переводчиков.

После войны — работа во французской редакции Иновещания Московского радио, а для души — перевод французских пьес. Затем работа в АПН и командировка в Прагу, в редакцию международного журнала “Проблемы мира и социализма”, закончившаяся нетривиально — участием в демонстрации протеста против советского вторжения в августе 1968 года. Понятно, что и Кирилл, и его жена, Ирина Семеновна Хенкина (урожд. и радиопсевдоним Каневская; 1937–2006), были немедленно отозваны из Праги.

В начале 1970-х годов — “подачи” на эмиграцию, отказы, отказничество, диссидентское движение, сближение с Сахаровым и Боннэр, переводы правозащитных текстов, применение к диссидентскому движению такого ноу-хау, как пресс-конференции для иностранных журналистов с качественным переводом (Хенкин же и переводил).

В 1973 году ему всё же разрешили эмигрировать в Израиль, куда он благополучно и прибыл в конце года. В Париж не заезжал, так что рекомендация не пригодилась, зато осела в его архиве. Вскоре после приезда в Израиль он отправляется за океан — в полугодовую лекционную поездку по США. По возвращении в Тель-Авив становится внештатным корреспондентом на “Радио Свобода” в Израиле, а в 1974 году и вовсе переезжает в Мюнхен, работает политическим комментатором на “Радио Свобода”. Там же получила работу и жена¹. Кирилл Хенкин — автор трех известных книг: “Охот-

.....

ник вверх ногами” (1980), “Андропов: штрихи к царскому портрету” (1983), “Русские пришли” (1984).

К. В. Хенкин умер в Мюнхене в 2008 году. Оригинал публикуемого письма находится в его фонде в Историческом архиве Исследовательского центра Восточной Европы при Бременском университете.

Письмо документирует и отчасти датирует всплеск эмиграционных настроений у Надежды Яковлевны Мандельштам.

Слухи о размышлениях Н. Я. на эту тему появились еще в 1971 году. Так, А. К. Гладков записал 10 ноября в дневнике: “Еще слух, что Н. Я. Мандельштам собирается ехать в Израиль. Тоже не верится. Она старый человек: там она будет рядовой эмигранткой, а здесь она для каких-то кругов — оракул. Кроме того, она увлечена православием и, по-моему, совершенно равнодушна к иудейству”¹.

Слух, однако, был не на пустом месте. 10 июня 1971 года из Москвы во Францию — наполовину добровольно, а наполовину насильственно — репатриировался Никита Кривошеин. Он вспоминал, как Н. Я. прощаясь, попросила его устроить ей присылку приглашения в Израиль. Кривошеин опешил, но спросил: а где и как она там будет жить и что делать?

Надежда Яковлевна ничуть не смутилась и сказала, что главное для нее — это уехать из СССР. И добавила, что в Израиле она первым делом прикрепилась бы распятие к Стене Плача.

И хотя Никита Кривошеин находил всю эту затею и во всех ее элементах абсурдной, но заранее заготовленные Н. Я. полстраннички с установочными данными взял и куда нужно, то есть в Сохнут или в Натив², передал. Там работали двое его близких друзей, тоже изрядно изумившихся, но тем не менее искомый “вызов” вскоре приготовивших и отправивших³.

Можно было бы предположить, что этими двумя израильянами были литераторы А. Шлэнский и А. Ахарони, о которых вспоминает Борис Гасс⁴. Но даже если они и были бы к этому причастны, то только в качестве еще одной промежуточной инстанции — на пути в Натив.

.....

1 РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Д. 111. Л. 188.

2 Сохнут — израильское гражданское агентство, ответственное за всю еврейскую иммиграцию в Израиль. Натив — спецслужба, в условиях холодной войны осуществлявшая оперативное обеспечение еврейской иммиграции из СССР (приглашения от реальных и фиктивных родственников и т.д.).

3 См. подробнее наст. издание, с. 579.

4 Гасс Б. *Пасынки временных отчизн*. Тель-Авив, 1990. С. 51.

Несомненно, что в начале 1970-х годов тема эмиграции явно обсуждалась в кругу общения Н.Я. — как с идейными сионистами (такими, как Майя Каганская и Петр Криксунов¹), так и с укоренными в православие людьми, в частности с А. Менем. Отговаривали ее, кажется, и те, и другие.

А propos православие. В 1998 году Сергей Аверинцев как ведущий посвященного Н.Я. Мандельштам вечера в РГУ огласил вступительное слово отца Александра Борисова, отпевавшего ее в своем храме 2 января 1981 года при стечении сотен людей. Однажды, когда Н.Я. колебалась, не следует ли ей переменить место жительства, он ей сказал: “Надежда Яковлевна, но ведь нигде-нигде на ваши похороны не придет столько народу!”²

Что ж, этот аргумент, возможно, произвел впечатление. Во всяком случае, засобиравшемся в эмиграцию Томасу Венцлове она говорила, что и сама задумывалась об этом, но всё же решила остаться: “Тут, в России, у меня слишком много друзей”³.

Впрочем, конкретно в 1971 году эмиграция для Н.Я. еще невозможна даже как гипотеза: судьба мандельштамовского архива еще не предreshена и тем более не решена.

То же можно сказать и о 1972 годе, хотя Елизавета де Мони, посетившая Н.Я. в октябре 1972 года, вспоминала: “По ее словам, она собиралась эмигрировать с нашими общими друзьями. «Я смертельно устала от вечного страха, — сказала она и заметила, что ей придется заплатить большой выкуп за право выехать, — я ведь очень дорогая...» Чтобы получить вызов, было решено найти фиктивных родственников, родившихся в Киеве; Киев был выбран потому, что все киевские архивы были уничтожены во время войны. <...> «Я боюсь писать, — сказала она. — Если я выберусь, я напишу еще одну книгу о Ленине и Сталине, об образовании в России и общественных уборных»”⁴.

Ситуация поменялась только в 1973 году, когда архив поэта уже перебрался на Запад, в Париж: Степан и Вера Татищевы благополучно переправили и передали в руки Никиты Струве мандельштамовский архив.

Туда же, в Париж, потянуло и саму Н.Я., что, собственно, и запечатлено в публикуемом письме.

.....
.....

1 Свидетельство П. Криксунова. См. также воспоминания М. Каганской, наст. издание, с. 599–611.

2 Цит. по аудиозаписи (Аудиоархив Мандельштамовского общества).

3 См. наст. издание, с. 521.

4 Рачинская Е. Встречи с Н. Я. Мандельштам (По воспоминаниям Елизаветы де Мони) // Новое русское слово (Нью-Йорк). 1982. 1 декабря. С. 3.

Давид Маркиш

СПРАВКА ДЛЯ НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ¹

.....

Трудно представить себе Н. Я. вне ее прокуренной и пропахшей книгами “однушки”, в комнате, обставленной “случайной” мебелью, на узкой старинной кушетке красного, кажется, дерева. Я попал сюда по приглашению хозяйки, она слышала обо мне, возможно, от моего брата Симона Маркиша, которого связывала с Н. Я. проверенная дружба. Она могла знать обо мне также из радиопередач “Голоса Америки” или “Свободы” — там проходило много информации о протестном движении евреев, добивавшихся разрешения властей на выезд в Израиль. Я принадлежал к таким протестантам, несколько раз получал отказ на свои ходатайства и назывался “отказник”.

На дворе стояла весна или лето 1972 года. У Н. Я. никого не было, я провел в ее доме не более получаса или сорока минут. Н. Я. без долгих слов сказала мне, что хочет эмигрировать в Израиль — и не могу ли я узнать, как там власти отнесутся к ее приезду. Я, разумеется, согласился выполнить ее просьбу — у меня были друзья в Иерусалиме, которым я мог задать этот вопрос, — только уточнил, могу ли я по телефону назвать ее имя. Она дала мне на это разрешение — действительно КГБ едва ли сильно расстроился, узнав из моего телефонного разговора о желании Н. Я. Мандельштам покинуть пределы любезного отечества. К своей просьбе Н. Я. добавила, что она — верующая христианка, и ей хотелось бы знать, повлияет ли это обстоятельство на ее дальнейшую судьбу в еврейском государстве.

Я связался по телефону (моя телефонная линия прослушивалась) с ответственными людьми в Иерусалиме, задал вопрос и вскоре получил (по телефону же) исчерпывающий ответ. Конечно же, Н. Я., в соответствии с Законом о возвращении евреев на историческую родину, имела полное право на иммиграцию. Ее принадлежность к христианству накладывала на нее (по тем временам) определенные ограничения, связанные с финансовой помощью государства новым репатриантам, исповедующим иудаизм или хотя бы не принадлежащим к какой-либо иной конфессии. Сообщив мне эту неприятную новость, мой иерусалимский собеседник — в прошлом известный московский диссидент — остановился на дру-

.....

1 Автор родился в 1938 г. В 1953-м как член семьи репрессированного поэта Перца Маркиша получил 10 лет ссылки. С 1972-го живет в Израиле.

гом аспекте этого дела: переезд в Израиль будет означать для Н. Я. разрушение ее общественного статуса, невозполнимую утрату круга преданных и верных друзей, крушение привычного образа жизни.

Ничто из полученной информации, достаточно горькой, я не считал возможным утаить от Н. Я. И уже приготовился к нелегкому разговору.

Но такой разговор не состоялся: Н. Я. сама сообщила мне, что раздумала уезжать и остается в Москве.

Израиль, 24 августа 2014 г.

.....

“УЗЕЛ ЖИЗНИ, В КОТОРОМ МЫ УЗНАНЫ...”: МАЙЯ КАГАНСКАЯ О НАДЕЖДЕ МАНДЕЛЬШТАМ

(Публикация С. Шаргородского.

Примечания С. Шаргородского и П. Криксунова.

Предисловие П. Криксунова)

.....

...Прежде всего расскажу о встрече с Надеждой Яковлев-ной и только потом — о событиях, ей предшествовавших. Повествование будет достаточно эклектичным: произошло это 40 лет назад, мне не было и двадцати — в то время меня занимали больше разрозненные детали, чем некое целое со своими структурными элементами. Но следующий за моим текст Каганской обязательно придаст им некоторую обобщенность.

...Зима 1974. Начало января. Снег. Какой-то из пустова-тых нецентральных районов Москвы. Панельные дома. Иду как на праздник. Точнее, идем мы: Майя Каганская со своим тогдашним мужем и я, студент технического вуза, приехавший с ними из Киева.

Идем мы в гости к Надежде Яковлевне, знакомиться.

Пригласила нас не она, а Наталья Евгеньевна Штемпель — “ясная Наташа”, моя хорошая знакомая.

Как жаль, что я в то время искал и замечал лишь книги и тексты, почти не видя людей.

...Н. Я. полулежала высоко на подушках, после микроин-сульта. Несколько замечательных молодых женщин (одна из кото-рых оказалась правнучкой известного писателя) ухаживали за ней.

Смуглое лицо, тонкая частая сеть умных, живых морщин, внимательные острые глаза. Нас представляет Наташа Штемпель, садимся, и вскоре, после недолгого разговора, Майя начинает читать...

Страшно записывать дорогое сердцу прошлое. Кажется, упустишь главное, а если так, то и начинать не стоило. Между тем главное состояло в самом факте встречи. К тому времени я уже пять лет бредил Мандельштамом, он неудержимо менял устройство моего зрения, слуха, памяти, настраивал вкусы, устраивал одни знакомства и разрушал другие и в конце концов привел к изучению иврита и отъезду в Израиль, навсегда.

...Майя читает Н.Я. и всем нам свое эссе “Мандельштам и Хомяков”. Слава богу, сейчас оно опубликовано, но долгие годы я считал текст пропавшим, и Майя не разуверяла меня в этом заблуждении. И вообще не хотела больше писать об О.М.: “Слишком много народу занимается им теперь. Тесно. Мне нет места среди них”. И вообще считала, что нечего “застрывать” даже на великих (и, возможно, на них — особенно!): прочел, восхитился, впитал, что нужно, — перешагни, иди дальше, создавай свое. Но по отношению к О.М. эта категорическая максима, по-моему, так и осталась для Майи скорее теоретической декларацией. Практически в любой ее вещи попадает хотя бы отзвук мандельштамовских текстов, отдельные его знаковые слова или прямые цитаты. При этом абсолютная самостоятельность Майиного стиля и образа мыслей немедленно бросается в глаза любому читателю ее статей. Собственно, и статьями такое не назовешь: это настоящая, умная, полнокровная, зачастую веселая и совершенно оригинальная художественная проза о литературе.

И вот — Хомяков в Мандельштаме. Юношеская попытка пишущего по-русски поэта-еврея примерить на себя славянофильство и то, что из этого в конце концов получилось. Мы, слушатели Майиного компактного эссе, ясно видим на хомяковском примере равновеликость стихов О.М. большой русской поэзии. Его открытую беседу с ней, прямую связь и одновременно чуждость ей. Мандельштамовское еврейство — далеко не вся его индивидуальность, но при этом абсолютно стержневое явление его поэтики. Н.Я. не только не сопротивляется — она согласна с Майей, она в восторге от Майиного текста.

Присутствовал ли я на одной встрече или на двух? Возможно, на двух (потом вернулся в Киев — занятия в институте нельзя было пропускать). Но Майя еще оставалась какое-то время в Москве. Как бы то ни было, эссе “Мандельштам и Тютчев”, скорее всего, читалось тоже при мне и тоже было воспринято “на ура”. К великому сожалению, оно не сохранилось. Майя писала книгу

об О. М. Помимо “Мандельштам и Хомяков” и “Мандельштам и Тютчев”, в ней намечались — и уже разрабатывались — две другие главы: “Мандельштам и Баратынский”, “Мандельштам и Лермонтов”. Они обсуждались с Н. Я. в моем присутствии.

В связи с лермонтовской темой читались “Концерт на вокзале” и отдельные строфы “Грифельной оды”, и тогда же Н. Я. пообещала прислать мне по почте неопубликованные ранние версии и варианты. Чего так никогда и не произошло, а познакомиться с этими альтернативными текстами мне довелось уже в Израиле. Но и Майина книга тоже никогда не была дописана.

В пропавшем “Мандельштаме и Тютчеве” прорабатывалась, насколько помню, черно-желтая символика, центральная для О. М., — для всех его этапов, от “Камня” до савеловских стихов. Она вела свое неопровержимо еврейское начало от молитвенной накидки (талеса, талита) рижского дедушки поэта, описанной в “Шуме времени”: “...дедушка вытащил из ящика комода черно-желтый шелковый платок, накинул мне его на плечи и заставил повторять за собой слова, составленные из незнакомых шумов, но, недовольный моим лепетом, рассердился, закачал неодобрительно головой. Мне стало душно и страшно”.

...Беседа шла неупорядоченно. Мы задавали довольно случайные вопросы, могущие сегодня показаться наивными: почему застрелился Маяковский? (Н. Я.: “Из-за бабы”); как умер Бабель? (Н. Я.: “Расстреляли в тюрьме”). Как мы могли упустить возможность услышать неведомую нам правду из уст свидетеля и участника событий тех легендарных времен? Для нас повторен был — в который раз! — рассказ о звонке Сталина Пастернаку после ареста О. М. “Пастернак вел себя в этом разговоре на твердую четверку!” — подчеркнула Н. Я.

А потом вдруг прочла глубоким и вместе глуховатым голосом одно из наиболее близких мне стихотворений из пастернаковского “Разрыва”: “Помешай мне, попробуй. Приди, покусись...” Прокомментировала “приступ печали, гремящей сегодня, как ртуть в пустоте Торричелли” так: “Самое интересное, что никакой ртути в торричеллиевой пустоте не было”. В результате у меня не осталось сомнений в том, что Пастернака Мандельштамы любили.

Н. Я. показала нам первое издание “Архипелага ГУЛАГ” — маленький карманный формат на тончайшей папиросной бумаге. “Это очень значительная книга, — сказала она. — Возможно, самая значительная из всего, что вышло в последние десятилетия”. Майя, главная гостья, получила книгу “на почитать” дня на два-на три. У нас в Киеве ее было тогда не достать. Нетрудно понять, насколько взрывное впечатление она на нас произвела.

С большим теплом говорила Н. Я. о Шаламове, принципиально не сравнивая его с автором “ГУЛАГа”.

Потом приходили какие-то русскоговорящие иностранцы, из Франции, кажется, из Норвегии, возможно, из Англии. Тут я узнал от самой Н. Я., что среди переводов О. М. на иностранные языки она больше всего ценит работы американца Кларенса Брауна. И оценить переводы она могла по достоинству — английский был для нее чуть ли не вторым родным языком.

Завершился визит разговором об отъездах в Израиль: предстоящем Майином; несостоявшемся Н. Я., ею самой же и отмеченном; и моем собственном.

Война Судного дня недавно закончилась, но в воздухе всё еще было тревожно. Мне предстоял очень небезопасный предотъездный период: могли попытаться призвать в армию, а потом “наградить” секретностью минимум лет на десять. “Увозите мальчика, пока не поздно!” — шепнула Н. Я. на ухо Майе. Как будто при тогдашних обстоятельствах нашей жизни Майя могла кого-то куда-нибудь увезти! В результате Майя приехала в Израиль через несколько месяцев после меня.

Мой “собственный” Мандельштам начался с “Травы забвенья” Катаева, опубликованной в “Новом мире” (1967). Внезапно обнаружилось, что после одноразового прочтения этой так называемой “мовистской” прозы у меня в памяти остались все строки и строфы из О. М., приводимые Катаевым, иногда даже без указания авторства. Такое случилось у меня впервые! А ведь там были вкраплены цитаты и из Маяковского, Бунина, из других (неназванных) поэтов. Причем до этого о Мандельштаме мне даже слышать не приходилось.

И, начиная с этой странности моей памяти, покатила буквально лавина: как-то сами по себе приходили с разных сторон подборки мандельштамовских стихов, причем происходило это почему-то в правильной хронологической последовательности: “Камень”, “*Tristia*”, “Стихи 1921–1925 годов”. Каким-то образом оказалось у меня оригинальное издание 1928 года книги “Стихотворений”. Мир обретал сразу массу новых измерений и новых небывалых цветов радуги.

До официального издания тощенького синего тома О. М. в Большой серии “Библиотеке поэта” (1973) оставалось около трех лет. Несмотря на упоминания его имени и прямые цитаты у Эренбурга и Катаева, О. М. еще не был официально “реабилитирован” в печатных изданиях, оставаясь каким-то полужулиганским, если не вовсе подпольным.

И вот оказалось, что есть в Киеве некая писательница, пишущая книгу о Мандельштаме. Весть была столь неожиданной, что поначалу не верилось. Было ведь заранее ясно, что напечатать такую книгу в СССР не удастся. Звали писательницу Майя Каганская. Состоялось знакомство, и удивительная весть подтвердилась. Так началась наша дружба, длившаяся сорок лет, вплоть до Майиной смерти 16 апреля 2011 года в иерусалимской больнице Хадасса.

А тогда, в Киеве, Майины тексты захватывали, околдовывали, открывали новые имена, новые исторические и культурные горизонты. И ведь далеко не всё ложилось на бумагу, многое существовало лишь в виде идей, устное изложение которых оказывалось не менее интересно, чем письменное. Думаю, что Каганская была одним из первых глубоких исследователей творческого наследия О. М. вообще, и уж точно первой она заговорила о еврействе Мандельштама, как о неотъемлемой составляющей его поэтики.

Примерно через год после знакомства с Майей, увлеченность Мандельштамом привела меня в Воронеж, к Наталье Евгеньевне Штемпель. Прогулки с ней по улицам, где Мандельштамы жили в 1935–1937 годах, ее рассказы о дружбе с ними, чтение стихов по памяти на фоне воронежских пейзажей, в них запечатленных, — представлялись мне каким-то фантастическим сном. Летал я в Воронеж на маленькой двухмоторной “Пчелке”, из киевского неглавного аэропорта Жуляны. Помню одну чудную разгадку, пришедшую в воздухе, перед самой посадкой. Невероятно простую — непостижимо, как раньше прямо по тексту не догадался. Глядя в иллюминатор “Пчелки”, пролетавшей низко над смешанным лесом, я вдруг сообразил, почему у О. М. воронежские леса “десятизначные”: округлые лиственные деревья — нули, а торчащие среди них островерхие ели — единицы! Вероятно, для того чтобы такое постичь, необходимо было живое зрительное впечатление.

Но и “ясная Наташа” раскрыла для меня несколько загадочных ранее текстов. Стихотворение “Я видел озеро, стоявшее отвесно...” (“*Реймс — Лаон*”, 1937) всегда притягивало, как магическое заклинание. И совершенно не убили магию, а только добавили притягательности проясняющие слова Н. Е. о том, что родилось оно в результате бесконечных просмотров альбома с фотографиями двухбашенных средневековых соборов — “беффруа”. Такие есть не только в Реймсе, но и в Париже, Руане, Шартре. А большое круглое окно на фронтоне между башнями носит вполне официальное архитектурное название “роза”. Кто-то прислал Мандельштамам этот альбом по почте в подарок. Те же образы — “роза в колесе”, “двухбашенная испарина”, шаль каменеющей “паутины” — попали и в другие стихи о Франции (“Я молю, как жалости и милости...”, 1937).

Я побывал у Н. Е. несколько раз; позже она приезжала в Киев, где останавливалась у нас дома. От Н. Е. на прочтение попадали ко мне редчайшие материалы: первые издания мандельштамовской прозы, американский трехтомник, “Четвертая проза”, “Воронежские тетради”, ранняя, более краткая по сравнению с печатной, версия “Воспоминаний” Н. Я.

Понятно, что не познакомить Наталью Евгеньевну с Майей я никак не мог. Она была восхищена Майиными эссе об О. М. и тут же предложила устроить нам встречу с Н. Я. в свой ближайший приезд в Москву.

Переговоры о предстоящей встрече в Москве совпали по времени с событиями войны Судного дня в Израиле. Параллельно шли разговоры с Майей об отъезде, и как-то сама собой выделялась еврейская составляющая в мандельштамовских текстах. Она оказалась сложной, с виду неоднозначной, в ней приходилось тщательно разбираться. Например, в “Четвертой прозе” поэт абсолютно декларативно гордится своим *почетным званием иудея*. А в “Шуме времени” ему вроде бы не только нечем гордиться, но и всё дело обстоит намного страшнее: прямо за спиной — “хаос иудейства, не родина, не дом, не очаг, а именно хаос, незнакомый утробный мир, откуда я вышел, которого я боялся, о котором смутно догадывался и бежал, всегда бежал”. В чем дело? В чем причина такого кардинального противоречия?

А в том, что в первом случае речь о *крови, тягощенной наследством овцеводов, патриархов и царей*, о генетике свободного и независимого еврейского народа, живущего на своей древней иудейской земле. А во втором — о “стройном мираже Петербурга”, о “блистательном покрове, накинутом над бездной”. И на фоне этого миража — иудейство уж точно “не родина, не дом, не очаг”, а настоящий Египетский плен. Отсюда и название “Египетской марки”, и то, почему “Иосиф, проданный в Египет, не мог сильнее тосковать”.

В первом случае — это и древняя Иудея, и нынешний Израиль. Во втором — галут, диаспора, жизнь в рассеянии между народами, каковая и не жизнь вовсе, а историческое прозябание. В первом случае — есть чем гордиться и куда стремиться; во втором — есть чего стыдиться и откуда бежать, *всегда* бежать. Ведь в том же “Шуме времени” изображена знаковая сцена с еврейским меламедом, которого наняли для обучения маленького О. М. основам иудаизма. Причем “одно в этом учителе было поразительно, хотя и звучало неестественно, — чувство еврейской народной гордости. Он говорил о евреях, как француженка о Гюго и Наполеоне. Но я знал, что он прячет свою гордость, когда выходит на улицу, и поэтому ему не верил”.

Получается, что диаспора — хаос. Земля иудейская и здоровое историческое существование на ней еврейского народа — космос.

Можно привести еще примеры из “Шума времени”, из коих ясно, что галутное, антиисторическое, лишенное тени гордости прозябание евреев, пусть даже и в роскошном имперском Петербурге, вызывает у поэта жгучий стыд и стремление в совсем иные края:

Я покину край гипербореев,
 Чтобы зреньем напитать судьбы развязку,
 Я скажу “селá” начальнику евреев
 За его малиновую ласку.

Еврейская составляющая поэтики Мандельштама повлияла на мое решение уехать в Израиль несравненно более мощно, чем, к примеру, статьи известного идеолога сионизма В.Е. Жаботинского. Лишь впоследствии я понял, что и Мандельштам вполне может быть определен как сионист.

Но только не политический (подобно Жаботинскому), а сионист *поэтический*.

И еще и такой, чьи стихи и проза способны формировать индивидуальную судьбу — например, лично мою.

ПЕТР КРИКСУНОВ

Н.Я.¹ .....

На память памяти Н. Я. Мандельштам

...Проталкиваясь сквозь толщу тридцати с чем-то лет, я неизменно вижу одно и то же: свет в окне.

Нет, не метафора, но подвох памяти, если, конечно, понимать под памятью не запоминающее устройство, но исходное сырье для автобиографического повествования.

В течение полутора-двух лет близкого знакомства с Н.Я. я навещала ее в разное время года и суток. Но воспоминание удержало исключительно зимний пейзаж погруженного во тьму жилого массива, и на этом угрюмом фоне — только ее ярко светящееся окно на первом этаже.

После московского мороза, бессмысленного и беспощадного, тепло прогретой квартиры до сих пор обволакивает спасительным

.....

1

Из книги М. Каганской “Апология жанра”. М., 2014.

шубным уютом. Чего не скажешь о хозяйке дома: теплым человеком она не была и если не ощутимо холодным, то суховатым — несомненно.

Зато в ее присутствии температура жизни повышалась, градус бытия зашкаливал, вещи укрупнялись и приобретали значительность, им несвойственную.

Потому что она была — явление, она была — событие, экстраординарное и чрезвычайное. Она объявилась внезапно и грозно, как объявляют чрезвычайное положение.

Разумеется, не одна, а со своим, теперь уже вечным спутником: едва ли не спиритическими усилиями Н. Я. приобщала беспокойную тень Мандельштама к любому разговору на любую тему. “А вот Оська...” — говорил, считал, думал, любил, не любил... И я попала к ней не “по моде” — а была она в те годы в Москве сильно в моде, — а напрямик по “мандельштамовскому делу” и “наводке” Н. Е. Штемпель.

Мне очень нравилось, что в ее доме нет ни заласканных наглых домашних животных, ни комнатных капризных растений, которые надо ежедневно поливать и обхаживать.

Горсточка вечерних чувств не тратилась здесь ни на что, кроме стихов.

...Не выношу терминологическую “новоречь”. Особенно раздражают слова “нарратив” и “позиционировать”.

А между тем, я не нашла более точного определения для отношения Н. Я к собственному еврейству, чем несимпатичное слово “позиционировать”. Поза и позиция. Да, она именно позиционировала себя как еврейку, подчеркнуто, старательно, при любом подворнушемся случае... А если случай не подворачивался, она сама его “подворачивала”: сворачивала на еврейскую тему. Тему, а не вопрос. Вопросы для нее не существовало — только ответ: евреи — избранный народ. Точка. Необсуждаемо.

Чувствовала ли она нестыковку между происхождением и вероисповеданием? Несомненно чувствовала, но вида не подавала, и не только для вида. Сложилось у меня прочное впечатление, что это противоречие не слишком ее тревожило, и сама она не стремилась ни преодолеть его, ни, как выражались в гегелевскую старину, — “снять”.

По крайней мере, никаких банальностей об иудаизме христианства или христианства в иудаизме я от нее не слыхала.

А вот своей еврейской кровью гордилась. И не той, которая, по чересчур ходкому выражению — “из жил”, но той именно, кото-

рая в жилах. Кровь — строительница моста через пропасть имен и поколений, кровь — судьба и причастность.

И, конечно же, Мандельштам... Так что была она еврейкой с обеих сторон: по крови и по Мандельштаму.

Случались занятные странности. К примеру, вот уже в который раз объявляет, что плохо знает Ветхий Завет, и это непоправимо: возраст подпирает, да и особого интереса нет. Начинала жизнь с Евангелиями (родители крестились еще до ее рождения¹), — с ними и закончу...

Вдруг из какого-то угла, не припомню, по какому поводу, выплывает Талмуд. Н. Я. (почти нежно):

— Это же чудесная книга! Мудрая. Замечательная книга!

Откуда Талмуд? Почему? — не могу знать.

...Черносливные глаза, нос с изящно изваянной горбинкой, нездешняя смуглость... В Израиле такие не диво, но в Москве она произвела впечатление экзотического цветка на морозе. <...>

...Незнакомым со мной гостям представляла меня так: Майя. Киевлянка. Сионистка. Даст Бог и ОВИР — скоро станет израильтянкой. Очень успешно занимается Мандельштамом.

Гости вежливо кивали. К моему выбору относилась не просто одобрительно, но с воодушевлением и даже, как ни странно это покажется, — с гордостью.

У нее и у самой какое-то время были намерения того же плана, даже хранился израильский вызов. Но — не заладилось: что христианка — не собиралась скрывать, что Израиль относится к этому крайне неодобрительно, — знала и не порицала (“после всего, что евреи от христиан претерпели”), но второй раз в жизни сцепиться с государством, да еще еврейским, да еще на старости лет, — нет уж, увольте.

Не нравились и даже пугали кибуцы: опять колхозы! За чем?

В дорожном угаре (телом — в Москве, душой — в Иерусалиме) я множила метры фантазии на миллиметры фактов и рисовала Н. Я. нечто вроде Телемского аббатства². Но она стояла на своем: колхоз он и есть колхоз, как его ни назови. <...>

Сокрушалась, что осталась без родственников: что ни говори, а родная кровь много значит.

Восхищалась воинственностью Израиля, рассказывала, что мало чему так радовалась, как победе в Шестидневной войне.

.....

1   Мать, В. Я. Хазина, отнюдь не была крещеной. — *Сост.*

2   Телемская обитель (аббатство) в романе Ф. Рабле “Гаргантюа и Пантагрюэль” — идеальное сообщество людей, утопический идеал жизнеустройства.

В 73-м не отрывалась от “вражеских голосов”, чтобы не пропустить очередную сводку. Панически боялась поражения, затребовала карту — отмечать боевые действия и передвижения израильских войск. А в одну из последних встреч строго и торжественно приказала: “Не отдавайте арабам Синай. Там Бог говорил со своим народом”.

...Н. Я. была приветлива с теми, кого привечала, и даже любопытна к обстоятельствам личной жизни и биографии близкого окружения.

Говорила: вы (поколение, прослойка, срез, сообщество) — наша месть поколению ваших родителей: они были коммунисты, и они нас уничтожали, а вы отвернулись от них и потянулись к нам. Оська был бы доволен: у него появился читатель. И всё же нередко мне казалось, что ей с нами — скучно. Не с кем-то конкретно и отдельно, а скопом, со всеми — поколением, прослойкой, сообществом...

И то сказать: если на дне ее памяти так и не осели “жесткие романы” молодой Анны Андреевны, ледяное высокомерие Марины Ивановны, любовные громыхания Маяковского или разверзавшиеся хляби хлебниковского безумия, — что могли ей дать мы? Чем удивить? Да ничем. У кого-то — истерический роман, у кого-то — скандальный развод, так ведь важно не у кого, а — кто?

Чтобы сострадание остановило сердце и движение, на рельсах должна лежать Анна Каренина.

А раз так, не остается ничего другого, кроме как растолкать сонную “ауру” наших существований.

Назовите это психологической провокацией, до которой, как я понимаю, Н. Я., особенно в молодости, была заядлая охотница. Но иначе — с чем бы она ела пресный хлеб общения?

...Н. Я. до того тщательно начертала план, что даже место моего назначения вывела крупными печатными буквами: Пушкин. Понимала, с кем имеет дело...

И план действительно свое дело сделал — окончательно меня запутал, и я бессмысленно долго кружу между станционным буфетом и какими-то невнятными, сбегаящими от перрона тропками.

Выручила буфетчица, не без удовольствия наблюдавшая мои стыдливые метания:

— Что? Небось жидовского батюшку ищешь?¹

.....

Я утвердительно слотнула: да, мол, ищу, именно батюшку, именно жидовского...

...Сижу на завалинке, на сквозняке двух потоков речи: один — из окна, за которым о. Александр вразумляет какого-то нервного неопита, другой поток заливаает уши первостатейным матом: рядом со мной на церковном подворье строительные рабочие обсуждают качество кирпича, досок, оплату, заказчика...

Новообращенный в смятении: можно ли совместить Евангелие и карнавал? А что, если даже и М. М. Бахтин¹, до сих пор до дрожи почитаемый, не кто иной, как роковой обольститель, ловец неокрепших душ?

Мат сильно мешает, но по отдельным просочившимся словам и интонациям понимаю: страдальцу грехи отпущены, а попутно и Бахтину с карнавалом: как учит нас М. М., католическая церковь карнавал не осуждала, и негоже нам, православным, быть святее папы римского.

Окрыленный посетитель, конечно же, “из наших”, выходит на крыльцо, со вкусом втягивает запах свежей стружки и под глумливое хихиканье строителей исчезает из пейзажа. Моя очередь.

...В начале семидесятых торговая сеть страны зияет черными дырами, в которые косяками безвозвратно уплывают предметы любой необходимости.

Поэтому моя авоська “под завязку” напичкана жестянками с “Бычками в томате”, “Шпротами в масле”, “Сельдью бланшированной” и даже всенародными любимицами — “Сайрой” и “Печенью тресковой”.

Это Н. Я. прислала о. Александру “кошерный” гостинец по случаю Великого поста и велела кланяться.

Поручение нравственно безупречно именно заурядной обыденностью повода: ведь не для того я мерзла в нечистой, еще не оттаявшей от зимы электричке, чтобы всемогущий о. Александр и меня приобщил к свету истинной веры!

На это Н. Я. не только что не рассчитывала, но и не хотела даже самой укротной клеточкой своего со- и подсознания. В этом я абсолютно уверена. Диалога ради? Но в то время пандемия мирового диалогического слабоумия, с какой бы стороны она ни надвигалась, даже не маячила на умственном горизонте, и даже само слово еще не успело сойти с академических высот.

.....

1 Майя встречалась с М. М. Бахтиным. В “Апологии жанра” есть ее воспоминания о встрече — “Шутовской хоровод”.

Так что спроси я тогда у Н. Я. что-нибудь эдакое про диалог, она бы немедленно отослала к Платону¹. Как в гимназии учили. Без всяких дополнительных уроков Бубера или Бахтина. <...>

Ну, не диалог — тогда, может быть, поединок мировоззрений, “дуэль умов”, до которой, в пику дворянской “дуэли чести”, так охоче русское разночинство?

Но — нет: идейного противоборства она тоже не хотела. А хотела она нас друг другу даже не представить, а — показать, как два самостоятельных театральные коллектива.

Инсценировка — ее, место в первом ряду — тоже. Жанр — провокация, а дальше — как сложится. Дальше ничего не сложилось, но всё запомнилось с подробной яркостью дневного сна.

...Для горенки слишком низко, для светелки — темновато, для кельи — воздух не тот, не келейный, библиотечный воздух от пыльных скопищ книг по углам.

Какая-то демонстративная, почти театрализованная бедность, как будто взятая напрокат из сочувственных рассказов Чехова о бытовых ужасах жизни деревенского клира.

Казалось, что рядом, не за стеной даже — за перегородкой попадья “из хорошей семьи”, непривычная к черной работе, золой перемывает груды исподнего: мыло-то нынче дорого, не купишь! (Попадья, впрочем, так и не появилась, и только два предмета роскоши нездешним светом озаряли поистине чухонскую убогость приюта: это преогромная, шикарнейшая бумага, едва ли не штабная карта на стене и — хозяин дома за столом из неструганных досок на кирпичках.)

Карта Ближнего Востока, весело и густо расцветченная свежесрезанными флажками, — они продолжают отслеживать передвижения израильской армии в уже закончившейся войне Судного дня.

...По какой-то фасеточной ассоциации о. Александр напоминает мне мандельштамовского “Декабриста”: и не халат на нем, а ряса, и ни чубуком, ни трубкой не пахнет, и губы у него не ядовитые, а, напротив, самые что ни на есть располагающие, и непонятно, что на что он променял: сон на сруб или сруб на сон, но та же в нем красноречивая “декабристская” нездешность (нет ничего более чуждого русскому декабрю, чем декабрист — оттого, быть может, и восстание не удалось), вопиюще не пара он всему окружающему, как пришелец из другой страны. Только там бывают такие лица цвета несошедшего загара из какого-то вечного лета, переизбыток пигмента в черных волосах, глазах, бровях, как хлорофил-
.....

1 См. очерк Э. Г. Бабаева “Диотима”, посвященный Н. Я. (БАБАЕВ Э. Г. *Воспоминания*. СПб., 2000. С. 128–144).

ла — в южной зелени, врожденная властность холеных рук... Чудо как хорош...

Поговорили. Посетовал: искренне верующих в Бога, что христиан, что иудеев, так мало, что, даже собранные вместе, еле-еле заселили бы “хрущевку”.

Усомнился в том, что сионизм моего образца (т.е. светский или, как он выразился, “профанный”) имеет шансы на выживание. Разве что вы (я то есть) протолкнете его в будущее. Комплимент. Шутка.

Неприлично часто перевожу взгляд с него на карту, словно выискиваю там для него подходящее место, и он, заметив, подтверждает: да, так и есть, война войной, но и без войны мечтал осесть на Святой земле.

— Но в Израиле миссионерство запрещено законом, а я не могу жить, не проповедуя слово Спасителя. Кому ж мне его там проповедовать? Арабам? (Подходит к окну, распахивает, разводит руками.) Так арабов у меня и здесь хватает...

Размах рук так широк, что в это нелюбовное объятие втягивается весь оком — от двора с дровосеками и низко зависшим небом до чахлого ельника и верхушек дальних сосен, застилающих горизонт, весь этот печальный апрель, так и не решивший, то ли ему до конца дотаять снег, то ли ошпарить заморозками, — всё это безвременье, растворенное в природе. И всё это — “арабы”.

...На буфетчицу Н. Я. зло усмехнулась:

— Антисемитизм дворни. Сколько я такого насмотрелась, когда жила в провинции! <...>

А про “арабов” я исполнила на “бис”, дважды подряд.

Очень понравилось.

А вскоре его убили¹. Убили в параллельном моему времени, намного более торопливом, чем реально прошедшие почти двадцать лет со дня нашей встречи. Но я не ухожу, — я переживаю мгновение длиной почти в два десятилетия. “Звездный луч — как соль на топоре...” Учите матчасть.

Не знаю, тревожила ли Н. Я. загадка “зги заgrabной” или онтологическое доказательство бытия Божия. Ни о смерти, ни

.....

1

О. Александр Мень был смертельно ранен ударом топора 9 сентября 1990 года, причем убийство так и осталось нераскрытым. Приводим авторские маргиналии, видимо, имеющие отношение к обстоятельствам гибели А. Мень: “В своем подлинном виде его лицо держалось из последних сил, словно плотина, (в нем была) нагота не любовного акта, а больничной палаты (или morga)”.

о Боге она вообще не говорила. По крайней мере, со мной. Помому, вера как состояние души, включая и главную из вер — в Бога, в состав ее “генома” вообще не входила. Равно как и надежда. Нет тот человек.

Иное дело — религии, конфессии. Это интриговало, задевало: христианский персонализм в споре и ссоре с иудейским коллективистским избранничеством... Или протестантский пиетизм — в отличие от Мандельштама не любила “лютеран богослуженье”. А вот к чему испытывала активную неприязнь, так это к тогдашним (и только ли тогдашним?) идолам советской интеллигенции, всем, без исключения, видам восточных культовых “единоборств”: что йога, что дзен, что буддизм, что через черточку — один звон.

По преданию, Анна Андреевна по прибытии в Ташкент оглянулась окрест и проговорила: “Очень средняя Азия”. Так и Н. Я. могла бы сказать: “Очень дальний Восток”. <...>

Но была одна тайна, нет, не тайна — таинство, перед которым Н. Я. в изумлении и благоговении немела всю жизнь: рождение стиха. Но и раньше: зарождение.

Они — О. Э. и Н. Я. — были близки той особой сиротской близостью, которая возникает у иных избранных пар на сейсмическом сломе истории, культуры, быта.

Они были “бомжи”, выброшенные в бесприютность революционными беспорядками в начале и советским “новым порядком” потом.

Они — не семья, пусть даже бездетная, оба принципиально бессемейны в бездомном мире; они — это остров на двоих, застывшее настоящее с памятью о прошлом, не разделенной, а помноженной на два. И с предчувствием будущего, которого не будет. <...>

Доходило до меня, — не припомню, в каком виде, публикаций или частных разговоров, — будто молодое поколение мандельштамоведов сильно раздражено против Н. Я.: дескать, она незаконно оккупировала всю территорию мандельштамовской поэтики, так что всякий иной подход натывается на “укрепрайоны” ее книг и авторитета. Короче: “Тень, знай свое место!”¹

Это бесчестно. Непредвзятое чтение ее книг ясно показывает: она не лезла стихам в душу (“идейное содержание”), не за-

.....

1 Слова из открытого письма (1973) задетого мемуарами Н. Я. Мандельштам писателя В. А. Каверина (1902–1989): “Вы не вдова, Вы — тень Мандельштама. В знаменитой пьесе Шварца тень пытается заменить своего обладателя — искреннего, доброго, великодушного человека. Но находятся слова, против которых она бессильна. Вот они: «Тень, знай свое место»”.

рилась на частную собственность профессуры: организация стиха с помощью “орудийных средств” рифмы, ритма, размера... То, что она писала, и писала блистательно, была повесть об обстоятельствах стиха и автора.

Для подобного жанра у нас имеется необходимый термин: “контекст”.

Но контекст, как русский человек, “слишком широк” (от истории и политики до “квартирного вопроса”): “не мешало бы сузить”.

И Н. Я. “сужала”: у нее не контекст порождает или набредает на соответствующий ему текст, — нет, текст О. Э. сам определяет свой контекст, притягивая, как магнит опилки, из “шума времени” лишь необходимое себе в качестве глины, первичного сырья.

Н. Я. из стихов извлекала подстрочник реальности, восстанавливала черновик жизни.

Потому так высоко ценила наблюдение в ранге озарения, вроде открытия И. Семенко (так, кажется), что “малиновая ласка начальника евреев” в “Канцоне” перекочевала туда с картины Рембрандта “Возвращение блудного сына”¹.

Это был дорогой подарок — цепочка чистого золота: посещение музея — от зрительного нерва — к речи, от изображения — к слову. <...>

Женский состав окружения Н. Я. был не прочь “загрузить” ее своими любовными романами, повестями и рассказами: муж, любовник и обязательно еще некто, беззаветно, но безответно любимый.

Делалось это, разумеется, с позволения Н. Я. и даже при прямом поощрении с ее стороны.

Вероятно, всё от той же “недосоленности” общения.

Однообразные, но многочисленные сюжеты этой “исповедальной прозы”, кто бы ни был ее автором, Н. Я. никогда не пересказывала, мне — точно, но и другим, я уверена, тоже.

Провокация — это, быть может, и не доблесть, но сплетня — точно низость.

Так что о гостях и гостях Н. Я. я знала только то, что они сами о себе говорили.

Иногда, впрочем, делилась со мной общими наблюдениями и соображениями по поводу моих современниц. Примерно так:

.....

1 Указанное наблюдение принадлежит самой Н. М., Семенко же она лишь “попросила посмотреть, как распределяются теплые тона на картине Рембрандта” (*Собр. соч.* Т. 2. С. 551).

— Что-то всё у них (у вас) чересчур сложно, избыток психологии, возни с собой, на одно действие — целый выводок чувств. Но так всегда было, женская порода. Аня, покойница, например, почти до конца жизни была уверена, что все знакомые мужчины по ней вздыхают, одни — явно, другие тайно. Тайных вздыхателей было, конечно, больше. А у меня еще с молодости (смешок) по поводу сложных чувств и запутанных отношений всего два вопроса: а спать он с вами хочет? А он на вас тратится?

Усмешка.

Смеялась мало, усмехалась часто.

В том, что не касалось высших ценностей (поэзия, свобода, культура, личность), в сфере, так сказать, “человеческого, слишком человеческого”, ей был свойствен обворожительный цинизм старинного, “золотопогонного” образца, такого больше не сыщешь: насмешка романтизма над сентиментализмом.

Нет, “поэтической натурой” Н. Я. решительно не была. Но не была и натурой прозаической. Я не встречала человека менее приземленного, менее прозаичного, чем Н. Я.

А вот прозаиком, притом великолепным, была. Недаром такой литературный аскет, как Шаламов, ставил прозу Н. Я. выше поэзии О. Э.¹

...Только прирожденный прозаик способен начать свое повествование с многоточия, как если бы то было продолжение какого-то предыдущего текста, а первое слово, которым открывается наличный текст, — это деепричастный оборот, “набранный” к тому же дерзким трехбучием: “дав”.

“...Дав пощечину Алексею Толстому, О. М. немедленно вернулся в Москву...”²

Фраза построена как оплеуха, и звук пощечины формирует в дальнейшем всю акустику книги.

Но что сформировало стиль? А что книга не просто, а щеголевато “стильная”, — в том нет сомнений.

Проза Н. Я. выписана не “по закону”, а “по понятиям” литературы, притом скорее XVIII века, нежели XX (XIX пропускаем). Достаточно сравнить мемуаристику Набокова с мемуарами Н. Я., чтобы убедиться: вопреки историческому календарю это два типа памяти, настроенные на разновременные звучания.

Мемуарная проза Н. Я. — это проза отказа.

.....

1   Такого рода высказывания у В. Т. Шаламова неизвестны. — *Сост.*

2   Первая фраза “Воспоминаний” Н. Я. Мандельштам.

В молодости она обучалась живописи. Но себе как автору с “хорошо темперированным” глазом она отказывает и в “светотени” при обрисовке персонажей, и в живописной пластичности деталей в портрете времени.

Как спутница великого поэта, она демонстративно отказывается не только от метафоры, но и на тропы любого другого тропа не сворачивает.

Так называемые художественные средства отвергаются во имя однозначно твердой оценки людей и событий и предельной ясности сообщения: кто — что — где — когда.

Такую позицию — рассказчика, оценщика, судьи — удерживала литература XVIII века.

Образ и символ начали теснить понятие только в XIX веке. И то очень не сразу.

Будь моя воля, я бы выбрала эпитафией к “Воспоминаниям” Н. Я. дальнобойный императив Мандельштама: “В такие дни разум — *ratio* энциклопедистов — священный огонь Прометея”¹.

Назло и вопреки веку, эпохе и к собственному немалому удивлению Н. Я. прожила столь долгую жизнь именно потому, что родилась прозаиком: ведь главная доблесть прозы — это любопытство к жизни, людям и положениям, городам и годам...

В отличие от замкнутого на себя стиха и поэта. Поэзия потому и окружена частоколом поэтик, потому стих и воспламеняет любопытство, что сам его не проявляет. На вопросы, приходящие извне, стих не отвечает. А проза отвечает и сама их задает.

Затянувшийся апокалипсис становится бытом. В апокалиптическом быту Н. Я. провела больше сорока лет отпущенного ей срока.

Любила свой запоздалый, но оттого еще более ценимый уют.

Вслед за Ильфом повторила: “Отсюда меня только вынесут...”² Обоим повезло.

Высоко ценила серую скуку брежневского “застоя” и лично тов. Брежнева: “Первый из «них» не людоед и не кровопийца. Наконец-то можно спокойно разобраться с Оськиными стихами”.

Думала ли она, что это затишье перед очередным девятым валом и двенадцатым часом? Ведь она всего пяти лет не дожидается до крушения Третьего Рима...

.....

1 Финал статьи О. Мандельштама “Деятнадцатый век” (1922).

2 Известная по воспоминаниям фраза И. А. Ильфа (1897–1937), которую писатель любил повторять после получения им московской квартиры в Лаврушинском переулке.

Вряд ли, то есть вряд ли думала: “время, вперед” ее мало интересовало, занимала “обратная перспектива”, — с прошлым бы разобраться...

...На подушке — ее старая седая царственная голова, непропорционально большая в сравнении с маленьким, как бы застеснявшимся телом, чьи очертания колюче обозначались под одеялом или пледом.

Старость ее была соблазнительна, приманчива...

Хотелось дожить до ее лет, чтобы вот так, точеным жестом, выкуривать одну за другой — нет, не сигарету, а папиросу. Папиросы особые — “Беломор” с непоправимым запахом беды.

Пользовалась не односекундной зажигалкой, а частыми сполохами спичек, — каждый раз высвечивался низ подбородка, твердого, без дрожи...

Хотелось, чтобы вот так, как она, при всех никогда не задремывая, вдруг таинственно исчезать, внезапно оглядываясь на пустоту.

Пустота — для нас, а для нее — шорохи, шепоты, голоса, оклики... Как будто сбегала не только от нас, но и от течения времени.

За два года знакомства я лишь однажды видела ее во весь рост, одетой для выхода: длинный плащ из габардина когда-то стального оттенка; в начале пятидесятых, в пору габардиновой моды и всеобщей бедности, такие плащи величали на шотландский лад “макинтош”; на голове — шарф, дырчатый, шерстяной, ручной вязки, этот еще постарше будет: такие шарфы послевоенные зимние модницы повязывали поверх неуклюжих меховых шапок, не для тепла — для красоты; в руках палка-костыль... А я-то втайне надеялась на трость с набалдашником!

От входных дверей до подъезда, где нас ждет такси, расстояние кратчайшее, но Н. Я. несколько раз останавливается, и губы у нее — синие. А у меня впервые при взгляде на нее жалостью и тревогой сжимается сердце.

Мне дважды повезло: я успела на расцвет ее старости и не стала свидетелем дряхлости и смерти.

Мы едем в магазин “Березка”: по случаю начала весенне-летнего сезона Н. Я. решила меня принарядить. Ее каприз.

Задумано было — походить вместе, осмотреть, пощупать, примерить, обсудить, короче — устроить маленький женский праздник, не 8-е марта, слава богу!..

Но Н. Я. как-то сразу и нехорошо устала, ей принесли стул, и она предоставила меня собственной судьбе. Судьба была так себе.

Атмосфера в “Березке” пренеприятная, несвежая атмосфера, вороватая, даже не Торгсин времен НЭПа, а какая-то потребительская “малина”, притон для дефицита...

При взгляде на призывно развешанную толкучку кримпленов, джерси, полиэстеров и твидов гогеновских расцветок и уныло-эlegantного покроя мне тоже становится нехорошо, и я отчетливо понимаю, что ничего не выберу. Но это — нельзя.

И вдруг — удача!.. В самом конце одного из бесконечных рядов, в стороне от респектабельных родственников притулилось нечто...

Как дурнушка на выданье среди шумного бала завидных красоток-невест...

Явный изгой, отщепенец в пошивочно-портняжной семье, мутант, образовавшийся из полигамного союза пальто, платья и брючного костюма. Носится на обе стороны, причем каждая выглядит как изнанка...

Сыграв Андрея Болконского и нежно прижимая к груди проволочную вешалку с распятой на ней Наташей, направляюсь к стойке расплат и раздач.

Н.Я. удивленно подымается: выбор занял меньше десяти минут.

Обслуга потрясена (“уж и не чаяли пристроить...”) и предлагает в награду от фирмы любой приглянувшийся товар за бесплатно (разумеется, в разумных пределах).

Н.Я. заказывает свой стандартный набор: бутылка джина, дивный “чеддер” в круглом малиновом пластике и, разумеется, доплачивает.

В такси Н.Я., удовлетворенно поглаживая пакет с шелковым монстром, признается, что опасалась, как бы я не выбрала чего-нибудь скромно-эlegantного “на каждый день”... Конечно, и это бы сошло, но как-то скучно... <...>

...Нарождавшееся мандельштамоведение Н.Я. встречала с энтузиазмом, мандельштамоведов — с еще большим.

Независимо от метода, который каждый из них исповедовал, будь то модный тогда структурализм, осколки формализма или старый добротный историко-сравнительный анализ.

Всех привечала, всех приваживала, и только одного хотела: чтобы одержимых Мандельштамом было как можно больше и разных. И одержимость была...

Вслед за О.Э. Н.Я. почитала филологию последним, если не единственным залогом бессмертия поэзии и поэтов.

Но чудилось мне еще и кое-что другое: как будто она затаилась в ожидании кого-то, кто сильнее ее, и дальше, и решительнее,

чем она, совершит прыжок из царства свободы интерпретаций в царство необходимости стиха, ибо стих есть необходимость, в противном случае он — фальшивый купон.

На пороге стиха, не умея его переступить, топчутся наши представления, заботы и тревоги по поводу свободы воли или свободы выбора.

О связи свободы со стихом можно рассуждать лишь в связи с “*vers libre*”, свободным стихом, и только в одном направлении: какие вехи необходимо поставить располагающему свободой стиху, чтобы он оставался в границах поэзии.

Так что напрасно Н. Я. беспокоилась (если беспокоилась): ближе нее к стиху О. М. всё равно никто не приблизился, потому что нет перехода от того, что мы называем реальностью, действительностью, существованием, к тому, что в старину именовалось поэзией, искусством, творчеством, наконец...

И если поиски и попытки продолжают до сих пор, так это оттого, что в качестве реликта нами владеет религиозная боязнь незаполненного пространства. Но пора привыкать к дырам, которые нельзя заштопать, разрывам, которые невозможно склеить, расщелинам, которые не получается засыпать и утрамбовать, причинам без последствий и беспричинным следствиям...

Другой вселенной у нас нет. Да и эта под вопросом...

Моим изысканиям в области мандельштамовской поэтики Н. Я. внимала весьма благосклонно. Однажды сказала: “Тянет на книгу”, и предложила снабдить своим предисловием.

Я отказалась и пояснила: она слишком известна, поклонников у нее множество, недоброжелателей не меньше, и я бы не хотела, чтобы с ней сводили счеты или объяснялись в любви через голову моих сочинений.

Поняла, приняла, не переубеждала. <...>

...А тем временем на безоблачном небе наших отношений собирались тучи... Назревал надрыв, и я до сих пор удивляюсь, что он не перешел в разрыв. Однако же не перешел, но грянуло сильно...

Шла речь о стихотворении “Не искушай чужих наречий...”

Мой разбор Н. Я. веско предварила, сказав: “Здесь Мандельштам имеет в виду измену русскому языку” (увлечение армянским и пр.).

Я взвилась:

— Н. Я., ну при чем тут русский язык? Где он, и где “уксусная губка для изменнических губ”? Ведь “уксусная губка” такая же точная примета казни Христа, как ладонь, пробитая гвоздем в блоковском стихотворении (“Христос! Родной простор печален...”)

Так что “изменнические губы” — это, простите, губы самого Христа.

Ключевое слово, отворяющее стих, — это “искушение”. Ну и куда вы денетесь от того, что слово это, как говорят наши друзья-структуралисты, “маркированное”, меченое слово, однозначно связанное с евангельским рассказом об искушении Христа в пустыне?

Так вот: теперь уже Христос предстает перед Мандельштамом как искуситель, обещающий спасение. Но это иллюзия, потому что речь чужая, имя тоже чужое, а “последний раз перед разлукой чужое имя не спасет...”.

Опять же: Средиземноморье... Для Мандельштама не менее святая земля, чем породившая Спасителя Палестина. А значит, и она — искусительная иллюзия, “блистательный покров, наброшенный над бездной...”. А в бездне — “Ариосто и Тассо... чудовища с лазурным мозгом и чешуей из влажных глаз”. Обратный ход метафоры, от мнимой реальности — к подлиннику, вместо чуда спасения — чудовища, морские чуда-юда, как в лермонтовской “Русалке”...¹

Я бы еще очень и очень обратила внимание на одышливое слово “клекот”: “О, как мучительно дается чужого клекота полет!” “Клекот” — слово законное, словарное, но чрезвычайно редко употребляемое в одиночку и оживающее лишь вблизи одного эпитета — “орлиный”.

Орлиный клекот.

Так что “орел” в строчке о чужом клекоте неявно, но настойчиво присутствует: он, клекот, потому и “чужой”, что орлиный. Где орел — там империя. В целом полный ландшафт христианства: метафизика становится исторической, история — метафизической. Потому что Рим... От Первого до Третьего... (“Не три свечи горели, а три встречи, одну из них сам Бог благословил, четвертой не быть...”).

И вообще: почему вы думаете, что Мандельштам, именно в этот период устроивший переэкзаменовку всем своим прежним миростроительным установкам, обошел христианство, не коснулся его? Коснулся, еще как коснулся!.. “Не искушай чужих наречий” тому подтверждение. Будьте же объективны и справедливы!

Я впервые увидела, как бледнеет и без того бледное лицо — до пепла.

.....

¹ Видимо, описка: здесь вероятнее упоминание пушкинской “Русалки” (1819), тем более что одинокая “борода седая” утонувшего монаха из этого стихотворения напоминает мандельштамовскую “Хомякова бороду” — то есть предмет статьи М. Каганской “Мандельштам и Хомяков”.

Сняла очки, отложила в сторону рукописные листочки, с которыми никогда не расставалась, приподнялась с подушек:

— Дайте слово, что не опубликуете этот комментарий, по крайней мере, пока я жива.

Слово я дала и не только сдержала — передержала: вот уже за четверть века перевалило, как ее нет на этом свете, а разбор мой так никого и не искусил, затерян в черновиках, даже не знаю — жив ли?..

Ну и ладно: среди множества цезур и белых пятен, оставленных мной “по жизни”, пусть белеет и это.

Статья “Осип Мандельштам — поэт иудейский”¹ была написана уже в Израиле, поэтому Н.Я. ознакомиться с ней никак не могла.

(Впрочем, как мне доподлинно известно, в конце семидесятых русскоязычная израильская журнальная пресса в том или ином виде до России доходила... Кто знает?

Известные Н.Я. наброски в статье практически не использованы. Да и вызвана она совсем не первооткрывательским филологическим азартом, как было в Союзе...

Архитектура здешнего неба, земля цвета охры, лилово-красное цветение деревьев, лепка лиц — всё это ошарашивало.

Вместо привычного, но малодоступного личному опыту испытания поэзии временем обстоятельства подбросили мне вызывающе демонстративное “испытание пространством”.

Название статьи способно ввести в заблуждение.

Эпитет ни в коем случае не относится к вероисповедальным праотцовским корням личности поэта.

География тут более значима, чем история, а топография важнее биографии: “иудейский” — это как Иудейские горы или Иудейская пустыня.

Тогда для меня из всей русской поэзии только строчки Мандельштама не выцвели под первобытным израильским солнцем, и только его стихи звучали в рифму иудейским холмам...

Но, вернувшись в тогда, снова и снова вопрошаю: что это было?..

И тут возможны два и только два варианта.

Либо я что-то важное в Н.Я. проглядела, упустила, и это — ее христианство.

.....

Я-то полагала, что у нее христианство — чисто культурное переживание высшего порядка: от Гейне до Мандельштама христианство, эта “ветка Палестины” и “младшая сестра земли иудейской”, давало еврею не просто входной билет в европейскую культуру, но и нечто большее — чувство причастности, законности своего пребывания в этой самой культуре... А без нее и жить-то не стоит.

Такое же отношение она приписывала Мандельштаму: сын, отпущенный отцом на волю для свободной игры с его творением...

А что, если — нет, если я ошиблась, и ее христианство намного ближе к вере в Христа, чем к любви к Шуберту и Гёте?

Тогда, значит, я оскорбила в ней веру, да еще по дороге Мандельштама взяла в заложники...

Возможен, однако, — и даже очень! — другой вариант...

Ведь она со мной не спорила, не протестовала, не опровергала... Просто попросила... А значит, признала мою правоту. А значит, это не я в ней, а она сама что-то в Мандельштаме сильно недопоняла, нечто существенное в нем просмотрела, проворонила во время их воронежского сидения.

А это — как удар по прошлому, излюбленная фабула мелодрам, а то и водевилей: случайно обнаруженное свидетельство измены горячо любимого покойного супруга, с которым жили душа в душу, тело в тело.

Приоткрывалось неожиданное, намечался момент истины, домыслить который невозможно, — таинственным образом к нему примешивался интерьер: настольная лампа, которая светила куда-то вбок, не покушаясь на наши лица, нечто серенькое за окном, то ли поздний февраль, то ли ранний март, а главное, запах, напитавший комнату, смесь табака и засохших цветов, загадочный и тревожный запах воспоминаний.

Сценография выстроилась под стать сцене, столь значительной, что, по счастью, у нее имелся безупречный зритель и свидетель — Петя (Петр) Криксунов, ныне уже не единственный (научил-таки!), но всё еще лучший переводчик Мандельштама на иврит¹.

Н. Я. про него говорила:

— У него ресницы, как у Оськи в молодости. И взмахивает он ими точно так же...

.....

1 Мандельштам — один из наиболее часто переводимых на иврит поэтов. Армия его переводчиков неуклонно растёт и сегодня. Проблема в качестве переводов! И не только стихов О. М., а вообще в качестве любой силлабо-тоники, переводимой на иврит. Успехи случаются, но они редки. Трудно сказать, существуют ли “лучшие” переводы Мандельштама на этот язык. Скорее всего, на иврите он до сих пор еще не состоялся.

Однажды Петя прочитал Н.Я. свое эссе “Ворованный воздух”¹, яростное и навсегда прощание с Россией. Эссе Н.Я. напугало (“Такая ненависть! Я и не подозревала...”), еще больше испугалась за автора. После чтения, улучив минуту, шепнула: “Увозите его скорей!”

До публикации Петиных переводов читающий Израиль знал О.Э. только как мужа Н.Я.: ее “Воспоминания” перевели достаточно оперативно², с успехом и последствиями. <...>

...В каком-то из мемуаров о Н.Я., чьем точно — не упомяну, скорей всего, всеохватной Эммы Г.³, я споткнулась об эпизод, внезапно увиденный мной изнутри, своими глазами и навсегда, — как если бы чужая память стала собственным воспоминанием или чужое воспоминание — собственным сном.

Это Москва. Это конец сороковых и зимы. Еще холодно, но уже не люто, снег еще летает, но втихоря, стыдливо.

Экспозиция передвижников, смесь “пейзажа с жанром” сталинской школы: особая лирика мирового захолустья, тусклый уют уцелевших комнат в развороченных домах, осторожное продвижение к утраченному идеалу обыденности. А это значит: круговая порука и круговая оборона сотен тысяч выживших против легионов еще неостывших мертвых.

Негустая, но плотно сбита толпа у входа в зал им. Чайковского.

В стороне от нее, на отшибе, у колонны зыблется тень без особых примет. За колонну она не столько прячется, сколько цепляется, а когда отпускает и ныряет в толпу, — ее не толкают, но аккуратно огибают, как невидимую, но ощутимую преграду при массовом заплыве. Тяжелое драповое пальто, слишком обширное для ее усохшего тела, боты — глазом ощупываю их рвущуюся наружу малиновую подкладку, руки без перчаток, голова непокрыта.

Концертное братство тех дней не радует глаз элегантностью, а нос — ароматом тонких духов. Если чем коллективно пахнет, так это нафталином, стойко охранявшим останки довоенных гардеробов.

.....

1 Это был короткий — на одну тетрадную страницу — крайне интенсивный текст, написанный под прямым влиянием “Четвертой прозы” О.М. Он не сохранился. Оказывается, экзистенциальный ужас можно было испытывать даже в период брежневского застоя. Н.Я., прослушав “Ворованный воздух”, отреагировала несколько неадекватно: “Наверное, там у вас в Киеве сильнее чувствуется антисемитизм”. Она никак не могла себе представить, что дело не в отталкивании от СССР, а именно в притяжении к Стране Израиль, впитанном пряником из мандельштамовских текстов.

2 В 1977 г. под названием “Тикв’ат а-шир” (“Надежда стиха”). Книга вышла в Тель-Авиве, была какое-то время довольно популярна, переиздавалась несколько раз. Сегодня о ней помнят немногие. Никакие другие произведения Н.Я. М. на иврит не переведлись.

3 Эммы Григорьевны Герштейн.

Но от незнакомки не несет и нафталином; запах, который из нее не выветрился, это запах страха, сумы, тюрьмы и войны, убойная смесь 37-го и 41-го, неизбывный запах несчастий, которые уже были и наверняка еще будут...

Она — меченая, в прямом милицейском смысле: ей даже ступить на московские торцы запрещено, тем более, отбрасывать тень.

И вдруг некто, отчаянно смелый, срывает с нее шапку-невидимку:

— Боже мой! Наденька! Вы?! Откуда? Что вы здесь делаете?

Не сворачивая взгляд с афиши, с трудом и нехотя размыкая отсыревшие губы: “Оськина музыка”.

На афише: Моцарт, Шуберт, Бетховен.

...Наплыв. (Дальнейшее — со слов самой Н. Я.) Тот же зал, та же несмываемая и несменяемая афиша.

Двадцать лет спустя.

В Москве гастролирует Венский филармонический оркестр. Поклонники из “ближнего круга” обеспечивают Н. Я. сопровождение и место в первых рядах.

После концерта растроганная Н. Я. хочет сказать несколько слов музыкантам.

Кто-то из ее спутников проскальзывает за кулисы к руководителю оркестра и передает просьбу Н. Я. в телеграфном ключе: она — вдова, он — величайший поэт, размером с вашего Рильке (про себя: как бы не так! по крайней мере, на два размера больше!), — Сталин — концлагерь — мемуары — мировая известность (“обязательно прочитайте! переведены на все европейские языки... о! конечно же, и немецкий... в первую очередь немецкий...”) — возраст, нездоровье...

На негнущихся от благоговения ногах австриец спускается в опустевший полутемный зал. Н. Я. встает ему навстречу и — торжественно, и — по-немецки произносит:

— Дух музыки отлетел от Германии. Слава богу, что он сохранился в Австрии...

Пронзенный признательностью музыкант надолго приникает к ее руке, в глазах слезы: австрийцы еще сентиментальнее немцев.

“И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей игре...” Выходит, не “напрасно ты Моцарта любил...”. А вот Гоголь сокрушался напрасно: “Что с нами будет, если и музыка нас покинет?”¹

.....

1 Цит., соответственно, из стих. О. Мандельштама “И Шуберт на воде, и Моцарт в птичьей игре...” (1933–1934), “Ламарк” (1932, в ориг.: “Ты напрасно Моцарта любил”) и статьи Н. Гоголя “Скульптура, живопись и музыка” (1831, в оригинале: “Но если и музыка нас оставит, что будет тогда с нашим миром?”).

Не покинула.

Видит Бог, музыка есть и над нами, и под нами, и сбоку, и прямо в лицо... Звезды не говорят, — они голосят со всех концов Вселенной, и у каждой своя музыка, каждой звезде по музыке, каждой музыке по звезде.

Вторжение инопланетян. Воистину “музыка сфер”... Только не в высоком, космическом, пифагорейском смысле, а в агрессивном геополитическом: “раздел мира на сферы влияния”.

Раздел музыкального мира на сферы влияния, да еще при том, что все эти сферы способны сбегаться в одну точку пространства и оккупировать ее.

Музыкальный космос поделен на сферы влияния, но не закреплен за пространством, а захватнически мигрирует в любую его точку и — обесточивает ее...

Источником звука стало всё, от телефона до товара в супермаркете.

Музыки стало так много и отовсюду звучащей, что внезапно наступающие паузы — тишина, а не музыка исчезла из мира, — воспринимаются, как в другом веке — роаяль в ночи.

Время перестало быть коллективной собственностью, оно резко и необратимо “приватизировалось”... Если в старом режиме времени оно управлялось из одного хронологического центра — история отмерялась датами, люди — поколениями, — сегодня история приобретает вид не дисциплинированной смены поколений, а неразберихи и давки колен.

Часть из них, как то и положено коленам, исчезает прямо на глазах, часть воинственно усиливается и отвоевывает для себя не только жизненное пространство, но и пространство времени, пригодное для жизни...

Пространство остается косным, время — всё более подавляющим, даже не глиняным, не пластичным, а “пластилиновым”.

По сути, сегодня едва ли не каждый способен построить для себя временной дом, пусть даже и временный... Населить его своими — по выбору — современниками, снабдить микроклиматом, а кому он не придется — тот и есть чужой.

Времени, как пряника, может не хватить на всех. Запасы этого элитного стройматериала безграничны.

Моя точка отсчета — она же краеугольный камень — это афиша филармонических концертов. В детстве, юности и еще немножко после они заменили мне всё: дом, семью, собственность, государство...

В этом афишном отсчете времени я — современница автора “Музыки в Павловске”.

Плюс-минус несколько не учтенных им или неизвестных тогда имен. Совсем немного.

.....

Ирина Глинка

НАДЕЖДА ЯКОВЛЕВНА МАНДЕЛЬШТАМ

(Вступительная заметка Г. Левина)

.....

Ирина Глинка, дочь русского поэта Глеба Глинки и внучка философа А. С. Глинки-Волжского, родилась в Москве в 1931 году. Окончила Московский историко-архивный институт (ныне РГГУ), но по специальности практически не работала. Большую часть жизни Ирина Глебовна посвятила изящным и прикладным искусствам — сначала скульптуре (учителем ее был Илья Слоним), а затем ювелирному делу.

В конце 1960-х и в 1970-е годы дом Глинки и ее мужа, математика и семиотика Юрия Иосифовича Левина, в Кривоколенном переулке в Москве, а также их “летняя резиденция” в рыбацьем поселке Энгуре в Латвии были центром притяжения для многих представителей диссидентского движения и иной “антисоветской интеллигенции”. Там бывали Юлий Даниэль и Анатолий Якобсон, Наталья Горбаневская и Борис Шрагин, Евгений Пастернак и Александр Жолковский, Давид Самойлов и Юлий Ким, а также многие другие.

В 2003 году Ирина Глебовна начала писать свою первую и единственную книгу мемуаров, “Дальше — молчание”. С подзаголовком “Автобиографическая проза о жизни долгой и счастливой” книга была опубликована в 2006 году — в Москве, в издательстве Модеста Колерова, тиражом в 500 экземпляров (публикуемые здесь мемуары о Н. Я. Мандельштам являются одним из ее фрагментов).

В 2008 году Ирина Глебовна Глинка переехала жить в Великобританию. Скончалась 2 июля 2015 года.

ГЛЕБ ЛЕВИН

.....

...Еще до своего отъезда, в 1971 году, Лена Толстая познакомилась нас с Надеждой Яковлевной Мандельштам.

Встречу с Надеждой Яковлевной я осознала как событие в жизни своей не сразу, а какое-то время спустя...

А тогда я даже первую книгу ее не читала еще, но при знакомстве масштаб личности ощутила мгновенно. (Сигналит об этом не ум, т.е. не голова, а некий иной орган внутри тебя. Понимаю, что объяснение дурацкое, но другого у меня нет...)

Лена Толстая вела нас в гости к ней. Долгим показался путь от метро — два длинных квартала тоскливых пятиэтажек с жидким бульваром посередине, потом по трамвайной линии налево, до первого дома-башни...

(Двадцать три года спустя, когда жить в центре стало противно, я купила квартиру в кирпичной пятиэтажке в конце первого квартала. Купила именно потому, что десять лет проходила мимо него то чаще, то реже, идя к Надежде Яковлевне...)

На первом этаже, из тесного коридорчика на четыре квартиры (там всегда пахло стиркой), за первой дверью справа — крохотная прихожая с дверями в комнату, на кухню и в ванную.

Придя втроем, мы вынуждены были раздеваться по очереди.

Кухня уже полна людей. И на вогнутом ампирном диване сидит маленькая старая женщина, с лицом из сплошных морщин, с темными глазами, которые кажутся яркими. Разговор общий и скачет с темы на тему. Хозяйка приглядывается и изредка задает мне вопросы негромко, не отвлекая других. Вопросы точные и по делу: чем занимаюсь, чего хочу добиться? Что за семья?.. Стараюсь отвечать тоже точно и коротко, но с улыбкой. Спрашивает, почему улыбаюсь.

— Потому, что мне хорошо у вас, — отвечаю.

Пьем чай с чем-то, приходят еще люди, среди них кто-то мне знакомый, не помню теперь кто. Говорит радостно:

— И вы тут, Ирина!

Пора уходить, потому что завтра Глебку в школу везти рано утром. Прощаясь, Надежда Яковлевна говорит мне:

— Звоните и приходите.

Ленка на обратной дороге сообщает, что я Ей понравилась, видимо...

Так всё и началось. На десять лет. Кончилось с ее смертью.

Рассказывать трудно, сама не пойму почему...

Мы стали приходиться, обязательно позвонив предварительно. Вечерами у нее всегда были люди, некоторых я знала и радовалась встречам. Много бывало иностранцев. Мне казалось, что этот калейдоскоп лиц должен утомлять, она же только радовалась...

Кажется, именно тогда стали всё чаще публиковать за рубежом стихи Мандельштама. Иностранцы привозили гонорары за публикации, которые были существенной добавкой к ее нищенской пенсии. (Если переводить гонорары официальным путем, ей бы доставалось не больше 10%, остальное шло бы государству. Глупо было поступать так после всех пережитых мытарств...)

Даже с примитивным своим бытом без посторонней помощи она бы не смогла справляться, потому что ходила неуверенно и с трудом, а сумки с едой таскать из магазинов было ей просто не под силу...

Причем помощь нужна была постоянная и систематическая. А значит, надо было так же постоянно оплачивать ее. Но как-то нескладно это получалось, а может, просто не везло ей... Не задерживались помощницы почему-то...

Так, одной из женщин, которая ей понравилась и показалась надежной, купила Надежда Яковлевна квартиру в подарок, истратив большую (для себя) сумму полученного гонорара. Но та, получив подарок, просто перестала появляться у дарительницы...

Подобные разочарования бывали еще не раз.

Друзья, любившие Н. Я., помогать могли только нерегулярно, организовать же постоянную помощь было не в их силах...

Я, к сожалению, поступала так же... Очень много в те годы приходилось мне работать. Начавшиеся в 67-м году летние выезды на три месяца в Энгуре вчетвером (с мамой и Глебкой) стоили недешево: плата за жилье, билеты в Ригу и обратно, да и жизнь тамошняя была дорогой... А работой для заработка там заниматься не удавалось. Так что всё нужно было накопить за девять месяцев московской жизни. Там же я резала деревянные горельефы только для собственного удовольствия, а позже освоила еще плетение из веревок “макраме”.

А в Москве мы вдвоем продолжали бывать по вечерам у Надежды Яковлевны, иногда приводя с собой друзей, но непременно спрашивая на то разрешения.

Я же одна бывала чаще. Рано утром раздавался звонок, и строгим голосом она говорила:

— Вы мне нужны. Берите такси и приезжайте.

Отвечая ей в тон, я спрашивала:

— Позавтракать можно?.. А такси я брать не буду, потому что на метро быстрее.

Она “милостиво” соглашалась, и я ехала.

Потом всё равно нужно было поймать такси, подвести его к подъезду и посадить ее. Чаще это бывали поездки в магазины “Безрепка”, где она покупала подарки для многих и многих знакомых.

Магазины эти полны были предметами соблазнительными, вроде хорошей обуви, а главное (для меня) — хорошими книгами...

Тут происходили между нами забавные сценки препирательств и споров, поскольку она, показывая на какой-нибудь предмет на полках за прилавком, безапелляционно заявляла:

— Вам это нужно!

Я же почти всегда отвечала строго:

— Нет, ЭТО мне вовсе не нужно!

Только два раза я “уступила”, согласившись на очень удобные туфли, которые проносила лет восемь (всю жизнь, начиная с войны, мучилась я от неудобной обуви!), и на белую скатерть из дамаста, склеенного с тонкой пластиковой пленкой, которая по сию пору служит мне при большом сборе гостей.

Это стремление одаривать всех-всех знакомых и друзей так мне понятно!.. Ведь всю прошлую жизнь делать даже пустяковые подарки ей было не на что... А дарить — такое удовольствие!..

Этими приездами и пустяковыми услугами ограничивалась в первые годы помощь моя, если не считать частого ремонта часов с кукушкой (современных, а потому пластиковых и паршивых, — но она их любила) и прочих мелких починок, без которых ни в одном хозяйстве не обойдешься.

Но возможность вечерних визитов в дом ее была для нас гораздо значимее. Бывало там несчетное число гостей, многие из которых были людьми интереснейшими.

Надежда Яковлевна рядом с ними оживлялась, становилась остроумнее, часто шутила, иногда язвительно. Понимаю, что некоторые гости могли и обижаться, — но ведь в ее шутках никогда не бывало злости!

Например, много лет меня она представляла всем новым посетителям как “единственную натуральную блондинку в Москве”, что было действительно смешно (в Москве блондинки пока не ревелись).

Еще любила она “игры в вопросы и ответы”, каждый раз новые, с которыми обращалась ко всем приходившим в дом несколько дней подряд. Один из таких вопросов послужил поводом к тому, что Юра перестал у нее бывать, и я до конца ездила туда уже одна.

Вопрос звучал так:

— Считаете ли вы себя грешным?..

Естественно, все подряд, отвечая на него положительно, потом задумывались, перебирая мысленно грехи и грешки свои. И вдруг, когда пришли мы с Юрой, он ляпнул — “Нет”. Надежда Яковлевна на мгновение опешила, а потом, рассмеявшись, повторила иронически несколько раз подряд: “Безгрешный Левин”.

С той поры она встречала входящего Юру только так:

— Безгрешный Левин пришел!

И все смеялись. Юра не выдержал — и перестал приходить к ней...

Насколько я помню, случилось это примерно за год до ее смерти.

Надо бы рассказать о людях, бывавших у Надежды Яковлевны. Но я понимаю, что рассказать даже о малой части гостей этого дома я не смогу, — до конца жизни не успею осуществить безнадёжную эту затею. Может, кто-то другой это сделает или сделал уже...

А я немножко расскажу только про двух священников, там бывавших. Именно про них потому, наверное, что не было больше домов, в которых я могла бы встретить священника. <...>

Отец Александр Мень (бывший духовником Надежды Яковлевны), чья популярность среди московской интеллигенции быстро росла, в те годы чем-то меня настораживал... То ли отпугивала меня его красота, то ли чужеродность тамошнему окружению всегда молчавшей жены его меня раздражала...

Перемена в моем восприятии произошла после смерти Н. Я.

Много ее друзей приехало на сороковой день в Пушкино, где отец Александр отслужил панихиду. По окончании ее всех нас пригласили в дом причта на чай. И там к Меню с бесконечными вопросами, почему пропускались те или иные строфы или строки службы, пристал Серёжа Аверинцев, который, конечно, знал текст наизусть.

Мень же, будучи в приподнятом настроении (тогда впервые он получил заказ от Патриархии на некое издание, приуроченное к тысячелетию Крещения Руси), улыбаясь, бесконечно оправдывался... А потом, вместо оправданий, вдруг просто и внятно объяснил во всеуслышание, что он, конечно же, по призванию не священник. Что если бы в нашем государстве можно было проповедовать христианство, не принимая сана, он никогда священником не стал бы...

И такая искренность, неожиданная для меня, прозвучала в этих словах, что я прониклась внезапной симпатией к нему. Прощаясь с ним в тот день, я почувствовала в его интонации перемену по отношению ко мне и поняла, что он мою реакцию заметил, то есть обнаружила и чуткость его восприятия.

Последний раз я видела его и говорила с ним года два спустя весной.

В Перове, в тамошнем Культурном центре (при котором существует, кстати, постоянная, очень хорошая и полная выставка

скульптур Вадима Сидура), проходила научная конференция, посвященная памяти Надежды Яковлевны Мандельштам. В числе прочих выступил там мой бывший муж Ю. И. Левин. <...>

Выступая с докладом и рассуждая о философских высказываниях Н. Я., он как-то неловко сказал с иронией: "Мы с вами знаем, *какой* она философ!.." Зал загудел, а сидевшие в президиуме попросили его прервать выступление. Стараясь оправдаться, произнес он что-то еще более неудачное... Тогда Коля Панченко направился к нему по сцене, заявив, что выкинет его с трибуны... И он вынужден был уйти.

В продолжение этого дурацкого эпизода я от стыда пыталась спрятаться за сидевшими впереди...

Выйдя по окончании из тускло освещенного зала на солнышко, я остановилась. Стоявший неподалеку в кружке почитателей своих Мень позвал меня, окликнув по имени. Я подошла, и женщины расступились, пропуская меня к нему. А он сказал: "Отчего вы прятались? Ведь он, слава богу, не имеет теперь к вам никакого отношения!" — и улыбнулся. Я тоже посмеялась, поблагодарила его, и мы простились.

После этого случая я часто думала о нем, понимая, что не разглядела вовремя, что надо бы найти время и выбраться к нему в Пушкино... Но слишком много приходилось мне тогда работать, и ни сил, ни времени на поездку не хватало.

Потом он погиб страшной смертью.

Позже, чем Мень, появился в доме Н. Я. другой священник, разительно на того непохожий: отец Сергей Желудков. Старенький псковский священник, "отрешенный от служения" местными епархиальными властями (не за нарушения какие-то, а просто за непохожесть на других, как я понимаю), сиял такой добротой, что светлее становилось вокруг, ей-богу!.. Я всё мечтала в Псков съездить к нему, да никак не получалось... Каждая встреча с ним и даже коротенькое общение надолго оставляли непроизвольно появлявшуюся на лице улыбку, про которую кто-нибудь из оказавшихся рядом спрашивал с удивлением: "Ты что?..."

А тебе и ответить нечего! Просто на душе хорошо...

Образ жизни Надежды Яковлевны, каким я застала его в 1971-м, не менялся с годами. Всё так же вечерами дом полон был людьми, а днем, периодически сменяясь, появлялись "помощницы". Но менялась она сама: худела и слабела. Выезжать куда-то было ей всё труднее... Но однажды "девочки" довели ее летом до ближнего к нам краешка Юрмалы (в Энгуре ко мне почему-то они не захотели ехать). Зато я три дня подряд приезжала и проводила с ней по многу времени.

Зимами она всё чаще болела и продолжала худеть (в момент смерти весила всего тридцать два килограмма), а заставить ее поесть стоило больших усилий.

Когда же она отказывалась от еды наотрез, звонили мне, и я, бросая дела, приезжала. Не сочтите это хвастовством, но она понимала, наверное, большую мою привязанность и любовь, а потому вовсе не смешные, примитивные шутки-прибаутки мои, которыми сопровождала я кормежку с ложечки, как кормят малышей, вызывая смех, помогали ей незаметно съесть всё, что было на тарелке.

В те годы зимами зарабатывала я ремеслом, которое можно назвать ювелирным, хоть и с некоторой натяжкой. Во-первых, потому, что ремеслу этому я не училась, а освоила его сама. А во-вторых, потому, что никогда не делала ничего похожего на обычные ювелирные изделия, всё и всегда изобретала сама и ничего не повторяла дважды (скучно стало бы, а работать без удовольствия мне не хотелось, да и не получалось бы ничего хорошего...)

Дважды делала я ей в подарок колечки серебряные. Первое с маленьким сапфирчиком, полученным ею от кого-то в подарок, а второе, которое она полюбила, с распиленной пополам бусинкой альмандина (красного камня с металлическим блеском), получившее у нас название «скифского». Было оно репликой на рисунок в «Вестнике Эрмитажа» — зарисовку найденного в кургане в Причерноморье подлинного скифского колечка: литого из золота, на двойной, смыкающейся внизу шинке, с двумя головками кристаллов яркого рубина.

Мое смотрелось «беднее», конечно же, но Н.Я. нравилось. А спустя какое-то время (год, два, три?..) раздался утром ее звонок, и она уныло сообщила, что оба колечка пропали, и попросила повторить «скифское». Я обещала.

Как назло, ни одной альмандиновой бусины долго найти не могла, а потом на ярмарке камней купила два ярких граненых граната и быстро повторила кольцо, получившееся чуть крупнее первого.

Надежда Яковлевна обрадовалась ему, но уже как-то вяло... К тому времени она так исхудала, что только с большого пальчика кольцо не сваливалось. Был у нее вялотекущий раковый процесс, и до смерти оставалось месяца три...

Скончалась она 29 декабря 1980 года.

А месяц спустя позвонил мне Юра Фрейдин и спросил, что именно из вещей и вещиц, принадлежавших Н.Я., мне хочется иметь на память. Я сказала: «скифское» кольцо, имея в виду то, что

повторяло первоначальное и сделано было недавно. Он же, приехав, протянул мне *первое*, с алмадинами...

Взяв его в руки, я задохнулась на мгновение, внезапно поняв, что это *Надежда Яковлевна шлет мне привет!*..

Попытавшись объяснить Юре Фрейдину, что это — то кольцо, которое третий год считалось пропавшим, я натолкнулась на его сомнения. Он пытался уверить меня, что это кольцо, вместе со всем остальным, девочки положили в узел с ее вещами, которые милиция разрешила им унести из квартиры после увоза тела в морг.. Мне пришлось объяснять Юре, что свои работы я узнаю, как мать не может не узнать детей своих! Думаю, что он всё равно не до конца поверил мне, но это было неважно. Главным было то, что я восприняла это как посланное мне ею утешение в трудную минуту.

Возвращаясь неоднократно к этому странному событию, я перебрала множество вариантов объяснения случившегося, но остановиться ни на одном не смогла...

В последние четыре месяца жизни Надежды Яковлевны я бывала у нее редко, к великому моему стыду, — это был Глебкин десятый класс, и на меня свалилась масса проблем. Н. Я. замечала мое скверное настроение, но ей самой было уже очень худо... Она таяла на глазах, уговорить ее поесть не удавалось вовсе, часто она внезапно задремывала и так же внезапно открывала глаза, а взгляд становился непривычно-равнодушным.

В последние десять дней я не видела ее вовсе...

На отпевание в церковь возле станции метро “Речной вокзал” я приехала с высокой температурой, с жутким бронхитом и плохо помню происходившее...

А потом был тот эпизод с кольцом, который я восприняла как привет и напутствие от Надежды Яковлевны.

Хочу еще раз повторить, что доброе ко мне отношение Надежды Яковлевны воспринимала я как незаслуженный подарок, и доставляло оно мне радость несказанную.

Не уверена, что уместно здесь говорить это, но думаю, что и сама Надежда Яковлевна, и прожитая ею нелегкая жизнь многому меня научили.

.....

АЛЕКСАНДР ЖОЛКОВСКИЙ

ВИЗИТ К СТАРОЙ ДАМЕ

.....

С Надеждой Яковлевной Мандельштам я познакомился в Москве, в начале (или середине?) 1970-х годов, в тот единственный раз, что был у нее, — приведенный Ю. Л. Фрейдиным по ее приглашению после того, как я — через него — показал ей рукопись своей статьи о “Военных астрах” Мандельштама¹. В то время Н. Я. была уже знаменита и опальна — как автор своей первой книги воспоминаний и авторитетный хранитель и комментатор мандельштамовского наследия. К ней ходили — это было интересно, престижно и слегка щекочуще-опасно.

Н. Я. было примерно столько лет, сколько мне сейчас. Мой опус она нашла чересчур серьезным для шуточного “стишка”, которому он посвящен, но держалась со мной ласково и даже кокетливо, угощала каким-то швейцарским шоколадом и тут же предложила бывшему у нее в гостях с супругой голландскому профессору Яну ван дер Энгу, тогдашнему соредактору (вместе со шведом Нильсом Оке Нильссоном) “*Russian Literature*”, напечатать статью в его журнале. Ван дер Энг тут же согласился, но статью я ему не отдал, честно сославшись на “страх полицейских репрессий”. Н. Я. стала меня укорять, говоря: “А как же вот я не боюсь?”, на что я смиренно отвечал, что она свое уже отстрадала и ей теперь всё можно.

Между тем знакомство с ван дер Энгами все-таки состоялось, и, дозрев вскоре до публикаций на Западе (в рамках постепенно всё большей готовности к отъезду), я стал пересылать ван дер Энгу и Нильссону свои статьи, и они появлялись в “*Russian Literature*”. Правда, статью об “Астрах” я почему-то послал не им, а Дмитрию Сегалу и Лазарю Флейшману в Иерусалим, так что вы-

.....

1 Статья писалась с 1971 г. и была впервые доложена 13 и 20 декабря 1976 г. у меня дома (Метростроевская «ныне Остоженка», 41, кв. 3), в неофициальном Семинаре по семантической поэтике (см. М. Л. Гаспаров. Семинар А. К. Жолковского — Е. М. Мелетинского: из истории филологии в Москве 1970–1980-х гг. // НЛО. 2006. № 77. С. 113–125; а также мое сообщение “Домашний семинар А. К. Жолковского” (В сети: <http://ivgi.rshu.ru/article.html?id=54028>) и выступление Н. В. Брагинской “Домашние семинары 1970-х” (В сети: <http://ivgi.rshu.ru/article.html?id=54014>)). Публикации статьи: 1) *Slavica Hierosolymitana*. 1979. № 4. P. 159–184; 2) Жолковский А. К., Щеглов Ю. К. Мир автора и структура текста. Tenafl, N. J.: Эрмитаж, 1986. С. 204–227; 3) Слово и судьба. Осип Мандельштам. Исследования и материалы. М.: Наука, 1991. С. 413–427; 4) окончательный вариант: “Я пью за военные астры...”: поэтический автопортрет Мандельштама // Жолковский А. К. Избранные статьи о русской поэзии. М.: РГГУ, 2005. С. 60–82.

шла она в “*Slavica Hierosolymitana*”. Изготовление нескольких подстраховочных копий было осуществлено в НИИ “Информэлектро”, где я тогда работал, для чего наш босс Боря Румшицкий, невысокого роста беспартийный еврей без научной степени, но с глубоким пониманием структуры власти, неразборчиво подмахнул загадочную бумагу и провел меня в закрытый машинный зал, где за семью кагэбэшными печатями стояли недоступные народу “ксероксы”.

Несколько слов об этой статье. Это одна из ранних работ как по поэтике выразительности, так и по запретному тогда Мандельштаму. Она, конечно, тяжеловата. Теоретически ценной я полагаю саму попытку овеществить, пусть несколько прямолинейно, идею перевода локальной темы с общечеловеческого языка здравого смысла на язык инвариантов поэта — в виде небольшого глоссария, задающего, кстати, потенциальную многовариантность такого творческого перевода. Что касается мандельштамоведения, то соответствующие штудии шагнули с тех пор далеко, но преимущественно в поиске подтекстов, а не выявлении инвариантов.

Статья дорога и тем, что неожиданным образом повлияла на всегда почитавшегося мной М. Л. Гаспарова, постоянного участника нашего домашнего семинара по поэтике. Вот что он писал об этом три десятка лет спустя:

“Стихотворения брались сложные (особенным вниманием пользовался Мандельштам), разборы делались очень детальные, иногда доклады с обсуждениями затягивались на два заседания. Я помню, как впервые позволил себе выйти за рамки моей стиховедческой специальности: Жолковский предложил интерпретацию последовательности образов в стихотворении Мандельштама «Я пью за военные астры...», эта интерпретация показалась мне более артистичной, чем убедительной, и я предложил немного другую, стараясь следовать его же непривычным для меня правилам; мне казалось, что я его пародирую, но он отнесся к этому серьезно и попросил разрешения сделать ссылку на меня. Так я стал осваивать жанр анализа поэтического произведения”¹.

Давно всё это было, а кажется, что вчера.

2014

.....

.....

ЕЛЕНА ПАСТЕРНАК

ДЕТСКАЯ ПРИВЫЧКА

.....

В раннем детстве легко идешь в руки не к тем, кто с тобой играет, сам уподобляясь детям, а к тем, кто к тебе внимателен. Взрослый всматривается в тебя, расспрашивает о разном, ты преодолеваешь робость, тоже всматриваешься, расспрашиваешь. Такая игра может тянуться долго, если повезет — годами, пока не вырастешь. И потом ты запоминаешь это навсегда. Почему-то игры и беседы с профессиональными, известными любителями детей забываются или вспоминаются неясно, как будто и не с тобой это было.

Надежда Яковлевна в то время снимала комнату с террасой в старой переделкинской даче на улице, вытянутой строго параллельно железнодорожному полотну. Она еще могла жить одна, но ее почти ежедневно навещали. Тогда в этих посещениях не было волнения за ее здоровье и саму ее жизнь, которое появилось лет через десять. К ней ходили “в гости”.

На ее участке росли старые ели, остатки векового леса, частично сохраненного после вырубки под строительство дач. Она сидела перед столом, в простом, каком-то нарочито советском ситцевом платье-халате. Седые волосы были заплетены в тугую косицу, виски почти заголены, лоб высокий, круглый, чистый и совсем не старый. В ушах каким-то нездешним огнем горели серьги, “авторские”, как тогда говорили. Перед ней на столе лежали стопки исписанных бумаг, английские книги, среди которых, почти на самом краю, стояла фаянсовая кружка с торчавшим черенком чайной ложки.

По силе дребезжания ложки можно было угадать, какой поезд прошел мимо станции и “вот-вот! сейчас!!” промчится прямо перед дачей — товарный, пассажирский или тихая электричка. Она смеялась и предугадывала сама, дети с веселой тревогой следили за звуками, а я была самой трусливой и загодя рыдала от одного только предчувствия товарного поезда, грохот которого мне казался чем-то непосредственно предшествовавшим смерти. К бабьей трусости Надежда Яковлевна относилась брезгливо, как к простой грязи, которую следует немедленно извести. Мне, шестилетней девочке, она об этом сообщила громко и резко в самых грубых выражениях, приблизительные значения которых я могла угадать только интуитивно, а узнать их настоящий смысл — значительно позже.

Смеялась она едко и зло, но совершенно не обидно. Напротив, ее смех сам как будто вовлекал в себя, внутри было неудобно, но совершенно безопасно. Это ощущение хотелось повторять, поэтому к ней тянуло сильнее, чем к другим взрослым.

“В старости, как я убедилась, люди действительно обретают черты, свойственные им в молодые годы”, — написала Надежда Яковлевна, вспоминая о последних годах Ахматовой.

Поскольку мое поколение знало Надежду Яковлевну только старой, мы по многим ее повадкам и чертам угадывали ее всегдашний, постоянный характер. Она была ни в коем случае не кокетлива, но игрива, иногда вполне по-детски. Но вряд ли в этом следует видеть черты сенильного впадения в детство, которые ей многие приписывали. Она была совершенно органична в своей игривости, не-светскости, нелюбезности, резкости. Ровно в той же степени была естественна в разговорах и воспоминаниях о прошлом, поскольку оно не было ею утеряно. У нее одинаково живы были и ближняя, и дальняя память, она остро откликалась на современные события в очень свойственной ей едкой манере — с перебиванием, скрипучим хохотом, бесконечным чирканьем спичками и поджиганием погасшей папиросы, которую держала по-старому, на отлете, вдали от лица. Я помню, как она въедалась в какую-нибудь ничтожную историю, как бранила последними словами рассказчика за то, что он “не так” рассказывает, замалчивает, причесывает и напомаживает сюжет. А ей было необходимо выкристаллизовать из него всю соль и слизать ее. Если же спровоцировать рассказчика не удавалось, она говорила: “Ну довольно, тут и слушать нечего. Только зря заинтриговали”.

Через несколько лет мы выросли, а она совсем одряхла. Но внимание ее не убывало, напротив, заострилось, как и все ее черты. Тогда и начались наши долгие беседы, которые мы называли “допросами под сосной”. Одно жаркое и сухое лето она прожила у нас в Переделкине, в семье моего дяди Евгения Борисовича Пастернака. Точнее было бы сказать — это лето она пролежала, поскольку к старости стала почти бесплотной и совсем немощной. Ее выносили и помещали в полусидячем виде на раскладушке, стоявшей в тени, под старой сосной, а вечером уносили обратно в дом. Она следила за всем, что жило и двигалось в поле ее зрения, иногда мы подходили к ней сами, но чаще ждали, когда она позовет и начнет свои расспросы.

Все эти мучительные разговоры сводилось только к одному — отодрать уже нараставшую корку безвкусицы, на которую у нее был невероятно острый нюх. “Так о чем, говоришь, твои мечты, Наташенька, прости, Леночка”?

— Ну вот, заканчиваю школу, хочу поступить в университет...

— Да разве же можно о таком мечтать, дура, прости господи? Занимайся да поступай. Разве этим можно жить?.. Или ты врешь, небось, влюблена как зверюга, ну и иди, спи с ним. Уж лучше об этом мечтать, чем о комсомольской жизни.

После таких слов приходилось или бежать, или поддаваться дальше, с уже почти парализованной волей. Поскольку ни понравиться, ни угодить ей было невозможно, а можно было только показаться интересной, то дальше на вопросы отвечалось как-то легче, без натуги, без всякого желания отличиться, поскольку любых отличников она не выносила. После такой раскочки, включавшей интимности разных уровней, она цепко хватала уже готовый размягченный материал и допрашивала по-английски.

Ее английский язык был странным. Она говорила с той же скоростью и естественностью, как по-русски, совершенно не заботясь о произношении, как бы махнув на него рукой, так же, как она в свое время пренебрежительно сделала это с внешностью, стряпней и прибранностью жилья. Этот язык был совершенно идиоматичен и никак не походил на преподавательский, хотя именно по-английски она говорила про более серьезные вещи, в основном про книги.

В то же время от нескольких хорошо ее знавших людей я слышала разные варианты одной истории, уже во взрослом возрасте прочитанной снова в мемуарной литературе. В подмосковном санатории в ответ на просьбу одного летчика почитать отдыхающим стихи Мандельштам гневно воскликнула: «А не могли бы вы нам сейчас здесь полетать?» Я помню, как до слез жалела бедного, ни в чем не повинного летчика, привыкшего жить и действовать «как положено». Такие реактивные взрывы в ответ на общепринятое, нормальное, невинно-безвкусное у нее случались на моих глазах часто. Я была готова к тому, что в ответ на сказанную глупость и меня могут немедленно попросить «полетать». И по мелким поводам это случалось. Но больше всего «полетов» доставалось дамам, ее мало-знакомым поклонницам.

Однажды при мне к ней привели такую даму, которая от растерянности сказала, что без ума от стихов ее супруга. Надежда Яковлевна, лежа, сверкнула глазами и сильным низким голосом крикнула ей: «Не смейте в разговоре со мной называть Мандельштама «ваш супруг». У меня супруга не было, а если у вас и есть какой-то там супруг, то я вас поздравляю!»

— А кто же он, Надежда Яковлевна?

— Оська. Муж. А вам — Мандельштам, ведь для вас, кажется, на книгах фамилии авторов пишут?

После этого испытания аудиенция не только не завершилась, но, напротив, разговор между обеими пошел всерьез — с рассказами о прошлом, воспоминаниями о репрессированном отце поклонницы, едкими характеристиками литературных чиновников, цитированием наперебой, и завершился трогательным прощанием. Дама была проэкзаменована и признана совершенно своей, хотя говорили, что Надежда Яковлевна многих изгоняла, некоторых — с порога, сразу.

О Мандельштаме она говорила часто. Не рассказывала, а именно говорила так, как все мы повседневно говорим о близких. И это воспринималось как что-то очень правильное. Мы, переделкинские дети, привыкли к долгим рассказам фундаментальных старух о великих событиях их жизни и, слушая их, зажимались внутренне, понимая свою несоразмерность с предметом. А она, крепко схватив шестнадцатилетнего слушателя сухой сильной ручкой, запросто перетаскивала его через мнимую пропасть, отделяющую от Мандельштама. Этим методом она и приучила нас читать его стихи.

В последнюю осень ее жизни моя мама повезла меня к ней в последний раз. Было понятно, что мы едем прощаться, да и сама Надежда Яковлевна принимала уже через силу. Ее близкие, дежурившие при ней, составляли стихийные расписания визитов. Органически не выносившая торжественности и лицемерия, уже завидев визитера на пороге, она так огорошивала его одним из своих словечек, что это мгновенно настраивало и старого, и малого на верный, нужный ей тон. Она лежала на тахте, держа в дрожащей руке оранжевую ручку *BIC*, и время от времени что-то коротко, но сосредоточенно писала на краях исписанных бумаг, коробке от лекарства, пачке папирос.

“Что вы пишете, Надежда Яковлевна?” — осмелилась спросить я, скорбно надеясь получить нечто вроде последнего откровения. “Да вот, смотри”, — раздраженно ответила она. Везде, на всех клочках и коробках было написано одно: “Надя... Надя... Надя”. “Дурацкая детская привычка, осталась на всю жизнь”, — это и было последнее, что я от нее услышала.

.....

ЕЛЕНА ВАСИЛЬЕВА

“МЫ С ТОБОЙ НА КУХНЕ ПОСИДИМ...”

.....

В честь Надежды Яковлевны была названа моя старшая дочь. И я не была оригинальной: еще несколько человек назвали своих дочек Надеждами. Ее влияние на нас, бывших тогда, с конца 1960-х, рядом с Надеждой Яковлевной, было огромным.

Конечно же, действовали сильно сам образ Осипа Эмильевича и благодарность Надежде Яковлевне за то, что она сохранила нам его стихи. Но не только: с первой минуты знакомства становилось ясно, как велик масштаб и ее собственной личности. Это понимание пришло ко мне в первую же встречу, когда мне было двенадцать лет и родители взяли меня с собой в гости к Надежде Яковлевне. Она очень редко читала стихи, но они для меня всегда были рядом, в комнате. Ее бестелесный образ, по сравнению с обычными людьми, был такой же концентрацией духа как стихи соотносятся с прозой.

Вопреки расхожему мнению о том, что у Надежды Яковлевны был плохой характер и озлобленность на весь мир, меня сразу окружила исходившая от нее радость бытия. После многих лет бездомных скитаний Надежда Яковлевна не переставала удивляться и радоваться любым привычным нам вещам: ванной с теплым душем и унитазом, белой газовой плите и больше всего, конечно же, самой возможности жить в своей собственной, к тому же отдельной квартире!

Еще она очень радовалась подаркам, которые, впрочем, она тут же передаривала. Отказаться было невозможно. Помню, как она дарила мне желто-голубой шелковый шарф, подаренный ей, видимо, кем-то из иностранцев. “Я очень хочу, чтобы у тебя было много таких ярких, красивых вещей”, — говорила Надежда Яковлевна. Позднее, после выхода книг и получения гонорара, Надежда Яковлевна получила возможность пользоваться закрытыми магазинами, где продавались одежда и продукты, недоступные среднему советскому человеку. Кухня ее с тех пор была периодически заставлена бутылками джина *Beefeater*, скорее всего из-за их несоветской картинки гвардейца в красном мундире, которые Надежда Яковлевна тоже раздавала, передавая с ними как бы частицу европейской цивилизации. Эти бутылки в детстве сцепились у меня в голове странным образом со строчками про леди Годиву: видимо, и гвардеец, и Годива символизировали что-то очень нездешнее и тем самым настоящее.

Тогда с первой же встречи мне захотелось быть похожей на Надежду Яковлевну. С детства я была очень романтической и од-

новременно целеустремленной, так что вскоре, через 1,5–2 года, я принялась осуществлять свой план. Я решила, что непременно выйду замуж тоже за великого поэта, его, конечно, посадят, а я буду страдать и его спасать.

Тогда в моем представлении и нередко в сознании людей моего окружения оказаться в тюрьме за какое-либо противостояние советской власти было достойным и даже престижным фактом биографии. Так, мой первый муж, когда пришел просить моей руки, будучи студентом, на вопрос отца, чем он собирается заниматься, гордо ответил: “Сидеть в тюрьме”.

Итак, я начала осуществлять свой план, обращая внимание на всех мальчиков, которые одновременно писали стихи и ухаживали за мной. Надо было распознать в ком-то из них будущего великого поэта. Я не решилась взять такую ответственность на себя и стала советоваться с Надеждой Яковлевной. Поразительно, но она внешне абсолютно серьезно (во всяком случае, мне так тогда казалось) стала обсуждать мои планы. Прочитав стихи нескольких моих начинающих поэтов, она сказала: “Все они хорошие, но не настолько, чтобы за кого-то страдать”.

Тема любви всегда волновала Надежду Яковлевну. Она любила и немного посплетничать, и посватать кого-нибудь. Только в одном вопросе она была чрезвычайно серьезна и нередко спрашивала: “Что было бы у нас с Осей, если бы его не посадили?”

Особенно сильно этот вопрос стал ее волновать после того, как Израиль Моисеевич Гельфанд, великий математик, друживший с Надеждой Яковлевной много лет, разошелся со своей женой Зорей Яковлевной и женился на молодой девушке. Именно Израиль Моисеевич познакомил нас с Надеждой Яковлевной, и мы до его развода часто приходили в таком составе: родители — Юрий Маркович и Элина Наумовна Васильевы, друзья родителей Гдаль и Вита Гельштейны, Гельфанды и я. После развода Гельфанда Зоря Яковлевна приходила реже, а оставшихся то вместе, то порознь Надежда Яковлевна часто спрашивала: “Неужели и Ося мог поступить, как Гельфанд?” Мы не знали, что ей ответить...

Именно такой — хрупкой, свернувшейся на кухонном диване, беззащитной, с этим щемящим душу вопросом и огромными глазами, ищущими на него ответа, — она мне чаще всего и вспоминается.

Евгений Рашковский

Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ У АРХИМАНДРИТА ТАВРИОНА

.....

Это было летом — конец июня или начало июля — 1976 года. Я находился тогда в Юрмале, в поселке Каугури, опекая своего престарелого, восьмидесятилетнего отца (он скончался год спустя) и одиннадцатилетнюю дочку Анну¹. Так вот, там-то я и познакомился с Надеждой Яковлевной, снимавшей две комнатки у местных жителей: в одной, запроходной комнатке жила она сама, а в другой, проходной — две девушки, бывшие с нею.

Одну из них, Сою Смольницкую, я знал по Новодеревенскому приходу о. Александра Меня, который был и духовником Надежды Яковлевны. Сою я встретил в Каугури случайно, а уж она представила меня и мою дочку Надежде Яковлевне. Труды же Надежды Яковлевны, появившиеся в тогдашнем “сам-” и “тамиздате”, были мне отчасти знакомы. Первый вопрос, который я задал Надежде Яковлевне, касался разночтений во второй строке второй строфы одного из самых любимых мною стихотворений — “Сестры тяжесть и нежность...”². А уж дальше я стал видаться с Надеждой Яковлевной почти каждый день. И день ото дня ее беседы становились всё интереснее. И был в них некий особый шарм: сочетание почти шокирующей резкости суждений с ласковой благорасположенностью к собеседнику.

История и внутренние смыслы словесности российской были главной темой ее интересов и бесед.

Имя Михаила Булгакова было в те годы у всех на слуху. Булгаковым она восхищалась, но тогдашний повальный культ его творчества не разделяла. И прежде всего для нее было неприемлемо романтическое заигрывание со злом (“Мишка многого не понимал...”)³. На взгляд Надежды Яковлевны, Зоценко и Платонов многократно глубже Булгакова входили в проблематику мировых и российских судеб.

.....

1 Ныне — адвокат Анна Евгеньевна Абушахмина.

2 Я впервые узнал это стихотворение в ранней юности по эренбургскому сборнику “Поэзия революционной Москвы” (Берлин: изд-во З. Гржебина, 1922). В этом сборнике строка звучала так: “Легче камень поднять, чем вымолвить слово “любить”.

3 *Notabene!* Несколько лет спустя после этой встречи с Надеждой Яковлевной Сергей Сергеевич Аверинцев говорил мне, что именно ее труды и беседы с ней помогли ему отделаться от романтического и культурфилософского соблазна эстетизации зла — того самого соблазна, которым был поражен и наш Серебряный век.

Саму категорию “советская литература” она считала демагогической и сбивающей с панталыку: “Никакой советской литературы нет. Есть русская литература в советских условиях и есть советская не-литература”, — таким запомнился мне один из ее вердиктов.

Говорила она, как писала: кратко, категорично, афористично.

На Сонин вопрос о знаменитом в те поры, но ныне почти забытом литературном критике *Н.*, позволившем себе глумление над памятью Мандельштама, — кто же он такой, этот *Н.*? — Надежда Яковлевна величественно отозвалась, словно продиктовала:

— Говно. Вот он кто такой.

Она любила иной раз соленое словцо. Редко — но любила.

...В один из дней незадолго до отъезда из Юрмалы Надежда Яковлевна пригласила нас с Анютой сопровождать ее и девушек в поездке к архимандриту Тавриону Батозскому (1898–1978) в девичью Спасо-Преображенскую пустынь под Елгавой. Спасо-Преображенская пустынь была местом последнего служения многострадального о. архимандрита: он был ее духовником.

В такси мы уселись впятером (Анюта — у меня на коленях). Приближаясь к монастырю, мы долго раскатывали вокруг да около, ища подъездные пути: пешком через рощу Надежде Яковлевне было идти не под силу.

Вердикт Надежды Яковлевны: “Не хочет, видать, лукавый”.

После такого вердикта дорога сразу взяла да и нашлась.

Мы успели под конец обедни. О. Таврион поразил меня сочетанием физической дряхлости с какой-то юношеской внутренней вдохновенностью и быстротой реакций.

О тембре голоса о. архимандрита стоит сказать особо. Очень музыкальный, но чуть надтреснутый драматический тенор. Надтреснутость вроде бы естественная, старческая. Но она почему-то показалась мне и какой-то подростковой. Сочетание старческой физической немощи и внутренней, почти юношеской одушевленности породило в моих глазах обоих этих людей — о. Тавриона и Надежду Яковлевну.

После богослужения Надежда Яковлевна была представлена о. архимандриту, и он попросил ее и нас — недостойную ее “свиту” — к себе на трапезу. Трапеза включала в себя, как мне помнится, уху со сметком, вареный картофель с постным маслом и зеленым луком и воистину незабываемый темно-рубиновый монастырский компот.

Некоторые моменты из разговора за трапезой я запомнил навсегда.

Надежда Яковлевна горько сетовала на тоску и одиночество, на непроходящую тяжесть разлуки с Осипом Эмильевичем. О. архимандрит отвечал ей, что такое состояние души — понятно и что Церковь хорошо понимает эту боль человеческих состояний, связанных именно с близостью гибели и смерти. Не случайно же поется в православном Последовании об усопших:

...яко золь душа моя исполнися,
и животь мой аду приближися,
и молюся,
яко Юна:
от тли, Боже,
возведи мя...

Однако, продолжал о. Таврион, всегда следует помнить (за точность передачи этих слов готов ручаться), что отчаяние наше — ничто в сравнении с тем, что Сам Пресветлый Бог каждого из нас избрал Своим другом.

...А ведь говорил-то это старый зэк и ссыльный, повидавший самые страшные и бесчеловечные извращения жизни...

Надежда Яковлевна была потрясена, обрадована, утомлена. И в том же самом такси (водитель обедал вместе с паломниками) мы вскоре возвратились в Юрмалу.

12 марта 2006 г.

.....

Виктор Есипов

ДВА ДНЯ С НАДЕЖДОЙ ЯКОВЛЕВНОЙ

.....

Услышав непрекращающийся шум в сенях, потом на кухне, потом в комнате (дело происходило на даче Бориса Балтера через четыре года после его смерти), Надежда Яковлевна вышла из внутренней комнаты, служившей Борису кабинетом, и оказалась прямо передо мной. Первое, что я увидел всем зрением, что навсегда врезалось в память, были ее глаза — выразительные, ясные, живые.

— Вы брат Бориса? — спросила она, подавая руку.

На ней был светлый, в фиолетовую клеточку, халатик, волосы, испестренные сединой, забраны в пучок.

Усевшись в кресло, она продолжала рассматривать меня.

— Вы чем-то похожи на Бориса, — продолжила она, — я видела его в пору выхода “Тарусских страниц” в Тарусе и еще потом...

День был солнечный, но холодный. На кухне, дверь в которую оставалась открытой, велись приготовления к праздничному обеду. Женщины иронизировали над бездействующими мужчинами, находящимися в комнате. Мужчины отвечали короткими репликами...

Разговор о современной поэзии завязался после того, как кто-то упомянул некую поэтессу в красном пальто, отдыхающую в Малеевке (дача Балтера располагается неподалеку от этого подмосковного писательского курорта). Распространился слух, якобы эта поэтесса сочиняет что-то о “Вожатом”. Все стали гадать, кто она. Назывались фамилии поэтов, которые могли бы взяться за столь благодарную тему, в частности С. В. Смирнова.

Н. Я. сказала, что совсем не знает этих и не желает знать. А потом добавила, что вообще не знает сейчас ни одного настоящего поэта. Кто-то назвал Давида Самойлова, но она только махнула рукой, Леонид Мартынов — “занудливый”, симпатичен как человек Булат Окуджава (“но не его песенки”!), робко прозвучавшее имя Наума Коржавина также было отвергнуто. При этом Н. Я. почему-то вспомнила Георгия Шенгели, который якобы писал по триста строк в день. Я сказал, что знаю его только как переводчика, например, Верхарна, на что Н. Я. отозвалась очень резко, сказав, что Шенгели обычно брался переводить такие тексты, которые и хороший бы поэт не смог исправить. Разговор о поэзии Н. Я. завершила тем, что сейчас поэты — лишь рассказчики.

Потом она пожаловалась на свою лень, из-за которой она никак не может выйти посидеть на воздухе. Немедленно была открыта дверь на террасу, вынесено кресло, затем одеяло, затем плед, Н. Я. облачили в легкое пальтецо и выделили сопровождающего...

Я присмотрелся к книгам, лежащим на виду, и обнаружил первый том Мандельштама с золотым силуэтом на обложке. Я впервые держал в руках столь полное собрание его стихов, мне не терпелось выяснить, сколь велики пробелы в моих исключительно самиздатовских сборниках его стихотворений. Английское предисловие я пропустил, русское просматривал бегло, успевая разобрать лишь некоторые из пометок Н. Я., сделанные на полях шариковой ручкой. Почерк дрожащий — у Н. Я. дрожат руки. В том месте, где перечисляются “биографы” Мандельштама, против имен Георгия Иванова и Всеволода Рождественского сделана однослож-

ная пометка: б... “Камень” и “Тристии” мне удалось просмотреть полностью — обнаружил лишь три или четыре неизвестных мне стихотворения. “Воронежские тетради” я в этот раз пролистать не успел — всех звали к обеду.

К столу Н. Я. вышла в стареньком синем платице. За обедом она пикировалась со своей молодой “опекуншей” Соней¹, отпускала кому-то комплименты, иногда путая имена своих новых знакомых, заметила чей-то рыжий хвостик волос, затронула чью-то бороду, предложила выпить за хозяйку дома. Сама Н. Я. пила минеральную воду и сожалела, что пришлось “завязать” с алкоголем. Упомянула о том, что Мандельштам очень любил покупать на рынке травку пастернак. Выйдя из-за стола, проходя в отведенную ей комнату, Н. Я. на ходу зацепила дрожащей рукой тяжелый том Мандельштама, не досмотренный мною, и унесла с собой. Я был несколько обескуражен, но, поднявшись на второй этаж дома, обнаружил третий том того же издания — статьи и письма...

Вечером Н. Я., увидев, что мужчины играют в шахматы, тоже изъявила желание сыграть партию. Я вызвался быть ее противником. Трясущейся рукой бралась она за фигуры, но переставляла их довольно уверенно и быстро. Я старался не задерживать игру и отвечал в таком же темпе. Дебют Н. Я. разыграла слабо, и я начал внутренне раскаиваться в том, что вызвался играть с ней, — партия стала казаться мне неинтересной. Но тут моя противница нанесла мне довольно опасный тактический удар (какой-то скрытый шах), который я не предусмотрел. Всё же мне удалось как-то выкрутиться из неприятного осложнения, но при этом я недосчитался пешки. С этого момента в игре появилось напряжение, и могу сказать, что середину партии я провел в полную силу. Понеся в конце ощутимые материальные потери, Н. Я. сражалась почти до самого мата. Огорченная поражением, она встала и ушла к себе. Когда же кто-то из присутствующих при игре сообщил ей, что у меня в свое время был первый разряд по шахматам, она немного воспрянула духом и вызвала меня к себе, чтобы я подтвердил ей это лично. Со своей стороны она сообщила мне, что лет сорок не играла в шахматы, но когда-то ей дал несколько уроков известный мастер того времени Ильин-Женевский и что однажды она даже играла с гроссмейстером Боголюбовым. Я подтвердил, что эти имена мне хорошо знакомы, а также высказал восхищение ее способностью вести серьезную борьбу.

.....

Н. Я. осталась довольна состоявшимся разговором и даже решила выйти поужинать вместе со всеми, вернее, просто посидеть за столом, так как у нее ужин уже был. Однако вскоре роль наблюдателя ей надоела, и она попросила налить ей немного водки. Ее опекунша Соня дала разрешение только на двадцать капель. Н. Я. с негодованием отвергла это предложение и потребовала налить ей полную рюмку. После водки она попробовала маринованных грибов и еще каких-то закусок, правда, в очень мизерных количествах. А дальше потребовала у Сони выдать ей папиросы. На день по разрешению врача ей выделялось не более пятнадцати папирос, и этого ей, разумеется, не хватало. Ее обычная норма, как она мне сообщила, всегда была пятьдесят штук в день. Я спросил: «почему «Беломор»? По привычке?». Она ответила: «В память о великой стройке!» Расхрабрившись, я спросил, не пренебрегал ли водкой Мандельштам, могла ли вот так, в компании, выпить Анна Андреевна? Н. Я. вспомнила в связи с этим, что Мандельштам однажды на пари перепил одного, как она выразилась, «русачка»; а однажды, когда сама Н. Я. после какого-то застолья, не очень твердо держась на ногах, села где-то на ступенях лестницы, Мандельштам сделал ей строгое внушение: «Если не умеешь — не пей!» С Анной Андреевной тоже было выпито много...

Когда разговор зашел о винах, я стал хвалить совершенно исчезающие из московских магазинов грузинские и с некоторым лукавством упомянул «Телиани» («Если спросишь «Телиани»...»). Н. Я. восприняла это вполне серьезно и подтвердила, что «Телиани» действительно прекрасное вино. Потом в ее пометах к стихотворению «Я пью за военные астры...» я прочитал против строки:

...Веселое асти-спуманте иль папского замка вино, —

что вина эти ей впоследствии удалось попробовать и они ей не понравились — наши грузинские лучше, например «Телиани»...

На следующий день с утра развернулись общественные работы: молодежь вместе с хозяйкой дома занялась огородом и садом, я с женой отправился на кладбище сажать цветы на могиле Бориса. Н. Я. еще не выходила из своей комнаты, так что увидел я ее, только возвратившись с кладбища, перед самым обедом. Она передвигалась по дому, ища папиросы и повторяя при этом низким прокуренным голосом: «Сонька, дай папиросы!» Но «Сонька» не давала, увещывая «бабу Надю» тем, что день только начался, а у нее еще есть в запасе одиннадцать папирос.

Увидев меня, Н. Я. предложила сыграть в шахматы. Какую-то часть партии она действительно могла провести неплохо, но

на большее у нее не хватало сил. Вообще игра велась консультационно (еще больше, чем накануне, так как теперь Н. Я. более внимательно относилась к моим предостережениям). Очень плохие ходы я возвращал ей назад. В середине второй партии нас позвали обедать. Н. Я. сначала не хотела уходить от доски, но, услышав, что мне предстоит выпить пунша, который приготавливался, пока мы играли в шахматы, согласилась. Она надеялась, что пунш несколько снизит мою шахматную боеспособность. За стол она села в шали ручной вязки, которую ей накинула на плечи одна гостья, потому что было заметно, как ее пробирает озноб, — в доме было не очень тепло. Пообедала она быстрее всех и пошла поджидать меня за доской. Пунш же действительно удался на славу, но был слишком горячим, так что я со стаканом медленно остывающего напитка в руке устремился за Н. Я. Мы доиграли партию, сыграли по требованию Н. Я. еще одну. Наконец, отчаявшись у меня выиграть, она прекратила игру. А я, окончательно осмелев, попросил у нее первый том Мандельштама, накануне унесенный ею в кабинет, и, получив утвердительный ответ, опять завладел им.

Первым делом были просмотрены оставшиеся стихи — мне не терпелось выяснить, есть ли среди них неизвестные мне. Книга была испещрена пометами. Многие из них были известны мне по ее книгам, некоторые я видел впервые. Привожу здесь те, что запомнились: “У кого под перчаткой не хватит тепла...” — кошелек не было и мелочь держали в варежках или в перчатках; “нрава он не был лилейного...” — приведен другой вариант: “жил он на улице Ленина”; “смотрите, как на мне топорщится пиджак...” — как на памятнике; в стихотворении “Мы живем, под собою не чуя страны...” исправлены строки 3 и 4:

Только слышно кремлевского горца,
Душегубца и мужикоборца;

“на Красной площади всего круглей земля...” — попытка писать по социальному заказу; “твоим узким плечам под бичами краснеть...” — пояснено: “Мне или Марии Петровых”; напротив последнего двустушия того же стихотворения: “Марии Петровых, видно, испугался за нее”; “наушнички, наушники мои!” — слушая радио; “стрижка детей” — пояснение к словам “в высшей мере”; напротив строк:

И не ползет ли медленно по ним
Тот, о котором мы во сне кричим, —
Народов будущих Иуда? —

на полях начертаны два имени: Гитлер и Сталин, потом к ним прибавлено еще третье...; “мальчик красный как фонарик” — Павлик, сын хозяйки в Воронеже; “Стихи о неизвестном солдате” Харджиев соглашался публиковать в 1973 году без стихотворения VIII; против стихотворения VI (о черепе) помечено, что Мандельштам, записав его, сказал: “Видишь, как у меня череп расчирился!”; стихи “Клейкой клятвой липнут почки...” и “К пустой земле невольно припадая...” — обращены к Наташе Штемпель, в последнем строка: “неравномерной сладкою походкой” — хромота Наташи; “На меня нацелилась груша да черемуха...” — помечено: “Я и Наташа Штемпель”; “Как по улицам Киева-Вия...” — очень любил Киев.

В пометах к примечаниям составителей Н. Я. опровергает существование посвящений в стихах, обращенных к Анне Ахматовой, и утверждает, что никаких посвящений не было (например, “Твое чудесное произношение...”, а над стихотворением “Сохрани мою речь навсегда...” посвящение А. А. А. зачеркнуто шариковой ручкой). Против слов Марины Цветаевой о том, что стихи “Не веря воскресенья чуду...” и “На розвальнях, уложенных соломой...”, обращенные к ней, не имели посвящения при публикации только потому, что Мандельштам “боялся молодой и ревнивой жены”, — написано: “свинство!”; зачеркнуто утверждение о том, что Есенин был антисемитом, написано: “Есенин не был антисемитом, но употреблял слово жид”...

Когда Н. Я. снова вышла в общую комнату, я с радостью сообщил ей, что имеющиеся у меня списки стихотворений Мандельштама довольно полны. Она заметила на это, что действительный тираж Цветаевой, Мандельштама и Ахматовой сейчас даже невозможно учесть. Предложила мне посмотреть второй том. Сама принесла его и показала мне стихотворение “Всё чуждо нам в столице непотребной...” — я признался, что не знаю его, и попросил разрешения записать. Потом Н. Я. показала другое: “Где ночь бросает якоря...”, которое я тоже записал в свой блокнот, сидя рядом с нею.

Подходило время уезжать. В последний раз пили чай, сидя, как и накануне вечером, за журнальным столиком. Клара¹ сняла с плеч понравившуюся Н. Я. шаль и накинула на нее. Н. Я. отнекивалась, говоря: “Мне грех дарить, я всё равно передарю кому-нибудь другому. У меня для старухи и так вещей много”. Но в конце концов она уступила. Снова требовала у Сони папиросы. Узнав, что я пишу стихи, с ухмылкой уточнила: “Стишки?”

.....

Прощались в сенях. Н.Я. тоже вышла, пригласила заходить к ней в Москве, а специально для меня добавила: “Сыграем в шахматы”. Уже когда мы подходили к калитке, крикнула вдогонку: “Соньке шаль не подарю!”

Это было 2 мая 1978 года, прошло ровно сорок лет со дня ареста Мандельштама в санатории “Саматиха” (станция Черусти). Н.Я. никак не обмолвилась об этой годовщине, а я, разумеется, не мог напоминать ей об этом.

.....

Софья Смоляницкая

БАБА НАДЕЧКА

.....

Я познакомилась с Надеждой Яковлевной в 1970 году в Сельхозе, у отца Александра Меня. Она уже несколько раз гостила у него.

Не подозревая о ее присутствии в доме, я поднимаюсь на второй этаж и вижу носатую старуху, улыбающуюся и произносящую: “Ох, какое красивое платьице пришло!”

Одним из первых вопросов Н.Я. было: “Ты ко мне будешь ездить?”

Я кивнула — и потом добрых десять лет справно ездила к ней. И должна сказать, что каждый божий день, проведенный с Н.Я., был для меня как бесценный подарок.

Она была очень хорошим человеком в самом большом измерении.

Вся ее жизнь проходила среди людей, люди были ей всегда интересны. Даже старея, она не теряла этого интереса. Голова была прекрасная.

Как никто другой, она умела сделать так, чтобы человек ей открывался.

Режим дня у нее был такой: засыпала — около четырех утра, ночью — читала, в основном стихи, главным образом Пушкина. А вставала около трех дня — пили кофе.

Везде в квартире был пепел, беспорядок. Курила она очень много — до двух пачек “Беломора” в день, — несмотря на протесты и запреты ее “личного” кардиолога Гдаля Георгиевича и его жены Виты Ильиничны.

Несколько раз я сопровождала ее в путешествиях. Так, мы ездили в Прибалтику, в Дубулты к Боре Биргеру: он снимал Н. Я. на кино- и фотокамеру. Гуляли вдоль моря, я носила за Н. Я. складной стул, а Н. Я. носила в одной руке палочку, а в другой домашнюю альпийскую фиалку в горшке.

...Замуж я вышла только после смерти Н. Я. Пока она была жива — духовной жизни и богатства общения было столько, что хватало. Так что мой самый серьезный “роман” был с ней — с “бабой Надечкой”!

На память о ней остались картина Бори Биргера и баночка из-под монпансье, склеенная отцом. Были у меня и письма Н. Я., но они пропали.

Зато в архиве¹ сохранилось мое письмо к ней из Боржоми, написанное 7 января 1971 года, под самое Рождество:

“Бабулечка, дорогая, здравствуйте!

Устроились мы с мамой хорошо, живем у источника, хозяйка хорошая. Красиво очень. Снега почти нет. Горы хороши очень. Городок маленький и уютный, очень чистенький. Народу мало, и это здорово. Бегаю в лечебницу на грязи, ужасно приятно, я по натуре наверно поросенок, лежу в грязи и хрюкаю от удовольствия. Бабулечка, как вы? Телефон очень далеко и нужно заказывать. Постараюсь прозвониться. Поздравляю с наступающим Рождеством. Очень скучаю

Ваша Сонька.

2015

.....

БОРИС МЕССЕРЕР

СТРУЙКА ДЫМА

.....

Надежда Яковлевна Мандельштам донесла до нас сокровища поэзии Осипа Мандельштама, сохранив в памяти его стихи, справедливо не доверяя бумаге, которую наверняка изъяли бы ор-

.....

1 РГАЛИ. Ф. 1893. Оп. 1. Д. 412. — *Сост.*

ганы госбезопасности при обысках и в ходе преследования великого поэта. Человеческий подвиг Н. Я. всегда вызывал у нас с Беллой изумление и восхищение.

Женщина, посвятившая себя одному любимому человеку, до конца прошедшая с ним весь его жизненный путь, ставшая его соратником и ангелом хранителем, продолжавшая служить гению своего супруга после его ухода из жизни. Две ее книги, посвященные памяти О. Э., являются шедевром русской литературы и находятся в числе самых возвышенных проявлений любви и верности. Мы с Беллой читали ее воспоминания в те годы, когда они считались самыми опасными в идеологическом отношении книгами, строжайше запрещаемые цензурой к ввозу в страну. Мы читали и давали читать своим друзьям, чтобы было с кем разделить радость переживания литературного шедевра.

Вспоминается интересная история, связанная со второй книгой Надежды Яковлевны с ее автографом, которую мы дали для прочтения Юрию Кублановскому в те самые мрачные годы. За Кублановским был в то время пристальный надзор со стороны КГБ и вскоре последовал обыск в его квартире. В те годы мы с Беллой жили в Переделкине, а Юрий — чуть дальше по той же железной дороге на станции Апрелевка. Квартира у него была однокомнатная, но в ней ухитрялись жить шесть человек. Он сам с женой и ребенком, отец жены — сумасшедший старик, вечно ходящий в кальсонах, и еще кто-то из родственников.

Обыск обычно бывал неожиданным, вот и к Кублановскому кэзэбэшники нагрянули ночью. Прятать книги в перенаселенной квартире было некуда, и когда раздался среди ночи неожиданный звонок в дверь, Юрий положил книгу Н. Я. на табуретку, стоявшую посреди комнаты, а сверху бросил на нее запачканную детскую пеленку и пошел открывать дверь. Вошедшие сотрудники органов изумились количеству людей, проживающих на таком крошечном пространстве. Ведь их информировали о том, что в квартире живут «враги народа», хорошо оплачиваемые западными империалистами. Один из пришедших чекистов привычно сунул руку в большую бадейку с какой-то крупой и вытащил оттуда книгу Солженицына. Другие члены бригады тоже не дремали и, проверяя детские описанные матрасы, поживились какими-то брошюрами. Но грязную пеленку на табуретке, стоявшей посреди комнаты, никто не рискнул потревожить, и на следующий день торжествующий Кублановский появился на даче в Переделкине с рассказом о том, как он спас книгу Н. Я.

Среди наших друзей-литераторов, бывавших на даче в Переделкине, следует назвать Илью Дадашидзе, поэта, приехавшего

в Москву из Баку, но успевшего пройти в Тбилиси “школу” Гии Маргвелашвили и публиковавшегося в журнале “Литературная Грузия”.

Илья, по существу, стал доверенным лицом Н. Я. Он постоянно бывал у нее и оказывал посильную помощь. Своей главной задачей он считал идею свести Беллу и меня с Н. Я.

В первый же наш визит, когда мы здоровались с ней, сказала Белла:

— А правда ли, что ваш первый муж был Евтушенко?

Белла сказала:

— Да.

После чего Н. Я. торжествующе взглянула на нас и заявила:

— Но ведь он же шут!

Мы с Беллой только рассмеялись в ответ. Н. Я. не шла ни на какие компромиссы, и только благодаря своей принципиальности она выстояла и стала той великой женщиной, перед которой мы преклонялись.

В дальнейшем, когда она услышала из уст Беллы стихи о Мандельштаме, где были строки:

...поэт, снабженный кляпом в рот,
и лакомка, лишенный хлеба...

она прониклась к Белле особенной любовью, хотя сама Белла утверждала, что Н. Я. больше любит меня. Она принимала нас, как правило, одетая для приема гостей, но лежа на постели под пледом или в кресле. Н. Я. была уже чрезвычайно слаба, и, по существу, казалось, что она бесплотна. Я всё время представляю себе ее гордый профиль, нос с горбинкой и гладко зачесанные волосы, когда ее голова лежала на подушке. Она всё время курила, несмотря на запреты врачей. Перед глазами стоит зрелище, когда ее тончайшие длинные пальцы ведут бесконечную игру с сигаретой, которая слугит продолжением руки и ее неотъемлемая часть.

Вокруг Н. Я. всегда были люди. Это была молодежь, самоотверженно приходившая к ней, несмотря на бесконечную слежку и наблюдение за ней наших славных органов госбезопасности.

Жила она на Большой Черемушкинской улице, близко от Профсоюзной, на первом этаже типового шестизэтажного дома в однокомнатной квартире с кухней, где всегда кто-то находился из числа молодых людей обоего пола, опекавших ее.

Молодые девочки спрашивали, что бы она хотела съесть? Ответы иногда озадачивали молодежь, не знавшую, о чем ее просят. Я помню, как-то Н. Я. на подобный вопрос сказала:

— Штрудель!

Но никто не знал, что это такое. В этой просьбе угадывалась память об О.Э., который был сладкоежкой: Н.Я. помнила, как они заказывали штрудель в какой-нибудь кондитерской города Киева.

В отношении общественной реальности тех лет у Н.Я. было глубокое неприятие советской действительности.

Но она неизменно говорила:

— Коммунизм — это на тысячу лет!

Она совершенно не верила в возможность каких-либо изменений. Для себя она искала утешения в религии. Много времени проводила с отцом Александром в беседах и была с ним в постоянном контакте.

Н.Я. сама захотела сняться на фото вместе с Беллой. Как правило, ее снимал Гарри Пинхасов. Он делал художественно ценные фотографии со светотеневым решением, что было редким качеством для фотографа.

Мы с Беллой позвали с собой Андрея Битова, и он с радостью поехал, желая познакомиться с Н.Я. Такова короткая история этих фотографий.

Темой наших разговоров всегда был Осип Эмильевич. Н.Я., рассказывая о нем, всегда подчеркивала, что он был очень красив. Конечно, это касалось его юности, их юности, когда он был влюблен в Н.Я. в Киеве. Она рассказывала про его кудри, гордую посадку головы с запрокинутым подбородком, радостное ощущение таланта, щедрость поэтического чувства, когда он, разговаривая, ронял изумительные рифмы-образы, как бы ни на секунду не ценя сказанное, и был всегда готов заменить их на новые, со свойственной таланту щедростью.

Эти проблески счастливой жизни всегда существовали в сознании Н.Я. Они, как ростки неведомых растений, пробивались через нагромождение ужасов последующих периодов жизни в эпоху преследований и травли. Может быть, это ощущение прожитого счастливого периода жизни давало ей силы преодолевать тяготы последующих десятилетий. Мы много говорили об Анне Андреевне Ахматовой, о Марине Ивановне Цветаевой. Н.Я. слушала стихи Беллы, и хотя их звучание было непривычным для нее, но страсть, которую Белла вкладывала в свое чтение, волновала Н.Я. и была ей близка, а ненависть к гонителям всего благородного и прекрасного в поэтах объединяла их, они были едины в этом чувстве.

Н.Я. гладила Беллу по голове, охотно позировала для фото вместе, но почему-то нервно реагировала на то, что я иногда пытался ее рисовать — ей казалось, что она плохо получится на рисунках, и она этого не хотела. Она непрерывно курила, и дым струйками обтекал ее лицо, романтизируя ее образ. Может быть, она это чув-

ствовала и, несмотря на всевозможные запреты, продолжала курить. Отсутствие плоти буквально поражало меня. Белла многократно говорила, что Н. Я. сама “струйка дыма”. Но тем больше поражала неведомая сила страсти, которая бурлила в ней и иногда пробивалась через немощь и слабость организма. Она не прощала старых обид, всегда помня и перечисляя тех, кто вредил ей по жизни.

“Вторая книга” Н. Я. содержит жесткие оценки целого ряда литераторов, встреченных в тех или иных обстоятельствах на жизненном пути. Я думаю, что все они справедливы, хотя порой и резки. Сама Н. Я. проживала настолько суровую жизнь, что имела право на суровые оценки поведения литераторов, несомненно, ведущих гораздо более спокойное существование и не буруеваемых такими страстями, как Н. Я., и не подвергавшихся таким гонениям со стороны власти.

И я много раз был свидетелем того, как самые достойные люди, когда речь заходила о Н. Я., говорили с какой-то обидой, что она написала “злую книгу”. Я помню, как это говорил даже такой тонкий человек, как Виталий Яковлевич Виленкин.

Помню, как изумительная Фаина Раневская тоже в присутствии Беллы сказала, что это “злая книга”, и как Белла буквально бросилась на защиту Н. Я. <...>

В моем сознании никогда не было такого ощущения от книг Н. Я. Я воспринимал ее резкости не как злобу, а как горечь из-за попранного чувства правды, а та страсть, с которой Н. Я. это высказывала, была знаком ее тонкости и чуткости к неправде. Таких случаев было много, это стало общим мнением, и каждый раз Белла защищала Н. Я. перед людьми достойными, но отзывавшимися плохо о ее книге.

Я уже говорил, что Н. Я. окружала молодежь — и девушки, и юноши. Девушек было побольше. Они старались помочь ей по хозяйству, которое было хотя и примитивным, но все-таки надо было ходить в магазин, приготовить нехитрый вегетарианский суп, поддерживать чистоту в доме... Я всегда спрашивал себя, что заставляет этих молодых людей с таким истовым старанием поддерживать быт ее дома, при этом ютиться на кухне, чтобы не мешать Н. Я. и не быть слишком на виду. Конечно, они все читали ее книги и любили стихи О. Э. Но они всё время шли и шли, приходили новые и оставались. И шли они к Н. Я. с просветленными лицами и своим одухотворенным порывом рождали у меня неожиданные образы. Мне казалось, что так должны были выглядеть лица первых христиан, старавшихся приобщиться к святому учению.

Легенда о Н. Я. побуждала молодых людей увидеть своими глазами эту женщину и рассказать другим об этом чуде. И поскольку

не могли поместиться в квартире, они стояли на лестничной площадке. Все-таки я думаю, что ими двигала совесть. Прочитав книги Н. Я. и как бы пройдя с ней ее жизненный путь, молодые люди могли ощутить всю несправедливость власти, преследовавшей ее мужа — великого русского поэта и ее — его жену и соратницу.

Эта чудовищная эпоха, этот “век-волкодав” пробуждали противодействие человеческого сознания у наиболее тонко организованных и чутких. Наблюдать это стихийное движение молодежи в пользу Н. Я. было трогательно и внушало светлые чувства. И хотя она неизменно говорила о вечности коммунизма, в воздухе чувствовалось иное: что эта система обречена. И что совершенно бесплотная и беззащитная женщина способна превозмочь всю государственную машину принуждения и насилия над личностью.

.....

Последний год жизни, смерть, похороны

Людмила СЕРГЕЕВА

“ПАУТИНКА ШОТЛАНДСКОГО ПЛЕДА...”

Когда у Надежды Яковлевны начались проблемы с сердцем, к ней пришел известный кардиолог Гдаль Григорьевич Гельштейн. Он стал посещать Надежду Яковлевну регулярно. Она часто говорила: “Сегодня был Гдаль, внимательно меня послушал, дал лекарство и сказал, что всё будет хорошо”. Надежда Яковлевна ему доверяла. Гдаль Григорьевич хорошо лечил ее, вел с ней интересные беседы, приходил с женой Витой Ильиничной, они оба потомственные врачи. Гельштейны стали друзьями Надежды Яковлевны.

Как-то я пришла к ней вскоре после ухода Гдаля Григорьевича. Надежда Яковлевна лежала и едва дышала из-за сильного насморка. Я спросила, что велел делать с насморком Гдаль Григорьевич. “Ничего”. — “Как это? Вам же трудно дышать”. — “Да он даже не заметил мой насморк. Он лечит сердце, он узкий специалист”. — “Но он же врач!” — не унималась я.

Надежда Яковлевна объяснила мне, что всё хорошо лечить умели земские врачи, их был немало. “А теперь только Юрка остался”, — заключила она. Имелся в виду любимый нами Юра Фрейдин, который, будучи психиатром, помогал и с любыми другими болезнями. Он тоже потомственный врач (его родители — врачи). Юра вся-

кого человека внимательно выслушивал, задавал точные вопросы, рекомендовал лекарства, а потом обязательно спрашивал, помогло ли оно. Меня Юра спасал от мигрени. Надежда Яковлевна верила Юре, как земскому врачу, ему она могла пожаловаться на любое недомогание. Тем более что «Юрка так любит Осины стихи». Такой доктор точно мог ее хорошо лечить от всех болезней.

И когда Надежда Яковлевна слегла и не могла обходиться уже без посторонней помощи, именно Юра Фрейдин организовал круглосуточное дежурство у нее с помощью друзей. На стене в кухне висел список дежурных, а также памятка о том, когда измерять давление, когда и какие давать лекарства, когда делать укол. А еще на стене был Юрин телефон и неотложной помощи. Юра всё это четко курировал: если кто-то заболел или не мог прийти на дежурство, обязательно звонил Юре, он быстро находил замену.

Мне повезло — я была в числе дежурных. Я всегда выбирала ночь: Аня училась в четвертом классе, утром ее не нужно было уже отвозить в школу на Кутузовский проспект, а следующий день был у меня неприсутственным на работе. Приезжала я вечером, часам к девяти, кого-то сменяла на этом посту. Выполняла все Юрины предписания: я умела делать даже уколы внутримышечно.

Главной просьбой Надежды Яковлевны всегда было: «Поищи на кухне папиросы, Юрка где-то там от меня прячет мой «Беломор»». Она курила много, обычно одну папиросу прикуривала от другой (точно так курил Бродский, я это видела, когда он жил у нас), а в теперешнем ее состоянии этого делать было нельзя. Папиросы совсем не отменили, но количество их сильно ограничили. К моему приходу лимит на папиросы у Надежды Яковлевны всегда заканчивался. Вот она и просила меня поискать их на кухне. Задача для меня была очень трудной — Юра на ночь не велел давать Надежде Яковлевне курить, а я знала, где лежат папиросы: на шкафу в кухне.

Мне было жалко ее, она очень хотела закурить, но запрет нарушить я не могла, а она слезно меня просила. Актриса из меня никакая. Каждое мое дежурство начиналось с этой игры — я долго искала папиросы на кухне, никогда их не находила, говорила, что Юра один знает какие-то тайные схроны для ее папирос, она просила позвонить ему и разузнать, я отвечала, что он всё равно не скажет и т.д. Надежда Яковлевна всё это терпеливо выслушивала и почему-то мне верила. Я до сих пор не знаю, то ли я так хорошо ее обманывала, то ли она всё понимала и просто жалела меня. Скорее второе.

От желания покурить я отвлекала Надежду Яковлевну разговорами: рассказывала новые анекдоты (в брежневские времена их было множество), о чем говорят «зарубежные голоса», что про-

чла в самиздате. И всегда Надежда Яковлевна просила что-нибудь новенькое рассказать о моей дочке. Особенно ей понравилось, как после первого дня пребывания в Литфондовском детском саду четырехлетняя Аня меня спросила: “А ты знаешь, кто такие антифашисты?” — “Нет”. — “Это фашисты, которые за нас”.

Я давала Надежде Яковлевне вечерние и ночные лекарства, и она засыпала. Дверь в ее комнату оставалась открытой. Я легла на узенький диванчик в кухне, прислушиваясь к дыханию Надежды Яковлевны. В свое первое ночное дежурство я так волновалась и так боялась, что всё время подходила к двери Надежды Яковлевны и проверяла, дышит ли она. А потом я привыкла, знала, что Надежда Яковлевна до рассвета не проснется, и сама на этом милом диванчике задремывала. Ухаживать за Надеждой Яковлевной было легко, у меня с ней никаких проблем, кроме как поискать “Беломор”, не было. Она не жаловалась, не стонала, не капризничала, а чаще благодарно улыбалась.

И вот настало мое дежурство в ночь на 27 декабря. Меня встретили вечером у Надежды Яковлевны незнакомые женщины: бывшая жена художника Плавинского Жанна и две ее подруги из Киева. Надежда Яковлевна была уже явно утомлена. Я померила ей давление, дала лекарства и сказала, что скоро будем готовиться ко сну. Жанна с подругами пили чай на кухне и вроде бы не собирались уходить. Мне пришлось присоединиться к чаепитию.

Через какое-то время Надежда Яковлевна громко позвала меня и сказала, что она тоже хочет посидеть на кухне. Я растерялась: я ведь не подниму Надежду Яковлевну, хотя она стала очень худенькой, и это явно выходит за пределы ей дозволенного. Надежда Яковлевна спокойно объяснила: нужно позвать одну из женщин, сцепить кисти рук так, чтобы образовалось сиденье, она обхватит нас за плечи, и тогда перенести ее на кухню. Что мы и сделали. Обращаясь к киевлянкам, Надежда Яковлевна спросила, знают ли они украинские песни. Оказалось, знают. “Пойте”, — попросила она. И начался концерт украинской песни. Время от времени Надежда Яковлевна спрашивала, знают ли гости еще такую-то песню или другую. Они их почти все знали и неплохо пели. Надежда Яковлевна слушала с интересом, наверно, вспоминала свою киевскую юность, город, где они встретились с Осипом Эмильевичем и полюбили друг друга, свою долгую жизнь без него — именно 27 декабря он погиб.

А время шло. Я внимательно наблюдала за Надеждой Яковлевной и понимала, что пора прекращать концерт по заявкам, ей явно всё это не по силам. Вдруг лицо ее побледнело, по высокому лбу потек пот. Я очень испугалась и тут же сказала, что мы немедленно уносим Надежду Яковлевну в кровать. Видя ужас в моих

расширившихся глазах, Надежда Яковлевна успокоила меня: “Не бойся, я такой подлости тебе не сделаю, в твоё дежурство не умру”. Эта её фраза с моей легкой руки стала крылатой, многие мемуаристы её повторили.

Когда мы остались вдвоем, она выпила лекарство, лицо её стало розоветь, давление пришло в норму, ей стало лучше. Я принялась выговаривать ей: “Вы такая легкомысленная, а я, дура, вас послушалась, нельзя вам было вставать и долго сидеть на кухне”. Надежда Яковлевна мне спокойно возразила: ещё до моего прихода она не знала, о чём говорить с незнакомыми киевлянками, да и Жанну она видела второй или третий раз. А поскольку гости не ушли сразу, она хорошо придумала — пусть поют украинские песни, она с детства их любит и давно не слыхала. Слава богу, заснула Надежда Яковлевна быстро, слово сдержала — не умерла в моё дежурство, которое стало для меня последним. Утром часов в одиннадцать меня сменила замечательная Зоря Яковлевна Гельфанд.

Оказалось, это был последний в её жизни концерт, хотя и самодеятельный, но с украинскими песнями. И последнее её “сидение” на своей кухне. И случилось всё это ровно через сорок два года после гибели её мужа — Осипа Мандельштама. Надежда Яковлевна умерла утром 29 декабря 1980 года, легко, как и хотела, в своей постели.

Мне позвонили днем 29-го, я тотчас поехала на Большую Черемушкинскую. Надежда Яковлевна лежала уже в гробу в красивом коричневом платье, над ней по очереди читали молитвы, вокруг были цветы. Как завещала Надежда Яковлевна, ей положили в гроб “паутинку шотландского пледа”, воспетого Осипом Мандельштамом. Лицо Надежды Яковлевны как-то просветлело и успокоилось: на земле она свою миссию выполнила, а на небе ей предстоит встретиться с любимыми. Что может быть прекраснее?

А тем временем все “вражеские голоса” объявили о смерти Надежды Мандельштам, хотя родное Отечество не обмолвилось ни словом. Но люди уже шли и шли в эту маленькую однокомнатную квартиру, чтобы проститься с Надеждой Яковлевной, — дверь не закрывалась. Приезжала проститься Белла Ахмадулина. Телефон захлебывался от звонков, какое-то время я отвечала по телефону: звонили незнакомые люди, звонили из журналов “Дружба народов” и “Новый мир”, из посольств, все хотели узнать о времени и месте похорон. Об этом 29-го и ещё днем 30 декабря никто из нас не мог сказать ничего определенного.

Первая мысль друзей была — Ваганьковское кладбище. Там похоронен Евгений Яковлевич Хазин, любимый брат Надежды

Яковлевны и муж художницы Елены Михайловны Фрадкиной, в этой могиле лежали и ее родители. Елена Михайловна не дала согласия на захоронение Надежды Яковлевны: она зарезервировала там место для себя, а участок этот очень небольшой. Пошли на переговоры с директором Ваганьковского кладбища, который сразу понял, о чьих похоронах идет речь, и посчитал для себя честью помочь. Он пообещал расширить этот старый участок, принадлежавший Елене Михайловне Фрадкиной.

Выход казался найденным, назавтра должны были оформить документы. Но назавтра в кабинет директора Ваганьковского кладбища позвонил уполномоченный КГБ по московским кладбищам (и это они контролировали!) и категорически запретил хоронить Надежду Мандельштам на Ваганьковском. Ясно было, что власть натерпелась страха с похоронами Высоцкого тем летом и допустить еще одну “ходынку” в центре города не собиралась. Директор Ваганьковского очень огорчился и сказал, что готов рискнуть своим местом и все-таки похоронить Надежду Яковлевну рядом с братом.

Однако друзья не могли принять такой жертвы и не хотели никакого скандала на похоронах Надежды Яковлевны. Она такое решение наверняка бы одобрила. Еще раньше Литфонд предложил место на Новокунцевском кладбище, которое в ту пору не отделено было от старого деревенского Троекуровского. И тогда директор Ваганьковского позвонил своему приятелю, директору Троекуровского, с просьбой найти хорошее место на старом кладбище для такой женщины. Было найдено пустое место у большого дерева среди простых давних могил.

Тридцатого декабря друзья опять собрались у гроба Надежды Яковлевны, читались по-прежнему над ней молитвы. Всю прошедшую ночь молитвы над ней читались тоже. Но под вечер 30-го в квартиру явились трое гэбэшников в штатском и двое милиционеров с прокурорской повесткой: они должны арестовать тело, увезти его в морг, а квартиру опечатать. Хотели забрать Надежду Яковлевну без гроба, но все мы (а нас было не меньше десяти человек) встали стеной и не отдали им Надежду Яковлевну без гроба. Машина у них была для перевозки трупов или пьяных, которых они подбирали зимой на улице: гроб в такую не входил. Они отправились за другой машиной. Когда мы остались без чужих, Варя Шкловская сказала: “Быстро прячем на себе или в своих сумках самое ценное и выносим, уходя из квартиры”.

Юра Фрейдин напомнил: “Не забудьте унести птицу, это обязательно”. Эту металлическую черную птицу Осипу Мандельштаму подарили в Армении, во время их с Надеждой Яковлевной путешествия.

Он птицу держал в руках, любил, она ее возила всюду за собой и берегла. Я спрятала птицу под своей дубленкой и так вынесла ее. Она больше года жила у меня дома, а затем я отдала ее Юре Фрейдину, раньше не могла — у него дома был обыск, ждали повторно “гостей дорогих”. Другие люди что-то еще спрятали в свои сумки, Таня Птушкина унесла трехтомную “американку” Мандельштама с пометками Надежды Яковлевны на полях. Все вышли из квартиры, ее опечатали, нас не обыскивали. Надежду Яковлевну увезли.

Этот Новый, 1981 год, хотя и мертвой, Надежде Яковлевне предстояло провести под арестом. Юру Фрейдина кто-то посадил в машину, и они поехали за Надеждой Яковлевной, чтобы знать, в каком морге она будет находиться. Все боялись, что нам не отдадут тело. Но этого, слава богу, не произошло.

Гроб с телом Надежды Яковлевны отдали и разрешили поставить в церкви. Отпевали ее 2 января 1981 года в церкви Знамения Божией Матери, что в Аксиньино, за Речным вокзалом. В этой церкви дьяконом был о. Александр Борисов, друживший с Надеждой Яковлевной, ныне он настоятель храма Святых бессребреников Козьмы и Дамиана в Шубине. Вместе со священником Знаменской церкви диакон Александр Борисов служил панихиду по Надежде Яковлевне, им сослужил протоиерей о. Александр Мень.

Народу в церкви и за ее пределами было очень много. Когда на руках выносили гроб, стоящие люди вокруг пели “Святой Боже, Святой крепкий, Святой бессмертный, помилуй нас”. Друзья Надежды Яковлевны сопровождали ее гроб в автобусе. Дни стояли зимние, короткие, уже смеркалось, когда мы приехали на Троекуровское кладбище. Но народу и без автобуса добралось до кладбища немало. От асфальтовой дороги, куда подъехал автобус, до могилы гроб несли на руках по неудобной тропинке, меж тесных могильных оград, по снегу. А путь этот не короткий.

У могилы и вокруг нее на узкой тропинке плотно стояли друзья, знакомые Надежды Яковлевны. Остальным людям пришлось пробираться по другим таким же заваленным снегом тропинкам и стоять за чужими оградами. Когда опускали Надежду Яковлевну в землю, стемнело еще больше. И вдруг все — и те, кто были у самой могилы, и те, кто вдали, — зажгли свечи, много свечей. На снегу, среди темневших деревьев и могильных оград, в сгустившихся сумерках, свечи вспыхнули и горели, как звезды на небе. Так торжественно, трогательно, красиво прощались со вдовой великого русского поэта, чьи стихи она берегла, с женщиной, чьи книги читали отпечатанными на папиросных листках в самиздате, о месте и времени похорон которой никто в родной стране не объявлял. А множество людей всё равно стояло с горящими свечами: прово-

жали Надежду Яковлевну в последний путь. Она на такой триумф не рассчитывала.

Потом автобус отвез нас на улицу Дмитрия Ульянова, где в квартире Натальи Владимировны Кинд организовали поминки. Мы долго еще за столом вспоминали Надежду Яковлевну, у всех были свои истории, связанные с ней. И читали, читали вслух Осипа Мандельштама.

Кто может знать при слове — расставанье,
Какая нам разлука предстоит?

Мы и теперь еще, кто остался в живых и кто в силах, в день рождения Надежды Яковлевны и в день ее смерти собираемся вместе, чтобы поговорить о Надежде Яковлевне, о том счастье, что выпало на нашу долю. Как же Надежды Яковлевны сегодня не хватает!

И чем дольше я живу на свете, тем больше ее не хватает: не встречаются люди ее судьбы, ее масштаба, ее ума и доброты, ее мужества, ее веры.

.....

ВЕРА ЛАШКОВА

ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ МАНДЕЛЬШТАМ

.....

После своего дня рождения 31 октября она почти сразу слегла, где-то 11 ноября вызывали “скорую”, у нее был гипертонический криз, и после этого числа она уже не вставала. Никаких страданий она не испытывала, просто лежала, сначала не разрешали вставать врачи, и она была рада, а поскольку лежать она всегда предпочитала и раньше, а силы убывали, все-таки 81 год, то уж надежды на то, что она встанет, как-то и не было.

Поэтому стали дежурить, то есть всё время около нее кто-то был, и день и ночь. Участвовали в этом 25 человек, и старые знакомые, и много новых появилось. Конечно, она капризничала, но вообще с ней было легко, целый день она читала или дремала, разговаривала мало, да и о чем ей с нами разговаривать было. У меня уже давно появилось ощущение, что, кроме видимого плана ее существования, был и какой-то другой, может, это были воспоминания, ее захватывавшие всё чаще, но когда она отвечала на какой-то вопрос, мне казалось, будто она возвращается откуда-то из себя. С другими

я не знаю, как было, но я это точно чувствовала. Ну и потом, конечно, я всегда понимала, что ровней ей быть ни в чем не могу.

В тот вечер я пришла сменить Н.¹ и должна была дежурить ночь. Перед этим я не видела Над. Як. восемь дней, и сразу бросилось в глаза, как сильно она сдала, какое-то лицо отрешенное, что ли, измученное. Н. была с ней целый вечер и сказала, что Над. Як. часто стонет, но и раньше она любила стонать, а когда спрашивали: что — отвечала, что просто так. Может, не хотела говорить, а может, и правда просто так. Мы уж привыкли и не досаждали ей этими вопросами. Последние две недели она вставала и с помощью доходила до ванной, но раза два падала — от слабости.

Когда Н. ушла, была прежней, то есть немного капризничала, но есть не просила, как обычно вечером (хотя ела поразительно мало). В чем душа держалась, исхудала она так, что даже страшно было иногда. Но настроение было ровное, часто курила, не могла бросить никак, шутила над кем-то. Пыталась читать книгу (какую-то Искандера), но не могла, откладывала.

Стала устраиваться спать, я дала ей на ночь обычные таблетки, две слабительные и половинку снотворного. Попросила посидеть рядом с ней, потом сказала, что какой-то голос говорит ей: “на Руси”. Спросила меня, слышу ли я. Я сказала: нет. Немного полежала, закрыв глаза, потом сказала: “Теперь говорит: в лесу”. Еще позже спросила, какая машина гудит в комнате. Но было тихо, правда, под окнами ходит трамвай (не в этот момент). Я и сказала, что, может, это трамвай, но она покачала головой: нет. Потом попросила позвонить Ю. Ф.², очень ему доверяла, рассказала это всё. Было похоже, что она хочет спать, что меня удивило несколько, обычно она не засыпала раньше часу ночи, а то и позже. Но просила сидеть рядом. Дыхание у нее было довольно тяжелое, но и это было привычным для нас, она так и раньше дышала. Короче говоря, я ничего не чувствовала. В какой-то момент, еще не заснув, она вскрикнула, на лице был ужас. Я спросила: что? Она говорит: “кошка”, а потом: “страшно”. Я сказала: “Помолитесь Богу, Над. Як.”. Она сказала: “Я молюсь”.

Но я-то ничего не понимала, и потом, когда она заснула, это было около полтретьего ночи или чуть раньше, я думала, что она спит. Но хотя это была первая спокойная ночь за все мои дежурства и Над. Як. ни разу не позвала и не разбудила меня, как было раньше (со всеми), как-то было беспокойно, я прислушивалась к ее дыханию и считала: было около пятидесяти в минуту, а пульс ровный.
.....

1 Н. И. Столярову.

2 Ю. Л. Фрейдину.

После 7 утра я стала ждать, что она проснется и попросит кофе — как обычно. Но она спала, я так думала, дыхание было такое же частое. Спала она всегда на спине и позы во сне не меняла, так было и тогда. Я ждала, уже было совсем утро, кто-то звонил, я всем говорила, что Над. Як. спит, потом звонил Г. Г.¹, он должен был приехать с электрокардиограммой, она ждала его звонка накануне. Я и ему сказала, что она спит.

Лицо было удивительно спокойное и какое-то очищенное, умиротворенное. И только около 10 утра дыхание вдруг стало очень редким, я считала, сначала пятнадцать, потом двенадцать, потом восемь в минуту. Позвонила Г., он сказал: вызывайте “скорую”, я вызвала, еще минут пять она дышала, но совсем редко, я уже не считала, а только ждала, будет ли еще вздох.

Умерла она без пяти одиннадцать утра, то есть перестала дышать. Но я как-то не смела подумать, что уже всё. Это был не страх, а просто я не могла взять, что ли, такую ответственность и утверждать это. Пришла та девушка, которая должна была сменить меня утром в 10 часов, но предупредившая, что опоздает. Она спросила первая: “Она умерла?” А врачи приехали в полдвенадцатого, один пощупал пульс и сразу сказал: “Когда бабушка скончалась?” Сразу же и обмыли, и одели в единственное ее красивое платье, и положили на стол, пока без гроба. И сразу же стали читать псалтырь.

Врач сказал, что должен вызвать милицию, что так положено, когда нет родственников, и вызвал. Пришел какой-то невзрачный тип, посмотрел эту нищую квартиру (“в могучей бедности, в роскошной нищете”) и довольно легко согласился, что когда мы всё сделаем, то есть похороним и запрем квартиру, то ключи им отдадим.

Собралось сразу вдруг много народа, начались хлопоты, так прошел день. Было у меня смутное чувство, что как бы они снова не пришли. Но и ночь прошла спокойно, всю ночь читали над нею, и следующий день тоже. Привезли гроб, положили. Н. смогла устроить так, что Литфонд дал своего похоронщика, а это очень могущественный человек. Именно он и добился места на кладбище (Кунцевском), которое давно закрыто. Чудесное кладбище, старое, могучие деревья, и в ограде у Над. Як. старая липа. Да еще канун Нового года, и никого трезвого уже нет нигде. Но он всё сделал.

Ну вот, к концу второго дня, 30-го, часов в 6 вечера, позвонили в квартиру и сказали, чтобы немедленно очистили ее, потом приехали, разные там были люди, некоторые в каракулевых шапках, некоторые попроще, один милиционер в форме, остальные

.....

с повязками, как водится, и пришла машина, в которой уже они хотели и Над. Як. забрать, но уж тут бабы заголосили, что не дадут. Удалось договориться с этими двумя мужиками из машины (и было похоже, что они ни при чем), чтобы поставили с гробом. Из квартиры всех выгнали, я ее заперла и ключи отдала тому типу, который был накануне (и влетело же ему, видно, он был как наскипидаренный и больше всех орал, чуть не пинками выгонял). При мне квартиру никто не опечатывал, а на другой день уже были печати на двери. Представляю, как они там ночью полы взламывали, ну, конечно, брильянтов не было, да и ничего не было.

В морг мы приехали одновременно, мужики эти заверили нас, что поставили там гроб, и всё в порядке. Но уже уверенности, что они не похоронят ее сами, у меня не было совсем. Мы и на другое утро приезжали и спрашивали, там была очень славная старушка дежурная, как она сказала, что иконка в гробу есть, мы успокоились. Первого января вечером привезли гроб в церковь на Речном вокзале, читали там до девятого часа, потом церковь запирают на ночь.

Второго января после литургии было отпевание. Отпевал не знаю какой священник, но второе Евангелие читал о. Александр, он приехал (Над. Як. хотела, чтобы ее отпевали в Пушкино и там же похоронили, но невозможно было достать автобусы, чтобы перевезти ее туда, а кладбища там уже закрыты для захоронения). Народ не вмещался весь в церкви, трудно сказать, сколько было, может, человек триста, не знаю. Отпевание было прекрасное, светлое, певчие пришли специально из Николы в Кузнецях, когда выносили гроб, звонили в колокола. Конечно, присматривали, но держались незаметно. Ничто не может сравниться с таким провожением.

Пели и на кладбище, и Саша¹ отслужил маленькую литию, зажгли свечки на могиле, крест поставили сразу. Пока обычный, потом сделают другой. Вчера был девятый день, и хотя в сочельник нет панихиды, многие заказывали (я знаю), а на кладбище цветов было много, и тропинка в снегу только к этой могиле протоптана.

Поминки были после похорон у Н. В.². Не то чтобы одни близкие пришли, но чистые и хорошие люди, видно было по лицам. И поминки тоже были какие-то возвышенные, а не просто ели и пили.

Царствие ей небесное, вечная память.

40-й день — 6 февраля 1981 г.

.....

.....

1 Священник о. А. Борисов.
 2 Н. В. Кинд.

НАТАЛЬЯ СТОЛЯРОВА

“Я СЕГОДНЯ ДЕЖУРИЮ У НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ...”¹

.....

Я сегодня² дежурю у Надежды Яковлевны.

Чистое, почти прозрачное лицо на подушке. Я уговариваю ее поесть, она нехотя соглашается, но отведав японских спагетти, ест их с удовольствием, приговаривая: “Вкусно готовят, проклятые буржуи...” Потом я даю ей компот, и мы тихо беседуем, одни в квартире.

“А что если я сегодня умру?” — “Не допустим, Н.Я., на то мы и дежури́м около вас, как жандармы”. — “А я возьму и надую вас...” — “Не выйдет, не старайтесь, мы хитрые...”

Так мы шутим в привычном для нас тоне, шутка без улыбки, и я про себя удивляюсь чистоте этого старого, почти бесплотного тела. И ела она удивительно чистоплотно, осторожно. Страшная худоба лишь обострила, но не изменила черты ее лица. В последние дни во время еды или разговора она вдруг испускала стон с выражением внезапного испуга, почти ужаса, но на мой вопрос, почему она стонет, она давала ответ уклончивый и рассеянный. Иногда мне казалось, что она боится оставаться одна в комнате, она поминутно звала нас из кухни, и на вопрос, что ей нужно, явно придумывала предлог: дайте папиросы, спички. Или же говорила с подкупающим смирением: посидите со мной.

В девять часов пришла Вера³, мы с ней поговорили на кухне, и потом, поцеловав Н.Я., я ушла с необычно тяжелым сердцем. По дороге корила себя, зачем я запрещаю звать нас из кухни, напрягая голос и тратя последние силы, когда на столике около нее колокольчик? Однажды она в этот вечер долго звонила, а я, сидя на кухне, не связала с ней этот непривычный для меня звук. Она меня коротко упрекнула.

Пошла ее последняя ночь. По словам Веры, Н.Я. вставала, даже посидела на стуле, как советовал врач, немного читала. В какой-то момент она сказала Вере: “Ты не бойся...” В другой: “Мне страшно...” В последнем разговоре помянула Блока с укором за его пристрастие к духам: “Дыша духами и туманами...”

.....

1 Впервые: О последних днях Надежды Мандельштам (из частного письма) // Вестник русского христианского движения. Париж, 1981. №133. С. 144–148. Без подписи.

2 28 декабря 1980 г.

3 В. Н. Лашкова.

Отошла она уже утром, тихо, в полусне, словно в обмороке.

...А я в это утро поехала в десять часов в библиотеку, сидела там, читала, и странным образом в ушах тихо звенел тот не услышанный мной тогда на кухне мелодичный колокольчик. Едва я вошла к себе, как раздался звонок по телефону и мне сказали, что Н. Я. скончалась. Вскоре я поехала в Черемушки с подругой. Мы нашли ее уже лежащей на столе, в углу под иконой горела лампадка. Она вытянулась во всю длину-высоту, и лицо ее меня поразило.

Ушли боль, страх, стеснение, раздражение. Лицо умное, просветленное, исполненное достоинства и спокойного сознания: я прожила трудную жизнь, но я донесла свой дорогой груз. Мы тихо просидели до вечера, и, сменяясь у ее гроба, кто-то всё время читал псалтырь. Было ее осязаемое присутствие.

На следующий день, во вторник 30 декабря, под вечер мы подъехали к дому Н. Я. и на лестнице увидели двух милиционеров. Мы не сразу связали их присутствие с квартирой № 4. Но когда вошли, застали человек пятнадцать друзей, растерянных и расстроенных: из милиции звонили и предложили освободить квартиру. «А как же быть с покойной?» — «Покойницу мы вам поможем вывезти, мы не можем опечатать квартиру, пока она там». — «А куда вы ее повезете?» — «Найдем куда». — «Зачем?!» — «Таков закон. А вдруг у нее спрятаны миллионы, объявится законный наследник, и нам придется отвечать».

Наш врач Юра¹ пошел разговаривать с начальством. А мы в это время метались по квартире, вынужденные предать ее, отдать в морг, оставить одну. Кто плакал, кто сердился, кто доказывал, что надо вызвать свидетелей, другие не хотели взломанных дверей и прочего срама перед смертью, перед покойницей. Выражение на ее лице словно изменилось и преисполнилось высокой иронией: «Не суетитесь, мои милые, судьба-злодейка не отпустит меня, пока не уйду под землю, она так и дотопает со мной до самого конца». Ум, свет, высота, ирония, уже освобожденные от «земных уз», от страха, от прислушивания к чужому звонку, от многого, многого.

Юра вернулся и сказал, что таково правило: когда умирают одинокие люди, то ничего нельзя сделать, но что милиционеры хотят взять тело на носилках, без гроба, так как он может не уместиться в их машине, а это совсем недопустимо. Но машину «пригнали издалека», и считаться с нами не собирались.

Когда вошел шекспировский, слегка под мухой, могильщик с невероятно уродливыми носилками и предложил, чтобы мы

.....

вынули тело из гроба, мы все сразу закричали и буквально криком вытолкнули его. Он попятился и вышел, захватив носилки. Долго шли переговоры, милиционеры то и дело ходили звонить начальству, и так оно длилось около часу, пока не пришел разъяренный начальник и не предложил “немедленно освободить помещение”. Тогда наши мужчины бережно вынесли открытый гроб и отдельно крышку, которой закрыли его после установления его в машине, где он все-таки уместился.

Машина сразу же двинулась к моргу Института морфологии. Мы не торопясь выходили, милиционеры косились на сумки, но только один раз у одной из нас спросили, что она выносит. Она огрызнулась и прошла. Вера вынесла Библию и отказалась отдать ее. Выносили мелочи личные, заветные.

Что касается своего архива, Н.Я. задолго отдала его тем, кому завещала им заняться. Надо признать, что оба милиционера, стоявшие на лестничной площадке, вели себя спокойно, с каким-то крестьянским уважением к смерти. “Господ в штатском” я, как всегда, принципиально не видела. Белые пятна в глазах у меня на них. Начальник шумел, но не злобно. Могли бы ведь начать обыскивать, не уносим ли “миллионы”, ведь всё делалось ими “для защиты интересов возможного законного наследника”. Нет к ним претензии. Претензии к “злой судьбе”, назовем это так.

Потом я узнала, что Юра чуть не договорился о месте на Ваганьковском кладбище, где могила брата Н.Я. В последний момент переговоров позвонили по телефону “сверху”. “Некто” дал указание НЕ предоставлять места для захоронения Мандельштам. Не устраивать же в самом деле паломничества “клеветников” к могиле так близко от центра города. Внимание распорядителей сверху было, вероятно, привлечено сообщением о смерти Н.Я. западными радиостанциями буквально в день смерти.

Первого января в 15.00 мы увезли ее из морга в церковь Знамения Божией Матери, где на следующий день было отпевание. Друзья пригласили прекрасный профессиональный хор, который поразил нас высоким качеством исполнения, отсутствием обычной безличной прохлады.

Маленькая церковь была наполнена до отказа, кто-то считал около пятисот человек. Стояли люди и около церкви, среди них те, кто не сумел войти, но и те, кто обычно не бывает в церкви и пришел из уважения ко вдове поэта. Были такие, кто воспринимал ее религиозность как одно из чудачеств. Я проникла в церковь и загляделась на лица. Все без исключения интеллигентные лица, которые обычно выделяешь из толпы, лица с печатью индивидуальности, освещенные снизу свечками, сосредоточенно внимали пению.

Аристократия духа собралась почтить автора самой замечательной книги о нашей жизни, почтить высоту и достоинство, с которыми она прожила и пронесла для России забытую было поэзию Осипа Мандельштама. Глубокое внимание и волнение публики словно еще больше одушевляло поющих, и как-то сама собой возникла удивительная эстетическая атмосфера и почти праздничная приподнятость.

На двух или трех автобусах и многих машинах все поехали на старое Троекуровское кладбище. Шел легкий снежок, очень украсивший это кладбище под старыми соснами, обжитое белками и птицами.

Очень узкой тропой — трудной, как жизнь Н.Я., тропой — пронесли на плечах дорогую ношу, и под высокой сосной опустили ее в землю. Могильщики заработали лопатами. Потом мы покрыли могилу цветами и зажгли свечи.

Люди медленно, нехотя уступая место другим, проходили.

Запорошенное снегом кладбище, сосны, цветы, свечи и лица, лица...

Январь 1981 г., Москва

.....

Белла Ахмадулина

СОСРЕДОТОЧЬСЯ НА МГНОВЕНЬЕ¹

.....

Надежда Яковлевна умерла 29 декабря 80-го года. Я поехала сразу и взяла с собой иностранных корреспондентов. Она была одиноким человеком, и — маленькая квартирка. То есть, по присмотру милиции, по всему, это уже не касалось даже политического преследования, а просто, что одинокий человек умер и наследников нет. И это помогло, потому что никто не посмел квартиру опечатать.

.....

1 Из радиопередачи: Дадашидзе И. К 100-летию со дня рождения Надежды Мандельштам // Радио Свобода. Поверх барьеров. 2 февраля 2002 г. (В передаче использованы фрагменты интервью, данного Н.Я. голландскому журналисту Ф. Диаманту в 1973 г., а также интервью С. Витали, Б. Ахмадулиной, Э. Герштейн, А. Синявского, С. Аверинцева, Н. Струве, А. Битова, Б. Мессерера и Ю. Фрейдина.)

Борис Мессерер велел мне взять с собой форматора, сделать слепок с лица и руки. А те, кто там при этом был, сказали: “Это против религии”. Я сказала: “Вы ошибаетесь. Иначе бы у нас не было маски Пушкина”.

И вот этот единственный экземпляр — гипсовый. Форматора мне пришлось всё время угощать напитком, потому что он говорил: “Я боюсь умерших”. Но вот единственный слепок лица и правой руки Надежды Яковлевны (я это ни от кого не скрывала) у нас только хранится. Ее прекрасное лицо и тонкая изумительная рука.

Когда хоронили Надежду Яковлевну, это было 2 января, и когда стали опускать гроб в землю, было совершенно ясное небо. И вдруг среди ясного неба раздался гром, но он был такой не зловещий какой-то, а словно всем, кто был там, условный знак какой-то был небесный: сосредоточься на это мгновенье.

.....

Михаил Левин

ДНЕВНИКОВЫЕ ЗАПИСИ О ПОХОРОНАХ НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ МАНДЕЛЬШТАМ¹

29 декабря 1980 года .....

В 6 вечера звонок Бобра²: папа просил передать, что умерла Надежда Яковлевна. Утром в 11 часов. Они с мамой сейчас там.

Оставил Ташке³ записку и поехал. Полная кухня людей и дыму. В комнате на столе с иконкой на груди Н. Я. Свечи. Никита Шкловский читает псалтырь. Лицо Н. Я. спокойное, строгое. Дантовский профиль. Ни улыбки, ни всегдашнего нетерпения уже никогда не увидеть.

.....

1 Левин Михаил Львович (1931–1992), по словам В. И. Лашковой, один из самых удивительных и замечательных людей, очень заботился о Н. Я. и о многих других. Физик, близкий друг А. Сахарова, один из основателей радиофизической школы в Горьком, преподавал в тамошнем университете на радиофизическом факультете. В июле 1944 г. был репрессирован (ст. 58–10, 11) и приговорен к трем годам, но в августе 1945 г. освобожден по амнистии.

2 Пастернак Борис Евгеньевич — внук поэта, архитектор.

3 Левина Татьяна Михайловна — дочь М. Л. Левина, искусствовед.

На кухне Варя Шкловская, Коля Панченко, Женя Левитин, девки, как их называла Н.Я., Вера Лашкова, 2–3 мужика, потом Юра Фр^ейдин. Гдаль уехал к Елене Михайловне — просить место на участке, где похоронены ее родители и Евгений Яковлевич.

Курю снаружи. Вера Лашкова рассказывает, как Н.Я. с вечера мерещилась то кошка, то шум машины в комнате.

“Я устала так жить. Лежать, лежать, лежать...”. “Ты только не пугайся”.

Утром Вера сперва думала, что Н.Я. просто еще спит. Но потом поняла...

Звонит Гдаль. Елене Михайловне отказывает — там только одно место для нее самой. Надо доставать разрешение на Ваганьковское или Переделкино. Приезжает Наткаля Ив^ановна Столярова. Тут нужно ходатайство самого Михалкова или хлопоты Евтушенко, Вознесенского... Но Евтушенко в Лондоне, Вознесенский — в Париже. Может быть, Межиров?

А в комнате, теперь только при свечах (чтобы не было лишнего тепла — слава богу, батареи не греют), читают псалтырь.

Приезжает Ташка, пытается рисовать. Завтра Л. Мурина приведет делать маску.

Ищут отца Александра. Врач “скорой” подбивал милиционера всех разогнать и опечатать. А то, может, у старухи тысячи под подушкой.

В комнате пусто. Не те книги... учебник итальянского. Только на стенах картины и на книжной полке фотография нашего Пети¹, еще совсем маленького.

На кухне дым коромыслом. Юра Фр^ейдин привез нотариальное завещание на 5 человек без подробностей. Надеется, что сыграет роль охранный грамоты против милиции. А у Жени Левитина бумажка с распоряжениями, кому что. Кому-то картина Фалька, но “с нагрузкой” — работой Елены Михайловны. Распоряжения о мебели почти шекспировские.

Уезжаем в 12-м часу в полной неясности. Отпевать хотя в Пушкине (у отца Александра Меня), а где хоронить, непонятно — может быть, на новом кладбище в Пушкине. Завтра утром придет похоронный агент и профессионал из Литфонда (Лев Наумович) со своими предложениями — тогда будем решать. Все ругают Елену Михайловну.

.....

«30 декабря 1980 г.» .....

До 12 всё неясно. Отпевать в Пушкине нельзя: катафалки за город не ходят, а перевозить гроб можно только в катафалке. Наконец, решено, что отпевать будут в церкви у Речного вокзала 1-го, где же хоронить — еще не решено. Уезжаю в Абрамцево.

«1 января 1981 г.» .....

1-го в 6 утра собираюсь в Москву. Приезжает Мила¹. Всё сдвигается на сутки: отпевание 2-го в 11 утра. Ночью вспоминались “предвестники”: 28-го купил №12 “Вопросы» литературы»” с мандельштамовскими публикациями (для Н. Я.!), а 29-го утром в “Правде” статья Евгения» Сидорова о Дне поэзии с похвалами Н. Панченко (опять для Н. Я.!). И заехал бы из ФИАНа к ней (днем 29-го!), если бы не забыл дома Воплей.

Последний раз видел ее 17-го (после обид Г. Г.²) — разговор о профессорских самолюбиях, о верности и о том, что красота поэзии всё же выше красоты математики (ссылка на Гельфанда³). Так и не допустила она Гельфанда... Ругала “девок” за глупость и жадность. Вдруг вспомнила про Баратынского (читал ей прошлый раз), спросила подробности его юношеской “шалости”⁴. Как всегда, хвалит пастернаковских детей и спрашивает про Ташку. Обещаю привести Петьку, как только выздоровеет.

2 января .....

К 10:50 добрался. Церковь набита, но войти еще можно. Рядом прижаты Липкины и Белла Ахмадулина. Отпевает местный священник, сослужит отец Александр. Раз 15 повторяется: новопреставленная» раба Божия Надежда, новопреставленная» раба Божия Анна и еще рабы Божии Михаил, Владимир и Евдокия. Стоят два гроба: Надежды и Анны. Священник служит скороговоркой и абы как, но хор великолепен. Зачем столько раз повторяют имена отпеваемых?

.....

1 Леонтович Людмила Алексеевна — жена Александра Михайловича Леонтовича, врач.
 2 См. наст. издание, с. 650.
 3 См. наст. издание, с. 513.
 4 В шестнадцать лет Е. А. Баратынский участвовал в краже золотой табакерки. За это был исключен из Пажеского корпуса, где тогда учился, и по личному приказу Александра I мог служить только в армии рядовым.

После отпевания ждем около часу в притворе, пока все прощаются. Миша Поливанов¹ курит у паперти, а я выхожу за ограду. Впрочем, сторож перестает делать замечания: уж больно много нарушителей.

В церковном дворе — «вся Москва». Многие так и не попали внутрь. Лазарь² (недавно у В. В.), Кика и Юня³, Володя Корнилов, много бород. Инкоры с кино — и фототехникой работают с земли, и с изгороди. Большой Гдаль в машине Бори Мес«серера».

Молодые и старые выносят гроб. Едем на Кунцевское кладбище. (Говорят, что заезжал Б. Биргер с Петрухиным и уехали в Малеевку.)

По гололеду «молодые дьяконы» с пением молитв несут гроб. У могил последнюю молитву творит Саша Борисов. Могильщики быстро делают свое дело. Ветки, цветы, свечи. Всё.

Похоронили рабу Божию Надежду. А для меня Н. Я. не была никогда ничьей рабой. Даже Божией. Не была и всё. Для меня: у нее был с Богом уговор (завет почти на равных: Ты мне — Оську, а я тебе всё, что положено по правилам, она соблюдала условия договора по-честному, но рабьего в ней не было грамма).

И начальство, я думаю, было очень довольно таким оборотом событий: чисто церковные похороны рабы Божией Надежды и ни слова о Надежде Мандельштам, о вдове Осипа Мандельштама.

Варя Шк«ловская», когда шли назад, сказала, что в гробу остаток пледа.

Того пледа:

Есть у нас паутинка шотландского старого пледа, —
Ты меня им укроешь, как флагом военным, когда я умру.

Кажется, как всегда, опоздал Гельфанд...

.....

.....

1 Поливанов Михаил Константинович (1924–2010) — физик-теоретик, автор работ по истории литературы и философии.
 2 Лазарев Лазарь Ильич (1921–2007) — критик, редактор журнала «Вопросы литературы».
 3 Яглом Акива Моисеевич — математик, Юня Яглом — его жена, переводчик.

ПРОТОИЕРЕИ АЛЕКСАНДР БОРИСОВ

ВОСПОМИНАНИЯ О Н. Я. МАНДЕЛЬШТАМ

.....

С Надеждой Яковлевной я познакомился в 1973 году у отца Александра Меня.

В июне того года я был рукоположен в сан диакона и уже был направлен на служение в Москве, в храм Знамения Божией Матери, недалеко от метро “Речной вокзал”. В то лето, как и в предыдущее, мы всей семьей, то есть с женой и двумя дочками-близнецами, жили в доме о. Александра на станции Семхоз (последняя остановка перед Загорском, сейчас Сергиев Посад). Точнее, это был дом родителей его жены, Наталии Федоровны. О. Александр и Наташа с детьми занимали второй этаж, а на первом жили родители, которые и пускали нас на летние месяцы.

Наташа всегда была талантливым строителем, и под ее руководством к дому пристраивались и обустраивались комнаты, терраски, веранды и проч. В одну из таких пристроек о. Александр пригласил на лето Надежду Яковлевну и ее невестку, жену брата. Тоже очень немолодую, довольно интересную художницу. Они жили в одной небольшой комнате, подтрунивали друг над другом, радовались возможности общения с о. Александром и многочисленными детьми. Кроме наших, девятилетних, это были его дочка Лена (Ляля), лет пятнадцати, и тринадцатилетний сын Миша. К о. Александру всегда приезжало множество гостей, так что жизнь была исключительно веселой и дружелюбной.

Надежда Яковлевна была крещена в детстве, о чем у нее даже имелось соответствующее свидетельство, которое я видел своими глазами. Она была человеком по-настоящему верующим, но по тогдашним обстоятельствам жизни не очень-то церковным. Она хорошо знала и любила Библию и с большим уважением относилась к Церкви и к богослужению.

Вот несколько сбереженных памятью эпизодов из того лета. Однажды мы заговорили с Надеждой Яковлевной о богослужбном языке. Она горячо отстаивала необходимость именно церковнославянского языка и все наши доводы о его непонятности горячо отвергала. Тогда я предложил ей небольшой текст, отрывок из Послания к Евреям, который читается в храмах практически ежедневно на молебнах с освящением воды. Я прочел его наизусть и предложил Надежде Яковлевне рассказать, о чем в нем говорится. Она попросила повторить. Я повторил еще и еще раз. Дайте-ка

мне текст, попросила она. Я принес Новый Завет на церковнославянском. Она стала читать, потом взяла текст с собой до следующего утра. Наутро она сдалась: “Нет, не понимаю, о чем это”. Послания ап. Павла действительно местами трудны, даже в русском переводе, так как они передают его опыт, опыт великого мистика и проповедника, и потому нуждаются в специальных комментариях.

Другой запомнившийся эпизод. Надежда Яковлевна любила повторять одну свою мысль в отношении личности Иисуса Христа. Когда заходил разговор на близкую к этому тему, она задавала собеседнику риторический вопрос: “Знаете, что меня убеждает в том, что Иисус действительно историческая личность, а не легенда?” И сама отвечала: “Чудо четвероевангелия! Не может быть, чтобы четыре непрофессиональных писателя, практически независимо друг от друга, написали четыре шедевра — четыре Евангелия. Это возможно только в том случае, если за этим стояла реальная личность Иисуса”.

Познакомившись и подружившись с Надеждой Яковлевной у о. Александра Меня, мы потом частенько навещали ее и в Москве. В середине 1970-х мы даже несколько раз брали ее с собой на часть лета на дачу, которую снимали с детьми в Кратове. Она была этому очень рада, так как была человеком очень общительным и в нашей семье с двумя девочками-подростками ей явно нравилось.

Надежда Яковлевна была человеком исключительно гостеприимным и щедрым. Она обладала даром знакомить разных людей и делать их друзьями. У нее в гостях всегда было множество самых разных и неизменно очень интересных людей. При этом застолье было всегда самым простым: чай, печенье, конечно, какая-то выпивка, словом, кто чего принесет. Она жила в однокомнатной квартире с довольно большой, по тем временам, кухней, где всегда шло неизменно интересное общение. <...>

В последние месяцы жизни, видимо, чувствуя, что силы окончательно ее покидают, она раздавала буквально всё. “Танька, — кричала она одной из своих молоденьких почитательниц, — забирай пишущую машинку! Я скоро помру, она мне уже не нужна”. При этом она частенько приговаривала: “Ненавижу, когда у гроба старухи делят ее вещи, надо скорее самой всё заранее раздать!”

...Умерла Надежда Яковлевна под самый Новый год. Отпевание было в храме Знамения Божией Матери у метро “Речной вокзал”, в котором я служил диаконом с 1973 года. Народу было много, человек триста. Маленькая церковь была полна. Многие стояли на улице.

В ночь перед отпеванием мне снится сон. В пустой и довольно большой комнате на столе стоит гроб с телом Н.Я. Вдруг

она садится в гроб и выглядит лет на тридцать пять, с большой русой косой. Я растерянно говорю: “Н. Я., вы же умерли?” Она делает отстраняющий жест рукой и говорит: “Ничего, ничего, мне хорошо...”

На отпевании была Варвара Викторовна Шкловская, с которой мы были также знакомы. Я рассказываю ей этот странный сон, и она тут же мне говорит: “А вы знаете, у нее действительно лет в тридцать была роскошная русая коса!”

8 мая 2014 г.

.....

ЕЛЕНА ЗАХАРОВА

“БОГ СОХРАНЯЕТ ВСЁ...”

.....

Это история о том, как я никуда не уехала. Мне невероятно, неоднократно и разнообразно повезло и продолжает везти до сих пор, причем буквально во всем — и в профессии, и в частной жизни. И главное — мне повезло, что в юности оказалась рядом с особенными людьми. О некоторых из них уже многими и многое написано, и попытка написать еще одни “мемуары” мне самой кажется необязательной. Мемуары вообще трудный жанр — пытаюсь рассказать о других, всё время сбиваешься на свою собственную историю, и это, как говорила Юна Давыдовна Вертман, “разозлевет”.

Но, с другой стороны, я могу помнить что-то, чего не помнят другие и что может оказаться для кого-то небезынтересным. Потому что главными действующими лицами этой истории являются Надежда Яковлевна Мандельштам и отец Александр Мень.

Так случилось, что благодаря Н. Я. я не уехала из России.

Возможно, не все согласятся называть это везением, но я и сейчас так считаю. Хотя, если использовать медицинский термин, я — “наследственная” диссидентка. В 1952 году мой отец, Виктор Александрович Хинкис, узнав о готовящейся депортации евреев, сжег свой комсомольский билет. Довольно характерный для него жест. И кстати уж, еще одна, тоже характерная история про него и про его друга и соавтора Шимона Перецовича Маркиша: военные сборы, раннее утро, построение. Шум, гам, мат, при появ-

лении командира — всё мгновенно стихает, а в воздухе повисает фраза: “И вот видишь ли, Витюша, Плутарх...”

Думаю, что и с Н. Я. Мандельштам отец познакомился через Маркиша. По крайней мере, в одном из текстов самого Шимона Перецовича есть такой фрагмент: к нему в гости должны были приехать Анна Андреевна Ахматова, Мария Сергеевна Петровых и Надежда Яковлевна Мандельштам. Далее цитирую:

“Я позвонил своему ближайшему другу Виктору Хинкису, переводчику, каковым был в предыдущей жизни и я сам. Вдвоем мы приготовили ужин, накрыли на стол. Едва закончили, такси с гостями прибыло. Я вынул из холодильника бутылку вина. «А водка где?» — спросил Виктор. — «Нет водки». — «Давай я сбегаю!» — «Да ты что, обалдел? (указываю на Ахматову) Какая тебе водка!» Но Виктор не унимался, да и самому мне, сказать по чести, выпить хотелось — душа прыгала, распирало восторгом от того, какие безумно дорогие для меня люди собрались под моей крышей. И я сказал: «Анна Андреевна, вот мы с Витей думаем, может быть, водки...» Анна Андреевна, уже сидевшая во главе стола, не сказала, а царственно обронила: «Что значит может быть? Конечно, водки». И Виктор, счастливый, кубарем скатился с лестницы”.

Отец переводил с английского — Честертона, Фолкнера, Голдинга, Киплинга, Апдайка, с итальянского, со скандинавских языков (так что мое детское чтение, к слову сказать, было довольно своеобразным). При этом он всю жизнь оставался “невыездным”, так как подписывал письма в защиту Даниэля и Синявского и многих других, письма протеста против ввода советских войск в Чехословакию и пр.

В начале 1970-х годов он начал работу над переводом романа Джеймса Джойса “Улисс” и почти десять лет работал “в стол”, без перспективы опубликования перевода — Джойс был под запретом. За несколько лет до смерти он обратился к директору издательства “Художественная литература” с письмом, где были такие строки: “Я болен. Годы уходят, мой талант слабеет, силы убывают. Прошу заключить со мной авансовый договор, чтобы я мог посвятить всё свое время окончанию работы над Джойсом, не отвлекаясь на второстепенные задачи”.

Договор заключен не был. Тем не менее отец продолжал работу над “Улиссом”. Он успел сделать первую черновую редакцию перевода всего романа и начать вместе с Сергеем Сергеевичем Хоружим следующую редакцию. После его смерти С. С. Хоружий закончил работу, и в 1989 году “Улисс” был опубликован на русском. Но это уже совсем отдельный разговор, а о судьбе отца лучше всего сказал его близкий друг, поэт и переводчик Герман Плисецкий:

Уходит жизнь... и в наших голосах
 всё меньше радости живородящей,
 и Музы со слезами на глазах
 глядят вдогонку жизни уходящей.

Мне было девять лет, когда отец принес в дом отпечатанную на папиросной бумаге слепую копию “Последнего слова Юлия Даниэля”. Я прочла этот текст, и с того момента вплоть до сегодняшнего дня мои взгляды на политическую жизнь страны, где я родилась и живу, существенных изменений не претерпели. Конечно, я задавала вопросы. И мама дала мне толстенную папку машинописных листов — “Крутой маршрут” Евгении Гинзбург. Ну и так далее. Через два года, летом 1968-го, я уже вполне понимала, о чем говорили взрослые. Мои одноклассники по большей части слушали “The Beatles” и “Машину времени”. Я слушала Галича. И ничего удивительного, что в 1979 году, в разгар так называемой третьей волны эмиграции, когда многие мои друзья уехали или были “в подаче” (а некоторые и “в отказе”), я тоже получила “вызов”, подала документы и “села в отказ”, как тогда было принято говорить. И стала учить иврит. При этом из медицинского института меня не выгнали, и со “скорой”, где я подрабатывала ночами, тоже. Времена были сравнительно “вегетарианские” (вскоре я услышала от Н.Я. чудесную похвалу Брежневу. “Он не кровожадный”, — говорила Н.Я. Ну, ей было с чем сравнивать).

Отец отнесся к идее моего отъезда с энтузиазмом, хотя сам уезжать не собирался, а спустя некоторое время сказал: “Знаешь, пока ты не уехала, я хочу тебя познакомить с одним человеком”. “А с кем?” — спросила я. “Это вдова Мандельштама”, — был ответ. Отец вообще реагировал интересно. Например, получив некий гонорар, он спросил: “Что ты хочешь в подарок, шмотку или книжку?” — “Книжку”. Ответ был честный, я действительно хотела книжку, ну и получила — “Петербург” Андрея Белого! Правда, и шмотку тоже. Видимо, это была “проверка на вшивость”.

Через пару недель после того разговора и последовавшего за ним похода в гости к Н.Я. я неожиданно для себя обнаружила, что всё свободное время провожу у нее, а еще через несколько месяцев я уже знала, что никуда не поеду. Не то чтобы я обсуждала с Н.Я. этот вопрос и она мне отсоветовала, вовсе нет, даже речи об этом не было. Просто я поняла или, скорее, почувствовала, что тот, ну не знаю, багаж, что ли, образовавшийся в результате соприкосновения с Н.Я. и ее книгами, которые отец мне незамедлительно подсунил, не имеет смысла для жизни в эмиграции. А абстрагироваться от всего этого я уже не могла, даже если бы захотела.

В доме у Н. Я. я познакомилась с множеством замечательных людей. Там постоянно бывали Ю. Л. Фрейдин и Е. В. Сморгунова, Е. Б. и Е. В. Пастернаки, В. В. Шкловская и Н. В. Панченко, Е. С. Левитин, А. А. Морозов, Н. В. Рожанская-Кинд, Г. Г. Гельштейн, Н. И. Столярова, З. Я. Гельфанд, В. И. Лашкова, Л. Г. Сергеева, отец Александр Мень, который был духовником Н. Я., и многие-многие другие. Н. Я. уже очень болела и почти не вставала с постели, поэтому по большей части в то время к ней приходили не в гости, а “дежурить”, и при пересменке можно было неожиданно встретить кого угодно.

При этом Н. Я., которая всю жизнь мыкалась по углам, страшно ценила свою крошечную однокомнатную квартиру и весьма дорожила любой возможностью хоть на время выйти из-под дружеской опеки. Однажды то ли я запоздала, то ли мой предшественник должен был уйти пораньше, но Н. Я. около часа провела дома одна. К моему приходу на столе в кухне стояла кастрюлька с вареной картошкой. И чрезвычайно довольная собой Н. Я. ела, точнее, делала вид, что ест, угощала меня и всё приговаривала: “Как прекрасна картошка, сваренная собственной рукой!”

Характера Н. Я. была твердого до самого конца и к себе относилась иронически. С гордостью говорила, например: “Саша Морозов — это единственный человек, который сумел довести меня до слез”. Охотно верю, что сумел. А. А. Морозов, литературовед, точнее, мандельштамовед, был ну очень необычным человеком, жил совершеннейшим анахоретом, в однокомнатной конуре с наглухо зашторенными окнами, питался черным хлебом и крепчайшим чаем и общался только с книгами да еще буквально с двумя-тремя людьми. Мандельштама любил страстно и собственнически. Его любимым выражением было: “Сюжет!” Он произносил это высоким, дрожащим голосом и тряс перед носом у собеседника указательным пальцем. Уж не знаю, каким именно “сюжетом” он умудрился довести до слез Н. Я., но мне от него сильно доставалось.

Наиболее выразительный диалог с Морозовым произошел у меня перед похоронами В. Т. Шаламова. В силу сложившихся обстоятельств заниматься всякими организационными делами пришлось именно мне. Подробно рассказывать о последних днях Шаламова здесь не место, хотя и к Шаламову я попала в каком-то смысле тоже благодаря Н. Я.¹ По ходу похоронных хлопот обсуждались обычные в таких случаях “технические детали”, и вдруг А. А. Морозов буквально вскричал: “Нет, всё неправильно! Гроб, обернутый рогожей, и гнусавящий пьяный дьячок — вот как нужно
.....

1

См.: Захарова Е. Последние дни Шаламова // Шаламовский сборник. Вып. 3. М., 2002. С. 46–55.

хоронить Шаламова! Сюжет!” Я остолбенела, но как ни странно, быстро нашлась. “Саша, — сказала я, — это обойдется гораздо дороже, у нас таких денег нет”. И Морозов, к моему удивлению, смирился, хотя потом всё равно продолжал ворчать.

В 1979–1980-х годах я бывала у Н. Я. по несколько раз в неделю, чаще одна, иногда вместе с отцом. И однажды Н. Я., рассказывая о своей ранней молодости, упомянула, что очень гордилась длиной своего носа. В доказательство его выдающейся длины повернулась в профиль. Надо сказать, что по отцовской линии у нас в семье с этой частью лица тоже всё обстоит неплохо. Папа смотрел-смотрел то на Н. Я., то на меня, а потом сказал: “А ну-ка померьтесь носами”. Мы померились, оказалось — одинаково, даже фотография такая сохранилась.

А еще Н. Я. всё время что-нибудь дарила. Всем. Ее собственные потребности были совершенно спартанскими, а привозили и приносили ей в подарок самые разнообразные, иной раз довольно экзотические вещи. Например, кто-то привез из-за границы два (почему два?) теплых плюшевых или что-то вроде домашних халата. Они их сочла платьями и немедленно передарила. Один достался мне. Велено было примерить сейчас же. Халат оказался до полу, но Н. Я. потребовала, чтобы я так в нем и пошла домой, подвернув подол, чтобы не торчал из-под шубы. Делать нечего, вышла за дверь в халате и, озираясь, не идут ли соседи, переоделась в подъезде.

Гонорары за издания ее книг за границей каким-то образом воплощались в чеки валютного магазина “Березка”. На эти чеки тоже покупались подарки многочисленным друзьям и их детям и такие атрибуты роскоши, как джин и растворимый кофе. Джин опять же пили в основном гости, но непременно при участии самой Н. Я. А кофе она пила из коричневой, так называемой квадратной чашки. Чашка эта с отбитой ручкой и сейчас живет у меня в книжном шкафу.

И вот как-то, выйдя в магазин за молоком для кофе, я была ключ. Н. Я. передвигалась уже с заметным трудом. Встать с постели и открыть дверь ей было нелегко. Но деваться некуда, пришлось, проклиная свою оплошность, позвонить. Дверь неожиданно быстро открылась — на пороге стоял Пастернак. Ну совершенно как на фотографии. И совершенно пастернаковским голосом (я слыжала в записи) прогудел что-то неопределенно-ласково-приветственное. На какую-то долю секунды я решила, что меня взяли живьем на небо, но потом сообразила, что это все-таки не Борис Леонидович, а Евгений Борисович, а меня, как джеромовского пса Монморанси, еще оставят пожить на этом свете.

А вот от встречи с отцом Александром Менем я упорно и вполне сознательно уклонялась. Н. Я., которая переименовала меня из Лены в Лельку, да так основательно, что Лелькой я и оста-

лась, время от времени говорила: “Лелька! Приходи завтра, у меня будет отец Александр...” — “Не могу, я завтра дежурю на «скорой», нужно готовиться к зачету, к экзамену... приду через два дня...” На самом же деле я думала: “Зачем я буду знакомиться со священником? Ну что я ему скажу и что он может мне сказать?”

И действительно, что? Я читала всё подряд, от Венедикта Ерофеева до “Сиддхатры”, и заканчивала вполне естественно-научное образование. Будучи полукровкой (отец еврей, мама русская), я всегда ощущала себя человеком в первую очередь еврейской крови, но, как и многие евреи, полуевреи, четверть-евреи и т.д., — именно крови, истории, а не религии.

При этом степень моего невежества была изумительной, то есть знакома я была самую малость (и то с пятого на десятое) с внешней, обрядовой стороной христианства и иудаизма. В основном по библейским сюжетам в живописи. И искренне полагала, что вера, если она у кого есть, это исключительно внутреннее дело человека. “Верить, ну и верь себе, а креститься-то зачем?” — так я отреагировала на известие о крещении некоей знакомой.

Н.Я. давала мне книжки отца Александра, я прочитала “Магизм и единобожие” и “У врат молчания”, сообщила Н.Я., что написано здорово, и продолжала “саботаж”. Ну а потом Н.Я. уже совсем сильно болела, и получилось так, что при ее жизни встреча моя с отцом Александром так и не состоялась.

Н.Я. понимала, что умирает. Накануне смерти она сказала Люде Сергеевой, которая, видимо, не могла совладать с выражением тревоги: “Не бойся, при тебе не умру”. А Веру Лашкову, сменившую Люду на следующий день, спросила: “Ты не боишься?” — “Нет”, — ответила Вера. Этот ответ подошел.

В день смерти Н.Я. в ее квартире собралось очень много людей, и, как всегда бывает, горе мешалось с хлопотами: где хоронить, когда хоронить, что делать с бумагами... Дружившая с Н.Я. всю свою жизнь Варвара Викторовна Шкловская сказала: “Если бы не советская власть, мы бы сидели на полу и плакали, а мы суетимся, и нам от этого вроде бы даже легче...” Но некоторые не суетились. Отец Александр Борисов (тогда еще диакон — впрочем, этого я не знала) в церковном облачении что-то читал у изголовья, затем другие, поочередно сменяясь, тоже что-то читали. Смысл был мне недоступен, но возникло некоторое общее ощущение нормальности, что ли.

Ну а потом Н.Я. силами милиции и родственной ей организации увезли в морг и квартиру от нас “очистили”. Не было даже уверенности, что мы сможем похоронить Н.Я., и из-за разнообразных обстоятельств странное это впечатление на время не то чтобы

забылось, а отошло на второй план. Наступил Новый год, и сочетание всеобщего веселья с тем, что очень точно выразил Н. Панченко в своем стихотворении, посвященном Н. Я: “Старый друг ночует в морге...”, — вызывало ощущение абсолютной личной катастрофы.

Вечером первого января 1981 года, накануне похорон, мы перевезли Н. Я. в церковь Знамения Божией Матери. Служба давно закончилась, церковь была пуста, и только одна старушка сразу стала у гроба что-то очень тихо и быстро читать. Я сообразила наконец, что это псалтырь, и почему-то успокоилась.

На следующий день пришла в церковь значительно раньше времени, назначенного для отпевания, и с недоумением наблюдала, как некоторые из моих друзей и знакомых столпились у алтаря. Мне это показалось странным, все мои скудные, почерпнутые из художественной литературы, познания о богослужении напрочь вылетели из головы.

И вот тут я увидела отца Александра. Этот момент я помню ясно. Я увидела его лицо (очень хочется объяснить, что это было за лицо, но нет, не могу, способностей не хватает), поняла мгновенно, кто это, и совершенно отчетливо, вот прямо этими словами подумала: “Так вот что значит духовный отец...” Звучит несколько высокопарно, но именно так и было.

Как бы объяснить?.. Я бы вообще пропустила этот момент и не нагружала читателя столь специфическими деталями, но мой редактор, светлой памяти Марк Фрейдкин, которому я обязана существованием этого текста, уверил меня, что нужно, а то непонятно: ничего, ничего и вдруг — бац! — креститься.

Отпевание закончилось, запели “Святой Боже, Святой крепкий...” и вынесли гроб с телом Н. Я. на улицу. Я задрала голову: небо было бледно-серое, очень высокое, в него летели церковные кресты, голые мерзлые ветки тоже очень высоких деревьев, и птицы — очень много птиц. “И как обугленные груши с деревьев тысячи грачей...” — вертелось у меня в голове. Хотя это, наверное, были вороны, вспугнутые колокольным звоном. Сознание протестовало против мысли, что всё кончается “лопухом над могилой”. Стихи Мандельштама, которые Н. Я. годами повторяла наизусть изо дня в день, и сам Осип Эмильевич, и вся их жизнь, и вся ее жизнь потом, после него, и ее книги — не может всё это пропасть в никуда. Стихи напечатаны, книги и письма тоже, а остальное-то...

*Deus conservat omnia...*¹. Не думаю, чтобы я вспомнила тогда это выражение, но смысл был именно такой. В общем, приключу

.....

чилась со мной “перемена ума”. И я поняла, что хочу туда, где Бог сохраняет всё. И, вероятно, Н. Я. как раз это имела в виду.

Всё, больше не могу, всё равно получается неубедительно, но я ведь и не собираюсь никого убеждать.

.....

НАТАЛЬЯ ШТЕМПЕЛЬ

ПОХОРОНЫ НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ МАНДЕЛЬШТАМ

(Примечания Василия Гыдова и Павла Нерлера)

.....

В начале декабря 1980 года хороший знакомый Надежды Яковлевны, доктор медицинских наук, врач-кардиолог, запретил ей вставать с постели, но иногда Надежда Яковлевна этот запрет нарушала.

Юра Фрейдин, друг Надежды Яковлевны, составил график круглосуточного дежурства, включив в него всех ее друзей и знакомых.

До последней минуты жизни Надежда Яковлевна сохранила ясность мысли, присущее ей мужество, способность острить.

Удивительный она была человек! Я знала ее в течение сорока четырех лет, и ни разу, ни при каких обстоятельствах не слышала от нее ни на что жалоб. Мне трудно представить другого человека такой душевной силы, такой смелости и внутренней свободы. Разве не были ее книги, написанные без оглядки, без самоцензуры, великим риском? <...>

И еще пример независимости Надежды Яковлевны: через много лет, когда обе книги уже вышли и их читал весь мир, Надежду Яковлевну вызвал районный прокурор, на приглашение которого она ответила, что явиться не может, так как нездорова, его же может принять. Так и закончился заочный диалог.

И вот теперь ее нет, странно и горько. Мучительно хочется говорить о ней, вспомнить период уже только наших с ней встреч, когда Осипа Эмилевича не стало. Написала и удивилась: как это “не стало”? Он был и остался с нами, особенно с ней, ему она и без него посвятила всю свою жизнь. Но об этом несколько позже.

Мне рассказывали, что во время ночного дежурства одной милой женщины Надежда Яковлевна, видя, что она волнуется, улы-

баясь, сказала: “Вы не беспокойтесь, я такой подлости не сделаю — в ваше дежурство не умру”.

Умерла она, когда дежурила Вера Лашкова.

В два часа ночи 29 декабря 1980 года начался полубред. Надежда Яковлевна спросила Веру, почему в комнате шумит машина. Вера ответила: “Машины никакой нет”. — “Кошки”, — сказала Надежда Яковлевна. “И кошек нет”. — “Здесь, в груди”, — показала она на свою грудь. Потом сказала: “В России голод”. И повторила еще два раза: “Россия, Россия”. — “Молитесь, Надежда Яковлевна”, — посоветовала Вера. “Да ты не бойся”. Это были ее последние слова. Кажется, она заснула. Дыхание было неровное, прерывистое.

Утром пришла следующая дежурная. Женщины сидели на кухне. И вдруг стало как-то особенно тихо. Вошли в комнату, поднесли к лицу зеркало — оно не вспотело. Врач “скорой помощи” констатировал смерть.

Собрались друзья. Приехала также Белла Ахмадулина с иностранным корреспондентом. Она боялась, что Надежду Яковлевну увезут и кремируют. Позвонил Володя (знакомый Юры Фрейдина), спросил, не нужна ли машина. Юра Фрейдин попросил его приехать и начал разбирать бумаги, но почувствовал, что сейчас это невозможно: потребуется много времени, поэтому, когда приехал Володя, сложили в машину всё ценное, что было у Надежды Яковлевны (бумаги, немногие книги и некоторые другие вещи).

В сумочке у Надежды Яковлевны оказалось сто пятьдесят рублей и пятьдесят в ящичке туалетного стола (эти деньги собрали на всякий случай, если придется пригласить платного дежурного).

На сберкнижке у Надежды Яковлевны было пятьдесят рублей. Белла Ахмадулина сразу вынула сто пятьдесят рублей, а потом привезла еще триста пятьдесят. Пятьсот Юра Фрейдин занял. Стоили похороны тысячу четыреста рублей. Обращались в Литфонд, но безрезультатно. Они помогли лишь в организации похорон. <...>

Согласно желанию Надежды Яковлевны хоронили ее по христианскому обряду с отпеванием в церкви.

Гроб в морге был поставлен в зале прощания. 1 января 1981 года в 15 часов состоялся вынос тела из морга. Собралось человек пятьдесят.

Затем гроб перевезли в небольшую церковь недалеко от Речного вокзала¹. Там он простоял до утра 2 января 1981 г.². В цер-

.....

1 Церковь Знамения Божией Матери.

2 Хлопоты так затянулись, что вместо 31 декабря 1980 г., как предполагали первоначально, смогли похоронить только 2 января 1981 г.

кви у Речного вокзала служил дьяконом хороший знакомый Надежды Яковлевны Саша¹, в прошлом кандидат биологических наук.

Присутствовал при отпевании духовник Надежды Яковлевны Александр Мень, но службу он не вел, так как эта церковь не его прихода.

Людей было очень много. И те, кто не вместился в церкви, заполнили весь двор и площадь перед ней.

Несмотря на открытые настежь двери, было очень душно.

Фотокорреспонденты непрерывно щелкали, не обращая ни на кого внимания, их было много.

Я смотрела не отрываясь на Надежду Яковлевну. Как незаметно мелькнули годы нашей дружбы²! Как странно, что я вижу ее в последний раз! Смерть сделала ее красивой. Лицо спокойное, строгое, чеканный профиль, с горбинкой нос, прекрасный высокий лоб. И веет от всего ее облика мудростью, как будто наконец разрешены все сложнейшие вопросы ее трудной и счастливой, как это ни парадоксально, жизни.

Окончилась служба, началось прощание. Вереница людей шла к гробу. Кто целовал ее маленькую и такую энергичную при жизни руку, кто низко кланялся, немногие крестились.

Гроб вынесли из церкви под уже забытый похоронный звон. Процессия на автобусах и машинах двинулась на Старо-Кунцевское кладбище. Это далеко.

Когда снова вынесли гроб, суеящийся представитель Литфонда предложил минуту подождать, сказав, что сейчас привезут «каталку». Ему ответили, что она не нужна, гроб понесут на руках. Он упрямо заметил, что далеко и скользко. «Ничего», — возразили ему.

Несмотря на январь, такого множества и разнообразия цветов я не видела. Среди них выделялся один-единственный венок с необычно белыми атласными лентами, на которых было написано золотом: «От неизвестного почитателя».

За высоко поднятым гробом шли сотни людей и пели «Святой Боже...». У меня возникло ощущение, что мы не только провожаем Надежду Яковлевну, но и отдаем дань памяти Осипа Эмильевича. Я поделилась своими мыслями с идущими рядом, и мне ответили, что у них такое же чувство, что это действительно так и есть.

Я никогда не видела более торжественного погребения.

.....

1 О. Александр Борисов.

2 Н. Е. Штемпель говорила В. Н. Гыдову (март 1982 г.), что за все годы общения с Н. Я. Мандельштам не было между ними ни одной размолвки. С ней и ее друзьями Н. Я. была поистине кроткой.

Гроб поставили поперек вырытой могилы, и приехавшие с нами Саша с четырьмя певчими отслужили и здесь короткую службу.

Каждый бросал в открытую могилу горсть земли. На свежий холм положили живые цветы. Они укрыли его, а Саша поставил на могиле 10–15 зажженных свечей, образовавших округлость.

Над нами голубело высокое небо с легкими облаками. Кругом были тишина и ничем не нарушаемый покой. Свечи тихо горели. Уходить не хотелось. Все стояли молча и смотрели на эти кроткие огни.

Потом еще раз попрощались с Надеждой Яковлевной, пройдя мимо могилы, и потянулись к выходу.

Как захотелось мне хотя бы на минуту оказаться на Черемушкинской в квартире Надежды Яковлевны! Но, увы, квартира была опечатана.

Собрались в большой профессорской квартире Наталии Владимировны Кинд. Народу было очень много, раздеваться пришлось у соседей, они любезно освободили одну комнату, чем-то застлали пол, и мы клали пальто прямо на пол.

В двух смежных больших комнатах квартиры Наталии Владимировны были накрыты столы, а кому не хватило места, стояли вокруг.

Юра Фрейдин предложил мне сказать несколько слов. Это естественно, но для меня оказалось неожиданно, очевидно, я слишком была потрясена случившимся.

“Я что-то не соберусь с мыслями”, — попробовала я слабо возразить. “Ничего, мы подождем, соберитесь”, — ответил спокойно но Юра. Пришлось встать.

Закончила я свою речь стихами Осипа Эмильевича, обращенными к Надежде Яковлевне:

Еще не умер ты, еще ты не один,
Покуда с нищенкой-подругой
Ты наслаждаешься величием равнин
И мглой, и холодом, и вьюгой.

В роскошной бедности, в могучей нищете
Живи спокоен и утешен.
Благословенны дни и ночи те,
И сладкогласный труд безгрешен...

После меня очень хорошо сказала несколько слов незнакомая мне женщина, и прекрасно, необычно выступил Саша.

Потом без всякого на то приглашения один за другим начали вставать люди и наизусть читать стихи Мандельштама, стихи разных лет.

И перед взволнованными, пораженными неожиданностью слушателями предстал во весь рост поэт — Осип Мандельштам.

Никогда, наверное, не было такого вдохновенного литературного концерта, прозвучавшего как реквием.

И уже нет ни смерти, ни горя. Какая всепобеждающая сила поэзии! Какое торжество!

Именно так надо было почтить память этих двух людей, неотделимых друг от друга.

На девятый день самые близкие друзья Надежды Яковлевны собрались у Юры Фрейдина.

Было хорошо и грустно...

Январь 1981 г., июль 1986 г.

.....

**IV. НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ:
ПОПЫТКИ ОСМЫСЛЕНИЯ**

.....

МАРИЭТТА ЧУДАКОВА

ЧАСЫ ЛИТЕРАТУРНОЙ ЭВОЛЮЦИИ ПОШЛИ¹

.....

Я вообще здесь совершенно не по праву, потому что с Надеждой Яковлевной не была знакома. Я ее видела один раз. И это была всего одна минута, но очень сильного впечатления. Я представляю собой поколение, на котором видны зарубки движения Мандельштама по послевоенному нашему обществу. Есть ли хоть сколько-то молодых у нас здесь? Наверное, есть. Для них будет неинтересно узнать, что, например, я, московская медалистка, влюбленная в литературу, пришла на филфак в середине 50-х, не зная имени Мандельштама. Пастернака я знала, но только прозу, поскольку дома было первое издание «Повести»... А имя Мандельштама узнала только на филфаке.

Потом мы ждали и ждали, когда выйдет том Мандельштама в «Библиотеке поэта». Семнадцать лет ждали. Вот Рома Тименчик — свидетель, как А. Чаковский, главный редактор «Литгазеты», приезжал к ним в Ригу и на вопросы, когда же выйдет этот том, отвечал: «Да я блок готовый уже держал в руках, вот-вот будет».

.....

1

Из выступления на вечере памяти Н. Я. Мандельштам в ЦДЛ 31 октября 2014 г.

А еще до этого оставалось пять-шесть лет. Семнадцать лет не могли издать. Никак не получалось у власти примириться с тем, чтобы том Мандельштама появился.

Во второй половине шестидесятых годов я в “Новом мире” подрабатывала в редакции прозы — писала отзывы на так называемый самотек. Замечательные, надо сказать, рукописи приходили туда самотеком, потому что все, кто что-то такое действительно неплохое, отличное от общего потока писал, — все посылали именно в “Новый мир”. Поэтому сложная была задача отвечать на это. Врать не хотелось — писать: “Вот, знаете, плоховато написано, поэтому нельзя напечатать”. А в то же время написать прямым текстом: “Всё хорошо, но напечатать нельзя по известным условиям”, — опять нельзя, такой ответ через редколлегию не прошел бы. Я рассказываю это к тому, что иногда Инна Борисова и Ася Берзер (заведующая редакцией прозы) просили меня подписывать внутренние рецензии Надежды Яковлевны, поскольку ее имя не проходило, а они ей давали возможность подработать. Я тогда уже работала в Отделе рукописей ГБЛ, уже понимала, что к чему и беспокоилась только об одном — как бы впоследствии, когда будут изучать архив “Нового мира”, мне не приписали ее тексты. Я подписывала, получала деньги за нее в кассе и передавала в редакцию прозы, они потом с ней рассчитывались.

И вот однажды... Бывает, как прожектором осветит картину: Н.Я. входит с улицы в “Новый мир”. Я сразу узнала ее, хотя видела в первый и последний раз. И меня обдало ощущение силы, властности, какой-то естественной отваги внутренней. Вот, поверьте, не придумываю задним числом. Она вошла, и, как говорится, ни тебе здарсьте, ни тебе до свиданья, а сразу спросила — с властной, требовательной интонацией:

— Где здесь редакция прозы?

Я показала. Она прошла туда...

...Однажды мне пришлось переписывать за нее отзыв на воспоминания Евгении Герцык — сестры Аделаиды Герцык. Н.Я. написала — с позиции Серебряного века — уничтожающий отзыв. А редакции хотелось это напечатать — не помню, удалось ли. И я переписала отзыв — по их просьбе. И на моих глазах Инна Борисова взяла и, как ненужный больше, разорвала пополам ее отзыв — два машинописных листка.

Я говорю: “Да ты что, Инка, с ума сошла, что ли?”

Отобрала у нее эти разорванные листки, и где-то у меня они среди завалов моего архива, наверное, хранятся — найти трудно, но пропасть не пропали; думаю, и в архиве Н.Я. копия уцелела.

Появление ее мемуаров было потрясающим — действительно потрясшим некие опоры — явлением. Напомню, как написал об этом Иосиф Бродский в некрологе: “Два тома Надежды Яковлевны Мандельштам действительно могут быть приравнены к Судному дню на Земле, для ее века и для литературы ее века <...>. Поднялся страшный шум по поводу выдвинутых Надеждой Яковлевной обвинений <...> в фактическом пособничестве режиму. <...> Есть нечто в сознании литератора, что делает саму идею о чьем-то моральном авторитете неприемлемой. Литератор охотно примирится с существованием генсека или фюрера, но непременно усомнится (ну, советский литератор имеется в виду. — М. Ч.) в существовании пророка. Дело, вероятно, в том, что легче переварить утверждение “Ты — раб”, чем “С точки зрения морали ты — ноль”.

Как говорится, лежачего не бьют. Однако пророк дает пинка лежачему не с намерением его принизить, а чтобы заставить его подняться на ноги. Пинкам этим сопротивляются, утверждения и обвинения ставятся под сомнение, и не для того, чтоб установить истину”.

Мы были свидетелями, и я, и Александр Павлович Чудаков, и наши сотоварищи, вот этого смятения в рядах литераторов. Скажу честно, у нас с А. П. никаких сомнений в оценке ее и первого и второго томов не было, потому что мы были уверены — она имеет право на всё. А вокруг творилось бог знает что. К примеру, Вениамин Александрович Каверин, с которым мы с Александром Павловичем были просто, можно сказать, дружны, несомненно, благородный человек, пришел совершенно в бешенство от этих мемуаров. Будто бы она Тынянова задела...

А она и не задела, просто вспоминала, как он больной к ней вышел, еле держась на ногах, а он уже действительно еле держался на ногах. И когда Каверин написал письмо Надежде Яковлевне, такое гневное, резкое, несправедливое абсолютно, я Колю Каверина (скончавшегося, к большой моей печали, не так давно), просто безукоризненного, я бы сказала, человека, очень просила:

— Коля, ну попробуйте уговорить папу, чтобы он все-таки как-то пожалел об этом письме — внес бы, что ли, какие-то поправки...

— Нет, я не буду уговаривать. Я стопроцентно знаю, что ничего не получится, и потом — я с ним согласен.

Точно так же возмущена была мемуарами Н.Я. Лидия Корнеевна Чуковская — человек, в благородстве которого, кажется, у нас нет оснований сомневаться. Всё лучшие люди. Да, во втором томе немало резких и нередко несправедливых оценок людей. Но ведь давно все понимали, что долгие советские годы если не ломали, то в какой-то степени искривляли людей, причем каждого по-разно-

му. Как писал Евтушенко: “Мы — карликовые березы... А холод нас крючит и крючит...” Но именно от женщины, столько перенесшей, дружно потребовали стати самой стройной березки...

Рада вспомнить, что Зиновий Самойлович Паперный сказал: “Ну посмотрите, что творится! Да ведь она имела право сказать, крикнуть нам всем: «Сволочи! Вы сидели тут, издавали книги, в ЦДЛ в ресторане сидели, а мой Ося погибал в лагере!»” Вот он попросту выразил эту очевидную, казалось бы, но мало кем понятую и приятную вещь.

Ну и последнее. Среди огромного количества важного в ее мемуарах, сыгравших очень большую роль в истории нашей литературы, — она сохранила несколько фраз Анны Андреевны, там, в этих мемуарах: “Мы живем в догутенберговский период”, “Ося в печатном станке не нуждается”, “Мы не знали, что стихи такие живучие”.

Эти фразы дали возможность нам, историкам литературы, понять очень важную вещь. Вот я считаю, что первое семилетие после войны — это единственное время, с конца 46-го до 53-го года, когда литературная эволюция остановилась.

И мы поняли по этим фразам, что самиздат включил эволюцию. Часы литературной эволюции пошли. Эти фразы дали ключ к пониманию очень важных процессов.

Конечно, мне кажется, ее явление не до конца осознано. Надеюсь, мы сумеем вернуть верное понимание XX века нашим новым поколениям. Я уверена даже в этом. Иногда думаешь: “Да что ж такое, только цепь катастроф...”

Нет, кроме этого кое-что было другое. XX век дал, во-первых, неслыханное количество прекрасных людей в российском обществе, а во-вторых, он продемонстрировал нам роль этих людей в нашем сначала просто тоталитарном, а потом в мягко-тоталитарном советском мире.

Здесь сидят на сцене люди, общавшиеся с Надеждой Яковлевной, наверное, и в зале есть такие. Достаточно тех, кто видел ее хоть один раз. И даже после одного разговора с ней они, наверное, долгое время сохраняли в душе этот потенциал, который помогал сопротивляться. И таких людей было, к счастью, немало. И история XX века должна писаться с учетом роли вот этих отдельных личностей, к которым Надежда Яковлевна принадлежала.

.....

АНДРЕЙ БИТОВ

“СТОЯТЬ С ПРЯМОЙ СПИНОЙ И НЕМНОЖКО ПРИПОДНЯВ ГОЛОВУ...”¹

.....

...Она писала свои книги, которые я воспринимаю как очень художественную прозу прежде всего. Одна из самых сложных задач прозы — это победа над материалом. Бывает такой материал (и в XX веке его столько!), когда проза художественной стать не может. Просто это невозможно — победить ГУЛАГ или Майданек, или еще что-нибудь такое непреодолимое. XX век весь состоит из этого материала: из ГУЛАГа, концлагерей, войн, смертей, ужасных судеб. И тогда вроде бы безразлично, как это написано.

Но у Надежды Мандельштам в ее “Воспоминаниях” есть какая-то удивительная победа и слова над материалом, и какое-то равноправие материала и слова, что позволяет говорить о ней как о великом равнозначном прозаике.

Надежда Яковлевна прекрасно знала, кто она такая, находясь все-таки в тени своего вдовства. Не только по гордой осанке, которую хранила вся череда женщин этого поколения, но и потому, что она знала, что она писатель. И совершенно не собиралась затмеваться гением Осипа Эмильевича. Надо попытаться отделить (хотя это в едином сплаве) заслуги Надежды Мандельштам как вдовы и носительницы наследия Осипа Эмильевича и заслуги Надежды Мандельштам как писателя, выразившего эпоху в таком сжатом и точном виде, как ее мемуары.

Сейчас мы отмечаем столетие именно писателя Надежды Мандельштам. И подвиг ее перед русской поэзией пусть будет чертой биографии великого человека. Но надо больше говорить о том, как она выразилась в искусстве прозы. Она выразилась премного в нем. Великий она была человек во всех смыслах слова. И я счастлив, что знал ее так долго — с 1963 года до ее кончины, до отпевания. Для людей малознакомых, наверное, у нее было много такой брони, позы. Позы не в вульгарном смысле, а вот какой-то стойки, так вот правильно сказать. Стоять с прямой спиной и немножко приподняв голову, чтобы не с каждым говорить наравне, — это было, защи-

.....

1 Фрагмент радиопередачи И. Дадашидзе “Надежда Яковлевна. К 100-летию со дня рождения Надежды Мандельштам” (Радио Свобода. Культура. 2 февраля 2002 г.). Благодарю Д. Нечипорука за помощь в обнаружении и подготовке этого текста. — П. Н.

щаться-то надо. А в более близком общении — был простой, точный, умный человек. Ум пересказать нельзя. Сидит у себя на кровати со своей вечной беломориной, на кухоньке ютится один из ее верных пажей, пасущих ее быт.

У меня есть один мемуар, последний, который связан с тем, как я ее видел живой. А я его и не скажу, пусть это останется при ней. А возможно, она это и написала, возможно, это будет опубликовано.

.....

ДМИТРИЙ БЫКОВ

**“ОНА ПОКАЗАЛА, ЧТО XX ВЕК
СДЕЛАЛ С ЧЕЛОВЕКОМ...”¹**

.....

...Мое право говорить о Надежде Яковлевне ничтожно, я не знал ее живой.

Жена моя, первая, жила в одном доме с ней, не будучи тогда, естественно, со мной знакома, и вспоминала страшную старуху, которой их пугали, но вот эта страшная старуха, мне кажется, наряду с Варламом Шаламовым, главный писатель XX века, потому что она не боялась быть “страшной старухой”. Все хотели быть хорошими, даже Пастернак, перед которым у всех у нас есть основание преклоняться, хотел быть хорошим. Надежда Яковлевна не боялась быть плохой, потому что она решила показать нам всем, как выглядела внутренности раздавленного человека.

Ее книги нарочито несправедливы, страшно откровенны, порой чудовищно физиологичны. Это крик не просто обиды, крик оскорбленной человечности, и на фоне людей XX века, которые пытались сохранить лицо, сохранить достоинство, сохранить справедливость, Надежда Яковлевна поражает именно своим желанием быть субъективной и демонстративно, подчеркнута неправой. Она на своем примере показывает, что сделали со всеми.

В принципе, все, кто пишет о Мандельштаме, кто его читает и любит, а любят одинаково, я уверен, условно делятся на последовательниц Надежды Яковлевны и на последовательниц Лидии

.....

1 Из выступления на вечере памяти Н. Я. Мандельштам в ЦДЛ 31 октября 2014 г.

Корнеевны. Лидия Корнеевна, которую не зря же Габбе называла “Немезида” Чуковская, с ее гневными мемуарами “Дом поэта”, всегда была страшно честным человеком. Она готова нести поэта на руках до тех пор, пока он идет на свою Голгофу, но стоит ему шаг сослупить с этого пути, просто по обычной человеческой слабости, она тут же его начинает проклинать. Лидия Корнеевна Чуковская в своих текстах ни на секунду не дает нам забыть, какой она правильный человек, и, может быть, именно поэтому, читая ее “Записки об Анне Ахматовой”, мы с такой готовностью солидаризируемся с Ахматовой. Именно потому, что нам невыносимо видеть всегда правого человека.

Надежда Яковлевна — человек всегда неправый, всегда уязвленный, всегда потерявший самое дорогое.

Хотя, казалось бы, их с Чуковской роднит то, что они обе потеряли мужей, бесконечно любимых мужей, но насколько Надежда Яковлевна не боится быть пристрастной, субъективной, насколько она не боится быть неправой, вот ровно настолько же она и сумела победить XX век. Потому что она показала, что XX век сделал с человеком.

Мы видим ее отношения с Харджиевым, ее бесконечную, трогательную благодарность за сосиску, мы вспоминаем, как она рассорилась с Харджиевым, мы видим, как эти двое, искалеченные XX веком, обманули, предали и прокляли друг друга, и почему-то история их взаимного предательства, их взаимной ненависти говорит нам больше и может облагородить нас больше, чем двадцать историй о взаимной верности и о безупречности. Иногда надо быть небезупречным, иногда надо быть таким раненым, таким насмерть убитым, таким растоптанным, как Надежда Яковлевна.

И вот я рискнул бы что сказать. У нее в одном из набросков ахматовской книги есть очень точные слова: “Каждой ночью, во время физиологического счастья, я больше всего боялась, что ворвутся и прервут”. Почему-то поэтам всегда физиологически близки, и душевно близки, и литературно близки неправильные люди. У Мандельштама не могло быть праведной подруги. Подруги, которая не прощала бы ему измен, как сумела простить Надежда Яковлевна. Подруги, которая всегда тащила бы его к правильным решениям.

Мне ужасно нравится, что Мандельштам и Надежда Яковлевна были такими неправильными людьми. Мне очень нравится, что Мандельштам мог съесть чужую кашу с моржевиной и сказать: “Зато она досталась поэту”. Это правильно, потому что сила человеческой слабости, сила человеческой уязвимости в XX веке важнее, и триумфальнее, и дороже, чем сила каменной, целеустремленной упрямости.

Как сказала Лидия Гинзбург: “Железных людей нет, есть люди деревянные”. И для нас такое счастье, что Надежда Яковлевна была не железной и не деревянной, что она была как мы, что она была уязвленной, растоптанной, неправой, несчастной и что она сказала главные слова XX века: “Спрашивать будут не с тех, кто ломался, а с тех, кто ломал”.

Очень важно и то, что уточнил Фазиль Искандер: “Кто не сломался, тех плохо ломали”.

.....

ДМИТРИЙ НЕЧИПОРУК

“ПЕРЕОЦЕНКА ЦЕННОСТЕЙ”: НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ КАК ПОЛИТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАТОР ПОСЛЕСТАЛИНСКОЙ ЭПОХИ

Постановка задачи .....

Надежда Яковлевна Мандельштам вошла в историю как автор мемуаров, посвященных в первую очередь ее мужу, поэту Осипу Эмильевичу Мандельштаму. “Воспоминания” и “Вторая книга” считаются ценными свидетельствами по истории взаимоотношений Мандельштамов с А. А. Ахматовой, помещенными в контекст рассуждений о значении сталинской эпохи. Этим аспектам всегда уделялось пристальное внимание со стороны тех ученых, которые изучали творчество Мандельштама или Ахматовой, а также исследовали жизнь и взгляды самой Надежды Яковлевны¹.

Но, помимо собственно мемуаров, на сегодняшний день опубликовано обширное эпистолярное наследие вдовы поэта, ее переписка в 1950–1970-е годы², а также многочисленные воспоми-

.....

1 См.: Лекманов О. А. *Осип Мандельштам: Жизнь поэта*. М., 2009. С. 342–346; *Об Ахматовой*. С. 15–19, 85–86; Мец А. Г. О поэте (Очерк биографии) // ПССП. Т. 1. 2009. С. 749–750; Имендёрфер Е. Мемуары Надежды Мандельштам. “Литературное вдовство” как профессия и служба “его” творчеству. URL: http://www.a-z.ru/women_cd1/html/memuari_n_mandelstam.htm; Pratt S. Angels in the Stalinist House: Nadezhda Mandel'shtam, Lidiia Chukovskaia, Lidiia Ginzburg and Russian Women's Autobiography // A/b: Auto/Biography Studies. 1996. Vol. 11. № 2. P. 68–86.

2 Из писем Н. Я. Мандельштам Н. А. Струве, Ю. П. Иваску, о. Иоанну Шаховскому // Мандельштам Н. Книга третья. Париж, 1987. С. 312–332; Переписка В. Шаламова и Н. Мандельштам / Публ. и примеч. И. Сиротинской // Знамя. 1992. № 2. С. 158–177; Пись-

нения о Н. Я. Мандельштам, в том числе ее младших современников, которые познакомились с ней в то время¹. Эти источники дают более полное представление о ее взглядах в послесталинское время. Упускается из виду и ряд работ, опубликованных еще при жизни Мандельштам, по которым также можно составить представление о ее воззрениях. Прежде всего это очерки, написанные для сборника "Тарусские страницы", а также "Завещание". Все эти работы хорошо известны исследователям, но лишь в отношении "Завещания" отмечалось, что это литературно-политический документ².

В данной статье мемуары вместе с прочими письменными и устными свидетельствами использованы для изучения эволюции мировоззрения Н. Я. Мандельштам в послесталинскую эпоху, когда стало возможным задуматься об утрате собственного "я". Для нее это означало выйти из состояния страха и оцепенения и начать рефлексию пережитого. В статье мы покажем, что мемуары Мандельштам отражали не только ее отношение к сталинской эпохе, но и к процессам преодоления культа личности, развернувшимся в советском обществе начиная со второй половины пятидесятых годов, вплоть до семидесятых.

За это время Н. Я. Мандельштам проделала путь от умеренного оптимизма в отношении десталинизации советского общества в 1960-е годы до пессимизма в 1970-е, когда она уже не верила в возрождение интеллигенции путем реабилитации стихов опальных поэтов. Причем последнее настроение было окрашено христианским разочарованием как в гуманизме³, так и в самой идее восстановления дореволюционных ценностей, утраченных в 1920–1930-е годы⁴.

.....

ма Надежды Яковлевны Мандельштам к Лидии Яковлевне Гинзбург / Подгот. текста Н. К. Цендровской (при участии А. Г. Меца); Коммент. Л. Я. Гинзбург // Звезда. 1998. №10. С. 125–149; *Письма Максиму*. С. 285–341; Из переписки Н. Я. Мандельштам (письма А. А. Ахматовой, Н. И. Харджиеву, Н. Е. Штемпель, а также Е. К. Лившиц) // *Об Ахматовой*. С. 215–386. Мы также использовали неопубликованные письма М. Я. Мандельштам к С. М. Плускиной (М. А. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1).

- 1 Гладков А. "Я не признаю историю без подробностей..." / Предисл. и публ. С. Шумихина // *In memo: Исторический сборник памяти А. И. Добкина*. СПб.; Париж, 2000. С 521–654; Лазарев Л. Уходят, уходят друзья... // Знамя. 2008. №10. См. также в кн.: *Осип и Надежда*. С. 134.
- 2 МАНДЕЛЬШТАМ Н. Я. *Третья книга*. М., 2006. С. 507.
- 3 См. воспоминания А. Амальрика про "миллениаристское" умонастроение Н. Я. Мандельштам в середине семидесятых годов: "В 1975 году Надежда Мандельштам, вдова поэта, сказала мне: "Я слышала, вы писали, вы писали, что этот режим не просуществует до 1984 года. Чепуха! Он просуществует еще тысячу лет!" "Бедная старая женщина, — подумал я, — видно, хорошо по ней проехался за шестьдесят лет этот режим, если она поверила в его вечное существование" (Амальрик А. *Записки диссидента*. Анн Арбор, 1982. С. 35–36).
- 4 Де Мони Э. Интервью с Надеждой Яковлевной Мандельштам (9–10 октября 1977 г.) // *Континент*. 1982. №31. С. 402.

“Воспоминания” и “Вторая книга”: история рецепции на родине и за рубежом .....

После опубликования за рубежом мемуаров Мандельштам очень быстро сложились две историографические традиции, которые, выражаясь известным советским штампом, “идейно не пересекались”. Здесь уместно напомнить, что в 1970 году вышли в свет русское издание и английский перевод “Воспоминаний”, а в 1972 и 1974 годах вышли русское и американское издания “Второй книги” соответственно¹. Таким образом, первоначальная рецепция мемуаров в Советском Союзе и на Западе сформировала два разных подхода к изучению и пониманию того, что в них было написано и осмыслено.

Поскольку первыми читателями этих книг были не только те, кто знал лично Н. Я. Мандельштам, но и те, кто был знаком лично с главными героями мемуаров, в отечественной традиции на первый план вышла проблема тональности и достоверности написанного. Размышления о том, насколько верно так мрачно изображать 1930-е годы — эпоху не только сталинских репрессий, но и массового социального оптимизма, — относились прежде всего к “Воспоминаниям”. Например, А. С. Эфрон и Н. Д. Эфрос, также пережившие репрессии, не просто не разделяли пессимистический настрой автора, но и давали такому подходу отповедь.

А. Эфрон: “...На днях Мандельштамша под страшным секретом дала мне читать свои воспоминания. Сплошной мрак, всё — под знаком смерти, а когда так пишут, то и жизнь не встает. Как бы ни была глубоко трагична жизнь О.Э., но ведь она была жизнью — до последнего вздоха. <...> Воспоминания же — обстоятельно-обстоятельны, и от этого — мутит”².

Н. Эфрос: “Мемуары Н. Я. Мандельштам полны злобы. Она чернит и клеветает на многих писателей, <...> а действительность тех лет изображает, как правило, в черных красках и в искаженном ракурсе”³.

В. Т. Шаламов и А. Т. Твардовский в своих частных “письмах-рецензиях”, наоборот, дали восторженную оценку воспоминаниям вдовы поэта, отмечая целостность формы и силу повествова-

.....

1 МАНДЕЛЬШТАМ Н. Я. *Воспоминания*. Н.-Й.: Изд-во им. Чехова, 1970; MANDELSTAM N. *Hope against Hope: A Memoir*. Translated by M. Hayward. N. Y.: Atheneum, 1970; МАНДЕЛЬШТАМ Н. Я. *Вторая книга*. Paris: YMCA-Press, 1972; MANDELSTAM N. *Hope Abandoned: A Memoir*. Translated by M. Hayward. N. Y.: Atheneum, 1974.

2 Цит. по: *Об Ахматовой*. С. 8–9.

3 *Осип и Надежда*. С. 134.

ния¹. Заочно полемизируя с теми, кого задели субъективные оценки мемуаристики, Шаламов в письме к И. П. Сиротинской на первый план выносил идейное значение книги: “Вся рукопись, вся концепция рукописи выше личных обид и, стало быть, значительнее, важнее <...>. Что главное здесь, по моему мнению? Это — судьба русской интеллигенции”².

Замечания относительно “Воспоминаний” носили частный характер, они, как правило, сохранились в письмах или дневниках. Комментарии по поводу справедливости и истинности приводимых оценок и конкретных фактов касались прежде всего “Второй книги”. Этими мемуарами Мандельштам спровоцировала уже публичные отповеди по поводу ее оценок. Они касались как эпохи в целом, так и выдающихся писателей и поэтов, прежде всего Ахматовой. По горячим следам Н. Я. Мандельштам ответили советские писатели В. А. Каверин и Л. К. Чуковская, которые сочли нужным публично возразить ей по поводу точности и верности написанного во “Второй книге”³. После смерти Н. Я. Мандельштам с развернутыми ответами, в которых опровергались неточности и искажения, выступили Э. Г. Герштейн, долгое время ее близкая подруга, и А. Г. Найман⁴.

С другой стороны, смерть Н. Я. Мандельштам в декабре 1980 года вызвала многочисленные сочувствующие отклики о ее личности и мемуарном наследии. Самым пронзительным и страстным из них стал некролог Иосифа Бродского, в котором он оценил два тома мемуаров как эсхатологическую прозу “для ее века и для литературы ее века, тем более ужасного, что именно этот век провозгласил строительство на земле рая”. Показательно, что и в некрологе высокая оценка воспоминаний была дана Бродским не за новое о биографиях поэтов и писателей, но за развитие языка поэзии Ахматовой и Мандельштама, честную трактовку “сознания русского народа” в “догутенбергскую” эпоху советского времени, когда письменному слову не было никакой веры⁵.

В итоге мнения о качестве прозы составили два лагеря, что было наиболее отчетливо зафиксировано в сборнике воспоминаний и устных интервью среди тех, кому посчастливилось войти
.....

1 Об Ахматовой. С. 11–12.

2 НЕРЛЕР П. *Сила жизни и смерти. Варлам Шаламов и Мандельштамы* (на полях переписки Н. Я. Мандельштам и В. Т. Шаламова) // *Osteuropa*. 2007. № 6. С. 229–237.

3 ВРСХД. 1973. № 108/109/110. С. 187–192; Чуковская Л. К. *Дом поэта*. М., 2012. С. 15–23.

4 ГЕРШТЕЙН Э. Г. *Мемуары*. СПб. 1998; Найман А. *Рассказы о Анне Ахматовой*. М., 2008. С. 68–69.

5 Brodsky J. Nadezhda Mandelstam // *The New York Review of Books*. 1981. 5 March. См. также: МАНДЕЛЬШТАМ Н. Я. *Мое завещание и другие эссе* / Предисл. И. Бродского. Н.-Й., 1982.

в круг знакомых Мандельштамов (Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников. М., 2002). В 2000-е годы “книжно-салонный” спор о качестве прозы Н. Я. Мандельштам переключался на просторы Интернета. Причем к сорокалетию издания “Второй книги” бескомпромиссная полемика и не думает затихать¹.

На Западе мемуары Н. Я. Мандельштам были восприняты в ином ключе. Первые рецензенты ее книг также не прошли мимо искажений и субъективных оценок, содержащихся в них, но их высокая оценка была дана на основе других критериев. Рецензенты, принадлежавшие к русской эмиграции, Глеб Струве, Георгий Иваск, Ольга Раевская-Хьюз восприняли мемуары как честную и открытую исповедь об ужасах сталинского террора, защищая право вдовы на субъективизм и пристрастность². Иваск и Хьюз прямо ставили произведения Мандельштам в один ряд с книгами Шаламова и Солженицына. Струве назвал “Воспоминания” лучшей нехудожественной (*non-fictional*) работой, написанной в СССР за пятьдесят лет. Интересно, что его больше обеспокоили односторонний взгляд Н. Я. Мандельштам во “Второй книге” на Максимилиана Волошина и оценка значения поэзии символиста Вячеслава Иванова, чем собственно неканонический портрет Ахматовой³.

Западные рецензенты, уделяя много внимания разоблачительному пафосу мемуаров, оценили Надежду Мандельштам как самостоятельную и талантливую писательницу, создавшую высококлассный литературный текст. Наиболее подробно об этом написал еще в 1971 году Ричард Пивер в “Хадсон ревью”⁴.

Впоследствии из признания литературного таланта Надежды Мандельштам и осознания того, что текст ею выстроен особым образом — как репрезентация прошлого, выработался анализ текстов вдовы поэта, более характерный для эпохи лингвистического пово-

.....

1 Например, в качестве аннотации к сборнику “Об Ахматовой” портал openspace.ru в 2007 г. помещает диаметрально противоположные мнения Ю.Л. Фрейдина и А. Г. Наймана: Новая книга Надежды Мандельштам: за и против. URL: <http://os.colta.ru/literature/events/details/2061/?attempt=1>. См. также дискуссию в блоге журнала “Критическая масса” <http://kritmassa.livejournal.com/40678.html?thread=68326>. Другой показательный пример — антимандельштамовский блог “К 40-летию «Второй книги» Надежды Мандельштам: великая проза или антология лжи?” URL: <http://nmandelshtam.blogspot.ru/>.

2 Ivask G. A Hope against Hope: A Memoir // Slavic Review. 1971. Vol. 30. №3. P. 706–708; Struve G. Nadezhda Mandelstam’s Remarkable Memoirs // Books Abroad. 1971. Vol. 45. №1. P. 18–25; Struve G. Nadezhda Mandelstam’s “Hope Abandoned” // Russian Review. 1973. Vol. 32. №4. P. 725–728.; Hughes O. Hope Abandoned // Slavic Review. 1977. Vol. 36. №1. P. 156–157.

3 STRUVE G. Nadezhda Mandelstam’s “Hope Abandoned”. P. 727–728.

4 Peaver R. On the Memoir of Nadezhda Mandelstam // The Hudson Review. 1971. Vol. 24. №3. P. 427–440.

рота. В работах Чарльза Айзенберга, Бет Холмгрен, Джудит Робей и Сюзан Инграм мемуары Мандельштам представлены как сознательно выстроенный конструкт с различными стратегиями, лежащими прежде всего в гендерной плоскости¹. Айзенберг исследовал риторiku “Воспоминаний”, т. е. какими приемами (синекдоха, метонимика) она пользуется для изображения 1930-х годов. Холмгрен, беря за основу гендерную перспективу, исследует становление и репрезентацию мандельштамовского “я” за счет осмысления своих отношений с отцом и, что самое главное, с двумя поэтами, один из которых был ее мужем, а вторая — подругой. С каждой новой работой ставки в игре по деконструкции написанного Н. Я. Мандельштам повышались, и Джудит Робей уже рассматривает ее тексты исключительно как гендерный и автобиографический проект без оглядки на реальную биографию мемуаристки.

Погружение жизни и деятельности Надежды Мандельштам в канву автобиографических исследований, в основе которых лежит гендерный анализ женской прозы, оставило без какого бы то ни было рассмотрения анализ политических воззрений Н. М., а также того, как общественно-политическая ситуация влияла на тон и оценки ее мемуаров. Выставив на передний план представления о сталинской эпохе и двадцатых годах, исследователи упустили из виду, что мемуары писались спустя значительное время после описываемых событий, в эпоху правления Хрущева и Брежнева, когда в советском обществе началась борьба с культом личности Сталина.

Единственная на сегодняшний день монография о Н. Я. Мандельштам, написанная Холмгрен, красноречиво отражает прочно укоренившееся представление о ней как свидетельнице исключительно сталинской эпохи. Название монографии “Женские работы в сталинское время: о Лидии Чуковской и Надежде Мандельштам” если справедливо, то по отношению к Л. К. Чуковской, которая в конце 1930-х годов написала повесть “Софья Петровна” и начала вести дневник об Анне Ахматовой, а в разгар борьбы с “космополитами” приступила к написанию новой повести “Спуск под воду” о послевоенной атмосфере в близких ей литературных кругах со-

.....

1 Isenberg Ch. The Rhetoric of Nadezhda Mandelstam's Hope Against Hope // *Autobiographical Statements in Twentieth-Century Russian Literature*. Ed. Jane Gary Harris. Princeton: Princeton UP, 1990; HOLMGREN B. *Women's Works in Stalin's Time: on Lidiia Chukovskaia and Nadezhda Mandelstam*. Bloomington, 1993; Robey J. Gender and the Autobiographical Project in Nadezhda Mandelstam's Hope against Hope and Hope Abandoned // *Slavic and East European Journal*. 1998. Vol. 42. № 2. P. 231–253. Ingram S. Nadezhda Mandel'shtam, Romola Nijinsky and the Literary Legacies of their Love // *Canadian Slavonic Papers*. 1999. Vol. 41. № 3–4. P. 289–308.

ветских писателей¹. Но это неверно по отношению к Н. Я. Мандельштам, которая приступила к “Воспоминаниям” после 1956 года, когда уже удалось частично реабилитировать ее мужа.

Писание мемуаров было для Н. Я. Мандельштам совершенно новым опытом, что метко подметила Э. Г. Герштейн: “Начав писать свою первую книгу, Надя очутилась как бы в состоянии шока. Она погрузилась в свою ушедшую жизнь с Осипом Эмильевичем, постепенно по ступеням переживая все ее повороты. Это было беспощадное вживание в, казалось бы, забытую жизнь, а в действительности лишь временно отодвинутую вглубь. Не сразу к ней вернулось понимание сущности их совместной жизни. «Я была его подругой, а не только женой», — с каким-то удивлением говорила она мне, заново осмысливая сущность своего союза с Мандельштамом”².

Более того, создавая мемуары, Мандельштам никогда не забывала о соотношении недавнего прошлого с актуальным для нее настоящим. В мемуарах содержится немало интереснейших и содержательных эпизодов, относящихся уже к послесталинской эпохе, что иногда совершенно игнорируется биографами Н. Я. Мандельштам³. Другими словами, на их основе можно реконструировать воззрения Н. Я. Мандельштам на 1950–1960-е годы — время, когда по ее же словам, в советском обществе началась “переоценка ценностей”.

Вестники новой жизни: мировоззрение Надежды Мандельштам в годы частичной десталинизации . . . . .

После смерти Сталина в жизни Н. Я. Мандельштам начались перемены. В частности, появилась возможность изменения ее судьбы как вдовы О. Э. Мандельштама, неразрывно связанной с возвращением в советскую литературу произведений ее мужа. В 1956 году она, наконец-то, смогла защитить диссертацию⁴. В том же году был реабилитирован по второму делу Осип Мандельштам⁵. Осенью 1958 года в Тарусе Мандельштам, вероятно, приступила к написанию мемуаров⁶.

. . . . .

- 1 Holmgren B. Women's Works in Stalin's Time. P. 44, 68–69.
- 2 Герштейн. С. 415.
- 3 Имендёрфер Е. Мемуары Надежды Мандельштам. “Литературное вдовство” как профессия и служба “его” творчеству; Isenberg Ch. The Rhetoric of Nadezhda Mandelstam's Hope Against Hope; Pratt S. Angels in the Stalinist House.
- 4 Осип и Надежда. С. 414.
- 5 Нерлер П. Слово и “дело” Осипа Мандельштама: книга доносов, допросов и обвинительных заключений. М., 2010. С. 171–172.
- 6 Об Ахматовой. С. 7.

Герштейн вспоминала, что Н.Я. долго решала, “написать ли ей принципиальное письмо Хрущеву или засесть за свои воспоминания”¹. Окончательный выбор был сделан, когда пришло понимание, что реабилитация поэта — это не только открывшаяся перспектива издания Мандельштама в серии “Библиотека поэта”, но и борьба за тот образ поэта, который сложился у нее самой. Когда в 1957 году в журнале “Знамя” А.А. Коваленков упомянул о мифической драке Мандельштама с Есениным, Н.Я. Мандельштам моментально написала письмо-опровержение в Союз писателей, требуя снятия главного редактора издания В.М. Кожевникова². Она опасалась, что такие публикации могут помешать скорейшей литературной реабилитации Мандельштама, на что она, как видно из ее писем к Алексею Суркову, очень надеялась³. Поэтому важно было запечатлеть на бумаге свое представление о поэте в противовес прочим изображениям. Позднее ревнивое и негативное отношение вдовы поэта к современникам, оставившим в своих мемуарах иной его образ, побудит ее составить что-то вроде “классификации” “брехни” о нем, которую она приводит во “Второй книге”⁴.

Применительно же к хрущевскому времени основной лейтмотив “Воспоминаний” — сомнение и осторожный оптимизм в отношении десталинизации. Неверие в происходившие перемены она подкрепляет свидетельствами с мест. XX съезд и начало десталинизации Н.Я. Мандельштам застает в Чувашском педагогическом институте в Чебоксарах. Еще до XX съезда она со скепсисом воспринимает указание инспектора Министерства образования прекратить преподавателям писать анонимные доносы, которые более не будут приниматься во внимание. Причем ее сомнения не рассеиваются и во время работы над мемуарами⁵.

.....

1 Герштейн. С. 415. См. письмо Н.Я. Мандельштам Н.С. Хрущеву, наст. издание, с. 194–200.

2 Коваленков А. Письмо к старому другу // Знамя. 1957. №7. С. 168; МАНДЕЛЬШТАМ Н. *Книга третья*. Париж, 1987. С. 300.

3 Три письма А. Суркову // Там же. С. 304–305.

4 “Надо различать брехню зловредную (разговоры «голубоглазого поэта» у Всеволода Рождественского), наивно-глупую (Миндлин, Борисов), смешанную глупо-поганую (Николай Чуковский), лэфовскую (Шкловский), редакторскую (Харджиев, который мне, живой, приписывает в комментариях что ему вздумается, а мертвому Мандельштаму и подавно) и добродушную — вроде встречи в редакции «Сирена»” (*Собр. соч.* Т. 2. С. 64; а также примеч. на с. 626–627). В частной переписке Н.Я. Мандельштам в шестидесятые годы также время от времени обращается к проблеме “искажения” образов поэтов Серебряного века в прочитанных ею воспоминаниях. См., например, письмо Н.М. к Д.Е. Максимову от 28 апреля 1965 г. о “мемуаристах-врунах” Г. Иванове и Н. Павлович (*Письма Максимову*. С. 304–305).

5 *Собр. соч.* Т. 1. С. 165.

Но именно в Чебоксарах и начинается процесс выхода из состояния молчания и отчаяния, “гипнотического сна”¹. В одной из важнейших глав для понимания динамики мироощущения Н. Я. Мандельштам в послесталинское время — “Вестник новой жизни” — она описывает случайную встречу с поклонником стихов ее мужа в развалившемся бараке Чебоксарского пединститута. Во время этой встречи она преодолевает свой страх и открывается перед ним. Для нее он оказывается первым из поклонников поэта, кто за долгие годы молчания внушает ей полное доверие².

В той же главе Мандельштам декларирует свой исторический оптимизм, свою веру “в победу гуманизма и высокой человечности”. Здесь она возобновляет заочный спор ее мужа с концепцией Блока о конце духа гуманизма и индивидуализма с наступлением духа музыки, воплощавшей вторжение масс, сокрушающих старую цивилизацию³. Начало главы перекликается с концовкой статьи О. Мандельштама “Гуманизм и современность” (1923), в которой тот полемизировал с Блоком⁴. По ощущению поэта, к началу двадцатых годов гуманистические ценности “ушли, спрятались, как золотая валюта”. Чуть ниже он оговаривается, что их возвращение — вопрос времени: “Переход на золотую валюту — дело будущего, и в области культуры предстоит замена временных идей — бумажных выпусков — золотым чеканом европейского гуманистического наследства, и не под заступом археолога звякнут прекрасные флорины гуманизма, а увидят свой день и, как ходячая звонкая монета, пойдут по рукам, когда настанет срок”⁵.

Почти сорок лет спустя этот срок, по мнению Н. Я. Мандельштам, настал: “Мой оптимизм не поколеблен даже жестоким опытом первой половины нашего неслыханного столетия. Скорее даже наоборот: то, что пережито нами, надолго отвратит людей от многих соблазнительных на первый взгляд теорий, которые утвержда-

.....

1   Метафору “гипнотический сон”, означавшую безропотное подчинение сталинским порядкам, Н. Я. трижды упоминает в главе “Иррациональное” (*Собр. соч.* Т. 1. С. 119–120, 123).

2   Там же. С. 423. Трудно судить о достоверности описанного Н. Я. Мандельштам эпизода, но в мемуарах есть свидетельства, что она действительно крайне настроенно относилась к случайным узнаваниям в ней вдовы поэта в сталинскую эпоху. Наиболее красноречиво это описано в воспоминаниях Н. Кривошеиной. Внезапная встреча с незнакомой женщиной, знавшей, кто такой О. Мандельштам, в стенах Ульяновского пединститута поначалу испугала Н. Я. Мандельштам (Кривошеина Н. *Четыре трети нашей жизни*. М., 1999 (глава “Ульяновск, 1948–1954”)).

3   Блок А. *Крушение гуманизма* // *Собрание сочинений*: В 8 т. Т. 6. М., 1962. С. 93–115. Напрямую полемику с этой статьей Н. Я. Мандельштам ведет в главе “Италия” (*Собр. соч.* Т. 1. С. 336–343).

4   *ПССП*. Т. 2. С. 525.

5   Там же. С. 127.

ют, что цель оправдывает средства и что «все позволено» <...> Мне кажется, что мы стоим на пороге новых дней. Я ловлю симптомы нового мироощущения. Их мало. Они почти незаметны. Но всё же они есть”¹.

Далее Н.Я. Мандельштам напрямую отсылает читателя к воззрениям Блока и Мандельштама, противопоставляя и сталкивая точки зрения поэтов на судьбу русской культуры. Пессимизм Блока, который олицетворяет один знакомый почитатель поэта, ее не убеждает, даже несмотря на то, что и для нее в годы революции “ценности гуманизма подверглись поношению и были растоптаны в прах”².

ХХ съезд КПСС стал для Н.Я. Мандельштам ключевой вехой в начавшемся процессе пересмотра ценностей. Осуждение репрессий, хотя бы и кулуарное, изменило мироощущение советского человека, которое еще недавно основывалось на нежелании и страхе осмысливать окружающую действительность. Мандельштам выставляет счет интеллигенции двадцатых годов и тогдашнему молодому поколению за уничтожение ценностей во имя служения революции. Интеллигенция пошла на самоуничтожение, отринув универсальные ценности, свойственные самым разным слоям: “критическую мысль и связанную с ней тревогу, свободу мысли, совести, гуманизм...”. Выбрав охрану и укрепление сложившегося порядка во имя выгоды или из-за страха перед репрессиями, первое советское поколение интеллигентов, по ее мнению, изменило себе: “Инициатором пересмотра ценностей была интеллигенция. Пересмотрев их, она переродилась и стала чем угодно, но только не интеллигенцией”³.

В ожидании наступления лучших времен Н.Я. Мандельштам надеется на поэзию, интерес к которой среди молодежи для нее главное свидетельство возрождения интеллигенции. Признаваясь читателю в “неисправимом оптимизме”, она опирается на веру в поэзию как средство восстановления ценностей. Это и наполняет ее жизнь особым смыслом в послесталинские годы: она как вдова великого поэта должна донести его наследие до нового читателя, который, увлекаясь поэзией, ищет для себя “добра и правды”⁴.

.....

1 *Собр. соч.* Т. 1. С. 421–422.

2 Там же. С. 422. Еще в очерке “Куколки” для альманаха “Тарусские страницы” (1961) Н.Я. Мандельштам пыталась донести до читателя мысль о возрождении в Тарусе традиции художественных промыслов, которая была внезапно оборвана в конце 1920-х гг.

3 Там же. С. 425.

4 Там же. С. 426. Эту же мысль Н.Я. Мандельштам доносила до своих близких друзей в письмах: “...Ценности восстанавливаются у людей в полной мере (не только у меня и моих знакомых, а у целого народа, и нам стало доступно то, что было спрятано под спудом не меньше чем тридцать пять — сорок лет. Вот и происходит таинственный процесс возвращения высокоценных и раньше, и всегда, но отнесенных стихов.

Потребность Н. Я. Мандельштам объяснить себе и читателю все перипетии обретения утраченных ценностей сделали из нее заинтересованного наблюдателя противоречивого процесса десталинизации советского общества в шестидесятые годы. В это время вера в силу поэзии помогла ей трактовать многочисленные негативные примеры, никак не вписывавшиеся в понятие “оттепели” в положительном ключе¹. Оптимизма Н. Я. Мандельштам хватило до конца шестидесятых годов. В черновике книги, посвященной Ахматовой, позитивный настрой удалось сохранить, хотя после смерти ближайшей подруги Н. Я. Мандельштам сетовала С. М. Глускиной на потерю душевного равновесия². Но ни суд над Бродским, ни процесс Синявского — Даниэля, как видно из рукописи, тогда еще не поколебали ее исторического оптимизма. В первом случае репрессии “против одного интеллигента порождают десятки новых”, а процесс Синявского — Даниэля поднял на защиту “весь мир, и даже мы что-то вякали”³.

Точкой отсчета у Н. Я. Мандельштам была не сталинская эпоха, а двадцатые годы, когда, по ее мнению, и были заложены предпосылки для последующих репрессий. В той же неоконченной работе она вольно цитирует гневное выступление М. А. Шолохова на XXIII съезде КПСС: “В двадцатых годах мы за это ставили к стенке, и никто не шумел...”³

Куда больше Н. Я. Мандельштам беспокоила реакция на десталинизацию в самом советском обществе. Негативное восприятие снизу борьбы с культом личности Сталина в 1956–1962 годах Мандельштам описывает и в “Воспоминаниях”, и во “Второй книге”. Проживая в конце пятидесятых — начале шестидесятых годов сначала в Тарусе, а затем в 1962–1964 годах в Пскове, Мандельштам неоднократно упоминает о неприятии “переоценки ценностей” среди сталинистов. Псковский сосед Мандельштам, маляр, напивавшийся в дни полочки, чтобы в очередной раз вспомнить, как хорошо жилось при Сталине, словоохотливый попутчик в поезде “Москва—Псков”, осудивший не только публикацию “Одного дня Ивана Денисовича”, но и рассказ писателя Г. И. Шелеста “Самородок” в “Известиях”, а также некоторые другие персонажи служили,

.....

(Поэзия — та же “ценность”.)” (Письмо Н. Я. Мандельштам А. А. Ахматовой, январь 1964 г. // *Об Ахматовой*. С. 249–250).

- 1 Это понятие Н. Я. Мандельштам в “Воспоминаниях” практически не использует (*Собр. соч.* Т. 1. С. 423).
- 2 Письмо Н. Я. Мандельштам С. М. Глускиной от 9 мая 1966 г. // М. А. Ф. 8. Оп. 1. Д. 1. Л. 56.
- 3 *Об Ахматовой*. С. 117.

по ее мнению, примером инерции прошлой эпохи, которую поддерживали прежде всего те, кто боялся социальных перемен¹.

Одновременно Надежда Мандельштам использует “Воспоминания” для размежевания с теми писателями, кто до 1953 года был в числе победителей, а после 1956-го оказался среди разоблачителей культа. Критерий для Н. Я. Мандельштам тут один: она делит видных представителей советской литературы на тех, кто помогал Мандельштаму в его неустроенности, и тех, кто никак не помог. “Как выясняется, у нас не было ни одного сталиниста и все мужественно боролись”, — иронизирует Н. Я. Мандельштам о позиции советских писателей В. А. Кочетова и Н. Н. Асеева.

Специальная глава отведена Николаю Тихонову, который, по мнению вдовы, дважды не пришел на помощь: в начале тридцатых годов и тридцать лет спустя, когда отказался писать предисловие к сборнику стихов Мандельштама. По ее мнению, отказ помешал издать сборник стихов в очень благоприятный момент: это могло случиться прямо перед публикацией “Одного дня Ивана Денисовича” в “Новом мире”². “Литература могла ускорить историю”, — так оценивал А. И. Солженицын возможную публикацию отдельных глав его романа “В круге первом” в первые месяцы после XXII съезда КПСС, на котором было принято решение о продолжении политики по преодолению последствий культа личности³. Н. Я. Мандельштам полагала схожим образом, только вместо слова “литература” она употребила бы “поэзия”⁴.

В “Воспоминаниях” Н. Я. Мандельштам много места уделяет размышлениям о политических последствиях сталинской эпохи для страны. В этом плане шестидесятые годы для Н. Я. Мандельштам — это время подведения итогов. В одном из писем к Д. Е. Максиму (не позднее 20 декабря 1964 года) о его книге “Поэзия Лермонтова” она прямо формулирует свое понимание кредо писателя: “У меня есть потребность в ценностном анализе и в мнении автора книги. Мне мешает его академическая тога, его страх уйти из традиции, скупость его личных пристрастий. Наше время требует хлеба — что думать сегодня, где искать опоры, какие стихи помогут жить... Как их употреблять на нынешний день...”⁵

.....

1 *Собр. соч.* Т. 1. С. 344, 378–379.

2 Там же. С. 321–324.

3 Солженицын А. И. *Бодался теленок с дубом.* Париж, 1975. С. 39–40.

4 Ср. у Н. Я. Мандельштам в “Воспоминаниях”: “«Поэзия — это власть», — сказал он в Воронеже Анне Андреевне, и она склонила длинную шею” (*Собр. соч.* Т. 1. С. 249); “У нас поэзия играет особую роль. Она будит людей и формирует их сознание” (Там же. С. 427).

5 *Письма Максиму.* С. 298.

В “Воспоминаниях”, помимо поэзии, опору она видит в преодолении рационализма и связывает этот процесс с новой миссией России, которая доказала своим примером его бесперспективность: “Россия некогда спасла европейскую христианскую культуру от татар, сейчас она спасает ее от рационализма и его следствия — воли к злу. И это стоило ей больших жертв. Могу ли я поверить, что они были бесплодны?”¹

Под влиянием чтения публицистики О. Мандельштама, русской религиозной философии и одобренных сверху мыслителей, вроде А. И. Герцена и Ф. Энгельса, Н. Я. Мандельштам формировала свое оригинальное мировоззрение на проблему происхождения сталинского режима. Не утруждая себя подробным и, что самое главное, последовательным анализом своих политических воззрений, она считала нужным следовать свободному стилю, “прерывности” в изложении, сознательно избегая всякой системности².

Такой подход, однако, не означал отказа от связности. Центральное место в рассуждениях о природе сталинизма отводится проблеме краха гуманистических идеалов. Осуждение сталинских репрессий у Н. Я. Мандельштам обосновывается через отказ государства от ценностей гуманизма и демократии. Под демократией Мандельштам понимает одну из разновидностей государственности. Такое понимание она наиболее четко выразила в “Моем завещании”, когда, обращаясь к Будущему с большой буквы, требовала от общества, “демократического или олигархии, тоталитарного или народного”, оставить наследство поэта у частных лиц. Сама демократия, как и любая другая форма режима, в понимании Н. Я. Мандельштам недорогого стоила³.

Культ личности, или “вождизм”, есть отрицание, отказ от демократии, но это еще не означает для Н. Я. Мандельштам, что утрачено главное. Через приписывание политических взглядов Осипу Мандельштаму она отказывается верить выбору “механического большинства” и находит идеал лучшего социального устройства в “чем-то вроде теократии”⁴. Главная утрата тоталитарного общества заключалась, по мнению Н. Я. Мандельштам, в отказе от гуманизма и его основы — свободной мысли, предназначение которой расшатывать авторитеты. Гуманизм в Советском Союзе заменили рационализмом, который потребовал от индивида слепого подчинения
.....

1   Собр. соч. Т. 1. С. 422.

2   “Хочется свободной книги, где методология не давит авторский голос”, — так выразила Н. Я. Мандельштам свой подход к написанию работ в уже процитированном ранее письме к Д. Е. Максимова (*Письма Максимова*. С. 297).

3   Собр. соч. Т. 1. С. 852; см. также с. 343–348.

4   Там же. С. 193, 346.

авторитету и покорного участия в социальных преобразованиях¹. И только лишь к началу шестидесятых годов ценности, погибшие в предыдущую эпоху, начали возрождаться, возвращая обществу свободу мысли и утраченную традицию через стихи.

**“Только женщины и церковники”:
“Вторая книга” как разочарование в гуманизме . . . . .**

Во второй половине шестидесятых годов Мандельштам меняет тональность своих оценок и во “Второй книге” уже совершенно иначе оценивает историческую перспективу и меняет с плюса на минус оценку будущего. Как известно, это произошло на фоне личных драматических событий, таких как смерть близких подруг Ахматовой и Ф. А. Вигдоровой. Вскоре произошла непоправимая ссора с Н. И. Харджиевым и Э. Г. Герштейн из-за архива Мандельштама и обращения со стихами, которые должны были попасть в сборник стихов в серии “Библиотека поэта”².

Эти личные обстоятельства, а также конец “оттепели”, крах Пражской весны называются в числе основных причин, заставивших Мандельштам порвать с историческим оптимизмом и верой в победу гуманизма³.

Однако, на наш взгляд, такая трактовка не совсем логична.

Действительно, утрата Мандельштам близкого окружения сделала тональность “Второй книги” очень категоричной в плане личных характеристик. Этот вопрос подробно освещен в литературе. Но можно ли однозначно утверждать, что именно прекращение хрущевской “оттепели” в СССР заставило Мандельштам пересмотреть свою веру в гуманизм? Она действительно была разочарована тем, что десталинизация и переоценка ценностей продвинулись не слишком далеко. Как было показано выше, всё это было известно и понятно Мандельштам еще в первой половине шестидесятых годов, однако на тот момент для нее это не было признаком разворота вспять. Один из первых вариантов “Второй книги” был написан в оптимистическом тоне, продолжавшем позитивный настрой “Воспоминаний”.

Меняя свои оценки, Н. Я. Мандельштам учитывала не только события, связанные с политикой советского правительства. Она смотрела на происходящее внутри страны с глобальных пози-

. . . . .

1 *Собр. соч.* Т. 1. С. 345, 120.

2 См. подробнее: *Об Ахматовой.* С. 44–70.

3 Морозов А. А. “Без покрова, без слюды...”: Вместо предисловия // Мандельштам Н. Вторая книга. М., 1999. С. VII.

ций. Все главные свои разочарования и повороты в мировоззрениях она обосновывала ссылкой на внешнеполитические события. Так, на отказ от окончательной реабилитации Мандельштама, по ее мнению, повлияли события 1956 года в Венгрии¹. Убийство Кеннеди навело Мандельштам на мысль, что мир стоит накануне новых испытаний, о чем она сообщает в пространном письме Ахматовой в январе 1964 года².

Другая важная черта меняющегося мировоззрения Надежды Мандельштам в шестидесятые годы — приобщение к православию и интенсивное освоение христианской литературы, чтение тех книг, которые знал и любил ее муж. В другом письме к Ахматовой (декабрь 1961 года) она делает мечтательную заявку на написание книги "Русская философская школа. В. Соловьев. Теория нравственности и познания" и планирует прочесть "Столп и утверждение истины" о. П. Флоренского³. В Пскове она поддерживает тесное знакомство с отцом Сергеем Желудковым⁴. Активное приобщение к православию приводит, в конечном счете, к радикальной смене настроения.

Новое настроение Н. Я. Мандельштам, с которым она садится писать "Вторую книгу", всё пронизано ожиданием конца света. Она активно цитирует религиозную литературу, вводит в свой лексикон богословские термины, такие как богосыновство, хилиазм, эсхатология и т. п. Похоже, что решающий перелом в политических оценках действительно произошел в 1968 году, но дело не в Пражской весне, а в событиях, происходивших в то время в западных странах: "Но каждый день подрывает надежду, потому что новые поколения на Западе ничему не верят и не хотят задуматься о чужом опыте. Их слепота, равнодушие и идиотический эгоизм приведут Запад к тому, что мы испытали, только сейчас это несравненно опаснее, хотя бы потому, что не локализуется в определенном участке, а распространяется и покрывает всю землю отрядами, которые по заданиям начальства стреляют в окна, в людей, в душу человеческую, надевают на мыслящую голову китайскую каменную шапку, проламывающую череп, и рубят кисти рук тем, кто играет на рояле"⁵.

Н. Я. Мандельштам предсказывает дегуманизацию и на Западе, открыв для себя массовое движение хиппи, называя их "мальчиками с длинными волосами". "Новые левые" во главе с не-

.....

1   Собр. соч. Т. 2. С. 584.

2   Об Ахматовой. С. 249.

3   Там же. С. 238.

4   Бобышев Д. В. Человекотекст. Из книги мемуаров // Новый журнал. 2007. № 249.

5   Собр. соч. Т. 2. С. 519.

навистным ей Жан-Полем Сартром, кажется ей, подталкивают своей философией повторить на практике всё то же самое, что пережили и отчего пострадали Надежда и Осип в двадцатые — тридцатые годы в СССР¹. С оптимизмом и верой в светлое будущее у Надежды Мандельштам отныне покончено навсегда, на что еще в начале семидесятых годов обратила внимание английская журналистка Э. де Мони².

Н. Я. Мандельштам разочаровывается в прежних ожиданиях и уходит в церковь. В семидесятые годы она одна из активных прихожанок церкви Сретения Господня в Новой Деревне, где служил о. Александр Мень³. Отныне только священников и женщин она считает носителями ценностей, не признавая более никакой правоты за гуманизмом⁴. С молодым поколением она больше не связывает никаких надежд и полагает, что оно, вдохновляясь Лениным, вновь обратится к террору.

Итогом такой переоценки взглядов стали глубокое разочарование в окружающей действительности и потеря веры в лучшую судьбу для страны, что нашло отражение в позднейших интервью и беседах с друзьями из ближнего круга Н. Я. Мандельштам.

В конце жизни, перечитывая в 1977 году свои “Воспоминания”, она лапидарно подводит итог эволюции своего мировоззрения: “Оптимизма у меня нет ни на копейку, хотя сейчас жить легче, чем когда-либо”⁵.

.....

.....

- 1 Там же. С. 522–524, 603.
- 2 De Mauny E. Winter Years of Nadezhda Mandelstam // The New York Times Magazine. 1982. 7 February.
- 3 Захарова Е. В. Надежда Яковлевна Мандельштам и отец Александр Мень. URL: <http://www.hd13.ru/library/886/>.
- 4 Мень А. *Культура и духовное восхождение*. М., 1992. С. 780; *Собр. соч.* Т. 1. С. 572. Примеч. 542.
- 5 Там же. Примеч. 538.

Труды и дни Н. Я. Мандельштам

(Составление П. Нерлера)

Даты	События
30.10.1899	В Саратове в семье Якова Аркадьевича и Веры Яковлевны Хазиных родился младший ребенок — дочь Надежда.
1901	Семья переехала в Киев. Первый адрес: Михайловская, № 11.
Между 1905 и 1914	На лечении за границей: Швейцария (2 года), Франция, Германия, Италия, Швеция.
1908	Переезд в дом № 25 по Рейтарской улице.
Август 1909	Зачисление в частную гимназию А.В. Жекулиной.
2-я половина 1911	Переезд в дом № 2 по Институтской улице.
29.08.1911	Приезд Николая II в Киев по случаю освящения памятника Александру II. Среди встречавших — Н. Хазина
1917	Окончание Киевской женской гимназии А.В. Жекулиной.
8.11.1917– 20.5.1918	Два семестра на юрфаке Киевского ун-та Св. Владимира.
1918–1919	Круг (по выражению Н.Я. — “табунок”) киевской богемно-артистической молодежи, по определению революционной и экстремально левой. Сама Н.Я. занималась живописью в студиях А. Экстер и А. Мурашко, но училась у неоклассика М.Л. Бойчука.

Середина 4.1919	Приезд в Киев Осипа Мандельштама с братом Александром. Братья остановились в гостинице “Континенталь”.
01.05.1919	Знакомство с Осипом Мандельштамом.
10.05.1919	С О.М. на спектакле “Овечий источник”. Стихотворение “Черепаша”.
24.05.1919	Отъезд О.М. с братом в Харьков.
06.1919	Вскоре, однако, О.М. возвращается — вдвоем с Александром — в Киев, где они снова поселяются в “Континентале”. После того как братьев оттуда вежливо попросили, их приютил кабинет Я.А. Хазина.
08.1919	Покинув Киев с артистическим вагоном, братья попадают в Харьков, а оттуда — через Ростов — в Крым.
1920	Смерть на Дону старшего брата Н.Я. — Александра.
03.1921	Узнав от Л. Козинцевой-Эренбург новый киевский адрес Хазиных, О.М. поехал за Н.Я. в Киев, женился (шафером на свадьбе был Б. Лившиц) и увез ее в Петроград, а затем в Москву.
1922	Знакомство Н.Я. с М. Цветаевой.
08–09.1923	Вместе с О.М. шесть недель в Доме отдыха ЦЕКУБУ в Гаспре.
Стык 1923 и 1924	Новый год в Киеве, у родителей Н.Я.
1924	Знакомство Н.Я. с А. Ахматовой.
01–03.1925	Знакомство Н.Я. с О. Ваксель (“Лютиком”). Влюбленность в нее О.М., брак О.М. и Н.Я. — на грани разрыва.
Середина 03.1925	Попытка ухода Н.Я. от О.М. к В. Татлину, разрыв О.М. с О. Ваксель.
1925–1930	Н.Я. однократно выезжает в Крым для лечения от хронического туберкулеза.
05.1926	Вместе с О.М. — в Киеве.
12.1928	Новый год в Киеве.
01.1929	Н.Я. удаляют аппендицит (хирург — В.И. Гедройц).
08.02.1930	Смерть отца. Н.Я. около месяца в Киеве, с матерью.
11.1930–1931	Работа в газете “За коммунистическое просвещение”, должность: ответственный исполнитель
11.1931	Н.Я. на лечении в Боткинской больнице.

02.1932 — осень 1933	В писательском общежитии в “Доме Герцена” (Тверской бульвар, 25, кв.4, потом 6).
11.04. — середина 07.1933	Вместе с О.М. и Б.С. Кузиным в Крыму (Старый Крым, Коктебель). Общение в Коктебеле с А. Белым.
12.1933	Переезд в собственную двухкомнатную кооперативную квартиру по адресу: ул. Фурманова (в наст. время Нащокинском пер.), 5, кв. 26.
В ночь с 16 на 17.5.1934	Арест О.М.
21.05.1934	Ликвидировал комнату в Киеве и распродав мебель, В.Я. Хазина приехала в Москву.
28.05.1934	Посещение О.М. в Лубянской тюрьме.
28.05. — около 20.6.1934	Вместе с приговоренным к высылке О.М. на Северном Урале (Свердловск, Пермь, Чердынь).
Около 25.06.1934	Приезд вместе с О.М. в Воронеж.
07.1934	В Воронежской инфекционной больнице с сыпным тифом.
08.1934	Поездка в Москву.
Конец 08.—08.09.1934	Н.Я. в инфекционной больнице с колитом — дизентерией.
Начало 02.—22.04.1935	Поездка в Москву.
17.12.1935— 15.01.1936	Поездка в Москву.
18—20.05.1937	Отъезд вместе с О.М. из Воронежа в Москву по истечении срока его ссылки.
05—06.1937	Возвращение в Москву, жизнь на полулегальном положении.
26.06. — конец 10.1937	Вместе с О.М. в Савелово. Поездки в Москву, Ленинград, Малоярославец.
Начало 11.1937 — начало 03.1938	Вместе с О.М. в Калининe.
10.03.—02.05.1938	Вместе с О.М. в доме отдыха в Саматихе.
02.05.1938	Арест О.М. в Саматихе.
06 (07?).05.1938	Н.Я. покидает Саматиху и едет в Калинин за архивом О.М.

05–11.1938	Эпопея стояпятицы: Малоярославец, Ростов Великий, Струнино.
06–07.1938	Нелегально находится в Ленинграде, ухаживает за А.Я. Хазиной, сестрой Н.Я. (в конце июня умерла от рака), навещает в больнице и Э.В. Мандельштама (скончался тоже от рака 11 июля).
30.09. — 11.11.1938	Работает ученицей тазовщицы в прядильном комбинате “5-й Октябрь” в Струнине (совр. Владимирская область).
11–12.1938	В Шортандах (Казахстан) у Б.С. Кузина.
15.12.1938	Телеграфом отправила О.М. в лагерь денежный перевод.
27.12.1938	Смерть О.М.
19.01.1939	Заявление на имя нового наркома НКВД Л.П. Берии с требованием или освободить О.М., или привлечь к ответственности и ее (как постоянную свидетельницу и участницу его жизни и работы).
30.01.1939	Перевод пришел назад с припиской: “За смертью адресата”.
07.02.1939	Н.Я. обратилась в ГУЛАГ с просьбой о выдаче свидетельства о смерти О.М.
15.02.1939	В.Я. Хазина заключает договор об аренде на 5 лет комнаты в квартире О.М.
Середина 02.1939	Н.Я. в Малоярославце, где прожила около месяца (по адресу: Коммунистическая, 34).
Конец 05.1939	Н.Я. вернулась в Калинин (по адресу: д. Старая Константиновка, № 78), где жила ее близкая подруга Е.М. Аренс.
06.1939–08.1941	В Калинин (д. Ст. Константиновка, 90) — вместе с Е.М. Аренс. Почти всё лето у Н.Я. гостила В.Я. Хазина, приезжала и Н.Е. Штемпель.
09.1939	Поездка в Воронеж и переезд в Калинин (новый адрес: Школьный пер., 23, кв. 10). Н.Я. устроилась работать учительницей английского и немецкого языков в старших классах в двух разных школах — № 1 и № 26.
06.1941	Попытка поступления на заочное отделение Института иностранных языков. Начавшаяся война пресекла эту попытку.
30.09.1941	Эвакуация вместе с матерью из Калинина — буквально с последним катером.

10.1941–06.1942	Под бомбежкой доплыли до Сызрани, далее в Среднюю Азию: сначала в Бухару, оттуда — по Аму-Дарье — на о. Муйнак в узбекской части Приаралья, где находилась колония прокаженных. Переезд в Казахстан: не сумев закрепиться в Семипалатинске или Джамбуле, Н.Я. с матерью устроились в колхозе “Красная Заря” в с. Михайловка Джамбульской области (дом Колесниковой).
Середина 06.1942	Получив соответствующее разрешение, уже в начале июля Н.Я. с матерью, вместе с приехавшим за ними Е.Я. Хазиным переехали в Ташкент и временно остановились у него.
06.1942–11.1943	Работает заведующей литературной частью в Доме художественного воспитания детей при Министерстве просвещения Узбекской ССР в Ташкенте. Преподаёт детям английский, немецкий и французский языки.
Начало 09.1942	Н. М. переехала на окраину Ташкента к переводчице Нине Пушкарской (Водопадный проезд, 3, кв.3).
Около 17.09.1943	Смерть В.Я. Хазиной.
01.03.44– 19.01.1949	Преподаватель (без диплома) и старший преподаватель английского языка на кафедре иностранных языков Среднеазиатского государственного университета (САГУ).
15.05.1944	Передача с А.А. Ахматовой, возвращавшейся из Ташкента в Ленинград, части архива О.М. в Москву Э.Г. Герштейн.
1945	Поступление в САГУ (хлопоты с участием С.А Журавской и М.А. Фёдоровой).
1946	В Гослитиздате вышел том Г. де Мопассана, частично переведенный Н.Я.
01.05.1946	Медаль “За доблестный и самоотверженный труд в период Великой Отечественной войны”.
10.07.1946	Диплом об окончании САГУ (экстерном) по специальности “Романская филология” (присвоенная квалификация: “филолог”).
14.08.1946	Постановление о журналах “Звезда” и “Ленинград”.
Конец 08.1946	Испугавшись этого постановления и очень незадолго до отъезда Н.Я. в Ташкент, Э.Г. Герштейн возвратила Н.Я. хранившийся у нее архив О.М.
Около 26–27.08.1946	Передача архива О.М. на хранение С.И. Бернштейну (Столешников пер.) и И.И. Бернштейну (А. Ивичу) в Руновском переулке.

03–05.1947	Сдача в САГУ экзаменов по кандидатскому минимуму (исторический и диалектический материализм, общее языкознание, греческий и немецкий язык и латынь)
07–08.1947	Н.Я. в Москве.
05.03.1948	Сдала в МГУ два экзамена по кандидатскому минимуму: “История английского языка (древний и средний период)” и “Готский язык”.
06–07.1948	Серьезная операция на груди: удаленная опухоль оказалась незлокачественной.
Не ранее 07.12.1948	Заявление о приеме на работу в Ульяновский пединститут.
04.02.1949– 01.04.1953	Ульяновск, старший преподаватель на кафедре английского языка.
09.1950	Н.Я. отправила в Институт языкознания АН СССР переработанную рукопись своей диссертации.
22.05.1951	Заседание Ученого совета Ульяновского пединститута, отчасти посвященное критике преподавательской работы Н.Я.
Лето 1951	Инфаркт у А.А. Ахматовой, Н.Я. ухаживала за ней.
17–18.02.1953	Заседания партбюро и закрытого партсобрания Института языкознания АН СССР.
11.03.1953	Заседание кафедры английского языка Ульяновского пединститута, посвященное критике преподавательской работы Н.Я.
01.04.1953	Увольнение из Ульяновского пединститута по состоянию здоровья.
1953	Диссертация “Исследование древнегерманских языков”.
01.1953–13.08.1955	Старший преподаватель Читинского педагогического института.
09.08.1954	Завещание Н.Я.: наследница — С.И. Богатырева.
24.08.1955	Заявление Н.Я. Мандельштам в Генеральную прокуратуру СССР о пересмотре дела О.М.
09.1955–10.1955	Переезд в Чебоксары. Старший преподаватель (с 10.11.1955 — и.о. заведующего) кафедрой английского языка Чувашского пединститута им. А.А. Яковлева.
10.11.1955	Н. Мандельштам — и.о. заведующего кафедрой.
Конец 1955	1,5 месяца в Москве: работа над диссертацией.

14–25.02.1956	XX съезд КПСС.
26.06.1956	В Ленинградском государственном педагогическом институте им. А.И. Герцена защищает кандидатскую диссертацию “Функции винительного падежа по материалам англо-саксонских поэтических памятников”.
14–25.02.1956	XX съезд КПСС с разоблачениями культа личности Сталина.
31.07.1956	Реабилитация О.М. по делу 1938 г. За гибель мужа Надежда Яковлевна получила 5000 рублей компенсации.
14.02.1957	Получает кандидатский диплом.
14.03.1957	Создана Комиссия по литературному наследию О.М., и принято решение об издании тома его стихов в Большой серии “Библиотеки поэта”.
Лето 1957	Впервые в Верее, на даче с Е.Я. Хазиним.
03.11.1957	Передача Харджиеву (через Е.Я. Хазина) части архива О.М. для работы над книгой в “Библиотеке поэта”.
16.10.1958	Н.Я. уволилась из Чебоксарского пединститута и вышла на пенсию, немного не дотянув до 20-летнего трудового стажа.
03.1959	В Ташкенте, у Э.Г. Бабаева и Л.Н. Глазуновой. Поездка в Самарканд.
13.03.1959	Завещание Н.Я.: наследники — Э.Г. Бабаев и Л.Н. Бабаева (Глазунова).
10.1958	Выход на пенсию в связи с работой над наследием мужа и введение в права наследства.
10.1958–08.1962	Прописка и проживание в Тарусе, в домах у Голышевых-Оттонов (ул. Либкнехта, 29) и П.Ф. Степиной (тети Поли; 1-я Садовая, 2).
Осень 1959	У Н.Я. возникают подозрения на рак поджелудочной железы (в дальнейшем не подтвердились), в связи с чем у нее снова возникают мысли о завещании и о наследниках: на этот раз ими, по мнению Н.Я., должен стать коллектив, в котором она первоначально видела Н.И. Харджиева, Л.Я. Гинзбург и Б.Я. Бухштаба.
01.1960	Знакомство с А.К. Гладковым.
20.04.1960	Письмо Н.С. Хрущеву.
10.1960	Развод В.Б. Шкловского и В.Г. Шкловской-Корди.
01.1961	В “Новом мире” (1961. № 1) вышли воспоминания И. Эренбурга, часть которых посвящена встречам с О.М.

Конец 01.1961	Н.Я. в Ленинграде у А.А. Ахматовой. Совместная телеграмма Н. Пушкарской.
08.1961	Выход первой части тиража “Тарусских страниц” (всего 1000 экз.).
11.07.1962	В Комарово к А.А. Ахматовой экспромтом, без предупреждения, приезжал К. Браун с расспросами об О.М. Н.Я. была во время их беседы в соседней комнате.
01.09.1962– 09.08.1964	Работа в Псковском пединституте им. С.М. Кирова старшим преподавателем кафедры иностранных языков.
09.1962	Предложение от Ю.М. Лотмана и З.Г. Минц опубликовать фрагмент воспоминаний в “Записках Тартуского университета”.
Начало 10.1962	Фактический переезд в Псков.
11.1962	В № 11 “Нового мира” вышла повесть А.И. Солженицына “Один день Ивана Денисовича”.
23.11.1962	Телеграмма от СП СССР о выделении Н.Я. денежного пособия в 200 р. Хлопоты о прописке и комнате.
02–05.01.1963	Приезд в Псков Ю. Живовой.
01.1963	И. Бродский с М. Басмановой и А. Найман с Э. Коробовой посетили Н.Я. в Пскове.
16–25.02.1963	Н.Я. в Москве на студенческих каникулах.
Начало 05.1963	Н.Я. в Ленинграде, остановилась у Л.Я. Гинзбург. Встречи с А.К. Gladковым.
После 27.06.1963	В Тарусе.
06.1963	Н.Я. получила и читала статью А.В. Македонова, заказанную в качестве предисловия к тому О.М. в “Библиотеки поэта”.
23.09.1963	Н.Я. в Москве. Вечер у Шкловских (А. Gladков, А. Морозов, Е. Мелетинский, И. Семенко, Вяч.Вс. Иванов, Н. Панченко, читавший свои стихи).
Осень 1963	Конгресс славистов в Софии: два доклада об О.М.
11.1963	Приезд в Псков Н.Н. Глен и Ф.А. Вигдоровой.
27.12.1963	25 лет со дня гибели О.М. Из Москвы приехали Вяч. Вс. Иванов, С. Маркиш и В. Хинкис.
16.06.1964	Н.Я. вернулась из Пскова в Москву. Вечером у Шкловских — застолье по случаю ее приезда.

20.06.1964	Встреча с А.А. Ахматовой на Ордынке у Ардовых.
24.06.1964	Прописка в Москве у В.Г. Шкловской-Корди на правах дальней родственницы.
06–09.1964	Н.Я. в Тарусе, у тети Поли.
10.1964–06.1965	Н.Я. в Тарусе, у Оттенов-Голышевых, с частыми наездами в Москву.
Середина 1964–1966	Ради заработка (при содействии И. Борисовой и М. Чудаковой) принимается за внутреннее рецензирование рукописей для журнала “Новый мир”.
02–05.11.1964	Поездка в Ленинград.
02.1965	В Ленинграде обнаружены восковые валики с записями голоса О.М.
12.04.1965	Поездка с А.К. Гладковым на его дачу в Загорянку.
29.04.1965	Под давлением Н.Я. и А.Г. Наймана А.А. Ахматова аннулировала свое завещание в пользу И.Н. Пуниной и А.Г. Каминской.
13.05.1965	Триумфальный вечер памяти О.М. на мехмате МГУ.
06.1965	Поездка в Псков. Остановилась у Майминых.
23.06.1965	Празднование 75-летия А.А. Ахматовой у Л. Большинцовой-Стенич (присутствует также Э.Г. Герштейн).
07–08.1965	С Е.Я. Хазиним и Е.М. Фрадкиной в Верее.
15.08.1965	Умерла Ф.А. Вигдорова.
09.1965	Обострение язвы.
Конец 10.1965	Визит к Н.Я. Л.Г. Григорьяна.
22.10.1965	Н.Я. получила ключи от собственной однокомнатной кооперативной квартиры.
Начало 11.1965	Переезд в новую квартиру (адрес: Большая Черемушкинская ул., 50, корп. 1, кв. 4: позднее номер дома изменили на 14).
Конец 11. 1965	Приезд к Н.Я. И. Бродского.
11–12.1965	Инфаркт у Е.Я. Хазина.
Около 25.12.1965	Передача К. Брауну машинописи “Воспоминаний”.
01.01.1966	Новый год в обществе В. Шаламова, В. и Ю. Живовых, В. Борисова.

Март 1966	Приезд в Москву К. Брауна (Н.Я. знакомит его с Д.Е. Максимовым).
05.03.1966	Смерть А.А. Ахматовой.
03.1966 — осень 1967	Работа над воспоминаниями об Ахматовой.
08.05.1966	У Н.Я. в гостях К. Браун, М. Бикель, А. Gladков, Н. Панченко и В.В. Шкловская-Корди.
16.06 — лето 1966	Н.Я. в Верее (работает над книгой об А. Ахматовой).
08.1966	Л.Я. Гинзбург получила предложение написать статью об О.М. для “Библиотеки поэта” (закончила к 19.12.1966).
01.10.1966	Открытие выставки Е.М. Фрадкиной в ЦДЛ.
01.11.1966	На дне рождения у Н.Я.: Н. Столярова, Н. Харджиев, А. Морозов, Е. Мелетинский и И. Семенко, В. Швейцер и др. Гранки “Разговора о Данте”.
20–23.11. 1966	Поездка в Ленинград (остановилась у Д.Е. Максимова): встречи с Л.Я. Гинзбург и В.Г. Адмони.
08.12.1966	Вечер О.М. в Московском государственном педагогическом институте.
12.1966	“Мое завещание”.
10.01.1967	Подписан в печать “Разговор о Данте”.
16.01.1967	Отказ от “прошлогодней” версии книги об Ахматовой.
Конец 01.1967	В гостях у Н.Я. — Е.Э. Мандельштам, знакомит ее с воспоминаниями О. Ваксель.
01.1967	Приезд к Н.Я. Е.К. Лившиц.
01–02.1967	Выход “Литературной Грузии” (1967, № 1) с большой подборкой стихов О.М.
03.1967	В квартире Н.Я. установлен телефон (односторонний, с возможностью звонить, но не принимать звонки).
05.1967	Изъятие у Н.И. Харджиева архива О.М. и окончательный разрыв с ним.
05.1967	Выход из печати книги “Разговор о Данте”.
06–09.1967	Лето в Верее с Е.Я. Хазиным и Е.М. Фрадкиной. В доме напротив останавливаются В. и Т. Борисовы.
30.06.1967	Завещание Н.Я.: наследники — И. Семенко, А. Морозов, В. Борисов, В. Муравьев и Е. Левитин.

14.07.1967	Выступление свидетельницей на суде о наследстве А.А. Ахматовой в Ленинграде. Встречи с редактором “Библиотеки поэта” и И. Бродским.
15.07.1967	Н.Я. снова в Верее.
25–28.07.1967	Приезд в Верею Н.Е. Штемпель.
04.09.1967	Похороны И.Г. Эренбурга.
Осень 1967	Отказ от концепции книги об Ахматовой и начало работы над “Второй книгой”.
31.10.1967	На дне рождения у Н.Я.: А. Морозов, Е. Мелетинский и И. Семенко, В. Шаламов, В. Шкловская и Н. Панченко, Ю. Живова, В. и Т. Борисовы и др.
11 или 12.1967	Визит О. Карлайл, А. Миллера и И. Морат.
Конец 1967 – начало 1968	Завершение разбора архива О.М. и комментария к стихам 1930-х гг. В это же время Н.Я. приступила к работе над эссе “Моцарт и Сальери”.
02.1968	Корректурa “Библиотеки поэта” со статьей Л. Гинзбург.
09.02.1968	Письмо А.Т. Твардовского Н.Я.
04.1968	Выход публикации архивных материалов О.М. в “Вопросах литературы”.
Лето 1968	Н.Я. в Верее.
05.1969	Охлаждение между Н.Я. и В. Шаламовым.
Лето 1969	Н.Я. в Переделкино.
03.1970	В газетах “Русская мысль” (Париж) и “Новое русское слово” (Нью-Йорк) анонсы “Воспоминаний” Н.Я., выходящих в Издательстве им. А.П. Чехова (Нью-Йорк).
Весна 1970	Завершение работы над “Второй книгой”.
10.1970	Московский корреспондент итальянской газеты “Corriere della Sera” П. Сормани вывез машинопись “Второй книги” на Запад.
10–11.1970	Выход на Западе “Воспоминаний” Н.Я. на русском и английском языках. Множество рецензий и др. откликов.

12.1970	Выполняя распоряжение Н.Я., П. Сормани передал машинопись Н. Струве, которому Н.Я. делегировала все права по изданию “Второй книги” на Западе (кроме Италии), в том числе право на редактирование ее рукописи. Пытаясь перенести на Запад опыт советских Комиссий по литературному наследию, Н.Я. создала своеобразный “Комитет четырех” — орган, призванный координировать все действия по изданию и переводу ее книг на Западе, в том числе правовые и финансовые. В состав “четверки” вошли О. Андреева-Карлайл (с правом замещения Н. Резниковой), Н. Струве, К. Браун и П. Сормани.
1970-е гг.	Н.Я. переживает опыт обновленного воцерковления.
Лето 1970	Н.Я. в Любятове под Псковом у о. С. Желудкова и возле Переделкино (пос. Лукино, ул. Дачная, 5).
Лето 1971	Н.Я. на даче у о. А. Меня в Семхозе под Загорском.
07.09.1971	Н.Я. и А. Ковнер получили “Премия памяти — за выдающиеся произведения литературы, посвященные Холокосту и его последствиям”, присуждаемую Международной федерацией ассоциаций узников Берген-Бельзена.
11.1971	Слух о том, что Н.Я. собралась в эмиграцию в Израиль.
05–06.1972	Серия фрагментов из “Второй книги” публикуется в “Русской мысли” (Париж).
29.09.1972	Завещание Н.Я.: наследники — Е.К. Крандиевская, Е.С. Левитин, В.С. Муравьев, Е.Б. Мурина и Ю.Л. Фрейдин.
06–07.1972	Выход “Второй книги” на русском языке.
Лето 1972	На даче М.Л. Левина в Абрамцево.
10.1972	Выход “Второй книги” на английском языке.
10.1972	Посещение Н.Я. Эриком и Елизаветой де Мони вместе с К. и И. Хенкиными.
Конец 1972	Выход книги Е.Я. Хазина “Всё позволено. Размышления о творчестве Достоевского” (Париж, YMCA-Press), оплаченной из гонораров Н.Я.
Лето 1973	Н.Я. с братом и невесткой — в Семхозе у о. А. Меня. Знакомство с о. А. Борисовым.
Конец 12.1973	Выход сборника О.М. в “Библиотеке поэта”.
1974	Архив О.М. в двух чемоданчиках вывезен в Париж.

26.06.1974	Смерть Е.Я. Хазина.
Лето 1974	Н.Я. с братом и невесткой — в Семхозе (Парковая ул., за) у о. А. Меня.
09.1974	В г. Банф (Канада) в рамках конференции по изучению культуры стран Восточной Европы состоялся семинар, посвященный мемуарам Н.Я. (среди участников — Н. Коржавин и А.И. Дымшиц; руководители советской делегации — историки А.Л. Нарочницкий и Г.А. Куманев).
Лето 1975	С В.А. Швейцер на даче в Боровске.
Конец 05.1976	Согласно воле Н.Я., архив О.М. вывезен Э. Моссманом из Парижа в Принстон и вручен К. Брауну, передавшему его в Файерстоунскую библиотеку Принстонского университета.
Лето 1976	На даче в Кратове у о. А. Борисова (ул. Маяковского, 3). Поездка в Латвию — в пос. Каугури в Юрмале: посещение о. Тавриона.
05.1977	Обострение язвы желудка.
Лето 1977	На даче в Кратове (у о. А. Борисова).
09 и 14.10.1977	Посещение Н.Я. Эриком и Елизаветой де Мони (аудиоинтервью).
Начало 05.1978	На даче Г. Балтер (вдовы Б. Балтера) возле Малеевки.
05.05.1978	Визит Г. фон Мекк, передавшей ей от З. Шаховской платье и письмо с благословением от архиепископа о. Иоанна Шаховского.
09.05.1979	Н.Я. в Переделкине у В.Б. Шкловского.
10–12.05.1979	Визиты Г. фон Мекк, передавшей записки Н.Я. З.А. Шаховской и владыке Иоанну.
08.1979	Письмо в Принстон о музее Мандельштама.
Лето 1980	В Переделкине у Е.Б. и Е.В. Пастернаков.
29.12.1980	Смерть Н.Я. Мандельштам.
30.12.1980	Вывоз тела Н.Я. из квартиры вопреки просьбам ее близких.
02.01.1981	Похороны Н.Я.
01.1981	Показ по голландскому телевидению фильма Ф. Диаманда о Н.Я. (“И столетья обступают меня огнем...”).
02.07.1983	Обыск у Ю.Л. Фрейдина и конфискация хранящегося у него архива Н.Я.

04.10.1983	Передача конфискованного архива из прокуратуры в ЦГАЛИ (совр. РГАЛИ).
17.04.1988	Вечер памяти Н.Я. в Доме культуры Перовского района г. Москвы.
1988	Публикации отдельных глав из книг Н.Я. в “Юности” и др. журналах.
1989	Выход “Воспоминаний” в Москве (издательство “Книга”).
1990	Выход “Второй книги” в Москве (издательство “Московский рабочий”).
29.12.1998	Вечер памяти Н.Я. в РГГУ.
29.10.1999	Вечер памяти Н.Я. в ГЛМ.
31.10.1999	Презентация в ЦДЛ книг Н.Я., вышедших в издательстве “Согласие”.
29.12.2005	Вечер памяти Н.Я. в РГГУ (к 25-летию со дня ее смерти).
2007	Выход книги Н.Я. “Об Ахматовой” в “Новом издательстве”.
2008	Выход книги Н.Я. “Об Ахматовой” в издательстве “Три квадрата”.
31.10.2014	Выход в издательстве “Гонзо” (Екатеринбург) двухтомного собрания сочинений Н.Я. и вечер ее памяти в ЦДЛ (к 115-летию со дня ее рождения).

Список сокращений

АМ — архив О.Э. Мандельштама (Отдел рукописей и редких книг Файерстоунской библиотеки Принстонского университета (Принстон, США), коллекция 539).

АУлГПУ — Архив Ульяновского государственного педагогического университета имени И. Н. Ульянова, Ульяновск.

ВЛ — журнал “Вопросы литературы”, Москва.

ГАГК — Государственный архив г. Киева, Киев.

ГАПО — Государственный архив Псковской области, Псков.

МАО — Музей Анны Ахматовой в Фонтанном доме, Санкт-Петербург.

РГАЛИ — Российский государственный архив литературы и искусства, Москва.

РГУ — Российский государственный гуманитарный университет, Москва.

САГУ — Среднеазиатский государственный университет, Ташкент.

СП СССР — Союз писателей СССР.

ЦДЛ — Центральный Дом литераторов, Москва.

ЦК ВКП(б) — Центральный комитет Всесоюзной коммунистической партии (большевиков).

Список цитированных ИСТОЧНИКОВ

.....

- Герштейн* — ГЕРШТЕЙН Э. Г. *Мемуары*. СПб.: ИНАПРЕСС, 1998.
Об Ахматовой — МАНДЕЛЬШТАМ Н. *Об Ахматовой*. М.: Три квадрата, 2008.
- Собр. соч.* — МАНДЕЛЬШТАМ Н. *Воспоминания* // МАНДЕЛЬШТАМ Н. Собр. соч. в 2 т. Екатеринбург: Гонзо, 2014.
- Кузин* — КУЗИН Б. С. *Воспоминания. Произведения. Переписка. Мандельштам Н. Я. 192 письма к Б. С. Кузину*. СПб.: ИНАПРЕСС, 1999.
- Осип и Надежда* — *Осип и Надежда Мандельштамы в рассказах современников*. М.: Наталис, 2002.
- Письма Максиму* — *Письма Н. Я. Мандельштам к Д. Е. Максиму* / Публ., вступит. статья и комм. Н. Ашимбаевой // Дмитрий Евгеньевич Максимов в памяти друзей, коллег, учеников. К 100-летию со дня рождения. М.: Наука, 2007. С. 285–340.
- ПССП* — МАНДЕЛЬШТАМ О. Э. *Полное собрание сочинений и писем* / Сост. А. Г. Мец. Т. 1–3. М.: Прогресс-Плеяда, 2009–2011.
- Соп аторе* — НЕРЛЕР П. *Соп аторе. Этюды о Мандельштаме*. М.: Новое литературное обозрение, 2014.

КРАТКИЙ ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

.....

- Абушахмина А.Е. 627–628
Аввакум, протопоп 338, 559
Августин Блаженный 364
Аверинцев С.С. 367, 389, 583, 615, 627, 655
Адалис (Ефрон) А.Е. 292
Адамович Г.В. 437
Адаховская И. 258, 260, 261
Адлер 171–173
Адмони В.Г. 709
Адуев Н.А. 366, 461
Азадовский К.М. 9
Айзенберг Ч. 689
Аксёнов В.П. 506, 551
Аксёнов И.А. 377
Александр I 455, 700
Алексей св. 483
Алешковский Юз 151
Алшибая М. М. 352
Альтман Н.И. 537
Амальрик А. А. 685
Амусин И.Д. 144, 155, 163, 178, 222, 226, 315, 401
Андреев А.В. 411
Андреев В.Л. 245, 262, 411–412, 416, 425, 427, 429
Андреев Д.Л. 411
Андреев Е.М. 340
Андреев Л.И. 245–246, 250, 349, 411–412, 418, 419
Андреева (Чернова) О.В. см. Чернова-Колбасина О.В.
Андреева-Карлайл О.В. 19–20, 349, 411–435, 710–711
Андроников И.Л. 87, 452, 469
Андронов Н.И. 503
Антоний, митрополит (Сурожский) 391–392
Анненский И.Ф. 292, 412, 452, 469
Апостолова А.В. 82
Апраксина 171–174
Аракелян Г.А. 573
Аракин В.Д. 108–109
Арбенина-Гильдебрант О.Н. 495
Ардов В.Е. 417
Ардов М.В. 270
Ардовы 139, 160, 417, 708
Аренс А.Ж. 366, 553
Аренс В.М. 501
Аренс Е.М. 17, 135, 228, 376, 386, 501, 553–555, 703
Аренс Ж.Л. 553
Аренс Н. 9

- Арнольд (Арнольди) Л.В. 314
 Асеев Н.Н. 46, 158, 461, 695
 Афиани В.Ю. 194
 Ахмадулина Б.А. 162, 372, 637–640,
 645, 655–656, 658, 670
 Ахманова О.С. 108
 Ахматова А.А. 17, 22, 73, 80, 81, 85,
 87–90, 92–95, 97, 100,
 116–117, 128, 139, 141–142,
 144, 147, 148, 149, 154, 155,
 159, 160, 181, 185, 190, 191,
 196, 202, 213, 214, 220, 222,
 229, 236, 249, 253, 254, 259,
 261–262, 264, 268, 276,
 298–299, 300, 301, 306, 328,
 330, 335, 339–340, 352, 358,
 373, 377, 389–390, 392, 394,
 398, 402, 405, 407–408,
 417–418, 427, 432–433, 435,
 437–438, 449–451, 456, 458,
 462, 466, 470–472, 474–478,
 482, 484, 487, 492–493, 499,
 510, 518–519, 520, 525–526,
 533–535, 537, 538, 540, 541,
 543, 553, 566, 575, 594, 598,
 600, 622, 632, 634, 639, 663,
 680, 683–684, 687–689,
 694, 697–698, 701, 704–705,
 707–710, 713
-
- Бабаев Э.Г. 16, 89, 137, 138, 142, 144, 160,
 596, 706
 Бабаева Е.Э. 9
 Бабель И.Э. 70, 214, 472, 479, 587
 Багрицкий В.Э. 306
 Балахнева 171, 173–174
 Балтер Б.И. 161, 204, 207, 507, 629–630,
 632, 712
 Балтрушайтис Ю.К. 407–408
 Балтрушайтис Ю.Ю. 408
 Бамдас А.М. 101, 104
 Баранович М.К. 274
 Баратынский Е.А. 162, 587, 658
 Баринаова Г.В. 12
 Басманова М.П. 707
 Батозский Т. 628–629, 712
 Батюшков К.Н. 12
 Бах Иоганн-Себастьян 90, 372
- Бахтин М.М. 239, 595–596
 Беззубов В.И. 244
 Безыменский А.И. 479
 Бейнз Дженнифер 20, 547–551
 Белая Г.А. 402
 Белинков А.В. 288
 Белкин В. 9
 Бёлль Генрих. 218
 Белов В.И. 374
 Белосельская-Белозерская Л.Е.
 403–404
 Белый Андрей 12, 94, 233, 291, 298,
 466–467, 474, 664, 702
 Бенедиктов В.Г. 536
 Бергман Ингмар 508
 Бердяев Н.А. 245, 351, 378, 391, 419,
 433, 470–471, 487, 527
 Берестов В.Д. 16
 Берзер А. С. 678
 Берия Л.П. 80, 199, 703
 Берковский Н.Я. 205, 228
 Берлин Исайя 540
 Бернштейн С.И. 19–20, 91–98, 100–112,
 123, 704
 Бесси С.М. 429, 444
 Бетховен Людвиг ван 609
 Бикель М.М. 134–135, 172–173, 178, 180,
 203, 709
 Биргер А.Б. 509, 512, 514
 Биргер Б.Г. 218–219, 349–350, 381,
 490–491, 495, 502–518, 529,
 576–577, 636, 659
 Биргер М. Б. 502–507
 Биргер Н.Ю. 502–507
 Битов А.Г. 8, 20, 372, 639, 655, 681–682
 Блок А.А. 93–94, 233–234, 236, 239,
 244, 246, 248–251, 302–303,
 344, 412, 470, 475, 487, 494,
 499, 559, 652, 692–693
 Блок Г. П. 475
 Бобров С.П. 339
 Бобышев Д. В. 223, 224
 Богатырев К.П. 111, 216–217
 Богатырева С.И. 9, 91–101, 111–112, 705
 Боголюбов Е.Д. 631
 Бойчук М.Л. 700
 Больц Лотар 516
 Большинцова -Стенич Л.Д. 270, 708
 Боннэр Е.Г. 506, 581

- Бонч-Бруевич В.Д. 495
 Борисов А.И. 583, 647, 651, 659–662, 667, 671–672, 711–712
 Борисов В.М. 19–20, 215, 255, 337, 484–501, 515–516, 708–710
 Борисова И.П. 678, 708
 Борисова Т.В. 385, 484–487, 490, 492–493, 495, 501, 709–710
 Бородин С.П. *см.* Саргиджан А.
 Боткин В.П. 245–246
 Бош Е.Г. (Б.) 58
 Бош О.П. 58
 Браславская Е.Я. 59
 Браун Жаклин 9
 Браун Кларенс 9, 19, 20, 22, 302, 369, 395, 402–403, 414–415, 417, 421–423, 426, 427, 429–430, 432, 434–445, 549, 452–483, 540, 550, 559, 588, 707–709, 711–712
 Брежнев Л.И. 392, 395, 441, 601, 644, 664, 689
 Брик Л.Ю. 380, 471–472, 574
 Брик О.М. 471–472
 Бродская Л.М. 344–345, 347
 Бродский Д.Г. 47, 87
 Бродский И.А. 16, 151, 159, 163, 164, 204, 213–214, 223, 226, 254, 271, 360, 390, 396, 408, 491, 520, 528, 549, 643, 679, 687, 694, 707–708, 710
 Бруни Л.А. 377
 Брусиловская Л. 9
 Брюсов В.Я. 94, 233, 236, 437, 472–473, 497
 Булгаков М.А. 13, 56, 214, 627
 Булгакова Е.С. 404
 Булганин Н.А. 130
 Бунин И.А. 588
 Буров А.А. 165
 Бухарин Н.И. 198, 448, 450, 474, 478, 481
 Бухштаб Б.Я. 205, 706
 Быков Д.Л. 8, 682–684
 Бялосинская-Евкина Н.С. 396–397
-
- Ваксель О.А. 12, 216, 380, 482, 701, 709
 Василенко С.В. 7, 9, 164, 279, 484
 Васильев А.Н. 125, 128–130, 132–134
 Васильев П.Н. 448
 Васильев Ю.М. 626
 Васильева Е.Ю. 625–626
 Васильева Э.Н. 626
 Вахтель Майкл 9, 17, 416, 434, 436–437
 Вацуро В.Э. 399
 Вдовин К.Е. 46
 Вейсберг В.Г. 151, 218, 349, 353, 371–372, 503, 505, 506, 516, 529, 549
 Венцлова М. 520
 Венцлова Т. 20, 408–409, 518–525, 583
 Верлен П. 29
 Вермель Ю.М. 300, 314
 Вертман Ю.Д. 662
 Верхейл Кейс 9, 20, 518, 525–547
 Вигдорова Ф.А. 204–205, 207, 212, 224, 697, 707–708
 Виленкин В.Я. 154, 640
 Виноградов В.В. 492
 Винокуров Е.М. 159, 161
 Витковский Е.В. 254
 Витя (подруга Н.Я.) 63
 Вишневецкая С.К. 49–50, 366
 Вишневский В.В. 49–50, 366
 Водопьянова З.К. 194
 Вознесенский А. А. 149, 214, 238, 657
 Войнович В.Н. 226, 506
 Войтоловская А.Л. 59
 Войтоловская Э.Л. 59
 Войтоловский Л.Н. 59
 Волошин М.А. 94, 296, 398, 451, 476, 538, 555, 688
 Вольпе Ц. С. 573
 Вольперт Л.И. 231–232
 Воронков К.В. 150
 Врангель П.Н. 461, 465
 Выготский Л.С. 263, 327, 475
 Высоцкий В.С. 393, 646
-
- Габбе Т.Г. 683
 Габричевская Н.А. *см.* Северцова Н.А.
 Габричевский А.Г. 400–401
 Гайденко П.П. 351
 Галич А.А. 98, 664
 Гамбарян С.П. 314
 Гаршин В.Г. 117
 Гаспаров М.Л. 620

- Гедройц В.И. 70, 701
 Гей Н.К. 197, 198
 Гейне Генрих 607
 Геллхорн Марта 387–388
 Гельфанд З.Я. 513, 626, 645, 658, 665
 Гельфанд И.М. 513, 626, 658–659
 Гельштейн В.И. 626, 635, 642
 Гельштейн Г.Г. 626, 635, 642, 650, 657–659, 665, 669
 Герман Ю.П. 335
 Герцен А.И. 154, 211, 696
 Герцык А. К. 678
 Герцык Е. К. 678
 Герчиков И.Л. 68
 Гершензон М.О. 383
 Герштейн Э.Г. 16, 19, 78, 80, 81, 84–90, 92–93, 120, 126, 139–142, 194, 195, 218–219, 270, 271, 361, 365, 487, 510, 608, 655, 687, 690–691, 697, 704, 708
 Гёте Иоганн Вольфганг 314, 317, 607
 Гефтер В.М. 214, 336–338, 340, 342
 Гинзбург Е. С. 213, 664
 Гинзбург Л.Я. 17, 19, 236, 361, 383, 575, 684, 706–707, 709–710
 Гладков А.К. 17, 19, 296, 298, 307, 336–337, 342, 442, 582, 706–709
 Глазунова Л.Н. 16, 142, 706
 Глен Н.Н. 223, 253, 254, 264, 266, 267, 270, 707
 Глинка Г.А. 611
 Глинка И.Г. 611–618
 Глинка-Волжский А.С. 611
 Глускина С.М. 154, 155, 158, 220, 222, 223, 224, 225, 226, 228, 229, 230, 315–316, 320, 323, 325, 327, 331–332, 694
 Глухов И.К. 169, 175, 177–178
 Гоголь Н.В. 162, 535, 561, 579, 609
 Голенко 172–173, 178
 Голомшток И.Н. 504
 Голицына В.Н. 222
 Голышев В.П. 207
 Голышев П.И. 207
 Голышева Е.М. 202, 207, 211, 270
 Голышевы *см.* Оттенны
 Горбаневская Н.Е. 223, 253, 406, 485, 611
 Гордин В.Л. 46
 Гордон Д.С. 184
 Гордон 443
 Горлин А.Н. 475, 478
 Горнунг Б.В. 46, 109
 Горнфельд А.Г. 460
 Горький М. 198, 233, 412, 416, 419, 449, 459, 474
 Григорий Просветитель 572
 Григорьев А.А. 251, 493
 Григорьян Л.Г. 20, 550–556, 568, 708
 Грин А.С. 449
 Грин Н.Н. 16, 45, 449
 Гринштейн О. 60
 Гуковский Г.А. 247
 Гумилев Л.Н. 90, 116, 120, 126, 377, 418
 Гумилев Н.С. 94, 117, 233, 236, 339, 418, 437, 451, 470–472, 475–477, 482, 499–500
 Гурвич А.Г. 467
 Гурвич Э.С. 78–79, 129, 448
 Гурьев В.В. 294
 Гурьева Е.И. 246
 Гурьяшкин Л.Н. 171, 173–174
 Гусев С.И. 198, 478–479
 Гутенберг И. 215, 338
 Гыдов В.Н. 669, 671
-
- Дадашидзе И.Ю. 637–638, 681
 Данилин Ю.И. 46
 Данилова 188
 Даниэль (Уварова) И.П. 506
 Даниэль Ю.М. 395, 406, 442, 506, 611, 663–664, 694
 Данте 12, 22, 192, 299, 307, 310, 331, 369, 421, 448–449, 454, 465, 492, 523, 553, 709
 Дейч А.И. 63–64
 Демарчик Э. 405–406
 Деникин А.И. 461
 Денисов Э.В. 381
 Державин Г.Р. 12
 Джойс Джеймс 244, 663
 Диаманд Ф. 545, 546, 655, 712
 Дмитриев Л.А. 316
 Дмитриева-Айнгорн М.Э. 164, 203
 Дмитриева-Маймина Е. Е. 9, 315–323, 325–328, 332, 343

Долгопят Е.О. 200
 Долина Н.Г. 247
 Долматовский Е.А. 159, 176, 212
 Домбровский Ю.О. 324, 551
 Домбровский Я. 581
 Домогацкий В.В. 503
 Достоевский Ф.М. 158, 214, 250, 263, 291,
 365, 387, 493, 510, 535, 711
 Дравич А. 403–404
 Дравич (Гдалевич) В.Я. 403
 Дрейфус А. 459
 Дроздова Т.Г. 319–320
 Дубин Б.В. 253
 Дубнова-Эрлих С.С. 425
 Дубшан Л.С. 205
 Дувакин В.Д. 95
 Дудко Д., отец 390
 Дукень Жаклин 434
 Дунаевский А. 9
 Дымшиц А.И. 383, 712
 Дюкова М. Г. 222, 316, 320, 327–332

Евлампове К.Е. 188, 189
 Евтушенко Е.А. 214, 638, 657, 680
 Егоров Б.Ф. 155, 245, 246, 493
 Егоршина Н.А. 503
 Ежов Н.И. 72, 479
 Елагина Е.Н. 273
 Елисеев Г.Г. 472
 Ермилов В.В. 461
 Ерофеев В.В. 387, 667
 Есенин С.А. 94, 214, 291, 393, 634, 691
 Есипов В.М. 629–635
 Ефим *см.* Либерман Е.А.
 Ефимов В.П. 182
 Ефремова А.Г. 509
 Ефремова Л.А. 505, 507–509, 513, 515

Жаботинский В.Е. 591
 Жданов А.А. 91, 112, 176
 Жекулин Н.С. 43, 58
 Жекулина А.В. 57–60, 700
 Желудков С.А. 223, 224, 319–320, 390,
 517, 574, 616, 698, 711
 Живов В.М. 254–255, 261, 484–485,
 708
 Живов М.С. 254, 256

Живова Ю.М. 19, 223, 253–272, 274,
 275, 484, 707–708, 710
 Жирмунский В.М. 99, 108, 109, 116–117,
 120, 123–125, 236, 510
 Жолковский А.К. 611, 619–620
 Журавская С.А. 704

Заболоцкий Н.А. 207, 212
 Загоровский П.Л. 292, 499
 Загянская Г.А. 315
 Замятин Е.И. 435, 474
 Заславский Д.И. 459–460, 462
 Захарова Е.Ю. 9, 662–669
 Звегинцев В.А. 99–100, 103, 106, 108
 Зенкевич М.А. 378
 Зеньковский В.В. 497
 Зиник З. 343
 Зиомир Д. 555
 Зоценко М.М. 97, 242–243, 475, 627

Иванов В.В. 158, 223, 236, 281, 297,
 306, 310, 339, 349, 408, 470,
 535, 688, 707
 Иванов Г.В. 361, 433, 437, 630
 Иванов Е.П. 248–249
 Иванов М.В. 503
 Иванов П.И. 228, 230, 295
 Иванова Е.Л. 220, 396
 Иванова И.Г. 220
 Иваск Г. 688
 Ивинская О.В. 111
 Ивич-Бернштейн И.И. 92, 95, 97–98,
 101–102, 104, 106, 110–111,
 218, 704
 Изаков Б.Р. 207
 Ильф И.А. 219, 601
 Инграм Сюзан 689
 Иоанн Павел II 49, 404
 Ионов И.И. 459–461
 Исаков С.Г. 245
 Исакович И.В. 271, 501
 Искандер Ф.А. 506, 551, 649, 684

Йоделене Д.В. 409

- Каблуков С.П. 293, 307–308, 447,
 463–464
 Каверин В.А. 360, 402, 509, 598, 679, 687
 Каверин Н.В. 679
 Каганская М.Л. 583, 585–611
 Казакевич Э.Г. 254
 Казаков Ю.П. 208, 289
 Калецкий П.И. 481
 Кальницкий М.Б. 9, 55–70
 Каменев Л.Б. 298
 Каминская А.Г. 708
 Камю Альбер 351, 551
 Канатчиков С.И. 460–461
 Канель, семья 93
 Карамзин В.М. 166
 Карамзин Н.М. 166
 Карельская А. 9, 484
 Карлайл Г.К. 411–412, 423, 425, 426,
 427, 428, 429, 430–431
 Карлайл М. 411, 423, 425–426,
 429, 430–431
 Карлайл О.В. *см.* Андреева-Карлайл
 О.В.
 Карташев А.В. 285
 Картье-Брессон Анри 417
 Катаев В.П. 130, 374, 553, 588
 Катаева Э.Д. 553
 Кацис Л.Ф. 9
 Качурин М.Г. 316
 Кеннеди Дж. 698
 Киктев 184
 Ким Н. 416
 Ким Ю.Ч. 611
 Кинд В.А. 272
 Кинд Н.В. 9, 253, 262–263, 264, 272–
 279, 376, 396–397, 409, 544,
 545, 648, 651, 665, 672
 Киреевский И.В. 251
 Кистеновы 56
 Кистяковская Е.Ю. 58
 Кистяковский А.Ф. 58
 Кистяковский Ю.А. 58
 Классен М. 9, 507, 580
 Клымнюк Д.Е. 183
 Клычков С.А. 46, 448
 Кобликов В.В. 204
 Ковалев И.В. 224, 227, 315–316
 Ковалев С.А. 408
 Коваленко Г.Ф. 61
 Коваленков А.А. 691
 Ковнер Абба 711
 Кожевников В.М. 691
 Козинцев Г.М. 379
 Козинцева Л.М. *см.* Эренбург Л.М.
 Козлова К.И. 178, 634
 Козырев А.В. 168
 Колбасьев С.А. 297–298
 Колесникова А. 518–519
 Колотилова С.И. 225
 Кольчев О.Я. 47
 Кольцов А.В. 518
 Копелев Л.З. 211, 263, 274
 Копелянский А.О. 455
 Корди Н.Г. 119–120, 122, 124–125, 127,
 132, 135–136, 141–144, 146,
 157, 163
 Коржавин Н.М. 161, 630, 712
 Корнилов В.Н. 153, 207, 659
 Коробова Э.Б. 707
 Короткова А.П. 16, 45
 Костаки Г.Д. 378
 Костарев Н.К. 81
 Костырев *см.* Костарев Н.К.
 Костючук Л.Я. 220, 222, 224–225, 228,
 316, 330
 Котрелев Н.В. 365
 Кочетов В.А. 150, 695
 Кочур Г.П. 20
 Крайнева Н.И. 17
 Крандиевская Е.К. 385, 711
 Крейнгольд И. 408
 Кремков С.М. 297–298
 Кремнева 171–173
 Кривошеин И.А. 378
 Кривошеин Н.И. 378, 577–579, 582
 Кривошеина Н.А. 222, 378, 578, 692
 Криксунов П. 583, 585–591, 607–608
 Крымов Ю.С. 207
 Кубатьян Г.И. 550, 568–583
 Кублановский Ю.М. 637
 Кузин Б.С. 13, 14, 16, 17, 18, 74–76, 78,
 80, 81–83, 89–90, 98, 100,
 116–117, 299–300, 302, 304,
 313, 315, 448–449, 464, 480,
 702–703
 Кузмин М.А. 94, 237, 301, 302,
 303, 304, 495, 499, 702

- Кузнецов П.В. 326, 352–353
 Кульженко С.В. 56
 Куняев С.Ю. 151–152
 Курбас Л. 69
 Курбатова Л.М. 222
 Кучинскас П. 520
-
- Лавут П.И. 449
 Лазарев Л.И. 399, 512, 659
 Лазарева Е. Л. 396, 399
 Ламарк Жан Батист 314, 337, 467
 Ландсберг Л.Э. 554–555
 Лапин Б.Ф. 449
 Лаппа Т. Н. 56
 Ларин Б.А. 316
 Ласкин А.С. 9
 Ласкин С.М. 209, 210
 Ласкина Е.С. 208, 209, 210,
 Лашкова В.И. 381, 406, 648–652, 654,
 657, 665, 667, 670
 Лебедев-Полянский П.Н. 46
 Лебедева С.Д. 281
 Лев Н.Ю. 507
 Левидов М.Ю. 211
 Левин Г.Ю. 611–613, 618
 Левин М.Л. 19, 350, 516, 656–659,
 711
 Левин П.М. 657, 658
 Левин Ю.И. 369, 549, 611, 614–616
 Левина Т.М. 656–658
 Левитан И. И. 503
 Левитин Е.С. 287, 300, 367–368, 387,
 399, 486, 657, 665, 709, 711
 Лежнев И.Г. 473
 Лекманов О.А. 42
 Ленин В.И. 198, 316, 378, 416, 448, 474,
 493, 583, 699
 Леонов Н.Д. 450
 Леонов 455–456
 Леонова 327
 Леонтович А.М. 658
 Леонтович Л.А. 658
 Леонтьев К. Н. 351
 Лермонтов М.Ю. 247, 347, 587, 695
 Лесков Н.С. 244
 Либерман Е.А. 119–121, 124–125, 128,
 134, 138, 142–146
 Либеров Р.А. 9
- Лившиц Б.К. 69, 77, 94, 116, 303, 377,
 456, 475, 701
 Лившиц Е.К. 17, 77, 116, 377, 456, 709
 Лившиц К.Б. 78, 456
 Лидин В.Г. 461
 Линней Карл 314
 Липкин С.И. 270, 658
 Лиснянская И.Л. 658
 Литвинов В. Б. 9, 411, 415, 434, 547
 Лихтенгуль А.Я. 188
 Лозинский М.Л. 520
 Лотман М.Ю. 233–240
 Лотман Ю.М. 18, 233–234, 237, 239,
 240, 242, 245, 249, 251–252,
 316, 325, 707
 Лоуэлл Р. 17, 414, 416–417, 421, 423, 426,
 483
 Луговской В.А. 94
 Лукаускайте О. 520
 Лукницкий П.Н. 15
 Луконин М.А. 150
 Лукьянчиков С. 498
 Луначарский А.В. 455
 Луппол И.К. 46, 47
 Любимов А.Б. 10
 Любичев А.А. 17, 18, 144, 178, 222, 378,
 578
-
- Магазинер А.Г. 16
 Мазерель Ф. 554
 Мазовецкий Т. 404
 Маймин Е.А. 155, 162, 163, 222, 231,
 315–316, 318–319, 322–323,
 325–328, 330–332, 343, 483
 Маймины 19, 222, 223, 327–329, 331,
 708
 Макашин С.А. 211
 Македонов А.В. 17, 18, 196, 201, 227,
 230, 290, 538, 707
 Маккавейский В.Н. 43, 68, 283, 437,
 473
 Маковская Е.И. 172–173
 Макогоненко Г.П. 243
 Максимов В.Е. 159, 207
 Максимов Д.Е. 17, 239, 240, 248, 250,
 252, 330, 525, 547, 695, 709
 Максимыч 322
 Малевич К. С. 383

- Маленкович И.З. 258, 260, 261
 Малларме С. 47, 439
 Маллон Мэри 442
 Мальцев А.В. 182
 Мандельштам А.Э. 44, 51, 65, 78–79,
 281, 447–448, 455, 497, 701
 Мандельштам Е.Э. 82, 311, 456, 477, 709
 Мандельштам М.-Э.Х. 56–57
 Мандельштам Н.Я. 7–23, 39, 41–51, 53,
 55–93, 96–110, 112–272,
 315–324, 332, 335–337, 340,
 342–393, 394–424, 426–427,
 432–438, 440–550, 552–555,
 557–580, 582–604, 606–609,
 611–619, 621–673, 675,
 677–713
 Мандельштам О.Э. 7–16, 18–23, 39,
 41–51, 53, 55, 57–59, 64–76,
 78–86, 92–101, 110–117,
 125, 130–131, 135, 168, 181,
 198–200, 223, 230, 240–241,
 280, 281, 283, 289–292, 295,
 299, 312, 321, 327, 331–344,
 349, 352–353, 355–356,
 358–370, 373–376, 378–380,
 382–384, 386, 388–390,
 392–396, 401–403, 405–413,
 415–419, 427, 433, 435–440,
 445–484, 486–490, 492,
 494–501, 504–509, 511, 513,
 518–519, 521–522, 525–526,
 529–530, 532, 534–536, 538,
 542, 544, 546, 549–555, 559,
 566, 568–575, 577, 586–593,
 598–601, 603–605, 607–609,
 613, 619–620, 623–626,
 628–639, 641, 644–648, 655,
 659, 664–665, 668–669,
 671–673, 677–684, 687–693,
 695–699, 701–712
 Мандельштам Э.В. 16, 73, 447, 492, 703
 Мар С. (С.Г. Чалхушьян) 377
 Маргвелашвили Г.Г. 571, 638
 Маргерит Виктор 46
 Марджанишвили К. см. Марджанов К. А.
 Марджанов К. А. 62, 63
 Мариенгоф А.Б. 94
 Маркиш Д.П. 584–585
 Маркиш П.Д. 584
 Маркиш С.П. 140, 149, 223, 294–295,
 302, 307, 309, 390, 584, 662–
 663, 707
 Маркс К. 316
 Мартынов Л.Н. 630
 Марченко И.А. 48, 49, 463
 Маршак С.Я. 130–131, 159, 243, 360
 Матвеев А.Т. 352
 Мацкин М.С. 181
 Мацкина Р.Ю. 181
 Мачерет Е. 85
 Маяковский В.В. 94, 207, 214, 233, 281,
 374, 383, 405, 471–472, 479,
 587–588, 594
 Межиров А.П. 657
 Мейерхольд В.Э. 214
 Меир Г. 486
 Мекк фон Г. 712
 Мелетинский Е.М. 369, 490, 707,
 709–710
 Мельгунов С.П. 66
 Мельникова Т.П. 9, 200, 202
 Менухин И. 373
 Мень А.В. 20, 224, 354, 362, 386, 390,
 406, 583, 594–596, 615–616,
 627, 635, 639, 647, 651, 657–
 658, 660–662, 665–668, 671,
 699, 711–712
 Мень Е.А. 660
 Мень М.А. 660
 Мень Н.Ф. 660
 Мень П.В. 9
 Мервин У.С. 414, 426, 435
 Мережковский Д.С. 233–234, 250
 Меркулов В.Л. 74
 Мессерер Б.А. 636–641, 655, 656, 659
 Мец А.Г. 14, 17, 43
 Мизинов Н.П. 41
 Микоян А.И. 388
 Микоян С.А. 388
 Миллер Артур 17, 207, 385, 413, 417, 419,
 431, 538, 710
 Милованова 171–174
 Милютина Т.П. 235
 Миндлин Э.Л. 18, 290, 446, 451, 537,
 538
 Минц Э.Г. 18, 233, 234, 235, 240–252, 707
 Минц И.Б. 204
 Мирова Н.Я. 399, 512

- Миронов Б.Г. 184
 Миронова А.В. 9, 253
 Митурич-Хлебников М.П. 383
 Михайлова И. 525
 Михалков С.В. 657
 Михеев М.Ю. 9
 Михозлс С.М. 214, 285, 308
 Мкртчян Л.М. 20
 Модзалевский Б.Л. 494
 Модильяни Амедео 575
 Молотов В.М. 16, 198
 Молчанов В.Е. 498
 Мони, Елизавета де 583, 711–712
 Мони, Эрик де 699, 711–712
 Морат Инге 17, 413, 417, 419, 426, 431, 710
 Мордовин К.А. 503
 Моркус П. 518
 Морозов А.А. 19, 279–315, 369, 384, 447, 486, 488–491, 510, 518, 521, 522, 665–666, 707, 709–710
 Морозов Н.А. 282
 Мосман Эллиот 436, 445, 712
 Моцарт Вольфганг-Амадей 354, 359, 372, 609, 710
 Мочульский К. В. 250
 Мравьян А.А. 479
 Муравьев В.С. 519, 709, 711
 Мурашко А.А. 167, 700
 Мурин Л.Н. 657
 Мурина Е.Б. 348–393, 400, 409, 657, 711
-
- Набоков В.В. 385, 401, 403, 414, 435, 600
 Найман А.Г. 223, 239, 270, 687, 688, 707–708
 Найман Н.Я. 708
 Наполеон I Бонапарт 309, 590
 Нарбут В.И. 339, 378, 459–460, 472, 474, 477–478
 Нарочницкий А.Л. 712
 Нарышкина 204
 Наумов А.В. 9
 Недобожин-Жаров 71
 Неклюдова О.С. 343–347
 Некрасов Н.А. 12, 104, 213, 291
 Нелидова Е.А. 580–581
 Нельдихен С.Е. 477
- Немировский А.И. 375, 496, 498, 519, 524
 Нерлер П.М. 7–22, 71–85, 164, 181, 184, 190, 194, 200, 220, 221, 222, 233, 253, 279, 315, 332–343, 411–416, 434–438, 507, 522, 547, 550–552, 580–583, 669, 700–713
 Нечипорук Д.М. 8, 9, 20, 181, 220, 315, 684–699
 Нешумова Т.Ф. 9
 Николай II 58, 60, 700
 Никольский Н.М. 173–174
 Никонов М.Ф. 503
 Никонов П.Ф. 503
 Нильссон Нильс Оке 619
 Новацкая Т.С. 128
 Новиков Н.И. 243
-
- Оболенский Д.Д. 547
 Одоевцева И.В. 361, 433
 Ожегов С.И. 106
 Окуджава Б.Ш. 162, 207, 507, 551, 630
 Оленева С.А. 246
 Ольшевская Н.А. 138, 270
 Оницканская (Деева) И.М. 227
 Орлов В.Н. 93, 127, 286, 493
 Орлова Р.Д. 19, 211
 Оруэлл Д. 537
 Осмеркин А.А. 90
 Осмеркина Е.К. 81, 86–87, 90
 Острая Л.И. 183
 Оттен Н.Д. 141, 145, 148, 150, 202, 203, 204, 207, 211
 Оттены 146, 148, 152–153, 161, 202–204, 206–207, 218, 268, 324, 706, 708
 Оцуп Н.А. 477
-
- Павлова 185
 Павлович Н.А. 248, 249
 Палиевский П.В. 161
 Панченко Н.В. 113, 140–141, 145, 146, 148, 152, 154, 155, 156, 157–158, 162, 163, 204, 208, 342, 370, 391, 396, 403, 409, 512, 616, 657–658, 665, 668, 707, 709–710

- Паня см. Пастухов П.Г.
 Паперный З.С. 129, 680
 Пепета С.П. 61
 Парнах В.Я. 297
 Парнис А.Е. 379
 Пастернак Б.Е. 370, 656
 Пастернак Б.Л. 13, 17, 46, 50, 111, 191,
 197–198, 226, 236, 276, 280,
 291, 292, 295, 339, 351–352,
 370, 412, 416–418, 445,
 449–451, 474, 507, 540, 566,
 576, 587, 666, 677, 682
 Пастернак Е.Б. 370, 400, 611, 622,
 665–666, 712
 Пастернак Е.В. 370, 400, 665, 712
 Пастернак Е.Е. 370, 400
 Пастернак Е.Л. 621–624
 Пастернак П.Е. 370
 Пастухов П.Г. 42
 Паустовский К.Г. 66, 202, 204, 206, 208,
 211, 232
 Пеги Шарль 419
 Первушина 172
 Перельмутер В.Г. 9, 200
 Петников Г. Н. 64
 Петрарка Франческо 47, 151, 286, 291
 Петрицкий А.Г. 61
 Петров Е.П. 219
 Петровичев П.И. 503
 Петровский М. С. 64
 Петровых М.С. 12, 96, 219, 270, 633, 663
 Петрухин В.И. 659
 Пешкова Е.П. 416
 Пивер Ричард 688
 Пигилова 171, 174
 Пикассо Пабло. 61, 377, 419
 Пинский Л.Е. 211
 Пинхасов Г. 9, 10, 639
 Плавинская Ж. 644–645
 Плавинский Д.П. 644
 Плат Сильвия 421
 Платонов А.П. 153, 214, 326, 396, 518, 627
 Плисецкий Г.Б. 663
 Поболь Н.Л. 204
 Поджиоли Р. 434
 Поливанов М.К. 257, 263, 266, 268, 298,
 381, 485, 659
 Поливанова А.А. 257
 Поливанова М.М. 485
 Поликарпов Д.А. 197
 Полонская Е.Г. 242–243
 Поляков В.И. 349–350
 Поплавский Б. Ю. 370
 Попов А.В. 108
 Попов В., отец 320
 Попова Е.Е. 12, 216, 389, 407
 Попова О.С. 280
 Поповы 59
 Порфиренко Н. 416
 Поспелов Н.С. 107
 Потебня А.А. 102, 108, 246, 525
 Правдин А.Б. 246
 Прибыльская Е.И. 205
 Прокуменщикова М.Ю. 194
 Прокопенко А.П. 42
 Прокофьев О.С. 373
 Проффер Карл 211, 217, 404, 549
 Проффер Элендея 217, 549
 Птушкина Т.С. 647
 Пук 71
 Пунин Н.Н. 373, 377, 476, 510
 Пунина И.Н. 510, 708
 Пушкарская Н.И. 140, 704, 707
 Пушкин А.С. 86, 163, 213–215, 239, 243,
 247, 281, 287–288, 314, 317,
 398–399, 407, 447, 463, 492,
 494, 520, 536, 562, 579, 594,
 635, 656
 Пшибыльский Рышард 256, 440
 Пяст В. А. 94
-
- Рабинович Г.С. 42
 Рабинович И.М. 44, 61, 62, 144, 379
 Рабле Франсуа 593
 Радлов С.Э. 477
 Радлова А.Д. 477–478
 Раевская-Хьюз О.П. 688
 Райс Эммануил 395
 Райт Том 445
 Райт-Ковалева Р. Я. 235
 Раневская Ф.Г. 640
 Рассадин А. П. 164–181
 Рассадин С.Б. 571
 Рашковский Е. Б. 627–629
 Реве Карел ван хет 444
 Редько К.Н. 378–379
 Резникова Н.В. 414, 711

- Рейснер Л.М. 297
 Рейснер Е.А. 297
 Рейснер И.М. 298
 Рейфман П.С. 244
 Рембрандт Харменс ван Рейн 12, 454, 599
 Ремизов А.М. 398, 414
 Рерих Н.К. 317
 Рильке Р.М. 439, 609
 Римский-Корсаков Н.А. 102
 Рипеллино А.М. 260
 Робей Джудит 689
 Рожанская Н.В. *см.* Кинд Н.В.
 Рожанская Н.И. 272, 276
 Рожанский И.Д. 154, 253, 254, 262–265, 267, 273, 274, 275, 276, 277, 300, 306, 544
 Рожанский Ф.И. 9, 253, 254, 255, 269, 270, 271, 274, 275
 Рождественский В.А. 304, 477, 630
 Розанова М.В. 395, 397–398, 442
 Ромен Жюль 42
 Ростропович М.Л. 388
 Ротар А.В. 102, 104, 106, 108
 Рубанович 578
 Рубинчик О.Е. 253–256
 Рублев Андрей 287
 Рудаков С.Б. 71, 81, 84, 88–90, 116, 481–482, 500
 Рудакова-Финкельштейн Л.С. 89–90, 116, 481
 Руднев П.А. 236
 Румнев А.А. 149, 328
 Румшиский Б. 620
 Рыбаков М.О. 64
-
- Савич О.Г. 495
 Сажин В.Н. 366
 Салтыков-Щедрин Н.Е. 211, 366
 Самойлов Д.С. 207, 254, 611, 630
 Санников Г.А. 298
 Сарабьянов А.Д. 189–190
 Сарабьянов В.Д. 400
 Сарабьянов Д.В. 516
 Саргиджан А. 451, 494
 Сарнов Б.М. 161, 506
 Сартр Жан Поль 351, 699
 Сахаров А.Д. 408, 416, 506, 520, 581
 Светлова Е.Ф. 485, 487, 490
 Светлова Н. Д. 380, 485, 487
 Светловидов Н.А. 62
 Свешникова 171–173
 Северцов А.Н. 400
 Северцов Н.А. 400
 Северцова Н.А. 400–401
 Северянин И. В. 536
 Сегал Д.М. 619
 Сейфуллина Л.Н. 493
 Селина М.В. 182
 Сельвинский И.Л. 94, 213
 Семенко И.М. 368, 486, 488–491, 502, 549, 599, 707, 709–710
 Семенко М.В. 368
 Семенов С.А. 302–303
 Семенова Н.Г. 302–303
 Семин В. Н. 551, 553
 Сергеев А.Я. 395, 402–403, 408–409
 Сергеев М.А. 234–235
 Сергеева А.А. 399–400, 643–644
 Сергеева Л.Г. 9, 394–410, 642–648, 665, 667
 Сергиевская 173
 Сечкарев В.М. 434, 439
 Сиверс Эдвард 94
 Сидоров Е.Ю. 658
 Сидур В.А. 616
 Сильвестров В.В. 10
 Симонов А.К. 19, 206–211
 Симонов К.М. 159, 203, 209
 Синявская М.В. *см.* Розанова М.В.
 Синявский А.Д. 288, 395, 397–399, 406, 442, 504, 655, 663, 694
 Синявский Е.А. 395
 Сиротинская И.П. 687
 Скачкова Е.К. *см.* Лившиц Е.К.
 Скворода Г.С. 497
 Скрябин А.Н. 447, 464
 Слесарева В.Г. 272
 Слоним И. 611
 Слонимский А.Л. 457
 Слуцкий Б.А. 151, 159, 162, 207, 254
 Смирницкий А.И. 105, 108
 Смирнов А.А. 42
 Смирнов С.В. 630
 Смоляницкая С.И. 408–409, 520, 573, 627, 628, 631–632, 634, 635–636
 Сморунова Е.В. 112, 665

- Солженицын А.И. 111, 211, 224, 226,
230, 321, 337, 371, 380, 382,
388, 411, 417, 420, 424, 425,
487, 520, 568, 572, 576, 637,
688, 695, 707
- Соловьев В.С. 18, 238, 239, 244, 250,
698
- Соловьев С.М. 9, 343–344
- Сологуб Ф.К. 94, 295
- Сормани 414–415, 423–424, 426–429,
435, 444, 710–711
- Сосинский В.Б. 422
- Соснин Н.Н. 62
- Спиноза Бенедикт 146, 169
- Сталин И.В. 13, 21, 78, 91–92, 111, 151,
169, 174, 177, 180, 225, 254,
341, 352, 358, 378, 389, 394,
407–408, 440, 450, 480–481,
519–520, 583, 587, 609, 634,
689–690, 694, 706
- Старовойтенко П., отец 60
- Старцев В.С. 169–171, 173–174, 179–180
- Стенич В.М. 335
- Степанов Н.Л. 214–215, 342
- Степина П.Ф. 202, 203, 205, 208,
209, 266, 420, 706, 708
- Стоичев С.А. 463
- Столярова Н.И. 144, 357, 370–371, 380,
396, 399, 409, 415, 420, 431,
442, 485, 579–580, 649–650,
652–655, 657, 665, 709
- Стравинский И.Ф. 372–373
- Страховский Л.И. 437
- Струве Г.П. 363, 395, 412, 437–439, 548,
688
- Струве Н.А. 369, 398, 415, 426, 427,
429, 432, 435–436, 445, 534,
538–539, 541, 578, 580, 583,
655, 711
- Суперфин Г.Г. 9, 164, 181, 194, 233, 279,
311, 315, 326, 484, 507, 580
- Сурков А.А. 17, 119, 129–131, 185, 191,
196–197, 201, 270, 691
- Сутырин В.А. 461
- Тарановский К.Ф. 237–238, 534
- Тарковский А.А. 214, 254, 270, 342, 554
- Татищев С.Н. 583
- Татищева В. (А.-М. Борель) 583
- Татлин В.Е. 380, 701
- Твардовский А.Т. 686, 710
- Творогов Л.А. 317
- Тендряков В.Ф. 279–280
- Тенюкова Г.Г. 184
- Терновский Е.С. 522
- Терц Абрам *см.* Синявский А.Д.
- Тименчик Р.Д. 15, 45, 233, 486, 677
- Тихонов Н.С. 159, 243, 297, 473, 480,
498, 695
- Толстая Е. Д. 612
- Толстой А.Н. 494, 575, 600
- Толстой Л.Н. 214, 473
- Томашевский Н.Б. 316
- Травников П.Ф. 71
- Травникова Т.В. 71
- Трауберг Н.Л. 518, 521–523
- Третьяков С.М. 94
- Троупин Пэгги 20, 557–568
- Троцкий Л.Д. 378
- Тумялис В. 409
- Тумялис Ю. 407, 409
- Туркина 174, 178
- Тынянов Ю.Н. 116, 245, 291, 360, 679
- Тышлер А.Г. 61, 418
- Тэрмонд Стрэм 439
- Тюкавкина Э.П. 118, 120–122, 183
- Тютиков Ю.Н. 188
- Тютчев Ф.И. 162, 213, 334, 587
- Тюфяков П.А. 176–177, 179
- Укше С.А. 298
- Улина З.К. 130
- Ульянова М.И. 448
- Усов Д.С. 301, 492
- Усова А.Г. 17, 99, 103, 105
- Устинова 172–173
- Уэллс Герберт 497
- Фаворский В.А. 325, 348, 352, 454
- Фадеев А.А. 494
- Файнберг Д.Л. 9
- Файнгольд Н. 486–487, 491

- Файнгольд Ю. 487, 491
 Фальк Р.Р. 19, 189–193, 225, 657
 Федин К.А. 130
 Федоров Н.Ф. 351
 Фёдорова М.А. 704
 Федорченко С.З. 284–285
 Фет А.А. 192, 475, 493
 Фигурнова М. В. 7, 255
 Фигурнова О.С. 7, 253, 254–255
 Филиппов Б.А. 363, 412, 437–439, 541, 548
 Финкельштейн Э. 408, 520
 Фисенко К.И. 319, 321–323, 326, 328, 331–332
 Фисенко Т.С. 119, 123–124, 222, 315–318, 320–332, 343
 Фишер В.Г. 581
 Флейшман Л.С. 619
 Флеминг Й. 492
 Флоренский П.А. 233, 698
 Фомина Н.П. 222
 Фолкнер Уильям. 663
 Фрадкина Е.М. 78–80, 85–86, 89–90, 118, 123, 144, 146, 189, 263, 266, 277, 331, 349, 354, 365–367, 372–373, 377, 386, 442, 477, 485–487, 492, 501, 504, 508, 510–513, 515–516, 533, 646, 657, 660, 708–709, 711–712
 Франк С.Л. 351, 527
 Фрезинский Б.Я. 60
 Фрейденберг О.М. 233, 445
 Фрейдин Ю.Л. 7, 9, 112–117, 253, 255, 336, 355, 366, 369, 392–393, 396, 409, 485–487, 549, 617–619, 642–643, 646–647, 649, 653–654, 655, 657, 665, 669–670, 672–673, 688, 711–712
 Фрейдкин М. И. 668
 Фридман К.Ш. 503
 Фрост Роберт 161, 403
 Фрумкина-Морозова Ю.Н. 9, 279, 282, 284, 287, 293, 299, 300, 305, 306, 308, 309, 312–313
 Фэвр-Дюпэгр Анн 416
 Хабардин Ю.И. 273
 Хазин А.Я. 701
 Хазин Е.Я. 45, 49, 73–74, 78–81, 85, 88–90, 107, 110, 118–119, 122–123, 127–129, 132, 134, 136, 140–141, 144, 216, 245, 253, 264, 283, 293, 294, 295, 299, 322–332, 349, 354–355, 365–366, 372–374, 393, 400–401, 422, 442, 450, 456, 477, 485, 487, 491–492, 494–498, 501–502, 504, 508, 510, 513, 515–516, 521, 533, 538, 549, 552, 646, 654, 657, 704, 706, 708–709, 711, 712
 Хазин Я.А. 55–59, 68–70, 400, 405, 458, 461, 593, 657, 700–701
 Хазина А.Я. 73, 401, 703
 Хазина В.Я. 13, 68–70, 81, 113, 401, 461, 593, 657, 700–701, 703–704
 Хазина Н.Я. см. Мандельштам Н.Я.
 Хазины 56, 68, 69, 400, 701
 Халатов А.Б. 448, 480
 Харджиев Н.И. 17, 18, 20, 22, 80–81, 87, 190, 194, 215–216, 218, 226, 270, 271, 282, 284, 286, 288, 290, 292, 293, 294, 298, 299, 300, 301, 303, 305, 306, 312, 337, 343, 367, 379, 382–384, 433, 438, 487, 491, 496, 510, 634, 683, 697, 706, 709
 Хемингуэй Эрнест 212, 232, 387–388
 Хенкин В.Я. 580
 Хенкин Вл.Я. 580
 Хенкин К.В. 371, 517, 577–581, 711
 Хенкина И.С. 581, 711
 Хинкис В.А. 223, 662–664, 666, 707
 Хинт А. 242
 Хлебников В.В. 214, 287, 301–302, 377–378, 454, 497, 594
 Хмельницкий Б. 62
 Холмгрен Бесс 404–405, 689
 Хомяков А.С. 251, 586–587
 Хоренский М. 569
 Хоружий С.С. 381, 663

- Хрущёв Н.С. 19, 91, 194–195, 199, 200,
224, 225, 427, 503, 689, 691,
706
- Хэйворд Макс 428, 442, 444
-
- Цветаяева М.И. 163, 207, 214, 255, 292,
338, 344, 418–419, 464, 499,
559–560, 564–566, 594, 634,
639, 701
- Цейтлин Б. 56
- Целан Пауль 17
- Цимеринов Б.М. 305
- Цукерберг Л.И. 516–517
- Цыгальский А.В. 475–476
- Цявловский М.А. 87
-
- Чаадаев П.Я. 571
- Чага Л.В. 288
- Чагин П.И. 88
- Чайковский П.И. 102
- Чаковский А.Б. 677
- Чаренц Е. 480, 571
- Чекрыгин В.Н. 326
- Чемоданов Н.С. 105
- Чернов В.М. 411
- Чернова-Колбасина (Андреева) О.В. 19,
262, 411, 414–416, 422–430
- Чернова-Сосинская А.В. 423
- Черноуцан И.С. 197
- Чехов А.П. 88, 169, 244–245, 596
- Чечановский М.О. 450
- Чичерин Г.В. 495
- Чудаков А.П. 679
- Чудакова М.О. 8, 677–680, 708
- Чуковская Л.К. 16, 270, 360, 404, 553,
679, 682–683, 687, 689
- Чуковский К.И. 130, 149, 159, 412, 553
- Чуковский Н.К. 130, 159, 214–215, 333,
335, 342, 451, 553
- Чулков Г.И. 244
-
- Шагинян М.С. 46
- Шаламов В.Т. 17, 214–215, 218, 255,
277, 278, 318, 331, 335–336,
338, 340–346, 349, 382, 442,
445–446, 505–506, 530, 549,
588, 600, 665–666, 682,
686–688, 708, 710
- Шаргородский С. 585–611
- Шарден, Тейяр де 18
- Шатилов Б.А. 302–303
- Шаховская З.А. 712
- Шаховская Т.М. 233
- Шаховской Д.М. 393
- Шаховской Иоанн, владыка 712
- Шашкова 458
- Шварц Е. Л. 553, 598
- Швейцер В.А. 216, 389, 395, 406, 494,
497, 502, 515, 709, 712
- Шевелева 277, 330, 522
- Шевченко Т.Г. 244
- Шелест Г.И. 694
- Шенберг Арнольд 535, 541
- Шенгели Г.А. 99, 104, 450, 630
- Шепилов Д.Т. 130
- Шервинский С.В. 462
- Шереметев Н.П., князь 394
- Шестов Л.И. 351
- Шилейко В.К. 476
- Шилов Л.А. 96
- Шифрин Н.А. 61, 366
- Шишмарев В.Ф. 103, 108, 109, 182
- Шкловская-Корди В.В. 17, 18, 19,
112–113, 118–119, 121,
124–136, 138–155, 157–163,
186, 208, 253, 275, 281, 317,
370, 386, 396–397, 403, 409,
512, 646, 657, 659, 662, 665,
667, 708–710
- Шкловская-Корди В.Г. 18, 19, 104, 110,
115, 118–137, 139, 141–146,
148–149, 152–157, 159–160,
186, 241, 253, 281, 370, 390,
409–410, 431, 706
- Шкловские (-Корди) 19, 78, 85, 112–115,
117, 201, 259, 342, 370, 417,
707
- Шкловский В.Б. 46, 80, 87–88, 117, 137,
143, 219, 417, 474, 481, 494,
706, 712
- Шкловский-Корди Н.Е. 112, 119–122,
124–125, 128, 133–137, 141,
143, 146, 148, 152, 155–156,
162, 163, 328, 370, 396, 399,
408–409, 431, 512, 656

- Шлёнский А.С. 582
 Шмелев А. 416
 Шмеман А. 415, 432–434
 Шодэ Август 166
 Шолохов М.А. 694
 Шольп О. 60
 Шостакович Д.Д. 255, 325
 Шрагин Б.И. 611
 Штатланд Эрнест 77
 Штейнберг А.А. 200, 204–205, 207, 211
 Штейнберг А.З. 435
 Штейнберг Э.А. 204
 Штемпель М.И. 375, 499
 Штемпель Н.Е. 14, 17, 18, 78, 81, 201,
 202, 203–204, 221, 227, 255,
 290–292, 321, 342, 374–376,
 410, 413, 486, 496–502,
 518–520, 523–525, 585–586,
 589–590, 592, 634, 669–673,
 703, 710
 Шуберт Франц 372, 467, 607, 609
 Шульгин В.В. 66
 Шумихин С.В. 17
-
- Щекин-Кротова А.В. 190, 193
 Щербаков А.С. 45, 46, 48, 49
 Щербакова И.Л. 574–577
-
- Эйхенбаум Б.М. 87, 316, 438
 Экстер А.А. 49, 61, 63, 67, 167, 193, 356,
 379, 504, 700
 Эльсберг Я.Е. 138, 197, 211, 212
 Энг, Ян ван дер 532, 619
 Энгельс Ф. 177, 696
 Энг-Лидмейер, Жанна ван дер 532–533
 Эренбург И.Г. 17, 42, 44, 67–68, 129–131,
 144, 180, 196, 214–215, 219,
 272, 288, 333, 335–338,
 341–342, 343, 361, 370, 442,
 451, 504, 514, 515, 516, 538,
 547, 553, 569, 588, 701, 706,
 710
 Эренбург Л.М. 67–68, 514, 701
 Эткин Е.Г. 435
 Эфрон А.С. 163, 564–565, 686
 Эфрос А.М. 72, 473, 495
 Эфрос Н.Д. 16, 72, 686
-
- Юдина М.В. 17, 260, 296, 325, 380, 418
 Южный Я.Д. 580
 Юдялис П. 520
 Юрасов 458
 Юренева В. 62, 63
 Юткевич С.И. 62, 379
-
- Яглом А.М. 659
 Яглом Ю. 659
 Языков Н.М. 245
 Якобсон А.А. 611
 Якобсон Р.О. 403, 434, 439, 455, 534,
 535
 Якобсон 455
 Якулова Д.С. 502
 Янонис Ю. 519
 Ярхо Б.И. 233
 Ярцева В.Н. 108–109
 Ястребова В.М. 222
 Яхонтов А.Н. 317
 Яхонтов В.Н. 216, 407, 497
 Яхонтова Е.Е. см. Попова

ОГЛАВЛЕНИЕ

.....

- 7 От составителя
10 *Павел Нерлер. Н.Я. Мандельштам в зеркалах этой книги*
-

I. ОСИП МАНДЕЛЬШТАМ — НАДЕЖДЕ ХАЗИНОЙ И НАДЕЖДЕ МАНДЕЛЬШТАМ: СТИХИ

- 25 Черепаха (“На каменных отрогах Пиэрии...”)
26 “Вернись в смесительное лоно...”
27 “С розовой пеной усталости у мягких губ...”
27 “Холодок щекочет темя...”
28 “Куда как страшно нам с тобой...”
28 “Мы с тобой на кухне посидим...”
29 “Я скажу тебе с последней прямотой...”
30 “Нет, не спрятаться мне от великой муры...”
30 Фазтонщик (“На высоком перевале...”)
32 “Полночь в Москве. Роскошно буддийское лето...”
34 Кама (“Как на Каме-реке глазу тёмно, когда...”)
35 “Твой зрачок в небесной корке...”
36 “Еще не умер ты. Еще ты не один...”
36 “О, как же я хочу...”
37 “Как по улицам Киева-Вия...”
37 “На меня нацелилась груша да черемуха...”

II. НАДЕЖДА ХАЗИНА И НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ — ОСИПУ МАНДЕЛЬШТАМУ: ПИСЬМА

III. НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ И О НАДЕЖДЕ МАНДЕЛЬШТАМ: ПИСЬМА. ВОСПОМИНАНИЯ. ОЧЕРКИ. МАТЕРИАЛЫ К БИОГРАФИИ

55 ВМЕСТЕ: ГОДЫ С ОСИПОМ МАНДЕЛЬШТАМОМ

- 55 *Михаил Кальницкий.* Надежда Яковлевна Мандельштам в Киеве
71 *Павел Нерлер.* Надежда Яковлевна Мандельштам в Струнине и Шортланды

84 КОЧЕВЫЕ СОРОКОВЫЕ И ПЯТИДЕСЯТЫЕ

- 84 “Место в сердце”, или “В чем секрет вечных дружб”: из писем Э. Г. Герштейн
Н. Я. Мандельштам
91 *Софья Богатырева.* Шесть писем из Ульяновска: письма
Н. Я. Мандельштам С. И. Бернштейну (1950–1952)
112 Дружба по гамбургскому счету: письма Н. Я. Мандельштам семейству
Шкловских-Корди (1955–1964)
164 *Александр Рассадин.* Надежда Яковлевна Мандельштам в Ульяновске
181 *Павел Нерлер.* Надежда Яковлевна Мандельштам в Чите
184 *Павел Нерлер.* Надежда Яковлевна Мандельштам в Чебоксарах
189 “Здесь художник со своим миром говорит...”: два письма
Н. Я. Мандельштам Р. Р. Фальку

194 КОЧЕВЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

- 194 *Павел Нерлер.* “Вопрос этот политический...”: вокруг письма
Н. Я. Мандельштам Н. С. Хрущеву
200 *Павел Нерлер.* Надежда Яковлевна и “Н. Яковлева” в Тарусе
206 *Алексей Симонов.* Баба-Яга для доброй сказки
211 *Раиса Орлова.* Вызволяя себя из прошлого
220 *Дмитрий Нечипорук.* Н. Я. Мандельштам в Пскове.
231 *Лариса Вольперт.* Встречи во Пскове
233 “Теперь мы соседи. Установим дружбу...”: письма
Н. Я. Мандельштам Э. Г. Минц и Ю. М. Лотману (1962–1966)
253 “Юленька, ненаглядюшка!”: письма Н. Я. Мандельштам Ю. М. Живовой
и И. Д. Рожанскому (1962–1967)
272 “Но только не забывайте про себя...”: письма Н. Я. Мандельштам Н. В. Кинд
(1965–1966)
279 “Но я за вами буду следовать всю жизнь...”: письма А. А. Морозова
Н. Я. Мандельштам (1962–1964)

- 315 “Милые мои маймишата...”: письма Н. Я. Мандельштам Е. А. Маймину и Т. С. Фисенко (1964–1966)
- 332 *Павел Нерлер*. “Я к величаниям еще не привык...”: Н. Я. Мандельштам на вечере памяти О. Э. Мандельштама (Мехмат МГУ, 1965)
- 343 Эпизод непонимания: Н. Я. Мандельштам, О. С. Неклюдова и В. Т. Шаламов
- .....

348 ОСЕДЛЫЕ ШЕСТИДЕСЯТЫЕ

- 348 *Елена Мурина*. О том, что помню про Н. Я. Мандельштам
- 394 *Людмила Сергеева*. “Мы с тобой на кухне посидим...”: мое общение с Надеждой Яковлевной Мандельштам
- 411 *Ольга Карлайл*. Надежда Яковлевна Мандельштам: воспоминания и переписка
- 434 *Кларенс Браун*: Воспоминания о Н. Я. Мандельштам и беседы с ней
- 484 *Лето 1967 года в Верее*: Н. Я. Мандельштам в дневниковых записях Вадима Борисова
- 502 “За многие годы вы для меня самый близкий художник...”: письма Н. Я. Мандельштам Б. Г. Биргеру
- 518 *Томас Венцлова*. Осуществившие божий проект: на полях переписки с Н. Я. Мандельштам, Н. Е. Штемпель и А. А. Морозовым
- 525 *Кейс Верхейл*. Н. Я. Мандельштам и ее голландский гость
- 547 *Дженнифер Бейнз*. Воспоминания о Надежде Яковлевне
- 550 *Леонид Григорьян*. Неизвестное стихотворение О. Мандельштама
- .....

557 ОСЕДЛЫЕ СЕМИДЕСЯТЫЕ

- 557 *Пэгги Труппин*. Мудрец и аспирантка — о Надежде Яковлевне Мандельштам (1970–1971)
- 568 *Георгий Кубатьян*. “Вторая после Солженицына антисоветчица...”: два письма от Надежды Яковлевны (1971)
- 574 *Ирина Щербакова*. Свободный человек
- 577 *Никита Кривошеин*. Прощание с Н. Я. Мандельштам, 1971 год
- 580 *Павел Нерлер*. Несостоявшаяся эмиграция: вокруг письма Н. Я. Мандельштам Н. А. Струве (конец 1973)
- 584 *Давид Маркиш*. Справка для Надежды Яковлевны
- 585 “Узел жизни, в котором мы узнаны...”: Майя Каганская о Надежде Мандельштам
- 611 *Ирина Глинка*. Надежда Яковлевна Мандельштам
- 619 *Александр Жолковский*. Визит к старой даме
- 621 *Елена Пастернак*. Детская привычка
- 625 *Елена Васильева*. “Мы с тобой на кухне посидим...”
- 627 *Евгений Рашковский*. Н. Я. Мандельштам у архимандрита Тавриона
- 629 *Виктор Есипов*. Два дня с Надеждой Яковлевной
- 635 *Софья Смоляницкая*. Баба Надечка
- 636 *Борис Мессерер*. Струйка дыма

.....

642	ПОСЛЕДНИЙ ГОД ЖИЗНИ, СМЕРТЬ, ПОХОРОНЫ
642	<i>Людмила Сергеева.</i> “Паутинка шотландского пледа...”
648	<i>Вера Лашкова.</i> Памяти Надежды Яковлевны Мандельштам
652	<i>Наталья Столярова.</i> “Я сегодня дежурю у Надежды Яковлевны...”
655	<i>Белла Ахмадулина.</i> Сосредоточься на мгновенье
656	<i>Михаил Левин.</i> Дневниковые записи о похоронах Надежды Яковлевны Мандельштам
660	<i>Протоиерей Александр Борисов.</i> Воспоминания о Н.Я. Мандельштам
662	<i>Елена Захарова.</i> “Бог сохраняет всё...”
669	<i>Наталья Штемпель.</i> Похороны Надежды Яковлевны Мандельштам

IV. НАДЕЖДА МАНДЕЛЬШТАМ: ПОПЫТКИ ОСМЫСЛЕНИЯ

677	<i>Мариэтта Чудакова.</i> Часы литературной эволюции пошли
681	<i>Андрей Битов.</i> “Стоять с прямой спиной и немножко приподняв голову...”
682	<i>Дмитрий Быков.</i> “Она показала, что XX век сделал с человеком...”
684	<i>Дмитрий Нечипорук.</i> “Переоценка ценностей”: Надежда Мандельштам как политический комментатор послесталинской эпохи
700	Труды и дни Н.Я. Мандельштам
714	<i>Список сокращений</i>
715	<i>Список цитированных источников</i>
716	<i>Краткий именной указатель</i>

Литературно-художественное издание

*“Посмотрим,
кто кого переупрямит...”*

Надежда Яковлевна
Мандельштам
в письмах, воспоминаниях,
свидетельствах

16+

Главный редактор Елена Шубина
Ведущий редактор Полина Потехина
Технический редактор
Корректоры Наталья Митрофанова, Людмила Михайлова
Верстка Андрей Кондаков

Подписано в печать 5.10.2015.
Формат 60×90/16.
Усл. печ. л. 46. Тираж 3000 экз.
Заказ №

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

 <http://facebook.com/shubinabooks>

 <http://vk.com/shubinabooks>

ООО “Издательство АСТ”

129085 г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 3, комната 5

Наш электронный адрес: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

“Баспа Аста” деген ООО

129085 г. Мәскеу, жұлдызды гүлзар, д. 21, 3 құрылым, 5 бөлме

Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru

E-mail: astpub@aha.ru

По вопросам оптовой покупки книг обращаться по адресу:

123317, г. Москва, Пресненская наб., д. 6, стр. 2, БЦ “Империya”, а/я №5

Тел.: (499) 951 6000, доб. 574

Қазақстан Республикасында дистрибьютор және өнім бойынша арыз-талаптарды қабылдаушының өкілі “РДЦ-Алматы” ЖШС, Алматы қ., Домбровский көш., 3 “а”, литер Б, офис 1.

Тел.: 8 (727) 2 51 59 89,90,91,92, факс: 8 (727) 251 58 12 вн. 107;

E-mail: RDC-Almaty@eksmo.kz

Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген

Охраняется законом РФ об авторском праве. Воспроизведение всей книги или любой ее части воспрещается без письменного разрешения издателя.

Любые попытки нарушения закона будут преследоваться в судебном порядке